

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Издается с 1997 года

ВЫПУСК 2 (130) 2013

ТОМСК
2013

Главный редактор:

В. В. Обухов, доктор физико-математических наук, профессор

Редакционная коллегия:

*К. Е. Осетрин, доктор физико-математических наук, профессор (зам. главного редактора);
Н. С. Болотнова, доктор филологических наук, профессор;
И. Л. Бухбиндер, доктор физико-математических наук, профессор, засл. деятель науки РФ;
В. В. Быконя, доктор филологических наук, профессор;
В. Е. Головчинер, доктор филологических наук, профессор;
В. Н. Долгин, доктор биологических наук, старший научный сотрудник;
Л. И. Инишева, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, чл.-корр. РАСХН;
С. В. Ковалёва, доктор химических наук, профессор;
А. Д. Копытов, доктор педагогических наук, профессор, чл.-корр. РАО;
Ю. В. Куперт, доктор исторических наук, профессор;
В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, засл. деятель науки РФ;
И. В. Мелик-Гайказян, доктор философских наук, профессор;
Э. И. Мецзякова, доктор психологических наук, профессор;
С. Д. Одинцов, доктор физико-математических наук, профессор;
Л. М. Плетнёва, доктор исторических наук, старший научный сотрудник;
С. И. Поздеева, доктор педагогических наук, доцент;
В. И. Ревякина, доктор педагогических наук, профессор;
М. А. Хатямова, доктор филологических наук, доцент*

Научные редакторы выпуска:

А. Н. Кошечко, Т. В. Галкина, О. В. Орлова

Учредитель:

ФГБОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет»

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел.: (3822) 52-17-58

Адрес редакции:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
Тел.: (3822) 52-17-94, факс: (3822) 52-17-93. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано в типографии ТГПУ:

ул. Герцена, 49, Томск, Россия, 634061. Тел.: (3822) 52-12-93

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-51990 от 07.12.2012 г.

Подписано в печать: 22.02.2013 г. Сдано в печать: 26.02.2013 г. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 30.50. Тираж: 1000 экз. Цена свободная. Заказ: 724/Н

Выпускающий редактор: Л. В. Домбраускайте. Технический редактор: С. Н. Чуков. Корректоры: Г. В. Кругликова, Е. В. Литвинова

© ФГБОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет», 2013. Все права защищены

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF RUSSIAN FEDERATION

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

Scientific Journal
Published since 1997

ISSUE 2 (130) 2013

**TOMSK
2013**

Editor in Chief:

V. V. Obukhov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor

Editorial Board:

K. E. Osetrin, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, (Deputy Editor in Chief);

N. S. Bolotnova, Doctor of Philology, Professor;

I. L. Buchbinder, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Honoured RF Scholar;

V. V. Bykonya, Doctor of Philology, Professor;

V. E. Golovchiner, Doctor of Philology, Professor;

V. N. Dolgin, Doctor of Biology;

*L. I. Inisheva, Doctor of Agricultural Science, Professor, Corresponding Member
of the Russian Academy of Agriculture;*

S. V. Kovaleva, Doctor of Chemistry, Professor;

A. D. Kopytov, Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Education;

Y. V. Kupert, Doctor of History, Professor;

V. V. Laptev, Doctor of Pedagogy, Professor, Member of Russian Academy of Education, Honoured RF Scholar;

I. V. Melik-Gaykazyan, Doctor of Philosophy, Professor;

E. I. Mescheriakova, Doctor of Psychology, Professor;

S. D. Odintsov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor;

L. M. Pletneva, Doctor of History;

S. I. Pozdeeva, Doctor of Pedagogy, Associate Professor;

V. I. Revyakina, Doctor of Pedagogy, Professor;

M. A. Khatyamova, Doctor of Philology, Associate Professor

Scientific Editors of the Issue:

A. N. Koshechko, T. V. Galkina, O. V. Orlova

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

Address:

ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel.: +7 (3822) 52-17-58

Corresponding address:

ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

Tel.: +7(3822) 52-17-94, fax: +7(3822) 52-17-93. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed in the TSPU publishing house:

ul. Gerzena, 49, Tomsk, Russia, 634061. Tel.: +7(3822) 52-12-93

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Communications (Roskomnadzor)
PI No FS77-51990, issued on 07.12.2012.

Approved for printing on: 22.02.2013. Submitted for printing: 26.02.2013. Format: 60×90/8. Paper: offset.

Printing: screen. Edition: 1000. Price: not settled. Order: 724/H

Production editor: L. V. Dombrasuskayte. Text designer: S. N. Chukov. Proofreading: G. V. Kruglikova, E. V. Litvinova

© Tomsk State Pedagogical University, 2013. All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

КОНЦЕПЦИИ СЕМЬИ В ПАРАДИГМАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И АВТОРСКИХ МОДЕЛЯХ

<i>Трубицына В. В.</i> Семейные ценности в традиционной народной лирической песне и их трансформации в литературной песне XIX века	9
<i>Павлова Д. А.</i> Тема «отцов и детей» в романе Н. Н. Берберовой «Последние и первые»	16
<i>Аксёнова Н. В.</i> Образ английской семьи в повести Е. И. Замятина «Островитяне»	20
<i>Пестерев С. К.</i> Сфера частной жизни политических персонажей в очерках М. А. Алданова	26
<i>Тютелова Л. Г.</i> Проблема «отцов и детей» в драматургии Горького и Найдёнова	30
<i>Русанова О. Н.</i> Тема семьи в пьесе Е. Шварца «Повесть о молодых супругах»	35
<i>Сафонова Е. А.</i> Образ жены – любимой женщины в лирических сборниках Николая Оцупа «Град» и «В дыму»	42
<i>Ащеулова И. В.</i> Семейная хроника как формирование исторической памяти поколений в романе В. Шарова «След в след»	48
<i>Губайдуллина А. Н.</i> Функции героев и семейные роли в книге С. Седова «Сказки про мам»	54
<i>Рытова Т. А.</i> Абсурд семейных отношений и поэтика конфликта в драматургическом сюжете пьес К. Драгунской «Пить, пить, плакать» и Е. Исаевой «Первый мужчина»	58
<i>Чернявская Ю. О.</i> Традиции антиутопии в повести В. Пелевина «S.U.F.F.»	64

РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА, ИСТОРИЯ И ПОЭТИКА

<i>Разумова Н. Е.</i> О надёжности переводных текстов в преподавании зарубежной литературы	69
<i>Аблогина Е. В.</i> Переводы «Горя от ума» на английский язык: в поисках эквивалента русского ментального концепта	76
<i>Сарсенова И. Ж.</i> Личность и социум в повести А. И. Герцена «Сорока-воровка»	83
<i>Капустина Е. А.</i> Поэзия о трагическом противостоянии (на материале «канареечного текста» И. А. Бунина, С. А. Есенина и др.)	89
<i>Кашафутдинова З. М.</i> Образ «новой» женщины в романе Клеменса Брентано «Годви»	96
<i>Санникова И. Р.</i> Религиозно-философское своеобразие лирики Валерия Перелешина	101
<i>Джола Е. Д.</i> Выбор документа как основы конфликта в пьесе Иона Друцэ «Возвращение на круги своя»	108
<i>Лисовская Г. К.</i> Типология коми рассказа 20-х годов XX века	114

ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Фомина Т. Ю.</i> Епископская власть в домонгольской Руси: постановка проблемы	118
<i>Фефелова О. А.</i> Потомок польского шляхтича сибирский православный иерарх Иоанний (Павлуцкий). 1699–1763 годы	123
<i>Волжанина Е. А.</i> Особенности переписи традиционного хозяйства кочевого населения Ямала в первой трети XX века	128
<i>Грошева Г. В.</i> Белорусы в профессорско-преподавательском составе Томского государственного педагогического института в 1930–50-х годах (по материалам Архива ТГПУ)	133

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Мухин О. Н.</i> Абсолютизм vs самодержавие: еще раз к дефиниции понятий	142
<i>Кариков С. А.</i> Политика лютеранской конфессионализации в Саксонии во второй половине XVI века	150

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Морозов Н. М.</i> Идея манихейской цивилизации в современной отечественной историографии	154
<i>Зайцева Т. И.</i> Специфика государственно-территориального развития Франции и Германии в начале раннего Нового времени (по материалам историографии)	159

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Алиева А. Т.</i> Инновации в повышении плотности урока	165
<i>Артеменко Н. А.</i> О способах формирования умений рефлексивной деятельности будущих специалистов-филологов	168
<i>Гончаренко В. Н.</i> Умберто Эко о возможности сказать «почти то же самое» в контексте теории лингвистической относительности	173
<i>Дубина Л. В.</i> Тенденции развития русского языка в условиях интернет-коммуникации	177
<i>Ковалевская Е. Н., Гайворонская А. В.</i> Организация деятельности в педагогической мастерской как условие развития профессиональной культуры педагога в новых образовательных условиях	182
<i>Никитина Д. Н.</i> Концепт «нефть» в дискурсе журналиста нефтяного моногорода	186
<i>Бабенко И. И., Орлова О. В.</i> Аксиологический профиль концепта «нефть» в языковом сознании жителей г. Баку (на материале лингвистического эксперимента)	190

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Галкина Т. В.</i> Адаптация и апробация психологических методов исследования музейной аудитории в Государственном историко-архитектурном и этнографическом музее-заповеднике «Кижы» (Карелия)	195
<i>Тучкова Н. А.</i> Фольклорные тексты с героем Итя в собрании А. И. Кузьминой	205
<i>Макогон Т. И.</i> Возможности объектно-предметных констелляций в исследовании местных сообществ	209
<i>Карлухина Т. П.</i> Эстетический аспект взаимодействия морфемного повтора и синтаксического параллелизма в английской художественной прозе	216

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Полева Е. А., Русанова О. Н.</i> Концепции семьи в парадигмах художественного сознания и авторских моделях: итоги VI Всероссийской с международным участием научной конференции «Русская литература в современном культурном пространстве» (ТГПУ, 13–14 сентября 2012 года)	223
<i>Грошева Г. В., Зайцева Т. И., Плетнёва Л. М., Сазонова Н. И., Тучкова Н. А.</i> Итоги Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «IV Исторические чтения Томского государственного педагогического университета» ..	229

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Слово прощания Елене Константиновне Ромодановской	235
---	-----

НАШИ АВТОРЫ

.....	236
-------	-----

OUR AUTHORS

.....	240
-------	-----

CONTENTS

THE CONCEPT OF FAMILY IN THE PARADIGMS OF ARTISTIC CONSCIOUSNESS AND AUTHOR'S MODELS

<i>Trubitsyna V. V.</i> Family Values in the Traditional Folk Lyric Song and Their Transformations in the Literature Song of the 19th Century	9
<i>Pavlova D. A.</i> The Topic of "Fathers and Children" in Berberova's Novel "The Lasts and the Firsts"	16
<i>Aksenova N. V.</i> The Image of the English Family in Zamyatin's Novel "The Islanders"	20
<i>Pesterev S. K.</i> Private Life of Political Characters in Aldanov's Essays	26
<i>Tyutelova L. G.</i> The "Fathers and Children" Problem in Naidyonov and Gorky's Drama	30
<i>Rusanova O. N.</i> The Model of the Family in the Shvarts' Play "A Story of a Young Couple"	35
<i>Safonova E. A.</i> The Image of Wife – the Beloved in Nikolay Otsupa's Lyrical Collections "Hailstones" and "In the Smoke"	42
<i>Asheulova I. V.</i> Family Chronicle as Formation of Historical Memory of the Generations in the Novel "Walk in the Tracks" by V. Sharov	48
<i>Gubaidullina A. N.</i> Functions of the Characters and Family Roles in the Book by S. Sedov "Tales about Mothers"	54
<i>Rytova T. A.</i> The Absurdity of Family Relationship and the Poetics of the Conflict in the Story of Dramaturgical Plays by K. Dragoonskaya "To Drink, Sing, Cry" and by E. Isaeva "The First Man"	58
<i>Tchernyavskaya Y. O.</i> Tradition of the Genre in a Dystopian Novel by V. Pelevin "S.N.U.F.F."	64

RUSSIAN AND INTERNATIONAL LITERATURE: PROBLEMS OF TRANSLATION, HISTORY AND POETICS

<i>Razumova N. E.</i> The Level of Reliability of Translated Texts in Teaching Foreign Literature	69
<i>Ablogina E. V.</i> Translations of "Gore ot Uma" into English: in Search of the Russian Mental Concept's Equivalent	76
<i>Sarsenova I. Z.</i> Personality and Society in the Novel by A. I. Herten "The Thieving Magpie"	83
<i>Kapustina E. V.</i> Poetry about Tragic Opposition (Data: "The Canary Text" by I. A. Bunin and S. A. Yesenin and others)	89
<i>Kashafutdinova Z. M.</i> The Image of the "New" Woman in the Novel "Godwi" by Clemens Brentano	96
<i>Sannikova I. R.</i> Religious and Philosophical Originality of the Lyrics by Valery Pereleshin	101
<i>Dzhola E. D.</i> Document Choice as Base of Conflict in Iona Drutse's Play "Returning to Own Circles"	108
<i>Lisovskaya G. K.</i> The Typology of the Komi Story 20-ies of the 20th Century	114

HISTORY OF RUSSIA

<i>Fomina T. Y.</i> Authority of Bishops in Pre-Mongolia Russia: the Problem	118
<i>Fefelova O. A.</i> The Descendant of the Polish Gentleman Ioannikiy (Pavlutski) the Siberian Orthodox Bishop. 1699–1763	123
<i>Volzhanina E. A.</i> Specific Character of Descriptions of Traditional Economy of Yamal Nomadic Population at the First Third of the 20th Century	128
<i>Grosheva G. V.</i> The Belarusians in Higher Education Teaching Personnel of Tomsk State Pedagogical Institute in 1930–50-ies (Data of TSPU Archives)	133

WORLD HISTORY

<i>Mukhin O. N.</i> Absolutism vs Autocracy: Returning to the Definition of the Concepts	142
<i>Karikov S. A.</i> The Policy of Lutheran Confessionalization in Saxony in the Second Half of the 16th Century	150

CHRONOLOGY AND HISTOGRAPHY

<i>Morozov N. M.</i> Manichean Idea of Modern Civilization in the National Historiography	154
<i>Zaytseva T. I.</i> Specific Features of the State-Territorial Development of France and Germany at the Beginning of Early New Time (on the Historiographical Materials)	159

LINGUISTIC AND CULTURAL EDUCATION

<i>Aliyeva A. T.</i> Innovations in Increasing Content of the Lesson	165
<i>Artemenko N. A.</i> About Ways of skills Formation Of Reflective Activity Of Future Specialists Philologists	168
<i>Goncharenko V. N.</i> Humberto Eko About the Possibility to Tell "Almost Same" in the Context of the Linguistic Relativity Theory	173
<i>Dubina L. V.</i> Trends of Developments of the Russian Language in the Context of Internet-Communication	177
<i>Kovalevskaya E. N., Gayvoronskaya A. V.</i> The Activity Organization in the Pedagogical Workshop as the Condition of Development of Professional Culture of the Teacher in New Educational Conditions	182
<i>Nikitina D. N.</i> The Concept "Oil" in the Discourse of an Oil Monotown Journalist	186
<i>Babenko I. I., Orlova O. V.</i> Axiological Profile of the Concept "Oil" in Language Consciousness of Inhabitants of Baku (Data of a Linguistic Experiment)	190

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

<i>Galkina T. V.</i> Adaptation and Testing of the Research Methods of Museum Audience in the Kizhi State Historico-Architectural and Ethnographic Reserve Museum (the Republic of Karelia)	195
<i>Tuchkova N. A.</i> Folklore Stories of Itya in the Archive of A. I. Kuzmina	205
<i>Makogon T. I.</i> Capabilities of the Object-Subject Constellations in the Study of Local Communities	209
<i>Karpukhina T. P.</i> Aesthetic Aspects of the Interrelation of Morphemic Repetition and Syntactical Parallelism in English Artistic Prose	216

SCIENTIFIC LIFE

<i>Poleva E. A., Rusanova O. N.</i> The Concept of Family in the Paradigm of Artistic Consciousness and the Author's Model: Results of the 6th National with International Participants Conference «Russian Literature in the Contemporary Cultural Context» (TSPU, 13–14th September 2012)	223
<i>Grosheva G. V., Zaytseva T. I., Pletneva L. M., Sazonova N. I., Tuchkova N. A.</i> Results of the National and Practical with International Participants Conference "Fourth History Readings of Tomsk State Pedagogical University"	229

IN MEMORY OF SCHOLAR

In Memory of Elena Konstantinovna Romodanovskaya	235
--	-----

AUTHORS (In Russian)

.....	236
-------	-----

AUTHORS (In English)

.....	240
-------	-----

КОНЦЕПЦИИ СЕМЬИ В ПАРАДИГМАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И АВТОРСКИХ МОДЕЛЯХ

УДК 821.161.1-398.8

В. В. Трубицына

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ ЛИРИЧЕСКОЙ ПЕСНЕ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕСНЕ XIX ВЕКА

Рассматриваются традиционные народные песни с позиции выявления в них нравственных семейных ценностей и идеального представления о браке. Исследуется процесс наследования и трансформации сюжетов, образов и мотивов, связанных с семейной темой, в литературной песне XIX в.

Ключевые слова: народная песня, литературная песня, лирика XIX в., фольклор.

Семья в понимании крестьянина являлась неприменимым и важнейшим условием жизни каждого человека. Из этнографических записей конца XIX в. становится понятно, что холостой образ жизни воспринимался как отклонение от нормы: «Неженатый не считается у нас настоящим крестьянином. <...> На него смотрят отчасти с сожалением, как на нечто нецельное, отчасти с презрением» (Ильинская волость Ростовского уезда Ярославской губернии); «Холостому быть хозяином общество запрещает» (Болховский уезд Орловской губернии) [1, с. 170]. Подобное понимание значения семьи в жизни человека и ценности семейных отношений фиксируется и в народных песнях: «*На што было, к чему свивать тепло гнездо? / Нет у меня, у сокола-соколинушки, / У меня ли, у доброго молодца, молодой жены!*» [2, с. 144].

Созданию семьи предшествовало понимание уровня собственной ответственности за проявленный интерес к противоположному полу и добрые отношения, как отмечает В. А. Кравчинская: «Народная мораль требует, чтобы любовь была закреплена браком» [3, с. 417]. Поэтому в любовных лирических песнях мотив брака свидетельствует о естественности течения событий, их правильности с точки зрения народной морали. Диалог влюбленных девушки «*семнадцати лет*» и молодчика «*до двадцати лет*» заканчивается следующим предложением: «*Милая, хорошая, садись, увезу!*» – / «*Миленький, хорошенький, куда увезешь?*» – / «*А вот, моя красавица, к венчанью увезу*» [2, с. 194].

Традиционная установка – «*Не сосватавшись, красну девицу нельзя замуж взять*» [2, с. 184] – наметает последовательность этапов взаимоотношения будущих супругов и одновременно налагает

табу на «вольность» в проявлении чувств. Обращаясь к парню, девушка просит его «*не ходить мимо сада*», не порочить ее честь, поскольку проявление любовного интереса не должно быть явным, иначе «*худа славушка пройдет, никто замуж не возьмет*». Для участия в любовном свидании героини нужно одобрение родителей: «*Пошлю к другу служеньку молодую. / Сама б я млада, пошла, да боюсь, / Пойду к батюшке да спрошуся, / Сударыне матушке доложуся*» [2, с. 164]. Помнит героиня и о своей сопричастности к чести всего рода: «*Отцу с матери – бесчестье, / Роду-племени – покор; / <...> / Мне – головушка долой!*» [2, с. 173].

Фигура отца выступает в качестве хранителя непорочности и нравственности девушки: «*Что не знала красна девица, / Как пришел ее родимый батюшка; / Красна девица испугалась, / <...> / Ясны соколы разлетелися, / Черны соболи разбежались*» [2, с. 153–154]. При этом воля отца считается нерушимой и его требования выполняются неукоснительно. На приглашение парня прогуляться девушка отвечает обоснованным отказом: «*Не кричи во весь народ; / Мой батюшка у ворот; / Зовет меня в огород / Чесноку, луку полоть*» [2, с. 140]. Значимость отца для героини просматривается и в самостоятельной семейной жизни. «Молодка» похваляется своим трудом и способностью наладить хозяйство и мир в новой семье, заручаясь поддержкой и одобрительным мнением отца: «*Сударь батюшка родимый / Будет по саду ходити, / Изюм-ягоду щипати, / Меня, младу, похваляти: / Что горзда сад садити, / Что горзда поливати, / От морозу укрывати*» [2, с. 224].

Во взаимоотношениях молодой девушки с «батюшкой» и «матушкой», заботящихся о воспита-

нии трудовых навыков и понятий о добродетели в своих детях, возможны две линии поведения – примирение с их волей, выполнение их требований: «Уж ты, матушка родимая моя! / Ты не лиха, ты не добра для меня, / <...> / Призаставила цветочки полоть, / Призаставила лазоревые! / <...> / Я полю цветы – не полуются, / Перемены молодой хочется» [2, с. 153] и протест, проявляемый в риторическом восклицании: «Что отец, да что за мать – / Не дают волю гулять» [2, с. 164], или в прямой просьбе: «Пусти меня, матушка, погуляти» [2, с. 164]. В связи с запретом и представлением о целомудренности возникает и мотив тайного свидания, скрывающего любовные чувства от глаз родителей и посторонних: «Ты не улицей ходи, / Не прямой ко мне гуляй – / Переулками; / <...> / Ты не речью говори, / Не словами знать давай – / Соловьём свищи, / Чтоб я, красна девица, / Лишь одна, твоя милая, / Догадалась» [2, с. 148].

Поскольку запрет на тайные гуляния связан с сохранением чести девушки, то нарушение запрета влечет, как правило, наказание от родителей: «Меня батюшка бил-бил, / Родна матушка била-била, / <...> / Со этих побоев три неделюшки пролежала, / Со постелюшки не вставала» [2, с. 167]. Если и это не останавливает своевольную дочь, то ее жизнь оборачивается позором и несчастьем: «Жалобу творит красна девица, / На заезжего добра молодца, / Что сманил он красну девицу / Что от батюшки и от матушки, / И завез он красну девицу / На чужую сторону, / На чужую дальну, незнакомую, / Что завезиши, хочет кинуть» [2, с. 173]; «Что покинувши парень красну девицу, / В глаза насмеялся, / Обесчестил-то парень красну девицу / При всем при народе» [2, с. 174]. Таким образом, песня предостерегает девушек от послушания воле родителей, что неизменно ведет к беде.

Родительские запреты, касающиеся добрачного поведения девушки, после брака начинают восприниматься как защита, забота. Именно родители и род-семья становятся для героини оплотом беззаботной девичьей жизни и адресатом жалоб в семейных песнях: «Ах, да распроклятая жизнь замужняя, / Жизнь наша замужняя / Ах, да я у матушки, как цветок цвела, / Как цветок цвела / Ах, да я у батюшки жила, как веночек плела» [2, с. 221]; «Воля, воля красным девушкам гулять, / Нету волюшки молодушкам гулять» [2, с. 172]. Обращаясь к соловью, героиня просит его слетать к родной матушке и передать ей «поклон до земли» и просьбу, «чтоб не плакала» [2, с. 224]. Функцию защитника может выполнять и брат, к которому героиня обращается с просьбой укрыть ее «от темных ночи, от лютотого зверя» [2, с. 236]. Осознание себя частью рода и значительности семейной поддержки-защиты часто встречается в так называемых

сиротских песнях: «Хорошо тому жить на сем свете; / У кого как есть и отец и мать, / И отец, и мать, и брат, сестра, / Ах и брат, сестра, что и род-племя» [2, с. 215].

Специфику семейных отношений крестьян формировал сложившийся патриархальный уклад жизни русских, отягощенный крепостным строем. Насильственный брак являлся достаточно распространенным явлением в крестьянской крепостной России, поэтому целый ряд песен отражает страдания молодых людей, вступающих в брак против своей воли: «Про тебя, мой друг, словечко слышала: / Тебя, миленький, женить скоро хотят, / Меня, девушку, засватали сейчас; / Тебя женят, меня замуж отдают» [2, с. 168]. В семейных песнях одним из частотных становится образ старого нелюбимого мужа: «Меня замуж отдают / не за милого за друга – / За старого старика, / За старого, за седого, / За седую бороду, / За большую голову» [2, с. 166], ограничивающего личностное пространство героини: «Ах, прошли, прошли веселые часы, / Миновала наша прежняя гульба – / Доставалась старому молодца... / Не пускает стар на улицу гулять, / Если пустит – сам за ней вослед идет!» [2, с. 145].

Поэтому особенно ценным становится брак по взаимной любви парня и девушки, равных друг другу по возрасту и материальному положению. От брака со старым и малым девушка отказывается, хотя за ними дают богатые подарки («золоту гривну», «золоту парчу»), соглашаясь на брак с «ровнюшкой»: «Еще хочет меня батюшка / За ровнюшку отдать. / А вон ровнюшка идет, / Пятьдесят рублей несет; / Пятьдесят рублей приму / И за ровнюшку пойду!» [2, с. 169]. В просьбе девушки к отцу звучит народное представление о браке как союзе, основанном на моральных качествах человека: «Не мечись на большое богатство, / Не гляди на высоки хоромы, / Не с хоромами жить, с человеком, / Не с богатством жить мне, с советом» [2, с. 223].

Любовь ставится превыше богатства и дорогих подарков: «Мне не дорог твой подарок – / Дорога твоя любовь. / Не хочу перстня носить, / Хочу так дружска любить» [2, с. 140]. Ценность «перстенечка» или «колечка» определяется только лишь его символической связью с замужеством, намеком на него: «Кумачу я не хочу, / Китаечки не ношу. / Если любишь, душа, купишь / Золото колечко / Прижму ко сердечку» [2, с. 141], или напоминанием о верности в разлуке: «Не забудь меня, задушевный друг! / Чаще взглядывай ты на перстень мой» [2, с. 209].

Молодой возраст жениха даже в браке поневоле воспринимается героиней как обнадеживающий фактор. Следуя поговорке «стерпится – слюбится»

и народному пониманию, что женщина является источником, дарительницей и хранительницей любви, равный брак является хорошей основой для возникновения глубокой душевной привязанности супругов: «*Вдруг присватался молодчик молодой, / Принес девушке подарок дорогой! / <...> / Мне подарок принять хочется, / Молодца любить не хочется, / <...> / Я подарочек, наверно, приму! / Я молодчика, наверно, полюблю!*» [2, с. 153].

В браке заступником и наставником молодой жены становится ее муж: «*А я с милым другом в совете жила, / Научил меня милый друг, как свекру сказать, / Как свекру сказать, свекровье отказать*» [2, с. 230]. Муж может защитить супругу от нападений своей родни (свекра, свекрови, деверей, золовок): «*Он на лавочке лежит, одну речь говорит: / “Ой, полно вам, собаки, на мою жену рычать...”*» [2, с. 232]. В конфликтной ситуации (жена – родня) от мужчины требуется разумность и гибкость. Вынужденный подчиняться воле отца и его советам о том, как надо плеткой «жену учить», но в то же время жалея жену, любящий муж находит выход, как батюшку «потешить» и жену «не сувечить»: «*Вдарю по стене, скажут: по жене, / Вдарю по подушке, скажут: по жenuшке*» [2, с. 239]. В другой песне проговаривается, что нельзя мужу «жену бити», и рисуется раскаяние героя, нарушившего совет: «*Я уж бил жену часочек, / Сам плакал годочек; / Я проплакал ясны очи, / По четыре ночи / По четыре долги ночи / Крушил свое сердце, / Пойду жене покорюся, / В ноги поклонюся*» [2, с. 240].

От жены также требуется разумное решение семейных ссор, только по-женски, посредством смирения: «*Уж я мужнину грозу в узелочек завяжу, / В узелочек завяжу, в уголочек положу, / В уголочек положу, а сама гулять пойду; / Где узел-то лежит, там угол задрожит*» [2, с. 232]. Поощряется доброе отношение и уважение к родне мужа и запрет на «вынесение сора из избы». Мать дает совет дочери: «*Ты, родимое мое дитячко, / Ты носи платье, да не складывай / Ты терпи горе, да не сказывай!*» [2, с. 223]. Молодая жена на вопрос о том, как к ней относятся в новой семье, отвечает: «*У меня свекор – / Ровно батюшка родимый; / У меня свекровь – Точно матушка родима, / Журит, бранит дома, / В чужих людях хвалит*» [2, с. 243].

В ответ на любовь-защиту мужа жена проявляет любовь в виде признаний: «*Ой, я сама да ему напишу, / всю свою да любовь расскажу*» [2, с. 243], «*Ой, и лучше б нам да уместит итти / Да уместит итти, да не розниться*» [2, с. 244] и заботы: «*Стану с мужа кафтан скидovati, / <...> / Только стану, стану мужа разувати*» [2, с. 241]. Сохранение верности в браке («*Вечеру меня помолвили, / Завтра будут поезжалые; / Привезут ко божьей*

церкви, / Я достануся иному, друг, / И верна буду по смерть мою» [2, с. 180]), запрет на любовь к женатому («*Полюбить женатого – / Жена-то рассердится*» [2, с. 170]) или замужней становятся реализацией представления о целомудрии человека и залогом сохранения семьи.

Взгляд крестьянства на возможность второго брака после смерти одного из супругов (обычно смерти мужа) двояк. Незавидная участь вдовы выражается в перечислении «кручин»: «*Первая кручина – нет ни дров, ни лучины, / Другая кручина – нет хлеба и соли, / Третья кручина – молода овдовела, / Четверта кручина – малых детушек много, / А пятое горе – нет хозяина в доме*» [2, с. 254]. А положение вдовы приравнивается к сиротской доле: «*При муже жена / Славная госпожа; / без мужа жена – / Да горька сирота*» [2, с. 253]. Возможность обрести счастье связана с правом на второй брак. Сюжет о смерти солдата на чужой стороне обычно сопровождается мотивом наказания жене, в котором ей «предоставляется полная свобода решения своей судьбы:

Молодой жене – своя воля.

Хоть вдовой сиди, хоть замуж поди.

Муж не связывает жену клятвой верности его памяти» [3, с. 417–418].

Отрицательный взгляд на второй брак, идущий от христианского мировоззрения, проявляется в создании образа вдовы, верной памяти мужа. Верность проявляется в отказе вдовы «холостому, не женатому»: «*Что не быть, не быть калинушке / Против ягоды-малины, / Что не быть тебе, холостому, / Против милого дружка*» [2, с. 255]. Аналогично, парню дается совет не жениться «на удовке», поскольку она «*Постелюшку стелет, сама плачет; / Изголовье воскладает – възрыдает, / Слово прежнего друга поминает*» [2, с. 182].

Лирическое начало литературных песен XIX в. сопрягается с «простонародным» началом русской жизни и поддерживает традиционные семейные ценности. Ситуация брака поневоле была типична и для дворянской среды, в которой создавалась и бытовала литературная песня, а поскольку она давала мощный накал лирических эмоций, то и стала одной из самых популярных.

Ситуацию брака поневоле («*В тереме девица горевала, / Девицу с милым разлучают, / Девицу с постылым обручают*») использует Н. М. Ибрагимов в «Русской песне» («*Во поле березонька стояла*») (1815) для создания образа идеальной настоящей любви, которая проявляется «*в жертвах добровольных, безусловных*» и рождается в разговоре взглядов и сердец влюбленных: «*С милым мы глазами сговорились, / С милым мы сердцами подарилась*». Любви естественной искренней противопоставляется ее отсутствие в браке по расчету: «*не в*

мешках любовь, не в родословных», дублирующее антитезу «милый» возлюбленный – «постылый» муж: «Нелюб не умом взял, не приятством – / Взял большой роднею и богатством. / Милый беспоместен, беспороден, / Он душой богат и благороден» [4, с. 94]. Вместе с тем в лирическом сюжете о неравном браке без любви возникает смещение ценностных планов: измена в браке становится естественным способом реализации потребности человека в любви, а взаимная любовь в «невольном» браке практически исключается.

Первым опытом в этом направлении была песня А. П. Сумарокова «Не грусти, мой свет, мне грустно и самой» (1770), восходящая к семейной бытовой песне, повествующей о тяжелой судьбе женщины, выданной против ее воли за нелюбимого: «Муж ревнивый не пускает никуда; / Отвернусь лишь, так и он идет туда. / <...> / Ах, несчастье, ах, несносная беда, / Что досталась я такому, молода; / <...> / Сокрушил злодей всю молодость мою» [5, с. 271]. Перенос лирической медитации из настоящего времени в прошлое и будущее создает в песне Сумарокова событийный ряд: несчастливое замужество – любовь к «другу» – тайные встречи – клятва верности: «Хоть бы он меня и пуще стал губить, / Я тебя, мой свет, вовек буду любить» [5, с. 272].

Сюжет любовного адюльтера, трактуемый в народном эпосе (былина «Смерть Чурилы», семейно-бытовые баллады «Князь Роман жену губил», или «Казак жену убил») трагически, а в семейно-бытовой народной песне (песни о «старом муже») сатирически, у Сумарокова разработан в сентиментально-лирической модальности. Подобная трактовка является отражением светского этикета XVIII в., предписывающего практически обязательное наличие у замужней женщины, по ироничному выражению А. Н. Радищева, «годовых, месячных, недельных или, чего боже упаси, ежедневных любовников» [6, с. 468]. Придавая светскому флирту высокий поэтический язык, Сумароков вольно или невольно способствовал «воспитанию чувств» в русском обществе.

Песня Земфиры из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» («Старый муж, грозный муж») (1824) утверждает свободу воли молодой жены в неравном браке, воспекает ее пылкие чувства к любовнику («Он свежее весны, / Жарче летнего дня; / Как он молод и смел! / Как он любит меня!») и ненависть, насмешливое презрение к старому мужу («Ненавижу тебя, / Презираю тебя», «Как смеялись тогда / Мы твоей седине»). Эти страстные чувства позволяют молодой цыганке преодолеть страх перед властью законного «грозного мужа», предпочесть смерть жизни с постылым супругом: «Я другого люблю, / Умираю любя» [7, с. 253]. Тем не менее

мотив супружеской измены неслучайно задан Пушкиным в романтическом изображении не русских, а цыганских нравов. Знаменательно в этом смысле поведение старого цыгана, который не мстит за убийство своей дочери русскому зятю, уважая его законное право, но изгоняет его из табора, живущего стихийной, вольной жизнью: «Мы дики; нет у нас законов...». Героиня реалистического романа «Евгений Онегин» Татьяна, выросшая «в глуши забытого селенья», «русская душой», в неравном браке, любя другого, хранит верность законам своего народа: «А я другому отдана и буду век ему верна».

Перифразом этого пушкинского завета можно считать песню Ф. Г. Голицына «Ее здесь нет» (1820-е). Из монолога лирического героя становится известно о браке его возлюбленной («И снова грустно повторила: / – Я не твоя, забудь меня») и его собственной несвободе («Я забываю, / Что слово сам другой уж дал...»). Ситуация брака без любви, с одной стороны, драматизирует положение женщины: «Зачем судьбою / Она другому отдана, / Зачем жестокой долей злою / Всю жизнь страдать обречена?», с другой – дает надежду герою на возможность любовного счастья в измене: «Оставляю все я – и умчуся / В края чужие ее след, / И там, быть может, я добьюся – Забудет свой она обет...». Желания героя питает и внутренняя душевная смута героини: «Мне образ милый / На память ею подарен; / Взгляните на него, унылый, / Борьбой души он омрачен». Однако краткость и целомудрие тайных свиданий не обещают осуществления надежд: «Я на прощанье / Желал ее поцеловать, / Но не свершилось желанье, / Лишь ручку мне пришлось пожать; / Не долго жал, она спешила / С боязнью ручку оторвать». Исповедь лирического героя содержит намек на возможную причину измены – холодность брачных отношений, что является своеобразным уроком законным супругам: «А я ее любил бы страстно, / Не раставался бы я с ней, – говорит герой о своей жене. – / Но с сердцем я не совладаю / с тех пор, как я ее узнал». Финал любовной истории утверждает власть «закона» над чувствами влюбленных: «Но я отвергнут» <...> «Супруга имя опорочить / Стыдится, бедная, она; / Не любит, нет! Но свято хочет / Сдержат обет и быть верна» [7, с. 117–118].

В традиции народного представления о защитной функции рода написана «Песня» М. Д. Суханова (1828). В ситуации неверности возлюбленного героиню утешают родные: «Вспомни, девица, родные у тебя, / Они любят тебя более себя. / Ты одна как солнце красное у них, / Опечалишь ты тоской своих родных» [4, с. 175]. Ряд песен 30-х гг. включает традиционный образ матери девушки.

А. И. Полежаев в песне «Сарафанчик» (1834) изображает мать, заботящуюся о чести дочери: «Долго мать меня журила / И до свадьбы запретила / выходить за ворота» [4, с. 156]. Н. Г. Цыганов песню «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан» (1834) строит в форме диалога девушки-невесты и матери. Мать успокаивает взволнованную перед свадьбой дочь и проговаривает очевидные для женской судьбы истины и их преемственность из поколения в поколение: «Не век тебе пташечкой / Звонко распевать, / <...> / Прискучат забавушки, / Стоскуешься ты / <...> / И я молодешенька / Была такова, / И мне те же в девушках / Пелися слова!» [4, с. 165]. В «Русской песне» Ниркомского (1838) «матушка-голубушка» становится для героини адресатом лирического высказывания и лицом, которое утешает девушку в ее любовном томлении: «Что это, родимушка, / Сталось со мной? / <...> / «Знать приспело, дитяtko, / Времечко любить!» [2, с. 202].

Песни А. В. Кольцова сохраняют основополагающие народные семейные ценности: важность семьи для продолжения жизни взрослого человека («Раздумье селянина», 1837): «Как на свете жить / Одинокому? / Нет у молодца / Молодой жены» [4, с. 238]; значение родительского благословления на брак («Последний поцелуй», 1838): «Я поеду к отцу, / Поклонюся родной; / И согласие возьму / Обвенчаться с тобой» [4, с. 242]; трагические последствия любовного увлечения вдовой («Хуторок», 1839): «И пошел с рыбаком / Купец песни играть, / Молодую вдову / Обнимать, целовать. / Не стерпел удалой, / Загорелась душа! / Растворилась изба... / И с тех пор в хуторке / Никого не живет» [4, с. 249]. В народном варианте одной из самых популярных песен Кольцова «Последний поцелуй» мотив родительского благословления замещается прямым обещанием уезжающего в «дальний путь» героя взять возлюбленную замуж: «Я к тебе ворочусь, / Как к подруге моей, / На тебе я женюсь, / Ненаглядной моей» [8, с. 191], тем самым усиливается счастливый исход ситуации разлуки. По мнению А. М. Новиковой, основой содержания многих народных вариантов этой песни «стал мотив самой женитьбы молодца» [8, с. 130]. Семейно-бытовой теме посвящена песня Кольцова «Ах, зачем меня силой выдали» (1838), выражающая жалобы женщины на «жизнь-бытьё горемышное» в замужестве за «немилым». Однако здесь нет мотива измены, а есть обобщение «семейных отношений в крестьянской среде» и переключки «со многими народными семейными песнями того времени» [8, с. 124].

В песне-совете А. В. Тимофеева «Выбор жены» (1837) перечисляются типичные ошибки и их последствия, возможные при выборе супруги. В чи-

сле нежелательных критериев названы ум женщины («женишься на умнице – голову свернет»), вдовство («женишься на вдовушке – старый муж придет»), богатство («женишься на золоте – сам продашь себя»), престижный социальный статус («женишься на почестях – пропадай жена»). Лучшим выбором является девушка, сравниваемая с «певчей птичкой» из «Божьих лесов»: «Загоняй соловушку / В клеточку твою; / Выбирай из девушек / Пташечку-жену» [7, с. 297–298]. Таким образом, ценным оказывается молодость, внутреннее ощущение легкости и радости, покорность и возможность будущей зависимости жены от мужа.

Ценность брака по любви воспевается С. И. Стромилловым в получившей известность песне «То не ветер ветку клонит» (1840-е). В лирической ситуации разлуки с возлюбленной наивысшей формой страдания героя становится риторический вопрос: «Не житье мне здесь без милой: / С кем теперь идти к венцу?» Невозможность создать семью и продолжить жизнь в браке соотносится со смертью: «Расступись, земля сырая, / Дай мне, молодцу, покой. / Приюти меня, родная, / В тесной келье гробовой» [7, с. 289]. В фольклорных вариантах этой песни при возможных сменах обстоятельств и лица лирического высказывания связь «не с кем идти к венцу» – «могила» является устойчивой: «Не житье мне без милого, / С кем пойду-то под венец? / Он уехал в край далекий, / Пришел радости конец. / Расступись, земля сырая, / Дай мне, девице, покой, / Чтоб навек уснуть могла я / В темной келье гробовой» [9, зап. Н. Юхнина в 1984 г. от М. Ф. Осадчей, 1910 г. р., с. Бурлаки Прокопьевского района].

В 40-е гг. XIX в. в литературной песне создается образ крестьянки, в которой способность любить проявляется только в молодости и подавляется в дальнейшем тяжким бытом или браком с нелюбимым.

Героиня «Песни» Е. П. Гребенки («Помню, я еще молодухой была») (1841) пронесла в душе образ мужчины, который вызвал у нее трепетные чувства в юности, через всю жизнь. Ситуация первой встречи обрисована предельно кратко: «К воротам подъехал барин молодой, / Мне сказал: “Напой, красавица, водой!” / Он напился, крепко руку мне пожал, / Наклонился и меня поцеловал... / Он уехал...». Но этого было достаточно, чтобы в сердце девушки зажглась любовь: «Долго я смотрела вслед: / Жарко стало мне, в очах мутился свет, / Целу ноченьку мне спать было невмочь. / Раскрасавец барин снился мне всю ночь». Вся дальнейшая жизнь героини укладывается в несколько слов: «...я вдовой уже была, / Четырех уж дочек замуж отдала», лишенных какой-либо эмоциональной окраски. А после возникает картина второго свидания

ния с тем же героем: «*К нам заехал на квартиру генерал... / Весь простреленный, так жалобно стонал...*». Его образ дополняется новыми деталями (красота, голос, огонь в глазах), которые в свое время и пленили героиню: «*Это он, красавец барин молодой! / Тот же голос, тот огонь в его глазах, / Только много седины в его кудрях*». И эта встреча вновь оживляет в героине прежние чувства и ощущения: «*Я взглянула – встrepенулася душой / <...> / И опять я целу ночку не спала, / Целу ночку молодой опять была...*» [7, с. 120–121].

Ставшая популярной в народной среде песня Гребенки вариативна только в одном фрагменте, касающемся количества и пола детей героини: «*Пятерых я дочек замуж отдала*» [9, зап. Григорьева, Кузьменко, Столярчук в 1989 г. от А. Л. Назаровой, 1918 г. р., с. Атаманово Новокузнецкого района], «*Четырех я дочек замуж отдала, / Не успела дочку пятую отдать*» [9, зап. К. С. Подтероб, А. В. Баянова в 2005 г. от П. И. Моисеевой, 1918 г. р., п. Ижморский Ижморского района]. «*Четырех сынов в солдаты отдала. / Не успела сына пятого отдать*» [9, зап. М. С. Гришунина в 1999 г. от Т. И. Егоровой, 1914 г. р., г. Новокузнецк]. Это свидетельствует о важности для народного исполнителя материнского этапа в жизни женщины и понимании громадности физического и душевного труда, который скрывается за краткостью этих строк.

Н. А. Некрасовым в стихотворении «Тройка» (1846), ставшем популярной народной песней, создается образ русской крестьянки – в молодости полной красоты, жизни, надежд и мечтаний, а в замужестве угасшей и «забитой». Некрасов, несомненно, ориентировался на более объемный свод традиционных семейно-бытовых песен, изображающих душевные страдания и бытовые трудности «молодки» в семье мужа. Более того, в реалистическом изображении женских страданий в семье видел возможность изобличить крепостническую систему в целом. В песне приводятся типичные черты патриархального уклада крестьянской семьи: побои мужа, нападки свекрови, утомительное деторождение и изнурительный быт. Все это превращает когда-то прекрасную молодую женщину с нарождающимся чувством любви и мечтой о молодом корнете в тупое существо, жену «неряхи-мужика», как во сне монотонно проживающую свою жизнь: «*И в лице твоём, полном движенья, / Полном жизни, – появится вдруг / Выраженья тупого терпенья / И бессмысленный, вечный испуг*» [7, с. 216]. Несбыточность мечтаний о любви, иллюзия счастливой жизни сопоставляются с бешеной тройкой, вихрем промчавшей мимо героини. В фольклорной интерпретации этой песни обычно опускается вторая часть (о замужестве), таким

образом, сохраняется возможность реализации мечты о счастливой жизни.

Народное представление о плачевном для девушки исходе в случае побега с возлюбленным против воли родителей и неравности социального положения можно увидеть в песне А. Н. Плещеева «Я у матушки выросла в доле» (1860). Девушка-крестьянка полюбила барина, он же, пресытившись любовными утехами, «*пошел под венец*» с «*дворянкой*» [4, с. 271].

К концу XIX в. в связи с общими свободными умонастроениями и возникновением нового пласта городской народной лирики, представленной «жестоким» романсом (наследовавшим сюжетику семейно-бытовых баллад), мотивы измены в браке, свободы в любви, власти любовной страсти над «законом» стали доминирующими в литературной песне.

Так, в песне Д. Н. Садовникова «Зазноба» (1882) реализуется сюжет о «*чужемужней*» жене и молодом любовнике. На любовное признание и притязание молодого атамана Стеньки Разина красавица Алена отвечает отказом: «*Уходи скорей отсюда! – / Шепчет молодцу она. – / Неравно старик вернется... / Чай, я – мужняя жена...*». Возможное свидание и измена воспринимаются героиней как «*грех великий*», однако молодость, горячность, настойчивость и смелость любовника способствуют возникновению любовного трепета («*У Алены сердце бьется*», «*Как в тумане голова*») и склонности героини «*провести ночку*»: «*Не успела “ах” промолвить, / Кто-то за руки берет; / Горячо в уста целует, / К ретивому крепко жмет...*» [7, с. 271–272].

Похожая ситуация создается С. Ф. Рыскином в песне «Удалец» (1882). Герой желает выкрасть свою «*зазнобу*» у старого мужа, возможно, даже ценой убийства: «*И выйдет мне навстречу, и хилый и седой, / Постылый муж зазнобы, красотки молодой, / И он не загородит собой дороги к ней! / <...> / Войдет тогда к желанной лихая голова, / Промолвит: будь здорова, красавица вдова!*». Планируемый побег должен увенчаться свадебным пиром «*удальца*»-атамана с «*желанной*» красоткой в «*дремучих лесах*» [7, с. 267–268].

В центре балладного сюжета о гибели молодого любовника от рук мужа песни М. И. Ожегова «Меж крутых бережков» (1893) описание ночного свидания влюбленных и побег жены-красотки: «*Как на том берегу / Красный терем стоял, / Там красotka жила, / Он ее вызывал. / <...> / Дожидала краса / Молодца у окна, / Принимала его / По веревке она. / Погостил молодец – / Утром ранней зарей / И отправился в путь / Он с красоткой своей*». Молодость удальца («*волны резал веслом*», «*соловьём просвистал*») противопоставляется зре-

лости «лихого» мужа-воеводы, что, очевидно и решает трагический исход поединка: «Волга в волны свои / Молодца приняла» [7, с. 227–228]. В народных вариантах опускается трагический финал песни, сюжет обрывается на сцене встречи любовников: «А на том берегу / Красный терем стоял. / А во том терему / Раскрасотка жила, / Раскрасотка жила, / Воеводы жена» [9, зап. Т. Блинкова, Н. Корнилова, Т. Рыбакова в 1988 г. от К. И. Тимофеевой, 1910 г. р., п. Верх-Чебула Мариинского района]. Снятие драматизма за счет опущения трагического финала песен об измене супругу достаточно частое явление при переходе литературных песен в фольклор.

Из всего арсенала лирических песен, отражающих семейную тему, литературная песня конца XVIII – начала XIX в. выбрала лирическую ситуацию брака поневоле и измены по любви. Очевидно,

что эта тема давала возможность продемонстрировать индивидуализм лирической героини в сентиментально-романтическом духе. В 30–40-х гг. XIX в., в период расцвета жанра «русской песни», наблюдалось явное увлечение традиционным восприятием семьи, брака и отражением народных представлений о семейных ценностях в литературной песне. Одновременно возник ряд песен, реалистически изображающих семейный быт крестьянства и показывающий его «темную» сторону. Интерес к драматическим сюжетам супружеской измены в лирической песне возобновился только в конце XIX в. (в прозе это случилось уже в 40–60-е гг., что С. В. Бурмистрова объясняет формированием «новой этики любви и брака» в среде шестидесятников [10, с. 73]) и ознаменовал тенденции разрушения и утраты традиционных семейных ценностей в мещанско-городской и дворянской среде.

Список литературы

1. Громыко М. М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 446 с.
2. Русские народные песни / вступ. ст., сост. и прим. А. М. Новиковой. М.: Худож. лит., 1957. 735 с.
3. Кравчинская В. А. Лирическая песня // Русское народное поэтическое творчество Т. II. Кн. 1. Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII – первой половины XIX века. М.-Л.: АН СССР, 1955. С. 408–433.
4. Песни русских поэтов / вступ. ст., сост. и прим. И. Н. Розанова. Л.: Сов. писат., 1957. 526 с.
5. Сумароков А. П. Избранные произведения / вступ. ст., подготовка текста и прим. П. Н. Беркова. Л.: Сов. писат., 1957. 606 с.
6. Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Русская проза XVIII века. М.: Худож. лит., 1971. С. 399–550.
7. Старинные русские песни и романсы / сост. О. И. Федотов. М.: Флинта, 2006. 416 с.
8. Новикова А. М. Русская поэзия XVIII – первой половины XIX в. и народная песня. М.: Просвещение, 1982. 192 с.
9. Фольклорный архив Кузбасской государственной педагогической академии по Кемеровской области.
10. Бурмистрова С. В. Любовно-семейная проблематика в русской литературе середины XIX века // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Вып. 8 (98). С. 73–79.

Трубицына В. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры, докторант.

Кузбасская государственная педагогическая академия.

Пр. Пионерский, 13, Новокузнецк, Кемеровская область, Россия, 654027.

E-mail: vik-tru@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 18.07.2012.

V. V. Trubitsyna

FAMILY VALUES IN THE TRADITIONAL FOLK LYRIC SONG AND THEIR TRANSFORMATIONS IN THE LITERATURE SONG OF THE 19TH CENTURY

The traditional folk songs are being investigated from the viewpoint of identifying the moral family values and perfect marriage ideas. The process of subject, image and motif inheritance and transformation associated with the family theme in the literature song of the 19th century are under study.

Key words: *folk songs, literary songs, the lyrics of the 19th century, folklore.*

Kuzbass State Pedagogical Academy.

Pr. Pionerskiy, 13, Novokuznetsk, Kemerovo region, Russia, 654027.

E-mail: vik-tru@yandex.ru

Д. А. Павлова

ПРОБЛЕМА «ОТЦОВ И ДЕТЕЙ» В РОМАНЕ Н. Н. БЕРБЕРОВОЙ «ПОСЛЕДНИЕ И ПЕРВЫЕ»

Рассматривается проблема поколений, «отцов» и «детей», на материале раннего романа Н. Н. Берберовой «Последние и первые»: создание авторского мифа об эмигрантской «семье», переселяющейся из Парижа на землю, во французскую провинцию.

Ключевые слова: литература эмиграции, творчество Н. Н. Берберовой, поколенческая идентификация, отцы и дети, семья, диаспора.

Литература в эмиграции отсылает нас к глобальным сюжетам культурных кризисов и катастроф. Межвоенное десятилетие, в котором формировалось мировоззрение старших и младших эмигрантов, было отмечено общеевропейскими переломами – социальными, политическими, эстетическими (кризис либеральной системы, формирование тоталитарных режимов, появление «новейшего», «модернистского» романа). Ко второй половине двадцатого века «метафоры современности» удивительным образом начинают совпадать с символами эмигрантской идентичности – «культурный шок», «заброшенность», «оставленность», «одиночество и свобода». Сложившаяся ситуация распада социальных институтов, слома норм побудила принять послереволюционную эмиграцию фактически за идеальную модель «переходного», «промежуточного» общества. В связи с этим «перелом» становится ключевым понятием в отношении экзистенциальной ситуации, в которой оказались многие эмигранты. Это ситуация распада старой духовности, развоплощения, «срыва» культуры и сознания. Сама эмиграция как историческое событие порождает экзистенциальное сознание, более того, эмиграция и есть та экзистенциальная ситуация переходного существования между временами, между культурами, ситуация культурного и языкового разрыва. Нахождение без родины, без корней, без языка, без читателя приводит литераторов к вопросам сущностным: как выстоять, как не потерять себя, как выжить в отрыве от национальной почвы и культуры.

Нас интересует поколение «младоземляков» (Ю. Матвеева), которое в отроческом или юношеском возрасте пережило Гражданскую войну и оказалось за рубежом. Ко второй половине 1920-х гг. молодые писатели-эмигранты прошли тяжелейший период «приживания» и адаптации, после чего поколение «сыновей» активно вошло в литературу, заставило говорить и спорить о себе. С этого момента и в оппозиции по отношению к старшим началось его творческое самоопределение [1, с. 5]. Поэтому рассматриваемая нами проблема разобщенности и противостояния старшего и младшего поколений в эмиграции становится актуальной

и в контексте основных эмигрантских проблем: национальная самоидентификация, разрыв с традицией, утрата ориентиров, культурное одиночество, незамеченность, заброшенность, поиск корней, воссоздание Родины в чужеродном пространстве. Создатели новой литературы обладали новым мироощущением, потому что сам факт эмиграции требовал перемен, переоценки ценностей, смены устоев творчества и средств художественной выразительности. Борис Зайцев, размышляя над вкладом писателей-эмигрантов в культуру России, затушевывает их литературные заслуги, а на первый план выдвигает этический «кодекс»: бескорыстие, скромность, стойкость, свободолюбие, чувство собственного достоинства, любовь к Родине, вера в Бога и собственную миссию [2, с. 144].

Отсутствие опоры становится главной трагедией «детей», которые не знали былой России. Им досталось лишь слабое ее предощущение в пространстве эмиграции, окутанной атмосферой смерти и разрыва традиции. Молодые художники первой русской эмиграции (Н. Берберова, Г. Газданов, В. Набоков, В. Яновский, Б. Поплавский, И. Одоевцева, В. Варшавский, А. Гингер, А. Присманова и др.) болезненно ощущали собственную иноприродность. Эмиграция для них обернулась не столько групповой, сколько индивидуальной проблемой идентичности, проблемой «самостояния» и отстаивания себя во враждебном пространстве. Обостренное чувство катастрофы, ощущение одиночества и заброшенности, разъятое сознание, неприятие современной буржуазной цивилизации, размышления о цели жизни и смысле смерти стало объединяющим мироощущением младших [1, с. 13].

Молодежь интересовал духовный перелом, вызванный крушением вековых общественных устоев, лишивший личность ориентации в окружающем мире и породивший пафос отрицания. Такие противоречия духовной жизни человека 30-х гг., находящегося в экзистенциальной ситуации, лишеного всяких иллюзий, мучительно ищущего смысл собственного существования и мирового бытия, провоцирует молодых писателей на вывод об абсурдности бессельного существования человека. Доминирующим состоянием такой личности ста-

новится безысходное одиночество в абсурдном мире. Художественный мир молодых писателей отразил дробный, лишенный цельности внутренний мир человека двадцатого века. Все потрясения, страшные деяния времени преломились в человеке, поэтому в прозе он предстает как явление весьма противоречивое, как единство противоположностей. Многие представители младшего поколения вынесли из своего раннего опыта категорическую истину – «не погибнуть невозможно», хотя обживал ее каждый по-своему [1, с. 19]. Тем не менее они предпринимали попытки преодолеть экзистенциальную бездомность и выстроить новую систему координат, опираясь на подсознание, хранящее память о прошлом и создающее вымышленную вселенную в чуждом пространстве зарубежья.

Начав литературную деятельность еще в России, жена Ходасевича Нина Берберова по возрасту принадлежала к молодому поколению, но позиционировала себя и воспринималась современниками как связующее звено между поколениями эмигрантских «отцов» и «детей». На одном из заседаний «Зеленой лампы» она выступила от имени «литературной молодежи» с позитивной программой единства поколений, в основе которой идея национально-культурного единства и верности традиции: «Сегодняшний день, сегодняшний час – для литературной эмигрантской молодежи самый важный. Сейчас, унеся в себе Россию, она становится “лицом к Европе”, где почитали за счастье жить лучшие русские писатели» [3, с. 61].

Первый роман Н. Н. Берберовой «Последние и первые» (1929) стал одним из первых эмигрантских романов об обустройстве русских во Франции. Герои Берберовой – русские эмигранты, территориальное пребывание которых меняется (Россия – Париж – Провансальская провинция), но время для них остановилось. Не имея твердой почвы под ногами, будучи погруженными в чужеродную среду, герои стремятся к укорененности и постоянству, пытаются ассимилироваться в окружающей их жизни, но их существование переменчиво и зыбко. Почти все представители семьи Горбатовых, оказавшись за границей, стремятся к обустройству на земле, к совместному воссозданию дома. Но двое сыновей нарушают успевший установиться домашний уклад своими продуктивными (Илья) и деструктивными (Вася) идеями и поступками. Илья полностью поглощен компанией по возвращению русских на землю, занят спасением своего брата от агитации советских властей. Поэтому уезжает в Париж на некоторое время, что нарушает привычный ритм жизни семьи. Вася заражен идеей возвращения на Родину под отцовское крыло и для этого идет на сделку с Келлерманом.

Фабула выстраивается на разворачивании идеологического посыла, заключенного в нежелании русских в эмиграции соотносить Советскую Россию с утраченной Родиной. Берберова изображает деятельность целой организации по «ловле» и возвращению в СССР «заблудших». Но герои отвергают возможность возвращения и пытаются противостоят «руке Москвы».

Первый, идеологический, смысл названия «Последние и первые» делит героев на два типа: приспособленцы (представители новой России, носители несвободного сознания, ограниченного жесткими рамками идеологии, продающиеся за деньги, – старший и младший Келлерманы и поверивший им Вася Горбатов) и те, кто не способен на сделки с совестью и пытается экзистенциально выстоять в эмиграции, понимая, что прежней Родины нет (Илья Горбатов, Вера Кирилловна, Марьянна). Герои второй группы размышляют о «конце мира» и о вариантах выживания – спасения на чужбине. Для каждого представителя эмиграции в романе есть свой вариант. Илья Горбатов спасается идеей возвращения эмигрантов на землю, Вера Кирилловна и Марьянна находят спасение в семье, а погибающий странник Алексей Шайбин находит его в приобщении к коллективному труду на земле в колонии эмигрантов и в семье Горбатовых. Через истинную, полную сострадания любовь Нюша спасает себя и Васю. В момент поиска вариантов спасения Илья говорит Нюше: «...только помощи не ищите. Не люди вас спасут – вы сами спасетесь, если только по-настоящему пожелаете этого, и еще через вас, может быть, оживет кто-нибудь» [4, с. 218].

Спасением для героев становится национальная русская идея почвенничества, которая имеет самое прямое отношение к формированию национальной идеологии, сакрализации родной земли в народном духе. Концепт *почва* вобрал в себя такие основополагающие понятия, как земля, народ, религия. Идеальная сторона русского национального характера обеспечена укорененностью в почве, что является прикосновением к подлинному смыслу православия и православной святости, бережно сохраняемым в русском человеке. Человеку, оторванному от родной земли, грозят вечные метания от порока к добродетели. Предав ее законы, он обрекает себя на болезненное раздвоение, как герои Берберовой: Алексей Шайбин, Нюша Слетова и Вася Горбатов. В этой оторванности от корней и земли, в потере истоков и ориентиров Берберова видит трагедию своего поколения. Тем не менее опыт эмиграции дает возможность приобщения к национальному духу. Берберова вводит понятие «воздушных корней» понимаемых в духовном смысле как Родина, сохранившаяся в памяти. Сохранение внутренней национальной самобытности позволит воссоздать культурную Ро-

дину в чуждом пространстве. Герои Берберовой находят спасение в обустройстве на земле, возделывая ее, – спасают свои души. В связи с этим и семейные идеалы представлены автором как основополагающие и имеющие универсальный характер.

На страницах романа «Последние и первые» Берберова пытается найти ответ на главный вопрос, стоящий перед ней и ее читателями: как выжить в эмиграции? Разные поколения реализуются по-разному и для каждого свой рецепт (спасения) счастья. «Последние» и «первые» представлены поколениями «отцов» и «детей». На первый взгляд, «последние» – это «промотавшиеся отцы», а «первые» – дети как надежда эмиграции. «Отцы», такие как Алексей Шайбин, сами называют себя «последними», проводя при этом границу разрыва между собой и другими, первыми. Берберова акцентирует внимание на том, что во все времена, во все эпохи будут те, кто приходят и меняют, выстраивают новый мир и те, при ком этот мир приходит в упадок, к своему концу. «Вот он, этот первый из первых, – думалось ему. – Первый, шагнувший от нас и от нашего времени в иное, куда доступа нам нет. Первый из тех, что живут по-другому, чем жили когда-то мы. На нас кончилось, с них начинается. И между нами – разрыв двух эпох. Лучше ли они нас, хуже ли – рассудят третьи... Время развалилось, мгновение, когда это произошло, никому проследить не удалось, и оказались мы – здесь, по одну сторону разрыва, а они – там, по другую» [4, с. 176]. Так думает об Илье Горбатове представитель «последних» Алексей Шайбин.

Внутри возрастных групп выделяются свои поколения «уставших от жизни» и «деятелей». Усталость и разочарованность в жизни не всегда характеризует «старших». Вася Горбатов пытается вернуться в Россию, потому что не готов к труду и ответственности за свою жизнь. Он стремится обрести определенность под крылом оставшегося в России отца: «Ему хочется найти точку опоры – он не чувствует ее в себе самом, и эта точка для него сейчас – Горбатов и горбатовская Россия» [4, с. 218]. Испытывая постоянную растерянность от потери устойчивых ориентиров и невозможность найти для себя применение в равнодушном мире эмиграции, Вася ощущает себя «лишним» человеком. Ощущая страх перед трудностями выбора и ответственности, он поддается желанию их избежать. «Не могу я здесь, мой путь домой, к отцу, и здесь наши общие цели с Келлерманом. Отец сиденье наше здесь презирает. Поеду – будут деньги, будет жизнь, какая захочу. Я эту не выбирал. И, знаешь, мне необходимы, то есть совершенно необходимы корни» [4, с. 218].

Среди молодых есть те, которые остаются на эмигрантской земле, сохраняя в себе русскую мен-

тальность и память о России, – Илья Горбатов и Марьянна. Но даже их позиции различаются. Марьянна, в отличие от братьев, цельный человек, который не свернет на ложный путь умозрительных идей. Она реализуется и в труде, и в семье, и в любви к французскому юноше Габриэлю. Частная жизнь определяет ее существование, и она не жертвует ей даже во имя судьбы всех русских эмигрантов во Франции. Она воплощает земную жизнь, ее заботят природные циклы сбора урожая и посева, плодородность земли, планирование жизни. Вместе с матерью, Верой Кирилловной, она мудро принимает эмигрантскую реальность и берется за освоение и обустройство чужого пространства, воссоздание в нем своего национального мира. В возделывании и одомашнивании земли, в строительстве семьи Марьянна обретает не только почву под ногами, но и счастье. Именно на таких героев опирается Берберова в выстраивании своей утопии самобытного эмигрантского мира на чужбине, не изолированного от местного населения (брак Марьянны и Габриэля). Илью же интересует глобальная идея переустройства эмигрантского бытия, во имя которой он отказывается от любви Нюши. Подчинив себя всецело идее переселения русских эмигрантов на землю, он становится героем-идеологом, далеким от реальной земной жизни.

Среди старших есть как представители «деятелей» (Вера Кирилловна, с молодым упорством создающая идиллическое домашнее пространство внутри большого враждебного мира), так и «отцов, уставших от жизни и не поспевающих за ней» (Алексей Шайбин, мечущийся между странами, между миром и войной, между женщинами, которых любил, не способный удержать тех, кто рядом. Внутренняя раздвоенность героя делает его не способным к постоянству, однозначному выбору и оседлому образу жизни. Шайбин – странник, убегающий от себя и ответственности за былые проступки).

Поколение «отцов» также представлено слепым старцем, путешествующим по Европе и слагающим песни о России. Его образ дан, скорее, как эмблема утраченной эмигрантами Родины, которая пространственно изменила свое местонахождение. Герои романа Берберовой унесли Россию с собой в душах и в детских воспоминаниях в новое, обживаемое ими европейское пространство. Возможно, странник представляет собой не только поколение «отцов», а является единственным представителем поколения «дедов», исчезнувших из новой жизни в эмиграции. Поэтому никто не знает его имени и цели его странствий. Старик как странствующее напоминание о потерянной России часто появляется в жизни семьи Горбатовых, пока в свой последний визит не оставляет у них путешествующую с ним девочку Анюту. В концепции романа образ Анюты, странницы без

дома, семьи и родины, принципиально важен. Странничество и сиротство символизируют саму трагедию эмиграции: отрыв от корней, бездомность, постоянную борьбу за выживание. В финале обретающая дом на земле и семью Горбатовых Анюта дает надежду на спасение в эмиграции.

Поколенческое противостояние окончательно исчезает в романе у представителей Советской России. Образы старшего и младшего Келлермана идеологически и поколенчески неразличимы. Способный на предательство и подлость Адольф Келлерман идет рука об руку с отцом, продажным торговцем человеческими судьбами, и советская идеология устраивает обоих. Адольф не занимает характерную для молодых позицию бунта и не стремится к преобразованию мира, он принимает действительность и находит в ней выгоду для себя.

Сюжет романа «Последние и первые» последовательно разворачивает тему строительства семьи как единственного способа существования человека в чужеродном мире: личной семьи (и такие семьи создают Марьянна и Габриэль, Вася и Ньюша) и национальной семьи (создание русской колонии в Провансе, на земле). Движение от индивидуального, частного, ко всеобщему и национальному изображается с помощью таких героев, как Вера Кирилловна, готовая создать передвижную школу для детей, Илья Горбатов, философ-интеллигент, названный в романе «деятелем», Росторопенко, лидер переселяющихся на землю рабочих. Их интересует

судьба всего поколения, оставшегося без корней и опоры, выживающего в чужом пространстве. Интенция к объединению и созданию национальной семьи, диаспоры, дает возможность укоренения и обретения смысла существования. Диаспора становится для эмигрантов той опорой, которую они так отчаянно ищут. А земля, к которой припадают герои-деятели, несет в себе след утерянной Родины. Земля является основным, смыслообразующим концептом в романе: «руки их были в земле» (о Марьянне, Илье, Вере Кирилловне), «пока мы не в России, место наше на земле», русская природа такова, что земля – самая близкая нам стихия, что мы на земле всегда «у себя». Кусок земли у героев Берберовой ассоциируется с занимаемым местом в мире. Возвращение к земле таких героев, как Шайбин и расторопенские рабочие, становится для них обретением себя и национальной семьи.

В романе «Последние и первые» через национальный образ русской диаспоры Н. Н. Берберова выстраивает семейный миф. Семья являет собой позитивный выход в эмиграции, гармонизирующий взаимоотношения поколений, поэтому герои стремятся к созданию семей, к парности. Двадцатый век разрушил традиционные кровные связи (отделение Васи от семьи – пример разъединения отцов и детей), тем необходимее становится создание новой родственности, основанной на связи духовной. Так Н. Н. Берберова строит свой миф о существовании русских эмигрантов во Франции.

Список литературы

1. Матвеева Ю. В. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоземляков. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. 196 с.
2. Анисимова Е. Е. Б. К. Зайцев и В. А. Жуковский: реактуализация классики как фактор идентичности писателя-эмигранта // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 11 (113). С. 142–148.
3. Каспэ И. Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы. М.: Новое лит. обозр., 2005. 192 с.
4. Берберова Н. Н. Биянкурские праздники. М.: АСТ: Астрель, 2011. 349 с.

Павлова Д. А., аспирант.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: tpu@tpu.ru

Материал поступил в редакцию 09.10.2012.

D. A. Pavlova

THE TOPIC OF “FATHERS AND CHILDREN” IN BERBEROVA’S NOVEL “THE LASTS AND THE FIRSTS”

The article deals with the problem of generations, the “fathers and children”, based of the early novel by N. N. Berberova “The Lasts and Firsts”; the creation of the myth of immigrant authors “family”, moved from Paris to the country, to the French province.

Key words: *N. N. Berberova, generation identity, generation strife, existential homelessness, nationalist trend, airy roots, the Last and the First, Paternal generation, Kids’ generation, national family, diaspora.*

National Research Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: tpu@tpu.ru

ОБРАЗ АНГЛИЙСКОЙ СЕМЬИ В ПОВЕСТИ Е. И. ЗАМЯТИНА «ОСТРОВИТЯНЕ»

Рассматривается пародия на викторианскую семью в повести Е. И. Замятина «Островитяне». Сатирическая концепция писателя создается в диалоге с английской культурой.

Ключевые слова: диалог культур, творчество Е. Замятина, семья, Англия, викторианство, пародия, сатира.

В марте 1916 г. Е. И. Замятин как инженер-кораблестроитель был командирован в Англию, где на судовой верфи строились ледоколы для российского военного флота. «Ледокол – такая же специфическая русская вещь, как и самовар», – писал Е. И. Замятин¹. С марта 1916 по сентябрь 1917 г. он жил и работал в Ньюкасле, Сандерленде, Саус-Шилдсе, также бывал в Глазго, Эдинбурге, Лондоне. Позднее в автобиографии он напишет, что в отличие от Берлина, который показался ему «конденсированным, 80 %-ным Петербургом», «в Англии все было так же ново и странно, как когда-то в Александрии, в Иерусалиме» [2, с. 41]. Благодаря этой поездке появились два произведения на английскую тему: повесть «Островитяне» (1917) и рассказ «Ловец человеков» (1918).

Первое время Замятин чувствовал себя в Англии, «словно в ссылке» [3, с. 202]: «...все улицы, все жилые дома – совершенно одинаковые, как амбары хлебные в Питере, все города – одинаковые, стриженные под нулевой номер – ужас какое отсутствие воображения» [4, с. 31], – писал он жене. Его угнетало обывательство англичан, интересующихся только повседневными делами, а также их неспособность и нежелание выйти за границы своего опыта – «чувствовалось именно так: как на острове, как Робинзоны. Кругом – серое Северное море, полное стальных акул. Кругом – чужие, чудные Пятницы, которые слышат знакомые английские слова, но понимают их только внешне – мы для рядовых англичан только чудо природы: говорящие тюлени» [3, с. 202]. Позже в своих дневниках он оценил английские свободолюбие и чувство собственного достоинства: «Англичанин любит свободу как свою законную жену, и если обращается с ней не особенно нежно, то умеет при случае защитить ее как мужчина» [3, с. 205].

В Англии Замятина поразило сосуществование века будущего с веком минувшим. В записной книжке он писал: «...просто удивительно, что хлеб здесь растет в поле, а не делается на станках» [3, с. 201]; и в то же время можно увидеть сценки из прошлого века, к примеру, «в воскресенье на рын-

ке – тележку доморощенного доктора, продающего лекарства собственного приготовления» [3, с. 201]. Для Замятина оказалось неожиданным, что «гигантские шаги науки и техники никак не отразились на провинциальном быте, сознании, укладе жизни человека. Английский пригород ничем не отличается от российской глубинки, в которой рутинная повседневная жизнь медленнее и незаметно съедает отпущенное человеку время». Однако он отмечал, что «английская глубинка была цивилизованная, комфортабельная» [3, с. 201].

После возвращения в Россию прозвище «англичанин», данное ему Блоком, прижилось: рационализм писателя-инженера подчеркнули западные манеры и костюм, сшитый по заграничной моде, что, несомненно, выделяло его из толпы.

«Английская» тема в творчестве Замятина уже становилась предметом исследования в работах О. Казниной, И. М. Поповой, В. И. Копельник, рассматривающих английские реалии в творчестве Замятина 1920-х гг., а также тему свободы в повести «Островитяне» и рассказе «Ловец человеков». Т. Т. Давыдова изучала систему персонажей в «английских» повестях Замятина. С. Ю. Воробьева распределила всех героев по двум полюсам – герою мономира и полимира. С. Г. Долженко рассмотрела рецепцию творчества Замятина (в том числе повесть «Островитяне» и рассказ «Ловец человеков») в англоязычной критике и литературоведении. «Английские» произведения неоднократно осмысливались и в качестве подготовительного материала к роману «Мы». Однако английский текст интересовал исследователей главным образом в связи с нарастанием в творчестве писателя конца 1910-х – начала 1920-х гг. антиутопических тенденций, повлекших за собой изменения как в картине мира, так и в поэтике его произведений, но не ставился предметом самостоятельного исследования. Наша цель состоит в изучении образа Англии в творчестве писателя, в частности, образа английской семьи в повести Е. И. Замятина «Островитяне», созданного в диалоге с английской культурой.

¹ «Ни одна европейская страна не строит для себя таких ледоколов, ни одной европейской стране они не нужны. Пусть они построены за границей, они все равно носят русские названия и они все равно русские. При ближайшем рассмотрении многое, что кажется специфически российским, оказывается импортным материалом. Даже – марксизм, даже... самовары» (Замятин Е. И. О моих женах, о ледоколах и о России [1, с. 182]).

Действие повести «Островитяне» происходит в провинциальном городке Джесмонде (сам Замятин жил в этом городе, в те времена это был пригород Ньюкасла, в наше время Джесмонд считается районным городом). Жизнь в провинциальном городке скучна и однообразна. Изображая то, чем гордится каждый англичанин, – семью, уклад жизни, традиции, – автор прибегает к юмору и сатире как традиционно английскому способу осмысления реальности (Г. Гачев писал, что «сатира и юмор – излюбленные в Англии настроения, а также принцип отношения к вещам и явлениям» [5, с. 165]). Жизнь в Англии и общение с рядовыми англичанами дали пищу для анализа как английской психологии на фоне собственной русской, так и возможность осмыслить английскую жизнь в соответствии с местными традициями. В своей «английской» повести Замятин создает пародию на идеальную для Англии предыдущей эпохи викторианскую семью. Именно консерватизм в личных, семейных отношениях («каждый англичанин – тори в душе» [6, с. 231]) становится для автора опасным источником механистического существования и благоприятным условием для произрастания тоталитаризма.

Пародия – это вид литературной сатиры, с помощью которого происходит разоблачение тех или иных фактов, ситуаций. Пародия исследовалась Ю. Н. Тыняновым, В. Шкловским, Б. М. Эйхенбаумом, Е. Гальпериной и др., которые видели ее сущность главным образом в игре, обнажении конструкций. Пародия, как писал Тынянов, – это самое «типичнейшее произведение», «перелицовка фактов», которая может быть представлена в виде добродушного вышучивания, иронического или саркастического осмеяния пародируемого объекта. Как и всякая сатира, пародия разоблачает противника смехом: комически доводит до абсурда изображаемые в произведении события. Главной особенностью пародии является ее двусмысленность. Искусство двусмысленной речи трудно. Комический эффект может быть достигнут контрастом, важно лишь выбрать яркие, типичные черты пародируемого объекта. Преувеличивая те или иные черты, пародия придает им обратную направленность: «Пародийные произведения, – писал Тынянов, – обыкновенно бывают направлены на явления современной литературы или на современное отношение к старым явлениям». И отмечал как родство пародии и стилизации, так и их различие: «...от стилизации к пародии – один шаг; стилизация, комически мотивированная или подчеркнутая, становится пародией» [7, с. 298]. Объектом пародии в повести Замятина становится устройство семьи, обуславливающее не только частную жизнь людей, но и общественную жизнь города в целом.

В повести «Островитяне» изображается ма-

ленький английский городок, который живет своей жизнью, люди в нем даже думают одинаково. Их мыслями и поступками руководит местный викарий, который не просто наставляет или поучает, но целенаправленно подчиняет жителей своей воле. В центре внимания – семья пастора Дьюли и семья Кемблов. К трагедии, на первый взгляд, приводит попрание семейных ценностей, которыми так дорожит каждый англичанин: измена Диди, предательство О'Келли, которому доверился Кембл. Однако автор усложняет конфликт: не адюльтер, а тотальная несвобода современного (английского) общества становится истинной причиной трагедии в финале – казни Кембла. Способом изображения современной Англии как унифицированного мира, движущегося к тоталитарному устройству, становится пародия на викторианскую семью.

Семьи, изображенные Замятиным, воспроизводят уклад викторианской эпохи, названной в честь королевы Виктории (1837–1901), главными составляющими которого были монархия, церковь, семья. Именно в период правления королевы Виктории много внимания стало уделяться семье и ее устоям. Брак Виктории и Альберта был очень счастливым, он служил образцом и примером для подданных: наличие девяти детей, крепкие супружеские связи, взаимопонимание и уважение – такие отношения в семье навсегда укрепились в сознании англичан. Именно в годы правления королевы Виктории семья стала оплотом общества. Пример семейной жизни королевской четы привел к тому, что в XIX в. в Британии установился культ семьи. До вступления королевы Виктории на престол и ее замужества «предыдущие правители были известны своими вольными нравами (незаконнорожденные дети у короля Уильяма IV, инцест у сына и дочери Георга III, Георг IV страдал от алкоголизма и оставил большие долги и т. д.). Вся история семьи – череда скандалов и распутства (к примеру, отец принца Альберта Эрнст I и его брат Эрнст II были такими распутниками, что, когда они посещали Англию, ни одна служанка не чувствовала себя в безопасности). Брак королевы Виктории и принца Альберта отличался своей целомудренностью, послушанием жены, Виктория занималась воспитанием детей, она была очень привязана к мужу, возможно, по этой причине она носила траур после его смерти 40 лет. Также именно в правление Виктории мужчины стали присутствовать при родах» [8, 9]. Моральный облик королевы являл собой пример для подражания для многих англичанок того времени.

Религиозность была одной из главных составляющих каждой английской семьи. Посещение воскресных служб являлось не просто принуждением, а неотъемлемой частью распорядка, которо-

му были подчинены все жители острова. В эпоху викторианства процветало влияние англиканской церкви, из постулатов которой видно, что все необходимое для спасения содержится в Библии.

В повести «Островитяне» викарий Дьюли является автором книги «Завет Принудительного Спасения», и его идея спасения становится не просто навязчивой, но превращается в манию: викарий не упускает случая внедрить в сознание Джесмонда свой «Завет». Выступление викария на митинге Армии Спасения подается повествователем не просто иронично, но сатирически: «Если государство еще коснеет в упрямстве и пренебрегает своими обязанностями, то мы, мы – каждый из нас – должны гнать ближних по стезе спасения, гнать скорпионами, гнать – как рабов. Пусть будут рабами господа, чем сынами сатаны» [10, с. 291]. Речь Дьюли так вдохновила жаждущих подчинения горожан, что джесмондская секция Армии Спасения прошла по городу, громко стуча в каждый дом и призывая посетить церковь. Викарий Дьюли – образец тоталитарного сознания: он испытывает счастье от того, что стало еще больше последователей его веры, «принудительного спасения», с каждым новым последователем он делает еще один шаг к успеху «спасения» и к собственному триумфу и власти. Викарий возглавляет собрание – Корпорацию Почетных Звонарей, он непоколебим в принятии решений, «с ним очень-то не поспоришь», – комментирует повествователь [7, с. 286]. Влияние Дьюли на жителей Джесмонда превышает пастырское влияние. Его участие в личной жизни Кембла превращается в тотальный контроль за свободной личностью взрослого человека. Не случайно его обрадовало решение миссис Дьюли (спровоцированное элементарной ревностью) присоединиться к борьбе за «принудительное спасение». Итак, викарий Дьюли является ярким представителем англиканской церкви, которая в Джесмонде может принимать решения за самих жителей города, т. е. является институтом несвободы, духовного порабощения людей.

В финале для поддержания и укрепления своей личной власти над умами джесмондцев викарий, не задумываясь, приносит в жертву человека – отправляет на казнь заблудшего Кембла. В речи, обращенной к серой, греховной толпе, викарий называет казнь самым убедительным аргументом «спасения», и толпа единогласно принимает его резолюцию. Повествователь подает религиозность Дьюли иронично, пародируя его чрезмерное желание заставить всех проникнуться любовью к Богу, ведь целью такой «религиозности» является получение власти и контроля над умами своих сограждан, над «серо-белой чешуей» безликих жителей Джесмонда. С помощью религиозной риторики викарий Дьюли превращается в тоталитарного руко-

водителя небольшого городка, в его подчинении находится большая часть его жителей.

Викарий Дьюли воспитывает жителей Джесмонда и своим примером, показывая единственно верный путь организации семьи: «Человек всегда может спастись, если только он ведет правильный образ жизни» [10, с. 304]. Он добивается влияния в Джесмонде не только как автор Завета, но и как основоположник нового типа семьи, в которой упорядоченный, доведенный до автоматизма распорядок определяет как повседневную жизнь, так и мировоззрение. Повествователь доводит до абсурда чрезмерную активность викария по ежеминутному планированию всего. Когда же случаются непредвиденные вещи, они выводят викария из равновесия. Повествователь иронизирует над чопорными англичанами, над их стремлением все предугадать, как не сможет предугадать викарий Дьюли появление Кембла в своем доме.

Такие черты викторианской семьи, как строгие правила этикета и морали, соответствующий порядок в доме и устои быта также подвергаются пародийному переосмыслению в повести. Расписание, культура поведения, манера одеваться – все это строго регламентировано в английском обществе. Иронической интерпретации повествователя подвергается и главное в Англии «правило, которое покрывает собою остальные: надо быть, как все. Стремление к этому – огромная сила, и сила эта – воспитывающая» [6, с. 546]. Повествователь делит жителей Джесмонда на два лагеря: тех, кто эти правила неукоснительно соблюдает, и тех, кто их нарушает. К первому лагерю относится викарий Дьюли. Викарий Дьюли составил математически выверенное расписание своей жизни: часов приема пищи, дней покаяния (два раза в неделю), «пользование» свежим воздухом, занятий благотворительностью и даже расписание интимной жизни (отдельной графой у него были обозначены, из скромности не озаглавленные и специально касавшиеся миссис Дьюли, субботы каждой третьей недели). Даже белый фланелевый колпак викария, в котором он спал ночью, был традицией, которую нельзя нарушать.

Жену викария, миссис Дьюли, глядящую на мир сквозь неизменное пенсне, повествователь называет великолепным экземпляром класса «очкастых» женщин, от одного вида которых можно схватить простуду, как от сквозняка. Именно этот сквозняк покорила викария в свое время. Без пенсне нельзя было вообразить миссис Дьюли, которую незнакомые люди ассоциировали с ее пенсне. Но как только пенсне, эта скорлупа, свалилось, – миссис Дьюли стала неузнаваемой.

Мать Кембла, леди Кембл, – само воплощение условностей. Для нее, как и для викария Дьюли, званый обед – это та традиция, которую нельзя на-

рушить ни опозданием, ни неподобающим туалетом. Походка леди Кембл (она выступает медленно, и ее осанка – словно какая-то невидимая узда все время подтягивает ее голову вверх) и даже две позволенные слезинки – все говорит о соблюдении строгого ритуала традиции. После смерти сэра Гарольда леди Кэмбл неустанно сохраняет образ жизни, существовавший при нем: «Теперь у нее все как полагается: и ковер, и камин, и портрет покойного сэра Гарольда над камином, и столик красного дерева у окна, и на столике ваза для воскресных гвоздик, как и полагается у нее была ваза голубого цвета, потому что она жила на правой стороне улицы. Те, кто жили на левой стороне улицы, имели вазы зеленого цвета. Леди Кембл старательно восстанавливала тот распорядок, который был при покойном сэре Гарольде. Она затягивалась в корсет с утра, к обеду выходила в вечернем платье, купила маленький медный гонг и звонила в него сама перед обедом, даже если завтракала одна, “ведь главное – порядок”» [10, с. 279]. Леди Кембл переживает, что за завтраком и обедом прислуживает не лакей, а старушка. Ради того, чтобы подать кофе с ликером, леди Кембл откладывает починку туфель: «Без ликера было никак нельзя, как было нельзя без гонга и белых перчаток миссис Тейлор» [10, с. 279].

Помощник викария Дьюли мистер Мак-Интош, торговец дамским бельем с прекрасными связями, он же Секретарь Корпорации Почетных Звонарей, – также служит опорой викарию Дьюли, убежденно вторя ему: «...я ручаюсь».

Повествователь подчеркивает, что «правильность» и строгость во всем – вот законы, по которым живут джесмондцы. «Даже почтовая бумага у них была с линейками. На иной бумаге – в Джесмонде писем не пишут, и это очень хорошо, т. к. линейки – те же самые рельсы, а мысль в Джесмонде должна двигаться именно по рельсам и согласно строжайшему расписанию» [10, с. 295]. Строгое планирование касается и наведения чистоты: «...к воскресенью в Джесмонде каменные пороги домов, как всегда, были выскоблены до белизны ослепительной. Дома пожилые, закопченные, но белые полоски домов сверкали, как вставные зубы воскресных джентльменов» [10, с. 269]. Повествователь создает собирательный образ жителей города, живущих почти по расписанию мистера Дьюли, – «Воскресных джентльменов», которые «изготавливались» на одной из джесмондских фабрик и по воскресеньям с утра появлялись на улицах тысячами экземпляров: с одинаковыми тростями, цилиндрами, с одинаковыми вставными зубами они почтено гуляли и приветствовали своих двойников. Они неизменно шли на воскресную службу, по возвращении же из церкви чудом находили свой дом среди одинаковых домиков. Не торопясь, обедали, раз-

говаривая о погоде, пели гимны и ожидали вечера, чтобы пойти с семейством в гости.

К другому лагерю персонажей, нарушающих традиционный английский порядок, относятся адвокат О'Келли, актриса Диди Ллойд и все обитатели меблированных комнат миссис Аунти.

Свободолюбивый ирландец О'Келли отмечает все общественные условности Джесмонда: его регулярные опоздания, что для англичан крайне возмутительно, стремление прямо и иронично выражать свою точку зрения и вызывающая манера одеваться раздражают многих. «Ох, уж эти англичане! Праведны как... устрицы, и серьезны – как непромокаемые сапоги» [10, с. 290–291], – говорит О'Келли. Адвокат (защитник человека перед законом) О'Келли – это типичный образ ирландца в восприятии англичан: «...по части аккуратности безнадежен, как всегда растрепан, пиджак в каком-то пуху, одна пуговица неподобающе расстегнута. Мало того, что он явился на званый обед в визитке – весь обед был испорчен – так этот “оригинал” пил кофе с виски, рассказывал непристойные истории, и что более всего возмутило леди Кембл, – упоминал Уайльда. Уайльд был некрасив и порочен, все вместе должно свидетельствовать о гармонии, пусть даже гармонии безобразного. Говорить в обществе об Уайльде! Леди Кембл пощадила О'Келли и его выходку с Уайльдом только ради сына, который пригласил на обед О'Келли и она не хотела компрометировать сына перед О'Келли. Не только говорить, но и упоминать имя Уайльда было верхом неприличия» [10, с. 280]. Автор использует знаковый для культуры начала XX в. образ О. Уайльда, вызывающий в обывательском сознании культурный шок.

Танцовщица Диди Ллойд также является разрушительницей приличий: у нее короткие, по-мальчишески стриженные волосы, она курит папиросы, танцует в театре, раздеваясь во время танца. Более того, по словам О'Келли, она была замешана в скандальной истории с разводом, изменила своему мужу («Изменила... потому что была хорошая погода», – объясняет Диди [10, с. 274]). Она смеялась громко и неприлично, и для миссис Дьюли эта особа была «стеклянной», просто «прозрачной». Диди разрушает общественные нормы: она, например, встретила «викария Дьюли в своем обычном утреннем костюме, от вида которого викарий издал “ах” и попятился к двери. Он не мог и подумать, что если часы показывают больше двенадцати, можно разгуливать по квартире в таком неприличном наряде: надо было жертвовать собой до конца... викарий сел, стараясь не глядеть на обычный утренний костюм» [10, с. 288]. Диди Ллойд, с точки зрения английского обывательского общества, просто вульгарна: ее костюмы, работа в сомни-

тельном заведении, куда ни одна приличная девушка не пойдет, ее посещение боксерского матча – все является верхом невоспитанности.

Между двумя противоположными лагерями героев идет настоящая «гражданская война» за свой образ жизни, и каждая из этих групп не желает сдавать свои позиции.

В пограничном положении между ними оказывается главный герой – Кембл. С одной стороны, воспитанный в духе традиций, он с «квадратной уверенностью говорил-переваливался, и все у него было непреложно и твердо: на небе – закономерный Бог, величайшая нация на земле – британцы, наивысшее преступление в мире – пить чай, держа ложечку в чашке. И он, Кембл, сын покойного сэра Гарольда, не мог же он работать, как простой рабочий, или кого-нибудь просить» [10, с. 268]; «ведь настоящему джентльмену не пристало трудиться за плату. Даже деньги им зачастую в руки не отдавали, а заворачивали в бумажку» [9, с. 342]. Он чувствует, что в меблированных комнатах миссис Аунти все было «непорядочное, все было не его, было шероховато и мешало, как мешал бы камень посреди улицы, но он шел туда» [10, с. 282], как он себя успокаивал, ради дружеских отношений с О'Келли. С другой стороны, он дерзнул пойти против своего общества, которое не простило ему этого, как не простила его мать связь с девицей не из его круга, несмотря на то, что он сделал актрисе предложение стать его законной женой. По мнению леди Кембл, это совершенно недопустимая партия.

Не просто связь, а желание жениться потомка древнего дворянского рода Кембла на актрисе сомнительного поведения неприемлемо для английского общества: леди Кембл и тайно влюбленная в ее сына миссис Дьюли занялись «принудительным спасением» Кембла. Измена – нарушение самой основы викторианской семьи, поэтому обе дамы объединили свои усилия, чтобы наказать порок – изблечить измену Диди и спасти Кембла.

Пародия на семью без любви, основанную на внешнем, показном благополучии, дается с помощью мотива запретной влюбленности миссис Дьюли. Любовь замужней женщины не к своему мужу противоестественна, по мнению джесмондцев. Имитация любви в английском обществе приводит к обезличиванию человека: «Культурный человек по возможности не должен иметь лица, то есть не то чтобы совсем не иметь, а так: будто лицо, а будто и не лицо – чтобы не бросалось в глаза, как не бросается в глаза платье, сшитое у хорошего портного. Нечего и говорить, что лицо культурного человека должно быть совершенно такое же, как и у других (культурных), и уж не должно меняться ни в каких случаях жизни» [10, с. 278]. Маска-очки миссис Дьюли преобразуется в лицо только в период про-

буждения чувств: «...около ее глаз были какие-то новые лучики, губы чуть раскрыты, вид – не то расстерянный, не то блаженный» [10, с. 267]. Женственное преобразование героини сопровождается доброй иронией повествователя, утверждающего таким образом право человека на личную жизнь и любовь.

Если миссис Дьюли руководят запретные чувства, то мать Кембла действует строго в традициях английской семьи, спасая ее честь. Отношения детей и родителей в викторианской семье носят сугубо субординационный характер. Дети должны быть почтительны к родителям, обращаться в семье на Вы. Отец – глава семейства – пользуется полнейшим авторитетом, его воля должна исполняться беспрекословно; в идеале он желает добиться от своих детей способности стать рано самостоятельными, составить выгодную партию (жениться на «правильной» девушке или подходящем молодом человеке по любви) и жить в достатке. Кембл очень трепетно относится к матери, выполняющей за умершего отца функцию главы семьи. Чтобы расплатиться с долгами прадеда, Кембл продает последнее имение, он голодает, но, как истинный джентльмен [11], выполняет долг чести. Но, несмотря на то, что мнение матери было для него очень важно, влюбившись, герой делает свой выбор.

Встреча с Диди создает психологический раскол в душе героя. С одной стороны, его мечта – традиционная, обыденная, «среднестатистическая» мечта любого жителя Джесмонда: уютный домик, заботливая хозяйка, дети: «...все квадратно-твердо впереди: и маленький домик, и сияющий белизной порог, и ваза для воскресных гвоздик – зеленая или голубая» [10, с. 290]. Чтобы осуществить свою мечту, Кембл берет на дом дополнительную работу: ему нужно заработать на покупку собственного уютного дома («двадцать фунтов уже есть, еще тридцать – и на пятьдесят уж можно будет купить всю мебель»). Символом семейного счастья и благополучия для него становится электрический уют, который ему даже снится – «громадный, сверкающий, ползет и приглаживает все, и не остается ничего – ни домов, ни деревьев, только что-то плоское и гладкое – как зеркало» [10, с. 291]. Роль жены сводится к функции хорошей хозяйки, заботливо ухаживающей за домом и самим Кемблом.

Однако влюбленность разрушает созданный с детства образ благополучной семьи. Конфликт аполлонического и дионисийского в душе Кембла повествователь проецирует на весеннее буйство природы. Стремление англичан «упорядочить», сделать безликой даже природу («нигде нет травы зеленее. Она не поблекнет, не поникнет, не сдастся – за нее и островной климат, и традиции, и культура» [6, с. 535]) терпит фиаско: слишком светлое небо, непозволительный галдеж воробьев, распу-

хающие облака – все это переходило границы английской дозволенности: «В июне даже деревья потеряли свой приличный, подстриженный вид: цвели олеандры, как попало, в абсолютном беспорядке; по ночам заливалось птичьё, совершенно не считаясь с тем, что в десять часов порядочные люди отходили ко сну. Анархический элемент был даже и в Джесмонде – и он одобрительно относился к происходящему. Все это производило какую-то странную болезнь: и кусты, и жара, и птицы, и месяц словно с моноклем в глазу прогуливался над парком – все вместе» [10, с. 289]. Природной болезни подвержена и Диди, которая капризничает, опускает шторы и ложится в кровать. Для Диди семейное счастье Кембла – это скука и однообразие, толкающие ее на отношения с адвокатом.

Технический прогресс, изображенный автором в виде мчащегося на Кембла красного (цвет опасности) автомобиля, не остановить, поэтому герой, как устаревший материал, оказывается под его колесами. Воспитанный в традициях английского общества и викторианской семьи Кембл оказывается

не готов на разрыв с ними. Он убивает обидчика из ревности, нарушая современные английские законы, но одновременно поступает и в соответствии с кодексом чести английского дворянина. Однако Джесмонд не прощает ему самостоятельного выбора, история завершается казнью.

Итак, пародия на английскую семью в повести «Островитяне» призвана выявить национальные корни унификации в XX в. Автор демонстрирует, как традиции жителей туманного Альбиона, доходящие до предрассудков, становятся питательной почвой для нарастания «энтропии» в современном обществе. Необходимость следовать диктуемым обществом стандартам отодвигает естественные чувства человека на второй план, люди забывают о самых главных вещах – взаимопонимании, счастье, любви [12]. Неприятие инакомыслящих указывает на движение общества в сторону тоталитаризма. Замятин предостерегает, что вмешательство государства в отношения между людьми и приведение к единообразию жизни семьи ведет к потере личности.

Список литературы

1. Замятин Е. И. Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания. М.: Наследие, 1999. 359 с.
2. Замятин Е. И. Автобиография // Замятин Е. И. Избр. пр-ния. М.: Сов. писат., 1989. 527 с.
3. Казнина О. А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX в. М.: Наследие, 1997. 413 с.
4. Scheffler Leonore. Evgenij Zamjatin: Sein Weltbild und seine literarische Thematik. Koeln; Wien: Boehlau, 1984. 306 s.
5. Гачев Г. Национальные образы мира. М.: Академия, 1998. – 430 с.
6. «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии. 1646–1945 / Казнина О. А., Николюкин А. Н. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 644 с.
7. Тынянов Ю. Н. О пародии // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 573 с.
8. Диттрич Таня. Повседневная жизнь викторианской Англии. М.: Молодая гвардия, 2007. 382 с.
9. Коути Е., Харса Н. Суеверия викторианской Англии. М.: ЗАО «Изд-во Центрполиграф», 2011. 474 с.
10. Замятин Е. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Изд-во АЛЬФА-КНИГА, 2011. 1264 с.
11. Кодекс джентльмена Викторианской эпохи. URL: <http://katerok88.livejournal.com/478218.html>
12. Хатямова М. А. Экзистенциальная парадигма в творчестве Е. И. Замятина и проблема индивидуального художественного метода // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2001. Вып. 1 (26). С. 47–50.

Аксёнова Н. В., аспирант.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: polozova15@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 27.07.2012.

N. V. Aksenova

THE IMAGE OF THE ENGLISH FAMILY IN ZAMYATIN'S NOVEL "THE ISLANDERS"

The article examines a travestied image of a typical Victorian family as shown by Zamyatin in his novel "The Islanders".

Key words: *Intercultural dialogue, E. Zamyatin's works, family, England, Victorian Age.*

National Research Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: polozova15@rambler.ru

УДК 82-4 (17.82.40)

С. К. Пестерев

СФЕРА ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ОЧЕРКАХ М. А. АЛДАНОВА

Исследуются типы персонажей русской и европейской политической истории в аспекте их частного существования, представленные в очерках Алданова. Анализируются такие аспекты поэтики, как семантика родительского дома и семейные коллизии. Материалами служат тексты очерков «Убийство Урицкого», «Азеф» и «Номер 14».

Ключевые слова: Алданов, Каннегисер, Азеф, Муссолини, очерк, поэтика, частная жизнь, семья, дом, политика.

В системе персонажей прозы Марка Алданова, в первую очередь художественных очерков, устойчивое место занимает тип политического деятеля: это и политические лидеры (Ленин, Муссолини, Гитлер), и террористы-революционеры (Каннегисер, Азеф)¹. Внутренний мир главных героев создается классическими для русской литературы способами, среди которых неизменно остаются семейные коллизии, представленные в нескольких аспектах: родительский дом, супружеский союз, иные формы взаимоотношений главных героев с женщинами.

Наиболее репрезентативными в избранном аспекте представляются очерки «Убийство Урицкого» (1923), «Азеф» (1930) и «Номер 14» (1948). Во всех названных текстах представлены знаковые фигуры политической истории России и Европы XX в., все они так или иначе включены в отношения частной жизни, и, наконец, в этом ряду значатся произведения разных этапов творчества Алданова, что позволит сделать выводы о роли и функциях частной жизни в судьбах исторических личностей².

В очерке «Убийство Урицкого» важное место обретает семантика родительского дома. В тексте очерка упоминания о родительском доме Каннегисера встречаются шесть раз. Знакомство автора с Леонидом Каннегисером, молодым террористом и центральной фигурой очерка, происходит в доме его родителей. Родной дом Каннегисера – знаковое место в Петербурге, место встреч многих знаменитых людей, «культурнейшая обстановка» [3]. В своем дневнике герой пишет: «У меня есть ком-

ната, кровать, обед, деньги, кафе и никакой жалости к тем, у кого их нет. Если меня убьют на войне, то в этом безусловно будет некоторый высший смысл...» [3, с. 489]. Алдановский герой следует парадигме судьбы подпольного героя, о котором сложился миф в литературе: «Герой молод, он не успел пожить, он отдал в жертву свою молодую жизнь, что делает его жертву несравнимо ценнее, чем жизнь, скажем, убитого им старика-министра или губернатора средних лет, успевшего пожить. Герой жертвует не только жизнью, но и правом любить, создавать семью, рожать детей» [4]. Мотив дома, семьи в тексте очерка связан с идеей жертвы, которую должен принести террорист за свои убеждения. Он отрывается от быта, материального мира, семейных связей. Коллизии взаимоотношений героя и обитателей родительского дома выстраиваются в логике притяжения-отталкивания. Каннегисер уходит из дома уже после казни товарищей, «после потрясшей его казни». Это обусловлено не только инстинктом самосохранения, но и попыткой изъять себя из привычных связей и оградить родных от преследования. Каннегисер не мог не знать, что семья пострадает из-за его покушения на начальника Чрезвычайной Комиссии. Но в четвертой главе фиксируется ситуация, когда в день преступления Каннегисер все-таки приходит поиграть в шахматы с отцом: «Ночевал он, как всегда, вне дома. Но рано утром снова пришел на квартиру родителей пить чай. Часов в девять он постучал в комнату отца, который был нездоров и не работал. Несмотря на неподходящий ранний час, он предложил сыграть в шахматы. Отец согла-

¹ Интерес Алданова к этим фигурам отмечал уже Ч. Н. Ли [1].

² Другим знаковым политическим фигурам – Ленину, Сталину и Гитлеру – Алданов посвящает такие тексты, как написанный по-французски в 1919 и 1922 г. переведенный на английский (в русском переводе впервые появился в 2008 г.) текст биографического характера «Lenine», а также «Сталин» (1928) и «Гитлер» (1936). Что касается Ленина, упоминается о его происхождении: «Ленин был из потомственных дворян. Легенда, имеющая широкое хождение в наше время, даже восхваляет богатство и древность рода Ульяновых. Но Зиновьев говорит, возможно, в качестве подачки демократическому чувству толпы, что отец Ленина был крестьянского происхождения» (перевод наш. – С. П.). Как можно заметить, уже в начале своего творческого пути Алданов демифологизирует персонажа, о судьбе которого уже тогда рождались разного рода домыслы. В очерке «Сталин» (1928) саркастически формулируется идея циничного поправа политическими вождями, в первую очередь – Лениным, семейных ценностей: среди способов «пополнения партийной кассы» у Ленина значился и матримонийный, когда он «поручил своим товарищам по партии жениться на двух указанных им богатых дамах и передать затем приданое в большевистскую кассу» [2]. Гитлер и Сталин в названных очерках изображены вне сферы частной жизни.

сил, – он ни в чем не отказывал сыну. По-видимому, с исходом этой партии Леонид Каннегисер связывал что-то другое: успех своего дела? удачу бегства? За час до убийства молодой человек играл напряженно и очень старался выиграть. Партию он проиграл, и это чрезвычайно его взволновало. Огорченный своим успехом, отец предложил вторую партию. Юноша посмотрел на часы и отказался» [3, с. 511]. Игра в шахматы – метонимическое замещение дворянского уклада жизни, от которого герой пытается и не может окончательно оторваться. Также можно интерпретировать это как игру с судьбой, как своеобразный способ прощания с домом и отцом. Чтение вслух – еще один из ритуалов дворянских семей, которому следует Каннегисер. Примечательно, что он просит сестру прочитать главу из «Графа Монте-Кристо», посвященную политическому убийству. Алдановский герой не может полностью избавиться от семейных уз.

Последний фрагмент, где упоминается родительский дом, – попытка автора реконструировать мысли Каннегисера перед убийством: «О чем он думал? О том ли, что еще не поздно отказаться от страшного дела, – еще можно вернуться на Саперный, пить чай с сестрой, отыгаться в шахматы у отца или продолжить чтение “Монте-Кристо”? О том, что жизни осталось несколько минут, что он больше не увидит этого солнца, этой площади, этого дворца?.. О том, не пора ли взвести на “fife” предохранитель револьвера? О том, что швейцар странно косится и, вероятно, уже подозревает?» [3, с. 512]. Точечно о семье упоминается в заключительной, шестой, главе, где говорится, что она спаслась. Но автора интересует не родительский мир, а герой, который, отказавшись от семейных ценностей и предав родной дом, обрекает себя на трагическое одиночество перед смертью.

В финале очерка происходит проекция литературного сюжета – гоголевского «Тараса Бульбы» – на судьбу Каннегисера, которому не дано было обрести поддержку перед смертью: «Вся короткая его жизнь прошла в поисках мучительных ощущений. Эту чашу он осушил до дна... <...> Он пил ее долгие недели без утешения веры, без торжества победы над смертью перед многотысячными толпами зрителей без “Слышу!” Тараса Бульбы» [3, с. 516]. Таким образом, топос родного дома в соотношении с судьбой террориста приобретает семантику того устойчивого мира, отказ от которого означает искажение естественных координат жизни.

В очерке «Азеф» способы создания образа провокатора Азефа разнообразны, среди них – опора на документальные источники и художественные тексты, субъектная организация, а также сюжетные ситуации, связанные с приватной сферой его существования. В начале очерка упоминается, что

у Азефа была жена, «рядовая социалистка». По свидетельству Б. Николаевского, на которого ссылается Алданов, она ушла от Азефа, узнав о его разоблачении. В дальнейшем о жене больше не говорится ни слова, и в этом можно усмотреть способ характеристики героя как человека, равнодушного к институту брака и к законам общественной морали. В девятой главе, уже после упоминания о разоблачении и бегстве Азефа, возникают коллизии его частной жизни. В очерк вводится женский персонаж, немка К., сожительница Азефа, – так она названа несколько раз. Присутствуют упоминания о свадьбе, но, скорее, в ироническом ключе, так как этот «фасад» семейной жизни необходим для адаптации в среде немецких бюргеров. Иронический дискурс выдает авторское неприятие профанации супружеской жизни. Сожителство, в сравнении с традиционной формой жизни любящих людей, браком, наделено меньшим количеством обязательств между партнерами.

Фрагментарный сюжет отношений героя и его спутницы осложнен и другими смыслами. Отношения между немкой и Азефом – сердечные и теплые, он дарит ей подарки, проводит с ней время, они даже открывают совместное дело. Находясь в тюрьме, он пишет ей письма, а после смерти Азефа в 1918 г. она хоронит его на кладбище в могиле без надписи, опасаясь неприятностей. Мотив привязанности Азефа к немке трансформирует представления об идеальном террористе. Он, как было указано выше, должен отказываться от любых вмешательств частной жизни в свой мир, и то, что Азеф заводит продолжительный роман, говорит о профанации этой идеи, а также о расхождении Азефа с парадигмой судьбы подпольного героя. Его привязанность выдает вполне гедонистическую философию жизни, нежелание отказываться от житейского комфорта. Неоднократно встречаются упоминания о развлечениях Азефа: «Азеф с немкой находились в Биаррице и превосходно проводили время: удили рыбу, ездили в Сант-Себастьян, в Мадрид» [3, с. 468]; «Азеф в полосатом купальном костюме выходит из воды, под руку с немкой. На его лице блаженная сияющая улыбка» [3, с. 470]; «Азеф жил в свое удовольствие, посещал увеселительные места, оперетту, осматривал разные достопримечательности» [3, с. 472].

С точки зрения субъектной организации взаимоотношения Азефа и немки воссозданы в зоне авторского слова и сознания, в том числе и последний абзац: «Верная немка похоронила его, по второму разряду, на Вильмерсдорфском кладбище. Надписи на могиле нет никакой, во избежание неприятностей (“вот рядом тоже русские лежат”))» [3, с. 485]. Единственный раз сознание женщины открывается в завышенной фразе «вот рядом тоже

русские лежат». Верность немки остается загадочным для автора феноменом и при этом закрепляет за женскими персонажами традиционную семантику верности.

Своеобразным продолжением сюжета взаимоотношений политического деятеля и женщины прочитывается очерк «Номер 14», где речь идет о последних днях и гибели Бенито Муссолини и его спутницы Клары, последней женщины в его жизни. С точки зрения субъектной организации можно обнаружить принципиальное отличие от «Азефа»: в «Номере 14» происходит пересечение двух потоков сознаний, обоим героям, Муссолини и Кларе, дано равное право на самовыражение. Несколько фрагментов взаимооценки оформляются как прямая или несобственно-авторская речь. В сознании Муссолини Клара остается объектом привязанности: «Бросать Клару он никак не собирался. Понимал, что во всем мире только она его любит, и сам еще любил ее, хотя меньше, гораздо меньше, чем прежде» [5].

В ночь после пленения Муссолини размышляет о возможности побега, и его мысли устремляются в иное направление: «И что же я сделал бы с ней? – Подумал он, взглянув на Клару. – Нет, мне все равно! Я не такой человек, как другие. Никого не люблю, и никто не стоит любви» [5, с. 257]. Клара для Муссолини выступает как своего рода замена родительского дома, материнской защиты и жертвенности. Семантика женского персонажа развивает то, что уже было намечено в последнем абзаце очерка «Азеф» – идею жертвенности и верности женщины. Ее неистовое желание – убедить Муссолини, что все будет хорошо, обмануть себя и при этом готовность быть вместе до конца: «Она тотчас заговорила опять. Да, она немного устала, но это пустяки, лишь бы не слишком устал он, все будет отлично, он увидит, они утром же и уедут, но теперь надо закусить, ах, это полента! Она страшно любит поленту, а вот молока ей совсем не хочется, он должен выпить все молоко, так велели доктора, кажется молоко чудное, ну да, деревенское, непременно надо закусить, в Швейцарию долго ехать, впрочем, нет, это совсем близко, но там его облепят журналисты, сначала надо принять ванну, в швейцарских гостиницах и теперь кипятки, конечно, круглые сутки, они чудесно отдохнут, ему непременно надо соблюдать режим, непременно!» [5, с. 260]. Ее прямая речь – попытка «заговорить» себя и Муссолини от близкой расправы. Она хватается за любые детали, которые позволяют ей оттянуть трагический финал: «Она тотчас опять заговорила, еще быстрее, еще бессмысленнее, чем прежде, но все тише, все невнятной. Конечно, она знала, она твердо знала, она ни одной минуты не

сомневалась, ну разумеется, его спасут, ах, какое счастье, зачем было волноваться, разве у кого-либо может подняться рука на дуче, у них, верно, есть автомобиль, лишь бы хороший, а то у него боли, надо в Швейцарии остановиться в первой же гостинице и позвать доктора, и, главное, молоко, но надо скорее одеться, ей стыдно, как же при мужчинах, может быть, они на минуту выйдут, задыхаясь, говорила она, наклонившись к туфлям на полу и все так же бросая быстрые взгляды на него, на человека с пулеметом, на стоявших за ним людей» [5, с. 261–262]. Когда ее слова оказываются бессильными, она пытается спасти его, заслоняя его своим телом во время расстрела. Последняя – циничная – оценка Клары принадлежит полковнику Валерио, расстрелявшему Муссолини: «Клара Петаччи также была мертва, – пишет в своих воспоминаниях полковник. – Она не была приговорена к смерти, но и она умерла» [5, с. 263]. Примечательно, что тела исторических Муссолини и Петаччи были перевезены в Милан и вместе похоронены там [6, 7]. В очерке редуцируется этот последний фрагмент судьбы Муссолини, и в этой связи можно говорить, что финал очерка прочитывается как новеллистический пуант, который типологически близок устойчивой ситуации русской литературы – испытания мужчины женской любовью и верностью. Алдановский Муссолини дискредитируется не только как политический деятель, но и как частный человек. А Клара Петаччи сохраняет женскую верность.

Данные очерки по-своему предваряют некоторые аспекты поэтики последнего романа Алданова – «Самоубийство» (1956). Частное измерение жизни политических и общественных деятелей, исторических и вымышленных (Ленин, Савва Морозов, Джембул) становится главным (или одним из главных) критерием нравственной состоятельности героев. Столкновение фабульно не соприкасающихся двух семейных пар – супруги Ласточкины и Ленин-Крупская – рождает логику несовместимости гармоничного семейного союза и жестокой социальной истории. Фабульное самоубийство Ласточкиных – прозрачная метафора национального самоистребления XX в., это путь, на который обрекают Россию политические вожди, вытравившие из жизни органику любви, семьи.

Таким образом, художественные очерки Алданова обнаруживают устойчивое стремление автора воссоздать отдельные фрагменты частного существования русских и европейских политических фигур. Родительский дом, семейные коллизии, роль женщины в судьбе исторического персонажа обретают характерологическую семантику, расширяя содержание образов главных героев.

Список литературы

1. Ли. Ч. Н. Марк Александрович Алданов. Жизнь и творчество // Русская литература в эмиграции. Питтсбург, 1972. С. 95–104.
2. Алданов М. А. Сталин // Алданов М. А. Самоубийство: Роман. Армагеддон: Из записной книжки. Исторические портреты и очерки. М.: ТЕРРА, 1995. С. 688.
3. Алданов М. А. Собрание сочинений в шести томах. М.: Правда, 1991. Т. 6. С. 488.
4. Могильнер М. Мифология подпольного человека. М.: Новое Литературное Обозрение, 1999. С. 53–54.
5. Алданов М. Прямое действие. Рассказы. М., Новости, 1994. С. 237–238.
6. Audisio W. In nome del popolo italiano. Milano: Teti Stampa, 1975.
7. Легран Ж. Бенито Муссолини. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999.

Пестерев С. К., аспирант.

Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 643050.

E-mail angmar@sibmail.com

Материал поступил в редакцию 09.10.2012.

S. K. Pesterev

PRIVATE LIFE OF POLITICAL CHARACTERS IN ALDANOV'S ESSAYS

The article investigates the types of characters of Russian and European political history in terms of their private life in Aldanov's essays. The investigated aspect is semantics of parental home, family and other types of interpersonal relations. The article deals with three Aldanov's essays – "Uritsky's Murder", "Azef" and "Number 14".

Key words: *Aldanov, Kannegisser, Azef, Mussolini, essay, poetics, family, home, politics.*

National Research Tomsk State University.

Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail angmar@sibmail.com

Л. Г. Тютелова

ПРОБЛЕМА «ОТЦОВ И ДЕТЕЙ» В ДРАМАТУРГИИ ГОРЬКОГО И НАЙДЁНОВА

В работе проблема взаимоотношений представителей разных поколений одной семьи рассматривается как проблема, отразившаяся в специфике пространственных драматических образов, центральным из которых является образ дома. Своеобразие сюжетной разработки пространственного образа обнаруживает и специфику авторского решения проблемы «отцов и детей» Найдёновым и Горьким.

Ключевые слова: драматический автор, герой, пространственные сценические и внесценические образы, драматический сюжет.

Имена Горького и Найдёнова и в истории русской драмы, несмотря на разницу их вклада в отечественную культуру, стоят рядом как имена современников: художники в своем творчестве обращаются к решению насущных проблем рубежа XIX–XX вв., обнаруживая в этих решениях своеобразие видения человека и его отношений с миром. Поэтому пьесы Найдёнова «Дети Ванюшина» и Горького «Мещане», созданные в 1901 г., дают возможность при их сопоставлении отметить не только новые исторические аспекты в них поставленной проблемы «отцов и детей», но и особенности ценностных установок авторов, своеобразие их художественных миров.

В выбранных для анализа пьесах центральным пространственным образом является образ дома – мира семьи, который обнаруживает диалектику отношений с «большим» миром, поскольку пространственные образы в русской драме XIX в. позволяют говорить о принципиальном взаимодействии сценического (в данном случае – это и есть внутреннее пространство дома) и внесценического пространства (пространства большой исторической жизни, обнаруживающего в русской драме XIX в. преимущественно вневременные оппозиции: «провинция» – «столица»; «пространство, созданное человеком» – «природное пространство» и т. п.).

Но к концу века, особенно благодаря усилиям А. П. Чехова (см., например, мою работу [1], а также работу Н. Е. Разумовой [2]), драматическое пространство оказывается и темпорализованным образом, что важно иметь в виду и при рассмотрении драматических опытов Найдёнова и Горького.

Оба драматурга, разворачивая перед читателями своих пьес сценическую картину, в качестве доминирующей характеристики отмечают ее темноту. У Найдёнова она является объективной временной характеристикой: действие начинается ранним утром. В ремарке подчеркнуто: «Семь часов утра, почти еще темно» [3, с. 64].

Но в то же время тщательно отобранные детали сценической обстановки позволяют обнаружить и другой уровень смысла сценической темноты. Ре-

марка сообщает: «Налево, в глубине сцены, в углу лежанка; на ней три самовара разной величины и огромные графины с домашним квасом и пивом. Лежанка заставлена большим буфетным шкафом. Слева впереди большой обеденный стол, окруженный стульями; над ним простая лампа и перед ним на стене портрет дяди Ванюшина, купца, в мундире купеческого старосты» [3, с. 64]. Вещи, разложенные, расставленные драматургом, не просто воссоздают бытовые подробности жизни героев. Быт в пьесе стремится стать событием, поэтому основной сценической площадкой становится столовая, где, как бы ни относился хозяин дома к новым людям, все должны собраться за трапезой.

Тем самым автором обозначается основная ценностная категория ванюшинского мира – его устойчивость, обеспечиваемая повторяемостью жизненных ритуалов, благодаря чему дом оказывается миром замкнутым, но прочным (простым, судя по деталям интерьера). Это идиллический, по М. Бахтину, мир. В нем не должно быть ничего случайного, чужого, он способен восстановить все существующие древние соседства: «любовь, брак, деторождение, спокойная старость обретенных родителей, семейные трапезы» [4, с. 165]. Но атмосфера страха в этом доме разрушает представление о нем как об идиллическом мире.

Страх выражает отношение детей и жены к Ванюшину, который с большим трудом поддерживает порядок, дающий возможность этому дому существовать и «защищать» своих обитателей от большого мира. Страх – знак отчуждения, непонимания, которые и волнуют одного из центральных персонажей драмы. Несколько раз появляется ремарка, отмечающая, что Ванюшин садится и о чем-то задумывается. Его беспокоит не ситуация, представленная зрителю, а общее неблагополучие в доме, возникшее давно и не по причине какого-то экстраординарного события, связанного с поступками детей: это и кража денег Алешей, и его побег; возвращение Людмилы, которая по инерции, как блудная дочь, бежит за покаянием в отчий дом, но в любой момент готова его покинуть. Дочь Ванюшина выходит на сцену со словами: «Я сейчас

уюду... Я думала, что это легче... Не могу... я уеду!..» [3, с. 78]. Это и приезд Красавина за Людмилой из Москвы, а также изгнание Елены.

Дом никак не может зажить своей размеренной обычной жизнью, что указывает на мнимость ванюшинской власти над миром дома. Герой, стремящийся к стабильности жизни в нем, лишь удерживает его от распада. Поэтому и возникает во втором действии сцена обеда с репликой героя: «... (обращаясь к Людмиле). Давай тарелку. (К Ане.) Погоди, скороспелка! (Наливает сначала Людмиле, потом Ане.) А что «нижних» нет? (Обращается к Кате.) Постучи им» [3, с. 84]. Ванюшин выступает в роли не хозяина мира, а его хранителя.

Более того, поведение Ванюшина не оправдывает ожиданий его детей, а потому и зрителя, настроенного на это ожидание поведением персонажей, окружающих героя на сцене. До момента возвращения дочери домой герои «предлагают» зрителю собственную версию образа Ванюшина: купца, члена городской управы, которого интересует только его репутация (даже покупки продуктов делаются напоказ), а не судьба детей. Поэтому Людмила удивлена решением отца принять ее у себя, несмотря на то, что ее побег из дома мужа – позор.

Поступки героя позволяют зрителю увидеть его как человека, большего, нежели его социальные роли, указанные в афише и традиционно восполненные индивидуальным содержанием образа. А разработка традиционного мотива самодурства в пьесе создает диалогический фон, открывающий оригинальность авторского решения проблемы традиционного сюжета, где «самодурство» и родительские решения судьбы детей приводят к трагическому завершению истории, например, у А. Н. Островского или А. А. Потехина. Найдёнов переносит акцент с проблемы детей на проблему и детей, и отцов, которые в равной мере оказываются людьми, столкнувшимися с движущимся историческим временем, перестраивающим дом Ванюшина, меняющим в нем ценностные установки.

Таким образом, дом становится моделью исторической жизни, не подчиненной воле героя, как это открывают для себя, например, и персонажи позднего Островского. Жизнь у Найдёнова с самого начала ускользает из-под власти человека. Поэтому обнаруживается новый аспект проблемы «отцов и детей». Герои Найдёнова не совпадают в своем отношении к проблеме устойчивости и движения жизни. Старшее поколение, на первый взгляд, стремится к устойчивости, младшее – ждет перемен. И сценическое пространство находится в движении и перестраивается даже на глазах у зрителя. Так, в первой ремарке отмечена комнатка под лестницей со стеклянной дверкой и постоянно открытая довольно широкая дверь в переднюю, создаю-

щие ощущение отсутствия в ванюшинском доме глухих перегородок и принципиально закрытых пространств. Но по мере движения действия зритель обнаруживает Дом в доме. Ванюшин в один из критических моментов жизни своей семьи пытается «достучаться» до своего старшего сына, подходя к его комнате со словами: «Дома ты? Отопри» [3, с. 91].

Константин и есть та сила, которая инициирует перестройку мира. Он вечно недоволен происходящим в нем: «Расходы большие, а в каждой чиновничьей семье приличнее, чем у нас» [3, с. 76]; «Предоставьте мне свободу распоряжаться самим собой хоть в мелочах – про серьезное я уж не говорю – спать, гулять и есть, когда я хочу» [3, с. 66–67]; «У нас кучера и кухарки скоро будут вместе за стол садиться» [3, с. 76]; «Папаша, что вы там? Я есть хочу. (Садится за стол.) Безобразие! Недостает, чтобы ели из одной плошки!» [3, с. 83]. Для него быт не становится Событием, как для старшего Ванюшина. Он – «мелочь».

Константина раздражает вторжение семьи в его личное пространство, и в то же время он желает, чтобы внешний мир был оформлен в соответствии с теми вкусами, которые говорят о его образованности и прогрессивности. Но и для старшего Ванюшина дом был миром, говорящим о хозяине, поэтому в первом действии возникает мотив покупок «напоказ». Но, у ванюшинского дома есть собственный внутренний мир – мир семьи. Поэтому и деньги волнуют отца как средство содержания и укрепления семьи. Для сына они становятся божеством, предметом поклонения. Отсюда реплика Ванюшина-старшего: «Есть сладко да спать мягко только ты и можешь, а это так говоришь, пыль в глаза мне, старику, пускаешь, дурачишь отца. Денег не хочет! Знаю, как ты не хочешь... Не хотел бы, так за прилавок-то не сел; они-то тебя и приковали к прилавку» [3, с. 93].

Деньги разрушили жизнь и самого Ванюшина. Им нет места в идиллическом мире. Как только они в него проникают, он перестраивается. Родители отгораживаются от детей, а дети уходят в чужой мир новых ценностных установок: «Вы знали, что мы чему-то учимся, что-то читаем, где-то бываем, но как мы воспринимаем, где бываем – вы этого не знали. По крышам, еще мальчишками, мы убегали сверху, и нередко взрослыми проделывали то же самое. Нас развращали няньки и горничные, мы сами себя развращали – старшие младших» [3, с. 108]. Появляется человек индивидуальной судьбы – личность, которая не часть мира, а сама – мир, требующий понимания. Слишком поздно осознает Ванюшин произошедшие перемены. Когда он видит неблагополучие жизни всех своих детей, его дом уже принадлежит Константину, точнее, той

силе, которая им владеет. Уже во втором действии появляется ремарка: «Ванюшин в недурном настроении духа, но на него действует хмурый и недовольный Константин, и скоро он сам становится мрачен» [3, с. 83].

Новый дом безликий. Найдёнов отмечает две детали в ремарках третьего и четвертого действия, которые протекают в одном и том же пространстве – гостиной дома Ванюшиных. В третьем на стенах висят картины, «случайно попавшие в дом» [3, с.95]. Но есть ощущение, что у этих случайно попавших вещей есть своя история, как и у портрета дяди Ванюшина, висевшего, как отмечает ремарка первого действия, в столовой. В четвертом – «художественные картины заменены посредственными олеографиями в богатых рамках» [3, с. 108]. Перед зрителем возникают вещи без истории. А перестроенные комнаты не несут определенного характера: «не то гостиная, не то будуар...» [3, с. 120].

В новом пространстве тоже господствует страх. Кажется, что это все та же, что и отмеченная в первом действии, атмосфера дома. Но это мир, в котором не хватает не личного пространства, а вообще нет места человеку. Все «вывернуто», что подчеркивается мотивом переезда: Ванюшин и Арина Ивановна должны занять верхние детские комнаты, оставленные детьми.

Таким образом, дом в пьесе Найдёнова, первоначально казавшийся противопоставленным движению исторической жизни, сохранившим черты старой патриархальной провинциальной России, оказался миром открытым, перестраиваемым, но это перестроение не вытеснило атмосферу страха, маскирующую на самом деле давно возникшее отчуждение людей, проявившееся не только в непонимании родителями своих детей, но и в тотальной невозможности понять и услышать друг друга как знаке нового времени.

Поэтому в финальном действии Ванюшин начинает прислушиваться к звукам, проникающим в дом извне. Но если в первом действии Ванюшина волновал внешний мир как место, где складывается мнение о нем – о богатом и благополучном купце, создавшем прочный дом, своими силами выстроившем мир семьи, то в финале герой воспринимает звуки улицы за окном как знак жизненной суеты. Это происходит в момент, когда герой обнаруживает желание видеть себя за пределами дома, ставшего чужим имуществом («мелкая» историческая жизнь с ее системой ценностей победила это пространство, подчинила себе и перестроила). А пространственными координатами Ванюшина в этот момент становятся небо и земля, закат солнца, обозначающие и особенности ценностных установок автора, открывающего герою и зрителю мир и истинные его ценности, на которые посягает обо-

сбившийся человек, подчинивший свою жизнь капиталу. Поэтому пьеса завершается обозначением трагедии не отца, потерявшего детей, а человека, слишком поздно осознавшего истинные ценности мира и слишком поздно старающегося открыть пути их утверждения в новом историческом мире, а потому виновного в «гибели» дома и семьи.

Горького, очевидно, также волнует тема человека без лица как человека современности и проблема темноты. Поэтому и мир Бессеменовых мрачен. Сценическое пространство изуродовано перегородкой, двери открывают зрителю лабиринт большого «зажиточного мещанского дома», а центральной деталью становится стол. За ним, чтобы был преодолен разлад в семье, должны собраться родители и дети. Но у Горького, в отличие от пьесы Найдёнова, даже в первом действии нет картины семейного обеда. Как только отцы и дети оказываются в едином сценическом пространстве, начинается «баталия», названная приемным сыном Бессеменова Нилом сценой из бесконечной комедии под названием «Ни туда ни сюда» [5, с. 34], говорящая не столько о противостоянии героев, сколько о невозможности понимания, поскольку видение себя и мира, а также отношение к существующим в этом мире ценностям у персонажей разное.

Как и в «Детях Ванюшина», дети стараются уйти от отца: Петр отправляется пить чай в свою комнату, а во время разговора с отцом стоит к нему спиной. Но, в отличие от героя Найдёнова, не сын разгораживает пространство дома, а отец. В препозитивной ремарке в качестве причины уродства сценического пространства обозначено желание владельцев разграничить свой мир и мир нахлебников, а также тех, кто снимает часть этого дома и существует независимо от его владельцев. При этом до конца пьесы пространство остается неизменным: никакой заметной трансформации не происходит, что подчеркивает тот факт, что место действия первого и последнего акта – «та же комната», время – вечер. Дом не может зажечь жизнью большого исторического времени, которое открывают для себя герои, покидающие его в финале драматического действия. Время дома неизменно отмеряется домашними часами, чей «большой, как луна, маятник медленно качается за стеклом, и, когда в комнате тихо, слышится его бездушное – да, так! да, так!» [5, с. 5].

О том, кто способен уйти за пределы бессемейного мира, зритель догадывается сразу, поскольку у этих героев только прагматическое отношение к пространству, для них не существует его магии и власти. Любопытно замечание Акулины Ивановны о том, что Елена, снимающая часть дома Бессеменовых, воду «на пол хлещет» – гноит дом. Нил прямо аттестует жизнь дома как «гнилую» [5,

с. 43]. А Елена отмечает: «...в этом доме есть что-то... нехорошее! Не люди нехороши, а... что-то другое...» [5, с. 61].

Это что-то другое – атмосфера, как и у Найдёнова. Но это атмосфера не страха, а скуки, отмеченная всеми обитателями дома: как старшим, так и младшими. Первым кажется, что им более нет места. Бессеменов признается: «В доме моем я хожу осторожно, ровно по полу везде битое стекло насыпано... <...> Все приятели бросили меня, точно образованные дети – чума. А вы никакого внимания на отца своего не обращаете... никогда не поговорите с ним ласково, никогда не скажете, какими думами заняты, что делать будете? Я вам – как чужой... а ведь я – люблю вас!» [5, с. 30].

Как и Ванюшин, Бессеменов стремится понять детей, и его беспокоит, что «в них... никакого характера... ничего эдакого... крепкого... Ведь в каждом человеке должно быть что-нибудь свое... а они какие-то... ровно бы без лиц!» [5, с. 38]. У горьковского человека без лица нет желаний: даже денежные интересы, во власть которых попадают герои Найдёнова, остаются вне их мира. Поэтому дому Бессеменова грозит не столько внешнее преобразование, за которым открывается сущностная смена ценностных ориентиров мира, сколько естественное умирание – это дом болезни. Тетерев, обращаясь к хозяину дома, в финале рисует будущее: «Умрешь ты – он (Петр. – Л. Т.) немножко перестроит этот хлев, переставит в нем мебель и будет жить – как ты, – спокойно, разумно, уютно...» [5, с. 91]. Тем самым подчеркивается, что беспокойство отца за судьбу дома напрасно. Но беспокойство отца вызвано болезненным состоянием мира, отраженным в детях. Бессеменов же полагает, что причина – в образовании: «Никогда не надо давать детям больше того, сколько сам имеешь» [5, с. 38]. Они не хотят быть откровенными, не желают учитывать мнение отца, а тем более – им руководствоваться («...твой порядок жизни, он не годится для нас» [5, с. 23]).

Но Горький свидетельствует, что поколению «детей» в лице Петра и Татьяны нечего сказать и нечего противопоставить Бессеменову. Поэтому «в этом доме, – все замирает особенно быстро... и крик боли, и смех радости... Всякие потрясения для него – как удар палкой по луже грязи...» [5, с. 60].

И только Нил, «откровенный», «дерзкий», «разбойник», таит в себе опасность. Он подобен Федьке Досекину, который не даст Бессеменову стать головой. Поэтому основная проблема семейства в сохранении не только дома, но и бессеменовского мира за его пределами. Поскольку, как видится это Тетереву, мир вокруг – дом Бессеменова, его «строение». И оттого негде жить многим. Но не все при-

нимают это как данность, как это делает певчий (поэтому Бессеменов и чувствует слабость Тетерева, несмотря на физическую силу героя) или Петр и Татьяна, которым из-за их бессилия остается только закрыться в доме, где можно на время перебраться на верхний этаж, как это делает сын Бессеменова.

В пьесе постоянно звучит мотив здоровых людей. Они обладают иным видением мира, благодаря которому над ними нет власти бессеменовского дома. Жизнь вызывает у них любопытство и приносит радость. В этой радости они не замечают, что, проходя мимо человека, не нарочно толкают его, когда тот, думая подняться, уже приложил к тому какие-то силы. Но повторное падение лишает человека надежды. Этот мотив в большей мере будет развит в пьесе «На дне», оставаясь дискуссионным мотивом в творчестве писателя.

«Здоровые» люди не испытывают жалости: «только люди безжалостно прямые и твердые, как мечи, – только они пробьют...» [5, с. 75]. Они пробьют и защиту дома Бессеменовых, разрушат их мир, что не вызовет жалости, поскольку это мир тоски даже для его обитателей. Но и в мире «здоровых людей» нет устойчивости, прочности: он не имеет никаких конкретных координат и весь лишь сослагательное наклонение. И Горький не замечает, что герои оказываются не только вне мещанского мира, с ценностями которого они не согласны, но и вне традиционного миросложения с его системой ценностей, в которой устойчивость и гармоничность мира есть залог и человеческого равновесия.

Финальной фразой, завершающей драматическую историю, становится ремарочная фраза о *нетройном громком* звуке *многих струн*, который замирает. Голоса героев остаются разрозненными, в них тонет и звук шарманки, периодически возникающий в разных картинах пьесы, и звук голоса отдельного человека. Обитатели дома либо разбежались, либо плачут: вопросы поставлены, но ответы не найдены, что и отличает драматургию Горького от многих пьес его современников, в том числе и Найдёнова, существующих во многом в пространстве действия поэтических законов литературы XIX в., где четко обнаруживаются ценностные ориентиры мира, с позиции которого видится и завершается представленная на сцене история и образ ее участников. Горький предлагает зрителю самому искать ответы на поставленные вопросы и разбираться в личностных позициях действующих лиц.

Но, несмотря на разное видение сути проблем современности Найдёновым и Горьким и разницу работы со зрителем, предполагающей разную меру зрительского участия в поиске ответа на поставленные автором вопросы, драматурги начала XX в.

обнаруживают новый аспект проблемы «отцов и детей». Он связан с ориентацией человека в быстро меняющейся исторической жизни, где усиливается процесс отчуждения, который перестраивает жизненное пространство человека, а иногда обуславливает и его уничтожение.

Список литературы

1. Тютелова Л. Г. Человек, пространство и время в русской «новой драме» // Ярославский пед. вестн. Гуманит. вып. 2010. № 3. С. 234–237.
2. Разумова Н. Е. «Вишневый сад»: взгляд через столетие // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2004. Вып. 3 (40). С. 12–19.
3. Найдёнов С. Дети Ванюшина // Русская драматургия начала XX века / сост., автор примеч. С. К. Никулин. М.: Современник, 1989. С. 63–124.
4. Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 304 с.
5. Горький М. Мещане // Горький М. Пьесы. М.: Правда, 1985. С. 3–92.

Тютелова Л. Г., кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры.

Самарский государственный университет.

Ул. Академика Павлова, 1, Самара, Россия, 443011.

E-mail: largenn@mail.ru

Материал поступил в редакцию 25.05.2012.

L. G. Tyutelova

THE “FATHERS AND CHILDREN” PROBLEM IN NAIDYONOV AND GORKY’S DRAMA

In this article the problem of interrelations among the representatives of different generations within the same family is considered as the problem reflected in the specific character of spatial drama images, the central image of them is the image of home. The peculiarity of the plot elaboration of the spatial image reveals the specific character of the author’s solving the “fathers and children” problem by Naidyonov and Gorky.

Key words: *a drama author, a hero, spatial stage and out-of-stage images, a drama plot.*

Samara State University.

Ul. Akademika Pavlova, 1, Samara, Russia, 443011.

E-mail: largenn@mail.ru

ТЕМА СЕМЬИ В ПЬЕСЕ Е. ШВАРЦА «ПОВЕСТЬ О МОЛОДЫХ СУПРУГАХ»

Впервые анализируется пьеса Е. Л. Шварца «Повесть о молодых супругах». Автор обнаруживает интерес драматурга к психологическим и онтологическим проблемам становления молодой семьи. Это выделяет пьесу на фоне советской литературы, изображающей семью-государство.

Ключевые слова: драма, тема семьи, литература XX в.

Пьеса Е. Шварца «Повесть о молодых супругах» («Один день»)¹ (1955) не только выбивается из ближайшего по времени литературного окружения советского периода представленной в ней моделью семьи, но и впервые демонстрирует в творчестве самого драматурга семью как главный объект изображения.

Тема создания и сохранения семьи ни в одной другой пьесе не формулировалась писателем так остро. В «Голом короле», «Тени», «Драконе» возможность вступления в брак осмыслялась как вероятная ситуация будущего, а для некоторых персонажей (например, для короля соседнего государства в «Голом короле», Тени в одноименной пьесе, Бургомистра и его сына в «Драконе»), скорее, походила на политический компромисс, не имеющий ничего общего с любовью.

В «Обыкновенном чуде» речь тоже идет не столько о создании семьи, хотя в традиционном сказочном прочтении брак предполагается здесь как закономерное продолжение счастливого финала, сколько о поисках путей взаимопонимания, об осознании невозможности существовать без любимого, о поцелуе, который позволяет главному герою стать настоящим человеком. Параллельно с развитием центральной сюжетной линии мы имеем возможность наблюдать за судьбами других персонажей, видеть примеры счастливых встреч влюбленных, создания их семей. Так, Эмиль и Эмилия долго шли к этому шагу, фрейлины принцессы обрели свое женское счастье. Однако подробности развития этих отношений остаются «за кадром», вне пределов действия. Есть в пьесе и образец счастливого семейства – Хозяин с Хозяйкой, их изображением начинается и заканчивается пьеса. У них есть свои *семейные* проблемы: жена, в отличие от волшебника, смертная женщина, жизнь ее скоротечна, и это омрачает их существование.

Особым образом в творчестве Шварца решает-

ся и тема детства. Во всех известных произведениях драматурга мы видим, что главными героями являются дети-сироты, у них, как правило, отсутствует один из родителей (отец – в «Двух кленах», мать – в «Драконе», «Обыкновенном чуде», «Золушке»), иногда – оба («Снежная королева», «Тень»). Образ социально обездоленного героя достаточно традиционен в культуре; ребенок-сирота встречается в фольклорной сказке (в терминологии В. Я. Проппа – герой-жертва [1, с. 204]), жанровый канон которой творчески переосмысливается драматургом в большинстве его произведений.

В постоянстве создания образа одинокого ребенка, модели неполной семьи с большой долей вероятности можно предположить проявление конкретно-исторической обстановки в стране². Первая жена драматурга Гаяне Холодова вспоминает о событиях конца 1920-х гг.: «Шварц очень любил детей, много душевного тепла, любви и заботы уделял он... племяннику... Коленьке Дмитриеву, а потом дочери своей Наташе, а впоследствии внукам. И всех он любил, обо всех заботился до конца своих дней. Помогал он и многим чужим ребятам. Подбирали мы с ним беспризорников, и трех-четырех при помощи Маршака удалось устроить в детские дома. Это было тогда не так просто» [3, с. 193]. В 1930-х в окружении Шварца многие знакомые, близкие ему люди были репрессированы. В результате дети оставались без отцов, матерей. И в этой ситуации Шварц не оставался безучастным, в частности помогал семье арестованного Н. Заболоцкого, заботился о его сыне Никите.

Думается, свою роль в осмыслении семейной проблематики сыграли и события из личной жизни писателя. После развода с первой женой его единственная дочь Наташа осталась жить с матерью. Невозможность каждый день видеть ее была мучительна для любящего отца.

Первые упоминания о пьесе «Повесть о молодых супругах» относятся к 1946 г. К. Н. Кириленко

¹ Название «Повесть о молодых супругах» закрепилось уже после смерти драматурга, до сих пор пьеса публикуется с двойным заголовком.

² Об отражении темы детства и модели неполной семьи в творчестве А. Гайдара, культового писателя советской эпохи, писала В. Е. Голочинер, отмечая при этом использование сказочных приемов для условного изображения социально-политической и идеологической подоплеку сюжетных коллизий [2].

отмечает, что она задумывалась как пьеса о «молодом советском человеке»: «Затем, не окончив пьесу, он (Шварц. – О. Р.) изменил в июле 1949 года ее тему и написал пьесу “Первый год”»¹ [4, с. 697]. Однако театральная премьера состоялась намного позже – 30 декабря 1957 года².

«Один день» звучит как «перевернутое» название еще одного шварцевского произведения – «Одна ночь», написанного во время ленинградской блокады для БДТ³. Вера Кетлинская вспоминает: «В октябре⁴ у нас в Союзе возник замысел книги “Один день”. Выдвинули эту идею Л. Рахманов, Е. Рысс и В. Орлов, но ухватились за нее многие и план будущей книги разрабатывали с азартом. Предполагалось, что писатели на сутки разойдутся по самым различным районам и объектам города – на посты ПВО (противовоздушная оборона. – О. Р.), к пожарным, на хлебозаводы, на предприятия, в ближние фронтовые части, к зенитчикам, в бывшие ателье мод, где теперь шьют ватники, в библиотеки, в детские дома, к оставшимся в городе ученым, композиторам и художникам, в госпитали, в штаб фронта... В общем, коллективный репортаж должен был охватить все многообразие жизни фронтового города. <...> Евгений Львович активно участвовал в разработке плана, увлекался многими возможностями, а потом выбрал домовую группу самозащиты. Это было очень близко ему, здесь выпукло выступали различные человеческие характеры, причем самых так называемых рядовых людей» [3, с. 225]. Замысел этого совместного произведения так и не осуществился. Однако размышления Шварца развернулись далее в двух направлениях, дав жизнь замечательным пьесам – «Одна ночь» и «Повесть о молодых супругах» («Один день»).

Первая из них, написанная, по свидетельству автора, всего за два месяца, рассказывала о страшных военных буднях блокадного города. Это была одна из очень немногих реалистических пьес Шварца, хотя историческая конкретика, страшные детали военного быта и здесь осмыслились сквозь призму фольклорной поэтики. Не случайным видится название пьесы. В фольклоре ночь всегда соотносилась со смертью, а день – с жизнью. В 1942 г., когда смерть стала ужасающе привычной, будничной, говорить о *жизни* города Шварц, как очевидец этих событий и их участник, не мог.

Люди в блокадном городе каждый день живут в предчувствии смерти. Захар Иванович Лагутин на своем боевом посту, в конторе домохозяйства обра-

щается к репродуктору: «Тик-так, тик-так! Что ты отсчитываешь? Скажи ты мне – что? Сколько нам жить осталось до наглой смерти или сколько до конца войны?» [4, с. 441]. Существование главных героев пьесы, самых простых, рядовых тружеников, участников домовой самозащиты, каждую ночь спасающих свой Дом от смерти, от вражеских бомб, описано автором в героическом ключе. Мать, центральный персонаж пьесы, прорывается сквозь блокаду в осажденный, омертвевший город, чтобы спасти свою семью – младшего сына и дочь. Молодой парень сбежал на фронт следом за отцом и двумя братьями. Дочь работает на военном заводе в Ленинграде. Первую половину пьесы ее тоже считают *пропавшей*. Появляясь на пороге конторы домохозяйства больная, она теряет сознание. Окружающие здесь же устраивают ей временный лазарет, выхаживают ее все вместе, а к утру она вновь идет на завод. Вопреки материнскому инстинкту спасения собственного ребенка, в финале пьесы Марфа отправляет своих детей из сообщества охраняемого Дома защищать Родину: «Ну, дочка, в путь...» [4, с. 479], «Ну что же, сынок! Отпускаю тебя, как отпустила старших братьев. Вернись здоров» [4, с. 485]. А сама остается охранять (а не хранить!) семейный очаг.

Во время войны люди, теряя близких на фронтах, соединяются общим горем, ощущают себя одной большой семьей. Соседи и сослуживцы обращаются друг к другу, как к близким: «Ох, сестрица, братцы золотые, дорогие, как мне праздничка хочется!» – с этой реплики одного из героев начинается пьеса. Приехавшая из-за линии фронта Марфа называет Иваненкова не иначе как *отец* («Да ты, отец, кажется, оглох»), «Это мне, отец, лучше, чем тебе известно» [4, с. 444]). Эти два случая можно было бы воспринимать как традиционные обращения, но в обозначенной семантике они получают подтверждение и в других многочисленных ситуациях: обращаясь к девочке-подростку Нюсе, Марфа говорит: «На племянницу мою ты похожа» [4, с. 444]. А в конце пьесы местные ребята говорят главной героине: «Считайте, что мы свои» [4, с. 484].

После войны авторская идея важности простых человеческих ценностей, сохранения семьи выходит на первый план. И уже теперь в новых обстоятельствах звучит не менее актуально. Остались в прошлом философские пьесы о законах человеческого общежития, о социуме. Трагические, героические ноты его реалистических произведений во-

¹ «Первый год» – предварительный вариант названия будущей пьесы.

² Пьеса была поставлена в Ленинградском театре комедии режиссерами Н. П. Акимовым и М. В. Чежеговым.

³ Постановка этой пьесы в БДТ намечалась в 1942 г., но так и не состоялась.

⁴ Речь идет об осени 1941 г.

енного периода преобразовались в иную интонацию – лирико-драматическую.

По контрасту с «военными» произведениями Шварц пишет «Повесть о молодых супругах» («Один день») – пьесу¹ о мирной жизни, «о двух молодых людях, которые только что поженились, и вот проходит первый год их жизни с первыми ссорами и так далее и тому подобное» [4, с. 36]. Частная жизнь, сложности становления молодой семьи являются главным объектом и предметом размышлений писателя. Автора интересуют люди простые, негероические. В повседневной семейной жизни обыкновенных людей автор обнаруживает не просто житейские хлопоты, но сложные при всей их деликатности, драматические коллизии.

Сергей и Маруся – лучшие представители молодого поколения, о чем свидетельствует отношение к ним окружающих. У них много друзей. Маруся – душа компании, к ней в дом охотно идут люди, со всеми она ласкова, доброжелательна, открыта. При том, что эта девушка учится, работает, семья оказывается для нее, несомненно, на первом месте. О том, что происходит в ее жизни за пределами семьи, мы практически ничего не знаем, она никогда не обсуждает свои «внешние» проблемы дома с мужем и даже со своими друзьями.

В начале действия Маруся в отсутствие мужа испытывает чувство тревоги, причины которого не вполне ясны читателю/зрителю, да и самой героине. Обращаясь за советом к воспитателю детского дома, которая стала для нее почти матерью, она говорит: «Ольга Ивановна, что со мной? Я не знаю. Люди разве глупеют от любви? А я поглупела. Честное слово. Стала какая-то непростая... Например, могу я над каким-нибудь его словечком одним думать целый день – и на лекции, и в лаборатории. Есть такие слова, которым радуюсь целыми днями. Но бывают такие, от которых холодею... Отчего я не узнаю себя? Отчего меня будто подменили? Что же я теперь какая-то зависимая. Что же теперь со мной будет? (смеется и вытирает слезы). Это я от радости, не знаю, что делать. Боюсь я за свое счастье. Неопытная я. Вы не придавайте значения, Ольга Ивановна» [5, с. 595]. Только с возвращением мужа домой страхи и тревоги отступают. Это первая интимная и самая лиричная сцена пьесы, во время которой молодые, наконец, остаются одни. Их семья в этот момент выглядит очень счастливой, в их отношении чувствуется забота друг о друге и нежность. Но именно в этот момент в их дом и судьбу буквально врывается неожиданный

гость – друг детства Маруси – Юрик, вносит смуту, заставляет Сережу ревновать. И только мудрость молодой жены позволит сгладить неприятный момент. Она ясно дает понять супругу, что важнее его в ее жизни ничего нет.

Совсем иначе понимает свою жизнь, расставляет в ней приоритеты Сергей. Он взрослее Маруси, уже состоявшийся человек, уважаемый на производстве, радеющий за общее дело. По профессии он – архитектор. В одной из первых сцен он делится с женой своими переживаниями по поводу «скрытых врагов», мешающих настоящему делу: «Никогда об этом не говорил. Боюсь бездельников. <...> Смертной ненавистью ненавижу бездельников, которые развивают бешеную деятельность, только бы ничего не делать. Которые способны убить дело, только бы ничего не делать. Их ловят, но они умеют находить мертвое пространство. Необстреливаемое» [5, с. 602–603]. Главному герою неоднократно приходилось своим трудолюбием и упорством добиваться справедливости. В доме он бывает гораздо реже, чем его жена. Даже в самой личной, интимной ситуации – во время первого семейного вечера – идиллия омрачается его размышлениями о работе. В этот момент позиция Маруси, чутко понявшей тревогу мужа, только сближает молодых. Однако уже в следующей сцене работа встает между ними, постепенно начинает мешать их взаимопониманию. Сергей возвращается со своими товарищами по работе, они напряженно обсуждают предстоящее решение в инстанциях о судьбе очередного проекта. Дом, частное пространство, становится эпицентром дебатов о трудовых проблемах. И здесь, среди коллег-единомышленников, объединенных общим делом, не оказывается места для жены, хозяйки этого дома. Выполняя свои профессиональные обязанности, погружаясь в решение производственных проблем, Сергей забывает о самом близком человеке. В этом эпизоде проявляется невнимание, если не сказать оттенок предательства, которые и оказываются в пьесе самыми злыми врагами семейного счастья. При всем этом Сергей по-настоящему любит свою жену, как и она его.

Но на протяжении действия напряженность в семье будет возрастать. Постепенно все меньше нежных слов остается у Сергея для любимой жены. Он обещает, что никогда больше не обидит ее [5, с. 627], но слова теряют силу, в каждой последующей сцене он находит все более обидные выражения. В пятой картине вернувшийся домой

¹ Здесь можно говорить не только о пьесе, но и о сценарии, который должен был быть поставлен на киностудии «Ленфильм» в 1949–1950 гг. режиссерами Н. Н. Кошеверовой и М. Г. Шапиро. Однако киноплощадки этот замысел обрел гораздо позже. В 1982 г. по мотивам шварцевской пьесы был снят художественный фильм с одноименным названием; режиссер Н. Марусалова, постановка В. Андреева и В. Бейлис; с И. Савиной, В. Конкиным, В. Андреевым, Н. Селёзневой, В. Павловым и другими в ролях.

Сергей с порога с раздражением начинает выговаривать Марусе претензии, она раздражает его одним своим видом. Внутреннее напряжение, переживания из-за очередного проекта он обрушивает на самого близкого человека. Логика развития действия – от гармонии к незначительным сначала спорам и ссорам – приводит в конце концов к большому конфликту, разрыву.

С трудом молодые люди учатся пониманию жизни, уважению друг друга. При этом в пьесе не так уже много сцен, в которых они оказываются наедине. Массовые сцены занимают в пьесе не меньше места, чем сцены внутрисемейные. В их гостеприимный дом, который становится основным местом действия, без конца идут люди – званные и неожиданные гости. За жизнью семьи наблюдают окружающие – друзья, соседи, коллеги.

Подобная логика развития действия прослеживается в одной из самых известных пьес драматурга «Обыкновенное чудо», которая, кстати, создавалась в те же самые годы, что и «Повесть о молодых супругах», и была закончена годом ранее. И здесь за отношениями центральных персонажей пьесы, принцессы и медведя, постоянно наблюдают окружающие – свита короля, Хозяин с Хозяйкой, Эмиль с Эмилией, другие. Несмотря на иногда чрезмерную, навязчивую «помощь» со стороны короля-отца и Хозяина-волшебника, развитие отношений между влюбленными зависит в большей степени от них самих. Эта мысль подчеркивается и в «Повести...». Маруся в первой картине говорит мужу: «Никто нам не поможет, все придется самим решать и угадывать» [5, с. 602].

Друзья, соседи, сослуживцы Маруси и Сережи тактично наблюдают за развитием их отношений. В начале действия, когда лишь намечается возможность будущей ссоры, они осторожно спрашивают о предполагаемых проблемах, дают советы. И только когда супруги сами оказываются не в состоянии справиться с обстоятельствами – внутренними и внешними, – их друзья активно вмешиваются в ход событий. Когда Маруся лежит при смерти в больнице, а Сергей в отчаянии уединяется в своей квартире, соседи буквально взламывают дверь. Сергей оказывается как бы на «товарищеском суде», отвечает за свои поступки перед всеми собравшимися в его доме друзьями, публично кается в своем отношении к жене. Смысл распространенной в советской культуре фразы «семья – ячейка общества» здесь наполняется иным значением. Всем окружающим очень важна гармония в этой семье, они относятся к главным героям, как к близким людям. Эта «большая семья» – не менее важный герой пьесы, чем сами молодые. Но это не семья-государство, как в советской литературе, а модель семьи – коллектива – человеческого рода.

Пафос одной из последних пьес Шварца определяется центральной линией взаимоотношений Маруси и ее супруга Сергея, но поддерживается и развитием дополнительных, параллельных сюжетных линий: Шурочки и Миши, Юрика и Вали. На разных этапах развития отношений показаны в действии все эти молодые пары. По контрасту с ними показан Леня, не способный пока на серьезные отношения, меняющий объекты своих симпатий, вызывающий тем самым недоверие со стороны Маруси. При этом он внимательно наблюдает за всеми влюбленными и тоже учится жить.

О семьях старшего поколения в пьесе речи практически не идет. Про Ольгу Ивановну, воспитательницу детского дома, известно только то, что все дети-сироты для нее, как родные дети; у начальника и старшего товарища Сергея Никанора Никаноровича тоже нет ни детей, ни семьи. Но именно эти персонажи функционально выполняют роль родителей и духовных наставников главных героев. Уже в начале пьесы Ольга Ивановна говорит: «...жить вместе, вдвоем – целая наука!.. в семейной жизни главное – терпение» [5, с. 596].

Принцип полифоничности развертывания действия доминирует, как это замечено В. Е. Головчинер, и в «Обыкновенном чуде»: «По Шварцу быть влюбленным важно, но мало. Любящие должны быть вместе. Они ответственны за любимых и должны сделать все, чтобы любимые не умирали от тоски в разлуке, чтобы могли радоваться друг другу, жизни в целом. К этой мысли подводит в “Обыкновенном чуде” не только история медведя и полюбившей его девушки, но и ряд других историй, протекающих в действии параллельно ей. Главная история представлена “крупным планом”, со всеми сложностями от начала до счастливого завершения, другие – меньшим и разным масштабом, на различных фазах осуществления» [6, с. 185].

Весьма существенна в логике пьесы «Повесть о молодых супругах» история еще одной, уже состоявшейся семейной пары – соседки Шурочки и ее мужа. Шурочка, как и Маруся, тоже еще молода, но во всем выглядит ее антиподом. Она «огненная», «взрывная», «стремительная», неуживчивая, нетерпеливая, требовательная во всем. Ее семейный опыт не так богат, но советы старших она готова с горячностью оспаривать. Не только манера поведения Шурочки, но и отношение к жизни, в том числе отношение к собственной семье, отличают ее от подружки. Если Маруся никогда ни одного плохого, осуждающего или даже в какой-то мере оценивающего слова о своем муже не произносит в присутствии посторонних людей, Шурочка только и делает, что обсуждает собственные семейные проблемы с другими людьми: обвиняет своего супруга в бытовых мелочах, осуждает его привычки

(бывает, что они ее раздражают), мотивы его поведения вызывают у нее недоумение и даже взрывную реакцию. Для Маруси муж – самый хороший человек. Даже во время ссор она никогда не опускается до оскорблений, в эти моменты в ее голосе звучат интонации разочарования и обиды. И только в приватном разговоре, наедине друг с другом она в отчаянии может ему сказать: «Ты не настоящий человек. <...> Ты очень плохой человек» [5, с. 630].

Семейная жизнь в обеих семьях движется параллельными путями, некоторые их жизненные ситуации похожи. Несмотря на разность темпераментов героев, логика жизни (и авторская позиция) определяет их дальнейшие шаги в едином направлении – сохранении семьи. Перед кульминационной сценой, приведшей к разрыву Маруси и Сергея, к ней прибегала взволнованная Шурочка, поссорившаяся со своим мужем. Обиженная, она собрала ребенка и в сердцах грозила уйти из дома. И только тяжелая болезнь дочки заставила ее вернуться. Уже в следующей сцене мы видим, как незаслуженно обиженная, оскорбленная Сергеем и сама наговорившая ему много неприятных слов Маруся уходит из дома. Вскоре оказывается, что она тоже тяжело заболела. В этой ситуации страх потерять близкого человека заставляют Сергея переосмыслить свои слова, а Марусю – принять единственно верное решение: простить любимого человека за его горячность.

Существенную роль в раскрытии основной темы произведения играют куклы – важные персонажи пьесы, благодаря которым действие приобретает сказочную обобщенность. С их появления на сцене начинается пьеса, они предваряют появление основных действующих лиц, «вводят» в курс дела, обозначают проблематику произведения в целом. Однако они, подобно хору в греческой трагедии, не влияют на ход драматического действия, сфера их активности ограничена. Они оживают только перед зрителями, а когда за сценой начинают звучать голоса других персонажей или загорается свет – они замолкают и превращаются в немых свидетелей очередной семейной истории.

Им около ста лет, поэтому любой зритель в зале, к которому они обращаются, с большой долей вероятности окажется моложе их. Позиция участвующих вполне обоснованна для этих персонажей. При этом для них характерно внимательное отношение к собеседнику, спокойная интонация, обращение к взрослым, как к все понимающим детям. Они предстают носителями вечных ценностей и мудрости, но услышаны они могут быть лишь зрителями: «Куклы разговаривать не умеют. Не умеют, хотите верьте, хотите нет. Ни словечка не выговорить, хоть ревмя реви. А нам есть что рас-

сказать, дети. Нам почти по сто лет. И столько мы перевидали... Столько перенесли – ух!.. Ужасно, ужасно нам, старикам, хорошеньким, полным сил, нарядным, хочется поучить молодых. А возможности нет... не услышат. Ни за что не услышат, словно мы старые люди, а не куклы» [5, с. 592].

За долгие годы жизни с людьми куклы «приучены говорить» и чувствовать, как люди. Об этом говорит их прежний хозяин, Никанор Никанорович, в чьей семье раньше «жили» эти игрушки. Ольга Ивановна тоже с самого начала пьесы разговаривает с куклами, как с равными, обращаясь к ним как к наставникам молодых. Способность «говорить» с куклами оказывается своеобразным маркером взросления молодоженов. Сначала это начинает получаться у Маруси, но первые ее обращения к ним носят ироничный характер. И лишь в самой критической ситуации, когда она поссорилась с Сергеем и тяжело заболела, в бреду Маруся представляет себе, как разговаривает с куклами. Позже приходит время и Сергея, который, поняв свою ошибку, впервые в седьмой картине обращается к немому собеседнику: «Ну? Чего уставились на меня своими круглыми глазами? Если уж смотрите, как живые, то и говорите, как люди. Я ведь знаю, что ее любимой игрой было делиться с вами и горем и радостью...» [5, с. 639]. Взгляд кукол – взгляд со стороны, позволяющий отстраниться от конфликтной ситуации, рационально оценить ситуацию. Разговор с этими персонажами метафорически представляет внутренние размышления героев, выводит во внешний аудио-визуальный план рефлексивную способность соотносить конкретную бытовую ситуацию, сиюминутные обиды с традиционными представлениями о должном, о необходимости внимания к другому, о ценности каждого отдельного момента человеческой жизни, о ценности семьи. Чем больше нарастает напряжение в отношениях молодоженов, тем острее роль кукол. Они уже не могут просто наблюдать за происходящим со стороны, напрямую с горячностью обращаются к персонажам в кульминационные моменты, требуют быть внимательными друг к другу. Правда, так и остаются не услышанными. Очевидно, патетика их речи, выражение мудрости вечных истин адресованы зрителю/читателю, которые тоже оказываются в роли молодых, неопытных людей.

Позиция кукол, так же как и возрастных персонажей, наиболее отчетливо выражает авторский взгляд на происходящие события. Об этом свидетельствуют явные переключки пьесы с автобиографическими размышлениями самого писателя. В 1949 г. дочь Шварца вышла замуж. Трудности первых лет семейной жизни вызывали беспокойство ее отца. В своих письмах к дочери, проявляя

трогательную заботу и такт, через полгода после ее замужества он пишет: «Рад, что ты чувствуешь себя счастливой... Хожу гулять знакомыми тебе дорогами и все думаю, думаю о тебе, говорю тебе целые речи, которые ты никогда не услышишь, потому что в них, надеюсь, миновала надобность. Вел я их до твоего последнего письма. Умоляю тебя – держи меня в курсе всех своих дел. И помни, что я всегда с тобой» [4, с. 161–162]. В опубликованном письме к дочери читаем: «Умоляю тебя, помни, что говорили мы о семейной жизни. Никогда, никогда не обижай тех, кого любишь, как бы тебе ни чудилось, что ты права. Владей собой! Умоляю! Не ворчи, не скрипи, не ссорься, чтобы не было чувства, что в квартире не в порядке канализация. Пока я доволен тем, как вы обращаетесь друг с другом. Доволен в основном. Я говорю о дальнейшем. Вероятно, совсем без ссор не обходятся даже самые дружные семьи, но пусть ссоры будут не бытом, а редким событием. Прости, что учу тебя. Ничего не поделаешь. Я все время думаю о тебе и твоей семейной жизни. А кроме того, как ни поворачивай, а я все-таки дед. А у дедов это страсть – учить всех, как надо жить» [4, с. 164]. В переписке 1951 г. он неоднократно отмечает: «Надеюсь, что вы живете с ним мирно? Он говорит, что очень. Но смотри! Нет на свете кислоты более унылой и страшной, чем семейный купорос. Надеюсь, у вас его совсем нет?» [4, с. 167]; «Письма ваши меня порадовали. Во всяком случае, ваши домашние дела идут мирно, в пределах парламентских, что приятно» [4, с. 167].

Шварцевская «Повесть о молодых супругах» стала своеобразным связующим звеном в развитии отечественной психологической драмы между пьесами конца 1930-х годов («Машенька» А. Афиногенова, «Таня» А. Арбузова) и произведениями 1950–60-х годов (пьесами того же А. Арбузова, а также В. Розова, А. Володина, Э. Радзинского)

С арбузовской «Таней», имевшей в предвоенные и военные годы огромный успех, пьесу Шварца связывает очень многое. Любопытен и тот факт, что Шварц работал над своим произведением в то же самое время, когда Арбузов писал вторую редакцию этой пьесы (1946–1947). Буквальное совпадение некоторых сюжетных коллизий (дом/семья – производство в сознании героев), перипетий действия, переключки в системе персонажей позволяют взглянуть на эти произведения как на своеобразные реплики в «большом диалоге» драматургов.

В центре внимания Арбузова с самого начала пьесы оказывается молодая счастливая семья, правда, уже прожившая свой первый год совместной жизни. Но постепенно между супругами обнаруживаются и нарастают противоречия, уже к концу первого действия они достигают критической

точки, после которой жизненные пути героев расходятся. Композиция пьесы была призвана высветить арбузовскую идею поиска героями собственного жизненного пути, поиска себя на производстве, на широких просторах родины.

Шварцевская Маруся во многом прямо противоположна арбузовской героине. Таня последовательно отказывается от своих интересов в пользу семьи – уходит из института, не принимает у себя своих друзей, даже мысли о ребенке она гонит прочь, чтобы не делить с ним любовь мужа. У нее нет и своей работы, она всю себя посвящает мужу: работает над чертежами его драги. Подобное поведение Тани трактуется драматургом как роковая ошибка, приведшая в конце концов к разрушению ее семьи.

Герман – полная ее противоположность: инженер-геолог, он увлеченно работает над проектом нужной стране технической установки. В дом приходят друзья и знакомые только Германа, всем он рад. Он спешит на встречу с друзьями, оставляя в годовщину знакомства жену одну дома. Герман ищет реализации своих возможностей за пределами дома, семьи и находит их. В конце концов он полюбил женщину, о которой пишут в газетах как о передовике производства, о которой говорят в Главке и которая сама неожиданно появляется в доме и жизни Германа, заинтересованная его проектом. Невольно услышав признание Германа в любви к другой женщине, Таня тихо, незаметно покидает свой дом, молча уходит в неизвестность.

Самоотречение как главная черта ее характера и поведения еще ярче проявляются во второй половине пьесы. Преодолевая пургу и километры сибирской тайги, на лыжах добирается она до прииска, чтобы спасти тяжело больного сына Германа. Ни слова не говорит она бывшему мужу о смерти их общего ребенка, тоже Юры, чтобы не причинить ему боль, не потревожить его счастливую семейную жизнь. Самопожертвование ее теперь приобретает другой масштаб. Получив медицинское образование, она посвящает себя не одному человеку, а всем нуждающимся в ней людям. В новом своем, «производственном» качестве Таня оказывается нужна многим. В самом финале на ее жизненном пути встречается Игнатов, что дает основание думать о возможности личного, женского счастья для героини в дальнейшей ее жизни.

Мысль о ценности личности как человека «производства» поддерживается судьбами и других персонажей пьесы – Игнатова, Грищенко и даже помощницы Тани по дому Дуси. Эта юная девушка со временем устраивается работать на завод, учится на инженера. Принимаемые ей решения, стратегии жизненного поведения в социуме осуществляются в духе призывов первых советских пятилеток.

Изображение семьи становится отправной точкой для размышлений авторов «Тани» и «Повести о молодых супругах», но мыслят они в разных направлениях. Для Шварца семья в традиционном ее понимании – главная ценность в жизни человека. В отношениях двоих проявляется истинная человечность, при этом «строительство», «созидание» повседневной жизни в семье однозначно понимается как дело, требующее огромных душевных затрат. По Арбузову, в соответствии с идеологией советского времени, главным делом героев становится обретение своего места в производственной, общественной сфере, создание семьи происходит само собой, между делом. У Шварца проблематика

произведения оказывается шире, он осмысливает возможность/невозможность взаимопонимания двоих в молодой семье как онтологическую проблему. Старательно очищая свою пьесу от примет времени, опуская конкретно-исторические детали, автор возводит изображаемые события в разряд вечных. Ее коллизии могли бы происходить не только в 1950-е, когда писалась пьеса, но и в 1980-е и 2010-е гг., а также в обратном отсчете времени, о чем свидетельствует опыт прежних хозяек кукол.

Решением темы семьи как универсальной, общечеловеческой ценности «Повесть о молодых супругах» явно выделялась в драматургии советского времени.

Список литературы

1. Пропп В. Я. Русская сказка (Собрание трудов В. Я. Проппа) / науч. ред., комм. Ю. С. Рассказова. М.: Изд-во «Лабиринт», 2000. 416 с.
2. Головчинер В. Е. «Что такое счастье, каждый понимал по-своему...» К 100-летию А. П. Гайдара // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2005. Вып. 6. С. 5–8.
3. Житие сказочника. Евгений Шварц. Из автобиографической прозы. Письма. О Евгении Шварце / сост. Л. В. Поликовская, Е. М. Биневиц. М.: Кн. палата, 1991. 368 с.
4. Шварц Е. Л. «Живу беспокойно...» Из дневников. Л.: Сов. писат., 1990. 752 с.
5. Шварц Е. Л. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Изд-во АЛЬФА-КНИГА, 2011. 1131 с.
6. Головчинер В. Е. «Обыкновенное чудо» в творческих исканиях Е. Шварца // Драма и театр: сб. науч. ст. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. Вып. 4. С. 172–187.

Русанова О. Н., кандидат филологических наук, доцент кафедры.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: oksanikol@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 27.11.2012.

O. N. Rusanova

THE MODEL OF THE FAMILY IN THE SHVARTS' PLAY "A STORY OF A YOUNG COUPLE"

The article deals with the last Shvarts' play "A Story of a Young Couple". The Polyphonic structure of the play unfolds various manifestations topics of the family. The affirming pathos of the play is determined by the meaning of family values and by individual responsibility of young lovers.

Key words: *drama, theme of the family, literature of the 20th century.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: oksanikol@yandex.ru

National Research Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

УДК 82-1 (17.82.10)

Е. А. Сафонова

ОБРАЗ ЖЕНЫ – ЛЮБИМОЙ ЖЕНЩИНЫ В ЛИРИЧЕСКИХ СБОРНИКАХ НИКОЛАЯ ОЦУПА «ГРАД» И «В ДЫМУ»

Анализируется любовная лирика поэта первой волны русской эмиграции Николая Оцупа. Рассмотрены ранние стихотворения поэта, написанные с 1918 по 1926 г. и входящие в первые сборники Н. Оцупа «Град» и «В дыму».

Ключевые слова: эмиграция, любовь, лирика.

В произведениях эмигрантских писателей и поэтов герои – трансформированные образы самих авторов. В изгнании люди оказались в страшном состоянии духовного разобщения, забыли о чувстве любви как о подлинном содержании человеческого бытия. Особняком в этом ряду стоит творчество Николая Оцупа, который в своей лирике воплотил тему всепоглощающей любви к женщине.

1930-е гг. отмечены для Оцупа взлетом творческого дарования. В его дом вошла актриса Диана Александровна Карен, ставшая любимой женой и другом до конца жизни. В поэзии Оцуп изображал возлюбленную в образе красавицы Беатриче, а своим друзьям говорил: «Моя жена – большой человек» [1, с. 20].

Однако Диана Карен не была единственной женой поэта; известно, что первый раз Оцуп женился в начале двадцатых годов в Петербурге. Проанализируем ранние стихотворения поэта и рассмотрим сложившийся в них образ его первой жены.

Стихотворения, включенные в дебютный сборник «Град», отражают драматические события: Первая мировая война, революция, Гражданская война, разруха. Только любовь помогает лирическому субъекту мириться с неустойчивостью социального мира. Несмотря на то, что стихотворения расположены без хронологической последовательности и не все датированы, попытаемся проследить развитие любовного сюжета.

Первое стихотворение «Гремел сегодня ночью гром» – без даты, оно является своеобразным вступлением ко всему сборнику. Символическое изображение дерева, в которое попала молния, передает атмосферу послереволюционной эпохи. Дерево – многовековой образ мира, его ствол – центральная ось, соединяющая небо, землю и подземный мир. Лирический субъект и себя отождествляет с этим деревом: черным, обугленным, ветхим, что отражает его душевное состояние. Последняя строфа построена на контрастном параллелизме: «А в вышине, где птичий свист, / Где не плясало пламя – / Ещё дрожит зеленый лист – / Трепещущая память» [1, с. 27].

Метафоры «птичий свист», «лист дрожит», «трепещущая память» передают ощущение трево-

ги. Память для Оцупа – антитеза смерти и забвению; связующее между прошлым, настоящим и будущим. Стихотворение не относится к любовной лирике, но поэт посвящает его жене.

Оцуп всегда восхищался женами-спутницами русских поэтов. В начале творческого пути он посвятил стихотворение жене, выразив благодарность женщине, находящейся с ним рядом в тяжелые дни. В конце жизни в книге «Николай Гумилёв. Жизнь и творчество» поэт, рассуждая о непростой судьбе женщин, сравнил жен поэтов с женами декабристов [2, с. 134–135].

Образ возлюбленной раскрывается в стихотворении «Осень» (1920), написанном верлибром, в котором тяжелому мрачному Петербургу противостоит квартира, где лирического субъекта ждет жена.

Природа и культура тождественны и трудно различимы. Стихотворение состоит из многочисленных сравнений: штукатурка домов метафорично сравнивается с песчаными дюнами, трамвайные билеты с листьями, электричество с сеном, трамвай с голодными стадами. Интерьер комнаты изображен как пейзаж, используются романтические метафоры – милая дубрава с густолиственной сенью обоев и шелковой муравой дивана. При описании любимой используются традиционные сравнения (тело женщины дрожит как газель) и необычные: кожа пахнет дорожками Летнего сада. В сознании лирического субъекта Летний сад является любовным и творческим Эдемом и ассоциируется с образом возлюбленной. Дорожки Летнего сада названы дорогой к бессмертию, это место свиданий влюбленных, служащее вдохновением и опорой существования: «Ты томилась встречей осенней, / И дрожью милой газели / Трепетало легкое тело / С родинкой на левой груди! <...> / Ведь для негра мускусный запах / Кожи милой и шлепающие губы – / Такая же дорога к бессмертию, / Как для меня завиток волос / Твоих – за коралловым ухом; / Где кожа так душно пахнет, / Как дорожки Летнего сада» [1, с. 44].

Для лирического субъекта важны эротизм, телесная любовь – гармоничное физическое единение; он стремится видеть, слышать, осязать и, главное,

находиться рядом с любимой в пространстве-времени.

Стихотворение имеет адресата: к любимой он обращается по имени Елена.

Известно, что мотивы и темы лирических стихотворений далеко не всегда согласуются с фактами личной судьбы поэта. Для того чтобы узнать, насколько лирическое «я» в произведениях Оцупа совпадает с обликом реального автора, мы попытались найти информацию о первой жене поэта.

Оцуп не оставил о ней воспоминаний, но отдельные упоминания о ней есть в книгах его современников. Н. Чуковский в своих воспоминаниях писал: «Тут же, в фойе, обнаружился поэт Николай Оцуп с женой Полиной, красивой женщиной, казавшейся нам очень шикарной, потому что она как-то по-особенному косила глаза. Оцуп небрежно мне кивнул, подвел жену к стойке, и они съели по пирожному» [3, с. 17].

Упоминает о жене Оцупа Павел Лукницкий в книге «Встречи с Анной Ахматовой»: «Шли в Мраморный дворец через Марсово поле. АА спросила меня об Оцупе... Я ответил, что, по-моему, блудная ночь с ней невозможна (я бы не решился!), ответила: “Кажется, с ней – невозможно...”» [4, с. 48]. В этой же книге читаем: «На днях (15 февраля) я приносил АА в Шереметевский дом и показывал ей вариант “Заблудившегося трамвая”, полученный мной от П. А. Оцупа» [4, с. 74].

В настоящее время составлением семейного древа занимается Рудольф Романович Оцуп. Двоюродный внук поэта, написавший книгу «Оцупы – моя семья. Генеалогическое исследование» [5, с. 1–76], недавно нашел фотографию Полины Оцуп, датированную сентябрем 1920 г., а также установил, что на еврейском (Преображенском) кладбище в Санкт-Петербурге есть надгробие Полины Ароновны Оцуп, урожденной Уфлянд. Настоящее имя жены поэта известно, осталось понять, почему в поэтических текстах Оцуп дает ей вымышленное имя.

Стихотворения сборника лишь на первый взгляд расположены хаотично и бессистемно. Так, рядом со стихотворением «Любовь», в котором лирический субъект обращается к Елене, расположено стихотворение, посвященное Елене Люком «Я этим грезил до сих пор» [1, с. 31]. В двадцатые годы ее имя гремело на всю страну. В послеоктябрьское десятилетие ни одна петроградская танцовщица не пользовалась такой любовью, как Люком. Ей посвящали стихотворения не только Оцуп, но и Александр Блок и Владислав Ходасевич [6, с. 6]. Для литературного имени возлюбленной поэт выбирает имя любимой балерины.

Поэтоним [7, с. 80] Елена выполняет номинативную, характеризующую и стилистическую фун-

кции. Оцуп комбинирует значение имени, варьируя мотивы, связанные с любовной тематикой.

В стихотворении «Я не люблю, когда любовь нема» (1921) поэт намекает на то, что использует псевдоним для реальной возлюбленной. Лирический субъект обращается к героине по имени Делия [1, с. 63]. Делия (лат.) – эпитет римской богини Дианы, соответствует греческой Селене.

Кроме того, Делия – условное стилизованное женское имя в поэзии первой трети XIX в.; часто для любимых женщин поэты придумывали имя, в котором было столько же слогов, сколько в подлинном имени: Темира – Надежда, Хлоя – Анна, Елена – Полина [1, с. 594].

В стихотворении «Твое имя» автор еще раз акцентирует внимание на то, что имя Елена производное от имени Селена (покровительницы лунного света). «А имя твое – царица слов, / Живущих в лунных морях» [1, с. 32].

В поэтической картине мира Оцупа луна ассоциируется с образом страстно любимой женщины; актуализация лунного начала указывает также на загадочно-мистический ареал.

Ещё одним важным образом для поэта является волна, олицетворяющая жизнь, нахлынувшие чувства, бессознательную и телесную любовь: «Всю комнату в два окна / С кроватью для сна и любви, / Как щепку несет волна, / Как хочешь волну зови» [1, с. 34].

В стихотворении «На дне» (1921), как во время всемирного потопа, под волной оказывается целый город, буря и непогода выступают отражением бытия. Лирический субъект отождествляет себя ершом на суше. В последнем катрене эмоциональный тон меняется: «Но кто-то любит и кому-то жалко, / И кто-то помолился обо мне, / Проходит в дождевом плаще русалка, / Стихает буря – радуга на дне» [1, с. 28].

Выстроен глагольный синонимический ряд: любит, жалеет, помолился; далее следует романтический образ русалки, выступающей в редкой для себя роли предвестницы спасения.

Полномочная представительница водной стихии, пленительное создание народной фантазии, наделенная ангельским ликом, но в то же время безоговорочно причисленная славянской мифологией к нечистой силе, – женщина-русалка в художественной картине мира Оцупа – символ соблазна, сладострастного эротизма, пламенного сексуального вождения и разрушительной страсти.

Женский образ в стихотворении «Любовь» (1921) тоже эротичен, а сюжетная коллизия связана с нечистой игрой: «Снова воздух пьяного марта, / Снова ночь моего обручения, / Селениты на крыше играют в карты / И я попросил разрешения» [1, с. 30].

С помощью перифраз подробно описывается время суток: дворники спят, ворота закрыты, свет погас за окошками, страшный крик за оградой. Анафора фокусирует внимание на том, что каждая ночь для возлюбленных – как первая, обручальная. Тем не менее ночью лирический субъект занят тем, что делает ставки на любовь, соперничая с необычными персонажами – селенитами, жителями луны.

Литературовед Л. Спроге, анализируя стихотворение, отмечает: «Развитие игорного сюжета способствует связи адресата с одной из карточных фигур, имя Елена имеет роковое совпадение с Еленой Прекрасной, в этом облике в карточной колоде изображалась “дама бубен”, которую выкрикивают селениты» [8, с. 4]. Если быть точным, Елена Прекрасная и Дидона являлись прототипом «дамы червей», однако поэт мог не знать этого, поскольку единодушия в установлении прототипов дам не было. Семантическая игра именем дает скрытую характеристику героине: традиционно «дама бубен» считается страстной и импульсивной женщиной.

Проиграв и схватив крупье за горло, лирический субъект падает в прошлое. Далее море воспоминаний выносит его на «берег» серпуховской квартиры. (В 1910-х гг. Оцуп жил по адресу: Серпуховская, д. 7, кв. 5.) [1, с. 592]. Очнувшись от сновидений и миражей, он слышит звоны лиры с лазурного потолка: «Мне ли томиться лунной любовью? / Сердце. Сердце мое беспощадное! / Елена, девственной кровью / Утоли мое тело жадное».

Стихотворение обдуманно в звуковом отношении: об азартной игре в карты автор пишет, используя суровую аллитерацию на «р»: на крыше играют в карты и я попросил разрешения. Для описания любви использована мягкая аллитерация на «л»: мне ли томиться лунной любовью.

Автор выстраивает ассоциативные цепочки: 6 поэтических образов связаны с мотивом луны, 7 связаны с мотивом ночи, 2 – с мотивом памяти, все они являются смысловыми звеньями, служащими для описания любви.

В эмоционально заключительном катрене интимные переживания лирического субъекта звучат как заклинание.

В проанализированных стихотворениях слово «тело» употребляется девять раз, а слово «сердце» только два раза. Частотность употребления еще раз указывает на значимость для лирического субъекта плотской любви. Интимная любовь – естественная сторона человеческой жизни.

В первом сборнике «Град» поэт намеренно пробует различные поэтические формы: удлиненные рифмы, редкие метры – хорямб, трехдольный пауэрик, 5-стопный хорей; меняет субъектную орга-

низацию. Так, стихотворение «В легко подбрасывающем автомобиле» написано от лица женщины: «Как по звездной, золотистой нитке / Память искрой взбегала. Вспыхнул дымный луг, / И луна заглянула в качаемый полог кибитки, / Где глаза мои смуглый и белозубый целует друг» [1, с. 41].

Автор опять использует ключевые лексемы: луна, тело, память; употребляет традиционные романтические образы – строгой, враждебной и равнодушной к человеку звезды; эпитеты, служащие для описания любви и свободы – шелест несущих крыльев, дым кочевья; но главным является предложение: «Губы его изредка закрывали мои глаза» из первого катрена. Его инвариант повторяется в последней строфе: «Где глаза мои смуглый и белозубый целует друг». Целовать в глаза – к расставанию, и героиня предчувствует скорую разлуку.

В стихотворении «В голубом прозрачном крематории» (1921) внутренний мир лирического субъекта раскрывается через его отношение к описываемому случаю.

Необычное сравнение Петербурга с крематорием несколько раз фиксируется с помощью перифраз (горячий золотой дождь), царящая «проклятая жара» ассоциируется с преисподней. Во втором катрене описана героиня – прекрасная и бледная женщина, замершая у дубовой двери. К ней обращается деревянный лев: «Милое и нежное создание, / Я сейчас у ног твоих умру, / Разве можно бегать на свидание / В эту нестерпимую жару? / Будешь ты изменой и утратой / Мучиться за этими дверьми, / Лучше обратись скорее в статую / И колонну эту обними! <...> / Все равно за спущенными шторами / Он совсем не ждет твоих шагов, / Встретишься с уклончивыми взорами / И вдохнешь струю чужих духов» [1, с. 33].

Героиня внемлет увещаниям льва и обращается в задумчивую статую. В трактовке Оцупа заметно отступление от традиционного романтического мотива, когда от холода неразделенной любви замерзает душа и сердце, здесь цепенеет тело. Застывшее мраморное тело олицетворяет конец телесно-чувственного проживания жизни и утрату страсти. Льву легко удается обмануть героиню, ведь мужчина, узнаем из финала, верен и ждет ее, но предчувствие измены терзает больше, чем сама измена, сторож – лев остерегает от боли и предательства.

Статуя, являясь совершенным созданием художника, противопоставлена женщине, измученной разрушительными чувствами. Превращаясь в предмет культуры и искусства, она преодолевает низшие губительные эмоции.

Кроме того, для героини важно, чтобы любимый помнил ее: образ женщины, запечатленный в камне, хранит о ней память.

Во втором сборнике поэта «В дыму», выпущенном уже в эмиграции, любовь и измена постоянно сопутствуют друг другу.

Книга делится на 3 части: стихи 1922–1923 гг., 1921–1923 гг. с отметкой «Петербург – Берлин», стихи 1925–1926 гг., написанные в Париже.

На первый взгляд, фон произведений не меняется, стихотворение «Я много проиграл» текстуально совпадает со стихотворением «Любовь» (1921), центральным остается мотив азартной игры: «Я много проиграл. В прихожей стынут шубы. / Досадно и темно. Мороз и тишина. / Но что за нежные застенчивые губы, / Какая милая неверная жена» (1921) [1, с. 61].

Цезуры делают повествование сухим. Можно выявить несколько настойчиво повторяющихся лексем и ассоциатов, с ними связанных: темнота, холод, тишина, обман. Строку «Какая милая неверная жена» можно понять двояко, о своей или о чужой жене говорит лирический субъект?

Если раньше телесная любовь приносила радость, то теперь «метелью замело блаженный поцелуй». Причина охлаждения кроется в оценочном эпитете с негативной окраской «неверная».

Стирается граница между игрой и реальностью, но игра в «бесслезную любовь» приводит к фатальному финалу, измена – причина назревающей «глухой беды». Не случайно лирический субъект выступает в роли Энея, друга Париса, похитившего изменщицу Прекрасную Елену. «Но если ты поверишь Энею, / Ожесточенному в морях, / Я все еще любить умею, / И я вздыхаю на пирах» (1922) [1, с. 50].

Используя сюжет античной мифологии, поэт намекает на события своей личной жизни. Известно, что в 1922 г. Оцуп покинул страну, оставив на родине свою жену (Эней оставляет любимую жену Дидону).

В первых эмигрантских стихотворениях рядом со словом «любовь» часто находится частица «еще»: «Слова, слова. Любовь еще жива» (1922) [1, с. 63].

Вдали от родины мучает тоска, одиночество, с помощью алкоголя лирический субъект пытается уйти в забвение: «Я молча пью. Ты не со мной, / Но ты всегда моя. / Я всюду слышу голос твой, / Далекий звон ручья» (1923) [1, с. 53].

Стихотворения строятся на антитезе: настоящее представляется мраком, сумасшедшими, мертвыми, равнодушными, невыносимыми годами. Действительности противостоят живые воспоминания о любви, служащие удесятеренным светом и вдохновением. Пусть любимая не с ним, но пока он чувствует ее своей.

В стихотворении «Часы» (1923) перечисляются традиционные атрибуты любви, проходящие через все творчество поэта: волны памяти, ночная комна-

та, чудный мрак, в котором светятся, как при луне, черты дорогого лица. «Пройдут, как волны, надо мной века, / Затопят все мои земные ночи, / Но там воскреснут и моя тоска, / И верные единственные очи» [1, с. 57].

Автор не использует возвышенных поэтических эпитетов для отображения времени любви – ночь у него земная. Для описания любимой употребляются положительные оценки «верная, единственная», но такой образ сохранился лишь в воспоминаниях. В последующих стихотворениях лирический субъект говорит о возлюбленной, используя оценочный эпитет «злая». («И та, прекрасная и злая, любимая и посеячас» [1, с. 54]), а в стихотворении «Когда необходимой суетой» [1, с. 55] женщина уподобляется ведьме: «И разлюби: не ангела крыло / Ту женщину сияньем осенит, / Ей пригодится разве помело, / Когда она на шабаш полетит» (1923).

Перед нами образец медитативной лирики, лирический субъект обращается к самому себе. Он хочет вырваться из плена любви (об этом упоминается два раза) и учится «змеиной мудрости». В последнем катрене отчетливые образы природы олицетворяют свободу, к которой стремится лирический субъект, пытаясь забыть о любимой.

Вот как теперь он изображает черты когда-то дорогого ему лица: «Ты волосы встряхнешь, и на ветру блеснет / Освобожденный лоб, а злой и нежный рот / Все тени на лице улыбкой передвинет / И, снова омрачась, внимательно застынет. / В пронзительных глазах чернеет холодок» (1923) [1, с. 54].

Использование анжабемана делает описание чеканным. Из последней строфы мы узнаем: трагедия лирического субъекта в том, что теперь женщина, которую он считал своей, стала для него чужой. В этом стихотворении слово «чужая» упоминается два раза, в следующем – уже три раза. «Ты говорила: “Мы не в ссоре, / Мы стать чужими не могли, / Зачем же между нами море / И города чужой земли?”» [1, с. 57]

Героев разъединяют автобусы и корабли, уничтожающие прошлое, – образы, ставшие опознавательными знаками, неизменно присутствующими в творчестве всех художников эмиграции: «Летит корабль. Мелькает пена. / Тебя увижу я сейчас. / Но это только сон: измена / Навеки разлучила нас» (1923) [1, с. 58].

Нельзя утверждать, что художественная картина мира поэта отражает его настоящую жизнь. Произведения Оцупа носят автобиографический характер, но все же лирический субъект не двойник поэта и не тождествен автору. Образ любимой женщины также является собирательным.

Тем не менее творчество поэта насыщено личными намеками.

В книге П. Лукницкого упоминается о любовнице Оцупа – Эльзе Яковлевне Радловой, жене Николая Радлова [4, с. 150]. В поэтической картине мира Оцупа изображение любимой двусмысленно: с одной стороны, перед нами женщина, которая изменяет мужу, с другой стороны, любимая женщина, которой лирический субъект сам признается в измене.

Продолжая многовековую литературную традицию, поэт использует вечный образ Дон Жуана, в одноименном цикле (1923) лирический субъект говорит о «другой» женщине. «“Душно, уходи, другая – / Ольга, жарко на песке”. / Загорелая, босая. / Ропщет море вдалеке» [1, с. 69].

Рассуждая о любви, Оцуп писал: «...муж, столько раз изменявший жене во время долгих странствий, не может не видеть в каждой женщине сестру вечной изменницы, прекрасной Елены» [2, с. 43].

Экспериментируя, поэт создает «экзотические» произведения о любви: «Пантум» (1923) малайской поэтической формы и «Канцоны» (1925), имитируя итальянские стихотворения. В целом же во втором сборнике поэта нет нарочито усложненных тропов, метафоры понятны и конкретны, а слог простой (почти все произведения написаны разностопным ямбом с пиррихиями). Критик П. М. Бицилли в этой связи отмечал: «Стихов как будто не видно – они только медиум между автором и читателем» [9, с. 11].

В заключительном стихотворении сборника «Любовь» (1926) для своего суждения автор использует четырехстопный ямб, разрыв строки, антонирование союзов, разное количество ударений в строке; совмещает смежную, охватную и перекрестную рифмы; шестистишие сменяется восьмистишием, пятистишием и снова восьмистишием. Стихотворение является обращенным монологом, используется местоимение «мы» и обращение «мой друг», что усиливает экспрессивную окраску речи. Местоимения «я» нет, поскольку для поэта важно, чтобы его мысли были созвучны убеждениям других людей, живущих с ним в одну эпоху и принадлежащих одному поколению.

Реальность описывается через ряд заведомо ассоциативных образов: холод, стужа, кашель, тяжесть. Раньше от всего этого можно было укрыться в объятиях возлюбленной, но теперь чувственная телесная любовь – забвение, уже не служит оберегом. Лирическому субъекту трудно сопротивляться сумасшедшей влюбленности, но нужно пытаться вырваться из тюрьмы собственного сознания: «И только если череда / Блаженно-смутных обольщений / Истает дымом – лишь тогда, / Лишь в холо-

де опустошений, / Лишь там, где ничего не жаль, / Забрезжит нам любовь иная, / Венцом из света окружая / Земли просторную печаль» [1, с. 76].

Страсть исчезла бесследно, истаяли дымом последние воспоминания о любимой, а в душе – предчувствие новой встречи, иной любви: светлой, святой, очищающей, духовной.

Таким образом, в ранних стихотворениях поэта можно выделить ассоциативно-образную цепочку [10, с. 60], в состав которой входят близкие словесные образы, фокусирующие внимание на развертывании любовной темы: память-волна-страсть-игра-ночь-луна-сновидения-память. В сборнике «В дыму» описание любимой женщины поэта тесно связано с доминантными мотивами разлуки и измены. Первая жена, запечатленная в образе древнегреческой красавицы прекрасной Елены, несомненно, была горячо любима Оцупом, но воспоминания о ней остались негативными. В произведении «Дневник в стихах», написанном поэтом в зрелые годы, он признается: «Для меня прекрасная Елена / Чем-то отвратительна: измена» [1, с. 223].

В докторской диссертации о Гумилёве Оцуп писал: «В родной стране поэту суждено изведать только страсть, и лишь в других краях он надеется встретить ту, кто в представлении Петрарки “прекрасней солнца”. Гумилёв не нашел в земной жизни мадонны своих молитв, женщины, которая сумела бы его покорить не только физическим и духовным очарованием, но чистотой и нравственным совершенством» [2, с. 47].

Не применимы ли эти слова к самому Оцупу? К счастью, в отличие от Гумилёва, в его жизни состоялось чудо встречи с Беатриче. Своей второй жене Оцуп посвятил всю последующую любовную лирику.

Однако современники поэта отмечали, что лучшие стихотворения о любви Оцуп написал именно в 20-х гг. Нина Берберова в книге «Курсив мой» писала о стихотворениях Оцупа: «Ранние стихи о любви точны в передаче видимого; раз прослушав, их легко запомнить на всю жизнь, в них чувствуется свобода. Все, что было написано впоследствии, вяло, длинно, нравоучительно, задавлено моралью, как старомодная басня» [11, с. 238].

К сожалению, в конце жизни Оцуп стыдился рассмотренных нами стихотворений, многие из них даже не вошли в его посмертную книгу «Жизнь и смерть» (1961). Неизвестно, сам ли поэт отверг эти стихи или вдова Оцупа, составляющая сборник, так распорядилась его наследием, но важно, что стихи о первой любви теперь опубликованы, и у читателей есть возможность познакомиться с самыми искренними стихотворениями поэта.

Список литературы

1. Оцуп Н. А. Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах; Статьи и воспоминания / сост., вступ. ст. Л. Аллена; коммент. Р. Тименчика. СПб: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. 616 с.
2. Оцуп Н. А. Николай Гумилёв: Жизнь и творчество. СПб: Logos, 1995. 200 с.
3. Чуковский Н. К. Правда и поэзия. М.: Правда, 1987. Библиотека «Огонёк». № 12. С. 17.
4. Лукницкий П. Н. Встречи с Анной Ахматовой. 1924–1925 гг. Т. 1.
5. Оцуп Р. Р. Оцупы – моя семья. Генеалогическое исследование. СПб.: Петербург – XXI век, 2004. 76 с.
6. Розанова О. И. Елена Люком. Л.: Искусство, 1983. 192 с.
7. Зинин С. И. Имя собственное и контекст // Мат-лы науч. конф. аспирантов Ташкентского ун-та. Гуманит. науки. Ташкент, 1966. С. 80–82.
8. Спроге Л. Рассказ Г. Адамовича «Рамон Ортис»: дискурс игры.
9. Поэзия русского Зарубежья / сост., предисл., коммент. О. И. Дарка. М.: СЛОВО/SLOVO, 2001. 800 с.
10. Яцуга Т. Е. Ассоциативно-образная цепочка в регулятивной структуре поэтических текстов З. Гиппиус // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2005. Вып. 3 (47). С. 59–63.
11. Берберова Н. Н. Курсив мой. М.: Аст / Астрель, 1996. 765 с.

Сафонова Е. А., аспирант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: Safonova_k@mail.ru

Материал поступил в редакцию 03.10.2012.

Е. А. Safonova

THE IMAGE OF WIFE – THE BELOVED IN NIKOLAY OTSUPA'S LYRICAL COLLECTIONS "HAILSTONES" AND "IN THE SMOKE"

In the article the love lyrics of the poet of the first Russian emigration of Nikolay Otsupa is analyzed. The early poems of the poet created from 1918 to 1926 and comprising the first collections by N. Otsupa "Hailstones" and "In the Smoke" are considered.

Key words: *emigration, love, lyrics.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: Safonova_k@mail.ru

И. В. Ащеулова

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА КАК ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ В РОМАНЕ В. ШАРОВА «СЛЕД В СЛЕД»

Рассматривается первый роман современного русского писателя В. Шарова «След в след» (1991). Создавая вымышленную хронику четырех поколений рода Крейцвальдов и вписывая его судьбу в течение русской истории XX в., автор исследует механизмы движения и повторы истории. В статье исследуется авторская стратегия обнаружения и анализа текстов представителей рода Крейцвальдов. Автор реализует единственную возможность обретения бессмертия индивидом и родом через восстановление потомками памяти о предках.

Ключевые слова: *В. Шаров, хроника, русская история, псевдоистория, тексты, память.*

В современном русском литературном процессе В. Шаров прочно занимает место интеллектуального писателя, занимающегося созданием художественных квазиисторических, альтернативных версий событий русской истории XX в. Художественный мир Шарова индивидуален и заслуживает самого пристального анализа со стороны литературоведения. В данной статье мы попытаемся рассмотреть композицию первого романа Шарова «След в след», представляющую собой различные тексты, соединяющиеся в вымышленную хронику одной семьи, судьба которой вписана в течение истории России XIX–XX вв. Роман «След в след» писался в конце 1970-х – начале 1980-х гг., опубликован в журнале «Урал» в 1991 г. Роман начинает сюжет увлечения Шарова русской историей, продолжившийся в последующих шести романах, последний из которых «Будьте как дети» опубликован в 2008 г.

Роман «След в след» имеет подзаголовок, отсылающий к определенной жанровой традиции в мировой литературе: «Хроника одного рода в мыслях, комментариях и основных датах». Хроника (греч. *chroniká* – летопись, от *chronikós* – относящийся ко времени, к летосчислению), литературный жанр, содержащий изложение исторически достопамятных событий в их временной последовательности. В центре хроники – время как субъект исторического процесса и судьбы и действия людей подчинены ходу времени [1]. Как художественный прием в романе, хроника рода Шейкеман-Крейцвальдов позволяет проследить судьбу четырех поколений одной семьи в историческом времени XX в. и раскрывает, с одной стороны, проблему подчинения/сопротивления человека-индивида истории-времени, с другой – проблему ценностных отношений между поколениями. Три составляющих элемента хроники (мысли, комментарии, основные даты) формируют два уровня сопричастности рода и человека историческому времени: это горизонтальный уровень (хроника событий, *основные даты* жизни членов рода) – вписанность рода в историко-социальный контекст русской жизни, проявление

физической реальности истории в развитии рода; вертикальный уровень (*мысли и комментарии*) – вписанность рода в метаисторический контекст, проявление метафизичности истории, формирующей связи рода с бытием, Богом, памятью и прапамятью, определяющей историческое и экзистенциальное самосознание, родовую и индивидуальную ответственность. Данный уровень формирует и авторскую концепцию восприятия истории, и места человека в ней. Зададимся целью проанализировать взаимодействие выделенных уровней в структуре романа В. Шарова «След в след».

Роман имеет сложную метатекстовую структуру, строится как ряд разнообразных текстов представителей рода Крейцвальдов. Этимология фамилии может быть предположительно связана с словенскими и немецкими корнями: *krês* слов.; *кръст*-слав. – оживление, воскрешение [2, с. 372]; *wald* (нем.) – лес. Очевидно проявляется семантика мирового или родового (генеалогического) древа, где каждый в роду имеет свою ветку-положение и может дать побеги и листья, но имеет один корень. В свою очередь роды объединяются в лес, представляющий как общечеловеческое родовое начало. Подобная мифологическая семантика и символика фамилии отсылает к заявленной проблематике ценностных отношений между родом и историей, человеком и родом, человеком и историей. Развитие проблемы в романе обнаруживается в мотивах следа, текста-следа, памяти. Писание и чтение текстов – продуктов человеческой индивидуальной мысли, создают прерывистую, искажаемую духовную преемственность, формируют избирательную человеческую память, свидетельствующую и о тупиках мысли, и о забытых в прошлом ценностях. Обнаружить исчезающие ценности, пройти по следу рода, сформировать историческую память как личностное самознание – задача повествователя романа, автора и читателя.

Повествование начинается с личного признания рассказчика – Сергея Петровича Колоухова, с 1979 г. начавшего собирать в хронику разрозненные тексты: записки, заметки, воспоминания, исто-

риософские труды, очерки и рассказы – принадлежащие вымершей семье Крейцвальдов. Эта работа начинается после смерти приемного отца Сергея – Федора Николаевича Голосова, в архиве которого и обнаруживаются тексты. Подлинным автором хроники оказывается сам Федор Николаевич – последний отпрыск рода, усыновленный в младенчестве семьей авиаконструктора Голосова после ареста родителей в 1937 г. Федор, выросший Голосовым, узнает о своей настоящей семье только в 1956 г., в возрасте 20 лет. С этого момента в его жизни, в его внутреннем мире начинается настоящий раскол, длящийся год, в течение которого он пытается обнаружить хоть какие-то следы родителей и старших братьев. Эти розыски ни к чему не привели, и Федор решает уехать из Москвы, уйти из семьи Голосовых, чтобы не только понять кто он, но и попытаться обнаружить хоть какие-то следы своей семьи. Так возникает провинциальный Воронеж, где Федор Николаевич прожил семь лет и где он начал собирать и писать хронику своего исчезающего рода. С одной стороны, архив Федора Голосова-Крейцвальда представляет собой собранные свидетельства о жизни и личности того или иного представителя рода, это горизонтальный уровень присутствия отдельного человека и семьи в историческом времени, собственно хроника. С другой стороны, в архиве есть тексты, созданные членами рода, это тексты-следы, по которым движется Федор Николаевич, а за ним и Сергей, в них зафиксированы мысли, комментарии, оценки, внутренний мир прадеда, бабушки, брата. В текстах обнаруживается вертикальный, или метафизический, уровень существования человека во времени, когда в мыслях и текстах проявляются отношения человека с Богом, историей, бытием. В контексте метафизического мышления меняется восприятие истории как линейного прогрессивного процесса и обнаруживаются тупики, загадки, повторы. Индивидуальные тексты не отменяют историческое событие-факт, но заменяют его собой, дают иную версию, иной смысл, иное толкование, предполагают иной ход события. В подобной авторской стратегии мы сталкиваемся с постмодернистским скепсисом по отношению к логике развития истории и попыткой обнаружения доли исторической истины в свидетельствах людей, оставшихся за пределами официальной истории. Таким свидетельством времени и является хроника одного рода Крейцвальдов, на себе испытавшего разрушительную силу исторических событий XX в. Рассмотрим вначале горизонтальный уровень.

Главным сюжетом-мотивом, определяющим существование рода в истории XX в., является мотив смены имени как смены судьбы в результате крещения, усыновления или замужества. Первым, кто

отважился сменить имя и тем самым отказаться от прежней семьи и жизни, является Петр (Симон) Шейкеман, прадед Федора со стороны бабушки. Хроникально-биографическая канва жизни Шейкемана включает несколько основных моментов, отражающих временную перспективу русской истории конца XIX – начала XX в. Петр родился в семье бедного белорусского еврея Моисея Шейкемана, известного своим голосом, который у него пропадает вследствие болезни, что ставит и без того бедную зависимую семью в условия невыносимые. После учебы в хедере Петр вынужден пойти в солдаты за другого человека, чтобы хоть как-то покрыть долги семьи. Обида на несправедливое отношение семьи и участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., оборона Шипки, два солдатских Георгия и два серьезных ранения провоцируют крещение Петра в православную веру. Крестным становится знаменитый «белый генерал» М. Скобелев. Героизм и крещение, раздутые столичными газетами, делают Петра Шейкемана идеальным образцом для имперской пропаганды ассимиляции евреев в Российской империи. Однако Петр не старается извлечь выгоду из славы, под воздействием духовного наставника он заканчивает семинарию, женится и получает приход, в 1884 г. рождается дочь Ирина, которой Шейкеман после смерти жены посвящает оставшуюся жизнь. В 1898 г. Ирина выйдет замуж за русского немца, инженера Иоганна Крейцвальда, в 1900 г. родится сын Федор, в 1901 г. умрет Шейкеман. Таким образом, хроника жизни выкреста Петра Шейкемана фиксирует возможности вхождения евреев в иной род посредством отказа от своей родовой принадлежности, веры и имени.

Хронология жизни Ирины (1884–1924) связана с рубежом веков и победой русской революции. Ирина оказывается тем сосудом, в котором переплетаются совершенно противоположные крови, роды, традиции (русская мать и еврей отец). Особенности своего характера: нервность, экзальтированность, повышенная чувственность, раздвоенность (наблюдалась у профессора Ганушкина) – Ирина олицетворяет время рубежа как время сомнений, отрицаний, богоискательства, нетерпения. Ирина до и после замужества остается холодна в чувствах, главное ее желание и в детстве, и в молодости – уйти в монастырь, посвятив себя служению Христу. И эта холодность связана с глубинными духовными процессами, происходящими в Ирине. Однако после рождения сына в ней просыпается чувственность, появляются многочисленные любовные связи, «жизнь втроем», увлечение теософией (хроникер упоминает о переписке Ирины с Блаватской). Эта раздвоенность тела и души привела к потере цельного личностного начала,

Ирина не смогла примирить в себе две крови, два Завета, в конечном итоге, уйдя из семьи, она разрушила и цельность единственного сына, страдавшего раздвоением личности.

Годы жизни Федора Иоганновича Крейцвальда (1900–1961) как следующего поколения рода в хронике страны отражают три периода: период становления новой жизни и государства (1917–1936) – Федор – инженер, необходимый власти, в это время он удачно женится, рождаются трое сыновей, обретается личное счастье; период политических репрессий (1937–1953) – Федора и его жену Наталью арестовывают в августе 1937 г.; период реабилитации (1953–1961), когда Федор пытается вернуться домой, в семью, но, не найдя никого в живых, возвращается в Заполярье. Федор Иоганнович как представитель поколения 1900-х гг. в хронике не оставляет после себя ни одного слова, письма, ни одного текста, это след, ведущий в смерть, без возможности воскрешения.

Следующее поколение Крейцвальдов представлено тремя братьями: Николаем (род. в 1925), Сергеем (род. в 1927), Федором (род. в 1937), детьми Федора Иоганновича и Натальи Дмитриевны Крейцвальдов. Младшего Федора, после ареста родителей, усыновил двоюродный брат Натальи Николай Голосов, Николая и Сергея арестовали в октябре 1938 г., и они разделили участь многих миллионов «детей врагов народа». Николай после побега из детдома попадает в лагерь, затем штрафбат. Сергей в хаосе первых военных месяцев при эвакуации детдома оказывается в Курганской тюрьме, где в 1942 г. получает новый срок 12 лет и отбывает его в лагере под Новокузнецком. Николай после войны и контузии поселяется в Гудаутах, где и умирает в 1960 г. от сердечного приступа. Сергей освобождается в 1954 г., оказывается в Пензе, где, примерно с 1957 г. до самоубийства в 1960 г., является пациентом психиатрической больницы. У Николая остается трое детей, которые будут усыновлены, сменят фамилию и забудут отца и его род, у Сергея детей не останется. Таким образом, в развитии рода эти следы обретают значение потерянных. Единственным наследником рода становится младший сын и брат Федор, который и пытается в своих мыслях и собственных текстах восстановить утраченные следы. Показательно, что юридически Федор не является Крейцвальдом, он Голосов, и в этом нет его вины (в отличие от вины прадеда, сознательно отказавшегося от рода и имени), это вина времени, сложившихся обстоятельств, социума, но неотступное ощущение собственной вины в исчезновении рода заставляет Федора моделировать, придумывать, описывать возможные ситуации, мысли, разговоры исчезнувшей семьи, как целой страны, материка, в этом он как последнее зве-

но рода соединяется со своим прадедом Петром Шейкеманом и пытается обрести тот же уровень мышления, что и прадед.

Так из конкретного хроникально-исторического контекста, представляющего довольно обычную историю практически любой советской семьи в 1930–40-е гг., формируется метаисторический, архетипический сюжет нарушения сакрального завета одним из членов рода, последующего осознания вины, одиночества и обретения индивидуального исторического сознания, позволяющего воскресить память о предках в создании текстов, становящихся неоспоримыми свидетельствами и доказательствами существования исчезнувшего рода в катастрофическом времени. С этой точки зрения Федор, потерявший след родителей и ставший чужим сыном, оказывается гораздо ближе к повторному обретению семьи, нежели Николай и Сергей, сознательно выбравшие арест как попытку следования за родителями и их судьбой: «Но жить постарому было нельзя. Нельзя было жить так же, как при них, когда их уже не было. Через неделю после ареста отца и матери от ребят во дворе, и сами они уже знали, что их ждет. Знали, что их отправят в спецдетдом, что спецдетдом – это лагерь для детей, лагерь-школа, и, когда они вырастут и окончат его, их, скорее всего, переведут во взрослый лагерь, может быть, в тот же, где сидят отец и мать. Они пойдут за своими родителями, что это правильно, что так и должно быть, потому что родители всегда любят, когда дети идут их путем. Они понимали, что сейчас им важнее всего быть хотя бы на шаг ближе к родителям, а в спецдетдоме они будут ближе и жить будут почти так же» [3, № 6, с. 54]. Они последовали за родителями в надежде догнать, пойти «след в след», но время свернуло их с дороги рода, они либо забывают (как Николай), либо сознательно уходят по другим следам (как Сергей).

В метафизическом контексте присутствия человека во времени жизнь Николая представляется бесплодным, бессмысленным круговоротом, вращением карусели, на которой он работал билетером. Потеряв след семьи после ареста родителей, став «сыном врагов народа», Николай за свою короткую жизнь уже не обретет настоящей опоры и создание собственной семьи будет считать ошибкой. Страх как ощущение тотального одиночества, оставленности, ненужности сопровождал Николая всю жизнь. Страх ареста, детдома, смерти на войне, страх перед начальством рождает в Николае не только понимание несправедливости времени, но и чувство безнадежности, бессмысленности протеста и изменения жизни. Это ощущение сформировалось в Николае в первые дни тюремного заключения, когда «воронок» отвез его с братом в районное отделение милиции, где они просидели три

дня, «они сразу поняли, что все определилось, что от них ничего не зависит и что бы они не делали – ничего не изменится. Это было чувство, что все идет так, как может и должно идти, что ничего делать не надо...» [3, № 6, с. 55]. Росший и формировавшийся вне родовых ценностей, проживший всю жизнь в атмосфере страха и несправедливости (инвалидность, безработица, отсутствие государственной помощи, собственная низкая самооценка) Николай в философском метаисторическом дискурсе романа воплощает судьбу человека, потерявшего основы и смыслы существования в бытии. Он оказывается вне контекста хроники рода и даже на материально-биологическом уровне продолжения рода жизнь Николая является бесплодной, так как дети после смерти отца усыновляются другим человеком, получают иную фамилию и входят в ценностные ориентиры другого рода.

Иное значение и направление получает жизнь Сергея. В хаосе первых месяцев войны он оказывается в Курганской тюрьме, в одной камере с эсерами: «Тюрьма была переполнена, что делать с мальчишкой никто не знал, документов никаких, кто он и за что сидит, тоже непонятно, штрафбат отпадал – на вид ему было никак не больше тринадцати лет, вокруг города, как на грех, ни одной колонии... его перевели к эсерам, в самую пустую камеру тюрьмы, и так же, как о них, на полтора года забыли» [3, № 7, с. 33]. Год жизни с эсерами становится для Сергея своеобразной инициацией, он как бы отступает, предает завет собственного рода, забывает о родителях и обретает новый завет и род. Для эсеров, ожидающих смерти, Сергей не только воплощает образы их существующих и возможных детей, но и выступает судьей их жизни, идей, поступков: «Эти рассказы и воспитали Сергея, и я думаю, что он был в большей степени сыном эсеров, чем Наты и Федора» [3, № 7, с. 34]. От новых отцов-учителей Сергей получает разнообразные знания об истории партии эсеров, о политической программе, об идеях и идеалах. Пытаясь сохранить этот след в русской истории и истории революции, после освобождения Сергей начинает писать энциклопедию народничества. Обратим внимание на то, что Сергей опирается на два вида источников: с одной стороны, это подлинные документы эпохи, хроника возникновения и развития «Земли и воли» (газеты, выходившие с 1955 г., журналы «Былое», «Современная летопись», «Каторга и ссылка», книги и мемуары); с другой стороны, это устные предания, передающиеся из уст в уста, от отца к детям, от более старших товарищей по партии к более младшим и фиксирующие судьбу движения. Именно на записи устных преданий делает акцент Сергей, для этого он полгода ездил по России и записывал, создавал текст-свидетель-

ство о жизни и судьбе народников. Сергею и его помощникам удалось дойти в хронике до 1905 г., собрать большую библиографию о движении, восстановить многие имена забытых и канувших в небытие людей, так восстанавливалась справедливость и память о человеке, который боролся и погиб за счастье других людей. В подобной работе огромная заслуга Сергея, он оказался достоин памяти тех названных отцов, что в 1942 г. принимали его в партию эсеров и завещали ему знание. На философском метаисторическом уровне в эпизоде собирания Сергеем энциклопедии обнаруживается проблема ценностных отношений между поколениями. Сергей забывает свой род, но не отказывается от знания старших как возможности обрести себя в контексте большого исторического времени, в этом проявляется традиционалистский принцип культуры как следование сына, ученика, послушника воле отца, авторитету старшего, учителя, вождя, Бога. При этом принцип авторитета акцентирует значение экзистенциального, личного выбора, когда сын, не отрекаясь от ценностей отцов, продолжает их идеи смыслами, возникшими в новом круге его индивидуального бытия. Поэтому Сергей интересен в хронике Крейцвальдов не только как последователь эсеров, но и как интерпретатор их учения, попытавшийся соединить идеологические искания народовольцев и личностные религиозные искания. «У Сергея уже был свой взгляд на Христа... Сергей по-прежнему считал, что Христос был, пожалуй, самым великим народным вождем, и то, что хотел дать людям Христос, нужно им сейчас... <...> Единственное, что казалось ему несправедливым и с чем он не мог примириться – это с идеей первородного греха, с идеей изначальной греховности и виновности человека и с тем, что Христос пришел в мир, чтобы на кресте искупить человеческие грехи и очистить людей» [3, № 7, с. 47]. От несогласия, нетерпения зла и греха, от сознания собственной силы и возможностей изменить существующий порядок Сергей в отделении хроников пензенской психиатрической больницы ставит эксперимент, доказывая себе, окружающему социуму и, главное, учителям, соратникам по партии, возможность искоренения зла, осуществления революционных идей эсеров на практике, торжества христианского добра. Столкновение чистого учения и идеи с недолжной реальностью, по мысли Сергея, борьбы добра со злом приводит не только к победе добра (в результате грамотно спланированных Сергеем мероприятий руководство больницы выполняет все требования больных: прекращаются побои, улучшается питание), но и к торжеству зла, так как в основу благоденствия положена человеческая жертва (убийство отца и сына Левиных – явная параллель

с образом Сергея Нечаева). Воплощая в реальность сюжеты и схемы народовольческого движения (Сергей Нечаев и убийство Иванова, судьба Николая Васильевича Клеточникова, теория «двойного предательства», провокация 6 июля 1918 г.), Сергей доказывает прежде всего себе жизнестойкость идей народовольцев. Но хроникер фиксирует ложность пути Сергея, следствие которой – самоубийство в момент психического выздоровления. В повторяемости исторических ситуаций, обнаруживаемых в больничном бунте, проявляется авторское восприятие истории как «дурной бесконечности», разрушающей человеческую индивидуальность, отнимающей личную свободу, лишаящей личностного мышления. В сюжетной линии Сергея Шаров предупреждает об опасности исторических экспериментов, провоцируемых утопическими идеями, усиленными авторитетом отцов (учителей), которому рабски следуют дети.

Итак, единственным сыном и братом, способным найти родовой след в истории, становится Федор Николаевич Голосов (Федор Федорович Крейцвальд). Во-первых, Федор Николаевич, ощущая невольную вину перед родителями и одиночество, попытался восстановить историю, опыт, знания, мысли рода в документально-хроникальных записках, где каждому представителю рода отводится своя папка, своя летопись. Во-вторых, Федор попытался вступить в диалог с предками, прадедом и отцом, сочиняя собственный роман о вымышленной семье, повторяющей судьбу Крейцвальдов во времени и истории XX в. Федор как писатель проявил редкую изобретательность, создавая, достраивая в сознании и тексте свои отношения с родными, которых он не знал и не помнил. Его тексты (рассказ «Важное задание», роман «Путешествие Джона Крафта», глава «История моего рода», эссе «Семейная революция») часто заменяют или подменяют обстоятельства жизни реальных родных, позволяют обрести ощущение памяти, понимание себя частью большого рода. «Его близкие все гуще окружают и защищают его, и он перестает быть тем одиноким и ото всех отошедшим человеком, каким был в жизни. Он становится частью длинной-длинной семьи, такой большой и сильной, что пресечь ее не могут ни гонения, ни смерти» [3, № 7, с. 59]. Таким образом, моделируя художественный мир своих текстов, выстраивая схемы, каркасы, острова, народы своего мира, Федор создает новую реальность своего рода, преодолевающего смерть, исчезновение, обретающего слово. Так проявляется авторская стратегия, исходящая из постмодернистского ризоматического письма. Тексты Федора не только заменяют ему утраченную реальность («мир как текст»), но и позволяют восстановить память, обрести духовный опыт, от-

крыть часть истины, скрываемую историей. Текст предстает комментарием реальности, в котором проявляется понимание человеком своего места в истории и бытии. По словам самого В. Шарова, «есть текст, и есть жизнь. Наше бытие не простое повторение, а комментарий, попытка понимания и собственной жизни, и жизни тех, кто нам предшествовал. Мир представляется мне столкновением большого количества разных правд. У всех есть свои основания и резоны. Столкновение этих монологических правд и есть моя сфера. Я не пишу одну правду, мне это неинтересно» [4].

Важно, что авторская маска Федора Николаевича в его текстах связана с образом переводчика. В романе некий журналист, живущий в провинциальном городке Нанкове, спасает из огня рукопись путешественника Джона Крафта и переводит на русский язык. В рассказах безымянный журналист, разбирая архив отца и деда, «переводит» их мысли в собственный текст-комментарий настоящей реальности. Так появляются «Семейная революция» и «Психология русской истории». Образ переводчика значим для творческого мышления Федора Николаевича. Повествователь Сергей, знакомясь с архивом своего приемного отца, отмечает, что ближе к финалу жизни Голосов полностью отказался от авантюрно-приключенческой линии в романе о Крафте и отдал повествование переводчику. Подобная авторская стратегия позволяет предположить, что через «перевод» Федор Николаевич пытался обнаружить следы своего рода, а значит, и себя в общеисторическом, онтологическом процессе развития человеческого рода. Отсюда такое пристальное внимание к русской истории, ее механизмам движения, причинам и следствиям событий, всему тому, что приближает Федора Николаевича к размышлениям прадеда Петра Шейкемана. Исследование «Психология русской истории», написанное Федором Крейцвальдом на основе размышлений его прадеда Петра Шейкемана и прочитанное, осмысленное приемным сыном Федора Сергеем, замыкает семейную хронику Крейцвальдов и обнаруживает возможность обретения и индивидуального понимания потомками смыслов, идей и текстов предков. Жизнь представителя рода как индивида, взятая отдельно (дерево), по мысли автора, пропадает в беге времени, не оставляя после себя видимого следа (можно не найти могилу, потерять документы). Отдельную жизнь не поймешь, так как она слишком коротка. Но жизнь всех членов рода (лес) и на горизонтальном, и на вертикальном уровне присутствия человека в истории, формирует понимание русской истории, где общеисторические события приобретают смысл через интерпретацию тех же событий в жизни рода.

Список литературы

1. Эпштейн М. Хроника // БСЭ. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/bse>
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. 2.
3. Шаров В. След в след (Хроника рода в мыслях, комментариях, основных датах). Роман // Урал. 1991. № 6–8.
4. Интервью В. Шарова Н. Кириллову для газеты «Частный корреспондент» 18 декабря 2009 года. URL: http://www.chaskor.ru/article/vladimir_sharov_ya_lyublyu_bumagu__13558

Ащеулова И. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры.

Кемеровский государственный университет.

Ул. Красная, 6, Кемерово, Россия, 650043.

E-mail: asheulova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15.06.2012.

I. V. Asheulova

FAMILY CHRONICLE AS FORMATION OF HISTORICAL MEMORY OF THE GENERATIONS IN THE NOVEL “WALK IN THE TRACKS” BY V. SHAROV

The article deals with the first novel of the contemporary Russian writer Vladimir Sharov’s “Walk in the Tracks” (1991). Creating a fictional chronicle of four generations of Kreutzwald and entering his fate for the Russian history of the twentieth century, the author investigates the mechanisms of movement and repetition of history. In this article the author’s strategy is to detect and analyse the texts of the genus Kreutzwald. The author realizes the only way to gain immortality of the individual and the species by restoring the memory of the descendants of the ancestors.

Key words: *V. Sharov, chronical, Russian history, pseudo-history, texts, memory.*

Kemerovo State University.

Ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, Russia, 650043.

E-mail: asheulova@mail.ru

УДК 82-3.087.5 (17.82.93)

А. Н. Губайдуллина

ФУНКЦИИ ГЕРОЕВ И СЕМЕЙНЫЕ РОЛИ В КНИГЕ С. СЕДОВА «СКАЗКИ ПРО МАМ»

Рассматриваются авторские сказки Сергея Седова, имеющие двойную адресацию, т. е. предназначенные для прочтения детьми и взрослыми, вошедшие в сборник «Сказки про мам». Функции действующих лиц в книге продолжают традиции русских волшебных сказок, но сюжет развивается на фоне современности. Семантическим центром сборника служит архетипический образ матери, отражающий уход от рациональной модели поведения к интуитивной связи с окружающим миром.

Ключевые слова: детская литература, русские волшебные сказки, архетип матери, функции действующих лиц, В. Пропп, литература с двойной адресацией.

«Сказки про мам» Сергея Седова можно отнести к литературе с двойной адресацией: обращенной к детям и взрослым одновременно. В 2012 г. книга выпущена Издательским домом «Самокат». Характер авторской иронии, образы и тематика отдельных сказок понятны в первую очередь взрослому читателю. Издатели предназначили книгу «для семейного чтения».

Двадцать произведений цикла объединены содержанием, а также элементами поэтики. Заглавие каждой сказки начинается с фразы «Жила-была мама», актуализирующей сказочный код и архетип матери (об этом – ниже). На первой странице предусмотрено место для рисунка или фотографии, шаблон сопровождается подписью: «Моя любимая мамочка». Поучаствовав в оформлении книги, читатель превращается в ее соавтора, а члены его семьи обретают «книжную биографию». Речь идет о дополненной реальности, и ребенок не адресат, но ее создатель.

Сказочный цикл Седова воспроизводит многообразие жизненных ситуаций с устойчивыми семейными ролями. Если согласиться с тем, что сказка обладает воспитательной функцией и акцентирует универсальные ценности, то Сергей Седов добивается универсальности, расширяя рамки сказочного пространства. Каждая сказка имеет собственные «декорации»: привычные российской реальности и иноземные (Арктика, Антарктика, Египет); природные и урбанистические; земные и космические. Кроме того, автор использует уже существующие сказочные и литературные образы. Героиня первой сказки названа Аэлитой (отсылка к героине одноименного фантастического романа А. Толстого, 1923 г.) и тоже имеет космическое происхождение. В цикле сказок появляются: Красная Шапочка, Мальчик с Пальчик, Серый Волк, Людоед.

Действие развивается в современности. Точнее, герои живут вне исторического времени, но их жизнь наполнена деталями современного быта. С одной стороны, сказочный мир продолжает быть биполярным: есть добро и зло, ночное и дневное время, богатые и бедные. В жизнь семьи вторгаются

богачи, чудища, ведьмы, и герои пытаются восстановить внутрисемейный порядок. С другой стороны, добро и зло утрачивают устойчивость. Мать показана в одной из сказок «злой, крикливой», в другой – пьяной. Типовые отрицательные герои сказок, в свою очередь, наделяются обаянием и неоднородным психологизмом. Так, Седов предлагает альтернативный финал сказки о Мальчике с Пальчике: «Может, тут и сказке конец? А может, дальше вот что было» [1]. Новый финал не только принципиально изменяет «код» волшебной сказки о помогающем ребенке (главным героем становится не Мальчик с Пальчик, а его мама), но и примиряет темную и светлую стороны мира. Циничный богач отказывается от денег, и это становится основой семейного счастья:

«Наконец богач сдался:

– Ладно, – говорит, – возьму (свои деньги обратно. – А. Г.), но с одним условием: иди за меня замуж!

– Я бы пошла! – отвечает мама. – Но уж слишком ты богатый!

– Это дело поправимое! – обрадовался богач.

Раздал он лишнее богатство, пересел из новенького «Кадиллака» в старенькую «Тойоту» (это такой автомобиль, не слишком дорогой), и стали они жить-поживать, горя не зная!» [1].

Модный дом, сравнение кадиллака и тойоты, миллион долларов, прекрасное образование, путешествие по миру – устойчивая историческая морфология сказки о современности. Дискурс волшебства ступает в симбиоз с реализмом.

В. Пропп, перечисляя постоянные и переменные величины волшебной сказки, в качестве постоянных упоминает функции действующих лиц. «Функции действующих лиц представляют собой те составные части, которыми могут быть заменены “мотивы” Веселовского или “элементы” Бедье» [2]. Если обратиться к структуре сказок Седова, заметим, что произведения содержат устойчивые функции, присущие народной волшебной сказке, такие как «отлучка», «беда и противодействие», «испытание», «травестизм», «прятки», «престо-

наследие», «свадьба» и другие. Сказочный сюжет по-прежнему рождается как ответ на процесс внутренней трансформации ребенка во взрослого. Однако связь современного детского сознания с мифами, с ритуалами древности, отраженными в сказке, разорвана. Автор вынужден присовокуплять к устойчивым сказочным функциям прагматические обоснования. Например, в первой сказке все женщины в роду наделены способностью к оборотничеству. Благодаря инопланетной природе они могут принимать любую внешность. В финале автор прибегает к псевдонаучному объяснению, рационализирующему факт магической трансформации: «Стала Аэлита мамой. Сначала мальчик родился, а потом девочка. Мальчик – земной житель оказался, а девочка получилась инопланетянка. Такая вот закономерность (генетическая)» [1]. Объявление волшебства закономерностью переводит чудо в разряд рядовых событий действительности.

В другой сказке мать приносит себя в жертву морскому царю, чтобы спасти сына. Морской царь принимает жертву. Автор подбирает поступку сказочного персонажа психологическую мотивировку:

«– Я мать, мне и отвечать! Возьми меня в вечные пленницы – освободи сына. Его дело молодое – вся жизнь впереди.

Подумал царь и согласился. (Ему мама-то понравилась, она еще не старая была женщина)» [1].

Подобные обоснования обычно даются в скобках. Повествователь вторгается в сказку, высказывая частное мнение о ситуации. В цикле «Сказки про мам» частные комментарии достигают нескольких результатов:

а) поддерживают интонацию доверительного диалога взрослого с ребенком;

б) адаптируют сказочный сюжет для рационализованного, «недоверчивого» современного детского сознания;

в) создают иронический подтекст в точке столкновения несовместимого: чудесного и будничного:

«Посмотрела мама на старенького доктора и узнала его. (Это был Кощей Бессмертный! Он работал в больнице под чужой фамилией)» [1]. Таким образом, сказочный герой бюрократизируется. Он может быть наделен современным именем, фамилией, профессией, родом занятий (мама-парашютистка). Иронией пронизан интертекстуальный слой сказок. Людоед или Красная Шапочка присутствуют в качестве культурных брендов и в то же время симулякров, лишенных содержания своих сказочных ролей. Людоед никого не может съесть, а Красная Шапочка, подобно Сизифу, попадает в круг дурного повторения, еженедельно доставаясь на съедение Волку [1]. Интертекстуальная ирония достигает апогея в слове «*патрет*», написанном

курсивом и отражающем попытку отмежеваться от «историко-культурного идеала», с которым сказка «безуспешно пытается идентифицироваться» (схожий механизм словообразования – «милищанер» Д. Пригова) [3]. В то же время ирония вступает в диалог с первоначальными смыслами сказочной символики. Например, исследователи пишут о зоне влияния Кощей Бессмертного в русских сказках: «...сам процесс умирания живого существа здесь исключен полностью. Царство-то это “костяное”, где все уже давным-давно простились с жизнью» [4]. В «Сказках про мам», попадая к Кощей, героиня также оказывается на грани жизни и смерти, но счастливо спасается, поскольку дело происходит в больнице (место противостояния смерти).

В каждой следующей сказке показана новая семейная ситуация. Так же как в народных волшебных сказках, члены семьи могут быть классифицированы [2] по номенклатуре и категориям действующих лиц (отправитель, искатель и пр.). В «Сказках про мам» обычно выделены два поколения: родители и дети. В 14 историях из 20 семья неполная семья: отец либо умер, либо о нем ничего не известно. В остальных 6 сказках отцу отведена периферийная роль. Он лишен мужской сказочной функции героя, искателя, добытчика. В сказках неоднократно подчеркивается его слабость, бездеятельность: «Жила-была мама. Она была сильная. А папа – не очень» [1]. «Отец испугался и не полез за золотом в пасть, братья тоже испугались, одна мама не испугалась, полезла и достала из пасти золото» [1]. «Мама ужасно испугалась, но папу будить не стала, она знала, что он тоже испугается» [1]. Известно, что в волшебной сказке «явное предпочтение отдается мифологизированным объектам» [5]. Отец в этом отношении явно уступает матери. В то время как мама в большинстве сказок Седова наделена волшебными свойствами, об отце в первой сказке говорится: «Папа был нормальный земной житель» [1]. Присутствие отца номинальное, он служит скорее фоном, чем действующим лицом.

Материнский образ в произведениях Седова существенно изменяет гендерные традиции русских волшебных сказок. Героиня больше не находится в положении «жертвы». Во-первых, сказочная судьба ее не статична, а претерпевает развитие, что «омолаживает» материнский образ, приравнивает его к образам девушек-невест. Однако терпение, принятие, кротость – качества, которыми наделились девушки в русском фольклоре, – уступают место активному жизненному сценарию. Мать выступает не только в роли дарителя, как свойственно старшему, родительскому, поколению в сказках, не только в роли мудрой жены, но и в роли героя. Материнский образ здесь объединяет в себе жен-

ские и мужские возможности. С одной стороны, она становится родоначальницей, определяющей ветвь семейного древа. В сказке «Жила-была мама. Сын ее был водолазом» [1] главный герой идентифицируется следующим образом: «сын такой-то матери» [1]. В большинстве сказок мать задает ребенку модель поведения, которой он должен следовать. (Устанавливает условия для замужества/женитьбы; дает задание или влияет на социальное положение ребенка.) Подобное материнское влияние встречается иногда и в русском фольклоре. Но в «Сказках про мам» мать отвечает не только за соблюдение традиций, но и за экстенсивное освоение мира – перенимает традиционную мужскую функцию. Ей подчинены все типы онтологического пространства: космос, небо, земля, подводный мир. То есть, если вскрыть мистический шифр, – мир живых и умерших. Сказочная мама легко проникает в пасть крокодила, в желудок чудовища, в брюхо волку (инварианты инициации, предполагающей прохождение смерти и возрождение в новом качестве). Безусловно, материнское начало в книге отсылает к архетипу Вечной Матери, но спектр аспектов материнского расширен автором.

Юнг пишет о семантике архетипа матери: «С этим архетипом ассоциируются такие качества, как материнская забота и сочувствие; магическая власть женщины, мудрость и духовное возвышение, превосходящее пределы разума; любой полезный инстинкт или порыв; все, что отличается добротой, заботливостью или поддержкой и способствует росту и плодородию. Мать – главенствующая фигура там, где происходит магическое превращение и воскрешение, а также в подземном мире с его обитателями. В негативном плане архетип матери может означать нечто тайное, загадочное, темное; бездну, мир мертвых, все поглощающее, искушающее и отравляющее, т. е. то, что вселяет ужас и что неизбежно, как судьба» [6].

Архетип матери связан с той частью человеческого существования, которая остается под властью природы. В «Сказках про мам» власть материнского как природного выражена не только в беспрепятственном перемещении, но и в мотиве взаимопроникновения анималистического и антропоморфного. В нескольких сказках дети либо являются животными (медвежонок, слоненок, пингвин), либо превращаются в животных по сюжету, и только мама способна понять язык превращенного ребенка. Следуя архетипическому коду, «если в сказке человек превращается в животное, то сначала такое превращение означает возвращение к иррациональной основе психики» [5].

Книга строится в соответствии с взрослением ребенка. Если в первой сказке показано рождение дочери, повторяющей судьбу своей мамы, то в по-

следних трех сказках детеныш в образе животного пытается обрести собственную судьбу. «“Младенец” означает нечто, развивающееся в направлении независимости. Сделать это он может, лишь отделив себя от своих начал: поэтому покинутость – необходимое условие, а не просто сопутствующий симптом. Конфликт не может быть преодолен сознанием, которое остается в плену противоположностей, и по этой самой причине необходим символ, указывающий на необходимость отделения от своих истоков» [6]. В этой связи показательны две сказки, отражающие конфликт поколений. Одна из них повествует о пингвине, желающем взлететь. В финале пингвиненок оказывается перед выбором: повторить путь своих предков (любопытно, что за традицию здесь отвечает отец, а не мать) или оторваться от семьи: «И вот они стоят на самой вершине. Дальше идти некуда, внизу бушует океан, а папа говорит:

– Не люблю прыгать в воду с большой высоты. Но ради такого случая... Прыгнем вместе!

<...>

И вот, представьте себе положение мамы. С одной стороны, безжалостный клюв папы вот-вот схватит сына и ввергнет его в ледяную пучину. А с другой – необъяснимое, пугающее желание сына взлететь... Что бы вы сделали на ее месте?.. Но имейте в виду: вам легко рассуждать. Это ведь не ваш сын.

А мама... мама... в тот ужасный момент послушала своего... ребенка. И пингвиненок действительно полетел. Ведь на самом деле он был альбатросом. Так бывает. Перепутали яйцо...

Но мама об этом не знала. Она, счастливая, стояла на вершине скалы и говорила папе:

– Вот видишь, какой у нас талантливый сын. Он даже летать умеет. А уж нырять как-нибудь научится. Всему свое время» [1].

Вторая сказка, о слоненке, завершающая цикл, также показывает конфликт поколений. Сюжетный парадокс заключается в том, что мать инициирует полемику с ребенком до тех пор, пока сын не почувствует свою неограниченную власть:

«Но мама не уступала и спорила с сыном до тех пор, пока он не вырос и, топнув ногой, не наступил (случайно) тигру на хвост.

– Ты!!! Ты царь джунглей! – кричал тигр. – Только сойди с моего хвоста!

Слоненок отпустил тигра и вдруг почувствовал, что он в самом деле царь, могучий и великодушный.

– Ну наконец-то! – сказала мама и перестала его воспитывать» [1].

Итак, роль мамы в цикле «Сказки про мам» заключена в освоении окружающей действительности. Либо сама героиня путешествует, прыгает с парашютом и так далее, либо побуждает ребенка сде-

лять это. Главной ценностью становится интуитивное понимание матерью детей, и наоборот. Взаимная привязанность строится на опровержении доводов разума. В произведении «Жила-была мама. Ужасно рассеянная!» героиня существует вне порядка будничной жизни: «Отправится за хлебом – а зайдет туда, где шляпки продают и платья. Возвращалась домой вся в обновках, а дети сидели голодные» [1]. Вместо «исправления», трансформации героини, окружающий мир подстраивается под нее. Дети находят интуитивное решение: «И тогда они говорили:

– Мама, пожалуйста, купи себе еще шляпку и еще платье!

Мама отвечала:

– Ну конечно! – и убежала.

А потом возвращалась со свежим батоном, сыром, колбасой и салатиками...» [1].

Подобный механизм действует и в сказке «Жила-была мама. Очень забывчивая»: «Бывало, накормит детей и забудет, кормила ли, нет. Снова:

– Дети! Идите обедать!

А дети знают, с мамой спорить бесполезно, идут и обедают – в девятнадцатый раз!» [1].

И позитивные сверхвозможности образа матери, и негативный план строятся на одном и том же: на отказе от умственного познания в пользу освое-

ния чувственно-интуитивного. Если выстроить негативные инварианты образа мамы, присутствующие в книге, в порядке нарастания критичности, то в каждом следующем инварианте усиливается потеря контроля над сознанием: «забывчивая» – «рассеянная» – «злая, крикливая» – «жуткая пьяница». В последнем случае только детям удается разбить бутылку и выгнать родителей, затянутых внутрь «водочным духом» [1]. По Седову, радость жизни не разумна, преодолевает закономерности прагматичной жизни. Чудо в сказках происходит в момент взаимного понимания персонажей, в момент построения отношений вопреки действительности. Это психологические сказки, утверждающие ценность понимания вне слов. Седов показывает предельно прагматичную действительность (богачи на автомобилях, предметы роскоши, желание обладать вещами) и возможность иррационального существования в ней. Материнский образ стягивает на себя все функции волшебной сказки, присущие разным героям. Образ матери соединяет в себе черты персонажа, основным признаком которого служит семейный статус, и персонажа, главным признаком которого является индивидуальный статус, что соответствует в аксиологическом аспекте пониманию собственной ценности и признанию важности близкого человека.

Список литературы

1. Седов С. А. Сказки про мам. 3-е изд. М., 2010. 72 с.
2. Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. М., 1969. 168 с.
3. Гольинко-Вольфсон Д. Читая Пригова: неоднозначное и неочевидное // НЛО. 2007. № 87 (№ 5). С. 268–290.
4. Караваева Е. В., Волкова Л. Д. Некоторые особенности русского национального восприятия // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 6. С. 17–23.
5. Биркхойзер-Оэри С. Мать. Архетипический образ в волшебных сказках. М., 2010. 225 с.
6. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. М., 1997. 384 с.

Губайдуллина А. Н., доцент кафедры.

Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050.

Материал поступил в редакцию 30.08.2012.

A. N. Gubaidullina

FUNCTIONS OF THE CHARACTERS AND FAMILY ROLES IN THE BOOK BY S. SEDOV "TALES ABOUT MOTHERS"

In this article, the author analyses the book by S. Sedov "Tales about Mothers". The tales by S. Sedov are addressed to the both adult readers and children at the same time. Thus the interpenetration of two kinds of literature – for adults and children – continues. The story is set against the backdrop of modern reality. The principal image is the archetype of the mother. This image refutes the rational way of existence.

Key words: literature for children, literature of "dual addressee", Russian fairy tales, archetype of the mother, features heroes, V. Propp.

National Research Tomsk State University.

Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050.

УДК 821.0-2

Т. А. Рытова

АБСУРД СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПОЭТИКА КОНФЛИКТА В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ СЮЖЕТЕ ПЬЕС К. ДРАГУНСКОЙ «ПИТЬ, ПЕТЬ, ПЛАКАТЬ» И Е. ИСАЕВОЙ «ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА»

Рассматривается изменение поэтики конфликта в драматургических сюжетах 2000-х гг. и ставится проблема поиска подходов драматургов к объяснению современной разобщенности и абсурда семейных отношений. Сюжеты современных пьес показывают, что опустошение коммуникаций – это результат вторжения в частные отношения текстов, виртуальной реальности, стереотипов массового сознания. Исследуется семантика драматургических конфликтов (существование человека в повседневном абсурде) и интерпретируются такие элементы поэтики сюжета, как условные топосы, «виртуальные» персонажи, текстовые игры, новая драматургическая техника.

Ключевые слова: русская драматургия 2000-х гг., семья, сюжет, абсурд, коммуникация.

Современная драматургия, отражая кризис самоидентичности, производит ««опустошение» образа человека» [1, с. 341]. К глубинным причинам следует отнести наступление клише и автоматизмов, потерю информации в их потоке, невозможность найти истину в общении. «СМИ нивелируют ценность приватной жизни человека... происходит отчуждение от индивида его собственной приватной жизни, по крайней мере, в ее традиционном понимании. Еще одним результатом распространения СМИ, с одной стороны, является тиражирование стереотипов и заблуждений... С другой стороны, у человека возникает недоверие к любой информации вообще» [2, с. 19].

Все это в начале XXI в. – данность массовой жизни, повседневно и трагически переживается человеком в мире. Семья – главная сфера приватной частной жизни – постоянно подвергается переосмыслению и вписывается в «общество как хаос»: «Патриархальные семьи, каждый член которой идентифицирует себя с родом, к которому он принадлежит, практически ушли в прошлое. Даже гендерная идентификация... больше не является однозначной – биологический пол в современном обществе не предписывает ни выбора профессии, ни выбора сексуального партнера» [2, с. 18]. В пьесах «Театр.doc» действует массовый, коллективный герой, главным идентифицирующим признаком которого служит принадлежность к какой-либо социальной группе по роду занятий: солдаты («Солдатские письма» театра «Бабы»), работники телевидения («Большая жрачка» группы Варганов-Копылова-Маликов); по способу существования: бомжи («Бездомные» А. Родионова, М. Курочкина), преступницы-рецидивистки («Преступления страсти» Г. Синькиной) либо даже по сексуальной ориентации: гомосексуалисты, педофилы («Гей» А. Варганова, С. Калужанова; «Первый мужчина» Е. Исаевой).

Вместе с тем в содержании современных пьес усилилось исследование человека в сфере быта и в

сфере интимного. Всплеск интереса к быту характерен для литературы переломных исторических эпох, когда происходит смена уклада, однако вектор этого интереса различен. К. В. Баранова отмечает, что в 1920-е гг. «смена прежних принципов, норм новыми, разрушение упорядоченного хода жизни, необычайность происходящего воспринимались современниками и как трагическая ситуация, и как праздник», потому что «общественно-политические противоречия 1920-х гг. приводят к карнавализации этой эпохи», а «праздничное восприятие меняющейся реальности подкреплялось и ожиданием осуществления утопического переустройства мира» [3, с. 110]. По наблюдению Барановой, «в категориях карнавала непреходящей оказывается обычная, материальная человеческая жизнь», поэтому в «материально-телесный план переводится все возвышенное, духовное, образное, абстрактное, отвлеченное» [3, с. 113].

Драматурги 2000-х гг., напротив, отражают безысходность, тотальное одиночество «приватного» человека, абсурдность его существования, жестокость среды и быта, натурализм интимных подробностей. Углубляя объяснение причин, М. Липовецкий говорит о том, что современная драма уравнивает всех людей на основе общего экзистенциального опыта, и отмечает особенность героев: «Герой постоянно мечется, зависает между безличностью интимного и интимностью коллективного» [4, с. 246–247]. И. Адельгейм объясняет подобное поведение тем, что герой современной литературы – это человек, «освоивший опыт чуждости, открывший для себя возможность быть кем угодно, трактующий нормы и ценности общественной жизни как возможные, но никогда как обязательные или абсолютные» [5, с. 279]. Цель современных авторов – передать драматизм повседневности и ее переживание современным человеком. В современных пьесах акцентируется, что персонажи семейного круга, как правило, маргинальны, потому что не видят большого мира, не фиксируют в

сознании ничего, прямо с ними самими не связанного: «...они еле успевают осознать противоречия и тупики своего частного мира» [6, с. 5]. В этом им сильно мешают чужие тексты и собственные стереотипы.

Выбранные для интерпретации пьесы Ксении Драгунской («Пить, петь, плакать») и Елены Исаевой («Первый мужчина») написаны примерно в одно время, в начале 2000-х гг., и позволяют выявить многосторонний подход к осмыслению семейных проблем, свойственный современной драматургии. Пьесы Драгунской и Исаевой упоминаются во всех обзорах последнего десятилетия¹ и репрезентируют разные тенденции и техники современной драматургии: Исаева – технику документального театра, Драгунская – пьесы с элементами абсурда. Драгунская исследует психологию обычных людей в контексте условных топосов, «виртуальных» второстепенных персонажей и текстовых игр. Исаева на основе диктофонных интервью (в новой драматургической технике *verbatim*) исследует стереотипное сознание человека.

Ксения Драгунская в пьесе «Пить, петь, плакать» (2001) [7] с разных точек зрения исследует любовный треугольник, «вечную» коллизию частной жизни. Пьеса состоит из трех фабульно автономных частей (они названы главами, как в прозаическом тексте, и имеют названия). В каждой главе топос обозначает круг человеческого существования: дача – бытовой круг; казенная комната для допросов – социальный круг; зимняя речка – природный круг. Но коммуникация героев в каждом пространстве строится вокруг текстов (Переводчик и Сочинительница обсуждают на даче ее сочинения; Капитан в казенной комнате оформляет текст допроса Царевнина, убившего жену из-за писем любовнику; на зимней речке любовница Рыбака на прощание предъявляет ему свои письма, а жена Рыбака осознает, что их брак был спровоцирован борьбой за англо-русский словарь).

Однако в каждой главе присутствует коммуникация персонажей, участвующих в коллизии любовного треугольника. Предметом исследования Драгунской во всех главах становится вторжение «текстов» в частные интимные отношения людей; вследствие чего отношения осложняются, делаются условными (отчужденными от интимности, доступными для чужой интерпретации и пересочинения).

В этом – источник абсурда интимных отношений. Драгунская вводит в каждую главу коммуникацию участников любовного треугольника, которые не столько «действуют», сколько рефлексируют. В первой главе проясняется суть существования Мужчины (Переводчик рассказывает Сочинительнице, как всю жизнь мифологизировал поиск близкой женщины, потому что ощущал себя одиноким «деревом посреди поля»). Во второй главе проясняется суть существования Девушки, некой Возлюбленной вообще (во время допроса Капитан и обвиняемый рассказывают друг другу о встречах с Девушкой). В третьей главе проясняется суть существования зрелой Женщины – это «*sigus* на льду» (Жена Рыбака во время рассказа о своей не сложившейся семейной жизни выписывает круги на велосипеде).

Первая глава «Дерево посреди поля» фиксирует «формирование» любовного треугольника (обретение женатым мужчиной любовницы) в ситуации профессионального общения и творчества. Встреча на даче Сочинительницы и Переводчика ее текстов приводит к тому, что они сначала сближаются духовно и физически благодаря тексту. В главу вводится как «текст в тексте» сочинение Переводчиком «истории» о себе, «одном человеке». В «истории» Переводчика персонажи любовного треугольника даны как архетипические – «один человек», «его жена», «девушка, покинутая им давно». Сочинительница, ищущая свое Слово, погруженная в сочинение своей «истории», отчуждающее ее от Переводчика, сближается с ним именно потому, что благодаря его «сочинению» пережила «перетекание» своей жизни из реальности в его историю и обратно (она «вошла» в его рассказ: «А он какой, этот человек? – *Вдруг беспокойно спросила Сочинительница*². – Красивый?» [7, с. 25]).

Миг духовного и телесного сближения героев утрачивается, как только «сочинительство» (смешение реальностей) заканчивается. Финал первой главы – максимальное отчуждение Сочинительницы от Переводчика после ночи близости, так как она возвращается к своим уже сложившимся «ценностям» («глядит в текст», подбирает слова [7, с. 26]), и это замыкает ее «существование» на самой себе. Это, по Драгунской, может стать источником абсурда: в финале, когда на дачу врывается ревнивая Жена Переводчика, Сочинительница легко отказывается от мужчины и всего, что он ей от-

¹ См.: Громова М. Русская драматургия к. XX – н. XXI века. М.: Флинта: Наука, 2005; Сальникова Е. Возвращение к реальности // Современная драматургия. 1997. № 4; Гончарова-Грабовская С. Модель героя в русской драматургии к. XX – н. XXI века // Научные труды кафедры русской литературы БГУ. Вып. II. Минск: Издат. центр БГУ, 2003; Она же. Пространственно-временной континуум в русской драме к. XX – н. XXI века // Там же. Вып. III. Минск: Издат. центр БГУ, 2004; Болотян И. Новая драма: жизнь в текстах // Современная драматургия. 2006. № 1; Болотян И. «Новая драма» между жизнью и Интернетом // Там же. 2008. № 1.

² Авторский курсив Кс. Драгунской призван подчеркнуть в тексте пьесы, что Сочинительница изменила статус – вошла в текст Переводчика.

крыл, не понимая, что тем самым низко «опускается» («женщины ползают по терраске <за монетой>, мимоходом передвигая диванчик со <спящим> Переводчиком» [7, с. 27]). Автор подчеркивает усиление абсурда этой сцены: Сочинительница и Жена Переводчика играют «в города»; перечисление заканчивается городом «Мраково». Переводчик осознает безысходность и бессмысленность одиночества (он слышит, что его «женщины играют азартно... ссорятся, хохочут» [7, с. 27]) и погружается в речку (остается открытым, топится он или нет).

Абсурдную коммуникацию персонажей второй главы тоже определяют тексты. Некому Царевнину Капитан на допросе предъявляет текст обвинения в том, что он за полгода убил «свою жену, шестнадцать Юлий и пять Вирджиний», сам Царевнин, работающий «чтецом стихов и прозы в красных уголках», подчеркивает, что его жена писала любовные письма сослуживцу. Таким образом, развитие сюжета «любовного треугольника» во второй главе ставит проблему агрессии как итога вмешательства текстов в семейную гармонию. Казенное пространство, как и дачное, наполнено «текстами» («Капитан пишет долго. Не переставая писать, говорит» [7, с. 28]), и в процессе коммуникации герои втягиваются в «разворачивание» текстов: Капитан цитирует дневники жены Царевнина, Царевнин декламирует рассказ Бунина «Новый год».

Как показывает Драгунская, цитирование (разворачивание) любых текстов в ситуации «тет-тет» ведет к «переживанию» подлинных эмоций (Капитан, процитировав дневник жены Царевнина, спрашивает, как обычно праздновали Царевнины Новый год; Царевнин замещает ответ цитатой из рассказа «Новый год»; после этого оба начинают «переживать» описанную Буниным новогоднюю полночь [7, с. 29]). Дискурс допроса вытесняется дискурсом комментирования чужих текстов, который, в свою очередь, вытесняется дискурсом воспоминаний: Царевнин сначала вспоминает ситуации с текстами (как на даче у родителей жены нашел ее тетрадки за первый класс – «Прописи... „лю, лю, лю“» [7, с. 29]), а затем как ключевой момент своей жизни вспоминает встречу с Девушкой (рассказывает о случайной девушке из троллейбуса с лицом, «как музыка», которую «всю жизнь хотел услышать» [7, с. 30]). Идея рассказа Царевнина в открытии «экзистенции» Девушки – Девушка, в представлении мужчины, воплощает своим телом гармонию (музыку). Таким образом, во второй главе намечается ситуация отказа Мужчины от текстов (возможное убийство жены, совершенное им, – тоже форма этого отказа), но последняя глава пьесы показывает, что выйти из круга текстов невозможно.

В третьей главе «Circus на льду», обозначая действующих лиц по их онтологическим свойствам («Рыбак. Жена Рыбака. Девушка»), избирая местом действия универсальное природное пространство («солнечный ледяной день», «белая река»), Драгунская повергает исследуемую в пьесе модель любовного треугольника и проблему влияния текстов онтологическими параметрами. Жена Рыбака рассказывает мужу в ситуации рыбалки о своих снах и письмах, отражающих ее любовь к нему. Однако рассказ не способствует рождению близости, потому что женщина «пересказывала» перехваченные ею письма Девушки, уже известные Рыбаку. В этой сцене осмысливается проблема «письма» – письменный текст, отчужденный от автора, может «длительно» присваиваться другим человеком и искажать его мир. Жена Рыбака, несколько лет присваивая чужие письма, с одной стороны, исказила реальность, заменив свое чувство к мужу письмами Девушки; с другой стороны, она не искала живого общения с близким человеком, а длительно вживалась в чужие слова, жила в мире этих слов («я каждое, каждое письмо наизусть знаю» [7, с. 32]).

В финале главы Рыбак обращается к Жене и бросившей его Девушке с пафосной «Речью про речку», и за это Жена и Девушка объединяются и «расстреливают» мужчину словом. Это знак того, что любое «внешнее» высказывание делает человека «текстом», вычеркивает из реального общения, отчуждает от людей (Драгунская далее моделирует ситуацию встречи «отца» с «детьми»: тело «расстрелянного» Рыбака используют два случайных Мальчика – на его плечах они подписывают, что это их папа). Условные персонажи («Кот. Дети. Много чекистов») вводят в эту главу многоаспектную семантику: это знаки того, что онтология существования современной семьи повседневно сопряжена с алогичными связями (со «случайными» детьми или с «гуляющими» чекистами) и с ирреальными явлениями (такими, как говорящий Кот).

Таким образом, в пьесе «Пить, петь, плакать» от главы к главе даны варианты личных, интимных коммуникаций (мужчина – любовница, мужчина – жена, мужчина – женщины), которые проверяются в контексте разных коммуникативных стратегий (сочинение – рассказ – текст – чтение – письмо – речь). Эта многовариантность может быть отмечена как литературная стратегия первой половины 2000-х гг., когда перебирание становится нормой. Типично для этого периода и то, что на уровне персонажей обнаруживается несостоятельность любого вида высказывания для укрепления интимных или семейных связей людей (герои бросают писать письма, не слушают рассказов друг друга, «расстреливают» за пафосную речь, но выхода не находят).

Елена Исаева в пьесе «Первый мужчина» (2003) [8] преломляет абсурд современных семейных отношений сквозь тему инцеста (у Исаевой изображена связь между отцом и дочерью). В подаче Исаевой событие инцеста обнажает неизбежность и онтологичность повседневного абсурда семейных отношений. Концепт «первый мужчина» содержит три архаических дискурса: мифологический, социальный и онтологический. В мифологии первый мужчина – Адам. В библейский сюжет Адама встроен мотив инцеста (Ева Адаму одновременно дочь и жена). Исаева обыгрывает этот миф: ее героиня говорит о том, что при рождении ее уронили и сломали ребро. Второе значение концепта связано с социальным смыслом: первый мужчина – тот, с кем связана первая близость, приобщение к женской зрелости. Третий смысл концепта связан с образом отца – онтологически отец является первым мужчиной для ребенка.

Пьеса выполнена в технике вербатим (от лат. «дословно») – метод создания текстов на основе диктофонных интервью¹, поэтому отсутствуют образ места и изображение действий персонажей, нет авторских ремарок и комментариев. Три персонажа пьесы «Первый мужчина» обозначены абстрактными порядковыми номерами (Первая, Вторая, Третья), что указывает не только на их индивидуальность, но и на массовый характер проблемы инцеста и на подчеркнутую автором политкорректность. Реплики героинь выстроены автором в такой логике, чтобы истории трех девушек воспринимались как цельный сюжет, имеющий общие архаические корни и различные варианты реализации в современности. Цельный сюжет пьесы развивается от фрагмента к фрагменту высказываний трех девушек, объединенных одной интимной темой, вынесенной в заглавие. Персонажи не ведают и о близости своих высказываний, потому что каждая существует в своем «жизненном коридоре». То есть структура пьесы воспроизводит неполноту понимания героями событий и чувств, о которых они рассказывают.

Возраст девушек в момент речи неизвестен: ситуация инцеста – это предмет их воспоминаний, которые охватывают период жизни от раннего детства до зрелости. Таким образом, Исаева избирает предметом внимания длительный «переходный»

период детства и юности, когда постоянно меняются физические и духовные ощущения. В таком контексте ситуация инцеста приобретает размытые оценки. Кроме того, чтобы размыть этическую оценку, автор делит пьесу на две части: в первой даны стандартные рассказы девушек об отношениях с первым мужчиной (типично воспроизводится переживание ими зыбкости и неопределенности первых отношений с мужчиной), и остается загадкой, о ком конкретно они говорят. Перелом смысла возникает в финале первой части – выясняется, что все три девушки говорили об отце. Во второй части пьесы, поочередно высказываясь, героини осуществляют «биографическую работу»: проговаривают этапы дления абсурдной близости с отцом и вовлекаются в процесс самооправдания и самообвинения, тем самым самоидентифицируются. В сущности, в пьесе Исаевой два сюжета: в первой части «горизонтальный» – история абсурдных (полусемейных-полусвободных) отношений девушки и мужчины; во второй части «вертикальный» – драматичная и абсурдная история взросления девушки вообще.

В первой части пьесы даны стандартные рассказы девушек об отношениях с первым мужчиной. Избираются такие высказывания, в которых шокирующее событие инцеста не акцентировано, автору важно выявить проблему коммуникации – физическая близость сопровождается духовным отчуждением девушки и мужчины, так как сознание каждого из них подчинено штампам. Массовые штампы дают персонажам повседневную уверенность (Первая: «вождь всегда прав», «если ты любишь, до конца борись за свою любовь»; Вторая: «шаг влево, шаг вправо – расстрел» и т. д.). Культурные стереотипы позволяют девушкам объяснять поведение первого мужчины и создают иллюзию овладения ситуацией (Первая в своих репликах сравнивает мужчину с купцом Диомедом из фильма «Последние дни Помпеи»; Третья объясняет поведение своего мужчины тем, что «он рожден в год Дракона»). Но самосознание персонажей обращено к детству, в глубину памяти, и означает духовный труд, благодаря которому вскрывается абсурдная правда жизни (первым партнером-мужчиной всех девушек был отец) и пробуждается экзистенциальное переживание «вины без вины»

¹ Содержание техники «вербатим» Елена Исаева объясняла в комментариях к публикации пьесы «Первый мужчина» так: «Драматург определяет для себя социально значимую тему, проблему, идею. Если этой темой он “заражает” режиссера и актерскую команду, то начинается совместный труд. Актеры сами “идут в народ” с диктофонами в руках и опрашивают на заданную тему энное количество человек (чем больше – тем лучше). Записывая беседу, актеры попутно внимательно наблюдают своих интервьюируемых, запоминая все характерные черты поведения – языковые особенности, жесты и так далее. Весь собранный материал передается драматургу, который “расшифровывает” его, не редактируя и оставляя все оригинальные свойства так называемых “информационных доноров” вплоть до пауз, охов, ахов, придыхания, заикания, “вредных словечек” и тому подобного. Затем на основе этого материала драматург пишет пьесу. Сложность в том, что автор не имеет права редактировать текст своих персонажей. Он может только компилировать и сокращать» [9, с. 118].

(каждая героиня, соблазненная в детстве отцом, винится и просит у него прощения).

Во второй части пьесы объяснения девушек касаются того, почему, с их точки зрения, инцест произошел. Все три девушки начинают говорить, что этому способствовали естественные процессы: во-первых, физиологическая потребность девочек в познании своего тела; во-вторых, естественные бытовые ситуации: одна героиня вспоминает, как они делали с отцом массаж друг другу, другая – как она видела отца в ванне. Третья: «И еще по телевизору мы часто смотрим какое-то страшное отношение к женщинам у мужчин» [8]. Следующий блок высказываний персонажей подчеркивает, что неестественность отношений с отцом становится очевидна по мере взросления девочек. Отношения девушек с «мальчиками» провоцируют отцов на «серьезный разговор» (вызывают ревность), однако это профанация духовного общения: отцы прикрывают стереотипами свой инстинкт ревности («Унижало то, что отец мне говорит такие вещи. Ладно, если мама. Вот вы тихо сидите, и она по-женски тебе объясняет... А когда тебе прямым языком говорят – что вы там, блин, делали! И если что, то ты мне не дочь» [8]). Это готовит девушек к обобщениям («я стала анализировать все то, что было тогда, и стала понимать, что, возможно, своими действиями отец очень здорово подрывал веру в семью» [8]).

В контексте этой духовной работы становится невозможно примирение девушек с абсурдно-естественной инцестуальной связью, все они решаются на разговор с матерью. Однако матери проявляют бессилие и безответственность, потому что так же, как отцы, мыслят сложившимися стереотипами и, замыкая круг абсурда, отсылают дочерей к отцам. В ситуации духовной оставленности (когда отцы и матери мыслят стереотипами и избегают ответственного объяснения) девушки инициируют, наконец, сами «честный» разговор с отцом. Первая говорит отцу об абсурде биологическом: «Разве я виновата, что я твоя дочь?!» [8]. Вторая – об абсурде семейного недоговаривания: «...я выложила все – все свои эмоции, все свои мысли, которые за двадцать лет накопились» [8]. Третья – о навязывании семьей запретов и стереотипов: «...если вы так все запрещаете, если я плохая – я пойду и сделаю это!» [8]. Однако «правда» не размыкает абсурд, потому что активизирует в отцах все стереотипы самооправдания (отцы либо считали, что «в жизни каждой девочки должно быть что-то вроде чувственного воспитания», либо не думали о реакциях дочери и жены).

Поэтому в финале пьесы возможно только искусственное снятие конфликта: не разрешающийся, а усиливающийся конфликт остается от-

крытым – все персонажи искусственно делают позитивные выводы относительно себя и своей семьи. Первая мотивирует это тем, что повседневная колея жизни неотменима: «Пережить. И дальше жить... С этими же людьми... Ни с какими-то другими» [8]. История Второй заканчивается также прощением, так как, несмотря ни на что, она осознает любовь к родителям: «Папа, и я тебя тоже очень люблю» [8]. Третья, живя на расстоянии с родителями, испытывает онтологическую ответственность за них, знает, что нужна им: «Я никогда их не брошу» [8]. Видя, что отец постепенно стареет, она хочет только помогать ему: «Когда я вижу это, я хочу что-то сделать для него, если можно» [8]. Ее поддерживает понимание, что в современном социуме у всех похожие проблемы: «Если вокруг меня таких людей много, таких, как я, тогда я тоже от них могу взять кусочек силы, чтобы жить» [8].

На протяжении всей пьесы автор-интервьюер запечатлевает, как сознание героинь трансформируется в процессе «рассказывания» (прием *verbatim* – обнажение деформации интимной сферы жизни). Становится понятно, что во время событий, о которых девушки рассказывают, они не осознавали остроты интимных и семейных проблем. Однако, пересказывая интервьюеру каждый этап отношений с «первым» мужчиной, они делают для себя малые выводы и переосмысливают конкретную ситуацию прошлого. Вследствие этого осознают крупное: кризис взросления (когда страшно говорить со взрослыми на скандальные темы) и кризис преодоления культурных стереотипов и массовых норм (когда страшно жить вне стереотипов и вне веры в родителей).

Таким образом, типичный сюжет современной драмы – трагедия разобщенности в коммуникациях героев (бытовых, социальных, культурных). Семейная тема позволяет обострить и показать в многомерности (или в динамике) повседневные «тихие» трагедии разобщения в интимной сфере. Однако именно при этом подходе современные авторы (независимо от драматургической техники) глубоко внедряются в исследование абсурда семейных отношений. Современные драматурги, осознавая последствия влияния стереотипов и текстов, стараются понять, как быть, и моделируют новые финалы конфликтов в интимной и семейной сфере (отсутствие какого-либо действия, уход от реальности, искусственное снятие конфликта; не разрешающийся конфликт, а усиливающийся, остающийся открытым и т. д.).

Прием «открытого» финала, когда коллизия не разрешается, а «снимается» (типичный для всей литературы 2000-х), показывает, что действие осталось «без катарсиса», т. е. демонстрирует, что

ничего не меняется в абсурдном существовании персонажей. Однако обрисовка действующих лиц и их психических состояний далека от приемов традиционного абсурдизма – современные драматурги показывают, что в приватной жизни человек принимает абсурдные отношения и учится в них существовать. На фоне такого драматургического языка эстетика абсурда обретает степень «мягкого абсурда» (Е. Сальникова), и приемы обретают амбивалентность.

Список литературы

1. Козлова С. Безличный герой современной драмы // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 10: Поэтика драмы в литературе XX века / ред. Т. Л. Рыбальченко. Томск, 2009. С. 341–357.
2. Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопр. философии. 2010. № 2. С. 13–23.
3. Барина К. В. Проявление карнавализованного сознания в отечественной драматургии 1920-х годов // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 3 (118). С. 110–116.
4. Липовецкий М. Театр насилия в обществе спектакля: философские фарсы Владимира и Олега Пресняковых // Новое лит. обозр. 2005. № 3. С. 244–279.
5. Адельгейм И. Е. Самоощущение и поэтика молодой прозы в постсоциалистическом мире: Польша и Россия // Литература, культура и фольклор славянских народов: мат-лы XIII Междунар. съезда славистов (Любляна, август 2003). М.: ИМШ РАН, 2002.
6. Лейдерман Н. Маргиналы Вечности, или Между «чернухой» и светом // Современная драматургия. 1999. № 1.
7. Драгунская Кс. Пить, петь, плакать // Там же. 2001. № 3.
8. Исаева Е. Первый мужчина // Новый мир. 2003. № 11. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/11/isaeva.html
9. Исаева Е. Первый мужчина (комментарии автора) // Новый мир. 2003. № 11.

Рытова Т. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры.

Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 643050.

E-mail: rytova1967@mail.ru

Материал поступил в редакцию 09.10.2012.

Т. А. Rytova

THE ABSURDITY OF FAMILY RELATIONSHIP AND THE POETICS OF THE CONFLICT IN THE STORY OF DRAMATURGICAL PLAYS BY K. DRAGOONSKAYA “TO DRINK, SING, CRY” AND BY E. ISAEVA “THE FIRST MAN”

The objects of attention were the plays of early 2000-ies written by the middle generation of playwrights revealing how a change in family relationship and conflict in contemporary poetics dramaturgical stories are reflected. Family theme allows sharpening and showing a tragedy of disunity in communications (domestic, social, cultural) in a multidimensional (or over time) as well as the fact that modern man takes absurd relationships in the private life and learns to exist.

Key words: *Russian drama of the 2000s, the family, intimate relationships, the plot.*

National Research Tomsk State University.

Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: rytova1967@mail.ru

Ю. О. Чернявская

ТРАДИЦИИ ЖАНРА АНТИУТОПИИ В ПОВЕСТИ В. ПЕЛЕВИНА «S.N.U.F.F.»

В повести В. Пелевина иронически переосмысляются жанровые клише антиутопических романов XX в., обыгрываются их образы, сюжетные линии, мотивы. Например, мотивы «древнего дома», рукописи, борьбы, основанной на противостоянии индивидуального и коллективного, пространственной изолированности и т. д. Все это свидетельствует об укорененности и жизнеспособности антиутопической традиции в современной литературе.

Ключевые слова: *антиутопия, утопия, повесть, жанровый шаблон, мотив рукописи, пародия, В. Пелевин.*

Проблемы определения утопии / антиутопии как самостоятельных жанров, или метажанра, выделение характерных признаков, особенностей явления, а также утопического сознания находят отражение в целом ряде работ последних десятилетий таких ученых, как Р. Гербель, А. Мортон, Ф. Аинса, Б. А. Ланин, Е. Ю. Коломийцева, Е. Ю. Козьмина, М. И. Шадурский и др. Проблема определения жанровых границ и форм обусловлена тем, что утопия представляет собой, по словам Э. Баталова, «живое явление сознания и культуры, ее формы и содержание меняются от эпохи к эпохе. Другая причина – умножение и разброс значений многих ключевых понятий культуры, включая понятие утопии» [1]. Утопия, как «литературный жанр, описывающий художественную реализацию мечты об идеальной политико-социальной модели мира, исходящей из критики существующих отношений» [2, с. 11] меняется в зависимости от изменения культурно-исторической ситуации, складывающейся в определенные исторические периоды. Задачи выявления жанровой типологии, по словам Е. Ю. Козьминой, «не могут быть решены, пока мы не располагаем ответом на вопрос о константных структурных особенностях этого типа художественного целого» [3].

К «типологическим чертам жанра» М. И. Шадурский, вслед за Ф. Аинса, относит пространственную изолированность, вневременность, автаркию, урбанизм и регламентацию, «т. е. придание единообразия жизни, совместной работе и организации общественного досуга обитателей идеального города» [2, с. 11]. «Базисными константами» утопии исследователь называет топос, этос и телос: под топосом понимается определенным образом выстраиваемое замкнутое пространственное целое (чаще всего изолированное – острова или горы), под этосом – «концепцию образования совершенного мироустройства» и, наконец, под телосом – описание «совершенной политической системы» [2, с. 13–14].

В антиутопии происходит своего рода переворачивание основных типологических черт утопии: «Топос острова... перерождается в литературной

антиутопии в мотив стены, непреодолимой преграды... Иллюзии всеобщего социального равенства... подвергнуты решительному развенчанию... писатели-антиутописты выстраивают в своих произведениях модель общества, соответствующего самым примитивным полуживотным запросам человека, где любовь превращается в секс, а власть – в открытое насилие над личностью» [2, с. 80–81].

Антиутопия, порожденная критикой утопического моделирования мира, выработала определенные «штампы», ставшие ее характерными признаками. К ним, по мнению Б. А. Ланина, относятся «образ псевдокарнавала, история рукописи как сюжетная рамка, мотивы страха и преступной, кровавой власти», что составляет «определенный метажанровый каркас» [4].

Своеобразный «комплекс типичных тем» антиутопии отмечает и А. К. Жолковский. Среди них: тотальный контроль общества, «обязательное единомыслие его членов», квест, в результате которого герой обретает «гармоничный синтез всех традиционно противоположных полюсов», внешний конфликт между «рядовым героем» и властителем, дополняющийся «внутренней противоречивостью каждого из них» [5, с. 172]. Большую роль исследователи отводят мотиву рукописи, который, по мнению Б. А. Ланина, является важной составляющей жанра: «Само сочинительство оказывается знаком неблагонадежности того или иного персонажа, свидетельством его провоцирующей жанровой роли» [4].

Утопия/антиутопия предполагает создание, соответственно, позитивной/негативной модели мира, являясь отражением общества, находящегося на определенной стадии развития. Так, утопии Т. Мора порождены верой в возможность реализации мечты о всеобщем благоденствии, антиутопия Е. Замятина порождена эпохой тотальной «тейлоризации» 20-х гг. XX в. В этом смысле «утопия» В. Пелевина «S.N.U.F.F.» не может претендовать на соответствие классическому утопическому/антиутопическому канону, поскольку здесь отсутствует установка на создание идеальной / неидеальной модели мироздания, что уже было замечено

критиками, высказывавшимися по поводу жанрового определения повести: «Новый роман Пелевина – это не утопия и не антиутопия, это не прогноз и не пророчество. Это жесткий и даже жестокий реализм (если видеть его в широком смысле)», считает Г. Муриков [6]. «Реалии жизни России и мира в целом в XXI веке» видит в повести В. Пелевина Т. Лестева [7]. Л. В. Фролова, подводя итог своеобразной дискуссии, приходит к следующему выводу: «Бесполезно пытаться подловить автора на нестыковках, рассматривать смысл романа с точки зрения жанровых парадигм: S.N.U.F.F. – не утопия и не антиутопия, это утoпiя. В этом, возможно, заключается попросту еще один философский маневр Виктора Олеговича, призванный «подключить читателя к своему восприятию действительности» [8].

Безусловно, в повести В. Пелевина используются жанровые шаблоны или клише, сложившиеся в последние десятилетия XX в. в произведениях антиутопического характера. Пространство представляет собой замкнутое целое и внутренне разделяется на два – нижний мир орков, окруженный болотами и великой пустыней, и мир верхний, Бизантиум или офшар – искусственное сферическое сооружение, подвешенное над территорией уркаганата, полностью изолированное от окружающей природной среды. Существует в обоих мирах и концепция мироустройства, базирующаяся на религиозном учении Маниту Антихриста. Есть, наконец, подробное описание государственного устройства – как верхнего, так и нижнего мира. Но все эти черты носят скорее периферийный, нежели основополагающий характер, так как повесть В. Пелевина лишена дидактичности, свойственной жанру утопии, как лишена и характерного для антиутопии стремления «развенчать существующие иллюзии всеобщего благоденствия» [2, с. 79]. Вместо утопической дидактики на первый план выступает ирония, пронизывающая все уровни повествования. Так, внешне противопоставленные друг другу миры Бизантиума и уркаганата оказываются идентичными по своим сущностным характеристикам. Все отличие верхнего мира заключается в техническом усовершенствовании, обеспечивающем его жителям комфорт, которого лишены проживающие на земле урки. В то же время базовые потребности в сексе, еде, безопасности строго регламентируются как в нижнем, так и в верхнем мире. Как и нижний, верхний мир является воплощением зла, только в нижнем зло носит более явственный, откровенный характер.

В повести отсутствует индивидуалистический бунт против системы, воплощенной в образах власти (Благодетель, Большой Брат) и борца (Д-503, Дикарь). Функции Благодетеля перера-

спределяются между Дамилолой, Аленой-Либертиной и Бернаром-Анри. Все они поочередно предстают в виде искусителя/инициатора по отношению к неوفиту – орку Грымму (и читателю). Если Дамилола «опекает» попавшего в Бизантиум Грымму, то Алена-Либертина знакомит с основами религии Маниту Антихриста, а Бернар-Анри открывает тайное тайных – причину возникновения цивилизации снафов.

Образ Дамилолы соединяет в себе функции повествователя-экскурсовода, знакомящего нас с устройством верхнего и нижнего миров, и одновременно апологета и критика системы, в то время как инициируемый орк Грымму выполняет функцию наивного Дикаря, непредвзято воспринимающего окружающую его действительность. Точки зрения Дамилолы и Грымму пересекаются, взаимодополняя и одновременно коррелируя друг друга. Сам Дамилола, меняющий маски, предстает то в образе «влюбленного слуги Маниту», предпочитающего погибнуть, нежели покинуть привычный для него мир Бизантиума, то «Благодетеля» для новообращенного орка Грымму. В финале повести он становится критиком системы, переживая прозрение и отваживаясь на запоздалый протест, выявляя бесчеловечную сущность системы.

В свою очередь Грымму проходит инициацию и убеждается в бессмысленности той реальности, которую и люди и орки считали воплощением мечты, земного рая. Его наивно-детское отношение к действительности приводят к столкновению с идеологией офшара, в которой зрелища – от голограмм, имитирующих открытое пространство, до культа Маниту, легитимирующего кровавые зрелища, – вытесняют реальный мир. Его «дикарство» и наивная «детскость» приводят к протесту, желанию играть по установленным правилам, в результате чего он «выпадает» из системы. Если Дамилола замкнут в своем частном мире и исповедует идеологию типичного жителя Бизантиума, пресыщенного человека постиндустриальной цивилизации, то Грымму, стремящийся постичь истину и понять смысл мироздания, напоминает классического героя антиутопии. Подобно Дикарю О. Хаксли, он неожиданно попадает в лицемерно-технологический мир офшара, его непосредственные реакции резко отличаются от реакций Дамилолы. Грымму не утратил чувства «реальности», он не способен «возлюбить материю» превыше всего, как это сделали византийцы. Кроме того, в отличие от Дамилолы, виртуальные полеты которого носят характер движения по кругу (хотя бы потому, что движения осуществляет камера – сам Дамилола наблюдает посредством пульта управления), Грымму оказывается способен отправиться в путь духовных исканий. Он вырвется за пределы кругов – ограни-

ченного и повешенного в пустоте офшара (выделено мной. – Ю. Ч.) и мира уркаганата, воплощением которого становится Цирк, символизирующий замкнутость и пространственную безысходность.

Система персонажей, строящаяся на взаимной корреляции точек зрения, обусловлена природой мира, в котором существуют герои. Мир Бизантиума, это прежде всего мир отражений, скрывающих отсутствие реальности. Искусственная среда Бизантиума, выстроенная с помощью компьютерных технологий, представляет собой виртуальный мир, где каждый человек ощущает себя создателем реальности, т. е. вымышленного виртуального мира. Три кита Бизантиума – религия, деньги и снафы (кино-новостные ролики) – представляют собой разные формы виртуализации сознания. Религиозный культ Маниту Антихриста – высшего божества Бизантиума – представлен голографической иллюзией, долженствующей произвести впечатление на посвящаемого в святая святых, обретающего посредством инициации статус полноправного члена виртуального мира. Деньги, точнее, их виртуальные заместители – столбики цифр в углу монитора являются средством организации членов сообщества. Снафы – кроваво-порнографические фильмы – создают представление о «реальности» по заранее утвержденному сценарию. В виртуальном мире Бизантиума люди превращены в актеров, ловящих собственное отражение в объективах вездесущих камер, поскольку только запечатленная на пленке «реальность» имеет статус произошедшего события. Каждый из жителей Бизантиума становится актером виртуального мира, в том числе и для самого себя (позирует перед камерами Бернар-Анри, устраивает спектакль с гаданием Алена-Либертина, собственное рабочее место оборуодует согласно придуманному имиджу Дамилола и т. д.). Режиссируемые снафы становятся той единственной версией реальности, которая имеет право на существование. Конкретное воплощение системы абсолютного зла заменяет анонимное виртуальное сообщество «возлюбленных слуг Маниту», т. е. Дамилолы, Алены-Либертины, Бернар-Анри и проч.

В свою очередь кривым отражением Бизантиума является мир орков, или Уркаина, созданная «верхними сомелье» из всего порочного, что выработала человеческая цивилизация. Дикий мир Уркаины строится по тому же принципу, что и верхний: он также изолирован в пространстве крокодильими болотами, пустыней и мусорными свалками. Здесь также существуют жесткие ограничения сфер общественной и частной жизни людей. И тоталитарный строй, поддерживаемый правозащитниками и ганджуберсерками, контролируется в соответствии со сценарием верхнего мира.

Если в классических антиутопиях XX в. мерилом ценностей является наличие / отсутствие в обществе свободы, то в повести Пелевина основным принципом существования верхнего и нижнего миров становится принцип удовольствия, исчисляемого в денежном эквиваленте. Верхний мир провоцирует войны с нижним ради создания очередной серии высокооплачиваемых снафов. Так, 221-я война начата в честь юбилейных съемок Никола-Оливье Лоуренса фон Триера и проходит, согласно уже сложившейся традиции, на центральной площади оркской столицы, называемой Большим Цирком. Действо на самом деле напоминает цирковое представление: орки «смеясь» расстаются со своей жизнью в борьбе против механических монстров, посылаемых «людьми». Разные роды войск, наряженные дикарями, ретиариями и матросами, вооруженные алебардами и пиками, становятся легкой добычей дистанционно управляемых камер, механических мамонтов, ящеров и прочих машин, изготовленных в Бизантиуме. Цирк является местом ежегодного аттракциона смерти, где обреченные гладиаторы-орки выполняют волю своего уркагана, подгоняемые заградотрядами ганджуберсерков. «Танец смерти» приобретает трагикомический характер благодаря вымороченной рационализации происходящего: орки обматывают себя прошениями и ходатайствами, так как окровавленные на поле боя документы дают их владельцам дополнительные привилегии, в то время как ничем не рискующие под прикрытием актеры позируют среди искалеченных тел.

Человек в мире Пелевина превращается в актера, картинку на мониторе, отражение в летных очках, поэтому и сама смерть лишается своей эсхатологичности, иначе говоря, своего смысла, так же как до этого была обесценена и сама жизнь.

Каждый живет в собственной иллюзорной реальности, тщательно выбирая еду, вид за окном, национальность, имя, политические взгляды и даже бытовое поведение. Так, дискурсмонгер Бернар-Анри Мишель Монтестье написал философский трактат на старофранцузском (внешне он напоминает святого Франциска Ассизского), жрица Маниту Алена-Либертина гадает на внутренностях заспиртованного младенца, порно-актер Никола-Оливье Лоуренс фон Триер, «нетерпила» Андрей-Андре Жид Тарковский выстраивают свою «генеалогию имен» в соответствии с избранной профессией.

Любое событие превращается в зрелище, а зрелище является истинной и абсолютной реальностью, ибо кроме нее не существует ничего. Поскольку реальность «является суммой информационных технологий» [9], каждый создает ее для себя в рамках заданного сценария. Именно поэтому в

мире людей, мире пространственных иллюзий исчезает и такое понятие, как время.

Характерная для антиутопии «история рукописи» в качестве «сюжетной рамки» [4] является одним из сюжетообразующих приемов в повести Пелевина. Здесь представлены как минимум три героя, выступающие в роли авторов, а также три книги, претендующие на роль «сакрального» текста. Автором является Дамилола, пишущий свой «мемуар» для потомков, включающий в себя и непосредственные переживания Грыма, и цитаты из философского трактата Бернара-Анри. «Мемуар» Дамилолы, «Мертвые листы» Бернара и священная книга орков Дао Песдын распределяют между собой функции текстов-предупреждений. Все указанные источники существенно отличаются друг от друга и помогают увидеть описываемую реальность с разных точек зрения. Записки Дамилолы носят в основном бытописательный характер. Сам Дамилола не претендует на философские изыски, протоколируя полеты и фиксируя беседы с андроидом Каей. Философский трактат Бернара-Анри и Дао Песдын являются пародией на сакральные тексты и на попытку философского осмысления мира вообще. Текст Бернара-Анри набирается при помощи компьютерного доводчика, а Дао Песдын является откровенной пародией на древние философские трактаты. Так, в повести В. Пелевина десакрализуется акт творчества, что характерно для постмодернистской литературы вообще [10, с. 182], а процесс творения получает ироническое осмысление.

Пародируется и используемый в романе Е. Замятина мотив «древнего дома», дополняющийся коннотациями пыточной камеры романа Дж. Оруэлла «1984». Убежище Бернара-Анри, в котором он предается сомнительным забавам с оркскими девушками, превращается в пыточную камеру, в которой новообращенный Грым узнает истинную причину создания общества снафов. Если в древ-

нем доме Е. Замятина происходило приобщение к истинным ценностям человеческой цивилизации, а в пыточной камере Дж. Оруэлла герой был вынужден совершить предательство, то в повести В. Пелевина Бернар-Анри из палача травестийно превратится в жертву. Подчиняясь законам карнавала, он будет исповедоваться перед Грымом и отчасти станет причиной бегства молодого орка в мир дикарей, не знающих виртуальной цивилизации. Он откроет то, о чем умалчивает Дамилола: «История человечества, – перебил дискурсомонгер, – это история массовых дезинформаций. И не потому, что люди глупые и их легко обмануть. Люди умны и проницательны. Но они с удовольствием поверят в самую гнусную ложь, если в результате им устроят хорошую жизнь. Это называется «общественный договор». Промывать мозги никому не надо – они у цивилизованного человека всегда чистые, как театральные унитазы» [9]. Это откровение в свою очередь корректирует бытописательские изыски Дамилолы, «откровения» Дао Песдын и философский смысл устройства вселенной, представленный Аленой-Либертиной новообращенному «человеку». Устройство тоталитарной системы, основанной на насилии и деспотизме, заключается не в управлении «массой» и насилии над людьми, а в добровольном принятии тех норм и ограничений, которые обещают сытую и спокойную жизнь. Вот почему зеркальный мир офшара использует систему зеркал, отражающих множественность сознаний / желаний «человечества», создавшего философию снафов, основы виртуального мироздания Бизантиума-Украины.

Так, в повести В. Пелевина иронически переосмысляются жанровые клише антиутопических романов XX в., обыгрываются их образы, сюжетные линии, мотивы, что свидетельствует о жизнеспособности традиции, продолжающейся в литературе XXI в.

Список литературы

1. Баталов Э. Я. В мире утопии: пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. URL: <http://www.marsexx.ru/utopia/batalov-v-mire-utopij.html>
2. Шадурский М. И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: Проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 160 с.
3. Козьмина Е. Ю. Поэтика романа-антиутопии: На материале русской литературы XX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 222 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/poetika-romana-antiutopii-na-materiale-russkoi-literatury-xx-veka>
4. Ланин Б. А. Антиутопия в литературе русского зарубежья. URL: http://netrover.narod.ru/lit3wave/1_5.htm
5. Жолковский А. К. Замятин, Оруэлл и Хворобьев: о снах нового типа // Жолковский А. К. Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука: Издат. фирма «Восточная литература», 1994. 428 с.
6. Муриков Г. Конспирология нашего времени. URL: <http://www.lych.ru/online/0ainmenu-65/65/718-2012-05-28-12-09-43>
7. Лестева Т. Виктор Пелевин. SNUFF – утопия или реальность? URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-lest2/1.html>
8. Фролова Л. В. «S.N.U.F.F.» глазами современников. По роману В. Пелевина // Фролова Л. В. Курсовая работа. Саратов: Институт филологии и журналистики, 2012. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati>

9. Пелевин В. «S.N.U.F.F.». URL: http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/1006337/Pelevin_-_S.N.U.F.F..html
10. Королькова Я. В. Игра с прецедентными текстами как источник комического в романах-фэнтези М. Успенского // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 7(109). С. 180–182.

Чернявская Ю. О., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: ucher@sibmail.ru

Материал поступил в редакцию 15.11.2012.

Y. O. Tchernyavskaya

TRADITION OF THE GENRE IN A DYSTOPIAN NOVEL BY V. PELEVIN "S.N.U.F.F."

In the novel by V. Pelevin there ironically reinterpreted the genre cliché dystopian novels of the 20th century, played upon their images, plot lines and motifs. For example, the motives of the "old house", manuscript, struggle based on the confrontation of individual and collective, spatial isolation, etc. are shown. All this evidences the viability of dystopian rootedness and tradition in modern literature.

Key words: *dystopia, utopia, novel, a genre template, the motive of the manuscript, parody, V. Pelevin.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: ucher@sibmail.com

РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА, ИСТОРИЯ И ПОЭТИКА

УДК 087.6

Н. Е. Разумова

О НАДЕЖНОСТИ ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТОВ В ПРЕПОДАВАНИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Вопрос о доверии переводным текстам в преподавании зарубежной литературы ставится на примере романов Стендаля «Красное и черное» и Селина «Путешествие на край ночи» в русских переводах.

Ключевые слова: *зарубежная литература, преподавание литературы, художественный перевод, переводческая трансформация, роман Стендаля «Красное и черное», роман Л.-Ф. Селина «Путешествие на край ночи».*

По известному выражению Пушкина, переводчики – это почтовые лошади просвещения; благодаря им литература не знает границ и доступна даже тем, кто не владеет языком оригинала. С другой стороны, не менее верен итальянский каламбур «traduttore, traditore» («переводчик – обманщик»), отмечающий сопряженные с переводом метаморфозы текста. Порой они настолько существенны, что произведение радикально меняет свой облик и смысл. Особую серьезность эта проблема получает для преподавания курсов зарубежной литературы, которое опирается по большей части именно на переводы. Мы покажем трансформации, постигающие оригинал, на примере наиболее известных русских переводов двух французских классических романов – «Красное и черное» («Le Rouge et le Noir») Стендаля и «Путешествие на край ночи» («Voyage au bout de la nuit») Л.-Ф. Селина¹.

Роман Стендаля неоднократно выходил в русских переводах (А. Н. Плещеева, В. В. Чуйко, А. Н. Чеботаревской, в советское время – А. К. Виноградова, Г. П. Блока и др.). В 1949 г. увидел свет перевод С. П. Боброва и М. П. Богословской (М., Гослитиздат, вступительная статья А. Ф. Иващенко), и с этого момента началось его поистине монопольное господство в отечественной издательской практике. Он выходил как отдельными изданиями, так и в составе собраний сочинений Стендаля, многократно переиздавался в столицах союзных республик. (Заведомо неравную конкуренцию ему составил лишь перевод Н. В. Любимова, появившийся в 1987 г. и переизданный в 1993 г. в Калуге.)

Это заставляет присмотреться к «главному» переводу внимательнее, чтобы понять, насколько адекватное представление имеет русскоязычный читатель об одном из шедевров мировой литературы.

Сергей Павлович Бобров (псевдоним А. Юрлов, 1889–1971) – поэт, один из основателей московской футуристической группы «Центрифуга», писатель, критик, литературовед, переводчик, художник, музыкант, математик. Мария Павловна Богословская (1902–1974) – его жена, переводчица. Они совместно перевели немало произведений (в том числе «Повесть о двух городах» Диккенса, «Дом, где разбиваются сердца» Б. Шоу и др.). Очевидно, опыт, авторитет и известность в издательских кругах вполне заслуженно обеспечили их переводу «Красного и черного» «зеленую улицу». Однако приходится констатировать, что роман претерпел под рукой переводчиков весьма существенные трансформации, вплоть до совершенно нелепых искажений, кочующих из издания в издание. Например: «Когда *запасные*² *лакеи зажгли, наконец, новые свечи...*» [3, с. 483] – ср. в оригинале: «...*a demi endormis...*» [4, р. 390] (буквально – полусонные, или *заспанные*. Эта опечатка сохраняется при переизданиях); «Ах, если бы он только знал, сколь мало они для *него* опасны!» [3, с. 448] – «...*dangereux pour moi!*» [4, р. 360] (опасны для *меня*) и др.

Иногда в переводе возникает немотивированная «отсебятина», например: «Бог знает, чего он только не будет плести обо мне госпоже де Реналь, *сидя у них зимними вечерами*» [3, с. 591] – «*Dieu sait ce*

¹ Более подробно см. наши статьи, опубликованные в [1] и [2].

² Здесь и далее выделено нами. Перевод, максимально близкий к оригиналу, выполнен нами и далее повсеместно дается в скобках после цитаты.

qu'il dira de moi à Mme de Rênal!» [4, p. 482] (Бог знает, что он скажет обо мне г-же де Реналь!). Добавляются иногда целые фразы, например: «Если бы он только мог, он тут же вызвал бы его на дуэль. Его останавливало лишь одно: как найти секунданта в этом необъятном Париже» [3, с. 347] – ср: «Où prendre un témoin?» [4, p. 246] (где взять свидетеля?).

Эти и многие другие ошибки могут показаться случайными, однако они вписываются в систему, последовательно перестраивающую оригинал. Перевод несет на себе черты обостренного социального критицизма, характерного для сталинской эпохи. В нем настойчиво акцентируется тема социальной несправедливости, подаваемая в максимально привычном и простом аспекте – как осуждение богатства. Переводчики нашли множество вариантов для того, чтобы усилить и расцветить эту тему. Так, нейтральное слово «l'argent» (деньги) передается целым рядом синонимов с ярко негативной семантикой: «...зачумленная мелким барышничеством атмосфера...» [3, с. 49]; «...равнодушные ко всему, что не имеет отношения к наживе...» [3, с. 85]; «...не могла привыкнуть к этим толстосумам...» [3, с. 86] и др. Вместо нейтрального «gens riches» (богатые люди) в переводе практически повсеместно используется слово «богачи», имеющее в русском языке отчетливую нейтральную коннотацию; «ces nobles» [4, p. 99] (эти дворяне) превращаются во «все эти дворянчики» [3, с. 148] и т. п.

Особо резкий тон используется при упоминании всего, что связано с церковью. Слово «prêtre» (священник) неизменно переводится как «поп» с его производными и часто сопровождается «отягчающими» эпитетами. Религиозная составляющая последовательно акцентируется в понятиях с негативной семантикой: так, «hypocrisie» / «hypocrisie» (лицемерие / лицемер) переводится как «святоша», «ханжа / ханжество». В покаянных переживаниях г-жи де Реналь разнообразные обозначения, которыми она характеризует свою связь с Жюльеном («la faute», «le crime», «les remords», «l'adultère», «coupable»), передаются как «грех» («грех адюльтера», «согрешила»).

Благодаря подобным трансформациям церковно-религиозная семантика становится более активной и даже агрессивной, нарушается ее соотношение с внутренней энергией героя; в его драме социальный аспект заметно укрупняется по отношению к психологическому, затеняет его и существенно изменяет специфику художественной манеры Стендаля.

Роман подвергается заметной адаптации для не слишком высокого культурного уровня; из текста даже устраняются некоторые реалии, требующие

специальных знаний от читателя или комментария от переводчиков. Они всячески избегают использования иностранных слов, или же эти слова заменяются пусть тоже не исконно русскими, но более употребительными: «...une des moindres chimères...» [4, p. 471] (одна из наименьших химер) – «...одна из наименее сумасшедших выдумок...» [3, с. 578]; «J'improvisais...» [4, p. 486] (я импровизировал) – «Это у меня так, само собой вышло...» [3, с. 596]; «...comme un dandy...» [4, p. 378] (как денди) – «...истинным франтом...» [3, с. 471].

Повествование последовательно наделяется ярким стилистическим колоритом разговорного характера с просторечным оттенком, например: «заорал» [3, с. 68] – ср.: «dit» [4, p. 31] (сказал); «завопили» [3, с. 158] – «crièrent» [4, с. 107] (закричали); «было битком набито, народ ломился в двери...» [3, с. 589] – «...la foule était énorme; on se battait aux portes...» [4, с. 480] (толпа была огромная; в дверях дрались) и др.

Доминирующим в тексте становится фамильярный стиль, внедряемый переводчиками повсеместно, и прежде всего, конечно, в речь простонародных и отрицательных персонажей, которая в оригинале не имеет столь явного стилистического колорита: «– Эка сравнили! – живо откликнулся сторож. – У вас, господин кюре, – это все знают – восемьсот ливров ренты да кусочек земли собственной» [3, с. 55–56]; «– Так почему же эти господа не проучат хорошенько этого дерзкого парнишку, это мужицкое отродье? – кричала супруга банкира. – Этот мальчишка спуску не даст, у него, видите, сабля на боку, – возразил ей сосед. – Того и гляди пырнет в лицо, с него станется» [3, с. 157]; «Он уже вскочил мне в сто шестьдесят восемь франков, этот Вально, – говорил себе мэр...» [3, с. 113]; «– Ни-ни, – отвечал тот, – вот же тут мой приятель; ему завидно на мои двадцать франков, он сразу меня уличит, коли я что совру» [3, с. 609] и др.

Однако этот стилистический прием используется без определенной дифференциации. Под его действие подпадают и другие персонажи, например: «Жюльен помог ему надеть митру. Епископ потряс головой. – Ага, держится, – сказал он Жюльену с довольным видом» [3, с. 163] – ср: «...Ah! Elle tiendra...» [4, p. 11] (А! Она будет держаться...).

Стилевое снижение касается и главных действующих лиц романа, которые в стендалевском оригинале находятся на грани между романтической приподнятостью и реалистической достоверностью. В переводе их также захватывает стихия фамильярной интонации. Например, о г-же де Реналь: «И вдруг она расхохоталась безудержно и ве-

село, совсем как девчонка. Она смеялась над самой собой и просто опомниться не могла от счастья. Как! Так вот он каков, этот гувернер! А она-то представляла себе грязного неряху-попа, который будет орать на ее детей и сечь их розгами» [3, с. 73] – ср.: «Bientôt elle se mit à rire, avec toute la gaieté folle d'une jeune fille, elle se moquait d'elle-même et ne pouvait se figurer tout son bonheur. Quoi, c'était là ce précepteur qu'elle s'était figuré comme un prêtre sale et mal vêtu, qui viendrait gronder et fouetter ses enfants!» [4, с. 37] (Скоро она рассмеялась с безудержной веселостью юной девушки, она смеялась над самой собой и не могла себе представить всего своего счастья. Как, это и есть тот учитель, которого она себе представляла грязным и плохо одетым священником, который придет бранить и сечь ее детей!); «Перепугавшись до смерти...» [3, с. 140] – «Mortellement effrayée...» [4, р. 91] (смертельно испуганная) и др.

Матильда да Ла-Моль, которая в переводе почти постоянно называется «девица» (слово с явно негативной коннотацией в русском языке XX в.), наделена внутренней и прямой речью, которая также скорее пристала мещанке, чем парижской аристократке: «...этому попику, сыну деревенского мужика» [3, с. 461] – «...a un petit abbé, fils d'un paysan» [4, с. 369] (этому аббатику, сыну крестьянина); «...ваша интересная внешность...» [3, с. 589] – «...votre jolie figure...» [4, с. 479] (ваше красивое лицо) и др.

Особенно нелицеприятно интерпретирован образ Матильды через восприятие Жюльена: «Вот уж не нравится мне эта долговязая девица!..» [3, с. 365] – «Que cette grande fille me déplaît!» [4, р. 283] (как мне не нравится эта высокая девушка!); «...этой долговязой белобрысой куклой» [3, с. 419] – «... cette grande roupée blonde» [4, р. 335] (этой высокой белокурой куклой).

Однако больше всех не повезло самому главному герою, образ которого в переводе заметно «приземлен»:

«Но тут Жюльен заметил, что дал маху» [3, с. 90] – «Mais Julien s'éloignait de la trace» [4, р. 50] (Но Жюльен отдалялся от следа); «...он тяжело грохнулся на пол» [3, с. 237] – «...il tomba tout de son long sur le plancher» [4, р. 173] (он во весь рост упал на пол); «...радость... заставляла его расплываться в широкой улыбке» [3, с. 410] – «...la joie... le forçait à rire malgré lui» [2, р. 328] (радость заставляла его смеяться против воли) и т. п.

Особенно сильно вульгаризирована внутренняя и прямая речь героя: «Чего только на тебя не наплетут, никогда уж тебе после такого срама не подняться...» [3, с. 172] – «On te donnera tous les torts; jamais tu ne te relèveras de cette honte...» [4, р. 119] (тебя обвинят во всем; ты никогда не оправившись

от этого стыда); «Экий я добряк...» [3, с. 410] – «Que je suis bon...» [4, р. 328] (Как я добр...); «Она так умна, а я совершенно безмозглый дурак» [3, с. 493] – «Elle a tant d'esprit, et moi si peu!» [4, р. 398] (У нее столько ума, а у меня так мало!); «Жюльен был чрезвычайно смущен – действительно, он сглупил» [3, с. 467] – «...il avait tort» [4, р. 374] (он ошибся).

Примеры можно было бы умножить и дальше, но и без того очевидно, что в переводе взят неверный эстетический тон. Это могло иметь определенные основания в эпоху, когда он был создан, но в настоящее время не может не расцениваться как существенный недостаток, затрагивающий самую суть произведения в его русскоязычной версии. Роман лишается той трагической героизации личности, которая неотъемлема от писательской позиции Стендаля.

Луи Фердинанд Селин (Louis-Ferdinand Céline) – одна из центральных фигур в литературе и культуре XX в. Участник и инвалид Первой мировой войны, он своим романом «Путешествие на край ночи» («*Voyage au bout de la nuit*», 1932) глубже, полнее и резче, чем кто бы то ни было другой из «потерянного поколения», запечатлел то, что открыла человечеству историческая катастрофа, и всем дальнейшим творчеством продолжил художественное воплощение «новой информации о сущности мира», который предстает у него в своей «обезбоженной», непостижимой и чуждой для человека логике – «как “мир сам-по-себе”» [5]. Селин выразил категорическое неприятие действительности с ее конвенциональной ложью, пронизывающей человеческое существование на всех уровнях.

Значимость Селина как писателя определяется тем, что он нашел художественный язык для адекватного воплощения этих прозрений, совершив в романной традиции структурно-стилевой поворот, который оказал огромное влияние на последующую литературу.

Но слава писателя на родине по сей день граничит со скандалом; далеко не гладко складывается и судьба его русскоязычных переводов.

Первый перевод Селина был опубликован по горячим следам парижской публикации его дебютного романа и вызвал вспышку популярности, обусловленную тем, что произведение понравилось Сталину. Но в этом переводе (ГИХЛ, М.–Л., 1934, 296 с.), выполненном Эльзой Триоле, текст был наполовину сокращен и подвергнут другим радикальным изменениям. Последующие произведения Селина и его резкие отзывы об СССР, который он посетил, показали, что писатель не может быть «приручен» советской властью, и на

него опустилось глухое молчание, длившееся около полувека.

До середины 1990-х гг. Селин существовал для русскоязычного читателя как автор одного произведения – «Путешествия на край ночи» – и практически лишь в переводе Эльзы Триоле, который, безусловно, не мог считаться удовлетворительным. Поэтому ожидалась только подходящая политическая конъюнктура для того, чтобы перевести роман заново.

К столетию писателя, в 1994 г., обстановка оказалась в высшей степени благоприятной. Сам Селин с его далеко не образцовой репутацией и его мрачные романы хорошо вписывались в эпоху тотальной отмены прежних табу и закономерно хлынувшей в литературу «чернухи». Лидирующее положение теперь занял перевод Ю. Б. Корнеева [6], который с этого момента неоднократно переиздавался, в том числе в Собрании сочинений Селина. Другие переводы – А. Юнко и Ю. Гладилина (Кишинев, 1995) и Н. В. Луцюка (Харьков, 2009) – пока никак не поколебали его позиций.

Неотъемлемой и крайне существенной частью той литературной революции, которую произвел Селин своей первой книгой, стал отказ от регламентированности языка, которая сохранялась во Франции начиная с эпохи классицизма и предполагала строгое разделение письменной и разговорной сфер. В качестве постепенно накапливающихся тенденций французские писатели XIX в. допускали устный язык в речь персонажей. Селин же все произведение построил в тоне такого живого, непосредственного дискурса.

При этом он не просто заменяет литературный язык на разговорный, а, как подчеркивает А. Годар в предисловии к переводу Ю. Корнеева, вырабатывает сложную систему, в которой элементы просторечия взаимодействуют с элементами письменного языка, производя эффект спонтанности, «интонации живого голоса». Такая организация художественного дискурса соответствовала принципиальной смене «оптики», в которой изображалось человеческое существование.

Эльза Триоле, видимо, пыталась приблизиться именно к эффекту живой речи, для этого упрощая, «облегчая» текст, что с неизбежностью, даже если не касаться чисто количественных утрат, вело к его смысловому обеднению. Ю. Корнеев, в соответствии с эстетическим экстремизмом эпохи «перестройки», пошел не только иным путем, но и к иной цели, стараясь воспроизвести прежде всего интенсивность того шока, который в свое время был вызван новациями Селина.

Сознательно или бессознательно выбрав этот ориентир, переводчик был обречен на использование гораздо более сильнодействующих средств,

чем не только его предшественница, но и сам автор. Это было связано с бурными языковыми процессами, сопровождавшими радикальную социальную ломку 1990-х гг. Языковая норма, подвергаясь массивным атакам как в речевом обиходе, так и в языке литературы, лишилась статуса обязательности и выступала все чаще лишь как точка отталкивания, нейтральный фон для неограниченного стилистического выбора. Заметно активизировалось просторечие, а его «экспрессивной базой... в большей степени, чем раньше, стала сниженная лексика» [7]. Языковые процессы, на фоне которых осуществлялся перевод Корнеева, характеризовались «снижением табуированности бранных слов, грубых просторечных, арготических, обценных лексических единиц» [7], что нашло отражение в новой русской версии романа.

По данным В. Н. Носовой, в тексте Селина «непосредственно инвективная лексика» (дисфемизмы) составляет 30 % (при этом «инвективы определяются как сниженные лексические единицы, нарушающие литературную норму и выражающие негативные эмоции говорящего») [8]. Как отмечается в другом исследовании, «многие французские вульгарные просторечные дисфемизмы, которые встречаются на страницах романа (*le con, le cul* и др.), вполне могут быть переведены соответствующими русскими дисфемизмами. Однако совпадение объемов значений подобной лексики вовсе не означает, что она одинаково используется в обоих языках» [9]. Среди существенных различий, вслед за Л. А. Гавриловым, указывается на то, что «русские нецензурные слова, как правило, табуированы, в то время как французские – нет» [10]. В пример приводится передача слова *«fumier»*, имеющего основное словарное значение «навоз», но в разговорной речи означающего также «*подонок, дерьмо*». Фраза «*Il n'y a pas moyen qu'il nous renvoie ses comptes, ce fumier-la!*» [11, р. 130] переведена Корнеевым как «Истребовать с этого говноеда отчеты просто невозможно» [12]. Аналогичная ситуация возникает при переводе слова «*Merde!*» [11, р. 245] (которое в роли восклицания имеет не столько прямое словарное значение «*дерьмо*», сколько нечто вроде «*черт возьми!*») как «Ах, ты говнюк!» [12].

Селин дозирует стилистическую окраску соответственно статусу персонажей, наделяя грубой сниженностью речь тех, кому это «к лицу»; в переводе же эта дифференциация исчезает, тотально господствующую позицию занимает просторечие самого примитивного характера, захлестывающее повествование и речь всех персонажей.

С самого начала романа перевод строится в иной стилистической и соответственно смысловой плоскости, чем оригинал. Ср.:

Ça a débuté comme ça. Moi, j'avais jamais rien dit. Rien. C'est Arthur Ganate qui m'a fait parler. Arthur, un étudiant, un carabin lui aussi, un camarade. On se rencontre donc place Clichy. C'était après le déjeuner. Il veut me parler. Je l'écoute. «Restons pas dehors! qu'il me dit. Rentrons!» Je rentre avec lui. Voilà. «Cette terrasse, qu'il commence, c'est pour les œufs a la coque! Viens par ici!» [11, p. 4].

Началось это так. Я все помалкивал. Ни гугу. Это Артюр Ганат меня за язык потянул. Он тоже студент-медик, свой парень. Встречаемся мы, значит, на площади Клиши. Время – после завтрака. У него ко мне разговор. Ладно, слушаю.

– Чего на улице-то стоять? Зайдем. Ну, зашли.

Здесь на террасе только яйца варить, – заводит-ся он. – Давай в кафе [12].

Первая фраза, ключевая для романа, переведена Ю. Корнеевым весьма приблизительно, что, впрочем, объясняется ее реальной сложностью при внешней простоте. Она построена у Селина в подчеркнуто небрежном разговорном стиле, начинаясь и заканчиваясь одним и тем же словом «ça», которое является «облегченным» аналогом более строгого «cela» (это). В таком повторе, производящем впечатление почти косноязычия (что подкрепляется следующей фразой, в которой рассказчик сообщает о своей неразговорчивости), на самом деле содержится настройка на особую значимость этого короткого слова: в тексте романа оно встретится более тысячи раз, вырастая в самое общее обозначение того поворота, который совершается в мировосприятии рассказчика и который превосходит возможности языка, выработанного культурой. Наглядным примером может служить фраза из следующей главы, завершающая пассаж о постигшем героя на войне прозрении относительно абсурдного стремления человечества к саморазрушению и гибели: «Ça venait des profondeurs et c'était arrivé» [11, p. 14] (Это шло из глубин, и это пришло / настало / произошло).

Возвращаясь к первой фразе, отметим, что в ее конце это слово входит в словосочетание «comme ça», означающее не только «так, итак, таким образом; значит, стало быть», но и «просто так, да так; невзначай». Фраза указывает на якобы случайность происшедшего, его событийную невыделенность, но тем самым – на его фатальную неизбежность.

В следующих фразах начинается стилистический произвол переводчика. Вместо нейтрального повествования (Я никогда ничего не говорил. Ничего. Это Артюр Ганат меня заставил говорить / вызвал на разговор / разговорил) появляются сниженно-экспрессивные «Я все помалкивал. Ни гугу.

Это Артюр Ганат меня за язык потянул» [12]. Прямая речь персонажей тоже приобретает новую окраску: «Чего на улице-то стоять? Зайдем» [12] – ср. «Restons pas dehors! qu'il me dit. Rentrons!» [11, p. 4] (Не останемся снаружи / на улице! говорит он мне. Зайдем!); «– Свистишь!» [12] – ср.: «C'est pas vrai!» [11, p. 8] (Неправда!); «...на дамочек в кафе пьемся» [12] – ср.: «...regarder les dames du café» [11, p. 4] (смотреть на дам из кафе); «...баб на коленях держат – красивых, розовых, раздушенных» [12] – ср.: «...avec des belles femmes roses et gonflées de parfums sur les genoux» [11, p. 9] (с красивыми женщинами, розовыми и раздушенными, на коленях); «...здорово симпатичный и, видать, парень – ух» [12] – ср.: «...il avait l'air bien gentil et richement gaillard...» [11, p. 10] (он имел вид очень милый и в высшей степени бравый). Совершенно закономерно там, где Селин вместе с персонажем обрывает на первой же букве готовое сорваться слово, неприличное в устах тогдашнего студента, и заменяет его на письме многоточием, переводчик применяет полновесно-нецензурное «мудак» [12].

Подобным образом весь текст романа подвергся трансформации, опустившись на другой стилистический уровень. Если художественная смелость Селина заключалась в самом придании языку произведения спонтанности живой речи, то в переводе эта живая речь оказалась грубо-фамильярной, резко-экспрессивной и в целом заметно сниженной, существенно изменив образ рассказчика (он же главный герой) и смысл произведения в целом.

Непомерно усиливая грубо-просторечную стихию, переводчик унифицирует сложную стилевую ткань романа и не замечает в ней даже столь важный пласт, как патетические пассажи, которые знаменуют собой этапные моменты повествования. Они представляют собой своеобразную поэтическую риторику с тщательно организованной системой повторов, восклицаний, последовательным нагнетанием эмоции и мысли. Такими пассажами сопровождается, например, постижение героем на войне ужаса всеобщей катастрофы, в которую катится мир [11, p. 13–14], или открытие бездонной мерзости, на которую способно человеческое существо, в эпизоде истязания соседской девочки [11, p. 266–267].

Остановимся только на втором из названных фрагментов. Его исключительная важность подкрепляется в оригинале такой конструктивной особенностью, как повышенная концентрация ключевых для произведения слов: «ça», («это») которое ярко заявило о себе в первой фразе повествования, и «bout» («край, конец»), актуализированное заглавием романа. Здесь на двух страницах «ça» встречается 10 раз, выступая обозначением несказанно ужасного и гнусного, что разворачивается перед геро-

ем в повседневном быте окружающих его людей. Оно наделяется зловещей неопределенностью, включая в себя и неотвратно надвигающуюся стихийную, бессознательную жестокость («ça se préparait», «...ça arrivait...», «...ça se passait...»), и низменное скотство («ça les excitait», «...grands comme ça...», «...ça se passait contre l'évier»).

Слово «bout», употребленное 4 раза, обозначает здесь предел мыслимого, то «*ne plus ultra*», за которым уже не срабатывают привычные представления о человеке: «*Il y a un bout a tout. C'est ne pas toujours la mort...*» [11, p. 266] (У всего есть предел. Это не всегда смерть...). Рассказчик заставляет себя вслушиваться в происходящее, бессильный что-то изменить и лишь углубляя доставшееся ему в удел мучительное проникновение в ужас бытия. Этот пассаж отмечен шестикратным анафорическим повтором «*Je...*» («*Я...*»), подчеркивающим, что открытие касается прежде всего его собственной сути и роли в страшном мире, и завершается бесконечной перспективой дальнейшего спуска в этот ад, подчеркнутой двукратным, избыточным повтором выражения «*la prochaine fois*» (в следующий раз) и пятикратным – слова «*encore*» (еще):

J'écoutais jusqu'au bout pour être bien certain que je ne me trompais pas, que c'était bien ça qui se passait. J'aurais pas pu manger mes haricots tant que ça se passait. Je ne pouvais pas fermer la fenêtre non plus. Je n'étais bon à rien. Je ne pouvais rien faire. Je restais à écouter seulement comme toujours, partout. Cependant, je crois qu'il me venait des forces à écouter ces choses-là, des forces d'aller plus loin, des drôles de forces et la prochaine fois, alors je pourrais descendre encore plus bas la prochaine fois, écouter d'autres plaintes que je n'avais pas encore entendues, ou que j'avais du mal à comprendre avant, parce qu'on dirait qu'il y en a encore toujours au bout des autres des plaintes encore qu'on n'a pas encore entendues ni comprises [11, p. 267].

Я слушал до конца, мне хотелось убедиться, что я не ошибся – происходит именно это. Пока это происходило, я не мог есть свою фасоль. Закрывать

окно – тоже. Я был ни на что не способен. Делать ничего не мог. Просто, как всегда, слушал. Тем не менее мне сдается, что у меня появлялись силы, странные силы слушать такое в очередной раз, идти еще дальше, опуститься еще ниже, слушать другие жалобы, которых я не слышал и не понимал, потому что за ними раздаются все новые жалобы, которых не расслышать и не понять [12].

(Я слушал до конца, чтобы быть точно уверенным, что происходит именно это. Я не мог есть мою фасоль, пока это происходило. Я не мог и закрыть окно. Я был ни на что не годен. Я не мог ничего сделать. Я продолжал только слушать, как всегда, везде. В то же время я думаю, что у меня появлялись силы слушать эти вещи, силы идти дальше, забавные/чудные/странные силы, и в следующий раз поэтому я смогу спуститься еще ниже в следующий раз, слушать другие жалобы, которых я еще не слышал или которые я раньше едва смог понять, потому что, похоже, есть еще всегда на краю других еще жалобы, которых я еще не слышал и не понял.)

Даже без подробного сравнения видно, что переводчик полностью игнорирует это четко продуманное построение, имитирующее случайную хаотичность дискурса.

В целом перевод, представляющий для русского читателя роман Селина, непоправимо его искажает. Он несет на себе отчетливые следы торопливой сенсационности, характерной для «перестроечной» культуры, являясь в большей степени своеобразным памятником эпохи, чем полноценной иноязычной версией оригинала.

Недостатки этого перевода в очередной раз показывают, как настоятельно необходима переводчикам опора на литературоведческие исследования, а преподавателям зарубежной литературы – знание иностранных языков, позволяющее если не читать полностью все тексты в оригинале, то, во всяком случае, улавливать направление их переводческих трансформаций, чтобы не поддаваться обману и верно ориентировать студентов¹.

Список литературы

1. Издательская деятельность и перевод: сб. ст. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011.
2. Текст. Книга. Книгоиздание. Text. Book. Publishing. Научно-практический журнал. Томск, 2012. № 1.
3. Стендаль. Собр. соч.: в 15 т. М.: Изд-во «Правда», 1959. Т. 1.
4. Stendhal. Le Rouge et le Noir. Chronique de 1830. P.: Gilbert Jeune, 1997.
5. Недосейкин М. Концепция мира в романе Л.-Ф. Селина «Путешествие на край ночи» // Мат-лы сборника «Селин в России» (СПб., 2001). URL: <http://www.mitin.com/people/celine/cr-nedosejkin.shtml>
6. Селин Л.-Ф. Путешествие на край ночи / пер. с фр. Ю. Б. Корнеева; предисл. А. Годара. М.: Прогресс Бестселлер, 1994.

¹ См. также нашу статью по родственной тематике: [13].

7. Гнусина Е. В. Сравнительный анализ современного французского просторечия и современного русского просторечия: На материале современной художественной литературы и других источников: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. URL: <http://www.disscat.com/content/sravnitelnyi-analiz-sovremennogo-frantsuzskogo-prostorechiya-i-sovremennogo-russkogo-prostor>
8. Носова В. Н. Французская инвективная лексика в прагмалингвистическом и коммуникативно-дискурсивном аспектах: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. URL: <http://www.disscat.com/content/frantsuzskaya-invektivnaya-leksika-v-pragmalingsvisticheskom-i-kommunikativno-diskursivnom-as>
9. Лиходкина И. А. Проблема перевода на русский язык французских синтаксических конструкций с разговорной/сниженной лексикой (на примере романа Л. Ф. Селина «Путешествие на край ночи») // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. «Лингвистика». 2010. № 6. URL: <http://www.vestnik-mgou.ru/mag/2010/ling/6/st19.pdf>
10. Гаврилов Л. А. К вопросу об асимметричности русских и французских дисфемизмов // Сборник статей. № 29–30. М.: ВКИ, 1995. С. 34. Цит. по: [9].
11. Céline L.-F. Voyage au bout de la nuit. P.: Gallimard, 2004.
12. Селин Л.-Ф. Путешествие на край ночи. URL: http://lib.ru/INPROZ/SELIN/kraj_nochi.txt_with-big-pictures.html
13. Разумова Н. Е. Перекодировка текста в стихотворном переводе (Тютчев и Шиллер) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2006. Вып. 8. С. 47–53.

Разумова Н. Е., доктор филологических наук, профессор.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: razum@list.ru

Материал поступил в редакцию 10.01.2013.

N. E. Razumova

THE LEVEL OF RELIABILITY OF TRANSLATED TEXTS IN TEACHING FOREIGN LITERATURE

By example of Russian translations of the novels “The Red and the Black” by Stendhal and “Journey to the End of the Night” by Céline the article studies the level of reliability of translated texts in teaching foreign literature.

Key words: *foreign literature, teaching literature, fiction translation, transformations, novel “The Red and the Black” by Stendhal, “Journey to the End of the Night” by L. F. Céline.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: razum@list.ru

ПЕРЕВОДЫ «ГОРЯ ОТ УМА» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК: В ПОИСКАХ ЭКВИВАЛЕНТА РУССКОГО МЕНТАЛЬНОГО КОНЦЕПТА

Раскрывается национальное своеобразие грибоедовского ментального концепта, устанавливается, что передача концепта *ум* значительно осложняется тем, что семантический объем русского концепта намного превышает семантический объем всех возможных эквивалентов в английском языке. Демонстрируются попытки преодоления современными профессиональными переводчиками (британским и российским) традиционно заявлявшейся «практической непереводаемости» грибоедовского шедевра.

Ключевые слова: А. С. Грибоедов, *Горе от ума*, концепт, *ум*, перевод.

Ум в обыденном восприятии носителей русского языка – сложное структурное образование. В древнерусской традиции, по учению Нила Сорского, *ум* относился к духовной части человека: «*Ум* – это образ божий в человеке, он и руководит всеми аффектами и страстями (“царь страстей”» [1, с. 89]. Лексема *ум* зафиксирована в старославянском и древнерусском языках с XI в. Она означала некоторый симбиоз души и сердца, *ум* понимался как часть духа. Аналогичная трактовка представлена в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля: «*ум* – общее название познавательной исключительной способности человека, способность мыслить; это одна половина духа его» [2, т. 12, с. 129].

Со временем объем значения понятия *ум* несколько изменился, *ум* стал пониматься больше как способность мыслить, как воображаемый орган, где протекают интеллектуальные процессы, связанные с процедурами анализа и синтеза. В русской культурной традиции концепт *ум* отличается от других концептов внутреннего мира человека (душа, сердце, разум) своим ценностным статусом. А. В. Голованова отмечает, что «самым сложным по своему ценностному статусу оказывается в ценностной языковой картине мира концепт “ум”». Это связано с тем, что *ум* является определяющим свойством человека, отличающим его от животных и в то же время отличающим людей друг от друга» [3, с. 38]. Такую точку зрения разделяет и А. Д. Шмелев, отмечающий, что «для русской языковой картины мира инструментом понимания является именно *ум*, а не, скажем, сердце, как для древнееврейской и армянской картины мира» [4, с. 24]. Когнитивную функцию *ума* подчеркивает также И. Б. Шатуновский: «...русская картина мира характеризуется трихотомией: душа-тело-ум, где различаются желания тела (физиологические), желания души (например, желание счастья любимому человеку) и интеллектуальные (желание *знать*, *понять*, *найти разгадку* и пр.)» [5, с. 295].

В целом для русского менталитета характерно представление о внутренней жизни человека в

виде оппозиций: дух–плоть, душа–тело, сердце–ум/разум/голова [4, с. 135]. В последней оппозиции *ум* призван контролировать сердце, однако сердце может брать верх над умом, тогда человек действует как бы в состоянии аффекта. Разные стороны внутренней жизни человека могут выступать несогласованно, – тогда обычно говорят, что *ум с сердцем не в ладу*. Согласно объяснительному словарю синонимов, *ум* акцентирует значение на процессе получения знания, на процессе думанья, а *разум* – на результате получения этого знания, на понимании [6, с. 519]. Таким образом, *ум* – это прекращающийся процесс, это постоянно поступающее новое знание, а *разум* – уже достигнутое хорошо известное знание, понимание, результат этого процесса. В этой связи А. Зализняк указывает на то, что *разум* отличен от *ума* лишь приставкой *раз*, которая несет упорядочивающее значение «внести порядок и благодаря этому ясность в понимание какой-либо проблемы» [4, с. 433]. С. П. Шевырёв также замечал: «Слова *ум* и *разум* (если производить их от *емлю* и *разнимаю*) будут соответствовать синтетическому и аналитическому действию нашей мыслительной способности» [7, с. 142]. «Словарь Академии Российской» (1806–1822) также разделяет эти понятия, определяя *ум* как «способность понимать вещи и судить об них», отсюда, *умный* – это «благоразумный, имеющий здравый рассудок или основанный на здоровом рассудке, рассудительный», а *разум* – «способность души, посредством которой человек понимает, судит и умствует или выводит по смотрению и соображении следствия» [8, ч. 6, с. 973–974, 967; ч. 5, с. 915, 924]. Отметим также, что *ум* в значительно большей степени может служить характеристикой отдельного человека, в то время как *разум* характеризует весь человеческий вид, и лишь лексема *ум* допускает количественные характеристики (больше *ума*, меньше *ума*, *ума* прибавилось, *ума* не хватает, *ума* палата и пр.).

Представление об *уме* в русской культуре широко отражено в текстах, фиксирующих многовековой опыт народа, – в пословицах, поговорках,

устойчивых выражениях; в словаре В. И. Даля приводится более шестисот пословиц и поговорок, актуализирующих понятия *ум* и *глупость*. Это представление своеобразно и многопланово. Так, *ум* может выступать как сложный инструмент, осуществляющий познавательную деятельность; этот инструмент может быть расстроен или поврежден: *в уме расстроен, в уме поврежден* и т. п. *Ум* может представлять как физический объект, как предмет, обладающий физическими параметрами и характеристиками: *высокий ум, короткий ум, драгоценный ум, ума мало, ума палата* и т. д. *Ум* может ассоциироваться с поверхностью или пространством: *прийти на ум*; часто с путем или дорогой: *на ум навести, сойти с ума, спянуть с ума, с ума своротить* и пр. *Ум* может мыслиться как вещество – *ядовитый ум, брожение умов, горячий ум* или как растение – *ум сохнет, ум крепнет, цвет ума, зрелый ум*. Сознанием русского человека *ум* часто воспринимается как живое антропоморфное существо – *бойкий ум, женский ум, ум с сердцем не в ладу, живой ум, здоровый ум, больной ум, молоденький умок, западный ум, русские умы, союз умов* и пр. *Уму* могут быть присущи функции помощника или наставника – *жить с умом, делать с умом, поступать с умом* и т. д. Н. М. Сергеева указывает 23 группы признаков, присущих русскому концепту *ум*: вегетативные, зоологические, анималистические, гендерные, социальные и др. [9, с. 5].

Е. Е. Хазимуллина на основе типизации пяти тысяч контекстов периода 1825–2004 гг. Национального корпуса русского языка, актуализирующих обыденное, религиозное, философское, художественно-поэтическое и научное мировоззрения, выделяет три важнейших аспекта осмысления русского ума. *Ум*, во-первых, понимается как нечто, существующее само по себе, независимо от человека (*ум* как Бог, Вселенский Разум, «царь»), человек (сверхчеловек), некая синергетическая сущность); во-вторых, как сущность, принадлежащая человеку (данная ему от природы или Богом), но которую человек не всегда способен контролировать; в-третьих, *ум* концептуализируется как свойство, способность, инструмент мышления, понимания, познания человека, человек – хозяин своего ума [10, с. 481].

Концепт *ум* в комедии Грибоедова заявлен уже в названии как центр коллизии произведения. Тема *ума* и его антиномии *безумия* пронизывает диалоги и монологи всех персонажей комедии. Доминантный характер концепта *ум* подтверждает и частотность его непосредственных лексических репрезентантов, достигающая 81 (ср.: имя главного героя комедии – Чацкого звучит в комедии всего 18 раз). Таким образом, как минимум 81 раз переводчик сталкивается с необходимостью перевода сло-

ва или фразы, содержащих лексему *ум*, и, следовательно, с проблемой перевода концепта *ум*.

М. М. Бахтин отмечал в «Очерках по исторической поэтике», что культурная традиция сопряжена не только с сознательной преемственностью, но и с генетической культурной памятью, реализующейся в процессе творческого акта [11, с. 407]. Концепт *ум* в русском языке представляет собой сплав огромного пласта культурных значений и индивидуальной интерпретации. Разница в семантическом объеме русского ментального понятия и его английских эквивалентов, своеобразная авторская трактовка делают перевод концепта на английский язык непреодолимо трудной задачей.

Одна из первых трудностей, с которой сталкиваются переводчики, – это различие значений лексемы *ум* в русском и английском языках. Данные ассоциативных словарей наглядно демонстрируют различия в представлении этих понятий носителями языка. *Ум* прежде всего ассоциируется с усиленной мыслительной деятельностью и выдающимися ее результатами, головой, мозгом, разумом, аналитическими способностями и знанием [12]; *wit* – с забавой, шуткой, смехом, насмешкой; *intellect* – с разумом, умственными способностями, в разной степени выраженными; *mind* – как с мозгом, веществом, телом, так и с мышлением; *brain* – с процессом думанья и физическим вместилищем мозгов – черепом, вмешательством в деятельность мозга; *clever* вызывает реакции: *умный, разумный, понятливый, смысленый, выдающийся, мозг, мозговитый* [13]. Таким образом, передача концепта *ум* средствами английского языка значительно осложняется тем, что семантический объем понятия *ум* намного превышает семантический объем всех возможных эквивалентов в английском языке. В этой связи характерно заключение лингвиста М. К. Голованивской: «Русское понятие *ума* – особенное, слово это выделяется из синонимического ряда, в котором находится (разум, рассудок, интеллект), сразу тремя признаками – максимальным объемом понятия, самым частотным употреблением и своим происхождением: *ум* – единственное слово из всего ряда, произошедшее из греческого и прошедшее через церковнославянский язык, в отличие от других синонимов латинского происхождения. Возможно, именно поэтому понятие *ума* – специфически славянское, перевод его на романские языки (аналогично и на германские. – Е. А.) затруднен и требует от переводчика всякий раз особых усилий и основательных потерь принципиально важных оттенков смысла» [14, с. 135].

Задачу переводчика также усложняет необходимость учитывать реализацию концепта *ум* в контексте комедии в целом, т. е. единицей перевода в данном случае должно являться все произведение.

Переводы «Горя от ума», рассматриваемые нами далее, являются стихотворными и озаглавлены “Woe from Wit”. Первый был издан русским лингвистом, профессиональным переводчиком, преподавателем иностранных языков и теории перевода А. С. Вагаповым в 1993 г. Перевод был создан для свободного ознакомления англоязычных читателей с классическим произведением русской литературы и размещен на сайте журнала “Speaking In Tongues, Scribbling In Voices”. Сам Вагапов в интервью журналу “Internet Observer” (август 2001 г.) говорит, что к работе над переводом его побудил личный интерес к творчеству писателя и желание дать возможность англоязычному читателю ознакомиться с качественным переводом комедии [15]. Кроме того, в интервью от 15 мая 2010 г., размещенном Вагаповым на сайте Spoken and Sung: words in performance [16], он сообщает, что данный перевод изначально предназначался им для сцены, хотя и не является адаптацией. Вагапов планирует второе исправленное издание, ведет переговоры о возможности использования своего перевода для постановки комедии на сцене Национального лондонского театра.

Для сравнения с переводом Вагапова был выбран перевод британского автора – вторая редакция перевода Мэри Хобсон, вышедшая в 2005 г. Мэри Хобсон – автор трех романов о современной жизни англичан, переводов сочинений Грибоедова и Пушкина. Выполненный Хобсон перевод «Горя от ума» был признан Ассоциацией переводчиков лучшим переводом грибоедовской комедии на английский язык, за что в 1996 г. Мэри Хобсон была награждена Золотой Пушкинской медалью [17]. Примечательно, что после выхода первой редакции перевода комедии в 1995 г. интерес к «Горю от ума» был столь велик, что в Лондонском театре возобновили постановку комедии. Мэри Хобсон продолжила работу над «Горем от ума», и в 2005 г. была издана ее монография «“Горе от ума” Александра Грибоедова: комментарий и перевод». В 2007 г. монография была переиздана в Великобритании и США.

Уже современники Грибоедова осознавали огромную сложность перевода комедии. Так, Белинский, критикуя перевод произведений Гоголя на французский язык, говорил о существовании целиком национальных произведений, перевод которых крайне сложен: «“Горе от ума” Грибоедова могло бы быть переведено без особой утраты в своем достоинстве; но где найти переводчика, которому был бы под силу такой труд?..» [18, с. 57–58]. Очевидно, что передача концепта *ум* в переводе представляет колоссальную сложность.

Для удобства анализа лексические репрезентанты концепта *ум* в «Горе от ума» условно разделим

на три группы. К первой отнесем лексические единицы, носящие исключительно положительные коннотации: «высокий ум» [19, с. 112], «ум бойкий» [19, с. 63], «умный» [19, с. 106], «поумнеть» [19, с. 61], «образумиться» [19, с. 120], «умник» [19, с. 122] – о человеке «умном, образованном науками, ученом, с проницательным умом и даром слова» [2, т. 12, с. 131]; «разумник» [19, с. 46] – «человек умный, сведущий, ученый, рассудительный и правый, мудрый» [2, т. 10, с. 259]; «вразумить» [19, с. 89] и пр. Ко второй группе можно отнести слова и выражения с отрицательной окраской: «с ума сходить» [19, с. 15 и далее – 12 словоупотреблений], «с ума прыгнуть» [19, с. 92], «свести с ума» [19, с. 64], «не в своем уме» [19, с. 85], «полоумный» [19, с. 83], «безумный» [19, с. 92 и далее – 8 словоупотреблений], «сумасшедший» [19, с. 88], «в уме расстроен» [19, с. 93], «в уме поврежден» [19, с. 108], «умы коротки» [19, с. 96] и т. п. К третьей группе отнесем выражения с нейтральной окраской: «иметь на уме» [19, с. 107], «прийти на ум» [19, с. 22, 25], «то уму» [19, с. 46, 73] и т. д., а также слова «(не)уметь/суметь» [19, с. 18 и далее – 10 словоупотреблений], которые могут получать у Грибоедова в зависимости от контекста то положительную, то отрицательную коннотации. Такое деление совершенно условно, так как в каждом конкретном случае на словарное значение слова или фразы накладывается индивидуальное авторское отношение, поэтому для точности перевода важно учитывать не только контекст фразы и произведения, но и шире – контекст всего творчества Грибоедова, контекст эпохи. Рассмотрим ряд примеров, демонстрирующих типичные трудности и пути их преодоления.

Выше мы отмечали, что *ум* в сознании русского человека наделен рядом свойств и характеристик, типичных для живых и неживых объектов. Так, *ум* может быть *коротким*, т. е. недостаточно развитым, неполноценным. Носитель такого *ума* вовсе не является *умным* человеком. Например, Чацкий говорит о русских, слепо поклоняющихся европейской моде в одежде, прическах и даже образе мышления:

Грибоедов	Хобсон	Вагапов
Как платье,	Short dress,	A tail, a funny
волосы, так и	short hair –	cut – oh, what a
<i>умы</i> коротки!..	<i>intelligence</i> is	scene!
[19, с. 96]	short too [20,	It’s tight and
	p. 117].	doesn’t match the
		face [21].

В английском языке такое сравнение звучит неорганично (для определения понятия “intelligence” допустимы лишь прилагательные “low” и “high”), потому Вагапов решает его опустить. Таким образом, утрачивается сатирическое наполнение фразы, авторская модальность.

Кроме того, ум может выступать как характеристика человека, принимающего самостоятельные решения, но в переводе это не находит отражения:

Грибоедов	Хобсон	Вагапов
Пускай в Молчалине ум бойкий, гений смелый... [19, с. 63]	Let's say Molchalin is a <i>genius</i> , a bold dreamer... [20, p. 70]	Molchalin may be <i>bright</i> and bold, it's true...

Даже в тех случаях, когда возможно передать реплику точно и полно, переводческие решения часто оказываются не в пользу передачи концепта:

Грибоедов	Хобсон	Вагапов
Чтоб умный, бодрый наш народ... [19, с. 96]	Own <i>lively</i> people... [20, p. 117]	So that our <i>wise</i> and cheerful Russians...

Мысль Грибоедова, что русские должны жить «своим умом», а не ориентироваться на Запад, никак не связана с понятием «мудрость», поэтому номинация “wise”, как и “lively”, т. е. «живой, деятельный, веселый» – неадекватна.

Рассмотрим группу лексем (не)с)уметь. Лексема *уметь*, зафиксированная во многих славянских языках, восходит к праславянской форме *uměti, связанной с лексемой *ум*, и потому также является непосредственным репрезентантом концепта *ум*. Исконная семантическая связь лексем *ум* и *уметь* в русском языке не может быть передана средствами английского. Кроме того, в переводах нет единого образа в передаче понятия *уметь*, часто оно просто опускается переводчиками. Ср.:

Грибоедов	Хобсон	Вагапов
Мать умерла: умел я принимать В мадам Розье вторую мать [19, с. 18]. Боюсь, что выдержать притворства не сумею [19, с. 57]. Какою ворожкой умел к ней в сердце влезть! [19, с. 67]	Your mother died. Madame Rose was hired – A second mother was required [20, p. 13]. I'll not maintain this false pretence – I won't know how to [20, p. 65]. What sorcery taught him to crawl into her heart? [20, p. 77]	Your mother died. I take on this madame, Madam Rosiet, your second mere. I can not feign pretence, I think. How did he manage to win Sofia's affection?

На примере мотива *безумия* рассмотрим, как воссоздается в переводе мотивная система оригинала. Поскольку в европейских языках отсутствует лексическая возможность связать антонимичные понятия *ум* и *безумие/сумасшествие*, как в русском языке. Следовательно, передача мотива *безумия* представляет значительную трудность. Чаще всего мотив *безумия* соотносится с образом Чацкого,

реже сопряжено с тем, что нарушает представления говорящего о должном, ожидаемом, привычном и ему полезном. Так Гельвеций, автор трактата «Об уме», замечал: «Каждый отдельный человек называет умом привычку к идеям, которые ему полезны» [22, с. 51]. Ср. передачу мотива *безумия* в переводах:

Грибоедов	Хобсон	Вагапов
Помилуй, как кричишь. С ума ты сходишь? [19, с. 15]	Are you <i>mad</i> ? Lord, how you shout [20, p. 8].	Why shout like that? Are you <i>going mad</i> ?
От сумасшествия могу я остеречься... [19, с. 64]	I can take measures to preserve myself from <i>madness</i> [20, p. 70].	I shall take care not to lose my <i>mind</i> ...
Вот нехотя с ума свела! [19, с. 64]	I must have driven him <i>insane</i> ! [20, p. 71]	To drive him <i>mad</i> I really did not intend.
Ведь полоумный твой отец... [19, с. 83]	How <i>silly</i> Your father is, dear [20, p. 98].	Your father is so <i>silly</i> .
Он не в своем уме [19, с. 85].	He's quite out of his mind [20, p. 102].	He is <i>insane</i> .
Ужли с ума сошел? [19, с. 85]	He's <i>mad</i> , then? <...> [20, p. 102]	Oh! Has he lost his <i>mind</i> ?
С ума сошел! [19, с. 86]	He's <i>mad</i> ! [20, p. 103]	He's gone <i>mad</i> !
С ума сошел! [19, с. 86]	He's gone mad! [20, p. 104]	He's <i>mad</i> !...
С ума сошел! [19, с. 87]	He's gone <i>insane</i> ! [20, p. 104]	Gone <i>mad</i> !
С ума сошел! [19, с. 91]	He's off his head! [20, p. 105]	He's off his head!
Его в безумные упрятал дядя-плут; Схватили, в желтый дом, и на цепь посадили [19, с. 87].	Classic case of <i>madness</i> . They dragged him off, a <i>raving lunatic</i> , I fear. They seized him, locked him in the <i>madhouse</i> on a chain, sir [20, p. 104–105].	His roguish uncle said he was <i>insane</i> ; He got him caught and send him to a <i>mental home</i> in chain.
Да, он сошел с ума! [19, с. 88]. Он сумасшедший... [19, с. 88].	Yes, he has gone <i>insane</i> [20, p. 106]. He is a <i>madman</i> [20, p. 106].	Yes, he's <i>mad</i> . He is <i>mad</i> .
В горах изранен в лоб, Сошел с ума от раны [19, с. 89].	A bullet in the head has turned his mind [20, p. 107].	He had his forehead wounded, and he lost his head.

Безумный по всему [19, с. 92]. В его лета с ума прыгнул! [19, с. 92]. По матери пошел, по Анне Алексевне; Покойница с ума сходила восемь раз [19, с. 92]. Безумных развелось людей, и дел, и мнений [19, с. 92]. И впрямь с ума сойдешь от этих, от одних От пансионов, школ, лицеев... [19, с. 92] Уж кто в уме расстроен... [19, с. 93] Ну как с безумных глаз Затеет драться он... [19, с. 95]. ...В уме сурьезно поврежден? [19, с. 108]. Безумный Чацкий или нет? [19, с. 109] Не впрямь ли я сошел с ума? [19, с. 113]. Сама его безумным называла! [19, с. 119] Безумным вы меня прославили всем хором [19, с. 122]. Не видишь ты, что он с ума сошел? [19, с. 122]	That proves it. He is <i>mad</i> [20, p. 111]. <i>Mad</i> at his age. A pretty pass! [20, p. 112] He takes after his mother, clearly. Poor woman – rest her soul – eight times she <i>went insane</i> [20, p. 112]. These <i>madmen</i> with their senseless views, throughout the nation [20, p. 113]. They are enough to <i>drive one mad</i> – They're run by fools... [20, p. 113] He <i>has gone insane</i> ... [20, p. 113] In his <i>madness</i> he Intends to fight [20, p. 114]. Of course you couldn't fail to find Him <i>much afflicted in his mind</i> ? [20, p. 131] Is Chatskii <i>mad</i> or is he not? [20, p. 132] Perhaps I've really <i>lost my wits</i> [20, p. 137]. It's she who called him <i>mad</i> [20, p. 145]. You told them I <i>was mad</i> ... [20, p. 148] He <i>is insane</i> . Do you not see? [20, p. 149]	All things considered he is <i>mad</i> . A man his age should turn <i>insane</i> ! He takes after his mother. No surprise! She's known <i>to have lost mind</i> a half a dozen times. Many people <i>go insane</i> . There are so many <i>mental cases</i> , views, ideas, really! They all can easily <i>drive you mad</i> . That caused his <i>lunacy</i> . He'll make a fuss! He'll want to have it out with us. And did you notice that He's <i>sort of mad</i> ? Is Chatsky <i>mad</i> ? I'm <i>out of my mind</i> , it seems. Wasn't it you who called him <i>mad</i> ? You all have made me known as a <i>fool</i> . Well, he's <i>off his head</i> , you see?
--	--	--

Безумный! что он тут за чепуху молот! [19, с. 122]

Mad as a hatter [20, p. 149].
What did this *madman* talk about here?

Как видим, в большинстве случаев переводчики пытаются воссоздать мотив *безумия*, однако прибегают к большому количеству лексем, лексически между собой не связанных. Четырежды повторяющееся восклицание разных действующих лиц о безумии Чацкого в 15 явлении III действия уместнее всего было бы передать одинаково: одна и та же фраза произносится с одной и той же восклицательной интонацией, что очень выигрышно для произнесения со сцены. Но переводчики используют различные варианты перевода, усложняя себе задачу и разрушая авторскую задумку.

В основе мотива *безумия* в комедии Грибоедова девять репрезентантов на основе лексемы *ум*: *с ума сойти*, *с ума свести*, *с ума прыгнуть*, *безумный*, *сумасшедший*, *полоумный*, *не в своем уме*, *в уме расстроен*, *в уме поврежден*, которые повторяются на протяжении комедии двадцать семь раз и подкрепляются полисемией понятия «желтый дом».

В переводе Хобсон мотив *безумия* реализуют восемь различных лексем. Наиболее частотные из них *mad* (группу составляют дериваты: *to be mad*, *to go mad*, *madman*, *madness*, *madhouse*), *insane* (*to be insane*, *to turn insane*, *to go insane*). Значительно реже используются *silly*, *fool*, *mind* (*to be afflicted in mind*, *to turn mind*), *head* (*to be off head*), *lunatic*. Показательно, что вынесенное в заглавие понятие *wit* практически не участвует в передаче мотива *безумия*, единственный случай употребления – *to lose wits*.

В переводе Вагапова также наиболее частотны репрезентанты лексемы *mad* (*to be mad*, *to go mad*, *to drive mad*, *madman*). Значительно реже употребляются *insane* (*to be insane*, *to turn insane*), *mind* (*to lose mind*, *to be out of mind*), *head* (*to be off head*, *to lose head*). Единично представлены *silly*, *mental* (*mental home*, *mental cases*), *lunacy* и *fool*.

Приведенные примеры отражают общую тенденцию отсутствия адекватной передачи концепта *ум* в переводе. Выявленная нами [23] семантическая связь мотивов *безумия*, болезни, смерти, смеха, говорения и молчания, темноты, ирреальности, жара и холода, их подчиненность концепту *ум* в переводе не получает отражения. Мэри Хобсон стремится полнее и точнее передать текст оригинала, однако не передает значение лексических репрезентантов концепта *ум* или передает его с помощью лексем, не имеющих даже отдаленного отношения к заявленной ею в заглавии лексеме *wit*. Перевод Алика Вагапова менее точен, часто неверен, лексические репрезентанты концепта *ум* он преи-

мущественно не переводит и не стремится компенсировать их значение. Для сравнения: в комедии Грибоедова мы выделили более восьмидесяти лексических репрезентантов концепта, восходящих к лексеме *ум*. В переводе Хобсон – 61, в переводе Вагапова – 52. При этом лексические единицы перевода не связаны этимологически и лишь частично передают значение русских слов-репрезентантов концепта *ум*.

Сопоставительный анализ оригинальной комедии и двух ее переводов позволяет заключить, что разница в семантическом объеме русского ментального понятия и его английских эквивалентов, своеобразная авторская трактовка делают перевод концепта *ум* на английский язык непреодолимо трудной задачей. Очевидно, что переводу должен

предшествовать скрупулезный предпереводческий концептуальный анализ и выбор переводного эквивалента должен быть обусловлен концептуально, зависеть от признаков концепта, образной составляющей, ценностно-оценочного отношения, которые актуализируются в каждом конкретном контексте, а также от семантико-синтаксической структуры высказывания. Осуществленное нами сопоставление лексем со значением *ум* в русском и английском языках также доказало, что в английском языке нет лексических средств, способных точно и полно передать специфику русского концепта *ум*. Следовательно, адекватно передать концепт лексическими средствами невозможно, и единственным путем частичной компенсации остается подробное комментирование.

Список литературы

1. Чумакова Т. В. Образ человека в культуре Древней Руси. СПб., 2001. 242 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 12 т. М., 2003.
3. Голованова А. В. Ум как ценность русской языковой картины мира // Проблемы филологии. Пермь, 2003. С. 38.
4. Зализняк А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. 540 с.
5. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и неререферентные слова. М., 1996. 399 с.
6. Апресян Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1995. 1488 с.
7. Шевырёв С. П. Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов. М., 1836. 280 с.
8. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806–1822. Ч. 1–6.
9. Сергеева Н. М. Концепты *ум*, *разум* в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004. 192 с.
10. Хазимуллина Е. Е. Когнитивный аспект мотивированности языка (на примере отражения знаний об уме в русской картине мира) // Вестник Башкирского ун-та. Уфа, 2009. Т. 14. № 1. С. 476–481.
11. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. 502 с.
12. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations. Oxford, 1992. 487 p.
13. Русский ассоциативный словарь. М., 2010. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>
14. Головановская М. К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. М., 1997. 297 с.
15. Вагапов А. С. About translator. Псков, 2007. URL: <http://vagalecs.narod.ru/MYCV.HTM>
16. Vagapov A. S. The Woes of Gribojedov. URL: <http://prosoidia.com/gribojedov/alexander-gribojedov>
17. A Life in the Day: Mary Hobson, translator // The Sunday Times. 2003. 30 Nov. URL: http://www.timesonline.co.uk/tol/life_and_style/article1021474.ece
18. Фомичёв С. А. Проблемы творчества А. С. Грибоедова. Смоленск, 1994. 302 с.
19. Грибоедов А. С. Горь от ума // Полн. собр. соч.: в 3 т. / подгот. текста и коммент. А. Л. Гришунина; науч. ред. С. А. Фомичёв. СПб., 1995. Т. 1. С. 9–122.
20. Hobson M. Aleksandr Gribojedov's Woe from Wit: A Commentary and Translation. L., 2005. 648 p.
21. Vagapov A. S. Woe from Wit [Electronic data] / Speaking In Tongues Scribbling In Voices. Электрон. журн. М., 1993. URL: <http://spintongues.msk.ru/gribojedov.htm>
22. Ильёв С. П. «Ум» и «горе» в комедии Грибоедова // Проблемы творчества А. С. Грибоедова. Смоленск, 1994. С. 51.
23. Аблогина Е. В. Концепт *ум* в творчестве А. С. Грибоедова и его англоязычная переводческая рецепция: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011. 205 с.

Аблогина Е. В., кандидат филологических наук, ассистент.

Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050.

E-mail: e.ablogina@gmail.com

Материал поступил в редакцию 10.01.2013.

E. V. Ablogina

TRANSLATIONS OF “GORE OT UMA” INTO ENGLISH: IN SEARCH OF THE RUSSIAN MENTAL CONCEPT’S EQUIVALENT

The article studies national peculiarity of the mental concept “um”, revealed by Alexander Griboyedov, determines its translation entails great difficulties due to extensive semantic potential of the Russian concept exceeding to that of its equivalents in English. Russian and British modern professional translators take various approaches to cope with the practically untranslatable Russian comedy.

Key words: *A. Griboyedov, “Gore ot uma”, concept, “um”, translation.*

National Research Tomsk State University.

Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: e.ablogina@gmail.com

ЛИЧНОСТЬ И СОЦИУМ В ПОВЕСТИ А. И. ГЕРЦЕНА «СОРОКА-ВОРОВКА»

Цель настоящего исследования – выявление системы взглядов А. И. Герцена на человека. В статье рассматриваются социальные факторы, влияющие на формирование личности: сословная принадлежность, материальный статус, профессиональная деятельность, образование, положение женщины в обществе, «общественное мнение».

Ключевые слова: социальный фактор, концепция личности, среда, сословность, материальный статус, профессия, образование, женщина, «общественное мнение», эстетический идеал.

Одной из центральных задач современного литературоведения является выявление и осмысление концепции личности в творчестве различных писателей. В художественной прозе А. И. Герцена проблема личности находится в органической связи с проблемой общества: «Зависимость человека от среды, от эпохи не подлежит никакому сомнению», – уверен писатель [1, с. 120]. Подтверждение тому находим в «Сороке-воровке». Проблематику повести отличает особое внимание автора к общественному статусу своих героев; социальность понимается А. И. Герценом как место человека среди людей, его связи и отношения с внешним миром.

В литературоведении XX в. к работам А. И. Герцена обращались много, но в ходе интерпретации его наследия использовались идеологические клише. До сих пор мнение о писателе как о «социологе» является актуальным для исследования его художественного творчества. Кроме того, по сей день А. И. Герцен воспринимается как представитель натуральной школы.

Современный философ А. А. Кара-Мурза убежден, что сегодня одним из первых в «интеллектуальной реабилитации» нуждается А. И. Герцен (курсив А. А. Кара-Мурзы) [2, с. 138]. Точнее, писатель нуждается, в реабилитации «литературоведческой». А. М. Буланов подчеркивает: «Назрела настоятельная потребность... вычитать новые смыслы в знакомых произведениях» [3, с. 3–4].

Нельзя не согласиться с позицией Д. Л. Карпова: А. И. Герцен «выводит на первый план не быт, а человека, который является центром его творческого мира. Такая антропоцентрическая направленность... безусловно, противоречит детерминизму натуральной школы» [4, с. 99–100].

Многие исследователи XX в. придерживаются точки зрения, что художественные произведения писателя – «антикрепостнические», например С. Е. Шаталов [5, с. 52], Я. Е. Эльсберг [6, с. 145] и многие другие. А. Е. Горелов пишет: «...такова вера Герцена: крестьяне – лучшие люди, а помещики “все противные”» [7, с. 159]. Иное мнение высказывает С. Д. Гурвич-Лищинер: исследователь

подчеркивает, что в художественной прозе замысел писателя – «не только предельно обнажить антигуманность строя, губящего... человеческий материал, но и акцентировать ответственность героя» [8, с. 48].

Взгляды мыслителя в определенной мере предвзвешивают философские идеи экзистенциализма. М. Маляя приводит следующее толкование данного философского течения: «Хотя, с точки зрения разума, мир может быть бессмысленным, индивидуум экзистенциально осведомлен о силе своей воли, о реальности своего выбора и способности действовать и потому свободен» [9, с. 131].

По мнению М. Маляя, А. И. Герцен «фактически предвосхитил мировоззрение, которое распространится лишь в конце века, и потому он представляется нам самым оригинальным мыслителем в России своего времени и одним из самых оригинальных на Западе»; именно эта «экзистенциальная нота», ценность – «вера в человеческую свободу» – в воззрениях писателя напоминает идеи С. Кьеркегора [9, с. 131]. Д. Л. Карпов считает, что в художественных произведениях А. И. Герцена «социальное всегда связано с экзистенциальным»; именно этим они отличаются от очерка натуральной школы [4, с. 99].

На наш взгляд, писатель провозглашает один из тезисов экзистенциализма: человек свободен «внутренне» и «зависит только от своих убеждений и больше ни от чего» [1, с. 118]. В повести складывается концепция двух разновидностей типического – «гуртовые» и «вершинные» типы людей, – которые соответствуют двум формам характерного в жизни. Первые – «общие» типы – «не представляют самой резкой и характеристичной стороны своего поколения...»; ее концентрируют в себе вторые – «предельные» типы – отнюдь не типы «множества» [10, с. 338].

Как замечает С. Д. Гурвич-Лищинер, гораздо более важный интерес имеет для писателя «эстетическое освоение духовных “вершин” – энергических характеров людей активной мысли, “интензивных” идейных исканий, героического деяния» [11, с. 209]. В них находят воплощение «предель-

ные» возможности и душевная красота человека. Исследователь подчеркивает: «Однако отражение таких характеров, их мыслей, действий, чувств в искусстве реализма требует более тонких соотношений, сложных мотивировочных нитей, чем те, которые доминировали в художественной философии со времени “натуральной школы”. Здесь невозможно отпираться от жестких механических детерминаций: человек – ближайшая среда» [11, с. 209].

Опираясь на классификацию влияющих на формирование личности *факторов социальной среды*, предложенную Е. К. Созиной в ходе анализа романа А. И. Герцена «Кто виноват?» [12], рассмотрим, каким образом указанные факторы обнаруживают себя в повести «Сорока-воровка».

Социальная стратификация по сословной принадлежности. Персонажи «Сороки-воровки» обозначены по сословному признаку: «высшее сословие», «аристократ», «князь», «помещик», «дворяне люди князя», «мужик» и т. д. Принадлежность к той или иной страте детерминирует судьбу героев. Например, князь Скалинский, желая отучить Анету «забываться», указывает на ее общественный статус «крепостной девки» [13, с. 274]. А в эпизоде с Матюшкой писатель затрагивает тему аномальности ситуации, когда помещики подвергают своих крепостных жестоким телесным наказаниям: «...розги особенно принижают, расчеловечивают...» [14, с. 69].

Социальная стратификация по материальному статусу. В рамках проблемы «личность и социум» важно выявить взгляды А. И. Герцена на роль материального статуса в жизни людей, непосредственно влияющего на общественное положение персонажей. Тема неимущих в прозе писателя связана с демократическими тенденциями в обществе.

Рассказчик вспоминает, что Скалинский «очень богат и проживается на театр»: «Уверю, что такой пышности вам редко случалось видеть» [13, с. 263–264]. Роскошь на первых порах примиряет Анету с тяжелой психологической обстановкой: «...меня тешило – самой смешно и стыдно теперь – прекрасное устройство театра» [13, с. 272]. Актриса с теплотой вспоминает, что бывший ее помещик действительно любит искусство, вкладывает деньги в его развитие, тратит их на то, чтобы дать образование талантливым актерам: «Прежде я была на другом провинциальном театре, гораздо меньшем, гораздо хуже устроенном...» [13, с. 271]. Главное в театре, – считает Анета, – моральный климат, а не внешний лоск: Скалинский «с первого разу дает почувствовать всю необъятную разницу между им и его гаерами, назначенными для удовольствия» [13, с. 272].

Судьба героев во многом зависит от их материального благосостояния. В то же время в мотивировке поведения людей, в их жизненном выборе деньги не всегда играют доминирующую роль. Рассказчик и его товарищ, несмотря на свою бедность, уезжают от князя в старый театр, проигнорировав его выгодное предложение: «В самом деле... хорошо, что условия выгодны; пусть он знает, что не все на свете покупается» [13, с. 277]. Этот вывод обнаруживает в повести неразрывную связь между нравственными качествами героев и социальными условиями.

Сфера профессиональной деятельности. К. И. Чуковский называет А. И. Герцена «поклонником искусства», поскольку в нем, «как и во всяком человеке сороковых годов, было много мечтательного, непрактического, барственного» [15]. Писательство – занятие творческое, поэтому А. И. Герцен останавливает свое внимание на людях творческой профессии – актерам. Учитывая характер его взглядов на искусство, это закономерно: «Искусство... вместе с зарницами личного счастья, – единственное, несомненное благо наше...» [16, с. 135]. И. Берлин замечает, что «его сугубо личное кредо оставалось неизменным с самых ранних дней» [17, с. 141].

А. И. Герцен считает, что указанной сфере деятельности принадлежит неопределимая роль в жизни людей. Эстетические воззрения писателя по данному вопросу отражены в «Былом и думах»; он пишет, что в России искусство, вместе с литературой, является единственной трибуной, с высоты которой народ «заставляет услышать крик своего возмущения...» [18, с. 198]. Замечено также, что одним из действенных путей максимального раскрытия своих возможностей, становления и сохранения личности является реализация творческого потенциала. Как точно выражается С. Д. Гурвич-Лицинер, «искусство и в... оскорбляющих личность условиях получает – и в самом возмущении творца, в нестигаемости человеческого духа – импульс подлинной красоты и силы, объединяющей людей, – а значит, залог неистребимости» [8, с. 59].

18 октября 1864 г. в письме дочери Тате, развивая один из идеологически важных для него вопросов о роли искусства, которое в его время заменяет религию, писатель отмечает: «Искусство – живое и деятельное... делающееся яростью, болезнью, – может одно спасти женщину от гибели в мире мелочей...» [19, с. 207–208]. Отождествление А. И. Герценом искусства и религии объяснимо: в России в рассматриваемую эпоху, выражаясь словами Е. Е. Завьяловой, падает «социально признанный» авторитет религиозной традиции, ослабление которой способствует «глубокой рефлексии» [20, с. 139] и обуславливает поиск ее замены в

светской сфере, в частности в области искусства, переживающей расцвет в указанное время. Одни из основных гендерных стереотипов женственности – эмоциональность, чувствительность, поэтому для незаурядных представительниц слабого пола творческая деятельность является, если перефразировать слова писателя, «островком спасения» в мире зла, жестокости.

Сказанное справедливо в отношении Анеты – «великой русской актрисы» [13, с. 276], которая умеет «так предаваться искусству, что забывает окружающее» [13, с. 272]. «Товарищ-художник» единственный способен по достоинству оценить ее талант. Значение образа рассказчика-актера заключается в стремлении А. И. Герцена к максимальной объективности изображения. По мнению писателя, люди творческих профессий в наибольшей мере воплощают собой то, что вмещают в себя понятия «эстетический идеал», «идеальная личность» (в смысле яркой индивидуальности, не поддающейся «гуртовым» определениям, обладающей богатым духовным миром). Как замечает В. С. Барахов, А. И. Герцен видит совершенство «в неисчерпаемой полноте, многогранности, богатстве живой индивидуальности» [21, с. 55].

Уровень образования. «Образование – духовный облик человека», «процесс воспитания, самовоспитания», «защита против сил, обезличивающих человека» [22, с. 312]. Мы убеждены, что именно с этих позиций А. И. Герцен раскрывает влияние уровня образования на формирование личности главной героини. Писатель обращает наше внимание на то, что Анета «беспрерывно изучает... искусство, воспитывает... способности, которые находит в себе» и добивается значительных результатов [13, с. 271–272]. Во многом именно этот фактор обуславливает то, что она не сливается с толпой, а становится истинной личностью, сумев противостоять общему мнению.

Положение женщины в обществе. В середине XIX столетия активизировалась полемика вокруг «женского вопроса», в которой отразились полярные точки зрения на проблемы равноправия полов, шел спор о месте и роли представительниц прекрасной половины человечества в различных сферах жизни. С. В. Бурмистрова пишет, что в 1840–60-е гг. в российском обществе «именно с... раскрепощением женщины, изменением представлений о ее предназначении связывали возможность преобразования общества в целом» [23, с. 73]. Выводы писателя в наше время представляются не менее актуальными, чем тогда: «Странное дело! Десять столетий христианства не могли научить людей понимать в женщине человека...» [24, с. 69].

Типический литературно-бытовой образ рассматриваемой эпохи – героиня, мужество которой

противопоставляется духовной слабости мужчины. Выражаясь словами Ю. М. Лотмана, представительницы слабого пола «сильнее душой», «все поведение женщины... в его высших проявлениях как бы вырывалось из социальной сферы своего времени, становилось выражением общечеловеческих начал» [25, с. 57–58]. Ярким примером служит Анета. А. Е. Горелов пишет: «Чрезвычайно характерно, что именно женщинам Герцен-художник предоставил честь воплощения характера героического и протестующего» [7, с. 160].

Вспомним об экзистенциальных воззрениях А. И. Герцена. Чтобы осознать себя как экзистенцию, человек должен оказаться в пограничной ситуации (в которой, по словам А. Н. Кошечко, «происходит фундаментальное продумывание смысла бытия» [26, с. 194]), например, перед лицом смерти, в момент глубочайшего потрясения. В драматических обстоятельствах оказывается Анета: «...среди стона угнетенной женщины звучит вопль негодования, гордости, той непреклонной гордости, которая развивается на краю унижения, после потери всех надежд, – развивается вместе с сознанием своего достоинства и тупой безвыходности положения» [13, с. 266].

Актрисе была дана свобода выбора из двух имеющихся возможностей: принять предложение князя, перешагнуть через свои жизненные принципы, стать «как все» или отказать князю. По первому пути героиня может пойти только ценой отказа от себя как личности, но она это не делает. Анета решает нести свое бремя до конца, не обвиняя в своих страданиях обстоятельства, сделать «бросок вперед» к свободе и остаться личностью, даже ценой жизни своей и еще не родившегося ребенка. Писатель, обладающий передовым мировоззрением, наделяет актрису способностью к протесту, пусть бесплодному, но тем не менее означающему пробуждение «чувства личности, достойной уважения» [27, с. 56].

А. И. Герцен убежден, что человеку дана возможность подняться над обстоятельствами и он должен это сделать. Лишь единицы, такие как Анета, обладают внутренней свободой, способны превозмочь предложенные судьбой условия жизни, стать выше.

Таким образом, женщина становится объектом пристального внимания писателя. А. И. Герцен размышляет над социальной проблематикой вопроса; в «Сороке-воровке» появляется героиня, ищущая жизни более осмысленной, чем существующая, – Анета, в образе которой воплощена концепция личности писателя.

Общественное мнение. Проблема человека в художественной прозе А. И. Герцена представлена как размышления о его сущности и рассматривает-

ся с точки зрения достойной и недостойной жизни.

Одним из вариантов отношений персонажей и среды является полная их слитность, трансформирующаяся в понятие «общественное мнение» – безличную позицию «всех», подавляющего большинства людей, которое в «Сороке-воровке» составляют «дворецкий и толпа... фаворитов» князя, управляющий, «француз-декоратор», «дворовые люди», зрители в театре – «странное сборище физиономий, вовсе друг на друга не похожих, а выражающих одно и то же» [13, с. 265].

А. И. Герцен стремится к реалистическому охвату сложности обстоятельств и зависимостей, формирующих личность: «Мы, довольно часто вспоминая его удары по самодержавию и крепостному праву, куда реже обращаемся к тем его страницам, где Искандер ищет и отыскивает рабство в себе самом, и в своих, и в нас самих» [14, с. 67].

Жизненная позиция толпы в «Сороке-воровке» – «раболепие» перед князем, который «протягивает свою руку охотникам целовать», а те, в свою очередь, «стараясь подражать ему в обращении» [13, с. 272]. Управляющий, желая выслужиться перед Скалинским и зная, что тот «хочет заманить» рассказчика в свою труппу, сам идет к князю для переговоров об удовлетворении просьбы художника [13, с. 268]; француз-декоратор «так гордо смотрит, как сам управляющий, и так ругается, как сам князь» [13, с. 269]; когда в контору входит Скалинский, «все вскакивают» [13, с. 269]; сам князь «не привык к отказам из труппы» со стороны женщин [13, с. 272]. С. Е. Шаталов замечает, что в повести многие крепостные «превратились в холопов», готовых «злобно преследовать» актрису, попавшую в немилость к хозяину [5, с. 70].

Не такая Анета: она убеждена, что «есть такие права и у самого слабого животного, которых у него нельзя отнять, пока оно живо по крайней мере» [13, с. 273]. В данном случае героиня говорит о праве на внутреннюю свободу, которое ценит дороже всего на свете, потому что человека можно поработить только внешне. Князь предлагает ей «продажей чести купить свободу» – мнимую, что Анета прекрасно осознает [13, с. 266].

Актриса вступает в «столкновение» с социумом [28, с. 103]. В ее душе «так много негодования, упрека, улики в нелепости жизни, которую ведут люди», составляющие эту безликую массу, «их шпионство унижительно, грязно...»; «не для их ушей то», что она хочет сказать товарищу-художнику. Анета резко выделяется на фоне провинциальных барынь и крепостных актрис. Ее игра на сцене – «святые мгновения» [13, с. 265], «глубокое потрясение, очищающее душу от разного хлама» [13, с. 267], – полная противоположность игре других крепостных актеров, наблюдая за которой, рас-

сказчик остается «холоден», несмотря на то, что «все внешнее... превосходно» [13, с. 264]. Если «другие за счастье поставили бы себе» стать любовницами князя [13, с. 273], то для Анеты это непримиримо противоречит ее жизненным принципам.

Антитеза героя и общего мнения применима к рассказчику. Его протест против общего мнения выражается в том, что он уезжает от князя, несмотря на свое бедственное материальное положение, на то, что в старом театре «с голоду» можно умереть, хотя «условия» контракта князя «были превосходны» [13, с. 277].

Вполне понятен жгучий интерес писателя к истинно самобытным натурам: они не подвластны общим поветриям, бытовым установлениям и моральным прописям. Лишь немногие герои А. И. Герцена способны «плыть против течения» – общественного мнения.

Исходя из того, каким образом персонажи повести «ощущают» на себе социальный фактор, можно подразделить их на следующие группы:

- 1) властимущее привилегированное меньшинство – князь, зрители спектакля; 2) управляющий, «француз-декоратор», которые в силу своего врожденного раболепия живут по законам господствующего меньшинства; 3) крепостные актеры, подчиняющиеся законам «общественного мнения», не пытаясь ничего изменить; 4) покойный помещик, внутренне чуждый психологии «толпы», но смирившийся с ней по причине собственной пассивности; 5) повествователь, крепостной актер, живущий по законам собственной совести и выражающий свой протест против «общественного мнения» тем, что добивается встречи с актрисой и уезжает от князя; 6) главная героиня, убеждения которой определяют ее особую психологию, резко противоречащую «общественному мнению», и толкают ее на поступки, предосудительные и опасные с точки зрения господствующей морали, что в конечном итоге приводит к ее трагической смерти.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы: концепция личности в повести сформирована на основе наблюдений, сделанных писателем среди людей искусства, жизнь которых драматическим образом отражает пороки социума, существующего по общепринятым законам. Основной пафос произведения – в отстаивании свободы и достоинства человека.

А. И. Герцен со всей пристальностью писателя-реалиста, постигающего законы бытия человека в мире, исследует влияние внешних условий на судьбу индивида, внимательно вглядывается в попытки незаурядного творческого человека – Анеты – противостоят «общественному мнению», сохранить свою внутреннюю свободу.

По мнению А. И. Герцена, представительницы прекрасного пола в духовном плане стоят выше сильной половины человечества. Писатель обнаруживает в характере русской женщины возможность умственного роста и художественного творчества, ставящие ее на недостижимую интеллектуальную и нравственную высоту. Его героиня не «сливается» со средой, она сопротивляется обстоятельствам, становится выше и сильнее всех остальных персонажей.

Повесть «Сорока-воровка» – апофеоз духовного раскрепощения главной героини, чей образ являет собой синтез разнонаправленных начал – реального и идеального. Поэтизация «цельной натуры», объята страстью к свободе, сочетается с соотношением ее с реалиями дня и обнажает ее недоступность большинству, что вносит в изображение характера актрисы трагическую интонацию.

Ценностно-смысловое единство утверждаемого А. И. Герценом человека заключается в соединении социальной и экзистенциальной составляющих. Анете предпочитает погибнуть, чем стать «как все». Признавая немаловажное значение внешних обстоятельств, писатель в то же время акцентирует внимание на «самобытности» человека: «Влияние отдельных личностей не так ничтожно, как склонны думать; личность – живая сила, могучий, бродительный фермент...» [18, с. 243–244].

Конечно, нельзя игнорировать общественный контекст повести, в которой А. И. Герцен проявляет усиленное внимание к доминантной роли объективного жизненного процесса. В то же время общий социальный фактор писатель определяет не только как безграничную власть богатого меньшинства, но и как тлетворную, природно обусловленную рабскую психологию большинства. Наряду с объективными причинами это один из главных моментов, трагически определивших судьбу Анеты. Наиболее ярко сущность «общественного мнения» раскрывается в противопоставлении его и героев. В антитезе «князь – покойный помещик» писатель наглядно доказывает, что и среди помещиков были гуманные, добрые люди.

В рассматриваемой повести А. И. Герцен создает свой образ идеальной личности – человека, свободного во всех смыслах, – которая в «Сороке-воровке» представляет собой сложную систему разнообразных качеств, черт, обладающей пространственно-временной неисчерпаемостью, многомерностью. Именно через женский образ редкой духовной силы, находящийся в состоянии нравственно-онтологического поиска, – Анеты – раскрывается не только исторически и национально обусловленный тип поведения, но и авторские представления об идеальном человеке; она – «высший тип».

Список литературы

1. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 551 с.
2. Российский либерализм: идеи и люди / под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. М.: Новое изд-во, 2007. 904 с.
3. Буланов А. М. Художественная феноменология изображения «сердечной жизни» в русской классике (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой): моногр. Волгоград: Перемена, 2003. 191 с.
4. Карпов Д. Л. Традиция пушкинской прозы и русские романы середины 1840-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2010. 196 с.
5. Шаталов С. Е. А. И. Герцен: жизненный и творческий путь. М.: Детская лит., 1980. 159 с.
6. Эльсберг Я. Е. А. И. Герцен. Жизнь и творчество. М.: ГИХЛ, 1948. 524 с.
7. Горелов А. Е. Очерки о русских писателях. Л.: Сов. писатель, 1968. 700 с.
8. Гурвич-Лищинер С. Д. Творчество Герцена в развитии русского реализма середины XIX века. М.: Наследие, 1994. 175 с.
9. Малия М. Революция 1848 года / пер. с англ. Я. Токаревой // Новое лит. обозр. 2001. № 49. С. 119–137.
10. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 20. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 996 с.
11. Гурвич-Лищинер С. Д. Герцен и русская художественная культура 1860-х годов. Тель-Авив: Центр им. Каммингса, 1997. 234 с.
12. Созина Е. К. Сознание и письмо в русской литературе. Екатеринбург, 2001. URL: http://abursh.sytes.net/abursh_page/Sozina/Soznanie/Intro.asp
13. Герцен А. И. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Правда, 1988. 464 с.
14. Эйдельман Н. Я. О Герцене // Знание – сила. 1987. № 12. С. 64–71.
15. Чуковский К. И. Татьяна Петровна Пассек и ее «Воспоминания». URL: <http://www.chukfamily.ru/Humanitaria/Gertzen/Passek.htm>
16. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 16. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 529 с.
17. Берлин И. Александр Герцен и его мемуары / вступ. статья и пер. с англ. В. Сапова // Вопр. литературы. 2000. № 2. С. 113–142.
18. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 467 с.
19. Новые письма из зарубежных семейных собраний потомков Александра Ивановича Герцена / вступ. статья И. А. Желваковой // Новое лит. обозр. 2001. № 49. С. 197–260.
20. Завьялова Е. Е. Жанровые модификации в русской лирике 1880–1890-х годов: моногр. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2006. 350 с.

21. Барахов В. С. А. И. Герцен – мастер литературного портрета (к вопросу об истоках и специфике жанра) // Русская лит. 1980. № 2. С. 46–58.
22. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост-ли Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. М.: ИНФРА-М, 2009. 570 с.
23. Бурмистрова С. В. Любовно-семейная проблематика в русской литературе середины XIX века // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Вып. 8 (98). С. 73–79.
24. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 516 с.
25. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 1994. 415 с.
26. Кошечко А. Н. Формы экзистенциального сознания в творчестве Ф. М. Достоевского (к постановке проблемы) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 7 (109). С. 192–199.
27. Антонова Г. Н. Изучение А. И. Герцена в курсе «История русской литературы XIX в.: 1840–1860 годы. Саратов: Изд-во Саратов. пединститута, 1996. 83 с.
28. Поспелов Г. Н. История русской литературы XIX века (1840–1860 гг.). М.: Высшая школа, 1972. 472 с.

Сарсенова И. Ж., аспирант.

Астраханский государственный университет.

Ул. Татищева, 20 а, Астрахань, Россия, 414056.

E-mail: 79_inna@mail.ru

Материал поступил в редакцию 02.09.2011.

I. Z. Sarsenova

PERSONALITY AND SOCIETY IN THE NOVEL BY A. I. HERTZEN “THE THIEVING MAGPIE”

The purpose of this research is revealing of A. I. Herten’s views upon a person. The article deals with the social factors that influence the formation of personality: class origin, money status, professional activity, education, the situation of women in society, “the common opinion”.

Key words: *social factor, concept of personality, environment, class origin, money status, professional activity, education, woman, “the common opinion”, aesthetic ideal.*

Astrakhan State University.

Ul. Tatischeva, 20 a, Astrakhan, Russia, 414056.

E-mail: 79_inna@mail.ru

ПОЭЗИЯ О ТРАГИЧЕСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ «КАНАРЕЕЧНОГО ТЕКСТА» И. А. БУНИНА, С. А. ЕСЕНИНА И ДР.)¹

Реконструируется биографический подтекст стихотворения И. А. Бунина «Канарейка» (1921). Коммуникативный статус, а также «параллельное» чтение стихотворения и документальной прозы (мемуаров, писем и т. п.) Бунина указывают на интерференцию двух историй – певчей канарейки и поэта-эмигранта. Выявляется авторское отношение к событиям, произошедшим в России 1917 г., через имплицитную связь последней с «чудным островом» и Атлантидой. Исследование «канареечного текста» этого периода позволяет вписать Бунина в контекст и репрезентировать специфику литературного диалога.

Ключевые слова: русская литература, И. А. Бунин, поэзия, автобиографический жанр, подтекст, литературные связи.

И. А. Бунин преимущественно поэт-пейзажист. Лишь «...в некоторых стихотворениях он отдает дань мифологизму... однако в целом развивает традиции реализма, доводя до предела точную описательность и зоркую отстраненность в отношении к природе» [1], присущую пейзажной лирике А. Майкова и Я. Полонского. Уже А. А. Блок отметил «холодность» лирики Бунина, «отсутствие тех мятежных исканий, которые вселяют тревожное разнообразие в книги “символистов”» [2, с. 144]. Вл. Ходасевич, объясняя феномен бунинской лирики, писал, что поэт «изгнал сильнейший фермент лиризма» [3]. Знаковой в случае Бунина является запись, сделанная Г. Н. Кузнецовой в дневнике 5 декабря 1927 г., о том, как мало у него «вообще своего, личного в поэзии»: «Я много думала над этим и пришла к заключению, что непопулярность его стихов – в их отвлеченности и скрытности, прятаний себя за некой завесой, чего не любит рядовой читатель, ищущий в поэзии прежде всего обнаженной души» [4, с. 41].

«Скрытность», «прятание себя за некой завесой» в некоторой степени сближает «реалистичную» лирику Бунина не только с символистской поэтикой, но и с криптограмматическим письмом постсимволистов. Подобной бунинской криптограммой можно назвать стихотворение «Канарейка» (10.V.1921), одно из нескольких десятков, написанных в эмиграции. Эмиграция трагически надломил писателя, однако именно в это время идет активное осмысление пройденного пути, а следовательно, размышление о месте в мире человека / поэта / Бунина.

Наличие в тексте И. А. Бунина местоимения 3-го лица «она» позволяет «говорить о “герое” лирического стихотворения» [5, с. 476]. Более того, формально в стихотворении 1-е лицо никак не представлено, т. е. «я» не эксплицировано.

Первый катрен – это история о жизни обыкновенной певчей птички семейства вьюрковых – канарейке. Канарейку достаточно трудно идентифицировать с реальным адресатом, речь, скорее всего, идет о канарейке вообще. Это в некоторой степени подтверждает эпиграф, взятый автором из словаря А. Брема «На родине она зеленая...» [6, с. 11]. Отсылка к подобному источнику – словарю – это маркер типизации и, следовательно, объективизации истории. Все это указывает на близость первого катрена жанру новеллы с объективизированным повествованием. Текст «Канарейки» является типичным образцом жанрово-родового синкретизма: лирическая форма и образность не отменяет сюжета («Канарейку из-за моря / Привезли, и вот она...» [6, с. 11]) и драматической коллизии. Причем последняя сближает историю канарейки с жанром новеллы.

Внутристиховая пауза, возникшая вследствие переноса, симметрично делит 2-ю стихотворную строку. Это, как, впрочем, и частая повторяемость пиррихий, прозаизирует стих, становится фиксатором разговорной интонации. Более того, перенос метрически, а значит, и семантически выделяет конец 2-й стихотворной строки: «и вот она», что обозначает переломный момент в истории о канарейке. Так, перенос оформляет пуант: «была зеленая / стала золотой». По свидетельству А. Брема, канарейка в местах своего обитания имеет зеленую окраску под цвет природы, частью которой она является. Но когда ее «неволят» и тем более увозят далеко от привычной среды, она становится желтой [7, с. 451]. В интерпретации автора – «золотой». Сема «золотая» характеризует птицу дорогой, но мертвой вещью, воспринимаемой на чужбине механической игрушкой, пространство которой сужают до «клетки». Таким образом, основной

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (тема: «Интертекстуальность текстов различных функциональных стилей в сравнительно-переводческом аспекте»; 1.4, II очередь, Лот № 4).

пуанта становится внешняя метаморфоза, репрезентирующая «внутреннюю» жизнь канарейки. Перекрестная рифма эксплицирует переживания, сообщая дополнительный смысл: «она – пленена», «горя – моря».

Второй катрен несколько противоречит объективной логике, заданной автором в первом катрене. Обращение («Птицей вольной, изумрудной / Уж не будешь, – как ни пой...») указывает на имплицитное «я» – того, кто обращается. Более того, обращение и императив становятся знаками того, к кому обращаются. Здесь «выпадает», но может быть восстановлено местоимение «ты». Его отсутствие создает иллюзию единой коммуникативной парадигмы. На самом деле переход от «она» в первом катрене к «ты» во втором катрене свидетельствует о коммуникативном сдвиге внутри текста. Смысл подобной «невязки»: «выпавшее» «ты» отличается сильной автокоммуникативностью, а потому должно быть скрыто. 6-я стихотворная строка только формально фиксирует несовпадение «я» и «ты». На деле именно она обладает автокоммуникативной интенцией. Так, Ю. И. Левин отмечает, что это «ты», отчасти совпадающее с «я» (или включающее его), отличается «большей степенью интимности – при сохранении не меньшей степени общезначимости» [5, с. 477]. Кроме того, знаком автокоммуникативности являются переносы, тире, интонационно выделяющие фразу «уж не будешь», а также восклицательный знак в заключительной строке. Это формальные корреляты эмоций имплицитного «я», аналоги вздоха, смятения, взволнованности и т. п.

Общеизвестно, что «лирика подает субъективное как общее» [5, с. 468]. Однако в данном тексте происходит несколько иначе: предельно обобщенное имплицитно интимно личное. Причем репрезентирует это, кроме сдвига в коммуникативной парадигме, эпиграф и подтекст стихотворения.

Эпиграф на поверку оказывается не точной цитатой, а «конспектом» статьи А. Брема. С одной стороны, он создает иллюзию правдоподобия, с другой – является фиксатором длительных размышлений автора над материалом статьи известного зоолога.

В первом катрене аналогия поэта и птицы только намечена, во втором катрене история птицы и поэта совмещается, завершая намеченную идентификацию. На интерференцию (т. е. наложение) двух историй – певчей канарейки и поэта-эмигранта, в частности самого автора, – указывают совпадения ключевых слов текста стихотворения с фрагментами из дневников Буниных 1920 г.

При параллельном чтении стихотворение приобретает иную перспективу, начинает звучать по-новому: «4 янв./6 февр. (пятница). Отыскали наш

пароход, «Спарту», маленький, не внушивший доверия. <...> ...Получили крохотную каютку. 25 янв./7 февр. Наконец, пароход так переполнен, что нужно говорить: «Нет». Это ужасная минута – бегут обреченные люди, молят о месте и им отказывают... <...> Одно ясно, что многие попали в ловушку. 27 янв./9 февр. (понедельник). Последний раз увидела русский берег. Заплакала. Тяжелое чувство охватило меня. <...> Мы в открытом море. Как это путешествие не похоже на прежние. Впереди темнота и жуть. Позади – ужас и безнадежность...» [8, I].

Так, канарейка ассоциируется с самим собой, некогда привезенным на французском корабле «из-за моря» на чужбину. И, конечно, эта аналогия осмыслена и вписана в более широкий контекст. Об этом свидетельствует фрагмент письма А. Н. Толстого из Парижа 1919 г., дословно записанный Буниным в мемуарах «Третий Толстой», вошедших в книгу «Под Серпом и Молотом» (1949): «...тогда точно ветер подхватил нас, и опомнились мы не скоро, уже на пароходе. Что было перетерплено – не рассказать. Спали мы с детьми в сыром трюме рядом с тифозными, и по нас ползали вши. Два месяца сидели на собачьем острове в Мраморном море. Место было красивое, но денег не было...» [9].

В заключительных строках знаковым является противопоставление чужбины («трактирная толпа») и родины («чудный остров»). Символична аналогия чужбины с трактиром, «питейно-закусочным» заведением типа ресторана, расположенным на тракте – большой, почтовой дороге, езжалом пути. Трактир с вечной толпой стирает всякий намек на ореол, связанный с домом, гнездом-усадебой.

Далекая родина названа «чудным островом», с точки зрения сюжета эта номинация ассоциируется с раем. Тем более остров, земля, окруженная водою, плодородное место среди бесплодного, оазис, зеленец. Однако сема «чудный» имеет бивалентную семантику. С точки зрения В. И. Даля, это превосходный, прекрасный, но и удивительный, необычайный, странный, непонятный, сомнительный, необъяснимый (чудо-юдо) [10, с. 483].

«Чудный остров» – это прежде всего аллюзия на остров Канары, откуда была завезена на континент канарейка. Многие считают, что острова получили название от канареек, хотя это не так. Все породы канареек, существующие в мире, происходят от дикой канареечной птицы, «serinus canarius». Римский историк Плиний Старший свидетельствует: Джуба, Король Мавритании и вассал Рима в I в. до н. э., послал экспедицию, чтобы исследовать мифические Счастливые Острова, которые находились в темном Океане за Геркулесовыми Столпами (Гибралтарский пролив). На одном из них экспедиторы нашли жестокую породу собак и потому на-

звали его «Canaria», что дословно переводится «Собачий остров» и восходит к латинскому слову «canis» – собака [11, с. 287].

Кроме того, номинация «чудный остров» отсылает к пушкинскому претексту, в частности к «Сказке о царе Салтане...»: «...чудный остров навещу у Гвидона погощу» [12, с. 321]. «Чудный остров» – это намек на Россию – страну, где возможны любые чудеса: может за ночь вырасти город (исследователи указывают на связь пушкинского чудного острова с «городами и церквями» и чудно построенного Петром I Петербурга) или произойти революция, после которой Россия в прямом смысле превратилась в остров, изолированный от всего мира¹. Таким образом, через пушкинский претекст реализуется имплицитная связь «чудного острова» и России, из которой были вывезены в 1917 г., как некогда с Канар канарейки, эмигранты². Сама канарейка была объявлена символом «обывательщины» – «канареечного уютчика» (В. В. Маяковский).

Любопытным представляется и тот факт, что «чудный остров» можно соотнести с Атлантидой. Атлантологи начиная с диалогов Платона «Тимей» и «Критий» и заканчивая трудами И. Доннелли «Атлантида: Мир до потопа» (1882) и Л. Спенса «Атлантида. История исчезнувшей цивилизации» (1924) указывают, что Канарские острова являются остатками затонувшего материка Атлантиды, который описал Платон. В творчестве Бунина коннотации этого мифа были исследованы М. А. Слинько на материале рассказа «Господин из Сан-Франциско» (1915) в контексте эмигрантской прозы Д. С. Мережковского [13]. Примечательно, что в статье отмечен частный случай функционирования указанного мифа в поэтике Бунина. Бунин действительно только однажды упоминает об Атлантиде в названном рассказе. Однако в данном случае немаловажным является то, что в дневниках Буниных эмигрантская литературная жизнь моделируется по аналогии с символистскими симпозиумами в России. А, как известно, эсхатологические чаяния начала века неизменно вращаются вокруг мифа о гибели Атлантиды, что и реализовалось прежде всего в символистской лирике В. Брюсова, Вяч. Иванова, М. Волошина и др. Все это было подхвачено русской эмиграцией, которая ос-

мысляла гибель старой России как крушение Атлантиды: «Потом Ян рассказывал, как Володя... говорил, что по Мережковскому Атлантида погибла от черной магии и “Содома”» (2 сентября. 1930) [20, II]. Уже в 1920-м г. литература мыслится как нечто особенное – «в некотором роде хранилище России» [8, II].

В дневниках Буниных, описывающих эмигрантские «пиры», неизменно упоминается Атлантида. По материалам дневников можно заключить, что в разговорах об Атлантиде ведущая роль принадлежит Д. С. Мережковскому. Так, в беседе о литературе, в частности об А. А. Блоке, якобы ощущавшем «женское начало», возникает связь времен Атлантиды, когда «Богом считали женское начало» [8, II], и России: «...и вот Блок ощущал это. Он знал тайну. Когда он входил, то я чувствовал за ним Прекрасную Даму» (2/15 августа. 1921) [8, II].

Затем эта тема возникает в дневниках 1929 г. в связи с книгой Д. С. Мережковского «Тайна Запада: Атлантида-Европа» (1930) – второй части трилогии о спасении человечества, повествующей о катастрофичности современного мира, которому грозит участь «новой Атлантиды». Судя по дневниковым записям, Бунины иронично относились к увлечению Д. С. Мережковского, о чем свидетельствует запись от 20 марта 1929 г.: «Дм. С. хочет читать об Атлантиде и ею обрабатывать «молодежь» [8, II]. Однако, несмотря на это некоторые аспекты подобных увлечений отразились в творчестве Бунина, и не только в упомянутом рассказе, который близок русской символистской лирике об Атлантиде и в какой-то степени предвосхищает эмигрантскую прозу Д. С. Мережковского. «Чудный остров» – Канары, а попросту «Собачий» – является квинтэссенцией размышлений не только о собственной «канареечной» судьбе, но и о новой России. В мемуарах «Окаянные дни» (Одесса, 1919) от 9 июня Бунин делает две записи: «Блеск звезды, в которую переходит наша душа после смерти, состоит из блеска глаз съеденных нами людей...» (из древнейших дикарских верований) и «Честь унижится, а низость возрастет... В дом разврата превратятся общественные сборища... И лицо поколения будет собачье...» (библейская строка). Вторую цитату он комментирует: «Теперь это звучит не так

¹ В частности, Д. Н. Медриш указывает на параллель между столицей на острове Буяна и столицей на Неве в «Медном всаднике». Это, с позиции М. Новиковой, инспирирует «далеко идущий принцип зеркального контраста: между “русской утопией” Буяна (В. Непомнящий) и “русской антиутопией” заколдованного медного царства». См. работы: Медриш Д. Н. Путешествие в Лукоморье. Сказки Пушкина и народная культура. Волгоград, 1992; Новикова М. Пушкин в зеркале фольклора // Новый мир. 1995. № 4. С. 242–244.

² В XVI в. колонизаторы издали закон, по которому канареек нельзя было вывозить с острова под страхом наказания. Впоследствии канареек начали ввозить в Европу, где они через некоторое время получили широкое распространение. Существует легенда, что канарейки появились в Европе благодаря кораблекрушению: испанский корабль, перевозивший птиц, потерпел крушение близ Италии [Канарейка, или канарский канареечный выюрок, <http://www.zoovet.ru/animals.php?vid=48>].

уж архаично»¹ [14]. Революция осмысливается не только как стихия, но и как каннибализм, отсюда «подобие» советских граждан собакам. Собаки, найденные на Канарских островах, все, что осталось от некогда прекрасной Атлантиды. Эта аналогия восходит не только к труду Плиния Старшего, объясняющего название Канарских островов, но и к библейскому сюжету о народе хананеи (или ханане) – жители земли Ханаанской и потомки Хама. С Ханааном иногда отождествлялись страны кинокефалов и антропофагов, уроженцем которых, по некоторым древним источникам, являлся святой Христофор псеглавец². Приняв крещение, он вместе с новым именем обретает и человеческий облик³.

Также эта аналогия могла быть инспирирована литературными источниками. «Собачий текст» рубежа веков обстоятельно проанализирован И. П. Смирновым, исследован, в частности, сюжет о превращении поэта в собаку на материале лирики Ф. Сологуба и В. Маяковского. Среди всего прочего исследователь упоминает: Маяковский шуточно подписывался «Щен» [15, с. 190]; следует заметить, что поэт часто называл себя Хамом. Эпатажные автохарактеристики были свойственны В. В. Маяковскому. С. А. Есенина называет «хамом» критик П. С. Коган в комментариях к стихотворению «Хулиган» (1920): «...мужицкой бунтующей России Есенин так же близок, как и России кроткой, смиренной. <...> Он – разбойник и хам и по крови степной конокрад» [16, I, с. 569].

Еще один источник подобных характеристик и автохарактеристик – провиденциальная статья Д. С. Мережковского «Грядущий хам» (1906).

И. М. Василевский указывал, что Бурцев с Ив. Бунинным и Мережковским и пр. не имеют «в лексиконе иных о России, кроме слов “хамы”, “сволочь”, “германское золото” и т. п.» [17, III/2, с. 103–104]⁴.

Судя по всему, «собачья» составляющая как в литературных, так и околотитулярных кругах достаточно основательно была отрефлексирована Бунинным. В первой части «Окаянных дней» («Москва. 1918 г.») Бунин писал: «...Ну, а вы-то, не вылезавшие из “Медведей” и “Бродячих Собак”? Новая литературная низость, ниже которой падать, кажется, уже некуда...» [14]. Позднее, уже в эмигрантский период, в берлинской газете «Огни» (№ 1) Бунин публикует статью «Страна неограниченных возможностей». Само заглавие статьи, в которой речь идет, конечно, о России, удивительным образом коррелирует с номинацией «чудный остров». Кроме того, как раз в этой статье Бунин определяет генезис «собачьей» литературы: «Первый русский “декадент” Емельянов-Каховский привязывал себе собачьи когти к пальцам, надевал прямо на белье бурку, на голову папаху, а на глаза черные очки и гулял в таком виде по Тверскому бульвару. Однако же это было, и ведь этот Емельянов родоначальник всех этих Брюсовых, Есениных, Шершеневичей, Луначерских, Маяковских» [17, III/1, с. 165].

В «Материалах к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» (2000) Н. А. Кожевниковой и З. Ю. Петровой уподобление поэта канарейке зафиксировано только в лирике С. А. Есенина [18]. В «Стансах» (1924) утверждает: «Я вам не кенар! / Я поэт!» [16, II, с. 135]. И в стихотворении «Быть поэтом – это значит то же...» (1925)

¹ Ср.: «Нас, рассеянных по миру, около трех миллионов». <...> И вновь, и вновь исполнилось таким образом слово Писания: “Вот выйдут семь коров тощих и пожрут семь коров тучных, сами же от того не станут тучнее... Вот темнота покроет землю и мрак – народы... И лицо поколения будет собачье...” Но тем важнее миссия русской эмиграции. <...> Что произошло? Произошло великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека». См.: Миссия Русской эмиграции (Речь Ивана Бунина, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 года) / И. Бунин. URL: <http://nicolor.org/history/re/missia/bunin>

² К сюжету о Христофоре псеглавце обращается Вяч. Иванов в незавершенной «Повести о Светомире Царевиче», ставшей художественным завещанием поэта, которая была начата, по свидетельству О. Дешарт, в 1928 г. Однако запись замысла, сохранившаяся в Пушкинском Доме, позволяет отодвинуть время возникновения его в гораздо более ранний период жизни поэта, а именно на начало мая 1894 г. В повести Христофор рассказывает царевичу о собачьей голове: «Знаешь ли ты как злая молва сия народилась? Людей то песеголовых никогда, нигде и не было. Народ же хананеи еще в Ветхом Завете поминается. В долгих веках перебаили начетчики хананеев в кананеев, выдумали народ такой, небывалый. А язык хананеев они не разумели; за то его охаили, да и нарекли лаем. А слово канис ихнее на свое наречие перевели словом собака. Ну, и стали сказки сказывать про песьи головы людей. Все пустое» [I, с. 466]. См.: Иванов Вяч. И. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1 / под ред. Д. В. Иванова, О. Дешарт. Брюссель, 1971. 872 с.; Обатнин Г. В. Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1992 год / отв. ред. Т. С. Царькова. СПб., 1994. С. 29–51.

³ По одной из легенд Христофор принадлежал к племени людоедов псеглавцев, о которых так часто говорится в греческих мифах. См.: Комлев А. Святой с собачьей головой – Христофор псеглавец. URL: <http://hesusvet.narod.ru/ico/books/komlev3/>; Нестерова О. Е. Христофор // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т. II / гл. ред. С. А. Токарев. М., 2000. 695 с.

⁴ В статье «Грядущий хам» (1906) Д. С. Мережковский, обращаясь к «милым русским юношам», писал: «...одного бойтесь – рабства и худшего из всех рабств – мещанства и худшего из всех мещанств – хамства, ибо воцарившийся раб и стал хам, а воцарившийся хам и есть черт – уже не старый, фантастический, а новый, реальный черт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют, – грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам» [Мережковский, http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_0080.shtml].

Есенин сравнивает пение птиц (соловья и канарейки) с пением поэта, называя канарейку «жалкой, смешной побрякушкой» [16, I, с. 267]. В 5-м семистишии «Стансов» речь идет о заключениях поэта в тигулевке и, кроме того, упоминается о стихе про канарейку: «Благодарю за дружбу граждан сих, / Но очень жестко / Спать там на скамейке / И пьяным голосом / Читать какой-то стих / О клеточной судьбе / Несчастной канарейки» [16, II, с. 135]. Любопытна неопределенность стиха, причем местоимение «какой-то» становится знаком авторского невнимания. Ни Есенин, ни комментаторы его творчества не упоминают, о каком именно стихе идет речь. Можно предположить, что это стихотворение «Канарейка» (1859) Л. Мея, впоследствии ставшее известным романсом П. И. Чайковского «Говорит султанша канарейке...» (1874).

Не исключено, что С. А. Есенин имеет в виду песню Н. Г. Цыганова «Смолкни, пташка-канарейка» или какую-нибудь позднюю песню романсного образца с типичным запевом о «пташке-канарейке», например: «Все пташки-канарейки так жалобно поют», «А ты, пташка-канарейка» и др. Исследователь А. М. Новикова указывает, что песня Цыганова не закрепились в фольклоре, хотя в песенниках и в городской среде она была очень популярной. Так, например, она входила в репертуар очень известных в XIX в. хоров: И. Молчанова, Г. Соколова и М. Молодцова¹. Известно, что С. А. Есенин был любителем народной песни и знал репертуар Н. Г. Цыганова, в частности фольклорный вариант стихотворения «Ах ты, ночка моя, ноченька...», «Прощай, жизнь, прощай, радость моя...» [16, V, с. 138].

Впрочем, это не исключает возможность подразумевать под «каким-то стихом» «Канарейку» Бунина, косвенно, так как прямых указаний на это нами не найдено.

Известно, что стихотворение Бунина впервые было опубликовано в газете В. Л. Бурцева «Общее дело» (Париж, 1921 г., № 304, 16 мая) и только впоследствии вошло в книгу «Роза Иерихона» (1924) [7, с. 425]. Немаловажным является и тот факт, что в период его публикации в газете работал некто

А. Ветлугин (псевдоним В. И. Рындзюна, 1897 – после 1950?). Именно его Есенин вскоре после знакомства в Берлине пригласил... в Америку... на роль переводчика между ним самим и А. Дункан. Извлечения из «Стансов» достигли читателей русского зарубежья благодаря парижскому критику С. И. Португейсу. В комментариях указано: Бунин дал им «жесткую» оценку, «имея в виду, прежде всего, шестую и седьмую строфы произведения» [16, II, с. 437].

Все это, конечно, не без большой доли вероятности, позволяет предположить, что Есенину было знакомо это стихотворение. Канарейка олицетворяла в советской поэзии все «старое», поэтому не была принята ни С. А. Есениным, ни В. В. Маяковским. Последний вообще причислил канарейку к «прочей дряни» в одноименном стихотворении 1920 – 1921 гг. В стихотворении «Птичка божья» (1929) В. В. Маяковский называет канарейкой писателя-пейзажиста [19]. Знаковым является и то, что диалог, представленный в стихотворении, происходит между «мусье из канареек» и лирическим субъектом, ударяющим о стол не рукой, а «лапой»².

Также рассматриваемая аналогия появляется в повести «Собачье сердце» М. Булгакова, по сути представляющей попытку сотворения «нового» человека, кстати, тоже из собаки. Исследователи не настаивают на прямой параллели: жизнь Шарика до операции – предреволюционная Россия, операция – революция, после операции – 20-е гг. Однако такая параллель напрашивается сама собой³.

Это позволяет говорить о «канареечном тексте»⁴, репрезентирующем диалог Бунина с советскими поэтами, Есениным и Маяковским. Трагическое противостояние поэтов, главным образом отразившееся в публицистике – статьях, речах, отзывах и рецензиях, было характерно и для лирики. И если у Есенина и Маяковского оно было открытым, то в «герметичной» лирике Бунина оно реализуется имплицитно. Точкой отсчета трагического противостояния является 1917 г. Именно в этот период публикуется литературный фельетон Антона Крайнего (З. Н. Гиппиус) «Люди и нелюди» (апрель, 1918). К числу последних автор относит

¹ Новикова А. М. Русская поэзия XVIII – первой половины XIX вв. и народная песня: учеб. пос. М.: Просвещение, 1982.

² О сложных взаимоотношениях В. В. Маяковского с советской властью основательно исследовано В. Е. Головчинер на материале стихотворения «Прозаседавшиеся». См.: Головчинер В. Е. Контекст стихотворения В. В. Маяковского «Прозаседавшиеся» // Вестн. Томского гос. пед. ун-та («Tomsk State Pedagogical University Bulletin»). 2001. Вып. 1 (26). С. 50–57.

³ Об этом см.: Ленчик Л. Интеллигент и пес: Повесть М. Булгакова «Собачье сердце» в контексте русской мысли // Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература: художественный опыт XX – начала XXI веков. Саратов, 2006. С. 197–208; Любомищенко Т. М. «Собачье сердце» М. Булгакова и миф о творении // Фольклор: традиции и современность. Таганрог, 2003. Вып. 2. С. 160–165.

⁴ Понятие «канареечный текст» употреблено по аналогии с «петербургским текстом», «суточным текстом» и др., введенным в литературоведческий обиход В. Н. Топоровым. Вслед за В. Н. Топоровым мы определяем «канареечный текст» как «своего рода гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл, на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков, реализуемая в тексте» [20, с. 274–275].

Есенина, «человекоподобное существо», примкнувшее к «власти сегодняшнего дня»¹. Эмигрантской среде был характерен и объективный взгляд на события, произошедшие в России, и поэтов, не решившихся ее покинуть [21]. В. Ф. Ходасевич писал, что Есенин с «Инонии» «высказался весь, до конца. После нее ему, в сущности, сказать было нечего. Слово было за событиями. Инония реальная должна была настать – или не настать. По меньшей мере Россия должна была к ней двинуться – или не двинуться. <...> Раньше, чем многие другие, со-

блаженные дурманом военного коммунизма, он увидел, что дело не идет не только к Социализму с большой буквы, но даже и с самой маленькой. Понял, что на пути в Инонию большевики не попутчики [16, II, с. 364].

Достаточно перспективным представляется включение в «канаречный текст», доминантой которого становится спор о судьбе России – «чуждом острове», погибшей Атлантиде (Бунин) или Инонии (С. Есенин), прозаических произведений Вяч. Иванова, М. Булгакова, М. Зощенко, И. Бродского и др.

Список литературы

1. Эпштейн М. «Природа, мир, тайник вселенной...» Система пейзажных образов в русской поэзии. URL: <http://www.nvkz.kuzbass.net/dworecki/other/e/4/bunin.htm>
2. Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5 / под общ. ред. В. Н. Орлова. М.; Л., 1962. 799 с.
3. Ходасевич В. Ф. О поэзии Бунина. URL: <http://imho-news.ru/virshi/old/texts/hodasevich/articles/hodbunin1.htm>
4. Кузнецова Г. Н. Грасский дневник Последняя любовь Бунина: роман. М., 2010. 379 с.
5. Левин Ю. И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Левин Ю. И. Избр. тр. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 464–483.
6. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8 / под общ. ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. М., 1967. 470 с.
7. Брем А. Птицы: в 2 т. Т. 2 / коммент. В. В. Морозова. М., 1999. 588 с.
8. Грин М. Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. URL: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1810-1.shtml
9. Бунин И. А. «Третий Толстой». URL: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2672.shtml#16
10. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4 / В. И. Даль. М., 1989. 590 с.
11. Pliny. Natural history. With an English translation in ten volumes. Vol. II. Libri III–VII / by H. Rackham M. A.; Fellow of Christ's college, Cambridge. London; Cambridge, 1961. 692 p.
12. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. Л., 1977. 447 с.
13. Слинко М. А. О частном случае использования мифа в поэтике И. Бунина // Метафизика Бунина (К проблеме И. Бунина и «символисты» после символизма): межвуз. сб. науч. тр., посвящ. тв-ву И. А. Бунина / отв. ред. О. А. Берникова. Воронеж, 2008. С. 149–161.
14. Бунин И. А. Окаянные дни. URL: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2262.shtml
15. Смирнов И. П. Место «мифопоэтического» подхода к литературному произведению среди других толкований текста (о стихотворении Маяковского «Вот так я сделался собакой») // Миф – фольклор – литература: сб. статей / АН СССР, ИРЛИ (Пушкин. дом); отв. ред. В. Г. Базанов. Л., 1978. С. 186–203.
16. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. / гл. ред. Ю. Л. Прокушев. М., 1995–2002.
17. Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: в 5 т. / отв. ред. С. И. Субботин; сост. В. А. Дроздкова, А. Н. Захарова. М., 2003–2008.
18. Кожевникова Н. А. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 1 / Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова; отв. ред. М. Л. Гаспаров В. П. Григорьев. М., 2000. 480 с.
19. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М., 1955–1958.
20. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследование в области мифопоэтического. Избранное. М., 1995. 624 с.
21. Шубникова-Гусева Н. И. Дискурс русской эмиграции о Есенине (1918–1945). URL: <http://www.esenins.ru/c62.html>

Капустина Е. А., кандидат филологических наук, доцент.
Алтайская государственная педагогическая академия.
Ул. Молодежная, 55, Барнаул, Россия, 656031.
E-mail: evkapustina@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 16.07.2012.

¹ О всеобщем «озверении», которое «растет по часам», о превращении изголодавшихся детей-зверей в «колбасных» большевиков подробно рассказывает в своих дневниках Гиппиус. См.: Гиппиус З. Н. Дневники. URL: http://az.lib.ru/g/gippius_z_n/text_0070.shtml

Е. В. Капустина

POETRY ABOUT TRAGIC OPPOSITION (DATA: “THE CANARY TEXT” BY I. A. BUNIN AND S. A. YESENIN AND OTHERS)

The biographic sense of I. A. Bunin’s poem “Canary” (1921) is reconstructed in the article. The communicative status and “parallel” reading of the poem and documentary prose (memoirs, letters, etc.) have specified Bunin in the interference of two stories – a singing canary and a poet-emigrant. The author’s relation to the events, which have occurred in Russia of 1917, through the latent communication of the latter with “wonderful island” and Atlantis, comes to light. The research of “the canary text” of this period allows us involving Bunin into the context of recreated literary dialogue.

Key words: *Russian literature, I. A. Bunin, poetry, autobiography (genre), implied sense, literary connections.*

Altai State Pedagogical Academy.

Ul. Molodezhnaya, 55, Barnaul, Russia, 656038.

E-mail: evkapustina@yandex.ru

ОБРАЗ «НОВОЙ» ЖЕНЩИНЫ В РОМАНЕ КЛЕМЕНСА БРЕНТАНО «ГОДВИ»

Рассматриваются поэтика женских образов в романе Клеменса Brentano «Годви» и разные судьбы героинь, каждая из которых оказывается по-своему трагичной. Особенную значимость имеет для романа его антропоцентризм, обращение к внутреннему миру героев. Представленные в романе характеры леди Ходефильд, графини фон Г. и Виолетты являют собой тип свободной, «новой» женщины, но в разных вариациях. Наиболее близок автору образ Виолетты, явившийся для Годви своего рода недостижимым «голубым цветком».

Ключевые слова: романтизм, К. Brentano, Годви, женские образы.

Клеменс Brentano начал работу над романом «Годви» («*Godwi*») в 1798 г., первый том вышел в 1800 г., второй – в 1801 г. Пограничность эпох видится неслучайной по отношению ко времени написания «Годви»: это действительно роман, написанный на стыке столетий, старой и новой культур, исторических и эстетических традиций и идеалов. Рубежность возможно рассматривать в качестве импульса к тенденции обновления жанровых, а вместе с тем и эстетических канонов.

Генрих Гейне в работе «Об этическом и религиозном значении новейшей романтической поэзии» («*Über die ethische und religiöse Bedeutung der neueren romantischen Poesie*», 1847) дает следующую характеристику роману «Годви»: «*Dieser Roman enthielt schon damals (1801 und 1802) ungefähr alle Elemente, womit die jetzige Literatur als mit neuen Erfindungen prahlt: Weltschmerz, Emanzipation des Fleisches und des Weibes und revolutionäres Umkehren der Dinge. Und dennoch ist er wieder gänzlich verschieden von jener neuesten Literatur*» [1, с. 612] («Этот роман уже тогда (1801 und 1802) содержал почти все элементы, которыми сегодняшняя литература хвалится как новыми открытиями: мировая скорбь, освобождение плоти, женская эмансипация и революционный поворот вещей»).

Социальный статус женщины в эпоху романтизма даже в Германии стал более высоким: она была признана равноправным членом общества, и знаменитые «три К» (*Kinder, Küche, Kirche*) уже не рассматривались как главное ее предназначение. Женщины шли на развод, не обращая внимания на общественное мнение. Каролина Шлегель-Шеллинг была женой Августа Вильгельма Шлегеля и Шеллинга. Доротея Фейт, жена С. Фейта и дочь уважаемого просветителя М. Мендельсона, потребовала у мужа развода, чтобы соединить свою судьбу с Фридрихом Шлегелем. Романтизм выдвинул своих женщин-писательниц. Самые известные из них – Жермена де Сталь и Жорж Санд во Франции, в Германии творили Доротея Шлегель, Каролина фон Гюндероде, Софи Мери (жена Клеменса

Brentano), Беттина фон Арним (его сестра) и другие. Приобретение женщиной больших свобод стало одной из предпосылок для нового открытия романтизмом трагедии женщины.

Интересен в романе «Годви» образ «новой» женщины в духе шлегелевской «Люцинды», леди Ходефильд. В связи с женскими образами в романе исследователи часто обращаются к понятию «романтической поэтизации падших женщин» (*romantische Dirnenpoesie*), имея в виду прежде всего образы Виолетты и ее матери, графини. Однако истории их падения абсолютно различны: графиня – воплощение чрезмерной чувственности, рвущейся наружу с такой силой, которую не может сдержать никакая мораль; Виолетта поневоле пошла по пути своей матери, судьба и французская оккупация тому причиной. Мы не можем поставить леди Ходефильд в один ряд с ними, поскольку эта женщина хоть и исповедовала свободную любовь, но все же отличалась своей нравственностью и разумностью.

Молли Ходефильд – героиня, с которой мы встречаемся уже на самых первых страницах романа. Из повествования Годви мы узнаем, что он провёл у нее две недели, после чего был вынужден уехать, так как такова была ее воля: «*Sie reisen morgen, ich befehl' es Ihnen, sprach sie ernst, und stand vor mir wie mein Herr*» [2, с. 21] («Вы уезжаете утром, я приказываю вам это, говорила она серьезно и стояла передо мной как господин»¹). Причина такого приказа – чувства Годви, а Молли следует определенным принципам морали: «*Molly befriedigt nie Leidenschaften, wo ihre Befriedigung Menschen schaden kann*» [2, с. 20] («Молли никогда не утоляет страсти, если их удовлетворение может навредить человеку»). И все же приказ этот был сделан явно неохотно: «*...in ihrem Auge glühte eine reine Flamme, die in der Thräne, ach! in der Thräne des Abschieds erlosch*» [2, с. 21] («... в ее глазах пылало настоящее пламя, которое потухло в слезах, ах! в слезах прощания»).

Удивительным образом характеристика Молли, которую дает ей Годви в первом письме, отправляет

¹ Здесь и далее перевод наш. – З.К.

нас к стихотворному фрагменту о Лорелее, который, будучи важным идейным центром романа, пронизывает его и на уровне подтекста: «in ihrem Auge glühte eine reine Flamme» [2, с. 21] («в ее глазах пылало настоящее пламя»); «Molly stand da wie eine Zauberin» [2, с. 28] («Молли стояла там как волшебница») и «Zu Bacharach am Rheine / Wohnt eine Zauberin» [2, с. 486] («На Рейне в Бахараче / Волшебница жила» [3, с. 16]); «Die Augen sind zwei Flammen» [2, с. 487] («Глаза мои – это пламень»).

Герой превозносит Молли: «...dass ich ein Weib bis zu den Sternen erhöbe, die frey und ohne Fesseln des Geistes, oder irgend eines Verhältnisses mit andern, die verlassene Bahn der Menschlichkeit wieder betritt, die allein da steht, wo alle stehen sollten, und wo auch ich bey ihr gestanden habe. Sich selbst genug, und den meisten zu viel, lebt sie glücklich und wahr, obschon ihre Geschlechtsgenossen sie einseitig beurtheilen, weil ihrem kurzsichtigen Blicke die Ubersicht einer so großen, so ganzen, so harmonischen Oberfläche zu unermeßlich ist» [2, с. 20] («...что я превозношу до звезд женщину, которая свободно и без всяких оков духа или каких-либо отношений с другими вновь ступает на заброшенную дорогу человечности, которая стоит там, где должны стоять все и где я стоял рядом с ней. Она живет достаточно, а для большинства чересчур счастливо и искренне, хотя ее подруги по полу однобоко осуждают ее, так как для их близоруких глаз перспектива такого огромного, такого цельного, такого гармоничного пространства чересчур необъятна»); «Sie hat nicht, was das Weib allein bezeichnen soll, das Schöne allein; sie hat nur das Große, das Erhabene, das uns aus dem Kampfe zurück begleitet. <...> Alle ihre Handlungen sind mit äußerer Anmuth angethan, und tragen das Gepräge einer freien, vorurtheillosen Moralität» [2, с. 90] («У нее есть не только то, что должно характеризовать женщину, – одна только красота; у нее есть величие, возвышенность, которые остаются у нас после борьбы. <...> Все ее действия сопровождаются внешней прелестью и носят печать независимой, свободной от предрассудков морали»). Далее нам становится известна тайна Молли: она является матерью Ремера, отец которого – старший Годви, в юности соблазнивший и оставивший героиню. Этот факт объясняет сложность и двойственность характерологии Молли: она одновременно и свободная женщина, сумевшая противопоставить свои принципы общественным предрассудкам, и любящая мать, которая пошла ради благополучия сына на разлуку с ним.

Графиня фон Г. (Gräfin von G.) – тоже «новая» женщина, еще более свободная, чем Молли. Мы встречаемся с ней при необычных обстоятельствах: к скачущему Годви присоединяется всадник странной наружности: «Godwi war es manchmal zu

Muthe, als wäre der kleine Mann ein Gespenst aus alter Zeit, denn er hatte einen Federhut auf, und war in einen Mantel gehüllt» [2, с. 447] («Годви иногда казалось, что маленький мужчина был призраком стародавних времен, потому что на нем была шляпа с пером и он закутывался в плащ»). Этот всадник оказывается переодетой женщиной, которая поет народную песню, в которой речь идет про спор о чести двух рыцарей, тоже скачущих вдоль Рейна: «Ein Ritter an dem Rheine ritt / In dunkler Nacht dahin, / Ein Ritterlein, das reitet mit / Und fragt: wohin dein Sinn?» [2, с. 445] («Рыцарь скачет вдоль Рейна / В темной ночи / Маленький рыцарь, который скачет вместе с ним / Спрашивает: к чему устремлены твои помыслы?»). В конце повествования, после сцены поединка, также оказывается, что один из них – девушка: «Und sinken beide in den Klee – / Ei sprich! wer hat gesiegt! / Der Ritter ohne Ach und Weh – / Bey einer Jungfrau liegt» [2, с. 446] («И оба падают в клевер / Скажи, кто победил? / Рыцарь не причитая / Лежит, побежденный девой»). Такой прием К. Брентано [3], когда лирический фрагмент-вставка даже несколько нарочито переключается с содержанием сцены или судьбой поющего, в романе мы можем заметить также на примере песни «Сидел рыбак в лодке», которую исполняет Георг: как и в балладе, его возлюбленная умерла, и он чувствует, что скоро последует за ней. Не случайно, что действие этих баллад происходит ночью, это создает мистическое настроение, свойственное в особенности раннему немецкому романтизму. Можно выделить два лейтмотива, которые в той или иной степени проявляются здесь как отражение «ночной философии» немецкого романтизма: «...ночь – фон для Фантазии и ночь – доступ к вечной сути бытия Вселенной» [4, с. 44].

Причуду своей матери (переодевание в мужские одежды) раскрывает Годви Виолетта: «Meine Mutter reitet immer wie ein Mann gekleidet» [2, с. 458] («Моя мать всегда скачет на лошади в мужской одежде»). Из рассказа Виолетты мы узнаем, что такая прихоть у нее была уже давно, и здесь же мы знакомимся с легким нравом графини: «...meine Mutter saß dort auf dem Stuhle am Bette, und zog lederne Beinkleider an – sie wollte spazieren reiten. <...> Ich freue mich über Ihre schönen Beine, Madam. <...> Alle Bauern und Bürger freuen sich auch drüber ...und der Säkler von Mainz ... hat auch Sinn, denn er erzählt allen Domherren von Ihren Beinen, und das ganze Rheingau hat Sinn, denn jeder sechzehnjährige Bursche, der Sie reiten sieht, sagt: ich will ein Säkler, ein Hosenschneider werden, wenn die Gräfin sich neue Beinkleider machen läßt. – Ja, sagte sie, das ganze Rheingau hat Sinn; aber Sie sind ein Sonderling, und streben nach dem Gegentheile, da knallte sie mit der Peitsche, stellte sich vor den Spiegel, kam zu mei-

nem Vater, und sagte, indem sie ihm die Wange hinbot, *embrassez votre petit Cavalier – adieu, und war zur Thüre hinaus*» [2, с. 461–462] («...моя мать сидела на стуле и надевала кожаные брюки – она собиралась на прогулку верхом. <...> Я люблюсь вашими прекрасными ногами, мадам. <...> Все крестьяне и горожане тоже ими любят... и кожевник из Майнца тоже знает в них толк, так как он рассказывает всем каноникам о ваших ногах, и все Рейнгау знает толк, и каждый шестнадцатилетний парень, который видит, как вы скачете, говорит: я хотел бы быть кожевником, портным, когда графиня собирается пошить себе новые брюки. – Да, отвечала она, все Рейнгау знает толк; но вы странный человек, и стремитесь к обратному, тут она щелкнула кнутом, встала перед зеркалом, подошла к моему отцу и сказала, подставляя ему щеку, “поцелуйте вашего маленького наездника – прощайте”, и вышла»).

«Религия» графини – чувственность, она нашла отражение в следующих ее словах: «Der sinnliche Mensch werde erbärmlich, wenn er, wie man es nimmt, tugendhaft würde, denn er übe dann Tugenden, die von seinem ganzen Leben verachtet würden» [2, с. 470] («Чувственный человек был бы достоин сожаления, если бы он, это можно понимать по-разному, был благонравным, так как он тогда стремился к добродетели, которую всю свою жизнь презирал»).

Пренебрежение общепринятыми моральными принципами видится и в том, что она в своем парке похоронила любовника. Насмешка в самом замысле «надгробного памятника»: «Nun kamen wir an das kleine runde Haus, es war ganz mit Epheu überzogen, auf dem runden Dache stand ein geflügeltes Pferd, das sich in die Höhe bäumt, auf ihm ein nackter Jüngling, und vor ihm zwei Liebesgötter, die das Pferd am Zügel niederziehen, auf dem Fußgestell aber war die Inschrift: Friedrich dem Einzigen» [2, с. 490] («Вот мы пришли к маленькому круглому домику, который был весь увит плющом, на круглой крыше стоял крылатый конь, вставший на дыбы, на нем обнаженный юноша и два амура перед ним, которые тянут вниз лошадь за поводья, на пьедестале была надпись: Фридриху единственному»). Годви восхищенно называет ее «ein seltsames Weib» [2, с. 458] («необычайная женщина»), «ein höchst wunderbares Weib seyn» [2, с. 467] («в высшей степени удивительная женщина»), пытается противостоять ее чарам, но у графини есть свои средства, чтобы обратить его в свою религию.

Другая героиня, Виолетта – дочь графини фон Г., Годви знакомится с ней во время пребывания в поместье графини уже в первую ночь: хозяйка поместья подняла дочь с постели, чтобы та развлекала новоприбывшего гостя. Здесь девушка доверяет

ему свои мысли и переживания, находя в нем друга, поскольку живет только с матерью и младшей сестрой, да иногда пастор беседует с ней.

Для характерологии персонажей в романе «Годви» важным является слово как наиболее глубокий способ раскрытия их внутреннего мира, поэтому стихотворные фрагменты, которые они читают или поют, видятся нам чрезвычайно значимыми. Виолетта поет Годви католическую песню, так называемую «Песню жнецов», которая в полной своей версии есть в «Волшебном роге мальчика». В тех строфах, которые представлены в «Годви», нет начальных строк песни: «Es ist ein Schnitter, der heißt Tod, / Hat Gewalt vom höchsten Gott» [5, с. 37] («Вот жнец, зовется Смерть, / Ему дана Всевышним власть»), как нет и последней строфы, в которой появляется мысль о бессилии смерти, поскольку после смерти цветы (люди) попадут в рай: «So werd ich versetzt / In den himmlischen Garten, / Auf den alle warten [5, с. 38] («Меня пересадят / В небесный сад, / Который все ждут»). Реализована только мысль о конечности человеческой жизни: «Was heut noch grün und frisch da steht, / Wird morgen schon hinweg gemäht» [2, с. 463] («Что еще сегодня растет, зеленое и свежее, / Завтра уже будет сжато»). На восклицание Годви, что такую грустную песню не пристало петь столь юной девушке, она возражает: «Traurig? es ist ja ein Erndte-Lied – ich kann auch ein Lied vom Säemann, das fängt an – Es ist ein Säemann, der heißt Liebe» [2, с. 463–464]. («Грустную? это же “Песня жнецов” – но я знаю песню о сеятеле, и начала – “Вот сеятель, его зовут Любовь...”»). Эту же песню поет Виолетта в саду в имении Годви незадолго до своей смерти, добавив к перечислению цветов, которые должны будут упасть под косами жнеца-смерти, также и свое имя: «Ihr zarten Violen, / Und dich Violette, / Euch wird man bald holen, / Hüte dich schöns Blümelein!» [2, с. 467] («Вы, нежные фиалки, / И тебя, Виолетта, / За вами скоро придут, / Берегись, прекрасный цветочек!»). Еще одна песня из «Волшебного рога мальчика», которую поет Виолетта своей маленькой сестре, – детская песенка «Anne Margritchen!...», тексты несущественно расходятся.

Мысль о том, что ребенок, воспитанный такой матерью, как графиня, не может иметь будущего, беспокоит Годви, и с ним солидарен священник: «aber das Kind geht zu Grund!» [2, с. 484] (но ребенок опускается на дно!), с чем сама графиня никак не может согласиться: «Herr Pater, Sie verderben meine Violette, Sie setzen dem Mädchen Gespenster in den Kopf, und nehmen ihr den schönen Theil Ihrer Religion, der für Kinder gemacht ist. Sie geben ihr für die goldnen Früchte des Himmels leere moralische Nußschalen, und verführen mein Kind» [2, с. 485] («Отче! Вы портите мою Виолетту, Вы помещаете

в голову девочки призраки и забираете у нее прекрасную часть Вашей религии, которая задумана для детей. Вы даете ей вместо золотых небесных плодов пустые моральные скорлупки и совращаете моего ребенка»). Однако чувствительность Виолетты делала неотвратимым ее падение: «Was sie von ihrem Streit in der Beichte erzählte, war der Punkt, der mich eigentlich zuerst aufmerksam machte: ein unschuldiges Mädchen kann nicht von der Beichte reden, und ein Mädchen von funfzehn Jahren streitet nicht mehr so kindisch mit ihrem Gemüth, oder sie müßte in der reinsten Umgebung gelebt haben» [2, с. 468] («То, что она рассказывала о своей борьбе на исповеди, было моментом, на который я с самого начала обратил внимание: невинная девочка не может говорить об исповеди, а 15-летняя девушка больше не борется так уж по-детски со своим характером, либо она должна жить в чистейшем окружении»).

В дальнейшей своей судьбе Виолетта, хоть и чувственная по натуре, глубоко несчастна, на разврат ее толкают обстоятельства, Рейном овладела французская армия: «По внешним особенностям эпизод с Виолеттой примыкает к традиции “поэтизации падших женщин” (romantische Dirnenpoesie), характерной для раннего романтизма, но в традиционный образ вкладывается новый смысл. Не свобода жизненных отношений пленяет автора в Виолетте, как это было у него же по отношению к графине Г. или у Шлегеля в “Люцинде”, а то противоречивое соединение в любимом образе страдания и радости, о котором мы уже говорили. Изобразить самое любимое, дорогое и чистое разрушенным и поруганным, любовь единственную, настоящую и святую захватанной грязными руками, страдание, проникающее в самое сердце радости, в этом для Брентано была своеобразная отрада, которая обнаруживает в нем теперь особенно острое чувство присутствия в жизни злого начала, греха и страдания, неискупимого никакой радостью» [6, с. 100–101].

Годви забирает Виолетту из замка графини в свое поместье, где она через некоторое время умирает, помешавшись умом; Годви, наконец нашед-

ший, но тут же потерявший свой идеал, воздвигает памятник в парке в память ей: «Встреча с Виолеттой меняет жизнь Годви. Не чистая и светлая девушка (Оттилия) решает его судьбу; он находит свою последнюю любовь в трагически униженной и падшей женщине» [6, с. 100]. Мы позволим себе обратиться только к краткому описанию скульптуры: «Ich betrachtete die Reliefs der vier Seiten des Piedestals, welche allegorisch Violetten Geschichte enthielten. Das erste, wie sich das Kind zum Genusse entscheidet. Das zweite, wie sich ihr die Jungfräulichkeit nicht anpassen will. Das dritte, wie sie der Genuß besiegt, ihr den Gürtel löset, und von dem Schooße um die Augen legt. Das vierte, wie die Liebe sie besiegt, und sie in der Umarmung ihres Genius die Poesie nur noch im Wahnsinne erringt. Die Gruppe auf dem Würfel aber, ihre Apotheose selbst, ihr Tod im Wahnsinne» [2, с. 331–332] («Я рассматривал рельефы на четырех сторонах пьедестала, которые содержали аллегорически поданную историю Виолетты. Первый: как ребенок делает выбор в пользу наслаждения. Второй: как невинность не хочет подлаживаться под нее. Третий: как наслаждение ее побеждает, развязывает ее пояс и завязывает им ей глаза. Четвертый: как ее побеждает любовь, и она в объятиях ее гения достигает поэзии, но в безумии. А группа на пьедестале – ее апофеоз, ее смерть в безумии»).

Развивая в романе «Годви» характеры леди Ходефильд, графини фон Г. и Виолетты, К. Брентано обозначает тип свободной, «новой» женщины, но в разных вариациях. Молли Ходефильд открыла для героя это явление: это полноценная личность, для которой мнения людей безразличны, важны лишь ее принципы и идеалы. Свобода телесности в графине гипертрофирована, образу недостает духовности, и Годви ощущает этот разлад – снова отправляется на поиски своего идеала, «голубого цветка», который находит, вернувшись в поместье графини, в ее дочери Виолетте. Это и чувственная, и духовно одаренная девушка, но потрясения, которые ей пришлось пережить, становятся причиной душевного расстройств и скорой гибели.

Список литературы

1. Brentano C. Sämtliche Werke und Briefe. Historisch-kritische Ausgabe veranstaltet vom Freien deutschen Hochstift, herausgegeben von Jurgen Behrens, Wolfgang Frühwald, Detlev Lüders. Godwi oder das steinerne Bild der Mutter. Ein verwildeter Roman von Maria. Herausgegeben von Werner Bellmann. Text. Lesarten und Erläuterungen. Band 16. Prosa I. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz: Verlag W. Kohlhammer, 1978. 808 s.
2. Brentano C. Godwi oder Das steinerne Bild der Mutter. Ein verwildeter Roman. Herausgegeben von Ernst Behler. Stuttgart: Philipp Reclam jun. GmbH & Co., 2007. 599 s.
3. Брентано К. Избранные стихотворения. М.: Радуга, 1986. 128 с.
4. Кириенко Н. Г. Поэзия Ф. И. Тютчева и философия немецкого романтизма // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Вып. 8 (98). С. 42–47.
5. Arnim A. V., Brentano C. Des Knaben Wunderhorn. Mannheim: Albatros Verlag, 2010. 917 s.
6. Жирмунский В. Религиозное отречение в истории романтизма. Материалы для характеристики Клеменса Брентано и гейдельбержских романтиков. М.: Издание С. И. Сахарова, 1919. 205 с.

Кашафутдинова З. М., преподаватель, аспирант.

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Ул. Букирева, 15, Пермь, Россия, 614068.

E-mail: kashafutdinova_z@mail.ru

Материал поступил в редакцию 25.07.2012.

Z. M. Kashafutdinova

THE IMAGE OF THE “NEW” WOMAN IN THE NOVEL “GODWI” BY CLEMENS BRENTANO

The article covers the poetics of female images in the novel “Godwi” by Clemens Brentano and the different tragic fates of the characters. Anthropocentrism and the representation of the inner world of characters are also important for the novel. The characters of lady Hodefield, countess von G. and Violetta presented in the novel show type of the free, “new” woman, but in different variations. The image of Violetta who has been for Godvi some kind of unattainable “blue flower” is the closest to the author.

Key words: *romanticism, C. Brentano, Godwi, female images.*

Perm State National Research University.

Ul. Bukireva, 15, Perm, Russia, 614600.

E-mail: kashafutdinova_z@mail.ru

УДК 82-1 (17.82.10)

И. Р. Санникова

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЛИРИКИ ВАЛЕРИЯ ПЕРЕЛЕШИНА

Рассматривается вопрос о религиозно-философском своеобразии лирики представителя русского зарубежья Дальнего Востока Валерия Перелешина. В религиозно-философских мотивах и образах поэта достаточно четко прослеживается влияние философии русского космизма.

Ключевые слова: лирика, русское зарубежье Дальнего Востока, Валерий Перелешин, философия, религия, русский космизм.

Рассмотрение творчества Валерия Перелешина с точки зрения религиозно-философского содержания обусловлено характером изучаемого материала, в котором на первом плане четко выделяются размышления над общими вопросами бытия и познания, внимание к проблемам онтологическим, экзистенциальным, гносеологическим, а также эстетическим и этическим. Из-за стремления к обобщению литературе в целом изначально свойственна философичность, но, как отмечал А. Ф. Лосев, «подлинная символика есть уже выход за пределы чисто художественной стороны произведения» [1, с. 119].

Валерий Перелешин старался держаться подальше от политики, размышляя главным образом над вечными вопросами бытия. Его произведения привлекают многих читателей своим психологизмом, контаминацией бытийного и космического начал. Сам поэт писал следующее: «Не случайно линия поисков соприкосновения с миром за пределами впервые зазвучала в моем первом значительном стихотворении “Вечный Рим”, возникшем у меня, когда мне было девятнадцать лет. Остались эти поиски и на все последующие годы. Принимали они разные формы от почти совершенной догматической чистоты до богоборчества, от веры до неверия со всеми промежуточными этапами сомнений, скептицизма, уклона то в гностицизм, то в буддизм, от «Крестного пути» до почти шуточного «Апокрифа». Важно, что философская и христианская проблематика всегда меня волновала и, если не избегать затасканного словоупотребления, вдохновляла» (цит по: [2, с. 43]).

Творчество Валерия Перелешина очень долгое время оставалось в тени, но в последнее время внимание литературоведов к поэту неуклонно возрастает. В докторской диссертации О. А. Бузуева «Литература русского зарубежья Дальнего Востока: Проблематика и художественное своеобразие (1917–1945)» (2001 г.) Валерию Перелешину посвящена отдельная глава, где анализируются основные темы и мотивы «китайского периода» творчества. В кандидатской диссертации китайской исследовательницы Лю Хао «Поэзия русской эмиграции в Харбине: основные имена и тенден-

ции» (2001 г.) рассматриваются историко-литературные и образно-тематические аспекты творчества В. Перелешина. В кандидатской диссертации Т. М. Соловьевой «Лирика Валерия Перелешина: проблематика и поэтика» (2002) представлено целостное рассмотрение поэтической системы русского поэта-эмигранта в ее становлении и эволюции на разных уровнях.

Религиозно-философский аспект в творчестве Валерия Перелешина до настоящего времени в полном объеме не изучался. Этим и определяется научная новизна данной статьи.

Валерий Перелешин (Салатко-Петрище) происходил из старинного польско-белорусского рода. Еще будучи ребенком, в 1920 г., спасаясь от большевиков, матерью он был вывезен в Харбин, где в 1936 г. окончил юридический факультет, начал работать над диссертацией, но работу завершить не удалось из-за оккупации Харбина японцами. Здесь Валерий Перелешин печатался с 1930-х гг., впервые его стихотворения появились в известном харбинском журнале «Рубеж». Редактор журнала М. С. Рокотов (как позднее стало известно из переписки) высоко оценил поэтический дар молодого поэта. По рекомендации М. С. Рокотова Валерий Францевич сменил фамилию Салатко-Петрище на Перелешина.

В 1938 г. поэт постригся в монахи, с 1939 по 1943 г. под именем Гермогена он служил в Русской Духовной Миссии в Пекине, а с 1943 по 1945 г. – в Шанхае. В 1945 г. Перелешин принял решение уйти из монашества, недолгое время жил в США, откуда был выслан в Гонконг. В 1952 г. он переехал в Бразилию, где и жил до самой своей смерти.

За всю свою творческую деятельность поэт издал тринадцать сборников: «В пути» (1937), «Добрый улей» (1939), «Звезда над морем» (1941), «Жертва» (1944), «Южный дом» (1968), «Качель» (1971), «Заповедник» (1972), «С горы Нево» (1975), книга сонетов «Ариэль» (1976), «Три родины» (1987), «Из глубины воззвахъ» (1987), «Двое – и снова один?» (1987) и «Вдогонку» (1988).

Основными для религиозно-философской поэзии Перелешина становятся проблемы жизни, смерти, бессмертия, хаоса и упорядоченности, со-

отношение сиюминутного и вечного, человеческого и космического, божественного.

Своими учителями Валерий Перелешин считал Ф. И. Тютчева, Е. А. Баратынского, М. Ю. Лермонтова. В архиве поэта была найдена тетрадь объемом в 625 страниц. В эту тетрадь молодой Перелешин переписывал тексты из эмигрантских книг, журналов (особенно много текстов из парижского журнала «Числа»). Объяснение этому труду можно найти в его статье 1934 г. в харбинской газете «Чураевка» № 6: «Для нас важнее всего то, что мы осознали культурное единство эмиграции, в котором видим залог ее будущего, осознали и то, что мы – частица этого единства». Молодой поэт ставит перед эмигрантскими писателями Харбина, в том числе и перед собой, цель «продолжить пушкинско-блоковскую традицию русской литературы» [3].

Как известно, на развитие мастерства Перелешина оказал влияние русский акмеизм. Представители данного литературного направления «проявляли особый интерес к проблеме читательского восприятия» [4, с. 180]. Но, по мнению О. А. Бузуева, «это было, скорее всего, формальное влияние, касающееся “построения” стиха, адамизм же Гумилева ему был чужд» [2, с. 22].

Доказательством данных выводов является письмо Перелешина: «...начал я ученичеством у Гумилева, считал себя акмеистом (но не «адамитом»), а с 1967 года, когда Мэри втокнула меня обратно в литературу, стал постепенно отходить от чистого акмеизма. Однако в форме пошел дальше Гумилева. Запретил себе неточные рифмы и прочие вольности. Из Иваска (или через некого от кого-то другого) воспринял учение о благозвучии: и как теперь легко стало писать!..» [5, с. 149].

«Достаточно высокая оценка, данная первому поэтическому сборнику Валерия Перелешина Н. Резниковой, во многом относится к уже прошедшей испытание временем поэтике А. Блока, В. Брюсова, Н. Гумилева» (цит. по: [2, с. 23–24]).

В стихотворениях поэта в мучительных размышлениях о смысле жизни лирический герой разрывается между отчаянием и надеждой, между тоской одиночества и ощущением братского единства на чужбине, между ощущением конца и осознанием своей родства с космосом.

Анализируя творчество раннего Перелешина, исследователь О. А. Бузуев отмечает то, что «философская лирика Перелешина насыщена отвлеченными образами, за которыми скрываются и первое чувство влюбленности, и стремление обрести свой, неповторимый, путь в этом мире, и желание гармонии, которая видится в “пчелиной” жизни (образы “трудолюбивой пчелы”, “сердца-пчелы”, “веселой рабочей пчелы”). Размышления ли-

рического героя о жизни, о любви, о судьбе проникнуты сиюминутными переживаниями, порой очень точными и верными. В них ощущается неожиданная для начинающего поэта зрелость, пока только литературная, но искренняя...» [2, с. 28].

На наш взгляд, в лирике Перелешина можно отметить идеалистические взгляды, отвергавшие всеобъемлющую силу разума. Особенно заметно в его произведениях влияние идеи русского космизма, суть которой состояла в единстве человека и космоса, в представлении о космосе как структурно-упорядоченной системе. Еще Наталья Резникова в журнале «Рубеж» (1937, № 46) в рецензии на первый сборник В. Перелешина «В пути: 1933–1937» отмечала: «Его стихи классически строги, точны, холодны. Но холод его стихов обжигает, он опалает не меньше, чем жар... Его стихи умны. Пусть они не душевны – они духовны. И путь поэта – от мира к Богу... От земного к небесному – вот постепенный рост поэта...» [6, с. 122–123].

Русский космизм – это течение религиозно-философское, которое основано на холистическом мировосприятии, основанном на идее теологической эволюции Вселенной. Идея космизма достаточно активно распространялась Н. А. Сетницким, оглашавшим свои идеи и в харбинской организации поэтов «Чураевке», участником которой был и Валерий Перелешин.

Душевное одиночество, предчувствие социальных катаклизмов способствовало желанию Перелешина осмыслить тонкую связь между человеком и Космосом, чтобы впоследствии восстановить утраченное единство мира. В лирике поэта четко прослеживается идея завершенности творения и закономерности мироздания. В своих произведениях он обращается к Космосу, к проблемам человека в этом мире, к поиску Бога и Истины.

В лирике автора мы не найдем произведений на острые социальные темы, изображающих «бытовую» жестокость, несправедливость сиюминутной действительности. Поэт размышляет об общем, всечеловеческом, всекосмическом:

Я широк, как морское лоно:
Все объемля и все любя,
Все заветы и все знамена,
Целый мир вбираю в себя [7, с. 402].

Одушевление природы – не просто постоянный художественный прием, а попытка постичь ее душу и язык. Лирический герой Перелешина проявляет тонкую наблюдательность, внимание к миру явлений природы. Человек показан как ее сын. Он хочет познать устройство бытия, здесь эстетическое соприкасается с гносеологическим.

Природа играла значительную роль в философском мировоззрении и образной системе Перелешина, помогая установить контакт между челове-

ком и Космосом. В соответствии с идеей русского космизма, поэт воспринимает природу как явление духа, а Космос как духовный организм.

В лирике поэта достаточно четко прослеживается идея Серебряного века о «трехсоставности» человеческой души: соединении божественного – человеческого – звериного. Так, в стихотворении «Молчанье» человечество, обладая незримыми ангельскими крыльями, в то же время проявляет и свое звериное начало:

... Мы к нашему Богу летим.
Быть может, в Его литургии,
На небе, зачем-то нужны
Мычащие глухонемые,
Придавленные горбуны? [7, с. 384].

Интересно заметить, что Валерий Перелешин роднит себя и с миром живой, и с миром неживой природы. Так, в стихотворении «Возвращение» автор сравнивает себя с блудным сыном «тишайшего озера», который возвращается к его истокам, когда ему плохо, когда хочется душевного и физического успокоения:

А груз, который так давно кляню –
Земную ношу боли и позора, –
Во всепрощающую глубину
Повергну я, тишайшие озера! [7, с. 391].

В стихотворении «Предел» невозможность развития любовных отношений объясняется тем, что герои слишком разные: она, словно дерево, а он подобен хрупкому цветку:

Но я – цветок болезненный и странный,
И – дикая ты яблоня в лесу [7, с. 392].

Истоки человеческой способности эмоционально проявлять чувства радости и восторга поэт находит уже в мире живой природы, потому что именно она живет по-настоящему, искренне, подчиняясь только своим природным инстинктам:

Со мной недолго дочь Байкала
резвилась, будто со щенком:
сначала грубо приласкала,
потом отбросила пинком [7, с. 412].

Стихотворения о природе в творчестве Перелешина никак нельзя назвать пейзажной лирикой, потому что природа в его произведениях – это и самостоятельный герой, и часть лирического героя, и собеседник, участвующий в философских размышлениях человека.

Природа помогает лирику установить контакт между трансцендентным божественным миром и человеком; это мерило ценностей (гносеологических, эстетических, нравственных), воплощение желанной соразмерности. Например, в стихотворении «Слияние» лирический герой говорит о том, что если человек «уподобится птице», загорится над белым туманом «яркой и нежной зарницей», если биения сердца его «в лепестках заструятся бе-

гоний», то человек обретет Истину бытия, познает основы мироздания:

Ты взойдешь в золотые потоки
Круговых бесконечных гармоний [7, с. 362].

Перелешина изначально притягивала соотношение мира природы и мира человеческой души, в частности – смена времен года. В его творчестве прослеживается постоянный образ осени с особым философским содержанием, навеянным впечатлениями от увядающей природы и пронизанным единым печальным настроением:

Прощальный день, обманчиво спокойный,
Задумчивое небо сентября... [7, с. 390].

Лишь осенью поздней, в начальные дни октября,
Как северный ветер заплачет – родной и щемящий... [7, с. 394].

И больше: грусть начальной осени... [7, с. 395].

Стихотворения с этим образом построены на идущем от фольклора параллелизме мира природы и мира человеческой психики. Этот параллелизм постепенно переходит в постоянное сопоставление двух близких миров. Антропоморфизм природы у Перелешина – не только и не столько проекция душевных состояний и переживаний лирического героя, сколько отыскивание глубинных связей между явлениями, всеобщих законов бытия, управляющих природным круговоротом, человеческой психикой и общественными процессами.

Сквозной мотив в стихотворениях об осени – умирание, смерть, похороны (солнца, листьев, цветов). Отсюда – образные картины кладбища с соответствующими атрибутами: могила, гроб, цветы на могиле:

И память мне не раз покажет снова
Кладбищенский многоречивый сад... [7, с. 391].

В начале сентября,
От зноя отдыхая...

Торжественная тишь
Над мертвыми стеблями [7, с. 399].

В стихотворении «Красные листья под инеем» осенние мотивы уже не отмечены такой безысходностью, лирический герой стремится отыскать для них гармоническое решение. Природный круговорот видится печальным, но естественным. Автор подчеркивает быстротечность жизни, но с этим приходится мириться:

Осень чиста и прозрачна, грустна и свободна.

Осень усталая – к жизни ее не зови.

Осенью иней на листьях, как панцирь холодный,

Гордая осень от вас не захочет любви.

Да, но и осенью в полдень сильнее пригревает
Бледное солнце и светит в кленовом саду.

Будет минута: неласковый иней растает... [7, с. 405].

В поисках смысла жизни и законов бытия поэ-

зия Валерия Перелешина колеблется между надеждой и отчаянием, между светлым блаженством творчества, чувством всемирной сопричастности и горестными муками одиночества невосполнимых утрат.

Так, в стихотворении «Рок» автор сравнивает лирического героя с «пароходиком, втиснутым в шлюзы», которого несет по реке жизни. Человек оказывается совершенно бессильным в круговороте жизни, потому что он совершенно ничего не знает ни о себе, ни о мире, в который он пришел:

Чтоб тотчас же совсем по-иному
Закружил в опрокинутый век
На планете досель незнакомой,
Незнакомый себе человек [8].

В конце стихотворения автор приходит к выводу, что мир – это тюрьма:

Ах, от мысли, что все неуклонно –
мы как пленники, мир как тюрьма... [8].

Но в то же время Перелешин верит в Истину и Добро. Например, в стихотворении «Непобежденный» он говорит о том, что его «душа не упадет во прах»:

Все силы мира взвесив на весах,
Я ведаю, что лишь одно опасно,
Одно, что погубить меня б могло:
Ответить злом на сделанное зло! [9].

В этом стихотворении возникает религиозный образ христианского смирения, который достаточно часто встречается в его произведениях.

Смерть в стихотворениях Перелешина не несет трагического значения, она приобретает религиозный смысл успокоения, избавления от земных страданий:

Лишь только смерть, легка и хороша,
Меня нагонит поступью нескорой,
Я знаю, наяву моя душа
Придет бродить на вычурные горы [7, с. 390].

В соответствии с религиозно-философской идеей космизма, поэт отрицает страх перед смертью, воспринимаемой как переход в Царство Всевышнего, как возможность обрести вечный покой:

Говорят, что тех, кто ушел от нас,
Принял благостный ангел встреч.
И утешил их милосердный Бог
В беспечальных Своих местах,
Где они пребывают как пар, как вздох, –
Уверяет старик-монах [10].

Путь к истине и свободе – весьма значимая для Валерия Перелешина тема. Он стремился к гармонии, находя ее в связях человека с миром природы, а через него – с Космосом, вечностью, Богом:

И с Господом замкнушь наедине
В подпольи ли, в холодной ли пещере,
Но только бы не отворялись двери
Назад, к людской возне и болтовне! [11, с. 173].

Герою чужды земные заботы и стремления, его интересуют вопросы гносеологические и бытийные:

Но с юных лет, чудак и непоседа,
Не к быту я тянусь, а к бытию [11, с. 87].

Лирический герой верит в высокое предназначение человека, его душевную гармонию с миром. Природа, как и церковь, дает человеку душевное успокоение и очищение от грехов, потому что природа – это продолжение Бога:

Здесь, как у кроткого духовника,
Прощения прошу и крыльев новых,
Чтоб стала вновь уверенной рука
И сердце не страшилось бурь суровых.
Ущедрите пустое сердце мне,
Возьмите в плен мой ум неукротимый,
И я клянусь, что возвращу вдвойне
Ваш дар – как любящий и как любимый! [7, с. 391].

Сквозная тема многих произведений Валерия Перелешина – вдохновение и познание. В «космических» стихотворениях душа лирического героя с наступлением ночи воспаряет к звездам, путешествует в просторах Космоса, созерцает великолепное устройство Вселенной. Так, в стихотворении «Небо» 1943 г. лирический герой говорит о том, что в мире, полном боли и жестокости, только небо, «божья палатка среди мировых пустот», дарит ощущение покоя и защищенности. Планеты воспринимаются героем чем-то близким, родным, знакомым:

По осиянным полотнам его лазури
Солнце плывет золотое, как рыжий лев,
Медлит тяжелый Юпитер, кружит Меркурий,
Сонная бродит луна, от весны сомлев [12, с. 29].

И именно здесь, среди странствующих звездных тел, «домы для кротких и плачущих», «домы для любящих терния и вериги». В финале стихотворения лирический герой обращается к Богу, называя небо голубое «святым бальзамом».

Во многих текстах Валерия Перелешина душа героя устремляется в небо, в Космос, в бесконечное пространство:

Свободный, я сжег за собою последний мост
И к вечному Солнцу лечу, как Твои планеты [12, с. 36].

О луна, золотая наяда...
Я люблю тебя только одну!
Я Меркурия чту и Сатурна,
И Венера берет меня в плен... [12, с. 48].

Взлет становится возможным на крыльях поэзии, творческой фантазии. Душа поэта улетает от каждодневной суеты, мелочных забот, низменных интересов к высокому, истинному, вечному:

Так, чуждый всем цепям и верам
И суетливости кликуш,
Поэт проходит Гулливером
Над миром карликовых душ [13, с. 13].

Но это не поиск забвения в звездных вымечтанных пространствах и не уход в «чистое искусство». Как отмечал О. А. Бузуев, поэт словно полемизирует с Н. Гумилёвым и переносит акцент на «отсутствие» романтизма в серой и скучной жизни тех, кто, «таясь по кабинетам, под гнетом умных и тяжелых книг», пытается вновь обрести вдохновение, «моля у прежней музы, как рабы, / Взаимы то грустной флейты, то трубы» [2, с. 33].

В поэзии Перелешина можно отметить классический в литературе конфликт «поэта» и «толпы», когда та не признает богоизбранности поэта, отвергает его особую природу:

Не прощают бессонниц
Те, кто спят по ночам [13, с. 3].

Но герой осознает необходимость вернуться к земным делам ради служения людям. Звезды дают поэту высокую точку отсчета в его помыслах, позволяя соприкоснуться с тайнами мироздания и острее почувствовать земной удел, охватить разумом единство вечного и повседневного. Отзвук вселенской гармонии Перелешин находит в непосредственно созерцаемом мире природы:

Ни рас, ни каст, ни вер... Широко как море,
Как море, я останусь одинок –
Устало отражать чужие зори,
Роптать и порываться на восток.
Свобода, одиночество... ну, что же:
Сказать по правде, я вполне готов,
Как никому неведомый прохожий,
Последним греться у чужих костров [13, с. 25].

Поэзия становится для автора убежищем от неправедного, дисгармоничного мира – ради познания всеобщих законов, в том числе законов красоты. Творчество дает возможность прикоснуться к тайнам бытия, к которым, очевидно, поэт причастен. Обладая тончайшей способностью чувствовать, он передает в своих стихотворениях отрывки своих видений, мистических догадок-подозрений. Всевидящее око поэта способно познавать тайны Вселенной только ночью, потому что только ночь способна говорить правду:

Зато потом, склонившись над заливом,
Прищурит ночь зеленоватый глаз
И свой начнет скандировать рассказ,
И, как она, я стану прозорливым [11, с. 14].

День же показывает только то, что на поверхности, только внешнее содержание, которое подчас оказывается обманчивым:

День видится нарядным и красивым
С гармоникой и в кольцах напоказ,
Но каждый тот обточенный алмаз –
Одной душой с хозяином хвастливым [11, с. 14].

Только во мраке он, «ночной» поэт, сможет познать тайны бытия и истину Вселенной:

Не в эти ли волшебные часы

Колеблются вселенские весы,
Феб, нехотя, покорствует поэту
И рифмою готов ему помочь? [11, с. 13].

Только ночью он может свободно выпускать «проворную мечту в мир парусов, папирусов и тлена» [11, с. 14] и говорить обо всем, и даже о своей трагической любви:

Лишь по ночам, без ширмы и без маски,
Сонетные замешиваю краски
И мучаюсь в отсутствии твоём [11, с. 31].

Лирический герой говорит о том, что каждодневный уход ночи он пытался приостановить, задержать:

А я – ночной. Несчитанные годы
Я зоркою заполнил тишиной,
И столько раз я для нее одной
Насильственно задерживал восходы! [11, с. 13].

Но и тут он, понимая незыблемость законов природы, проявляет смирение и подчиняется законам мироздания:

Но, все-таки, я уступаю свету,
И снова мы, как были: день и ночь [11, с. 13].

Над гармоничным, целостным, разумно устроенным миром светит око Божье. Божественное начало разлито в природе, так как все в ней – проявление Всевышнего. Человеку надлежит изучить эти божественные законы и не нарушать их, по ним должно строиться и человеческое общество.

В стихотворении «Молчанье» поэт говорит о том, что только смирение дает возможность человеку приобщиться к Богу, а необузданные эмоции – это «бесовская злоба»:

Молчанье, молчанье до гроба –
Ведь если раскроешь уста,
Взметнется бесовская злоба
На голос, упавший с креста [7, с. 383].

Мысль о ничтожности человека перед Всевышним уравнивается пониманием того, что и взлеты духа, и гордая воля, и славные деяния человеческие – тоже от Бога:

Пусть рушатся подрубленные троны,
Горят леса и гибнут города,
Но грозные железные законы
Раз установлены – и навсегда [13, с. 24].

Импульс для скорбных раздумий поэта – конкретный, земной: бегство родителей из России, жизнь на чужбине, страшные события в родной стране. Верное служение Богу не уберегает от невозполнимых утрат. Без ответа остается мучительный вопрос «за что?»:

Но откуда же слезы и жалобы,
И смятение, и жалость, и страх?
И к чему же так скоро устала бы
Наша кровь повторяться в веках? [13, с. 31].

И все же лирический герой не бунтует против Бога, он смиряется с его волей:

От века знаки нам положены,
И сказано устами Бога,
Что дни и лета всем умножены
Не престающим порога [13, с. 44].

Мотив ничтожности человека перед Богом переходит из светлой тональности упования к мрачным аккордам безнадежности, но не безверия.

На наш взгляд, истоки религиозности лирики Валерия Перелешина основываются не только на монашеском опыте поэта, но опираются и на новое религиозное сознание литературы конца XIX – начала XX в., «когда творцы культуры сознательно или нет пытались преодолеть пагубный для культуры разрыв между искусством, философией и религиозным сознанием...» [14, с. 112]. Г. Флоровский, православный священнослужитель, также подчеркивал, что культура Серебряного века развивалась под знаком религиозного возрождения не только философской, но и эстетической своей ипостаси: «Это был особый путь возврата к вере, через эстетизм и через Ницше, и в самой вере оставался осадок этого эстетизма, остаток искусства и литературности. Раньше у нас возвращались к вере через философию (к догматике) или через мораль (к Евангелизму). Путь через искусство был новым» [15].

Таким образом, стержневыми для религиозно-философской поэзии Валерия Перелешина становятся такие проблемы, как жизнь, смерть и бессмертие, хаос и упорядоченность, соотношение сиюминутного и вечного, части и целого – в природе, обществе, мировом пространстве.

При этом лирик стремится раскрыть законы, управляющие миром, – от жизни растений до процессов во Вселенной. Связующим разумным элементом мироздания становится для него человек.

Перелешин упорно искал гармонии в окружающей жизни. Вера в Бога не покидала его в самые трудные минуты, когда поэта терзали сомнения и отчаяние. Гармоническое равновесие, соблюдение высших законов он находил в природе, представляющей ему неразрывно связанной с человеческим бытием. Природа стала для него образцом мироустройства и критерием истины. Мгновения творчества, священные прозрения поэта также были для Перелешина краткими вспышками гармонии, ни с чем не сравнимыми. Природа и поэзия оказывались его «убежищами» в несовершенном мире.

Когда же жизнь разочаровывала поэта в очередной раз и смысл бытия ускользал, Перелешин предпочитал смирение. Он отвергал темный бунт против божественных начал жизни.

Убежденность в правильном, разумном устройстве Вселенной, частичкой которой является человек, помогала Перелешину выдерживать натиск подавленности и бессилия, нараставших с годами. Загадки бытия были сложны, подчас неразрешимы, но поэта спасала сопричастность великому целому: народу, человечеству, земному и внеземному миру в его материальном и духовном измерениях.

Перелешин всегда был предельно честен, нравственно открыт в своих религиозно-философских поэтических исканиях. Он разворачивал перед читателями свои сомнения, заблуждения, разочарования и неизменно устремлялся к свету, правде и естественной простоте.

Духовные поиски поэта актуальны для современного читателя, так как человеку по-прежнему непросто найти себя в мире. Творчество Валерия Перелешина убедительно свидетельствует о положительных результатах в поиске жизненных опор, среди которых – сама поэзия и вера в Бога.

Список литературы

1. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд., испр. М., 1995. С. 119.
2. Бузуев О. А. Творчество Валерия Перелешина: моногр. Комсомольск-на-Амуре: КнАГПУ, 2003. 122 с.
3. Кузнецова Ольга. О бразильском архиве Валерия Перелешина. URL: <http://http://rukopis.imli.ru/?n=14>
4. Петрова Н. Г. О некоторых особенностях заглавий поэтического дискурса акмеистов // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 10 (125). С. 180–183.
5. Три письма Валерия Перелешина. Публ. Аллы Кторовой // Новый журнал. 1999. № 216. С. 149.
6. Русский Харбин / сост., предисл. и коммент. Е. П. Таскиной. М., 1998. 272 с.
7. Русская поэзия Китая: Антология / сост. В. П. Крейд, О. М. Бакич. М.: Время, 2001. 720 с.
8. Леонидов Виктор. Опрокинутый век // Новая Юность. 1999. № 3 (36). URL: <http://magazines.russ.ru/authors/p/pereleshin/>
9. Перелешин Валерий. Непобежденный // День Рериховской поэзии. 2005. № 5 (133). URL: <http://rossasia.sibro.ru/voshod/article/18580>
10. Перелешин Валерий. Над гробом // Школа Жизни.ру. URL: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-18678/>
11. Перелешин Валерий. Ариэль: девятая книга стихотворений. Frankfurt / Mein, 1976. 179, [4] с.
12. Перелешин Валерий. Жертва: четвертая книга стихотворений. Харбин, 1944. 51 с.
13. Перелешин Валерий. Южный дом: пятая книга стихотворений. [München-Allach]: Изд. авт., 1968. 45, [1] с.
14. Слюсаренко М. А. «Серебряный век» России и праздничная культура начала XX века // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2004. Вып. 2 (39). С. 111–117.
15. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Ч. II. На пути к катастрофе. URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/20f/florovsky/path2/28.html>

Санникова И. Р., аспирант.

Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет.

Ул. Кирова, 17/2, Комсомольск-на-Амуре, Хабаровский край, Россия, 681000.

E-mail: euphoria1982@mail.ru

Материал поступил в редакцию 18.07.2012.

I. R. Sannikova

RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL ORIGINALITY OF THE LYRICS BY VALERY PERELESHIN

The question of a religious and philosophical originality of the lyrics of the bright representative of the Russian abroad of the Far East of Valery Pereleshin is considered in the article. The influence of the philosophy of the Russian cosmism clearly is traced in religious and philosophical motives and images of the poet.

Key words: *lyrics, the Russian abroad of the Far East, Valery Pereleshin, philosophy, religion, Russian cosmism.*

Amur State University of the Humanities and Pedagogy.

Ul. Kirova, 17/2, Komsomolsk-na-Amure, Khabarovskiy kray, Russia, 681000.

E-mail: euphoria1982@mail.ru

УДК 821.161.1

Е. Д. Дžoла

ВЫБОР ДОКУМЕНТА КАК ОСНОВЫ КОНФЛИКТА В ПЬЕСЕ ИОНА ДРУЦЭ «ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ СВОЯ»

В статье перед нами стоит задача выявить, как дневники и письма Толстого, воспоминания родных и близких о последних годах его жизни используются в пьесе, становятся структурой историко-биографической драмы. Друцэ положил в основу драматического произведения взгляды и суждения самого Толстого, изложенные в его дневниках и письмах. Автор также опирался на мемуары тех, кого сам Лев Николаевич считал близкими по духу людьми.

Ключевые слова: документ, историко-биографическая драма, сюжет, композиция, законы драмы, историческая достоверность.

Столетие со дня смерти Льва Николаевича Толстого – эпохальное событие для всего мира. Его жизнь, этапы творчества, «духовное перерождение» и последующий уход из Ясной Поляны не перестают волновать литературоведов, писателей и критиков и в наши дни. Об этом свидетельствуют недавно вышедшие книги И. Гарина «Неизвестный Толстой» (2009), И. Волгина «Уйти ото всех» (2010), П. Басинского «Лев Толстой: Бегство из рая» (2010). В начале 2010 г. вышел в прокат фильм «The Last Station» («Последнее воскресенье»), посвященный уходу и смерти Толстого. Осмыслить проблему ухода пытались деятели литературы.

Со времени ухода Толстого в отечественном литературоведении оценка этого решительного шага сформировалась под влиянием очерка М. Горького «Лев Толстой», Г. В. Плеханова и статьи В. И. Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции». В горьковском очерке с огромным уважением писалось о Толстом не только как о «богоподобном» человеке («безгранично разнообразен этот сказочный человек»), но и о том, что вызывало неприятие Горького: его туманная проповедь «неделания», «непротivления злу» – проповедь пассивизма... «Меня всегда отталкивало от него это упорное, деспотическое стремление превратить жизнь графа Льва Николаевича Толстого в “житие иже во святых отца нашего блаженного боярина Льва”» [1, с. 363, 365.].

В настоящее время возобладали иная точка зрения, оправдывающая уход Толстого. Пьеса И. Друцэ «Возвращение на круги своя» [2], поставленная в 1978 г. на сцене Малого театра под руководством режиссера Бориса Ровенских, в XX в. была важным этапом преодоления многолетней тенденции. Пьеса имеет под собой документальную основу – опубликованные сведения о последних днях писателя в Ясной Поляне.

Премьера спектакля нашла живой отклик в статьях критиков и литературоведов: А. Образцовой, Е. Поляковой, Н. Толченовой, В. Максимовой. Е. Полякова в статье «Путь Толстого» (1978) отме-

чала особенность постановки – ее «построение на документальном материале» и, как следствие, возникающее у зрителей ощущение «полной правды происходящего»: «Перед нами предстает Толстой в воспоминаниях Горького и Бунина, в многолетних записях Софьи Андреевны, в книгах детей, последователей, биографов» [3]. Литературовед Н. Хаустов (1988) совершенно справедливо указывает на главное использованное драматургом документальное свидетельство – письма и дневники Толстого, полагает, что именно они «способствуют проникновению в психологические глубины, выявлению особых черт характера героя». Исследователь подчеркивает, что использованные документы – письма и дневники Толстого – укрепляют позиции историко-биографической драмы, поскольку фиксируют общезначимое, общественно важное, служат социально-историческому анализу» [4, с. 180]. Однако он, как и другие литературоведы, которые писали о пьесе Друцэ (О. Дашевская, В. Фёдорова, Е. Полякова), только указал на ее документальные источники без анализа отношения к ним автора, их роли в структуре пьесы.

Друцэ, располагая огромной документальной базой, учитывал все известные воспоминания о Толстом. Пьеса более чем наполовину представляет собой монтаж «документов», главными из которых являются дневники и письма самого Толстого. Среди имен, чьи воспоминания составили текст пьесы, помимо уже упомянутой Софьи Андреевны, следует назвать Д. Маковицкого – личного врача Толстого, В. Булгакова – секретаря писателя, А. Толстую – младшую дочь, В. Черткова – друга и последователя толстовского учения.

В данной статье перед нами стоит задача: выявить, как дневники и письма Толстого, воспоминания родных и близких о последних годах его жизни используются в пьесе, становятся конструктивной основой историко-биографической драмы.

Теоретиками-литературоведами отмечается, что драма обязательно подчиняется закону концентрации действия в пространстве и во времени, и жанр

историко-биографической драмы, продуктивный в отечественной литературе XX в. определенных периодов, не является исключением. Строгий хронологический принцип, соответствующий жизненным реалиям, не мог быть положен в основу драматического действия. Об этом писали, обращаясь к историко-биографическим драмам, Е. Холодов [5] и Я. Явчуновский. Последний, изучая документальную драму 60–70-х гг., заметил: «Как ни энергично пойдет драма навстречу истории в ее хроникальном воспроизведении, пьеса продолжает оставаться по своему замкнутой художественной структурой» [6, с. 111], т. е. подчиняться закону концентрации действия в пространстве и во времени.

О принципиально ином отношении драматического писателя, нежели эпического, к своим героям писал в свое время Гегель. Поскольку драматическое действие «приводит к такой развязке, в которой раскрывается настоящая внутренняя суть человеческих целей, характеров и конфликтов», т. е. поскольку авторская оценка героев обнаруживается результатом драматического действия, они характеризуются в драме теми своими отношениями, поступками, которые определяют развязку. Поэтому характеры героев «не раскрываются в полном составе своих национальных эпических свойств» – в этом отношении «драма абстрактнее эпоса» [7, с. 333].

Реальное историческое лицо, таким образом, входя в драму, оказывается охарактеризованным участием в действии пьесы только тем, что определило развязку, т. е. жестко подчиненным авторской мысли. Та сторона его характера, которая проявила себя в действии пьесы, закрепляется за ним как главная. Каждое историческое лицо, вошедшее в пьесу «Возвращение на круги своя», было важно для Друцэ постольку, поскольку оно повлияло на решение Толстого уйти из Ясной Поляны. Выбраны в герои лишь те лица, которые были важны для решения Толстого. Поэтому, в частности, среди персонажей нет любимого Толстым сына Ильи Львовича, занимавшего двойственную позицию, хотя Друцэ пользуется его свидетельствами [8]. Вместо него показан Лев Львович, который в 1910 г. находился за границей и не мог непосредственно повлиять на обстановку в Ясной Поляне, но, согласно его воспоминаниям [9], разделял позицию Софьи Андреевны относительно завещания Толстого. Для драматического конфликта Друцэ нужны были явные противники решения Толстого.

Как бы ни хотел быть исторически точен драматург, он не может пользоваться оценками всех тех, кто стал персонажами его произведения. При демонстрации событий драматург остановил свой выбор на воспоминаниях людей, которые помога-

ли Толстому «уйти», кому он позволил быть с ним до конца.

Необходимость наиболее полно выразить свое отношение к находившемуся в распоряжении драматурга огромному материалу подвигла Друцэ к решению показать Толстого в трех лицах. В пьесе действуют три героя: Лев Николаевич Толстой; Толстой, размышляющий про себя; Толстой, создающий. С первым и вторым Толстыми связана основная сюжетная линия: показаны поступки Льва Николаевича Толстого и его отношения с окружающими, конфликт в Ясной Поляне, сопровождаемый комментариями Толстого, размышляющего про себя. Другая сюжетная линия, создаваемая Толстым создающим, – легенда о волке, который почуял смерть и пошел в свой последний путь. Эта линия важна в смысловом отношении и сама по себе, и для акцентировки композиционных узлов первой линии.

В пьесе подчеркнута роль элементов сюжета: экспозиции – овладевающие Толстым мысли о завещании (труды писателя должны стать общим достоянием и не должны быть ничьим источником дохода, в том числе членов его семьи, уже получивших в наследство все его имущество); завязки – объявление завещания единомышленникам Толстого; кульминации – ухода писателя из родового имения (ухода от жизни, в которой он не хотел и не мог больше участвовать); развязки – последних часов Толстого перед смертью, посвященных, как и его жизнь, духовной борьбе с насилием.

Драматург останавливает свой выбор именно на тех фактах, которые приводят, вследствие ряда причин, к кульминации и развязке. По справедливому суждению В. Е. Головчинер, «как бы ни эпизировалось, ни расширялось событийное поле пьесы, ее действие» должно быть «сжато, спрессовано, сконцентрировано» [10, с. 70]. Друцэ сжимает время действия в пьесе до нескольких месяцев, уложив в драматическое действие события двух последних лет. Размышления Толстого охватывают еще больший период. Поэтому в пьесе затянутая экспозиция.

В самом начале перед нами предстает старый, больной, мучающийся бессонницей Толстой.

Толстой, размышляющий про себя. Пятый час, а мне не спится. Боль в ногах, боль в затылке. Кажется, опять был припадок. Я вчера чувствовал его приближение [2, с. 280].

В дневниковых записях писателя мы находим подтверждение этим словам: «**14 апреля** (1910). Ночью было тяжело физически; **28 апреля** (1910). Здоровье хуже. Ничего не делал утром. И не хочется; **16 июня** (1910). Встал не рано, все та же слабость; **11 июля** (1910). Жив еле-еле. Ужасная ночь; **30 сентября** (1910). Очень дурно, слабо себя чувствую» [11, с. 378, 387, 391, 404].

Состояние Толстого, на котором подробно останавливается Друцэ, определяет предконфликтную ситуацию, пока не выражающуюся решительными действиями. Драматургу нужны бытовые подробности для того, чтобы показать, с одной стороны, насколько Толстой привязан к своей семье и оттягивает необходимый для него шаг, а с другой стороны, делают понятным, как поступки близких влияют на решение Толстого уйти из дома. Болезненное состояние Толстого как бы предопределяет дальнейший ход событий. И сам писатель, и другие прекрасно понимают, что идут последние месяцы его жизни, которые не дают ему возможности откладывать принятие важных решений, если они еще могут быть приняты.

В экспозиции озвучиваются размышления противоборствующих сторон. С одной стороны, Толстого, для которого противоречие между его нравственными убеждениями и укладом жизни яснополянского дома было мучительным.

Толстой, размышляющий про себя. Едва ли есть в мире забытый, страдающий от бессилия бедняк, который бы чувствовал хотя бы сотую долю того, что чувствую я, видя весь ужас и насилие, окружающие нас. И, мучительно чувствуя все это, я тем не менее живу в развращенной среде богатых и не могу, не нахожу в себе силы уйти из нее [2, с. 280].

С другой стороны, мы слышим размышления Софьи Андреевны в ее комнате, не желающую считаться с убеждениями мужа.

Софья Андреевна. Каковы бы ни были твои убеждения, какова бы ни была твоя вера, я не дам пустить по миру детей [2, с. 280].

В том же безмолвном диалоге (он имеет документальное подтверждение) [12] находящихся в разных комнатах, размышляющих про себя, но отчетливо слышащих друг друга героев определены намерения обеих сторон, которые неминуемо должны привести к конфликту. Софья Андреевна обосновывает свое право распоряжаться трудами Толстого.

Софья Андреевна. Я всю жизнь была самым близким и верным другом, я нарожала тебе полон дом детей, я переписывала твои бумаги бесчисленное количество раз [2, с. 281].

Толстой настроен решительно: защищать права на свои мысли и поступки.

Толстой, размышляющий про себя. Я не могу упрекнуть тебя за то, что ты не пошла за мной в моем духовном движении. Духовная жизнь каждого человека есть его тайна, и требовать от других такого же таинства нельзя, иначе это уже перестанет быть таинством. Но менять свой образ жизни, свои решения я не могу, потому что мысли мои и слова мои есть суть свободы моей, и я защищу ее перед любым человеком [2, с. 281].

Приводя размышления Толстого, Друцэ воспользовался письмом 1895 года [13, с. 401], написанным накануне его первой попытки уйти из Ясной Поляны.

В экспозиции определен предмет борьбы – завещание. Находясь в своей комнате, героиня мысленно обращается к мужу.

Софья Андреевна. Левочка, неужели верны слухи, что ты подписал тайное завещание? [2, с. 280].

Друцэ показывает поступки действующих лиц и размышление, приводящее Толстого к окончательному решению завещать все свои труды «для безвозмездного издания и перепечатывания всеми, кто того пожелает» [2, с. 299].

В экспозиции показано, что Толстого окружает атмосфера лжи и лицемерия. Лев Николаевич не хочет звать кого-либо во время своих ночных припадков, так как это приведет к истерике в доме и еще более усугубит его болезненное состояние. Толстой прекрасно понимает и осознает фальшь происходящего: Софья Андреевна боится внезапных перемен в физическом состоянии мужа, которые могут лишить ее права владения его сочинениями. Лев Николаевич также понимает причину истерик Софьи Андреевны и то, что она, так явно выдавая свои чувства, боится совсем утратить свое влияние на него.

Толстой, размышляющий про себя. Хуже всего то, что после ссоры она становится на колени и целует мне руки [2, с. 280].

Эта фраза находит свое подтверждение в дневниковых записях Толстого [11, с. 408].

Борьба за наследство, лицемерно прикрытая заботами о его здоровье, вызывает негодование Толстого: жена мешала ему во время его припадков.

Софья Андреевна. О господи, почему ты меня не разбудил?! Я ведь отлично знаю, как я нужна тебе в такие минуты!! [2, с. 288].

Друцэ сопровождает реплику Софьи Андреевны размышлением Толстого о врожденном стыде, который должен быть у каждого человека, именно поэтому человек «закрывает одеждой все то, что не нужно» [2, с. 288]. Это размышление, как будто не относящееся к действию, является его прямым комментарием. Мысль Толстого о стыде, не высказанная вслух, но угаданная Софьей Андреевной, вызывает вопрос.

Софья Андреевна. У тебя нынче опять созревают недобрые чувства ко мне? [2, с. 288]

Отношение к будущему завещанию определяется в первом же семейном разговоре.

Лев Николаевич. Сонечка, если ты помнишь, я просил тебя найти возможность удешевить мои сочинения [2, с. 288].

Эта просьба Толстого вызывает гнев у Софьи Андреевны: «Ты, кажется, все еще носишься с

идеей пустить нас всех по миру?» Толстой хочет мира: «Сонечка, ну зачем такие крайности?» [2, с. 288]. В разговор вмешивается Лев Львович (он стоял в дверях, прислушиваясь к спору родителей): «Завещание, о котором говорит вся Россия, ты еще не написал и не собираешься писать?» [2, с. 289].

Лев Николаевич. Я не желаю отвечать на этот вопрос [2, с. 289].

Эта фраза служит напоминанием ранее приведенных слов Толстого: «Мысли мои и слова мои есть суть свободы моей» [2, с. 281].

Лев Николаевич пытается отвести все разговоры от темы, связанной с завещанием: раздражается видом граммофона, находит изъяны технических изобретений перед «живыми существами», хотя граммофон напомнил ему о цыганском пении, и захотелось написать об этом высоком искусстве. Но что бы он ни делал, все клонится к неразрешимому конфликту между ним и той частью семьи, которую представляют Софья Андреевна и Лев Львович. Подспудный смысл столкновения Толстого с Софьей Андреевной в том, что она давно является официальной полновластной хозяйкой Ясной Поляны. Однако для нее этого было недостаточно. Толстой в присутствии домашних пишет свои заметки о цыганском пении и думает: «Мое горе состоит в том, что мои писания, рукописи вызывают у людей чувство алчности, чувство соревнования за обладание ими» [2, с. 290]. Эти мысли Толстого дают право автору на ремарку: «Вынесли граммофон... Толстой пишет, а все сидят и молча смотрят, как он водит карандашом по бумаге...» [2, с. 291].

Софья Андреевна и Лев Львович совершенно не разделяют убеждений Толстого и не считают нужным этого скрывать. В порыве отчаяния Лев Николаевич произносит: «Народил много детей, а все они бестолковые и делают одни неприятности» [2, с. 291]. Эта фраза находит свое документальное подтверждение в воспоминаниях В. Булгакова (секретаря Толстого) [14, с. 344].

Однако Толстой еще окончательно не решает лишить семью доходов от продажи своих сочинений. Для того, чтобы утвердиться в своем решении, он обойдет ближайшие к Ясной Поляне деревни, где у каждого порога нищета и горе; поговорит с крестьянкой Курносенковой; повстречается со своим бывшим учеником Федоткой, которому после тяжелой работы на строительстве дороги «кружить восемь верст надо» [2, с. 296], чтобы дойти до своей деревни, потому что черкес-Ахмет, нанятый Софьей Андреевной, через лес не пускает, избивает. Толстой еще верит, что, подняв вопрос о недопустимом поведении черкеса, сможет повлиять на Софью Андреевну, но убеждается в обратном.

Лев Николаевич. Соня, почему в наших лесах бьют людей, которых я учил грамоте в своей шко-

ле, чтобы облегчить им жизнь? И кто этот Ахмет, откуда он взялся в нашем доме? [2, с. 297].

Но никакой взрыв толстовского возмущения не может заставить Софью Андреевну уволить Ахмета.

Софья Андреевна. Наняла, чтобы он не дал срубить наши леса, чтобы нас не подожгли в нашем же доме! [2, с. 297].

Именно после этой сцены желание изменить «сытую» и «праздную» жизнь яснополянского дома толкает Толстого к решению написать завещание, лишаящее семью права получать деньги за все, что он когда-либо написал.

Подписанное Толстым завещание является началом открытого конфликта (завязкой) в пьесе. В действительности было несколько вариантов этого документа (27 марта 1895 г., 1 ноября 1909 г., 22 июля 1910 г.). Безусловно, зрители и читатели в большинстве своем не были подробно знакомы с текстом завещания, вокруг которого разгорелась жестокая борьба. Из трех толстовских завещаний Друцэ выбрано одно, и объявление его в пьесе не согласуется с реальной датой. Однако сама подача драматургом этого факта не позволяла усомниться зрителям (читателям) в его подлинности.

Толстой, размышляющий про себя. ...Находясь в здравом уме и твердой памяти, на случай моей смерти, делаю следующие распоряжения...

(Как только он начинает диктовать, Александра Львовна тут же принимается записывать, Маковицкий и Булгаков стоят в торжественной позе свидетелей.) [2, с. 298].

После подписания завещания Толстой чувствует некоторое умиротворение. Он как бы отчасти снимает с себя груз ответственности той, чуждой ему жизни. Лев Николаевич занимается повседневными делами, живет напряженной духовной жизнью: разбирает с дочерью Сашей письма; работает с Беленьким и Булгаковым, помогающими вести деловую переписку.

Жизнь в Ясной Поляне, однако, становится невозможной. Стремительное развитие драматического действия (от развязки к кульминации) проходит через ряд напряженных сцен. Напряженность придают сцены со все нарастающим повторением одних и тех же действий, суть которых в ограничении духовной свободы Толстого. Именно борьба за духовную свободу является сквозным мотивом пьесы. Софья Андреевна («исторически») несколько раз врывается в кабинет мужа: «Левочка, ты меня звал?» [2, с. 301].

Но она не только стремится сохранить остатки прежней привязанности Толстого, чтобы иметь влияние на него. Софья Андреевна открыто воюет против завещания и приглашает профессора медицины, который должен засвидетельствовать не-

равно-психическое расстройство Толстого. Однако профессор оказывается приличным человеком и не соглашается подписывать диагноз, на котором настаивала Софья Андреевна.

Профессор. Я не считаю для себя возможным ставить сомнительный диагноз человеку, перед которым преклоняется весь мир [2, с. 314].

Затем, зная нелюбовь Льва Николаевича к фотографированию, она приглашает известного петербургского фотографа Шапиро сделать фотографию в кругу семьи в годовщину их свадьбы.

Лев Львович. В печати давно пишут о разногласии в нашей семье, и печатание в газете фотографии, сделанной на только что отпразднованной годовщине свадьбы... [2, с. 320].

Атмосфера лжи и лицемерия в Ясной Поляне потрясает писателя.

Толстой, размышляющий про себя. Осталась одна последняя возможность. Надо бороться против нее добром. Только добром я смогу продлить свое пребывание в этом доме, если такое продление вообще возможно... [2, с. 322].

О реакции Толстого на посещение профессора и фотографа мы читаем в воспоминаниях Александры Львовны [15, с. 249] и Булгакова [14, с. 342].

Обе сцены (с профессором и фотографом) сопровождаются ремарками драматурга: «Толстого уже трясло» [2, с. 320], «Лев Николаевич встает. Его знобит, его трясет» [2, с. 322]. Толстой готов бороться за свою свободу до конца. Мысленный диалог между Софьей Андреевной и Толстым, происходящий в экспозиции в ночь перед решением уйти из Ясной Поляны, озвучен.

Софья Андреевна. Я должна каждый день знать, что ты думаешь обо мне. Я твоя жена перед людьми и перед богом.

Лев Николаевич. Мои слова и мои мысли есть суть свободы моей, и я защищу эту свободу перед кем бы то ни было! [2, с. 322].

Последней каплей становится событие, подробно описанное в воспоминаниях Булгакова [14, с. 383] и Александры Львовны [15, с. 493]: думая,

что Лев Николаевич спит, «Софья Андреевна стоит в кабинете с горящей свечой и роется в его бумагах» [2, с. 323]. В этот момент Толстой понимает, что он, больной и немощный, не волен над своей жизнью. Полностью оказавшись в руках Софьи Андреевны, он может лишиться и своей духовной свободы. Несмотря на грозное предупреждение, уже сделанное Толстым вслух, Софья Андреевна роется в его бумагах. Поэтому Лев Николаевич принимает твердое решение уехать.

Толстой, размышляющий про себя. Теперь я уеду. Уеду немедленно, этой же ночью... [2, с. 323].

Сами сборы и отъезд Толстого, описанные в воспоминаниях Булгакова [13, с. 384], Александры Толстой [15, с. 487] и в дневниках самого Толстого [10, с. 412] в пьесе не показаны. За кульминационной сценой сразу следует развязка: показана маленькая комнатка в доме начальника станции Астапово, где собираются вокруг Толстого духовно близкие ему люди (Маковицкий, Александра Львовна, Татьяна Львовна, Чертков). Смысл развязки в том, что смертельно больной Толстой не прекращает духовной работы. Он редактирует продиктованное накануне в вагоне поезда начало статьи о смертной казни. Уход из Ясной Поляны – не уход от главной проблемы духовной жизни: он чувствовал необходимость обрести не только личную духовную свободу, но и бороться против лишений и страданий других. Сцена находит подтверждение в воспоминаниях младшей дочери Толстого Александры [15, с. 394].

Таким образом, все события пьесы Друцэ опираются на документы: дневники и письма Толстого, воспоминания близких и окружающих. И главные сюжетно-композиционные узлы, и расположенные между ними сцены, и звучащий к ним комментарий показывают верность драматурга историческим реалиям. И позволяют оценить последние события жизни Толстого с точки зрения самого писателя. Так Друцэ соединил в пьесе законы драмы с исторической достоверностью.

Список литературы

1. Горький А. М. Лев Толстой / Мать. Литературные портреты. М.: Правда, 1985. С. 344–383.
2. Друцэ И. Возвращение на круги своя // Друцэ И. Святая святых: Пьесы. М.: Сов. писат., 1984. С. 278–326.
3. Полякова Е. Путь Толстого // Московская правда, 1978, 3 авг.
4. Хаустов Н. Т. Жанровые особенности современной историко-биографической и историко-революционной драмы («На круги своя» И. Друцэ и «У времени в плену» А. Штейна) // Худож. тв-во и лит. процесс: сб. ст. Томск, 1988. Вып. VIII. С. 174–187.
5. Холодов Е. Композиция драмы. М.: Искусство, 1957. 224 с.
6. Явчуновский Я. И. Драма вчера и сегодня: жанровая динамика, конфликты и характеры. М.: Саратовский ун-т, 1980. 255 с.
7. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. Сочинения. Т. 4. М.: Социально-экономическая литература, 1958. 559 с.
8. Толстой И. Л. Мои воспоминания. М.: XXI век – Согласие, 2000. 464 с.
9. Толстой Л. Л. В Ясной Поляне: Правда об отце и его жизни. Прага: Пламя, 1923. 102 с.

10. Головчинер В. Е. Действие и конфликт как категории драмы // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2000. Вып. 6. С. 65–71.
11. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 22. Дневники. 1895–1910. М.: Худож. лит., 1985. 559 с.
12. Толстая С. А. Дневники 1897–1909. М.: Север, 1932. 299 с.
13. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 19–20. Письма. 1882–1910. М.: Худож. лит., 1984. 879 с.
14. Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М.: Правда, 1989. 448 с.
15. Толстая А. Л. Отец. Жизнь Льва Толстого. М.: СПАРК, 2001. 608 с.

Джола Е. Д., ст. преподаватель.

Дальневосточный федеральный университет.

Ул. Алеутская, 65 а, Владивосток, Россия, 690090.

E-mail: dzhola@mail.ru

Материал поступил в редакцию 25.07.2012.

E. D. Dzhola

DOCUMENT CHOICE AS BASE OF CONFLICT IN IONA DRUTSE'S PLAY "RETURNING TO OWN CIRCLES"

The aim of the article is to find out how diaries and letters by Tolstoy, recollections of family members and friends about the last years of his life are used in the play and become structure of historical and biographical drama. Druta based his dramatic work views and judgments of Tolstoy himself described in his diaries and letters. The author also relied on the memoirs of those whom he believed to be Lev Nikolaevich' like-minded people.

Key words: *document, historical and biographical drama, plot, composition, laws of drama, historical authenticity.*

Far East Federal University.

Ul. Aleutskaya, 65 a, Vladivostok, Russia, 690090.

E-mail: dzhola@mail.ru

ТИПОЛОГИЯ КОМИ РАССКАЗА 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА¹

Исследуется типология коми новеллистики 20-х гг. XX в. Выделяются основные типы рассказа этого периода – реалистический, иронико-юмористический, импрессионистический, лирический рассказ-миниатюра, философский рассказ

Ключевые слова: *рассказ реалистический, импрессионистический, иронико-юмористический, философский рассказ, лирический рассказ-миниатюра.*

Коми рассказ 20-х гг. XX в. – явление типологически многомерное. Являясь основной формой развития национальной прозы в этот период, он по уровню осмысления действительности занимает ведущее место, опережая поэзию и драматургию. В эпоху национального энтузиазма, грандиозного слома старой жизни и строительства новой, рождались произведения ставшие на коми языке высшим выражением духа своей эпохи. Рассказ отразил трагедию гражданской войны, рождение утопического сознания в его героическом и комическом ракурсах и самое главное – национальный характер в его глубинных архетипических проявлениях.

Реалистическая новеллистика 1920-х гг. в большой мере является подлинным документом эпохи. Время, ломавшее жизнь крестьян, изображалось предельно достоверно в написанных вскоре после войны рассказах В. Чисталева, Н. Попова, В. Савина, И. Сажина, И. Титова. В них нет романтики революции, как в поэзии тех лет, а есть трагедия народа: горе матери, потерявшей сына («Сім съд кымөр моз» – Как чёрная туча, 1926) Н. Попова, а жены – мужа («Кык час мысти» – Через два часа, 1926) И. Титова; самые тяжелые эпизоды гражданской войны (рассказ-очерк «Бёрынтьчигён» – При отступлении, 1929, В. Савина, «Шог асыв» – Печальное утро, 1925, В. Чисталева), чувства, переживания простых коми крестьян, которых захлестнула стихия гражданского противоборства и которые становятся ее безвинными жертвами («Ен тыш» – Великая борьба, 1927) И. Сажина и др.

Примером трагедии простого человека является судьба крестьянина дяди Михайло из рассказа И. Титова, которого зверски убили белогвардейцы мимоходом, просто заодно с коммунистом Гришей. И эта безвинная жертва потрясает даже больше, чем смерть коммуниста, – потому что он знает, что идет на смерть, а «Микайло дядь эз гөгөрво, мый сыкд вочоны. Сомын отарё юасис: “Мыйысь нё, мыйысь... төварышьяс”» (дядя Михайло не понимал, что с ним делают, только все твердил: «За что,

за что... товарищи») [1, с. 71]. Признаком того, что он совсем запутался в этой новой жизни, является то, что он к белогвардейцам обращается – «товарищ».

Период революционной ломки крестьянской жизни породил не только драматические, но и комические коллизии, появилось иронико-юмористическое направление в коми прозе. Генетически иронико-юмористические рассказы восходят к устным рассказам, пересудам, забавным происшествиям в коми деревне 1920-х гг. Это рассказы «Луча» (1926) В. Савина, «Шева чуман» (Лукошко шевы, 1927), «Сё сикас» (Всякая всячина, 1926), «Четверть вина» (Четвертинка, 1927) И. Сажина, «Со колёк и уджав» (Вот и работай, 1929) П. Малафеева и др. Комические ситуации здесь рождаются из стремления людей приспособиться к новой действительности. Писатели в комическом модусе раскрывают, что получается, когда новое в сознании персонажа перемешивается со старым. В рассказах этого типа нет сатиры, а есть веселая остроумная фантазия и сочный народный язык, яркие приметы национального быта, – все это делает юмористический рассказ 1920-х гг. одной из вершин коми новеллистики.

Одним из самых известных произведений этого типа является рассказ В. Савина «Луча» (1926). В основу его писатель положил устное повествование о коми крестьянине из маленькой деревни Джиян Тист Иване. Невымысленность этого образа подчеркивает сам В. Савин: «Коді оз тд Тист Иванё! Висер вожд и Нывсер вожд быдён тддны сійос – ылё гөгөр нималё!» («Кто не знает Тист Ивана! И на Вишере и в Нившере его знают – кругом знаменит!») [1, с. 15]. Тист Иван – чудаки над ним смеются в деревне. Он первым не то что в деревне, а в волости отказался от крещения своего новорожденного сына и устроил «октябрины». Вся партиячейка выбирала ему имя, чтобы оно было «чорыд» (твёрдым) и «гөрд рёма» (красного цвета). На нелепость выбранного имени – Новолучин-

¹ Работа выполнена в рамках Интеграционного проекта №12-И-6-2021 по Программе фундаментальных исследований президиума РАН «Литературные стратегии и индивидуально-художественные практики пермских литератур в общероссийском социокультурном контексте XIX – первой трети XX в.».

ский-Чумбаров (в честь погибшего героя гражданской войны Чумбарова-Лучинского) – автор деликатно намекает упоминанием о том, что никто в деревне не слышал, чтобы Тист Иван обращался к сыну по имени. Однако за смешным поглядывает в рассказе В. Савина глубокая, серьезная вера в новую жизнь, в новые отношения. Писателя интересуют тенденции социального развития, рождение новых ярких характеров. Кажущаяся анекдотичность этого рассказа – прием, который прикрывает глубину рассказа. Тист Иван крепкий хозяин – у него достаточно земли, скота, и он любит работать. Подобные ему искали в революции не материальные блага и возможности, а новые духовные основы для жизни. А юмор «раскрывает серьезность и значительность того, что кажется смешным» [2, с. 814]. Тист Иван полон энтузиазма, радостного стремления к свету («югыдлань»), и в сочетании со стихийным, своенравным, упрямым характером это приводит к комическим ситуациям. Смех этого рассказа – смех здоровый, от избытка сил и свободы духа. Тист Иван пока свободный человек, еще нет коллективизации и раскулачиваний. Он радостно смотрит в будущее и поступает не по требованиям идеологических уставов, а по велению своей кипучей оригинальной натуры.

Самым последовательным писателем юмористического направления в 1920-е гг. был И. Сажин.

В. Савин называл И. Сажина «Зощенко коми деревни» [3, с. 229]. И не без оснований. Если М. Зощенко нарисовал образ городского обывателя 1920-х гг., то И. Сажин – сельского обывателя этого периода. Автор с точки зрения человека после революционного времени смотрит на неторопливую обывательскую жизнь крестьян с их смешными суевериями, верой в порчу, в чертей, долгими бабьими посиделками. Жизнь коми села, открываемая И. Сажиным, темная, но очень колоритная. Это видно из описания деревенских посиделок в рассказе «Всякая всячина». Комический эффект заключается в контрасте постоянно повторяемых извинений Варук: «Ниньом эськь эг лосьод да, сідзи коть, прьсть пукалыштö...» («Ничего ведь хорошего не приготовила, да так хоть, просто посидите»), рефреном проходящих через весь рассказ, и раблезианского обилия яств. Неслучайно полное первоначальное название рассказа – «Нечего есть или сто сортов» [4, с. 44].

Благодаря комическому ракурсу Сажин показывает коми людей в их национальной и человеческой неповторимости. В сущности, все герои юмористических рассказов – чудаки. Чудаком был и Тист Иван В. Савина, нарушающий привычный сельский уклад революционным внедрением в него новых обрядов, чудаки и герои И. Сажина – гостеприимная Варук, устроившая из посиделок

грандиозное пиршество, сельские любители чайной церемонии из рассказа «Чай», героиня из «Лукошка шевы», которая, в панике изгоняя порчу из дома, действительно чуть не умерла сама и едва не сгубила свою семью. И. Сажин, показывая мелкие бытовые проблемы крестьян, приоткрывает какие-то особенности национальной психологии, оттенки национального характера. И в этом прежде всего, а не в критике темноты и невежества крестьян, причина популярности его рассказов в 1920-е гг. – люди узнавали себя, смеялись над собой, и в этом была радость преодоления.

Возникновение юмористического направления в 1920-е гг. закономерно и связано с переживанием противоречивости времени, с той чудовищной путаницей, которая происходит в головах людей и поступках вследствие приобщения «к большим идеям». «Новое в их сознании образует самую странную смесь со старым и дает самые эксцентричные изгибы мышления», – писал И. Сац о героях М. Зощенко [5, с. 150]. Абсурдность некоторых явлений новой жизни показал и И. Сажин. В одном из эпизодов рассказа «Ён тыш» («Великая борьба») мы видим, как в церкви начинают службу с революционных песен, всем это нравится, поют громко, радостно: «Водзын бара татшöматö эз сьывлыны» («Раньше-то так не пели») [1, с. 89], – хвастается одна прихожанка. Развил эту тему в своем рассказе «Со, колбкө и уджав» («Вот и работай», 1929) П. Малафеев. Он показал, как виртуозно ловкий поп использует новую идеологию. Крестьянки рыдают над его проповедью, посвященной новому празднику – Международному женскому дню, а на церковной ограде вывешен плакат: «Юрбитам водзджык урожай кыптöм вöсна» («Верующие, помолимся вместе за повышение урожая») [1, с. 188].

Писатели 20-х гг. XX в. наслаждаются возможностью писать на родном языке, использовать все его богатство. Появляется выдающийся мастер передачи с помощью слова звуков, запахов, переливов настроений, ощущений – В. Чисталев. Прозаические миниатюры этого писателя «Тулъс вöбм» («Приход весны», 1921), «Гожöм пом» («Конец лета», 1920), «Поводя вежсигбн» («Смена погоды», 1920), «Кер пöрöдöм» («Рубка леса», 1921) и другие можно считать первым проявлением импрессионизма в коми литературе. В его рассказах мир – не бытие, а становление, образы природы – «процесс, возникновение и минование» и «энергия лирическая с воздействием почти музыкальным» [6, с. 24, 34]. Звуковая симфония пармы воплощена в рассказе «Во гөгөр кытшовтöм» («Круглый год», 1919), имеющем подзаголовок «Пётка сьылöм шыбн» («Звуками пения птицы»). Чистая ясная песня весны – рассказ «Приход весны». Капель, звон

топора, радостное карканье вороны, торжественное пение петуха, говор людей разносятся далеко вокруг: весной «ывлаыс гораммё», быттьёкё мыськём, пелькёдём керка» («улица усиливает звуки, как вымытая, убранная квартира») [7, с. 61]. Они сплетаются в единую радостную мелодию, ее заключительный аккорд – возглас мальчика, который вышел из дома, посмотрел вокруг, от полноты чувств закричал во весь голос «Э-э-ий», в душевном порыве помчался куда-то вперед. Пульсация жизни, музыка мира – в каждом творении писателя.

Вершиной прозы В. Чисталева, как и всей литературы 1920-х гг., стал рассказ «Трипан Вась» (1929). Хроника нескольких дней из жизни крестьянина, который в голодный год отправляется на лодке в верховье реки с припасенным зерном, расчищает поле, засеивает его рожью и обессиленный, голодный умирает – превращается в философскую притчу о вечных ценностях жизни.

Конкретны приметы времени, атрибуты социальной действительности, определяющие завязку и развязку повествования и мысли – переживания Трипан Вася (один его сын у красных, другой – совсем юный – в плену у белых) остаются на периферии читательского сознания. Главное в рассказе – другая, параллельная действительность – она вне конкретного времени, и в нее уходит Трипан Вась когда покидает свою деревню и включается в ритм природного бытия. Там нет начала и конца, а значит, нет и смерти, а есть вечное возвращение. Шелест колосающейся ржи, мягкий и спокойный, обрамляя рассказ, образует ритм вечного круга жизни.

Совмещение в сюжете произведения двух планов – исторического и мифопоэтического – придает ему символический смысл, ибо исключает однозначность толкования. Быт и бытие сошлись в образе Трипан Вася. Это и реальный крестьянин времени революционного лихолетья, и фигура почти мифическая, глубоко слитая с извечным миропорядком, природной гармонией бытия. Его окружают лес, река, луга и поля, смоляные запахи лиственницы и березы, острый запах дягиля и пряный запах красной смородины. Он живет среди звуков, голосов первозданной природы. «Первобытнэй этшён оліс да долаліс ывла» («Первобытной силой

жила и дышала природа») [7, с. 116], – пишет В. Чисталев. Трипан Вась составляет одно единое с этой землей. Он сам, как лес и поле, весь из естества: «Да и ачыс Вась этшём, быттьёкё пуысь, суюмодысь, кырсысь тэчёма...» («Да и сам Вась такой, будто из дерева, бересты, коры сделан...») [7, с. 116]. Трипан Вась выполняет свое природное предназначение. То, что он делает – сеет рожь, косит траву, рубит деревья, – исполнено сокровенного смысла. Постоянство и неотменимость ритмов природы и крестьянского труда, утверждаемые в рассказе, придают особое мифопоэтическое звучание произведению.

Рассказ «Трипан Вась» – это прорыв из прозы социально-бытовой в прозу философскую, для которой характерен перенос творческого интереса на вечные метафизические проблемы. Писатель перевел реальную жизненную ситуацию в мифологическую, а «момент возникновения мифологической ситуации всегда характеризуется особенно эмоциональной интенсивностью, словно в нас затронуты никогда ранее не звеневшие струны. Встретив жизненную ситуацию, мы чувствуем освобождение, ибо в нас просыпается голос рода» [8, с. 130]. Этот рассказ действительно затрагивает самые глубокие струны национального сознания. В. Чисталев создал образ, открывающий окно в глубины зырянского духа, в почти бессознательные основы народной жизнестойкости. Образ Трипан Вася превратился в архетип, и каждый коми человек переживает его судьбу как часть своей национальной биографии.

В целом в новеллистике 1920-х гг. отразилось многообразие эстетических поисков коми писателей, направленных на исследование реального мироощущения человека в переломную эпоху в его социальных, бытовых, бытийных проявлениях, которое определило богатство типологических разновидностей коми рассказа от конкретно-реалистического и юмористического до лирико-поэтического и философского. Произведения малого прозаического жанра этого времени не только высшее выражение духа своей эпохи, но и фундамент всей последующей литературы, непрерывная связь с ними обеспечивает устойчивость национальной духовной традиции.

Список литературы

1. Ытва дырйи. Коми висьт 20–30-ёд воясё. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. 248 с.
2. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильчева, П. Н. Федосеева и др. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 836 с. 366 с.
3. Нёбдіна Виттор (В. Савин). Мусюр сайын (За лесным холмом. Рассказы, очерки, статьи). Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985.
4. Сажин И. Се сикас. Вистъяс (Всякая всячина. Рассказы). Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. 61 с.
5. Литературный критик. 1938. № 3.
6. Яроцинский С. Дебюсси, импрессионизм и символизм. М.: Прогресс, 1978. 232 с.
7. Чисталев В. Т. Менам гора тулыс (Моя звонкая весна). Стихи и проза. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. 256 с.
8. Юнг К. Г. Феномен духа в искусстве и науке. М.: Ренессанс, 1992. 313 с.

Лисовская Г. К., научный сотрудник.

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, ГСП-2, Россия, 167982.

E-mail: olgazijav@mail.ru

Материал поступил в редакцию 13.01.2012.

G. K. Lisovskaya

THE TYPOLOGY OF THE KOMI STORY 20-IES OF THE 20TH CENTURY

The typology Komi story of the 20-ies of the 20th century is investigated. The basic types of the story of this period are the realistic, ironic, comic, lyrical story, miniature, and philosophical story.

Key words: *The story of realistic, ironic-comic, lyrical story – miniature, philosophical story.*

Institute of Language, Literature and History Komi Sciences of the Russian Academy.

Ul. Kommunisticheskaya, 26, Syktyvkar, Russia, 167982.

E-mail: olgazijav@mail.ru

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47).027

Т. Ю. Фомина

ЕПИСКОПСКАЯ ВЛАСТЬ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Рассматриваются дискуссионные аспекты возникновения епископской власти на территории Руси. Анализируются важнейшие проблемы времени появления русских епископий и списки епископов изучаемого периода. В исследовании значительное внимание уделено вопросам подбора кадров на архиерейские должности.

Ключевые слова: *домонгольская Русь, христианство, православие, архиерей, епископ.*

В жизни современного российского общества русская православная церковь приобретает все большее значение. Научное сообщество уже давно осознало неотъемлемость истории русской церкви от истории российской государственности. В связи с этим изучение процессов формирования системы церковного управления, эволюция развития религиозных институтов является одним из актуальных направлений научных исследований.

В отечественной историографии изучение различных аспектов архиерейской власти в домонгольский период представлено широким кругом научных трудов. В дооктябрьский период наиболее значимые результаты в изучение данной темы были достигнуты выдающимися представителями церковной историографии Е. Е. Голубинским [1], митрополитом Макарием (Булгаковым) [2, 3]. В числе актуальных направлений исследования советской науки было формирование церковной структуры в Древней Руси, влияние церкви на общественно-политические процессы [4, 5]. Значительный вклад в изучение проблемы сделан А. В. Назаренко [6]. Вопросы происхождения архиерейской власти, ее статуса в домонгольской Руси подняты в работах М. С. Корзун [7], А. Ф. Литвиной, Ф. Б. Успенского [8], особую научную ценность представляют фундаментальные исследования П. И. Гайдено [9].

Несмотря на значительное число научных трудов, происхождение и пополнение древнерусской церковной иерархии рассматриваемого периода по-прежнему остаются в сфере пристального внимания исследователей. В рамках одной статьи рассмотрение такой многогранной проблемы не представляется возможным. Поэтому работа ограничена лишь ее постановкой и обозначением основных направлений изучения.

Сложность рассмотрения истории церкви домонгольского периода заключается в том, что Русь находилась в сфере интересов византийской, болгарской и латинской церковной иерархии. Поэтому вопрос о появлении епископской власти на терри-

тории киевского государства заслуживает особого внимания. Первым достоверным известием о появлении епископов в пределах Киевской Руси можно считать сведения о епископе Адальберте [10, с. 303–304]. Этот латинский иерарх выполнял посольскую миссию от имени германского императора Оттона I, поставившего под свой контроль папский престол [11, с. 67–68; 12, с. 87]. Несмотря на это, Оттон, а следовательно, и его посол епископ Адальберт не обладали правом открытия новых епархий. Как верно отметил П. И. Гайдено: «Деятельность этого латинского епископа оказалась неудачной и не оставила после себя каких-либо заметных следов канонической жизни на самой Руси» [13, с. 107]. Б. Я. Рамм оценил результаты деятельности Адальберта как «провал» [14, с. 36]. Однако немецкие латиноязычные источники свидетельствуют о существовании в этот период русской епископии, находящейся под крылом Магдебургского архиепископа [15, с. 101–205; 16, с. 349–357; 17, с. 311–338]. Кроме того, можно предполагать, что на протяжении всего X – первой половины XI в. между западноевропейскими церковными центрами и Киевом поддерживались самые тесные отношения [18, с. 134–136]. Несколько иначе обстоит дело с латинской миссией Бруно-Бонифация Кверфутского времен Ярополка Святославича (1008 г.), целью которой было «крещение короля Руси и его народа» [19, с. 311–312], но на территории древнерусского государства епископия, входящая в сферу влияния папы Римского, вероятно, так и не была создана.

В целом до 1037 г. статус русской церкви трудно поддается определению, позднее, во второй половине XI в., на Руси помимо киевской одновременно существовало еще две митрополии (в Чернигове и Переяславле). Русская церковная организация в этот период характеризуется сложностью административного устройства. В числе дискуссионных остается вопрос о времени зарождения и количестве существовавших русских епископий. Ле-

тописная традиция относит время их появления к 992 г. Когда были поставлены в Чернигов епископ Неофит, в Ростов – Феодор, во Владимир – Стефан, в Белгород – Никита «и по иным многим градом епископы постави» [20, с. 30]. Подобная картина единовременного поставления архиереев повторится при митрополитах русинах Илларионе (1051 г.) и Клименте (1147 г.). Однако систематического рассмотрения деятельности русских епископов в летописных источниках не прослеживается, исключение составляет лишь новгородское летописание. Полнота известий зависит от степени подробности и достоверности сведений, сохранившихся в местных летописях.

Значительный интерес представляет перечень русских епархий в составе списка митрополий Константинопольского патриархата, изготовленного в патриаршей канцелярии в последние годы правления императора Мануила I Комнина (1143–1180) [6, с. 185]: «[Митрополии] Великой Росии [подчиняются епископии]: 1. Белгородская, 2. Новгородская, 3. Черниговская, 4. Полоцкая, 5. Владимирская, 6. Переяславская, 7. Суздальская, 8. Туровская, 9. Каневская, 10. Смоленская, 11. Галицкая» [6, с. 186]. Согласно византийской традиции последовательность перечисления епископий должна совпадать с хронологической последовательностью их появления, но в отношении достоверности сведений этого перечня у исследователей нет единого мнения [6, с. 172–206].

Церковная историография достаточно уверенно разрешает данный вопрос. Так, в трудах Амвросия Орнатского [21] и митрополита Мануила (Лемешевского) [22–24] первой по времени создания называется Владимирская епархия на Волини (988 г.). Возникновение Новгородской [21, с. 67; 22, с. 535], Черниговской [23, с. 358], Белгородской [21, с. 222; 23, с. 370] и Ростовской [21, с. 114; 24, с. 92] епископий относят к 992 г. Первый Туровский епископ Фома упоминается под 1005 г. [24, с. 457], в 1054 г. – Переяславский святитель Николай, в 1068 г. – Николай святитель Тмутараканский. При перенесении мощей Бориса и Глеба в 1072 г. впервые упоминаются епископы Михаил Порожский [21, с. 224], Иоанн Хелмский [21, с. 227], Михаил Юрьевский [21, с. 223]. Рязанская епископия, по мнению церковных исследователей, была учреждена в 1198 г. В начале XII в. были основаны Полоцкая (1105 г.) [21, с. 228; 23, с. 308–309], Владимирская (1213–1214 гг.) [24, с. 314], Перемышльская (1219–1220 гг.), затем Смоленская (1128 г.) [21, с. 160; 22, с. 486] епископии. К первой половине XII в. относится основание Галицкой кафедры [22, с. 337].

Подобные расхождения в сведениях источников и историографии связаны с тем, что на Руси так и

не появилась традиция ведения епископских листов [25, с. 128], характерных для Рима и Византии. Необходимая в этих случаях попытка доказать причастность апостольской власти к созданию кафедр не получила распространения в древнерусской традиции. Исключение составляет лишь Киевское княжество, где родилась легенда о путешествии апостола Андрея и его пророческих словах в отношении древней столицы. Отсутствие на Руси епископских листов объясняется целым комплексом причин. Во-первых, не совпадает время существования Киевской Руси и жизнедеятельности апостолов, во-вторых, длительное время отсутствует письменная традиция, в-третьих, относительно поздний период принятия христианства. И, как следствие, неустойчивость церковной организации, характеризующейся частой сменой митрополитов, существованием нескольких митрополий сразу, длительные периоды отсутствия на кафедрах архиереев, вмешательство в дела церкви светских иерархов, рецидивы проявления автокефальности в отношении к Константинопольскому патриарху.

Проблемы отечественной историографии по данному вопросу также связаны с параллельным существованием церковной и светской научных традиций. Церковными исследователями, как правило, ставится цель систематического воссоздания целостной церковной истории, поэтому результаты исследования нередко противоречат данным исторических источников, в то время как историография советского периода отличается тенденциозным подходом, связанным с предвзятым отношением к церковной организации в целом. Современная историография свободна от идеологических штампов, но порой оказывается под влиянием церковных исследований.

К сожалению, источники домонгольского периода также не обладают исчерпывающей информацией о деятельности русских архиереев. На сегодняшний день не представляется возможным реконструировать список русских епископов этого периода. Данные, представленные в работах П. Строева [26], а также упоминаемых выше Амвросия Орнатского [21] и митрополита Мануила (Лемешевского) [22–24], далеки от полноты. Наиболее полно список домонгольских архиереев представлен для Великого Новгорода. Это объясняется и степенью сохранности источниковой базы и политическим статусом данного княжества в Киевском государстве. В остальных епархиях списки архиереев имеют значительные лакуны. Из порядка 140 епископов домонгольского периода, имена которых дошли до наших дней, более половины лишь упоминаются в источниках.

В подавляющем большинстве случаев не сохранились сведения о социальном происхождении,

времени поставления, деятельности архиереев и т. п. Значительная часть епископов лишь упоминается в качестве участников общецерковных событий – перенесения мощей Бориса и Глеба (1072 г. и 1115 г.), поставления митрополитов Иллариона (1051 г.) и Климента (1147 г.), известий, связанных с Печерской обителью, – освящением храма Пресвятой Богородицы (1089 г.), перенесением мощей преподобного Феодосия (1091 г.). Один из юрьевских епископов, упоминаемый под 1183 г., и вовсе остался безымянным [24, с. 472]. Сведений о русских епископах немного, наберется не более полутора десятков архиереев, деятельность которых освещена относительно подробно. Наиболее полно сохранились известия о новгородских епископах Луке Жидяте, Никите, Нифонте, Иоанне, Мартирии [27, с. 64–65], из владимири-волинских иерархов – Стефане II, из переяславских – о Ефреме, о ростовских святителях – Леонтии, Исаяе, Феодоре II (Феодорце), о черниговских архиереях – Феокисте и Онуфрии, о Кирилле и Лаврентии Туровских. Обобщая сведения об архиереях русских княжеств, к сожалению, не представляется возможным определить критерии периодизации и закономерности развития структуры духовного управления на всю территорию домонгольской Руси, так как в различных княжествах оно имело свою специфику и индивидуальные хронологические рамки.

Говоря о подборе кадров на епископские должности, необходимо отметить, что на начальном этапе становления русских епископий во Владимире Волинском, Великом Новгороде, Чернигове, Белгороде и Ростове архиерейские должности занимают прежде всего лица греческого происхождения, хотя есть сведения о кандидатах армянах, сирийцах [22–24]. Вероятно, в большинстве случаев определение «грек» не имеет точного значения и не указывает на национальность святителя, а скорее «обозначает» византийского ставленника в условиях, когда сведения о жизни архиереев весьма обрывочны и порой недостоверны. С утверждением на митрополичьем престоле в середине XI в. русина Иллариона, а позднее Ефрема на епископские должности возводятся кандидаты из русского духовенства. Важно отметить, что кандидаты на епископские должности в изучаемый период верстались главным образом из монашеской среды, причем значительная часть из них была воспитанниками Киево-Печерской обители. Из печерских игуменов в епископский сан были возведены Владимиро-Волинские святители Стефан II и Симеон, печерским затворником был Лаврентий Туровский, монахами печерского монастыря – Феокист Черниговский, Исаяе, Ефрем I и Пахомий Ростовские, Николай I Переяславский, Марин (Карион) Юрьевский, Стефан, Феодор, Иоанн Попьян, Нифонт

Новгородские, Мина Полоцкий. Однако в первой трети XII в. Переяславскую кафедру, например, уже занимают в прошлом игумены Михайловского Выдубицкого монастыря в Киеве Лазарь и Сильвестр [23, с. 236, 589–590].

Другую категорию первоиерархов составляют подвижники, прославившиеся духовными подвигами, ставшие основателями монашеских обителей, например воспитанник Борисоглебского монастыря Кирилл Туровский, из игуменов Киевского Спасского монастыря на Берестове вышли Лука Ростовский и Герман Новгородский, Макарий Переяславский был прежде игуменом монастыря св. Иоанна, Пахомий Ростовский из настоятелей Высокопетровского монастыря в Москве, Аркадий Новгородский – основатель Успенского монастыря в Новгороде, Мартирий Новгородский – Старорусского Преображенского монастыря, Мина Полоцкий вышел из стен Киевского Зверинецкого мужского монастыря во имя архистратига Михаила. Таким образом, монашество на Руси в соответствии с христианской традицией рассматривалось в качестве необходимой ступени к посвящению в духовный сан. Сохранились сведения о верстании кадров из приходского духовенства. Так, до игуменства в Выдубицком монастыре Лазарь Переяславский был настоятелем Борисоглебского храма в Вышгороде. Новгородские владыки Иоанн Попьян, Иоанн (Илья) и Григорий также вышли из приходского духовенства. Но и в этом случае вхождение в архиерейскую должность произошло после принятия монашеского чина.

На протяжении первых полутора столетий подбор кандидатур на архиерейские должности производили киевские митрополиты, часто при активном участии политической власти, наиболее яркие примеры – княжения Ярослава Владимировича, Изяслава Мстиславича. Однако со второй половины XII в. появляются известия об избрании епископов из среды местного духовенства. Таким образом заняли архиерейские должности Кирилл Туровский, новгородские владыки Иоанн (Илья), Гавриил, Аркадий. Вероятно, эти процессы связаны с ослаблением влияния киевской митрополии, отражают стремление удельных княжеств к политическому обособлению от Киева, укрепление позиций местной княжеской или боярской верхушки, возрастание политической роли и социального статуса местного духовенства. В источниках деятельность этих архиереев представлена во всей полноте, как правило, это основание и освящение монастырских обителей и храмов, создание нравственных назиданий князьям, пастве либо духовенству, отстаивание политических интересов своих княжеств. Это было бы невозможно без поддержки, в том числе и финансовой, со стороны княжеской власти и (или) местной боярской знати.

Анализируя социальное происхождение епископов домонгольского периода, следует отметить, что значительная их часть была знатного происхождения (Лука Жидята, Кирилл Туровский, Иоанн (Илья) и Гавриил Новгородские, Стефан II Владимиро-Волынский и др.), как правило, это представители боярской среды. Значительный интерес представляет фигура Ефрема Переяславского, который, согласно житию, до принятия монашества в Печерском монастыре был казначеем и управлял хозяйством при дворе князя Изяслава Ярославича [22, с. 445]. Следовательно, можно говорить о том, что на протяжении домонгольского периода происходит процесс консолидации правящего сословия, объединяющего политическую,

экономическую и духовную элиту русского общества.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что время, обстоятельства создания и количество русских епископий домонгольского периода остаются в качестве дискуссионных вопросов в связи с легендарным характером известий, неупорядоченностью церковной жизни того времени, ограниченностью сведений отечественных исторических источников. Безусловно, данная проблема требует дальнейшего обстоятельного изучения на основе достижений российской церковной и светской историографии. Возможно, новым этапом исследования проблемы станет привлечение к работе материалов зарубежных исторических источников и историографии.

Список литературы

1. Голубинский Е. Е. История Русской церкви: Том 1. Период первый, Киевский, или домонгольский. Ч. 1. М., 1901. 968 с.
2. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: история христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской Церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. Кн. 1. 408 с.
3. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: История Русской Церкви в период совершенной зависимости ее от Константинопольского патриархата (988–1240). М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. Кн. 2. 704 с.
4. Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 2004. 672 с.
5. Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988. 334 с.
6. Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне. М., 2009. 528 с.
7. Корзун М. С. Русская Православная Церковь: деятельность и мировоззрение (X в. – 1988 г.): дис. ... д-ра истор. наук. Минск, 1993. 50 с.
8. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Траектория традиций: главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века. М., 2010. 208 с.
9. Гайдено П. И. Место Киевского митрополита в системе политических отношений Древней Руси (988–1037): дис. ... канд. истор. наук. Казань, 2005. 239 с.
10. Бибииков М. Б., Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н. и др. Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е. А. Мельниковой. М., 2003. 608 с.
11. Назаренко А. В. Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 г. М., 1994. С. 67–68.
12. Вонсович Л. В. Христианская церковь в системе управления средневековой Германии (X–XI вв.) // Проблемы истории христианства: сборник научных статей. Минск, 2001. С. 85–88.
13. Гайдено П. И. Становление высшего церковного управления в Киевской Руси: дис. ... д-ра истор. наук. Екатеринбург, 2012. 438 с.
14. Рамм Б. Я. Папство и Русь в X–XV веках. М.; Л., 1959. 284 с.
15. Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: тексты, переводы, комментарий. М., 1993. 240 с.
16. Латиноязычные источники по истории Древней Руси. М.; Л., 1990. 398 с.
17. Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. 784 с.
18. Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2. Кн. 1. 1056 с.
19. Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. А. Мельниковой. М.: Логос, 2000. С. 311–312.
20. Никоновская летопись // Гайдено П. И., Фомина Т. Ю. История русской церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси. М., 2009. 225 с.
21. Амвросий (Орнатский). История российской иерархии. Ч. 1. М., 1807. 677 с.
22. Мануил (Лемешевский). Русские православные иерархи 992–1892. М.: Издание Сретенского монастыря, 2002. Т. 1. 543 с.
23. Мануил (Лемешевский). Русские православные иерархи 992–1892. М.: Издание Сретенского монастыря, 2002. Т. 2. 606 с.
24. Мануил (Лемешевский). Русские православные иерархи 992–1892. М.: Издание Сретенского монастыря, 2002. Т. 3. 486 с.
25. Гидулянов П. Митрополиты в первые три века христианства // Ученые записки имп. Московского университета юридического факультета. М., 1905. Вып. 25. 377 с.
26. Строев П. Список иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. 1055 с.
27. Фомина Т. Ю. «Летописец Новгородский вкратце, церквам Божиим» как источник церковной истории Великого Новгорода X–XII веков // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 11. С. 61–68.

Фомина Т. Ю., кандидат исторических наук, доцент кафедры.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов.

Ул. Низаметдинова, 28, Набережные Челны, Россия, 423812.

E-mail: stal73@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 09.11.2012.

T. Y. Fomina

AUTHORITY OF BISHOPS IN PRE-MONGOLIA RUSSIA: THE PROBLEM

The article deals with the discussion of the origin of power of the bishop power in Russia. It analyses the debate on the recent Russian bishoprics and the list of bishops of the period. The study examines the issue of recruitment for the posts of bishops.

Key words: *Russia of the 10th – early 13th centuries, christianity, orthodoxy, archbishop, bishop.*

Naberezhnye Chelny Institute of Social and Educational Technology and Resources.

Ul. Nizametdinova, 28, Naberezhnye Chelny, Russia, 423812.

E-mail: stal73@yandex.ru

ПОТОМОК ПОЛЬСКОГО ШЛЯХТИЧА СИБИРСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ИЕРАРХ ИОАННИКИЙ (ПАВЛУЦКИЙ). 1699–1763 ГОДЫ

Автор статьи представляет свой вариант биографии Иоанникия (Павлуцкого) в контексте истории Русской православной церкви в Сибири в XVIII в., анализирует историографию, вводит в научный оборот новые исторические источники.

Ключевые слова: *Иоанникий (Павлуцкий), история Русской православной церкви, история Сибири XVIII в., Тобольский архиерейский дом, Киево-Могилянская академия, историография, источниковедение.*

Существует мнение о том, что польская диаспора формируется в Сибири с конца XVIII в., но представители польской шляхты попадали в эти суровые края и раньше. Примером тому может служить судьба потомка польского шляхтича сибирского православного иерарха Иоанникия (Павлуцкого).

Вклад поляков в развитие разных сфер жизни Сибири велик. Но влияние польской культуры посредством европейской цивилизации раннего Нового и Нового времени проявлялось и сказывалось не только непосредственно через представителей польской национальности, но и очень своеобразно. Занимаясь исследованием деятельности выпускников Киево-Могилянской академии, архиереев Русской православной церкви в Сибири, автор данной статьи узнала о судьбе Иоанникия (Павлуцкого), которому довелось служить при нескольких митрополитах-малороссах: Антонии (Стаховском), Арсении (Мацевиче), Антонии (Нарожницком), Сильвестре (Гловатском), Павле (Конюскевиче). Вклад иерархов-могилянцев в православное просвещение Сибири столь высок, что многие из преосвященных причислены к лику святых Русской православной церковью. Формирование личности Иоанникия, его представлений о том, каким должен быть православный монах и церковный деятель, происходило под их влиянием и руководством.

Сами же могилянцы были воспитаны в ценностях западно-русского общества (украинско-белорусские территории) Речи Посполитой. Перипетии военной, политической, социально-экономической истории вынудили их служить Российской империи, в меру своих представлений о православии распространять его на огромной территории – от Урала до Тихого океана. В церковной и светской гуманитарной литературе ведутся споры о роли их деятельности в истории Русской православной церкви, ее взаимоотношений с государственной властью и российским обществом, особенно в первой половине XVIII в.

Поэтому особенно интересно исследовать жизнь сибирского потомка польского шляхтича,

ученика и сослуживца преосвященных из могилянцев, ставшего епископом Русской православной церкви одной из епархий в европейской части империи (епископ Воронежский в 1761–1763 гг.).

К. В. Харлампович в монографии «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь», описывая положение дел в Тобольской епархии при владыках-малороссах, упоминает Иоанникия (Павлуцкого). По его мнению, Иоанникий был тобольским уроженцем, но происходил из польского рода. Его предок попал в Россию в начале XVII в. и был отправлен на службу в Сибирь. При этом К. В. Харлампович ссылался на статью сибирского церковного историка А. И. Сулоцкого «Архиереи из сибирских уроженцев, между прочим Иоанникий Павлуцкий, епископ Воронежский» [1, с. 549].

А. И. Сулоцкий, по-видимому, одним из первых обратился к описанию биографии Иоанникия (Павлуцкого). В истории Русской православной церкви Иоанникий известен как епископ Воронежский и Елецкий. Воронежская епархия была последним местом его служения. В 60-х гг. XVIII в., по замечанию А. И. Сулоцкого, «...по всей России на архипастырских кафедрах восседали преимущественно уже получившие образование или в Киевской, или Московской Славяно-греко-латинской академиях» [2, с. 440], поэтому назначение Иоанникия, не обучавшегося в академии, епископом было признанием его выдающихся заслуг.

Иоанникий (Павлуцкий) родился в 1699 г. в Тобольске. При крещении наречен Иоанном. Известно, что отцом его был дворянин Степан Павлуцкий. Скорее всего, в детстве получил домашнее образование. В 1715 г. тайно оставил родительский дом, приплыл на дощанике, самом распространенном в то время грузовом судне на западносибирских реках, в Кондинский монастырь, «отстоявший» на север от Тобольска на 800 верст [3, с. 3]. В 1719 г. с именем Иоанникия принял пострижение от игумена схимонаха Иоанна [2, с. 439; 4, л. 3]. В 1723 г. был вызван в Тобольск, посвящен митрополитом Антонием (Стаховским) в иеродиакон и оставлен при архиерейском доме. Сверх

того он получил должность казначея архиерейского дома. Но его значение и деятельность не ограничивались только этим: по отзыву митрополита Антония (Стаховского), Павлуцкий был для него всем – «и казначей, и архиерей, и судья, и господарь» [1, с. 549].

В коллекции редких книг Научной библиотеки Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника хранятся две Минее с записями, сделанными Иоанникием. По наблюдению А. И. Сулоцкого: «...он писал крупным, четким, красивым почерком и правильно в отношении грамматическом...» [2, с. 439]. Запись в Минее январской на л. 2–38 частично утрачена при переплете: «...книжечныя... по благословию великого господина преосвященнаго Антония Тобольскаго и Сибирскаго в Тобольской Успенской собор в прием ризничному диакону Павлу Димитриеву с роспискою 1731-го году февраля 9 дня... вовеки. Подписал дому архиерейскаго казначея иеродиякон Иоанникий Павлуцкий» (инв. № КН 13238/24, Алексеев, 1993, № 22) [5; 6, с. 44].

В Минее мартовской на л. 1–25 запись сохранилась полнее: «...месяц Март купленная в Москве... капитаном Павлуцким за посланные с ним книжечные денги, которыя взяты у туруханских монахов за подержанные казенные книги месячных Миней и Октай. И отдана книга сия по благословию великаго господина преосвященнаго митрополита Антония Тобольскаго и Сибирскаго в Тобольской Успенский собор, в прием ризничному диакону Павлу Димитриеву с роспискою 1731 года февраля 9 дня. И быть ей неотъемлемой от тоя святыя церкви во веки. Подписал дому архиерейского казначея иеродиякон Иоанникий Павлуцкий» (инв. № КН 13238/23, Алексеев, 1993, № 23) [6, с. 45; 7].

Столь же лестный отзыв о нем дали и новый митрополит Арсений (Мацеевич), и секретарь синодальной канцелярии Н. Словцов.

Уезжая на время в Петербург, Арсений (Мацеевич) взял Павлуцкого с собой и потом, назначенный в Ростов, определил его к тамошнему архиерейскому дому [1, с. 549].

Хотели сделать Иоанникия казначеем синодального дома, но вспомнили жалобы митрополита Антония на недостаток у него монахов и на большую нужду в правителе и отпустили Павлуцкого в Тобольск.

В 1744 г. при митрополите Антонии (Нарожницком) Иоанникий продолжал служить казначеем архиерейского дома, а также членом Тобольской духовной консистории. В 1750 г. митрополит Сильвестр (Гловатский) за многолетние труды иеромонаха Иоанникия в должности казначея архиерейского дома и «консисториста» подал в Священный синод представление о посвящении, а потом с со-

гласия Синода посвятил его в архимандриты Енисейского Спасского мужского монастыря и в «закащики» Енисейского округа [2, с. 144].

В коллекции изданий кирилловской печати XVIII в. Государственной универсальной научной библиотеки (ГУНБ) Красноярского края хранятся книги с записями, в которых упоминается архимандрит. В трех книгах даты записи совпадают. В Минее майской по нижнему полю л. 1–8: «Сия книга Миния месяц май куплена в Енисейской Спасской монастырь при бытности архимандрита Иоанникия Павлуцкаго 1753 году августа 8 дня» (инв. № 674330, Шиндина, 1998, № 33) [8; 9, с. 67].

В Минее июльской по нижнему полю л. 1–8 запись: «Сия книга Миния Месяц июлий куплена в Енисейской Спасской монастырь при бытности архимандрита Иоанникия Павлуцкаго 1753 году августа 8 дня» (инв. № 674282, Шиндина, 1988, № 34) [9, с. 68; 10].

В Апостоле запись по нижнему полю л. 1–7: «Сия книга Апостол куплена в Енисейской спаской монастырь при бытности Иоанникия Павлуцкаго 1753 года августа 8 дня» (инв. № 674298, Шиндина, 1988, № 36) [9, с. 71; 11].

В четырех книгах записи сделаны с марта по декабрь 1754 г. В Евангелии учительном по нижнему полю л. 1–6 запись: «Сия книга... воскресное евангелие Енисейского Спасского монастыря казенное купленное в Тобольску при консистории архиерейской при бытности архимандрита Иоанникия Павлуцкаго 1754 года марта 6 дня» (инв. № 150786, Шиндина, 1988, № 30) [9, с. 61; 12].

В экземпляре сочинения Стефана (Яворского) «Камень веры» запись по нижнему полю л. [1] нн. – с. 25: «Сия книга Енисейскаго Спасского монастыря купленная в Енисейску за монастырския казенныя денги при бытности того монастыря настоятеля архимандрита Иоанникия Павлуцкаго 1754 году августа 5 дня» (инв. № 151124, Шиндина, 1988, № 31) [9, с. 63; 13].

В экземпляре сочинения Димитрия (Ростовского) «Розыск о брынской вере» по нижнему полю л. 1 перв. сч. – 4 втор. сч. запись: «Розыск Енисейскаго Спасского монастыря казенная купленная в Енисейску за казенныя денги при бытности архимандрита Иоанникия Павлуцкаго. Подписана 1754 года августа 18 дня» (инв. № 674336, Шиндина, 1988, № 25) [9, с. 53; 14].

В Библии по нижнему полю л. 2–17 перв. сч. запись: «Сия книга Библия Енисейскаго Спасского монастыря казенная купленная в Тобольску в консистории архиерейской при бытности архимандрита Иоанникия Павлуцкаго» (инв. № 151127, Шиндина, 1988, № 37) [9, с. 74; 15].

Во всех записях присутствует формулировка: «...при бытности архимандрита Иоанникия Пав-

луцкого...» Годы, проведенные Иоанникием в Енисейском Спасском монастыре, довольно скупо описаны в различных вариантах его биографии. Приведенные записи в книгах и сами книги являются немногочисленными свидетельствами, позволяющими воссоздать образ архиерея и обстановку, в которой он жил, более реалистично.

В Государственном архиве Красноярского края среди документов, датированных 1753–1754 гг., сохранившихся в фонде Енисейского Спасского мужского монастыря, автором статьи найден реестр книг, отправленных в монастырь, «...с показанием указной цены и провозных поразчислений денег» [16, л. 142]. В описи числились Минеи месячные, Апостол, Евангелие воскресное. Из текста документа следует, что эти издания были куплены в Москве, а Библия – в Петербурге. Затем книги были привезены в Тобольск и далее в Енисейск, в монастырь.

Сопоставление текстов записей в книгах с найденным реестром позволяет предположить, что именно эти книги хранятся в коллекции кириллических изданий XVIII в. ГУНБ Красноярского края.

В реестре указано, что Библия куплена за 5 рублей. Речь в документе идет о так называемой Елизаветинской Библии (НИО МК РГБ инв. № 6141, РГАДА БМСТ 152/164, Гусева, 2010, № 105) [17; 18; 19, с. 42]. Первые 600 экземпляров вышли в 1751 г. Пять рублей стоил вариант Библии в тетрадях. Издание книги стало итогом многолетней работы по «исправлению Славянской Библии» «...под смотрением митрополита Стефана (Яворского) архимандритом Феофилактом (Лопатинским)». Непосредственно сличением старопечатной Библии с исправленной занимались архимандрит Иларион (Григорович), учитель богословия Киевской академии иеромонах Варлаам (Лящевский) и учитель философии той же академии иеромонах Гедеон (Сломинский) [19, с. 43]. Исправлением Библии занимались все те же выученики Киево-Могилянской академии.

Через два года вышел указ Сената от 27 февраля 1753 г. о порядке продажи вновь напечатанной исправленной Библии «...понеже начавшаяся исправлением при жизни Его Императорского Величества, Вседержавнейшего государя родителя императора Петра Великого, Библия, ныне, с помощью Божиею, совсем уже окончана и напечатана, которую по указу Его Императорского Величества продавать велено без переплету по 5 рублей. И чтоб всяк, ведая о том, более того никто не платил, дабы чрез то, как то прежде было, перекупщикам пресечь путь к повышению цены, ибо оных книг как ныне печатается, так и впредь печататься будет довольно число, по сему всякой, кто пожелает, за вышеозначенную цену достать ее может.

О чем сим Ея Императорского Величества указом из Правительствующего Сената, для народного известия публикуется» [20, с. 610; 21, с. 467].

Именно такой вариант Библии в тетрадях был куплен для Енисейского Спасского мужского монастыря и сохранился с записью, в которой упомянут архимандрит Иоанникий (Павлуцкий): «Да за Библию в тетрадях указных 5 провозных от Санкт-Петербурга до Тобольска и переплетных пять рублей и того десять рублей» [16, л. 142].

В Енисейском Спасском мужском монастыре Иоанникий оставался, судя по датам в документах, до конца 1754 г. В 1731 г. предшественник Иоанникия, архимандрит Дмитрий (Смеловский), выпускник Киево-Могилянской академии, начал строительство первого каменного храма в Енисейске на месте старой деревянной Спасской церкви. Строительство главного сооружения монастыря продолжалось до 1756 г. Собор сохранился до наших дней и является памятником архитектуры федерального значения [22, с. 114].

12 сентября 1754 г. Синод определил спасского архимандрита членом Уложенной комиссии, призванной разработать новый общероссийский свод законов. Однако, поскольку быстро прибыть из Енисейска было невозможно, Иоанникий был заменен другим лицом.

В середине 1750-х гг. Иоанникия вызвали в Москву «для присутствования» в Канцелярии синодального экономического правления. Канцелярия ведала церковными вотчинами, выполняя функции упраздненной в 1744 г. Коллегии экономии. В 1757 г. Иоанникий упоминается в качестве «первоприсутствующего» в этом ведомстве. По одним данным, в 1756 г. [23, с. 563], по другим – указом от 17 апреля 1758 г. он был определен архимандритом Звенигородского Московской епархии Саввино-Сторожевского монастыря [1, с. 561] и одновременно членом Московской синодальной канцелярии. 4 ноября 1761 г. Иоанникий «всемилоостивейше пожалован» епископом Воронежским, хиротонисан 6 декабря в Санкт-Петербурге.

17 марта 1762 г. Иоанникий прибыл в Воронеж. Управлял епархией он всего около десяти месяцев. Для того чтобы уменьшить злоупотребления и ускорить решение дел, изменил структуру духовной консистории. При нем было завершено строительство нового консисторского корпуса, начатое епископом Кириллом (Ляшевцевым) в 1758 г.

Сохранились листы из приходно-расходных книг Воронежского архиерейского дома 1762–1763 гг., которые были составлены при епископе Иоанникии [24, л. 8]. Записи в книгах позволяют судить о численности штата архиерейского дома, соборной Благовещенской церкви, имуществе и доходах архиерейского дома.

В церковной и светской исторической литературе еще при жизни А. И. Сулоцкого сформировалось мнение о том, что Иоанникий (Павлуцкий) «имел некоторую ненависть к латинскому языкоучению и наукам». Он распустил духовную семинарию, закрыл высшие латинские классы, оставил только низшие русские. Студентов распустил по домам, часть «употребил в домовую черную работу» при архиерейском доме, иных заставил обучаться «славянской грамоте». Якобы система обучения, существовавшая в семинарии при его предшественнике Кирилле (Ляшевецком), выпускнике Киево-Могилянской академии, была несовместима с его системой взглядов на православное образование, которое не может использовать латинский язык в качестве основного языка обучения.

Во-первых, нет достаточного количества источников, которые позволяли бы составить полное представление о системе взглядов Иоанникия (Павлуцкого) по этому поводу. Во-вторых, этот поступок обусловлен был, скорее, более прозаическими причинами. Стоит вспомнить рассуждения по этому поводу А. И. Сулоцкого: «В другое время это всякому можно было поставить не в честь,

только не в шестидесятых годах прошедшего столетия. Семинарии тогда жалованья от казны не получали, учеников, учителей и самые здания семинарские нужно было содержать с архиерейских, с Петра I уже весьма ограниченных, доходов и на некоторые сборы с монастырских и церковных земель, впрочем, почти никогда в исправности не поступавшие к епархиальному начальству; способные учащие тогда были редки, и иногда и никаких нельзя было найти. К тому же и управлять семинариями в то время архиереи должны были непосредственно сами» [2, с. 445].

Епископ Иоанникий скончался в ночь с 1 на 2 января 1763 г. и был погребен в Благовещенском соборе. Чин погребения совершал епископ Белгородский Иоасаф (Миткевич), также выпускник Киево-Могилянской академии.

Таким образом, потомок польского шляхтича Иоанникий (Павлуцкий), ставший монахом Русской православной церкви, служивший при архиереях-выпускниках Киево-Могилянской академии, вместе с ними способствовал распространению просвещения и православной культуры и в Сибири [25], и в европейской части Российской империи.

Список литературы

1. Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань: Изд. кн. маг. М. А. Голубева, 1914. Т. 1.
2. Сулоцкий А.И. Архиереи из сибирских уроженцев, между прочим Иоанникий Павлуцкий, епископ Воронежский // Сочинения: в 3 т. Т. 2: О сибирском духовенстве / под. ред. В. А. Чупина. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000.
3. Абрамов Н. А. Георгий (Ящуржинский), архиепископ Тобольский и Сибирский (1845–1852 г.). СПб.: Печатано в тип. духовного журн. «Странник», 1868. 31 с.
4. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГБУТО ГА в г. Тобольске). Ф. И156, оп. 1, д. 1282.
5. Миняя служебная, январь. М.: Синодальная тип., 1724.
6. Книги кирилловской печати XVII–XX веков Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника: каталог / сост. В. Н. Алексеев. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 1993. 170 с.
7. Миняя служебная, март. М.: Синодальная тип., 1724.
8. Миняя служебная, май. М. IX. 1750.
9. Книги кирилловской печати XVIII века в фондах Красноярской краевой научной библиотеки им. В. И. Ленина: описание коллекции / сост. А. Б. Шиндина. Красноярск: П/о «Сибирь», 1988. 241 с.
10. Миняя служебная, июль. М. IX. 1750.
11. Апостол. М. III, 1751.
12. Евангелие учительное воскресное. М. II. 1749.
13. Стефан (Яворский). Камень веры. 3-е изд. М. VIII, 1749.
14. Димитрий (Ростовский) (Туптало Д. С.). Розыск о брынской вере. М. IX. 1745.
15. Библия. Петербург: Синодальная тип., 18. XII. 1751.
16. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Красноярского края» (далее – КГКУ «ГАКК»). Ф. 258. Енисейский Спасский мужской монастырь. Оп. 1, д. 1.
17. Научно-исследовательский отдел Музей книги Российской государственной библиотеки (далее – НИО МК РГБ) № 6141. Библия. 1-е изд. СПб.: Типография при Синоде, 18 декабря 1751.
18. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА) Библиотека Московской Синодальной типографии (далее – БМСТ) 152/164 Библия. 1-е изд. СПб.: Типография при Синоде, 18 декабря 1751.
19. Гусева А. А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М.: Индрик, 2010. 1251 с.

20. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XIII. 1749–1753. Печатано в типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. № 9947.
21. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской империи. Т. III. 1746–1752. СПб.: Синодальная типография, 1912. № 1283.
22. Попадюк С. С. Спасский монастырь в Енисейске // Памятники архитектуры и монументального искусства XVI–XX вв. Вып. 7 / отв. ред. Е. Б. Шеболева М.: Наука, 2005. С. 114-177.
23. История Российской иерархии, собранная Новгородской семинарии ректором и богословия учителем, Антониева монастыря архимандритом Амвросием. Ч. II. [Всеобщее введение в историю монастырей грекороссийской церкви / Евгений (Болховитинов). О российских лаврах: о ставропигиальных монастырях]. В Москве при Синодальной типографии, 1810. [4], III, [1]. III CXLIX [2], 658, 5, [1] с.
24. РГАДА. Ф. 280 Коллегия экономии, оп. 6, д. 119.
25. Фефелова О. А. «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь» К. В. Харламповича и история русской православной церкви в Сибири в XVIII в. // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 11 (113). С. 69–74.

Фефелова О. А., кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: feofil@sibmail.com

Материал поступил в редакцию 11.12.2012.

O. A. Fefelova

**THE DESCENDANT OF THE POLISH GENTLEMAN IOANNIKIY (PAVLUTSKI)
THE SIBERIAN ORTHODOX BISHOP. 1699–1763**

The author of the article presents her own vision of the biography of Ioannikiy (Pavlutsk) in the context of the Russian Orthodox Church in Siberia in the 18th century. The historiography and new sources are provided.

Key words: *Ioannikiy (Pavlutski), history of the Russian Orthodox Church, history of Siberia in the 18th century, Tobol Eparch, Kiev-Mogila Academy, historiography, source studies.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: feofil@sibmail.com

Е. А. Волжанина

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕПИСИ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ ЯМАЛА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА¹

На основании анализа делопроизводственных документов и первичных переписных материалов анализируется диалог культур: кочевой ненецкой и официальной русской, – неизбежно возникающий в процессе переписи населения, и выявляются возможные пути достижения взаимопонимания между ними за счет правильной постановки вопросов и интерпретации ответов.

Ключевые слова: кочевники, Ямал, Приполярная перепись, похозяйственная перепись, традиционное хозяйство, оленеводство, охота, рыболовство.

В работах исследователей, посвященных этнической истории и этнодемографии коренных народов Севера, неоднократно обращалось внимание на искажение их этнического, социального и демографического облика в нарративных, делопроизводственных и статистических документах XVII–XXI вв., неизбежно возникавшее по причине официального происхождения данных источников, использования русских терминов, культурного и языкового барьера между переписчиками и переписываемыми [1–3]. Ученые не только выявляли подобные перекосы, но и указывали способы верификации данных. Особенно остро эта проблема стояла во время проведения всеобщих переписей населения в 20-х и 30-х гг. XX в., проходивших в районах проживания народов Севера в форме похозяйственного опроса. Наиболее известной из них является Приполярная перепись 1926–1927 гг., организованная в рамках Всесоюзной переписи 1926 г., материалы которой повторно были открыты и проанализированы в начале XXI в. на примере разных этнических групп [4, 5]. Пробная похозяйственная перепись прошла летом 1933 г. в Ненецком, Эвенкийском и Николаевском округах [6, 7]. Кроме того, регистрация промысловых и кочевых хозяйств осуществлялась в 1930-х гг. в ходе работы землеустроительных и научно-промысловых экспедиций [8, 9].

В условиях отсутствия опыта проведения масштабных переписных работ на Севере стремление научно-исследовательского и государственного аппарата к полному охвату и анализу всех сторон жизни и хозяйственной деятельности северных народов и получению достоверной информации о них способствовало активному обсуждению среди специалистов-североведов методологии сбора качественных демографических, экономических и социальных данных, отличающейся от таковой в южных районах [10, л. 1, 35–38 об., 44–46; 60–60 об.]. По мнению авторов, делопроизводствен-

ные документы, а именно инструкции к заполнению переписных бланков, служившие руководством к действию регистратора, выполнявшие роль своеобразного переводчика русской официальной культуры для населения Севера и позволявшие вести конструктивный диалог между ними, представляют существенный исследовательский интерес для изучения проблем культурного взаимодействия. Их анализ дает возможность взглянуть на составленные описания хозяйств глазами опрашиваемого человека и правильно интерпретировать их. Более того, уникальность такого рода документов состоит в том, что они характерны только для переписей рассматриваемого времени, так как к моменту проведения Всесоюзной переписи 1939 г. (1937) считалось, что культурный и языковой барьер уже преодолен и народы Севера переписывались на общих основаниях [11]. Данная работа основывается главным образом на материалах Приполярной переписи 1926–1927 гг., похозяйственной переписи Управления народохозяйственного учета РСФСР и землеустроительных экспедиций в Ямальском районе Ямальского (Ненецкого) национального округа 1934–1935 гг. Во всех случаях объектом регистрации являлось семейное хозяйство, за которое принималась отдельная семья, имеющая свой самостоятельный бюджет, сведения о которой записывались со слов ее главы [12, л. 31].

Прежде всего ответственность за качество информации ложилась на человека, непосредственно контактировавшего с переписываемыми людьми, большое значение придавалось его личной способности вызвать к себе доверие, в том числе благодаря тактичному, умелому подходу, пониманию психологии, условий быта и обычаев другого народа и соблюдению ряда установленных правил. В этом отношении «Наказ по производству в 1926–1927 гг. хозяйственной переписи в приполярных районах севера Сибирского края», утвержденный Сибирским краевым статистическим управлением от

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Кочевое население и традиционное землепользование на Ямальском Севере в первой трети XX в.»), проект № 12-31-01236.

5 мая 1926 г., можно считать универсальным. В нем отмечалась необходимость «...так обставить опрос, чтобы совершенно рассеять то недоверие и предубеждение к регистратору и производимой им переписной работе, которые весьма вероятно будут проявляться туземцем. Туземцы будут весьма склонны не давать правдивых показаний, уменьшая размер своих хозяйственных ресурсов: оленьих стад, добычи, пушнины и т. п. Надо внушить туземцу, что перепись не преследует никаких фискальных целей и ни в коей мере не связана с работою заготовительных организаций, что переписной персонал командирован в туземные районы исключительно для добычи материалов, необходимых высшей Советской власти в целях выработки мероприятий по туземному хозяйству...» [10, л. 87 об.]. Поэтому регистратору не рекомендовалось проводить опрос на факториях, находиться там длительное время, пользоваться безвозмездно или на льготных условиях их услугами и получать от них материальную помощь, запрещалось вести товарообменные операции с местным населением и снабжать их спиртом, а разрешался только наем перевозочных средств и приобретение продуктов питания [10, л. 88–88 об.]. С целью расположения к себе населения предусматривались так называемые представительские расходы на угощение (масло, сахар, сушки, хлеб, конфеты, печенье, чай) и подарки, специально включавшиеся в смету [10, л. 103, 134 об.]. Большое значение придавалось правильному подбору переводчиков среди местного населения (не обязательно из числа народов Севера, но в том числе русских и зырян), знакомых с обычаями переписываемого народа и пользовавшихся у них авторитетом, сочувствовавших делу переписи и советской власти и понимавших, как и что необходимо переводить [13, с. 108].

Отчеты и примечания переписчиков в бланках показывают, какое огромное количество времени, физических и моральных затрат вкладывалось в дело переписи. Необходимо было не только получить согласие на регистрацию со стороны опрашиваемого, на что иногда уходило несколько дней и требовалось проведение специальной разъяснительной работы с привлечением административных работников, но и поддерживать его положительное отношение к переписи на протяжении всего опроса, настойчиво и терпеливо возвращаясь повторно к пунктам программы, на которые не удалось получить ясного ответа в первый раз. Если возникали сомнения в полученной информации, она проверялась путем опроса соседей и родственников или по записям, сделанным на факториях, о сдаче пушнины, получении товаров, задолженности, количестве оленей и т. д. [10, л. 88; 12, л. 201 об.]. В первой половине 1930-х гг. к ним до-

бавились документы вновь образованных колхозов и простых производственных объединений (ППО). Дополнительный опрос в соседних и отдаленных чумах считался необходимым для раскрытия межхозяйственных отношений внутри кочевого общества в первой половине 1930-х гг. для выявления фактов батрачества, отдачи своего и найма чужого инвентаря во временное пользование, взятие и сдача на выпас оленей, совместного выполнения тех или иных работ, купли-продажи, взятия в долг и дачи в кредит оленей, пушнины, денег [12, л. 118]. Кочевники не только старались скрыть информацию, но и скрывались сами под предлогом промыслов [14, л. 81 об.; 15, л. 151 об.]. Некоторые из них разыгрывали сумасшествие [16, л. 91 об.].

И в 20-е, и в 30-е гг. XX в. отказ переписываться со стороны кочевников мотивировался как суеверным взглядом на всякого рода переписи и подсчет вообще, так и опасением, что русские будут брать их в солдаты, а детей отдавать в школу [13, с. 143]. Характер традиционных общественных связей кочевников заставлял их поступать в соответствии с мнением большинства, т. е. «...когда все инородческое нацменовское население об этом узнает и согласится, тогда согласимся и мы (переписываться. – Е. В.)...» [13, с. 128]. В этом отношении показательным является упорный отказ в 1934 г. переписываться председателя Ярсалинского национального совета Алексея Пуйко, который «...всячески уклонялся от переписи, стараясь то насмешками, то указанием на то, что он как председатель национального совета может не переписываться» [17, л. 1 об.]. Так как все это было проделано в присутствии ненцев, то, следуя его примеру, они также стали отказываться от переписи, до тех пор пока уполномоченный окружным ВКП (б) не объяснил А. Пуйко его значение для переписи как председателя национального совета. Тем не менее он остался противником переписи его братьев и отказался взести регистратора к ним в чум [17, л. 1 об.].

В первой половине 30-х гг. негативная оценка похозяйственного учета обуславливалась также непониманием населением его значения для их личных нужд, незнанием русского языка [18, л. 161 об.], нарастающим недовольством мероприятиями государства, проводившего классовую политику в тундре, опасением твердых заданий и лишения избирательных прав, контрактации или конфискации оленей и т. д. Организованные в 1934–1935 гг. на Ямале переписные и землеустроительные работы совпали с восстанием ненцев против советской власти, известным под названием «Мандалада». Весомым аргументом против переписи служило заявление ненцев о том, что «Сколько раз нас переписывали, а никакого улучшения в хозяйстве ненцев нет. В факториях русских кормят

хлебом вволю и маслом, а ненцы не видят никогда масла. Много нет порядков в факториях. ...Кулак теперь не помогает, говорит – идите к советской власти, от нее получите, а у меня советская власть все отнимает. Но и советская власть ничего не дает...» [19, л. 201 об.].

При работе в таких условиях регистратору приходилось быть очень внимательным к деталям разговора, фразам и интонациям, используемым опрашиваемым. Если демографическая часть бланка была более или менее понятной [20], то гораздо больше вопросов возникало с описанием хозяйства: число оленей и движение оленьего стада, распределение их по полу и возрасту, количество и характер хозяйственного инвентаря, получаемой, потребляемой и реализуемой продукции, покупаемого продовольствия и товаров промышленного производства. В подготовительных документах можно обнаружить патерналистский взгляд на народы Севера, возобладавший во второй половине 20-х гг. XX в., обуславливавший снисходительное отношение к их интеллектуальным способностям. В этой ситуации незнание официально принятой метрической системы мер и весов рассматривалось как «крайняя затруднительность инородца припомнить свой годовой оборот... неумение вести даже простой учет», незнание ими количества своих оленей [10, л. 36 об., 37 об.]. Считалось, что «туземец лишь с большим трудом, лишь с полным напряжением памяти и внимания может ответить на большинство вопросов, предусмотренных программой переписи» [10, л. 87], «складывать в уме разные понятия ему трудно», «ненец может мыслить и считать только конкретно» [12, л. 119].

Переписные бланки, заполненные в ходе Приполярной и похозяйственной переписи УНХУ РСФСР в Ямальском районе, отличаются друг от друга детализацией информации при наличии схожих разделов и одинаковом стремлении выявить социальное расслоение в общинах северных народов. В соответствии с опытом, полученным в 1926–1927 гг., и социально-политическими и экономическими изменениями, произошедшими в первой половине 1930-х гг., в 1934–1935 гг. требовалось получить более подробную информацию о хозяйстве кочевников, обращая внимание на изменения, произошедшие с момента начала коллективизации и организации колхозов, что отразилось на содержании инструкций к ним. Не случайно первая давала только краткие пояснения к заполнению количественных данных и практически не объясняла используемые термины [10, л. 105–107], вторая подробно останавливалась на каждом во-

просе [12, л. 118–120 об.]¹. Инструкции содержали практические советы, которые должны были помочь регистраторам получить ту или иную информацию.

Одними из сложных для выяснения являлись сведения об оленеводстве. Политика разделения кочевого общества на богатых и бедных на основании размера стада, традиционная ненецкая установка не считать собственных оленей в целях их сохранения не способствовали точному учету поголовья. Поэтому регистратору приходилось вместе с владельцем устанавливать количество оленей путем их подсчета во время загона или проводить контрольный опрос. Если в 1926 г. устанавливалось поголовье оленей на момент переписи и движение оленьего стада за предшествующий год, то в 1935 г. ситуация усложнялась, и данные, собираемые осенью 1934 – зимой 1935 г., должны были отражать ситуацию на 1 октября 1934 г. [12, л. 118 об.; 21, л. 5]. При этом счет оленей производился традиционным методом, описанным П. Е. Хатанзеевым, в котором обычно участвовали два счетчика: «...один считал, а другой, вооруженный палкой-биркой (длиной примерно с 1 м) и ножом, отмечал каждый десяток таким X знаком на палку-бирку. После окончания подсчета голов оленьего стада один счетчик подсчитывает десятки, отмеченные на палке-бирке, а другой на особой маленькой бирке отмечает каждые десять десятков таким * знаком (означающий число 100)...» [22, л. 29].

Распределение оленей по полу и возрасту, движение оленьего стада за период с осени 1933 г. по осень 1934 г. выполнялось на основании опроса и проверялось путем простых математических действий (сложения или вычитания) и задания конкретизирующих вопросов: «Сколько голов осенью 1934 г. охолощено или [сколько] оставлено хорова в производителях? Сколько важенок впервые отелилось весной 1934 г.? Сколько потерялось взрослых и телят от прочих причин? Сколько [погибло] телят при отеле 1934 г.?» и т. д. [12, л. 118 об.]. Для получения точного ответа на вопрос о количестве забитых оленей его рекомендовалось разбить на несколько частей и спрашивать: «1. Сколько забито за зиму 1933/34 года? 2. Сколько забито летом 1934 г.? 3. Сколько забито осенью 1934 г. (до наступления [зимы])?.. Спрашивать при этом не вообще “Сколько забито оленей?”, а детализируй: сколько забил быков, важенок?» [12, л. 118 об.].

Для характеристики взаимоотношений внутри кочевого общества по поводу отдачи и взятия оленей на выпас не следовало понимать ответ на вопрос об оплате «Ничего не платил, а только он

¹ Можно предположить, что разработка детальной инструкции для заполнения похозяйственного бланка переписи 1934–1935 гг. была вызвана отсутствием среди регистраторов специалистов-этнографов.

пользовался моими оленями» буквально, так как за этой фразой скрывалась сложившаяся практика возлагать все тяжелые хозяйственные работы на чужих оленей, а не собственных, которых очень берегли. Поэтому олени, взятые на выпас, были очень истощенными к моменту возвращения их хозяевам. Они в первую очередь страдали от болезней и нападений волков, забивались на мясо. «Поэтому у хозяина, сдавшего оленей на выпас, надо спрашивать не только – сколько оленей он сдал, но и также и сколько оленей он получил обратно» [12, л. 119]. Кроме того, некоторые хозяйства специализировались на выпасе чужих оленей, принимая их сразу от нескольких хозяйств на период вонзевого и салмочного лова, т. е. пять летних месяцев, и брали за это деньги и продукты.

В ситуации, когда ненцы не знают, не помнят или не хотят сказать, сколько заработали извозом, выручили от сдачи песцов и другого зверя, сдали рыбы, продукции оленеводства и т. д., весь полученный заработок устанавливался на фактории по существующим тарифам за время, потраченное на перевозку грузов и пассажиров, установлению сорта сданной пушнины и справочнику цен, по записям о количестве сданной рыбы [12, л. 118 об.]. По документам устанавливалась задолженность организациям: «Интегралу», Рыбтресту, Омпушнине, за взятых оленей и незакрытые авансы по договорам на сдачу пушнины и рыбы [12, л. 120].

Стоимость охотничьего, рыбопромыслового, морского зверобойного, сухопутного и водного транспортного инвентаря, а также построек определялась на основании общей оценки их состояния на момент опроса, выражавшейся в определениях: старый, средний, новый, которые проставлялись рядом с цифрой, обозначающей их количество [12, л. 118 об.].

Путем специальных расчетов устанавливалось количество продукции оленеводства (мясо, постели, рога, камасы, лбы, жилы и др.), добытой, оставленной в своем хозяйстве, проданной госторговле и кооперации и частным лицам. Вес мяса определялся по числу забитых оленей, умноженному на средний убойный вес, равный 50 кг у взрослого животного и 25 кг – у молодого [12, л. 119 об.]. Если хозяин употреблял в пищу мясо павших от болезней оленей, то оно прибавлялось к общей цифре также путем расчетов. От оленей, затравленных волками, бралась половина их веса. Число шкур, лбов, жил, рогов и шерсти устанавливалось на основании числа забитых и павших оленей без перевода их в килограммы.

Размер ячеи используемых в хозяйстве рыболовных снастей (невода, сетей, оханов) ненцы обычно показывали на пальцах (шесть или восемь пальцев), что следовало переводить в сантиметры

из расчета один палец – 1,5 см [12, л. 118 об.]. Сведения о продукции рыболовства можно было записать, задавая детальные вопросы: «На вопрос, заданный в общей форме сколько-нибудь путного ответа получить нельзя» [12, л. 119 об.]. Примерные вопросы, которые могли помочь регистратору справиться с заданием, должны выглядеть так: сколько сдал рыбы при осеннем подледном лове, зимнем подледном лове, весеннем вонзевом лове, летнем салмочном лове, сколько выловлено рыбы для собственного потребления. Если количество сданной рыбы можно было установить по документам фактории, то улов для себя требовал специальной проверки. Так как обычно ненцы определяли размер улова количеством нарт, то полученные от них сведения проверялись путем умножения числа нарт на вес рыбы, отличающийся по сезонам: летом на нарту грузили 1 ц, зимой – 1,5 ц. Другой распространенный способ состоял в умножении числа месяцев летом, зимой или весной, когда глава хозяйства занимался рыболовством на количество съеданной рыбы семьей в день, если они каждый день ели рыбу. При этом щекур, пыжьян, нельма и сырок, вылавливавшиеся в южной части Ямала от р. Хадутея до устья р. Яды, объединялись в одну графу с названием «Белая рыба» [12, л. 119 об.]. В примечании к разделу необходимо было указать, производился ли лов рыбы каждым хозяйством отдельно или артелью (временными, сезонными объединениями, ППО, колхозами), количество человек в них и каким образом делился улов.

Важное значение в связи с вопросом землеустройства придавалось разделу, посвященному кочевым передвижениям хозяйства: сезоны кочевания, протяженность маршрутов кочевания в течение года, названия, местонахождение, время посещения основных стоянок, количество хозяйств в кочевой группе, характер местности, время в пути, расстояние между ними, участники кочевой группы, выход к факториям, время использования рыболовных, охотничьих угодий и оленьих пастбищ. Отмечалось, что, вспоминая все детали календаря, ненец мог упомянуть занятия, в том числе те, о которых не сообщил ранее.

Приведенные примеры не исчерпывают всех особенностей переписи традиционного хозяйства ненцев на Ямале, каждое из которых имело общие и специфические черты, выявление которых требовало особого подхода со стороны регистратора, умения своевременно замечать и фиксировать их в ходе правильно поставленного диалога культур. Только благодаря проведенной кропотливой работе в распоряжении современных исследователей находятся уникальные примеры традиционного природопользования ямальских ненцев в первой трети XX в.

Список литературы

1. Волжанина Е. А. Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX – начале XXI века. Новосибирск: Наука, 2010. 312 с.
2. Крупник И. И. Люди в чумах, цифры на бумаге. Русские источники к демографической истории Ямала, 1695–1992 гг. // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2000. Вып. 1. С. 122–151.
3. Панченко С. В. Вариативность в процессе заимствования на материале лексики хантыйского происхождения в русских письменных источниках 1870–1930 годов // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 1 (116). С. 110–113.
4. Туруханская экспедиция Приполярной переписи: этнография и демография малочисленных народов Севера. Красноярск: Поликор, 2005. 448 с.
5. The 1926/27 Soviet Polar Census Expeditions. New York; Oxford: Berghahn Books, 2011.
6. Крайний Север. Вып. 1. Итоги переписи хозяйств в трех районах. М.: Издание УНХУ РСФСР, 1935. 121 с.
7. Маслов П. Опыт переписи трех районов Крайнего Севера (лето 1933 г.) // Советский Север. М., 1934. № 3. С. 51–62.
8. Волжанина Е. А. Население и оленеводство Ямала в материалах переписи 1932–1933 гг. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Вып. 15. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2011. С. 225–235.
9. Торощина Н. В., Тучкова Н. А. К истории изучения Притымыя: обзор источников и материалов // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2004. Вып. 4 (41). С. 71–75.
10. ГАСО. Ф. 1812, оп. 2, д. 181.
11. Всесоюзная перепись населения 1959 года. М.: Госполитиздат, 1958. 54 с.
12. ГАЯНАО. Ф. 34, оп. 1, д. 2.
13. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.): сборник документов. Тюмень, 1994. 321 с.
14. ГАРФ. Ф. А-374, оп. 26, д. 39.
15. ГАРФ. Ф. А-374, оп. 26, д. 37.
16. ГАРФ. Ф. А-374, оп. 26, д. 46.
17. ГАРФ. Ф. А-374, оп. 26, д. 38.
18. ГАРФ. Ф. А-374, оп. 26, д. 48.
19. ГАРФ. Ф. А-374, оп. 26, д. 45.
20. Volzhanina E. The Interpretation of Nenets Demography in the First Third of the Twentieth Century // The 1926/27 Soviet Polar Census Expeditions. New York; Oxford: Berghahn Books, 2011. P. 67–96.
21. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 690, оп. 1, д. 36.
22. Хатанзеев П. Е. Религиозные верования у народов Крайнего Севера // Рукопись из Фонда ЯНОКМ оф. 11643. Б/д.

Волжанина Е. А., кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник.

Институт проблем освоения Севера СО РАН.

Ул. Малыгина, 86, а/я 2774, Тюмень, Россия, 625003.

E-mail: nyabako@mail.ru

Материал поступил в редакцию 29.11.2012.

E. A. Volzhanina

SPECIFIC CHARACTER OF DESCRIPTIONS OF TRADITIONAL ECONOMY OF YAMAL NOMADIC POPULATION AT THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY

The article, based on the analysis of records keeping the primary documents of census materials, analyses the dialogue of cultures: nomadic Nenets and Russian official, the inevitable appeared in the census and revealed ways to achieve understanding between them by asking the right questions and interpretation the answers.

Key words: *nomads, Yamal, Polar census, household census, traditional economy, hunting, fishing, reindeer breeding.*

Institute Development of the North Siberian Branch of Russian Academy of Sciences.

Ul. Malygina, 86, post box 2774, Tyumen, Russia, 625003.

E-mail: nyabako@mail.ru

Г. В. Грошева

БЕЛОРУСЫ В ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОМ СОСТАВЕ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В 1930–50-Х ГОДАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ТГПУ)¹

В статье на основе архивных материалов дается характеристика преподавательского состава из числа этнических белорусов, а также выходцев из БССР, работавших в Томском государственном педагогическом институте (ТГПИ) в 1930–1950-х гг. Выявляются персональные данные и численность преподавателей, занимаемые ими должности и структурные подразделения, в которых они работали; описывается их профессиональная деятельность в ТГПИ. Приводятся краткие биографические сведения.

Ключевые слова: белорусы, выходцы из БССР, профессорско-преподавательский состав, Томский государственный педагогический институт, история Томского государственного педагогического университета, архивные материалы Томского государственного педагогического университета.

Поликультурный характер российского общества и продолжающиеся на современном этапе его развития процессы этнического возрождения обуславливают сохранение в научном гуманитарном сообществе интереса к изучению истории отдельных этнических обществ и вклада их представителей в социально-политическое, экономическое и культурное развитие как России в целом, так и ее отдельных регионов. Предлагаемая статья не является исключением. Она представляет собой результат исследования в рамках научного проекта «Историко-этнографическое изучение белорусов Томской области», одним из аспектов которого является выявление вклада белорусов в развитие высшей школы г. Томска, в частности Томского государственного педагогического университета (ТГПУ). Это одна из первых работ, посвященных изучению преподавательского состава ТГПУ в «этническом срезе». В опубликованных работах по истории университета и его штатного состава, как правило, изучению этого аспекта не уделялось внимания.

Первое специальное издание по профессорско-преподавательскому составу ТГПУ было опубликовано в 2005 г. Это биографический словарь «Профессора Томского государственного педагогического университета» [1], представляющий собой фундаментальное исследование, основанное на архивных данных, материалах периодической печати, воспоминаниях и др. В нем представлены подробные биографические сведения и богатый материал о научной и преподавательской деятельности профессоров. При наличии у исследователя данных об их этнической принадлежности это издание может послужить неоценимым источником сведений, дополняющих архивные материалы ТГПУ. Отдельные сведения о профессиональной

деятельности штатных сотрудников можно извлечь из изданий по истории ТГПУ [2, 3] или по истории развития отдельных направлений подготовки специалистов в вузе, например исторического [4, 5]. Существуют работы, посвященные изучению профессиональной деятельности сотрудников, внесших выдающийся вклад в развитие Томского государственного педагогического института и формирование научных школ вуза [6–8].

В 2005 г. была опубликована работа Т. В. Галкиной о роли интеллектуальной элиты польского происхождения в истории Томского государственного педагогического института в 1930–40-х гг. [9], которая положила начало изучению отдельных групп профессорско-преподавательского состава, выделяемых по этническому признаку. Возникший интерес к преподавателям польского происхождения обусловлен интенсивным развитием партнерских связей ТГПУ с Вроцлавским университетом (Республика Польша).

Цель представленного в статье исследования – охарактеризовать на основе архивных материалов ТГПУ преподавательский состав из числа этнических белорусов, работавших в вузе в период 1930–1950-х гг., что предполагает реконструкцию биографических сведений сотрудников и описание их профессиональной деятельности.

Исследование осуществлялось на основе делопроизводственной документации Архива ТГПУ. В архиве хранятся материалы по личному составу сотрудников вуза начиная с 1931 г., когда постановлением СНК РСФСР № 752 педагогический факультет при Томском государственном университете (ТГУ) был преобразован в Томский индустриально-педагогический институт. В 1933 г. вуз был переименован в Томский государственный педагогический институт (ТГПИ). В рассматриваемый

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта «Историко-этнографическое изучение белорусов Томской области», проект № 12-11-70000.

период в делопроизводственных материалах архива вуза фигурирует и под названием Томский государственный педагогический и Учительский институт, что обусловлено функционированием при ТГПИ с 1935 по 1956 г. Учительского института с двухлетним сроком обучения [2, с. 5, 35].

Источниковую базу исследования составили личные дела сотрудников, хранящиеся в Архиве ТГПУ, содержащие такую делопроизводственную документацию, как личные листки по учету кадров, выписки из приказов, копии документов об образовании и удостоверений, а также заявления, автобиографии, характеристики, рекомендации и др. В качестве наиболее информативных источников для реконструкции сведений о преподавательском составе можно назвать личные листки по учету кадров, выписки из приказов ТГПИ и автобиографии. Не останавливаясь подробно на характеристике источниковой базы, следует отметить некоторые особенности в работе с ней. Во-первых, поскольку автором был обработан архивный материал 1930–1950-х гг., а систематизация личных дел сотрудников по хронологии в архиве основана на сведениях об их увольнении, то в выявленный список сотрудников ТГПИ из числа этнических белорусов не попали поступившие на работу в обозначенный период и уволившиеся позднее. Во-вторых, следует отметить неравноценность содержания личных дел сотрудников по объему, характеру и информативности содержащихся в них материалов. В целом имеющиеся материалы позволяют восстановить основные сведения, касающиеся преподавательской деятельности сотрудников ТГПИ.

При работе с личными делами в архиве в штатном составе ТГПИ удалось выявить 11 преподавателей белорусского происхождения, работавших в вузе в 1930–1950-х гг. Среди них один доцент (имел ученое звание доцента), два и. о. доцента, два старших преподавателя, два ассистента; четыре человека в делопроизводственной документации обозначены как «штатные преподаватели», соответственно, какую конкретно должность (ассистента или старшего преподавателя) они занимали, определить не удалось. Один преподаватель имел степень кандидата наук.

В архивных материалах за период 1930-х гг. удалось обнаружить пять личных дел преподавателей-белорусов, среди которых и. о. доцента, декан исторического факультета Николай Яковлевич Костеша (1931–1942)¹, ассистент кафедры педагогики Василий Фомич Финкевич (1931–1932), доцент кафедры математики, заместитель директора ТГПИ по учебной части Алексей Ефеимович Попко (1932–1942, 1944–1956), старший преподаватель

кафедры ботаники Филарет Иосифович Боровков (1938–1941), старший преподаватель кафедры марксизма-ленинизма Михаил Михайлович Шорников (1939–1940). Биографии этих людей свидетельствуют об их большом педагогическом опыте и значительном вкладе в развитие учебного процесса в Томском государственном педагогическом институте.

Н. Я. Костеша родился в 1884 г. в с. Завьки Завыковской волости Белостокского уезда Гродненской губернии в крестьянской середняцкой семье. В 1924–1928 гг. Николай Яковлевич учился на историческом отделении Ленинградского государственного университета (факультет языкознания и истории материальной культуры), после окончания которого был оставлен при кафедре истории России для подготовки к научной деятельности. В январе 1929 г. был назначен ассистентом кафедры истории России с поручением занятий со студентами ЛГУ, а с 1930 г. со студентами Ленинградского историко-лингвистического института. По совместительству с 1925 по 1931 г. Н. Я. Костеша работал помощником заведующего архивом Ленинградского отделения Центрального исторического архива РСФСР, был членом Совета археографической комиссии Академии наук СССР. В феврале 1931 г. комиссией ЦК ВКП (б) мобилизован на работу в Западную Сибирь. Его научные работы: «Аграрный вопрос в первой и второй Государственной думе» и «Крестьянское движение в Ромодановской волости Калужской губернии в 1752–1753 гг.» – вследствие откомандирования в Западную Сибирь остались незаконченными [10].

С марта 1931 г. Николай Яковлевич работал преподавателем кафедры всеобщей и русской истории педагогического факультета ТГУ и одновременно заведующим заочно-курсовым сектором на факультете. В ноябре 1931 г. Н. Я. Костеша становится сотрудником Томского индустриально-педагогического института. В составе литературного отделения в индустриально-педагогическом институте была открыта общая кафедра – кафедра истории, заведующим которой и был назначен Н. Я. Костеша, он же был первым заведующим этого отделения. В 1932 г. в институте было создано историческое отделение, которое действовало вначале в составе единственной кафедры – кафедры истории, заведующим которой остался Николай Яковлевич. В 1934 г. отделения Томского педагогического института стали именоваться факультетами; Н. Я. Костеша был назначен деканом трех гуманитарных факультетов – исторического, литературного и педагогического. Исторический факультет был открыт в составе одной кафедры – кафедры истории

¹ Здесь и далее указывается период работы в ТГПИ.

и философии, в числе преподавателей которой числился и Николай Яковлевич. После разделения кафедры истории и философии в 1935 г. он стал работать на кафедре истории. В 1938/39 учебном году на факультете были образованы две самостоятельные специальные исторические кафедры – кафедра всеобщей истории и кафедра истории СССР; Н. Я. Костеша остался в числе преподавателей кафедры истории СССР. После объединения исторического факультета с литературным в 1942 г. в единый историко-филологический факультет, а кафедры истории СССР с кафедрой всеобщей истории в одну – кафедру истории Н. Я. Костеша по-прежнему оставался преподавателем этой кафедры и деканом объединенного факультета [4, с. 6–10].

В 1940 г. Николай Яковлевич был представлен кандидатом на получение стипендии им. И. В. Сталина из числа научных сотрудников, готовящихся к защите диссертаций на ученые степени. В годы работы в Томском педагогическом институте ученый работал над темой «Третьеиюньский блок и его политика». За время работы в институте Н. Я. Костеша активно вел партийно-общественную работу (в ряды ВКП (б) вступил в 1919 г.): входил в партийный комитет ТГПИ, в 1935–1936 гг. работал секретарем парткома; был консультантом по истории ВКП (б). Возглавлял избирательную участковую комиссию по выборам в Верховный Совет СССР и РСФСР. В 1942 г. Томским городским комитетом ВКП (б) Н. Я. Костеша был направлен на работу в качестве директора в среднюю школу № 42 г. Томска [10].

В. Ф. Финкевич (1904 г. р.) – уроженец с. Лешно Быстрицкой волости Слуцкого уезда Минской губернии; по социальному происхождению из крестьян-бедняков. Состоял в ВЛКСМ в 1923–1930 гг., с 1925 г. член профсоюза работников просвещения (Рабпрос). В 1924–1928 гг. В. Ф. Финкевич учился на педагогическом факультете Белорусского государственного университета (г. Минск). После его окончания в 1928–1930 гг. работал в педагогическом техникуме г. Слуцка (Белорусская ССР) в качестве преподавателя-обществоведа и заведующего учебной частью техникума; вел общественно-политическую работу. Работая в техникуме, Василий Фомич заведовал вечерней партийной школой и работал в клубе райкома партии в качестве консультанта по заочному обучению партийцев. Был принят в райкоме партии в кандидаты ВКП (б). В июне 1931 г., после окончания высших педагогических курсов при Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена, на основании наряда

Народного комиссариата просвещения (Наркомпрос) был командирован в распоряжение Томского индустриально-педагогического института для работы в качестве ассистента по педагогике (принят на работу с 31 августа 1931 г.). Свою научную квалификацию он повышал под руководством профессора ТГУ С. Я. Вольфсона. В период работы в вузе помимо основной преподавательской деятельности Василий Фомич временно исполнял обязанности помощника директора по учебной части, активно занимался общественно-политической деятельностью. В феврале 1932 г. В. Ф. Финкевич прекратил работу в институте в связи с уходом на военную службу [11].

А. Е. Попко родился в 1888 г. в д. Шаловичи Слуцкого уезда Минской губернии в крестьянской семье. В 1904 г. Алексей Ефеимович окончил Романовское 2-классное училище Министерства народного просвещения (МНП) и поступил в Слуцкое 4-классное городское училище, завершив обучение в котором в 1908 г. поступил в Несвижскую учительскую семинарию и в том же году экстерном сдал экзамены на звание учителя начальных училищ с правом преподавать в 2-классных МНП-училищах. В 1908–1915 гг. работал преподавателем в Дубровицком и Хойникском земских начальных училищах Речицкого уезда Минской губернии; заведовал Заскенским земским училищем. Высшее образование А. Е. Попко получил в 1915–1918 гг. в Калужском учительском институте, где учился на математическом факультете по специальности «методика математики». С 1918 по 1920 г. был заведующим школой и учителем математики школы II ступени с. Еремино Гомельской губернии. В период 1920–1925 гг. работал заведующим и учителем математики в школах II ступени в местечке Ленино Слуцкого уезда и д. Осиповичи Бобруйского уезда Минской губернии. С 1915 по 1928 г. состоял в кандидатах ВКП (б); член профсоюза Рабпроса.

В Томске А. Е. Попко начинает свою деятельность в 1925 г. как инспектор Соцвоса¹ и заместитель заведующего Губернским соцвосом. В 1925–1926 гг. Алексей Ефеимович работал заведующим и преподавателем математики школы II ступени № 7 Томского окружного отдела народного образования (ОкрОНО); в 1926–1928 гг. – инспектором школ Соцвоса I и II ступени ОкрОНО; с 1928 по 1932 г. преподавателем математики и методики математики в Томском педагогическом техникуме (русском)². В 1932 г. А. Е. Попко был принят штатным ассистентом на кафедру математики Томского индустриально-педагогического института, где

¹ Одна из линий работы в системе народного образования: социальное воспитание и образование детей и подростков (Соцвос).

² С 1924 г. по 1953 г. в г. Томске наряду с русским Томским педагогическим техникумом, открытым в 1922 г., действовал Татарский педагогический техникум со школьным отделением.

осуществлял чтение лекций по методике математики и руководил педагогической практикой студентов. С 1938 по 1942 г. временно исполнял обязанности доцента кафедры математики, с 1944 по 1956 г. работал в должности старшего преподавателя. Помимо основной занимал должности заместителя директора по Учительскому институту с 1938 по 1939 г., исполнял обязанности заместителя директора по учебно-научной работе с 1939 по 1940 г., заведовал педагогической практикой института. В период 1930–1933 гг. Алексей Ефеимович по совместительству вел педагогические курсы по подготовке преподавателей математики и физики для школ крестьянской молодежи и фабрично-заводских семилеток. Неоднократно читал лекции на летних педагогических курсах подготовки и повышения квалификации учителей начальных и средних школ. Состоял председателем местного института, был депутатом Томского городского совета и председателем секции народного образования совета. В 1932 г. Западно-Сибирским краевым отделом народного образования А. Е. Попко был командирован в Ленинградский педагогический институт им. Герцена для прохождения одногодичной аспирантуры по методике преподавания математики. В связи с возникшими финансовыми трудностями в семье был вынужден оставить аспирантуру и вернуться в Томск. Научную работу Алексей Ефеимович осуществлял по истории преподавания тригонометрии в России. Перерыв в работе А. Е. Попко в педагогическом институте с 1942 по 1944 г. был связан с сокращением педагогической нагрузки на факультете и его переходом на работу в среднюю школу (СШ). В 1944 г. Алексея Ефеимовича приказом по Наркомпросу РСФСР перевели с должности директора Самусьской СШ Томского района Новосибирской области на должность старшего преподавателя кафедры математики в ТГПИ, где он более десяти лет читал элементарную математику и вел курс методики преподавания математики. За время работы в институте А. Е. Попко подготовил к печати курс «Методика преподавания тригонометрии», вел большую работу по расширению кабинета методики преподавания математики, пополняя его пособиями собственной конструкции. Алексей Ефеимович освобожден от занимаемой должности в 1956 г. в связи с уходом на пенсию [12].

Ф. И. Боровков родился в 1895 г. в д. Регелево Юстаповской волости Себетского уезда Витебской губернии в семье крестьян. Член профсоюза работников высшей школы. В рядах ВЛКСМ и ВКП (б) не состоял. В 1907 г. Филарет Иосифович окончил начальную школу, в 1911 г. – духовное училище, в 1917 г. – духовную семинарию; в 1917–1918 гг. обучался в Харьковском ветеринарном институте.

Свою трудовую деятельность он начал в 1918 г. в качестве учителя начальной школы в д. Убей-Тарка Сагайской волости Минусинского уезда Енисейской губернии; сюда он последовал за своей семьей, переехавшей в Сибирь по совету родственников. С 1926 г. Ф. И. Боровков работал в разных школах и детских домах Минусинского округа. В 1926 г. перевелся в Хакасскую автономную область, в г. Абакан, где до 1937 г. работал заведующим и учителем в девятилетней школе, а с 1930 г. – директором, а впоследствии заведующим учебной частью Хакасского педагогического училища. В 1934 г. поступил на заочное обучение в Томский государственный педагогический институт. В 1937 г. в связи с отличной учебой командирован Хакасским областным отделом народного образования на дневное обучение; по окончании естественного факультета Томского педагогического института оставлен при кафедре ботаники. На момент назначения на должность ассистента Ф. И. Боровков имел 20-летний педагогический стаж, в том числе 12 лет работы в средней школе и педагогическом техникуме. В ТГПИ Филарет Иосифович вел курс генетики и руководил педагогической практикой по естествознанию студентов 3-х и 4-х курсов. В 1938 г. ассистент Ф. И. Боровков назначен помощником декана естественного факультета; неоднократно замещал декана. Филарет Иосифович осуществлял диссертационное исследование по теме «Хладостойкость яблоневых в условиях г. Томска и его района». Занимался вопросом организации опытно-учебного участка педагогического института для проведения практических работ студентов. В 1941 г. Ф. И. Боровков в должности старшего преподавателя кафедры ботаники, как не имеющий полной нагрузки и ученого звания, был уволен в связи с сокращением объема учебной работы и направлен в распоряжение Новосибирского облоно [13].

М. М. Шорников (1914 г. р.) – уроженец д. Роськов Хотовижской волости Климовичского уезда Могилевской губернии; из семьи крестьян. Окончил семилетнюю школу и 1-й курс Могилевского заочного политпросветтехникума. Осенью 1933 г. вслед за семьей переехал в Сибирь; в 1934 г. был принят на работу в Завьяловский зерносовхоз Западносибирского края в качестве учетчика; работал массовиком. Осенью 1934 г. поступил на подготовительные курсы в ТГПИ, в 1935 г. принят в число студентов на исторический факультет. Будучи студентом, в 1936 г. вступил в ряды ВЛКСМ, вел курсы по изучению истории партии; был редактором факультетской студенческой газеты «История». В 1939 г. Михаил Михайлович окончил Томский педагогический институт по специальности «история» и оставлен по распределению на ка-

федре основ марксизма-ленинизма в должности штатного ассистента. Вел курс по основам марксизма-ленинизма. Парторганизацией пединститута принят в кандидаты ВКП (б). В ноябре 1939 г. Томский горком ВКП (б) принял решение о переводе М. М. Шорникова на работу сотрудником вузовского отдела томской газеты «Красное знамя» вопреки его личному желанию и ходатайству дирекции ТГПИ об оставлении его на работе старшего преподавателя основ марксизма-ленинизма. За неподчинение Томский горком ВКП (б) решением от 8 января 1940 г. объявил М. М. Шорникову выговор и снял с работы преподавателя. Дирекция ТГПИ и кафедра основ марксизма-ленинизма обратились с просьбой пересмотреть дело тов. Шорникова, отмечая его профессиональные качества и большой авторитет среди студентов и научных работников вуза. 6 февраля 1940 г. старший преподаватель М. М. Шорников уволен из числа сотрудников ТГПИ в связи с призыванием в ряды РККА [14].

В архивных материалах за период 1940-х гг. в штатном составе вуза удалось выявить три личных дела преподавателей белорусского происхождения. Во второй половине 1940-х гг. на работу в ТГПИ были приняты преподаватель кафедры военно-физкультурной подготовки Евгений Никитич Афанасьев (1946–1947), преподаватели кафедры марксизма-ленинизма кандидат наук доцент Арсен Герасимович Беляев (1948–1952) и ассистент Ольга Ефимовна Шелег (1949–1953).

Е. Н. Афанасьев родился в 1922 г. в местечке Копысь Оршанского района Витебской области (в 1924 г. вошла в состав БССР) в семье служащего. В 1940 г. Евгений Никитич окончил 10 классов СШ № 12 г. Пскова. В 1941 г. поступил курсантом в I Ленинградское авиационно-техническое училище им. Ворошилова и окончил его в 1941 г. В годы войны, с 1941 по 1942 г., Е. Н. Афанасьев служил авиатехником 13-го Западного авиационно-истребительного полка г. Кузнецка Пензенской области; с 1942 по 1944 г. был слушателем Краснознаменного военного факультета им. В. И. Ленина при Государственном центральном институте физической культуры им. И. В. Сталина (Москва). В 1944–1946 гг. Евгений Никитич работал преподавателем физической подготовки Белоцерковного военно-пехотного училища г. Томска, позднее, в течение нескольких месяцев 1946 г., преподавателем физической подготовки военной кафедры Томского политехнического института им. С. М. Кирова. В декабре 1946 г. Е. Н. Афанасьев по предписанию Томского областного военного комиссариата прибыл в распоряжение директора Томского государственного педагогического института для прохождения дальнейшей службы в должности преподавателя физической подготовки. С 1938 по 1943 г.

Евгений Никитич являлся членом ВЛКСМ; в декабре 1945 г. политическим отделом Белоцерковского военно-пехотного училища г. Томска принят в члены ВКП (б). За участие в Великой Отечественной войне указом Президиума Верховного Совета СССР Евгений Никитич награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1947 г. Евгений Никитич прекратил работу в вузе на основании приказа об отмене военной подготовки на всех курсах Томского педагогического и Учительского институтов и переводе кадрового офицерского состава военной кафедры в распоряжение военного округа [15].

А. Г. Беляев (1916 г. р.) – выходец из д. Волковичи Грудиновской волости Борховского уезда Могилевской губернии, из семьи крестьян-бедняков. В 1928 г. Арсен Герасимович окончил Волковическую начальную школу и поступил в Грудиновскую школу крестьянской молодежи, где в 1931 г. вступил в ряды ВЛКСМ. В 1931 г. он поступил в Могилевский педагогический техникум, который окончил в 1934 г. и в числе студентов-отличников был отправлен на 2-месячные курсы подготовки преподавателей русского языка и литературы старших классов начальной школы. С 1934 по 1937 г. работал учителем начальной школы в Краснопольском и Чаусском районах Могилевской области (БССР). В 1937 г. поступил на литературный факультет Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, после окончания которого работал в 1941–1944 гг. директором и учителем русского языка и литературы в школах с. Федоровка, затем с. Вознесенка Саратовской области. В период с 1944 по 1946 г., после деэвакуации по месту жительства жены, работал директором и учителем русского языка и литературы Хмелевской полной средней школы (ПСШ) Ливенского района Орловской области. В 1945 г. Арсен Герасимович поступил в аспирантуру Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Там же в 1947 г. был принят в члены ВКП (б). После окончания аспирантуры в 1948 г. А. Г. Беляев Министерством просвещения РСФСР был отправлен в Томский педагогический институт в качестве ассистента кафедры основ марксизма-ленинизма. В 1950 г. на закрытом заседании ученого совета кафедры марксизма-ленинизма Московского ордена Ленина государственного университета им. М. В. Ломоносова защитил диссертацию на закрытую тему; в том же году утверждён в ученой степени кандидата исторических наук. В 1951 г. ему присвоено ученое звание доцента по кафедре марксизма-ленинизма. В ТГПИ А. Г. Беляев вел самостоятельный лекционный курс по основам марксизма-ленинизма для студентов 1-го и 2-го курсов, неоднократно принимал участие в проверке качества лекционной

работы на факультетах вуза. В период работы в ТГПИ читал лекции по линии Кировского районного комитета и городского комитета ВКП (б) и Общества по распространению политических и научных знаний. Являлся консультантом научных работников, самостоятельно изучающих марксистско-ленинскую теорию, руководил научным студенческим кружком по истории ВКП (б). От работы в ТГПИ А. Г. Беляев был освобожден в связи с его назначением Министерством высшего образования СССР заведующим кафедрой марксизма-ленинизма Гомельского педагогического института в 1952 г. [16].

О. Е. Шелег родилась в 1923 г. в с. Малое Осово Борисовского уезда Минской губернии (БССР) в бедняцкой крестьянской семье. В Сибирь семья Шелег попала в начале 1930-х гг. В 1933 г. родители Ольги Ефимовны переехали в Кривошеинский район Новосибирской области. В 1937 г. после окончания Белостокской неполной средней школы (НСШ) Кривошеинского района поступила в Колпашевское педагогическое училище. В 1940 г. после окончания училища направлена на работу в Кривошеинский район, где с 1940 по 1942 г. работала учительницей в Иштанской НСШ, в 1942/43 учебном году в Новоалександровской НСШ; в 1943–1944 гг. работала районным инспектором школ. В период с 1944 по 1945 г. О. Е. Шелег работала учителем истории в 5–8-х классах в Кривошеинской СШ. В 1946 г. Президиумом Верховного Совета РСФСР была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1946 г. Ольга Ефимовна поступила в Томский государственный педагогический институт на исторический факультет, где проходила обучение по специальности «история». После окончания вуза в 1949 г. Ольга Ефимовна была зачислена штатным ассистентом кафедры марксизма-ленинизма ТГПИ. С 1947 г. – член ВКП (б). В 1953 г. О. Е. Шелег освобождена от занимаемой должности ассистента кафедры марксизма-ленинизма ТГПИ в связи с переводом ее на партийную работу [17].

Помимо указанных преподавателей в начале 1940-х гг. свою деятельность в вузе продолжали Ф. И. Боровков, Н. Я. Костеша, А. Е. Попко.

В 1950-е гг. штатный состав Томского государственного педагогического института пополнился тремя преподавателями белорусского происхождения: на кафедре физической культуры и спорта стали работать Вера Петровна Гончарик (1955–) и Юрий Данилович Чечин (1956–)¹, на кафедре математики – Николай Васильевич Аврамчик (1956–1957).

В. П. Гончарик родилась в 1932 г. в с. Копатке-

вичи Копаткевического района Полесской области (БССР) в семье служащих. В 1936 г. Гончарики переехали в г. Петропавловск Казахской ССР. В 1947 г., окончив 7 классов средней школы, Вера Петровна поступила в техникум физической культуры. После окончания учебы в техникуме в 1950 г. она была направлена на учебу в Казахстанский государственный институт физической культуры в г. Алма-Ате. В 1946 г. В. П. Гончарик вступила в члены ВЛКСМ, в 1950 г. – в члены профсоюза политпросвещения. После получения диплома в 1954 г. Вера Петровна была оставлена в качестве преподавателя физического воспитания в этом же институте. В 1955 г. В. П. Гончарик зачислена в штатный состав ТГПИ как преподаватель физического воспитания. О высокой квалификации Веры Петровны свидетельствует наличие спортивных разрядов (первый по спортивной гимнастике, второй по художественной гимнастике и третий по лыжам и фехтованию) и судейских категорий (первая по спортивной гимнастике, третья по легкой атлетике, прыжкам в воду и лыжам) [18].

Ю. Д. Чечин родился в 1931 г. в совхозе им. Сталина Койдоновского района Минской области (БССР) в семье служащих. Из Белоруссии семья Чечиных переехала в г. Сталинск Кемеровской области. В 1946 г. Юрий Данилович вступил в члены ВЛКСМ. В 1950–1955 гг. учился в Томском политехническом институте им. С. М. Кирова на гидро-техническом факультете по специальности «гидротехническое строительство». До преподавательской деятельности в Томском государственном педагогическом институте работал на Томском лесоперевалочном комбинате и в Томском строительном управлении ГРЭС-2. В ТГПИ Ю. Д. Чечин был принят тренером по легкой атлетике. Имел воинское звание лейтенанта ПВО [19].

Н. В. Аврамчик (1908 г. р.) – уроженец д. Панкратовичи Бобруйского уезда Минской губернии; выходец из крестьянской семьи. В 1929 г. окончил Могилевский топографо-землеустроительный техникум (г. Могилев-на-Днепре, БССР), после окончания которого до 1932 г. работал топографом-землеустроителем Уральского областного земельного управления в г. Свердловске. В 1932 г. был призван на службу в ряды РККА (г. Хабаровск); после службы в армии с 1934 по 1936 г. работал мажордомом шахты № 1–2 Киселевского рудоуправления (Киселевск). С 1936 по 1950 г. (с перерывами) учился на физико-математическом факультете Томского государственного педагогического института. С 1938 по 1941 г. работал учителем физики, математики и черчения в СШ № 31 г. Кемерово.

¹ Год окончания работы сотрудников невозможно установить, поскольку в их личных делах отсутствуют сведения об увольнении и не проставлена дата завершения дела.

В 1941 г., с началом Великой Отечественной войны, поступил в артиллерийское училище г. Томска. С 1942 по 1946 г. был начальником артиллерийско-топографической службы полка на фронтах ВОВ; за военную службу получил правительственные награды: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени, медали «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Весной 1946 г. Николай Васильевич демобилизовался из армии, восстановился в числе студентов ТГПИ, где проучился до января 1947 г., когда вновь вынужден был оставить учебу, но уже по семейным обстоятельствам. В 1947–1949 гг. он работал преподавателем технического и проекционного черчения в горно-промышленном училище г. Томска, где создал и оборудовал кабинет черчения, был руководителем методической секции. В 1949 г. поступил на работу учителем физики, астрономии и черчения в СШ № 5 г. Томска; согласно характеристике руководства школы, к работе он относится ответственно, пользовался авторитетом среди учителей и учащихся, образцово выполнял порученную общественную работу. В 1950 г. Н. В. Аврамчику удалось завершить обучение в ТГПИ. Получив диплом с квалификацией и званием учителя средней школы по специальности «математика», он по направлению уехал работать учителем в г. Кемерово. В 1956 г., имея богатый педагогический опыт, Николай Васильевич становится преподавателем черчения кафедры математики ТГПИ. В рядах ВЛКСМ и ВКП (б) Н. В. Аврамчик не состоял [20].

Наряду с преподавателями, принятыми на работу в Томский государственный педагогический институт во второй половине 1950-х гг., в начале десятилетия продолжали свою преподавательскую деятельность А. Г. Беляев и О. Е. Шелег.

В ходе изучения архивных материалов по профессорско-преподавательскому составу ТГПИ были обнаружены сведения о белорусах, не занимавших преподавательские должности, но являвшихся штатными сотрудниками ТГПИ, работниками административно-хозяйственной части (три человека). Среди них заместитель директора по хозяйственной части Федор Лукьянович Левенков (1955–1961), начальник пожарной охраны Петр Павлович Гуминский (1951–1952) и Петр Яковлевич Самойлюк, исполнявший обязанности сторожа агроучастка, кочегара и гардеробщика (1952–1956). Все трое родились и жили в Белоруссии и волею судеб оказались в г. Томске. Ф. Л. Левенков родился в 1902 г. в д. Янковцы Добромыслянской волости Оршанского уезда Могилевской губернии. Выходцем из Могилевской губернии был и П. П. Гуминский, родившийся в 1915 г. в г. Орша. П. Я. Са-

мойлюк (1885 г. р.) – уроженец Бельского уезда Гродненской губернии [21–23].

Кроме того, в 1940–1950-х гг. в ТГПИ работали и выходцы из Белоруссии других национальностей: три преподавателя и два работника вспомогательного состава. На кафедре основ марксизма-ленинизма в 1945–1946 гг. работала старший преподаватель Хая Исаровна Мишелевич (еврейка по происхождению); на кафедре литературы в 1948–1960 гг. – кандидат филологических наук доцент Хая Рувимовна Шагалова (еврейка); на кафедре математики с 1953 г. (сведения о времени увольнения в личном деле отсутствуют) – кандидат математических наук доцент Абрам Михайлович Лейкин (еврей). В 1956–1957 гг. старшим лаборантом на кафедре немецкого языка работала Софья Хацкелевна Брестовицкая (еврейка), в 1952 г. обязанности секретаря исторического отделения факультета русского языка и литературы и одновременно лаборанта кафедры физического воспитания и спорта исполнял Геннадий Иванович Самусенок (русский).

М. И. Мишелевич родилась в 1885 г. в г. Бобруйске Минской губернии. В 1921–1923 гг. училась в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова (преподаватель истории партии), в 1931–1933 гг. являлась аспирантом Института марксизма-ленинизма (Москва), после окончания которого работала в различных городах центральной части России, в 1941 г. из Ростова-на-Дону была эвакуирована в Томск [24].

Х. Р. Шагалова родилась в 1908 г. в г. Мстиславле Могилевской губернии. В 1925–1928 гг. работала в системе школ взрослых при электростанции (Москва). В период 1928–1931 гг. являлась студенткой Московского государственного педагогического института им. А. С. Бубнова (факультет русского языка и литературы), после окончания которого в течение трех лет работала на рабфаке в техникуме электростанции преподавателем русского языка и литературы. В 1934–1937 гг. Хая Рувимовна обучалась в аспирантуре при кафедре всеобщей литературы Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. В 1948 г. в Томский государственный педагогический институт была оформлена переводом из Ярославского педагогического института [25].

А. М. Лейкин родился в 1898 г. в губернском городе Витебске (Витебская губерния). В 1917 г. семья Лейкиных переехала на новое место жительства, на ст. Зилово Амурской железной дороги, а в 1922 г. с Дальнего Востока – в Томск. Высшее образование Абрам Михайлович получил в Томском государственном университете, где он обучался с 1927 по 1932 г. на физико-математическом факультете. В ТГПИ А. М. Лейкин работал по совмести-

тельству; основным местом его работы был Томский государственный университет [26].

С. Х. Брестовицкая (1935 г. р.), уроженка г. Дзержинска Минской области, была эвакуирована с семьей в Томск в 1941 г., а Г. И. Самусенок, родившийся в 1930 г. в д. Городище Асвейского района Минской области, оказался в Томске по причине переезда его семьи на новое место жительства [27].

Таким образом, по архивным материалам, в числе сотрудников ТГПИ, работавших в период 1930–1950-х гг., удалось выявить 14 человек из эт-

нических белорусов и пять выходцев из БССР, из них 14 преподавателей, два сотрудника из числа вспомогательного состава (секретарь, лаборант), три человека занимали административно-хозяйственные должности (табл. 1). Все без исключения преподаватели, а также работники административно-хозяйственной части ТГПИ белорусского происхождения родились в Белоруссии (Витебская губерния – один человек, Гродненская губерния – два человека, Минская губерния – три человека, Могилевская губерния – четыре человека; Витебская,

Таблица 1

Количественный состав белорусов по категориям должностей в ТГПУ, принятых на работу в 1930–1950-х гг.

Период работы в ТГПУ, годы	Количественный состав						Итого
	Профессорско-преподавательский состав/административно-управленческий аппарат*		Сотрудники из числа вспомогательного состава (секретарь, лаборант)		Административно-хозяйственные должности		
	Белорусы по этническому происхождению	Выходцы из БССР	Белорусы по этническому происхождению	Выходцы из БССР	Белорусы по этническому происхождению	Выходцы из БССР	
1930-е	5	–	–	–	–	–	5
1940-е	3	2	–	–	–	–	5
1950-е	3	1	–	2	3	–	9
Итого	11	3	–	2	3	–	19

* Совмещение преподавательских должностей и управленческо-административных.

Минская, Полеская области БССР – четыре человека) (табл. 2). По социальному происхождению преподаватели-белорусы были выходцами из крестьянских семей (восемь человек) и семей служащих (три человека); шестеро из них указали, что владеют белорусским языком.

В профессорско-преподавательском составе ТГПИ насчитывалось 11 этнических белорусов и три выходца из БССР (евреи по национальности),

работавших в 13 существовавших в период 1930–1950-х гг. структурных подразделениях ТГПИ и занимавших различные должности: от ассистента до декана и помощника директора института. Это математики и биологи, историки и литераторы, преподаватели педагогики и физической культуры. В их числе были выпускники московских (Государственный центральный институт физической культуры им. Сталина, Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова, Московский государственный педагогический институт им. А. С. Бубнова) и ленинградских (Ленинградский государственный университет, Ленинградский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена) вузов; трое из них обучались в аспирантуре при ЛГПИ им. А. И. Герцена, один – в Институте марксизма-ленинизма (Москва). Шесть человек получили высшее образование в г. Томске (один выпускник Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева, один выпускник Томского политехнического института им. С. М. Кирова и четыре выпускника Томского государственного педагогического института).

Необходимо отметить значимый вклад преподавателей белорусского происхождения в развитие научно-исследовательской, преподавательской и учебно-методической деятельности ТГПИ, а также в развитие сотрудничества вуза со школами г. Томска. Они входили в состав административно-управленческого аппарата вуза, активно занимались общественно-политической деятельностью.

Таблица 2

География мест рождения сотрудников ТГПИ белорусского происхождения (1930–1950-е гг.)

Место рождения	Ф.И.О. сотрудника, год рождения	Количество человек
Административно-территориальное деление Российской империи (губернии)		
Витебская	Боровков Ф. И., 1895	1
Гродненская	Костеша Н. Я., 1884	2
	Самойлюк П. Я., 1885	
Минская	Аврамчик Н. В., 1908	3
	Попко А. Е., 1888	
	Финкевич В. Ф., 1904	
Могилевская	Беляев А. Г., 1916	4
	Гуминский П. П., 1915	
	Левенков Ф. Л., 1902	
	Шорников М. М., 1914	
Административно-территориальное деление СССР (области Белорусской ССР)		
Витебская	Афанасьев Е. Н., 1922	1
Минская	Чечин Ю. Д., 1931	2
	Шелег О. Е., 1923	
Полеская	Гончарик В. П., 1932	1

Список литературы

1. Профессора Томского государственного педагогического университета: биографический словарь / Федеральное агентство по образованию, ТГПУ; гл. ред. Т. В. Галкина; редкол.: А. И. Бражникова и др. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 327 с.
2. Войтеховская М. П., Галкина Т. В. Томский педагогический: от института к университету. Томск: Изд-во ТГПУ, 2002. 267 с.
3. Томский государственный педагогический институт в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): сборник документов и материалов / редкол.: М. П. Войтеховская и др. Томск: Изд-во ТГПУ, 2007. 211 с.
4. Боженко Л. И. Историческое образование в Томском государственном педагогическом университете: к 70-летию исторического факультета. Томск: Изд-во ТГПУ, 2003. 132 с.
5. Боженко Л. И. Восстановление исторического образования в Томском педагогическом институте (1986–1991 годы) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2002. Вып. 4 (32). С. 78–83.
6. Галкина Т. В., Осипова О. А. А. П. Дульзон: вехи жизни // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 1999. Вып. 4. С. 3–8.
7. Осипова О. А. Многогранность профессора А. П. Дульзона (1900–1973): монография. Томск: Изд-во ТГПУ, 2011. 63 с.
8. Галкина Т. В. У истоков филологического факультета Томского государственного педагогического университета (К 110-летию со дня рождения Г. Т. Чуича и Л. А. Чуич) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2001. Вып. 3. С. 79–84.
9. Галкина Т. В. Поляки в истории Томского государственного педагогического института (1930–1940-е гг.) // История и методика преподавания славянских языков и литератур как иностранных с применением технологии диалога культур. Томск: ТГПУ, 2005. С. 37–45.
10. Личное дело Н. Я. Костеши // Архив ТГПУ. Ф. 566, оп. 1, д. 1116.
11. Личное дело В. Ф. Финкевича // Архив ТГПУ. Ф. 566, оп. 1, д. 868.
12. Личное дело А. Е. Попко // Архив ТГПУ. Ф. 566, оп. 1, д. 11784.
13. Личное дело Ф. И. Боровкова // Архив ТГПУ. Ф. 566, оп. 1, д. 83.
14. Личное дело М. М. Шорникова // Архив ТГПУ. Ф. 566, оп. 1, д. 936 «а».
15. Личное дело Е. Н. Афанасьева // Архив ТГПУ. Ф. 566, оп. 1, д. 1225.
16. Личное дело А. Г. Беляева // Архив ТГПУ. Ф. 566, оп. 1, д. 1456.
17. Личное дело, о. Е. Шелег // Архив ТГПУ. Ф. 566, оп. 1, д. 1844.
18. Личное дело В. П. Гончарик // Архив ТГПУ. Ф. 566, оп. 1, д. 1516.
19. Личное дело Ю. Д. Чечина // Архив ТГПУ. Ф. 566, оп. 1, д. 1833.
20. Личное дело Н. В. Аврамчика // Архив ТГПУ. Ф. 566, оп. 1, д. 1419.
21. Личное дело Ф. Л. Левенкова // Архив ТГПУ. Ф. 566, оп. 1, д. 2126.
22. Личное дело П. П. Гуминского // Архив ТГПУ. Ф. 566, оп. 1, д. 1479.
23. Личное дело П. Я. Самойлюка // Архив ТГПУ. Ф. 566, оп. 1, д. 1736.
24. Личное дело Х. И. Мишелевич // Архив ТГПУ. Ф. 566, оп. 1, д. 1354.
25. Личное дело Х. Р. Шагаловой // Архив ТГПУ. Ф. 566, оп. 1, д. 2194.
26. Личное дело А. М. Лейкина // Архив ТГПУ. Ф. 566, оп. 1, д. 2127.
27. Личное дело С. Х. Брестовицкой // Архив ТГПУ. Ф. 566, оп. 1, д. 1450.

Грошева Г. В., кандидат исторических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: groshevagv@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 17.12.2012.

G. V. Grosheva

THE BELARUSIANS IN HIGHER EDUCATION TEACHING PERSONNEL OF TOMSK STATE PEDAGOGICAL INSTITUTE IN 1930–50-IES (DATA OF TSPU ARCHIVES)

In this article the teaching personnel among ethnic Belarusians and descendants from Belarusian Soviet Socialist Republic who worked in Tomsk State Pedagogical Institute (TSPi) in 1930-ies – 1950-ies are being characterized according to the archives records. Their personal information and the number of teachers, their positions and departments they worked in are being determined; their professional occupation in TSPi is being described as well. Some brief biographical information is provided in the article.

Key words: *Belarusians, higher education teaching personnel, Tomsk State Pedagogical Institute, history of Tomsk State Pedagogical University, records of TSPU archives.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: groshevagv@tspu.edu.ru

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470)“16/18”

О. Н. Мухин

АБСОЛЮТИЗМ VS САМОДЕРЖАВИЕ: ЕЩЕ РАЗ К ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЙ

Рассматривается проблема типологии политических режимов Нового времени. В рамках сравнительно-исторического подхода подчеркивается специфика российского самодержавия в отличие как от абсолютизма, так и от восточной деспотии.

Ключевые слова: абсолютизм, самодержавие, деспотия, политический режим, Новое время.

В отечественной историографии существует устойчивое представление о том, что в период раннего Нового времени в России, как и в европейских странах, складывается абсолютистская монархия¹. То есть в данном случае и речи не идет об известном историческом отставании нашей страны от наиболее развитых стран Европы, обычно определяемом примерно в 200 лет.

Представляется, что само понятие абсолютизма чрезмерно противоречиво. Достаточно взглянуть на перечень его основных черт: неограниченная (т. е. абсолютная) власть монарха, наличие разветвленного бюрократического аппарата, регулярной армии, полиции, централизованной налоговой и фискальной системы, унифицированного государственного права, проведение политики протекционизма и меркантилизма. Все характеристики, кроме первой, с очевидностью могут служить отличительными дефинициями лишь по сравнению с предыдущими, средневековыми политическими режимами и с тех пор останутся таковыми для любого современного государства (исключая протекционизм, который в Европе будет сменен в XIX столетии политикой свободной торговли). Таким образом, ключевой является именно первая черта – неограниченность власти государя.

В советской историографии закономерность появления абсолютизма именно в конце XV – середине XVII в. объяснялась появлением на историче-

ской арене нового класса – буржуазии, когда монархия получила возможность лавировать между нею и дворянством, благодаря чему, по формулировке Ф. Энгельса, «государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам как кажущаяся посредница между ними»². При этом с давних пор в отечественной историографии велись споры о национальной специфике абсолютизма, одним из вариантов которого считается и самодержавие.

В историографии западной нет единства в понимании сути абсолютизма. Противоречивость этого исторического явления наглядно выражает монография Н. Хеншелла, в которой отмечается, что большинство европейских монархов являлись одновременно и «абсолютными» и «ограниченными». Они были абсолютными, когда осуществляли свои обширные прерогативы, и ограниченными, когда вели переговоры с подданными об их правах [4, с. 9]. Этот же автор обращает внимание на существование значительных региональных различий в функционировании абсолютистских режимов (иногда столь значительных, что, как в случае Англии, историки часто вообще сомневаются в его наличии³).

Взглянем на Францию, которую принято считать страной классического абсолютизма. Французские короли были обязаны, как считалось, своей властью только Богу и своей шпаге, так как

¹ Сравните, например, высказывания в академической «Истории Европы»: «Конец XV – первая половина XVII в. – время оформления и укрепления централизованного государства в России и его постепенного развития в монархию абсолютистского типа» [1, с. 246]. Или: «На протяжении XVII в. государственное устройство России претерпело существенные изменения. В это время происходит процесс перерастания сословно-представительной монархии в абсолютистскую» [2, с. 179].

² Цит. по [1, с. 160]. Классическое марксистское определение, выработанное в ходе дискуссий в советской историографии в конце 30-х – начале 40-х гг. XX в., гласит: «Абсолютизм есть форма политической надстройки времени разложения феодализма и зарождения буржуазных отношений, характеризующегося обострением антагонизма между феодальным дворянством и нарождающейся буржуазией, что позволяет монархической власти достигнуть известной самостоятельности по отношению к обоим борющимся классам» [3, с. 47].

³ «С уверенностью об абсолютизме можно сказать только одно: в Англии его никогда не было. Чем бы ни был абсолютизм, в Англии господствовала диаметрально противоположная конституционная модель, предполагавшая существование ограниченной монархии, гражданских свобод, парламентских партий и всенародного голосования» [4, с. 95].

завоевали Галлию, а также согласно Священному писанию, где сказано (в «Послании к римлянам». XIII, 1), что «Несть власти не от Бога» [5, с. 144]. Епископ Боссюэ, один из виднейших идеологов царствования Людовика XIV, писал: «Бог учреждает королей как своих посланников и царствует с их помощью над народами» [5, с. 145]. От этой власти, идущей от Бога, исходят, по его мнению, все правила абсолютной монархии: «Первое правило. Король не должен никому отчитываться, когда отдает приказы. Второе правило. Когда король вынес приговор, другого приговора не может быть. Третье правило. Нет силы, способной противостоять силе короля. Четвертое правило. Но это не значит, что короли не подчиняются законам» [5, с. 145] (запомним этот последний пункт). Похожие идеи на пятьдесят лет ранее высказал Карден Лебре в трактате «О верховной власти короля» (1632 г.) [5, с. 145]. Но если юристы оправдывали абсолютную монархию, ссылаясь на римское право и божественное право, то Боссюэ опирался только на божественное. «Он не хотел, конечно, обожествовать короля, но он почти обожествовал королевскую власть» [5, с. 147].

Однако божественное право налагало на короля и жесткие рамки. Если король нарушает религиозные установления (становится идолопоклонником, святотатцем, многоженцем), он может навлечь на себя и на королевство гнев божий, и в самых серьезных случаях подданные могут быть освобождены от долга повиноваться. Король должен уважать и естественное право, закон природы, который заставляет человека поступать разумно, вершить правосудие и быть справедливым. Неразумный или несправедливый закон не обязывает подданных быть лояльными по совести и освобождает их от долга повиноваться (так!) (например, как закон 1685 г., запрещавший протестантам одновременно исповедовать свою веру во Франции и эмигрировать) [5, с. 147]. Третье ограничение – соблюдение уважения к подданным: король не может ни отвергать, ни нарушать основные законы королевства, т. е. те, которые существовали до королевской власти и стоят над законами короля. Юристы считали, что он должен уважать личность подданных и их имущество: король не может ни присвоить себе наследство, принадлежащее его подданному, ни пользоваться им по своей воле. Если он позволит себе присвоить государственные владения, он будет осужден собственными судами [5, с. 147].

Вот как поясняет ситуацию Н. Элиас. Несмотря на долговременную борьбу со знатью, шедшую столетиями, французский король являлся первым дворянином своего королевства: «Он был воспитан в дворянских нравах и умонастроении, его поведение и мышление были сформированы этой нравственной культурой» [6, с. 184]. Поэтому «то, что совершилось во Франции XVI и XVII веков – когда была установлена неограниченная монархия, когда короли укротили крупную и мелкую знать, – было в известном отношении ничем иным, как постепенным смещением центра тяжести в пределах одного и того же социального слоя» [6, с. 184]. С этим было связано амбивалентное отношение короля к придворной аристократии: с одной стороны, он стремился достичь неограниченного господства, подавляя любые притязания знати на власть, с другой – сохранить дворянство как зависимое от короля, служащее ему, но четко отличаемое от остальных общественных слоев сословие с его специфической этикой как бы в роли единственно адекватного монарху и необходимого ему общества [6, с. 187].

Таким образом, даже в ходе борьбы и даже после победы, одержанной королевской властью над дворянством, король выстраивал свои отношения с «прирученной» знатью с оглядкой на традиционные установления аристократического этоса, общего для обеих сторон. Все это было отражением не только становления абсолютистского режима, но и длительного поступательного процесса цивилизовывания, важнейший этап которого наступает именно с формированием придворного общества раннего Нового времени, требующего от дворян в отличие от «времени замков» большего внимания к вопросам этикета [7].

Но важно отметить, что король имел обязательства не только перед дворянством. Его власть ограничивали провинциальные ассамблеи, парламенты, высшие суды. Людовик XIV уменьшил их влияние, но не устранил полностью. То есть король считался с тем, что Монтескье позже назовет «посредствующими корпорациями», которые превращают монархию в смешанный режим правления [5, с. 148–149]. Малейший произвол по отношению к одной корпорации обязательно вызвал бы возмущение почти всех других, т. е. они были способны противостоять королевской власти. И хотя им не представлялось такого случая, сама возможность, осознаваемая короной, служила защитой личности от высшей власти [5, с. 155]¹.

¹ Даже при «короле-солнце», живом воплощении абсолютизма, у парламентов не было отнято право ремонстрации (т. е. отказа регистрировать королевские акты, не соответствующие праву, обычаям или законам). После же его смерти в 1715 г. и те ограничения, которые были им все-таки наложены, снимались. В результате «в XVIII в. парламентской оппозиции суждено было сыграть роль важного дестабилизирующего фактора в политической жизни Франции» [2, с. 144]. В свете этих фактов неубедительной выглядит классическая формула,

Если апеллировать к марксистскому, как представляется, исторически наиболее адекватному определению абсолютизма, то приходится констатировать, что российское самодержавие отличалось от его классического варианта именно отсутствием ситуации баланса между двумя все более приходящими в равновесие социальными силами, такими как дворянство и буржуазия, в силу отсутствия последней. Речь могла идти лишь о лавировании между различными группировками правящего сословия. Опора единственно на дворянство имела два последствия для российской монархии, диалектически связанные между собой. Прежде всего, в ходе успешной централизации русское дворянство было вынуждено признать высший авторитет одного владыки – царя. (Безусловно, в отличие от французского короля российский монарх никогда не являлся частью высшего сословия, но стоял несоизмеримо выше, на отдельной ступени.) В течение XVI–XVII вв. выстраивается структура царского двора, принадлежность к которому служила теперь единственным источником благ – земельных пожалований и выгодных служебных назначений.

Ту же самую картину можно наблюдать и во Франции. При этом очевидно, что и царская, и королевская власть также зависели от поддержки дворянства, как и последнее от милостей государя. Именно большее количество вассалов, представлявших собой держателей земель и вооруженную силу, отличало на первых порах французского короля от могущественных герцогов. Не реагируя на запросы своих дворян, король рисковал потерять необходимую опору и поддержку и вернуться к положению

средневекового монарха, первого среди равных. (Эта зависимость короля от дворянства, кстати, способствовала сохранению даже в эпоху абсолютизма аристократического духа второго сословия.)

Однако в дальнейшем во Франции, как и в Англии (здесь значительно раньше), а позднее и в скандинавских странах с ростом активности третьего сословия король получает возможность, рекрутируя из его среды бюрократию и допуская ее аноблирование («дворянство мантии» во Франции), ослабить свою зависимость от дворян и укрепить собственные позиции (при этом на протяжении всего, кстати говоря, исторически довольно короткого, периода господства абсолютистских режимов важнейшим фактором оставался личностный – многое зависело от политических и дипломатических способностей конкретного монарха, что с замечательной наглядностью демонстрирует история Швеции XVI–XVII вв. [10]¹).

В России до формирования крепко стоящего на ногах третьего сословия со значительными привилегиями дело так и не дошло вплоть до начала XX в. Соответственно, сохранялась однолинейная связка монарх – дворянство², так что второе последствие заключалось в следующем – хотя царь оставался единственным источником процветания для дворян, но и дворяне являлись единственной социальной опорой царской власти и потому умело отстаивали свои сословные интересы, что особенно ярко проявилось в XVIII в. (высшее достижение – Манифест о вольности дворянской)³. Проблема заключалась в том, что в Русском государстве не было нескольких по-разному социально ориентированных центров силы, как в Европе с ее

выраженная В. Ю. Захаровым: «На наш взгляд, понятия “абсолютизм” и “самодержавие” являются тождественными и означают особую форму правления, при которой власть монарха юридически неограниченна» [8]. Вообще, отечественная традиция демонстрирует стремление втиснуть все многообразие политических ситуаций в государствах Нового времени в прокрустово ложе теории. Не имея возможности игнорировать сохранение при абсолютизме представительных органов, исследователи объясняли это тем, что они вступают в «причудливый симбиоз с новым бюрократическим аппаратом абсолютизма» [1, с. 160], и это притом что в таких случаях абсолютизм терял одну из своих важнейших отличительных черт. Замечательный пример априорной попытки согласовать противоречия – версия А. Н. Медушевского. По мнению исследователя, специфика российского абсолютизма заключалась в том, что он сложился до появления буржуазных отношений или в период их зарождения, что привело к «громкой самостоятельности государства в России и сделало его субъектом исторического процесса в большей степени, чем это было в Европе», где он «в значительной степени являлся продуктом баланса классовых сил дворянства и буржуазии» [9, с. 24–25].

¹ Н. Хеншелл отмечает зависимость расстановки сил между монархией и представительными органами от конкретной ситуации и личных качеств правителей и в Англии времен Тюдоров и Стюартов [4, с. 197–198].

² Более того, ряд исследователей считают, что в допетровской Руси не существовало и дворянского сословия как такового (как и сословного строя в целом), так как «служилые люди» не имели ни собственного корпоративного устройства, ни сословного самосознания, оставаясь «холопами государевыми» (см., например [11, с. 478]).

³ Конечно, и в России существовали внешние по отношению к связке «царь – дворянство» факторы, способствовавшие ее укреплению (следует отметить, что Россия все же не достигла крайности в зависимости монархии от дворянства, как это произошло в Речи Посполитой). Б. Ф. Поршнев справедливо указывал на роль крестьянства в процессах укрепления центральной власти (причем не только в России). По его мнению, угроза крестьянских восстаний заставляла централизацию все более усиливаться и дойти наконец до стадии абсолютизма [12, гл. 3]. Действительно, сильная центральная власть была необходима русским помещикам в качестве гаранта их крепостнических прав в условиях почти неограниченных земельных ресурсов, вызывавших отток крестьянства за пределы административно подконтрольных регионов.

глубокими корнями сильной церкви и бюргерской самостоятельности. Замечательный пример – городские восстания середины XVII в., резко обозначившие противоречия между интересами посада и царской власти, предпочитавшей опираться на феодальную верхушку.

Конечно, как и в абсолютистских государствах Европы, большую роль в функционировании самодержавия играла бюрократия, доступ в которую был открыт отдельными представителям разночинной среды, однако руководящая роль в российском бюрократическом аппарате сохранялась за дворянством. В Европе же бюрократия в силу своего «разночинного» происхождения отстаивала интересы других слоев.

Следует учитывать и еще одну важную характеристику самодержавия – повышенный (в сравнении с абсолютизмом) уровень сакральных представлений о власти монарха, сохраняемый на уровне массового сознания на протяжении всего периода его существования. Согласно этим представлениям, власть монарху дарована Богом, перед которым он и несет ответственность, что устраняет возможность влияния представительных органов на функционирование государственных структур (ср. мнение Боссюэ, приведенное выше, где божественное происхождение королевской власти не избавляет ее от подчинения законам: разница в том, что в России единственным источником законов был сам государь).

В самом общем виде картина обстоятельств формирования специфических политических режимов в странах Запада и в России в режиме большого времени выглядит так. В Европе (прежде всего речь идет о Франции) со времени классического Средневековья существовало развитое городское общество, чьи позиции были укреплены союзом королей с городами в борьбе против феодалов. Соответственно, в связи с успехами централизации, поставившей аристократию под контроль королев-

ской власти, а также с поступательным развитием буржуазных тенденций в раннее Новое время наступает некоторое равновесие второго и третьего сословий, создающее условия для формирования абсолютизма. Однако последний все же основной своей опорой считал дворянство, что хорошо просматривается в политическом поведении Людовика XIV, поэтому королевская власть в дальнейшем пытается сдерживать развитие буржуазии, охраняя интересы второго сословия [13, с. 38, 40–41]. Однако процессы развития буржуазного уклада в Западной Европе носили органический характер, так что препоны со стороны правительства могли лишь увеличить социальное напряжение. Соответственно, вполне закономерным итогом становится буржуазная революция (точнее, серия революций)¹.

На Руси в свое время также существовала развитая городская культура, включавшая и традицию самоуправления, однако она была в значительной мере уничтожена во время монголо-татарского нашествия². Более того, в ходе централизации российские монархи (Иван III, Василий III, Иван Грозный) добывали остатки городской самостоятельности. Подавить аристократию московским правителям удалось, опираясь на низы дворянства (в особенности показательна в этом смысле опричнина³). В раннее Новое время поддержка рядового дворянства играла большую роль и в укреплении королевской власти в Европе. Но тут-то мы и видим паритет второго и третьего сословий. А в России с принижением аристократии, с низведением ее на уровень служилого сословия наравне с рядовым дворянством и в угоду последнему, с неразвитостью городов самодержавие и становится заложником единственного сословия, до конца монархического периода мешавшего развитию капиталистического уклада, так как оно обладало монополией на политический и экономический капитал (в терминологии П. Бурдьё)⁴.

¹ В Англии революция свершилась гораздо раньше, и именно потому что буржуазные силы были активнее (более того, английское дворянство гораздо охотнее, чем французское, приобщалось к новым отношениям), а королевская власть более зависима от общественных сил и прежде всего от парламента.

² Нельзя сбрасывать со счетов и отсутствие в России античного наследия, безусловно облегчавшего Западной Европе строительство городского социума.

³ Как отмечает А. П. Павлов, в целом опричный двор был несколько более худородным по составу, чем земский (хотя и здесь было немало представителей знатных княжеско-боярских дворов – Одоевские, Трубецкие, Шуйские), а к концу опричнины выходцы их худородных провинциальных дворянских родов в составе руководства явно доминировали. При этом главным критерием было не происхождение, а личные качества. Царь охотно брал в опричнину людей с «запятнанной репутацией», которые должны были служить особенно рьяно и преданно (как, например, целая группа дворян, служивших ранее князьям Старицким) [11, с. 218].

⁴ Не стоит преувеличивать и значение Земских соборов, наличие которых, как правило, расценивается отечественными исследователями как признак существования в России XVI–XVII вв. сословно-представительной монархии. Принципиальное отличие Земских соборов от европейских представительных учреждений состояла в том, что первые, как правило, собирались по инициативе правительства, нерегулярно, в тех случаях, когда возникала необходимость утвердить те или иные решения, тогда как в зрелые периоды существования вторых без них королевская власть попросту не имела права принимать те или иные решения. Нарушение парламентских прав, как правило,

Неслучайно европейцами царское самодержавие воспринималось зачастую как тирания, сопоставимая с восточными режимами. Например, И. Корб пишет: «Государь имеет полную власть над их (русских. – О. М.) имением, личностью и жизнью. Сами турки не изъявляют с более отвратительной покорностью принижения своего перед скипетром своих Оттоманов» [14, с. 220].

Соответственно, возникает вопрос о возможности применения к России определения восточной деспотии. Это спорное понятие, подвергнувшееся уничтожающей критике в 70-е гг. XX в., все же не было забыто окончательно. Авторы коллективной работы «Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти» определяют восточный деспотизм как «ничем не ограниченную бесконтрольную власть, не стесненную никакими формальными правилами или законами и опирающуюся непосредственно на силу. Необходимым условием существования такой власти является господство государственной и общественной собственности, прежде всего на землю, и зависимое положение индивида, при котором отношение человека к человеку определяется не им самим, а стоящей над ним властью» [15, с. 10]. Основные черты этой общественной системы таковы: «перманентный и универсальный террор», «практически поголовное рабство населения», распространение шпионажа и доноительства как средства достижения «жадной мечты о сытой и беззаботной жизни», отсутствие благородного (в смысле происхождения) сословия, полное исключение личной инициативы и ответственности, отсутствие стремления к свободе как таковой. В таком обществе поведение подданных диктуется переплетением любви и страха по отношению к своим правителям, в духовной жизни господствует «идейная минимизация», не допускающая ни рассуждений, ни возражений, ни собственных мнений [15, с. 10]¹.

Конечно, во многом прав известный востоковед Б. С. Ерасов, который предостерегал от абсолюти-

зации подобных характеристик². Однако, если говорить об «идеально-типических» понятиях и господствующих тенденциях, материал исторических источников дает возможность подтвердить в целом верность основных определений восточной деспотии в его приложении к России раннего Нового времени.

Обратимся к свидетельствам современников. Чешский иезуит Иржи Давид, живший в России с 1685 по 1689 г., пишет: «...Все чиновники, высшие и низшие, и вся знать относительно царей называют себя холопами, то есть царскими рабами, и если они подписывают имя под каким-нибудь прошением, то ставят его в уменьшительной форме: «холоп Ивашко Бутурлин» [17, с. 140]. О том же говорит И. Корб: «Весь московский народ более подвержен рабству, чем пользуется свободой; все москвитяне, какого бы они ни были звания, без малейшего уважения к их личности находятся под гнетом жесточайшего рабства. Те из них, которые занимают почетное место в Тайном совете и, имея величавое название вельможи, справедливо присваивают себе первое в государстве достоинство, самой знатностью своей являют еще в более ярком свете свое рабское состояние: они носят золотые цепи, тем тягостнейшие, чем большей пышностью ослепляют глаза; самый даже блеск этих холопов упрекает их в низости судьбы. Если бы кто в прошении или в письме к царю подписал свое имя в положительной степени, тот непременно получил бы возмездие за нарушение закона касательно оскорбления [царского] величества. Необходимо присваивать себе уменьшительные имена, например: Яков должен подписываться *Якуткой*, а не Яковом, ибо москвитяне полагают, что было бы неуважением со стороны просителей к высочайшему сану особы, облеченной царским достоинством, не засвидетельствовать прилично государю своего почтения, именуясь покорно уменьшительным именем.... Нужно себя называть *холопом* или *подлейшим*, *презреннейшим рабом великого князя*³ и все свое

вызывало конфликт (достаточно упомянуть о начале Английской буржуазной революции) либо по крайней мере осознавалось современниками как ситуация ненормальная. В России перерывы в созывах Земских соборов никаких нареканий не вызывали, да и не могли вызывать, так как никаких законодательных норм, связанных с ними, попросту не существовало.

¹ Сейчас, правда, чаще принято употреблять термин «деспотия», так как многие указанные черты были свойственны не только восточным обществам, но, шире, тем, которые в миросистемной теории принято относить к «мироимпериям».

² «Так характеризуются общества, достижения которых в администрировании, устройстве социальной жизни, технологиях, учености, философии и науках долгое время превосходили европейский уровень и стали предметом восхищения и внимательного изучения» [16, с. 261]. Кроме того, помимо статусных систем здесь существовали «устойчивые принципы достижительных ориентации. Персонажи, добившиеся определенных достижений в своей деятельности, получали высокие звания, должности, приобретали авторитет и почет, а после смерти увековечивались в памятниках» [16, с. 261].

³ Подтверждение легко обнаружить в переписке петровского времени. Например, Т. Н. Стрешнев, воспитатель Петра, боярин, подписывает письмо к царю от 7 августа 1695 г. так: «Убогий раб твой Тишка Стрешнев писание сие доношу и челом бую» [18, с. 514]. Еще одна из виднейших фигур первых лет царствования Петра Б. А. Голицын в письме от 17 августа 1703 г. подписывается: «Холоп твой Бориско Голицын» [19, с. 534].

имущество, движимое и недвижимое, считать не своим, но государевым. Царь московский превосходный выразитель такого понятия: он своим отечеством и его гражданами так пользуется, что его самодержавие, никакими пределами, никакими законами не ограниченное, ясно сказывается, например, в полном распоряжении имениями частных лиц, как будто бы природа все это для него одного только и создала» [14, с. 219].

Конечно, собственное мнение у россиян и в те времена имелось, однако главное – оно легко могло игнорироваться (и чаще всего игнорировалось) властью¹. Таким образом, в случае России раннего Нового времени мы действительно наблюдаем основные типологические черты восточной деспотии. И нас не должно смущать положение, согласно которому речь идет о «ничем не ограниченной бесконтрольной власти, не стесненной никакими формальными правилами или законами и опирающейся непосредственно на силу» в свете утверждения о зависимости самодержавия от дворянства. Дело в том, что отсутствие главенства закона над властью в деспотическом обществе не только освобождает монарха от «стеснений» в отношении своих подданных, но и зачастую развязывает руки самим подданным в отношении правителя (конечно, в особенных случаях). На примере Османской империи легко заметить, насколько легко и часто происходила насильственная смена султанов в результате заговоров². То же самое мы видим и в послепетровской России XVIII в. Как отмечает Е. В. Анисимов, суть самодержавия составляет возможность, в нарушение изданных самой же самодержавной властью законов, вмешиваться в любое дело, что особенно ярко выражалось в таком явлении, как опала – подчас неожиданное, внесудебное отстранение от дел, двора, отправление в ссылку или на казнь, в основе чего лежал часто каприз, подозрение или личная месть неугоднему подданному. Однако именно эти же особенности

приводили к беззащитности самодержавия перед лицом фаворитизма и переворотов. Особенно четко это видно в случае Елизаветы и Екатерины II, которые стали прямыми узурпаторами, пришедшими к власти вопреки юридическим нормам, присяге и традиционным «династическим счетам». И все потому, что без законодательной базы самодержавие становилось беззащитным перед незаконными актами и подверженным случайностям [21, с. 205–207].

При этом все же можно назвать одну черту, позволяющую выделить самодержавие в особый тип политико-социального режима (по крайней мере в имперский период) при всем его сходстве с восточной деспотией. Здесь в течение XVIII в., во многом вследствие петровских преобразований, происходит сплочение дворянства, что делало его силой, способной отстаивать, и вполне успешно, свои корпоративные права перед лицом монархии. Как уже отмечалось, узловой проблемой самодержавия было отсутствие других корпораций, вносивших бы альтернативное начало в общественные отношения. Однако в большинстве восточных стран в период Нового времени не существовало и такой одной элитарной корпорации³. Связано это отличие было с более ранним приобщением России к началам западной цивилизации. На Востоке подобные тенденции проявятся не ранее второй половины XIX в. уже в иной исторической обстановке, когда политическая активность феодальных слоев будет развиваться параллельно с нарастанием роли буржуазии⁴.

Таким образом, сложность понимания феномена самодержавия состоит именно в том, что на протяжении Нового времени он в значительной мере эволюционировал, при этом, конечно, сохраняя ряд существенных характеристик⁵. На ранней стадии, с середины XVI до середины XVIII в., он в значительной мере соответствовал основным параметрам деспотии, в дальнейшем же вступает во все более тесное взаимодействие с дворянством, кото-

¹ Об этом, например, пишет, Б. Н. Миронов, занимающий в целом вполне отчетливую «охранительную» позицию и постоянно подчеркивающий выдающуюся роль самодержавия в истории России [20, с. 246].

² В XVI–XVII вв. шестеро из пятнадцати османских султанов были низложены по обвинению в нарушении шариата, причем двое казнены [15, с. 17].

³ Следует сделать оговорку, что в наиболее полном виде характеристика восточной деспотии подходит к Ближнему и Среднему Востоку (как в домусульманский, так и в мусульманский период), конфуцианская традиция во многом отличается от нее (в Китае существовала сплоченная корпорация чиновников, хотя и менее стабильная и защищенная, нежели дворянство в Европе, к тому же не военная и вполне конформная, а потому не опасная; Япония же с ее аристократическим самурайским этосом вообще особый для Востока случай).

⁴ Конечно, в разных странах эти явления будут выглядеть по-разному в зависимости от специфики социума и, соответственно, протекания процессов модернизации.

⁵ На это, кстати, обращал внимание еще В. И. Ленин, отмечавший, что «русское самодержавие XVII века с боярской думой и боярской аристократией не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами “просвещенного абсолютизма” и от обоих резко отличается самодержавие XIX века, вынужденное “сверху” освобождать крестьян, разоряя их, открывая дорогу капитализму, вводя начало местных представительных учреждений буржуазии» [22, с. 346]. Правда, здесь выбраны несколько иные дефиниции, к тому же подчеркиваются скорее изменения, чем преемственность.

рое, в отличие от европейского, не теряет, но, напротив, укрепляет свои позиции¹. В дальнейшем, под воздействием европеизации, при Николае I в России (гораздо позже, чем в западных странах) было провозглашено верховенство законов в государстве, что, казалось бы, приближало самодержавие к абсолютизму², однако важнее то, что вплоть до 1905 г. реальных механизмов общественного контроля за действиями монархии (тех самых «посредствующих корпораций») так и не появилось.

Абсолютизм же (если отвлечься от буквального значения этого термина) являлся формой политического режима, пришедшей на смену принци-

ально иной средневековой и, в свою очередь, сменной качественно новой – конституционной монархией либо республикой. При этом стоит помнить о том, что большинство стран Европы не поддаются под определение абсолютизма в чистом виде, кроме собственно Франции, так что, возможно, следовало бы отказаться от столь неадекватного и спорного понятия³ и говорить о монархии раннего Нового времени, которая уже не была децентрализованной средневековой и еще не стала парламентской и характеризовалась максимально возможным (в каждом конкретном государстве) усилением позиции государя.

Список литературы

1. История Европы: в 8 т. / отв. ред. Л. Т. Мильская, В. И. Рутенбург. М.: Наука, 1993. Т. 3. От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). 656 с.
2. История Европы: в 8 т. / отв. ред. М. А. Барг. М.: Наука, 1994. Т. 4. Европа нового времени (XVII–XVIII века). 509 с.
3. Чистозвонов А. Н. Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 46–62.
4. Хеншелл Н. Миф абсолютизма: перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / пер. с англ. А. А. Паламарчук при участии Л. Л. Царук, Ю. А. Махалова; отв. ред. С. Е. Федоров. СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.
5. Блюш Ф. Людовик XIV / пер. с фр. Л. Д. Тарасенковой, О. Д. Тарасенкова; науч. ред. В. Н. Малов. М.: Ладомир, 1998. 815 с.
6. Элиас Н. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии / пер. с нем. А. П. Кухтенкова, К. А. Левинсона, А. М. Перлова, Е. А. Прудниковой, А. К. Судакова. М.: Языки славянской культуры, 2002. 368 с.
7. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: в 2 т. / пер. с нем. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. («Книга света»). 2 т.
8. Захаров В. Ю. Абсолютизм и самодержавие: соотношение понятий // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 6. История. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Zakharov/>
9. Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М.: Текст, 1994. 320 с.
10. Андерсон И. История Швеции / пер. с швед. Н. А. Каринцева; под ред. и с предисл. Я. Я. Зутиса. М.: Изд-во иностранной литературы, 1951. 408 с.
11. Правящая элита русского государства IX – начала XVIII в.: очерки истории / отв. ред. А. П. Павлов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 548 с.
12. Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М.: Наука, 1964. 520 с.
13. Рогинская А. Е. Очерки по истории Франции (XVII–XIX вв.). М.: Изд-во ИМО, 1958. 368 с.
14. Корб И. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // Рождение империи. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. (История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.). С. 21–258.
15. Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти / отв. ред. Н. А. Иванов. М.: Наука; Восточная литература, 1993. 392 с.
16. Ерасов Б. С. Цивилизации: универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002. 524 с.
17. Давид И. Современное состояние Великой России, или Московии // ВИ. 1968. № 1. С. 126–132.
18. Письма и бумаги Петра Великого / под ред. А. Ф. Бычкова. СПб.: Государственная типография, 1887. Т. 1 (1688–1701). 973 с.
19. Письма и бумаги Петра Великого / под ред. А. Ф. Бычкова. СПб.: Государственная типография, 1889. Т. 2 (1702–1703). 804 с.
20. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. Т. 2.
21. Анисимов Е. В. Самодержавие XVIII века: право править без права // Нестор. № 7 (2005, № 1). Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Технология власти. Источники, исследования, историография / ред. номера И. В. Лукоянов, С. Е. Эрлих. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2005. С. 200–207.

¹ А. Янов пишет о «странном непостоянстве» самодержавия, выражавшемся, по его мнению, в волнообразных его колебаниях то в сторону деспотизма, то в сторону абсолютизма [23, с. 286]. Такая точка зрения игнорирует обозначенные выше поступательные тенденции в трансформации характера российского политического режима.

² Такой точки зрения, в частности, придерживался А. Я. Аврех [24].

³ Об этом же пишет Н. Хеншелл: «"абсолютистский" сценарий поздно исправлять: никакие вырезки или переписывания не могут его спасти. <...> Пришло время закрыть занавес над увлечениями предыдущего столетия. Сохранять название "абсолютизм", изменяя большую часть его содержания, – полумера, ведущая к непоправимым заблуждениям. Кажется, нет нужды далее продлевать ему жизнь» [4, с. 240].

22. Ленин В. И. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Изд-во политической литературы, 1968. Т. 17. С. 339–353.
23. Янов А. Россия: у истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 559 с.
24. Аврех А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2. С. 82–104.

Мухин О. Н., кандидат исторических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: himan1@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 24.12.2012.

O. N. Mukhin

ABSOLUTISM VS AUTOCRACY: RETURNING TO THE DEFINITION OF THE CONCEPTS

In the article the problem of the typology of political regimes in modern times is considered. With the comparative historical approach we single out the specifics of the Russian autocracy as opposed to absolutism, and from oriental despotism.

Key words: *absolutism, autocracy, despotism, political regime, modern times.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: himan1@rambler.ru

С. А. Кариков

ПОЛИТИКА ЛЮТЕРАНСКОЙ КОНФЕССИОНАЛИЗАЦИИ В САКСОНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

Статья посвящена развитию Евангелическо-лютеранской церкви в курфюршестве Саксонском после подписания Аугсбургского религиозного мира. Проанализированы основные мероприятия курфюрста Августа I Саксонского по созданию территориальной церковной организации. Сделан вывод относительно усиления влияния территориальной власти на церкви и школы как результата политики конфессионализации.

Ключевые слова: Реформация, конфессионализация, курфюрст Август I Саксонский, визитация, ортодоксия, Саксонский церковный устав.

Реформация в Германии – явление, кардинально повлиявшее на последующее развитие немецкого общества. Ключевые события Реформации связаны не только с рассмотрением религиозных проблем и переустройством церковной жизни, но и с развитием идеологии, культуры, образования. Происходившие изменения отразились на положении всех социальных групп немецкого общества: духовенства, высшего и низшего дворянства, горожан, крестьянства. Даже после подписания Аугсбургского религиозного мира 1555 г., ликвидировавшего главный источник внутримперского раскола и узаконившего существование лютеранской конфессии [1, с. 64], остались нерешенными многочисленные вопросы, связанные с функционированием новых общественно-политических институтов, их взаимодействием с ранее существовавшими структурами.

Решение этих проблем, начавшееся уже в период так называемой поздней Реформации (1525–1555) и продолжавшееся в течение нескольких десятилетий XVI в., рассматривается многими современными историками в рамках исследовательской модели конфессионализации – процесса стабилизации церковной организации, связанного с политикой властей и общественным движением, в условиях идейного раскола христианства. До сих пор недостаточно изучена проблема конфессионализации в различных регионах Германии. Значение этой проблемы определяется спецификой исторического пути германского народа. Геополитическое положение и конфедеративные (антицентрализованные) политические традиции обусловили отличие судеб отдельных регионов Германии (более значительное, чем в практически ставшей монолитной Францией) [2, с. 38].

К территориям, развитие которых в наибольшей степени повлияло на общее положение Священной Римской империи периода позднего Средневековья и раннего Нового времени, принадлежит Саксония. Ее политическое влияние, уровень экономического развития, активное участие в событиях Реформации обуславливают актуальность обращения

к событиям в этом регионе во второй половине XVI в., когда возникла необходимость закрепить многочисленные изменения, стабилизировать общественное устройство на территориальном уровне. Данные тенденции нашли воплощение в конфессиональной политике, проводившейся саксонскими властями. Ее основным субъектом в условиях формирования в Священной Римской империи системы территориального абсолютизма выступил правитель – курфюрст Август I (1553–1586).

Цель работы – проследить основные направления политики лютеранской конфессионализации, проводившейся в Саксонии в период правления Августа I, а также выявить основные результаты этой политики. Источниковую базу статьи составляют такие документы по истории территориальной церковной организации Саксонии, как инструкции для проведения визитаций и Саксонский церковный устав 1580 г.

С самого начала правления Августа I характерной чертой его политики стал курс на укрепление территориальной власти. Й. Брунинг обоснованно усматривает проявление такого курса в большом количестве специальных мандатов, рескриптов, уставов, составленных для регулирования главных сфер экономической и общественно-политической жизни курфюршества Саксонского (горные уставы 1554, 1571, 1575 гг., монетный устав 1558 г.) [3, S. 116–117]. В 1572 г. законодательные инициативы курфюрста нашли отражение в кодификации процессуальных норм, договорных обычаев, наследственного и уголовного права [1, с. 206]. В связи с этим следует отметить, что уже предшественники Августа I, начиная с курфюрста Фридриха Мудрого, активно приглашали на службу профессиональных юристов. Такая политика способствовала созданию постоянных, регулярно действующих центральных органов управления (княжеского совета, главной казны, верховного суда) уже в первой половине XVI в. Этот процесс отражал этап централизации территориального государства и оформления институтов управления [4, с. 117]. Таким образом, Август I следовал прежнему политическому

курсу саксонских курфюрстов, одновременно направляя его на новые сферы общественной жизни.

Показательна в этом отношении изданная от лица курфюрста Августа I инструкция для осуществления генеральной визитации 1555 г. В этом документе отмечено: все школьные учителя, как и приходские священнослужители, должны быть проэкзаменованы относительно знания принципов Аугсбургского вероисповедания 1530 г., подтвержденного на территории Саксонии в 1551 г. («Саксонское вероисповедание»). Визитаторы должны были проверять поведение священнослужителей и школьного персонала, наличие необходимого для богослужения и занятий инвентаря, регулярность получения заработной платы, ее размеры [5, S. 51]. Результатом визитации стало упорядочение церковной организации на основе лютеранства, после Аугсбургского мира ставшего официально признанной на территории Священной Римской империи конфессией.

Регламентация контрольных мероприятий, по мнению авторов, свидетельствует, с одной стороны, о постепенном совершенствовании евангелической церковной и школьной организаций, а с другой — о заинтересованности территориальной власти в постоянном усилении собственного влияния на церковь и школу. Стремление территориальной власти к упорядочению конфессиональных отношений в пределах курфюршества Саксонского выражают «Генеральные статьи» 1557 г. В рамках лютеранской идеологии утверждалось представление о правителе как об «отце», патриархе, покровителе церкви и подданных.

В 60–70-е гг. XVI в. политика лютеранской конфессионализации в курфюршестве Саксонском столкнулась с серьезными трудностями. Они были вызваны долгим идейным противостоянием ортодоксальных сторонников евангелизма (гнезиолютеран) и последователей учения Филиппа Меланхтона (филиппистов), в ряде пунктов отошедших от классического вероучения лютеранства. Основные теологические расхождения касались вопросов причащения, а также некоторых аспектов христологии, в рассмотрении которых филипписты сближались с кальвинизмом. В вопросах этики и теологической антропологии они отчасти следовали гуманистической традиции, в частности идеям Эразма Роттердамского [6, S. 24–25].

Противостояние обеих группировок было разрешено силовым путем вследствие вмешательства курфюрста Августа I. В 1574 г. он отстранил от должностей ряд высокопоставленных приверженцев филиппизма (канцлера Георга Кракова, суперинтендента Иоганна Штесселя, профессора Каспара Пойцера и др.), изгнав их за пределы курфюршества Саксонского [7, S. 215]. Тем самым была

преодолена возможность оппозиции, в перспективе способной ослабить позиции территориальной власти. Окончательное преодоление раскола в среде евангелических священнослужителей-теологов было оформлено подготовленной в 1577 г. «Формулой согласия». Она была положена в основу утвержденной в 1580 г. «Книги согласия», вошедшей в число вероисповедных книг Евангелическо-лютеранской церкви и закрепившей принципы лютеранской ортодоксии.

Определенным итогом политики лютеранской конфессионализации в регионе становится Саксонский церковный устав 1580 г. Содержание этого документа связано с предшествующей традицией евангелических церковных уставов, которые стали создаваться сподвижниками Лютера уже в 20-е гг. XVI в. Однако новый документ наряду с общими для евангелических уставов чертами обладал и некоторыми особенностями.

Саксонский церковный устав ввел единую форму образования на всей территории курфюршества. В устав вошли разделы, посвященные осуществлению визитаций на территории курфюршества. Была изменена их структура: теперь визитаторы должны были выяснять ответ на определенные вопросы, сведенные в несколько тематических разделов. Обзору состояния учебных заведений был посвящен раздел «О школах». Он содержал такие основные вопросы: «По какому уставу пастор проверяет школы?», «Насколько религиозными, знающими и старательными являются учителя и их помощники?», «Тщательно ли соблюдается школьный устав?», «Учатся ли в школе дети бедняков?». По желанию визитатора могли быть заданы и другие вопросы [5, S. 152]. Можно сделать вывод, что основные критерии оценки деятельности учителей в период конфессионализации по сравнению с предшествующим периодом Реформации оставались неизменными — признание евангелического учения и профессиональное мастерство.

Саксонский устав 1580 г. сохранил и главные способы влияния территориальной власти на университеты, но разнообразил их формы. По мнению авторов, это прежде всего касается регламентации вопроса относительно княжеских стипендиатов. Во времена правления курфюрста Августа их количество в Виттенбергском университете выросло до 150. Предоставление стипендии должно было определяться не только профессиональными знаниями студента, но и его старательностью, которая проявлялась в посещении лекций, участии в диспутах, выполнении упражнений; учитывались также участие кандидатов в богослужениях, их общая дисциплина и «христианское воспитание». В уставе отмечалась необходимость обучать к университетам «старательных и серьезных» молодых

людей, способных в будущем служить в аппарате власти, в церквах и школах прежде всего на территории курфюршества Саксонского. Этим документом также было рекомендовано комплектовать преподавательский состав Виттенбергского и Лейпцигского университетов преимущественно местными кадрами [8, S. 362]. Это свидетельствует о выполнении высшими школами курфюршества Саксонского своеобразного «государственного заказа», установленного территориальной властью.

О влиянии территориальной власти свидетельствует и право утверждения саксонским курфюрстом ректора, избравшегося из числа профессоров университета [9, S. 10]. Помимо того, Саксонский устав 1580 г. зафиксировал создание так называемого «канцлерского совета», который включал в состав профессоров-теологов, обязанных контролировать соответствие деятельности преподавателей принципам Аугсбургского вероисповедания [10, S. 130]. Устранять возможные несоответствия этой деятельности политике саксонского курфюрста должны были назначенные им ассесоры из числа дворянства, ежегодно проводившие визитации университетов [11, S. 68].

Саксонским уставом было определено, что кандидаты на должность учителей должны быть утверждены на этом посту консисторией (ключевым органом территориальной церковной организации, состав которого назначался самим саксонским курфюрстом). Члены консистории проверяли как профессиональные знания будущих преподавателей (владение латинским языком), так и их религиозность (знание и понимание Библии). Устав 1580 г. признал существование разных типов начальных и средних школ – сельских «немецких», городских «латинских», а также «княжеских» школ. Их программа не испытала существенных изменений сравнительно с предыдущими десятилетиями. Как в университетах, так и в школах преподаватели должны были поддерживать единство знаний и дисциплины.

Принятие Саксонского устава происходило лишь 6 лет спустя после отстранения курфюрстом Августом от власти группировки филиппистов. Вероятно, стремление окончательно искоренить влияние кальвинизма, с которым сближались филипписты, повлияло на содержание Саксонского устава 1580 г. в разделах, посвященных сущности лютеранского вероучения. В них подчеркивалась необходимость недопущения на должность учителей и священнослужителей анабаптистов, ариан, сторонников учения Швенкфельда, антиринитариив [8, S. 379]. В условиях оформления лютеранской ортодоксии такое запрещение представляется закономерным шагом территориальной власти, стремившейся поддерживать идейное единство в обще-

стве. И именно школы, рядом с церковными институтами, становились главным средством влияния на общественное сознание.

Основными достижениями развития саксонских школ и университетов в условиях политики лютеранской конфессионализации стали оформление четкой структуры образования, регламентация учебных программ, упорядочивание материального обеспечения преподавателей. В то же время дифференциация имущественного уровня учеников (в частности, выходцев из крестьянства) значительно затрудняла возможности низших слоев общества получить образование. Решение этой проблемы путем принудительных мероприятий (во время визитаций) или материального стимулирования (ввод княжеских стипендий) могло дать лишь частичный эффект. Территориальная система образования в курфюршестве Саксонском становится одним из основных социальных институтов, деятельность которого в то же время была подчинена государственной власти.

Общие результаты политики лютеранской конфессионализации в Саксонии в историографии оцениваются по-разному. Так, в частности, М. Штейнмец характеризует политику курфюрста Августа I как пример курса, направленного на укрепление консервативных тенденций Реформации, а Саксонию рассматривает как центр такого консерватизма [12, S. 243]. Й. Брунинг оценивает курфюрста как правителя, находившегося на первых ролях среди территориальных лидеров Священной Римской империи в период стабилизации политических отношений после Аугсбургского религиозного мира [3, S. 125]. По мнению Т. Н. Таценко, изменения во внутривнутриполитическом развитии курфюршества Саксонского свидетельствуют о постепенном переходе от типично средневековых форм государственного управления с характерными для них персональными связями между государем и вассалами к формам государственной жизни Нового времени, когда между государем и всеми жителями его территории устанавливаются связи через посредство государственных институтов [4, с. 128].

Таким образом, территориальная власть курфюршества Саксонского, заинтересованная в усилении идейного влияния на общество, после Реформации включила в число государственных органов и институты управления церковью. Материалы для проведения визитаций свидетельствуют об усилении контроля курфюрста над местной церковной организацией, о стремлении власти не допустить идейных разногласий в среде священнослужителей и учителей. Одновременно шел процесс интегрирования земель государства в единую компактную территорию. Основным итогом этого процесса стало укрепление как политической

власти саксонского курфюрста, так и его влияния на церкви и школы, положение которых в период конфессионализации постепенно стабилизировалось. Саксонский церковный устав 1580 г. определил основные направления развития евангелической церковной и школьной организаций в регионе согласно принципам, установленным территориальной властью.

Теоретическая значимость представленного в статье материала по истории лютеранской конфессионализации заключается в установлении веду-

щей роли саксонского курфюрста в проведении преобразований церковной и школьной организаций, интегрированных в единую систему территориального государства. В практическом плане материалы статьи могут быть использованы в ходе преподавания университетских курсов по истории Средних веков, истории религии, при подготовке методических разработок по этим дисциплинам, для написания квалификационных и научно-исследовательских работ по истории Средних веков и раннего Нового времени.

Список литературы

1. Прокопьев А. Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. 483 с.
2. Зайцева Т. И. Специфика ранней европейской модернизации в контексте современного историко-социологического знания // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 11 (113). С. 35–40.
3. Bruning J. August (1553–1586) // Die Herrscher Sachsens. Markgrafen, Kurfürsten, Könige. 1089–1918. München: Beck, 2007. S. 110–125.
4. Таценко Т. Н. Укрепление территориальной власти и развитие централизованного государственного управления в курфюршестве Саксонском во второй половине XV – первой половине XVI в. // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. Л.: Наука, 1990. С. 106–131.
5. Überblick über die Kirchenvisitationen des sächsischen Kurkreises // Die Registraturen der Kirchenvisitationen im Ehemals sächsischen Kurkreise. Halle: Hendel, 1906. T. 1. S. 1–178.
6. Smolinsky H. Albertinisches Sachsen // Die Territorien des Reiches im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung. Münster: Aschendorff, 1990. S. 8–33.
7. Koch E. Das konfessionelle Zeitalter – Katholizismus, Luthertum, Calvinismus (1563–1675). Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2000. 360 S.
8. Des durchlauchtigsten, hochgebornen fürsten und herrn Augusten, herzogen zu Sachsen a. s. w. Ordnung, wie es in seiner ehrlf. g. landen bei den kirchen mit der lehr und ceremonien, desgleichen in derselben beiden universiteten, consistorien, fürsten und partikular schulen, Visitation, synodis und was solchem allem mehr anhanget, gehalten werden sol. 1580. // Die evangelischen Kirchenordnungen des 16. Jahrhunderts. Leipzig: Riesland, 1902. Bd. 1. S. 360–458.
9. Lämmel R. Kurfürst August und die Universitätsreform von 1580 in Kursachsen. München: GRIN Verlag, 2005. 18 S.
10. Thomas R. Die Neuordnung der Schulen und der Universität Leipzig // Das Jahrhundert der Reformation in Sachsen. Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1989. S. 113–132.
11. Wartenberg G. Die Kursächsische Landesuniversität bis zur Frühaufklärung. 1540 bis 1680 // Alma mater Lipsiensis. Geschichte der Karl-Marx-Universität. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 1984. S. 55–75.
12. Steinmetz M. Deutschland von 1476 bis 1648 (Von der frühbürgerlichen Revolution bis zum Westfälischen Frieden). Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1965. 428 S.

Кариков С. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры, доцент.

Национальный университет гражданской защиты Украины.

Ул. Чернышевская, 94, Харьков, Украина, 61099.

E-mail: karsan2002@mail.ru

Материал поступил в редакцию 24.12.2012.

S. A. Karikov

THE POLICY OF LUTHERAN CONFESSIONALIZATION IN SAXONY IN THE SECOND HALF OF THE 16TH CENTURY

The article is devoted to the development of Evangelic and Lutheran church in the electoral district of Saxony after signing of the Peace of Augsburg. The basic measures of Elector Augustus I of Saxony on creation of territorial church organization are analysed. The conclusion about strengthening of territorial authorities' influence on churches and schools as a result of the policy of confessionalization is done.

Key words: *Reformation, confessionalization, Elector Augustus I of Saxony, visitation, orthodoxy, church ordinance of Saxony.*

National University of Civil Defence of Ukraine.

Ul. Chernyshevskaya, 94, Kharkiv, Ukraine, 61099.

E-mail: karsan2002@mail.ru

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 930.85(470)

Н. М. Морозов

ИДЕЯ МАНИХЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рассматривается проблема адекватности концепции манихейской цивилизации, разработанной философами в целях объяснения социокультурной специфики России.

Ключевые слова: *гносеологические традиции, российская цивилизация, дуальные оппозиции, манихейство, манихейская цивилизация, паллиат.*

На рубеже XX–XXI вв. разработка цивилизационного подхода и концепции локальной цивилизации в российском научном сообществе осуществлялись на фоне возмущения многих исследователей к прежним гносеологическим схемам [1, 2]. В обстановке теоретических поисков появились новые аналитические конструкции, претендовавшие на универсальность в объяснении истоков специфики социума. В это время познавательный инструментарий обогатился методологией неоклассической рациональности с ключевым выводом, что на смену идеалам объективной и субъективной истины пришел другой идеал – прагматический: истинными считались те знания, которые позволяли эффективно решать реальную познавательную или практическую проблему, ибо историческая реальность – это именно «выводимая», а не наблюдаемая реальность. Собственно, когда-то происшедшее событие, память о котором сохранилась в системе знаков, и становится историческим фактом в свете определенной теории, придающей событию те или иные смыслы.

Таким образом, при сопоставлении и для анализа авторских концепций актуальной становится не оппозиция «истинное – ложное», а рассмотрение отношений репрезентаций друг к другу. Репрезентации не могут «схватить» истину, но могут быть более или менее адекватными. Является репрезентация адекватной или нет, зависит от того, насколько четко она систематизирована, логически непротиворечива, убедительно аргументирована и обоснована выводами, расходится ли она с другими репрезентациями или согласуется с ними [3].

Приведенные выше рассуждения послужили основой для рассмотрения концепции манихейской цивилизации. Необходимо подчеркнуть, что философы и историки предпочитали осуществлять систематизацию знаний о российской цивилизации на основе бинарных признаков. Воспринятая отечественными мыслителями, начиная с историософии П. Я. Чаадаева, европейская логоцентричная

модель привязки характеристики исторических процессов (явлений) к описанию взаимодействия их атрибутивно неравнозначных полюсов со временем превратилась в господствующее бинарное (синонимы: дуальное или антиномичное) гуманитарное мышление, развивавшееся в разрезе философских диад: форма – содержание, причина – следствие, необходимость – случайность, возможность – действительность и др. Модель позволяла исследователям конструировать всевозможные варианты объяснения внутреннего состояния и положения изучаемого объекта относительно интересующей социальной системы путем изменения координат противопоставления и взаимосвязи разнонаправленных нормативностей.

К началу 1990-х гг. в оборот научных знаний были возвращены присутствовавшие в русской философии XIX – начала XX в. цепочки категорий, наиболее понятным (с точки зрения логики обыденного сознания) образом сообщавшие обществу о его базовых ценностях: о мирском (профанном) и сакральном, временном – вечном, должном – сущем, добре и зле, жизни и смерти, богатстве – бедности, власти – подданстве, праве – бесправии и многих других. Нередко увлеченность объяснением исторической реальности с помощью бинарных сопоставлений перерастала в гиперболизацию их значения и, как следствие, вела к неизбежному попаданию в авторскую аргументацию ложных посылов, состоявших из комбинации рациональных и нечетко формализованных иррациональных смыслов.

К концу XX в. широкую известность получил особый подход представителей либерального направления в социальной философии А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко к описанию проявлений историко-культурных традиций в России. Характеризуя предмет своего исследования, они оперировали такими формулами, как «манихейская цивилизация», «манихейский тип культуры», подчеркивая тем самым специфику его духовных истоков.

По поводу правомерности употребления указанных понятий, чей семантический статус не позиционировался как метафоричный или нарицательный, в литературе уже высказывались сомнения, впрочем, в условиях поощрения многообразия взглядов не побудившие коллег по цеху к дальнейшей дискуссии. Тем не менее немногочисленные отклики, отражавшие конкурирующие методы познания исторической реальности, важны для реализации цели, которую мы перед собой ставим, – определить место подхода в системе научных знаний о российской цивилизации.

Названные выше философы использовали идею о манихейской революции в целях обоснования собственной концепции истории. Не скрывалось, что используемые «...положения и выводы не дедуцируются из некоего определенным образом развернутого материала. Они постулируются, а затем апробируются на их гносеологическую продуктивность, будучи спроецированы на этот самый материал» [4, с. 108]. Соавторы в несколько тяжеловесной форме представляли свой подход как смыслогенетический в разрезе культурологии, согласно которому «...дифференцирование принципов оперирования бинарными оппозициями как универсального метакода смыслообразования выступает одной из базовых отправных точек в цивилизационном анализе вообще и в цивилизационном анализе России в частности» [4, с. 123].

Можно выделить несколько ключевых суждений.

Манихейство понималось в двух смыслах. В узком – как религиозное учение иранского реформатора Мани (216–277), появившееся под влиянием раннего христианства, гностических воззрений и зороастризма, трактовавшее мир как поле вечной борьбы двух этически дуальных начал: добра и зла, света и тьмы. Уже в течение века оно стало известно в Центральной Азии, в северной части Африки и в Римской империи, где неизменно объявлялось ересью и жестко преследовалось светскими и духовными властями.

Но для А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко конкретно-исторический контекст религиозного учения имел второстепенное значение. Главное заключалось в том, что они пользовались широким смыслом, абсолютизированным А. С. Ахиезером в отношении истории России [5, с. 263–264], и определили его как «...огромный сложнообозримый пласт религиозных, историософских идей, настроений и феноменов, на протяжении тысячелетий выступающих под самыми разными доктринальными одеждами по всему пространству региона монотеистических религий» [6, с. 55–56].

Существует так называемая манихейская матрица, принадлежащая к базовым структурам мен-

тальности любого традиционного общества. Носители ценностей, заложенных в матрице, объединенные под общим названием «манихеи», любую конфликтную ситуацию стремятся предельно обострить, и смысл их жизни заключается в борьбе до поражения противника.

Утверждалось, что в период с начала 1-го тысячелетия до н. э. до VII в. н. э., т. е. во времена «манихейской революции», в сознании людей возникла идея о сущем и должном и их противопоставлении. Тогда родовый человек, воспринимавший реальность в синкретическом виде с доминированием в механизме познания объект-объектных связей, уступил место паллиату – новому социальному типу, познающему истину о трагичном несовершенстве бытия с позиции субъект-объектных отношений. В это время и «...формируется должное как коннотативное поле смыслов, связанных с идеей мироустроительного проекта, и сущее как номинация континуума эмпирической действительности, данной субъекту в ряду дискретных и фрагментарных состояний» [7, с. 88]. Таким образом, духовный мир паллиата оказался разделенным между полюсами многочисленных бинарных оппозиций, породивших логоцентричный тип мышления, теократический тип государственности, религию спасения и презумпцию долженствования, т. е. те социальные признаки, которые были соотнесены с традиционным обществом, каким авторам идеи и представлялся российский социум.

Дальнейшее направление развития человечества связывалось с вымышленной названными выше авторами буржуазной революцией 1500–1648 гг. Тогда, как они полагали, в европейском обществе на смену времени господства паллиата наступил период доминирования личности со своей фундаментальной чертой – автономностью, у которой оппозиции снимаются на субъект-субъектном уровне [4, с. 120–121]. Таким образом, прогресс виделся в эволюции типа отношений между названными выше субъектами культуры (родовым человеком, паллиатом и личностью) и созданными ими типами цивилизаций [8, с. 175].

Для объяснения качественных особенностей указанных цивилизаций использовалась идея А. С. Ахиезера о цикличности инверсии-медиации, согласно которой периодически под влиянием различного рода факторов в сознании традиционного социума, разорванного между оппозиционными полюсами, в критические моменты происходит их инверсионная перекодировка. В новых исторических условиях повышенное значение приобретают уже другие дуальные состояния, которые сакрализуются, идеологизируются и постепенно поляризуют общественные мнения по своим полюсам [5, с. 195–199, 271–273].

Так, для цивилизации личности, под которой подразумевался Запад, оказалась характерной медиация с господствующей логикой синтеза смыслов. Там переживаемые противоречия становятся внутренней проблемой субъекта, существующей в условиях динамичного взаимодействия противоположных смысловых полюсов и сопровождаемой перманентным самостоятельным выбором решений [8, с. 70, 334]. Согласно А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко, события в истории российской цивилизации соотносятся с инверсионными циклами, в течение которых периодически менялись акценты должного.

В научном сообществе достаточно представительная группа сторонников, разделявших взгляд на социокультурную специфику своего отечества как на «промежуточную», «пограничную», «варварскую», «расколотую», «агрегатную», «периферийную», без оценочных комментариев выражала лояльное отношение и к манихейской интерпретации. Но были исследователи, которые отнеслись к ней сдержанно, не игнорируя как историографический факт. Выделим немногочисленные суждения, ориентированные на поиск слабых сторон, обнаруженных в процитированных выше умозаключениях.

Претензия по поводу присутствия футуристической компоненты была высказана Б. С. Ерасовым. Так, в одном случае, указывая на обреченность паллиата перед силами прогресса, И. Г. Яковенко предрекал, что «...железная поступь общеисторического императива сметает с земли неэффективные способы бытия» [9, с. 63–64]. В другом месте рисовалась перспектива маргинализации от двух третей до четырех пятых населения России. Подобная программа была оценена Б. С. Ерасовым как нацистская [2, с. 37].

Сторонников четкого обоснования периодизации не мог удовлетворить предлагаемый упрощенный схематизм в хронологии всемирной истории, объясняемый сменой социальных типов, согласно которой временам доминирования родового человека, паллиата и личности соответствуют неолитическая, манихейская и буржуазная революции и одноименные цивилизации. Таким образом, любые общества периодически следует перераспределять между тремя ступенями означенной социальной эволюции, исторически следующими друг за другом, учитывая при этом их взаимодействие и динамичное состояние. Но границы паллиативности индивидов авторам идеи представлялись настолько прозрачными и подвижными, что в связи с изменением исторической обстановки не исключался неоднократный переход в положение личности или временный возврат к родовому человеку.

Несомненно, в рассматриваемом подходе выразилось понимание синергетических эффектов,

присутствующих в природе локальных цивилизаций. В представленной идее дуализм был абсолютизирован и выполнял роль методологического каркаса универсальной объяснительной схемы. В содержательном отношении манихейство объявлялось генетическим наследием, а также истоком всех мировых конфессий (с постижения основ которых, кстати, Мани и начинал свою деятельность), культуры народов, сформировавших российский суперэтнос, в том числе и наиболее знакомых массовому читателю политических режимов (социалистического, нацистского) [6, с. 58–66].

В целом идея о манихейской сущности духовной сферы человечества выглядела мифологичной при сопоставлении с некоторыми результатами исследований по истории христианства и исторически приходящих типов мышления. В отношении авторской интерпретации смыслогенетического подхода был сформулирован перечень слабых мест. Сам принцип, по мнению В. Г. Хороса, выглядел несколько надуманным и формалистичным по нескольким причинам:

- не все оппозиции, выделявшие экзистенциальные параметры общества, имели значение в цивилизационном анализе;

- концепция «инверсии» и «медиации» представлялась недостаточно доказательной и «...порой просто вменяется тем или иным цивилизациям без убедительных подтверждений» [10, с. 7];

- в понимание социокультурных процессов приносился избыточный биологизм;

- среди явных несоответствий идеи было указано на современное существование западноевропейской личности в атмосфере доминирования логочентричности и дуализма, типичной для времен паллиата [10, с. 67, 73].

Стоит отметить, что специалистами в области исторической эпистемологии установленным считался факт антиномически «утонченной», традиционной для православия триадологии, которая «...не является символом безысходно-трагедийного мировосприятия, но раскрывает уникальную оболочку русской мысли, в которой «бинарное» и «тернарное» сосуществуют в высшем синтезе» [11, с. 188–192] в пределах природной способности человека мыслить одновременно и понятиями, и образами, и символами [12, с. 52]. Известной метафорой такого мировосприятия служил образ Святой Троицы. При соотношении с моделями мышления, описанными В. К. Шабельниковым [13], подобный способ понимания представляется промежуточным между ассимилятивным, характерным для западного человека, воспринимающего явления в своих умственных схемах и категориях, и аккомодивным, типичным для восточного человека, ощущающего присутствие невидимого целого, к

чему он причастен, уподобляющего себя его логике и движению, как это и выражено в русской космологии.

Анализ структуры дуальности, проведенный Ю. М. Горским и В. И. Разумовым, показал, что противоречие между двумя противоположностями, представляющееся на первый взгляд универсальным, оказывается не элементарным. Оно может рассматриваться как распределение отношения по обмену ресурсами между всеми элементами системы, где каждая сторона имеет свою, также противоречивую природу. «В основе ее, – утверждали они, – противоречие между максимальными и минимальными значениями той или иной противоположности. Увеличение ресурсов одной стороны противоречия неминуемо ведет к уменьшению ресурсов другой стороны и наоборот» [3, с. 179–180]. Движение и одновременно устойчивость системе придает третья сторона этого процесса – управляющий элемент, компенсирующий перераспределение ресурсов от полюса, испытывающего их избыток, к полюсу, испытывающему недостаток с помощью характерного для конкретной исторической эпохи набора средств и методов. При неэффективном перераспределении возникают кризисные процессы с вытекающими последствиями. Как полагал О. Г. Дука, в свое время анализировавший методологический аппарат И. Г. Яковенко [3, с. 118–121], благодаря пластичности указанного механизма и постоянному его стремлению к достижению равновесия, в фокусе гармонии дуальной оппозиции появляется «...возможность объяснить существование любых управляемых и саморазвивающихся систем, к коим, безусловно, относятся и социумы» [5, с. 181].

Вместе с тем трудно не согласиться с К. Г. Юнгом [14, с. 240–241], что ощущения борьбы дуальных этических начал: добра и зла, света и тьмы – отложились в архетипах человечества, в их многочисленных проявлениях у народов через стереотипы коллективного бессознательного. Сказанное выше обосновывает возражение по поводу обусловленности манихейством исторической конкретики истории человечества в целом и российской в частности, т. е. исходя исключительно из характеристики одного из ранних крайнего толка религиозных течений Востока.

В научном плане основополагающий тезис о времени «манихейской революции» выглядит не строгой импровизацией ранее высказанной мысли К. Ясперса о формировании в течение первого осевого времени (с 800 по 200 гг. до н. э.) в сознании индивидуума антиномичных представлений, которые оказали влияние на становление многих форм социальных связей [15], в том числе и религиозных учений. Наряду с другими конфигурациями

мышления эта совокупность представлений воплотилась в специфике духовных миров каждой из локальных цивилизаций, в период кризисов актуализируя в сознании людей обращение к противоположным и одновременно взаимозависимым полюсам сложившейся системы мироощущения.

У авторов идеи для описания сущности русской культуры был избирательно составлен набор исключительно из отрицательных признаков с агрессивным оттенком, а именно «...блокирование диалога с противостоящей стороной; профанация компромисса; особая, остро дуализированная картина мира, предполагающая мощное эмоциональное наполнение; иррациональная устремленность к последней битве; склонность к мифологии заговора и измены; перманентный поиск внутреннего врага и так далее» [12, с. 56, 58–65]. Нетрудно представить, с какой легкостью можно подобрать для указанных признаков коллаж из ситуативных событий и тенденций, относящихся к разным эпохам и социумам. Но если приведенные с этой целью иллюстрирующие факты не замыкать на контексте перманентной борьбы, а интерпретировать в разрезе взаимосвязанности известных законов и принципов диалектики, то каждый в отдельности и все в совокупности они будут свидетельствовать о сложной ритмике процессов адаптации этносов к окружающей природной среде и к конкретной исторической обстановке.

В целом в условиях провозглашенного в стране плюрализма мнений идея о манихейской сущности цивилизации в России представляла собой противоречивый продукт историософского поиска средств выражения ее социокультурной специфики. Подход А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко показал устойчивость гносеологической традиции находить новизну постижения социальной природы общества в постулировании основополагающего значения тех или иных конструкций дуальности. В целях изложения системного взгляда на предмет исследования был избран инструментарий, в теоретическом отношении ограниченный неверифицируемыми суждениями о широком смысле манихейства, а в методологическом – приемами оперирования бинарными оппозициями, представленными в виде разнонаправленных тенденций, универсальность и конечность которых обоснованно ставились под сомнение. Тем не менее изыскания авторов явились тем полезным опытом, который не остался незамеченным в гуманитарном сообществе, но обострившим проблему соответствия комплектации теоретической базы и методологического аппарата задаче адекватного познания общего и особенного в пространстве и времени российской цивилизации.

Список литературы

1. Кокаревич М. Н. К проблеме различения культуры и цивилизации // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2004. Вып. 2. С. 98–102.
2. Ерасов Б. С. Цивилизации: универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002. 522 с.
3. Дука О. Г. Дискурс исторической науки и дискурс идентичности // Дискурс-Пи. Вып. 5. URL: <http://discourse-pm.ur.ru/avtor5/dukao.php>
4. Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Системный взгляд на культуру – основа цивилизационной специфики в России // Рубежи. 1998. № 3/4. С. 107–124.
5. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. II. Теория и методология. Словарь. 600 с.
6. Яковенко И. Г. Манихейская компонента русской культуры: истоки и обусловленность // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 55–66.
7. Яковенко И. Г. Эсхатологическая компонента российской ментальности // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 87–95.
8. Беседин И. А., Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998. 371 с.
9. Яковенко И. Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. 230 с.
10. Хорос В. Г. К методологии цивилизационного анализа (по материалам проекта ИМЭМО РАН) // Цивилизации в глобализующемся мире. Предварительные итоги междисциплинарного проекта: по материалам научной конференции / отв. ред. В. Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2009. С. 4–12.
11. Уваров М. С. Бинарный архетип. Эволюция идеи антиномизма в истории европейской философии и культуры. СПб.: Изд-во БГТУ, 1996. 214 с.
12. Баранцев Р. Г. О тринитарной методологии // Между физикой и метафизикой: наука и философия. СПб., 1998. С. 51–61.
13. Шабельников В. К. Психологическое осмысление теорий: западный и восточный взгляд. URL: <http://flogiston.ru/articles/general/shabel>
14. Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Киев: Post-Royal, 1996. 384 с.
15. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 32–50.

Морозов Н. М., кандидат исторических наук, научный сотрудник.

Институт экологии человека СО РАН.

Пр. Ленинградский, 10, Кемерово, Россия, 650065.

E-mail: oven.777@mail.ru

Материал поступил в редакцию 20.11.2012.

N. M. Morozov

MANICHEAN IDEA OF MODERN CIVILIZATION IN THE NATIONAL HISTORIOGRAPHY

The article deals with the problem of the adequacy of the concept of the Manichean civilization, developed by philosophers in order to explain the socio-cultural specifics of Russia.

Key words: *epistemological tradition, Russian civilization, dual opposition, Manichaeism, Manichean civilization, palliative.*

Institute of Ecology of the Person of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences.

Pr. Leningradskiy, 10, Kemerovo, Russia, 650065.

E-mail: oven.777@mail.ru

СПЕЦИФИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ В НАЧАЛЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИОГРАФИИ)

На основе обобщения материалов российской и зарубежной историографии дается оценка процессам государственно-территориального развития двух западноевропейских стран, Франции и Германии, в первые десятилетия XVI в. Сопоставляются степень сформированности абсолютистских структур, территориальной консолидации стран, соотношение власти верховных и региональных правителей. Теоретическая значимость представленного анализа состоит в уточнении региональной специфики начального этапа формирования новоевропейской цивилизации.

Ключевые слова: Франция, Германская империя, начало XVI в., государственное и территориальное развитие.

В исторической науке был поставлен вопрос о специфике государства эпохи Возрождения, рассматриваемого в качестве некоей переходной политической структуры, промежуточной между средневековыми монархиями и абсолютизмом Нового времени и отличной от них обеих; а также типологии «ренессансных монархий» в пестрой картине западноевропейских государств. Отталкиваясь от такой постановки вопроса, сформулирована цель данной публикации – на основе обобщения материалов отечественной и зарубежной историографии дать оценку процессам государственно-территориального развития двух западноевропейских стран, Франции и Германии, в первые десятилетия XVI в., сопоставив степень сформированности абсолютистских структур, территориальной консолидации стран, соотношение власти верховных и региональных правителей¹.

Был использован ряд исторических исследований как общего характера, так и посвященных специально истории двух стран. Хронологически это тексты, начиная от романтической историографии и заканчивая литературой 2010-х гг. Среди авторов XIX в. следует назвать историка-романтика О. Тьерри и ученого историко-культурного направления К. Лампрехта. Широко задействовались материалы фундаментальных исследований немецких историков К. С. Бадера и К. Босля, советских ученых-германистов Т. Н. Десницкой, А. Д. Эпштейна, М. М. Смирнова, франковедов А. Ф. Люблинской [2], С. Д. Сказкина, Н. И. Басовской, проведенных в середине XX в. Из числа современных исследований были привлечены монографии французских исследователей Э. ле Руа Ладюри и Ж. Корнетта; известных немецких историков Ф. Пресса, Х. Х. Нольте, А. Шиндлинга и В. Циглера; отечественных франковедов И. Я. Эльфонд, Л. А. Пименовой, В. Л. Керова, германистов А. И. Патрушева и Ю. Е. Ивонина, наработки представителей англо-американской школы (Л. М. Брайан, Н. Хеншелл).

Исследователи используют по отношению к начальному периоду раннего Нового времени во Франции достаточно разнообразные определения и метафоры, зачастую противоположные друг другу. Если П. Шоню назвал государство эпохи Франциска I (1515–1547) «предклассическим», то Э. ле Руа Ладюри применил по отношению к нему термин «классическая монархия», связав ее формирование именно с XVI в. [3, с. 38; 4, с. 7] С. Д. Сказкин считал, что Франция в рассматриваемую эпоху переживала процесс достраивания абсолютистской монархии; Ж. Корнетт использовал более осторожное выражение «первый абсолютизм», тогда как Н. Хеншелл определил государство этого и даже последующего периодов только как ограниченную монархию [5, с. 169–171; 6, р. 75; 7, с. 9].

Хеншелл полагает, что бытовавшие во Франции начала раннего Нового времени представления об абсолютной монархии не имели таких характерных для нее признаков, как особое акцентирование государственной власти и ограничение прав и привилегий различных групп населения. По его мнению, хотя в начале раннего Нового времени сложилась идеология абсолютной власти, по сути, она была просто идеологией монархии, в рамках которой считалось, что управление будет эффективнее, если ряд функций сосредоточится в одних руках. С точки зрения ученого, абсолютизм в большей мере присутствовал в теории, чем на практике [7, с. 169].

Л. М. Брайан также высказал мысль, что к рассматриваемому периоду абсолютизм во Франции еще не сложился, власть сохраняла гибкость, способность к диалогу. Например, в выстраивании индивидуальных и символических отношений между королем и его подданными во время церемонии «entrée» историк видит пример эквilibрирования и «конституционного разума» [8, р. 535–536]. Французский исследователь Ж. Кринен вообще полагает, что абсолютистские тенденции встречали во

¹ См. о специфике процессов модернизации во Франции и Германии в первые десятилетия XVI в.: [1, с. 36–38].

Франции активное сопротивление вплоть до конца XVIII в. [9, р. 591].

Многие ученые пишут о переходности первой половины XVI в. во Франции, усматривая ее в одновременном существовании, наряду с установками к политической централизации, противоположных тенденций. Так, Г. Се и А. Ребийон придерживаются мнения о значительной степени децентрализации, ссылаясь, во-первых, на подвижный образ жизни правителей, отсутствие у них постоянного местопребывания; а во-вторых, на то, что королевская власть в эту эпоху еще не приобрела безличный характер (как стало позднее, когда абсолютизм достиг своего апогея); по их мнению, персона короля и его окружение по-прежнему продолжали играть большую роль [10, р. 177].

Черты децентрализации сохранялись в определенной мере в правовой и административной областях. Н. Хеншелл отмечает, что, хотя сами французские правители заявляли о своем безраздельном праве в законодательной сфере, между риторикой и реальностью существовала заметная грань. Король не имел возможности издавать такие законы, какие ему заблагорассудится; прерогатива монарха заключалась в праве вносить проекты на рассмотрение, но без утверждения сословиями они не вступали в силу. В системе управления и в этот период, и даже позднее было мало черт, которые можно было бы назвать собственно бюрократическими, поскольку значительная часть администрации находилась в частных руках; параллельно механизмам бюрократии действовали патронат и клиентела [7, с. 58–59, 98–99 и др.].

В то же время в начале XVI в. во Франции центр обладал мощной притягательной силой. В. Л. Керов считает, что к началу XVI в. французской короне удалось добиться политического единства своей страны. По его мнению, королевское законодательство было уже достаточно разработанным. Кроме того, король обладал функцией верховного судьи, претендовал на право контролировать религиозную принадлежность своих подданных, хотя это оспаривалась папой; считал своей абсолютной прерогативой отношения с иностранными государствами [11, с. 83].

М. А. Демидова пишет, что французская монархия уже в начале XVI в. представляла собой наиболее сплоченное государство в Европе [12, с. 24]. Р. Мунье подчеркивает, что в этой стране сложились наилучшие условия политической консолидации. Усиление центра осуществлялось на королевские средства; ему благоприятствовала ситуация с церковью и с преодолением раздробленности [13, р. 118–119]. Ж. П. Майер характеризует Францию

рассматриваемого периода как государство с реальной верховной властью, значительной централизацией, выстроенными отношениями с церковью [14, р. 42].

По оценкам историков, в первой половине века во Франции правили сильные или, по крайней мере, популярные короли. Так, Людовика XII (1498–1515) в связи с его политикой современники воспринимали как «отца народа» [5, с. 152; 10, р. 177]. Более 40 лет правления Франциска I и его сына Генриха II (1515–1559) составили период «восхождения» французской цивилизации, начавшегося с последних лет XV в. По словам О. Тьерри, XVI столетие, полное социальных потрясений во второй половине, было «великим» в свои первые десятилетия, придавшие ему «печать блеска» [15, с. 73].

Оборотной стороной административной централизации является ситуация в области территориального устройства страны. Для средневекового французского королевства как большинство феодальных государств была характерна раздробленность; оно было разделено на провинции, княжества, диоцезы, имевшие свою региональную историю. На протяжении веков параллельно ширящемуся собиранию земельных владений под властью центра шел процесс упрочения отдельных феодальных территорий. Исследователи отмечают, что еще в XIV–XV вв. Франция оставалась страной княжеств. Хотя владельцы отдельных территорий уже в значительной мере потеряли суверенные права, но некоторые из них еще имели многочисленные свиты и вели войны, на которые королевская власть была вынуждена закрывать глаза. Крупные феодалы, со своей стороны, продолжали воспринимать усиление центральной власти как узурпацию [5, с. 153].

Ж. Корнетт неслучайно использовал термин «мозаичное королевство» [6, р. 5]¹. Историки полагают, что Франция оставалась «составной монархией», состоящей из различных частей или территорий едва ли не до конца XVIII–XIX вв. Особенно выделялись в этом отношении отдельные политические субъекты. Так, особыми претензиями и притязаниями по отношению к Франции отличалось Бургундское герцогство, вопрос о котором остро стоял перед центральной властью до конца XV в. Длительное время сохраняла независимость и лавировала между двумя мощными правителями, французским королем и императором, Бретань; только в 1532 г. король смог заключить договор, присоединяющий эту территорию [6, р. 7]. Ситуация с Наваррой, представлявшей собой своего рода буфер между Францией и Испанией, так и осталась неразрешенной, аналогично как и с Фландрией [14, р. 43].

¹ Л. А. Пименова применяет сходную по смыслу метафору «лоскутное одеяло». См.: [16, с. 134].

И. Эльфонд выделяет районы, где старая феодальная аристократия, оппозиционно настроенная к попыткам правительства централизовать страну, сохранялась даже во второй половине XVI в. На юге это Гиень, Гасконь, владения наваррских королей и Лангедок, частично Дофине и Прованс; на северо-западе – Нормандия и особенно Бретань. Эти области были присоединены к владениям французских королей относительно поздно, причем сохранение юридической независимости французской Наварры способствовало сепаратистским настроениям в других районах [17, с. 13].

В то же время исследователи отмечают, что французская территория издавна отличалась значительно большей сплоченностью по сравнению с империей [6, р. 7]. На протяжении веков здесь неуклонно шел процесс падения локальной феодальной автономии, когда монополия на суверенитет и верховенство в правосудии, законодательстве и налогообложении на местах переходили короне [5, с. 152–153; 7, с. 14]. Самое активное участие в объединительном процессе принял и Франциск I. Он регулярно совершал туры по провинциям, в том числе посетив Лангедок, Нормандию, Дофине, графство Прованс, герцогства Бретань и Бургундию. В его ордонанс 1539 г. вошло около 200 статей по всем областям страны, целью которых была унификация управления и утверждение королевской власти [6, р. 12–13, 96]. По мнению Н. Хеншелла, Франциск стал одним из первых монархов, выигравших от присоединения короной обширных земельных владений в стране [7, с. 15]. Неслучайно некоторые историки склонны связывать превращение Франции из конгломерата феодальных территорий в единое могущественное государство именно с его именем [12, с. 23].

Немецкое государство раннего Нового времени в современной историографии принято обозначать термином «старая империя»; исследователи отмечают разрыв между ним и политической структурой эпохи Средневековья [18, с. 212–213; 19, с. 5, 14]. А. Шиндлинг и В. Циглер пишут, что «старая империя» и ее институты стали более значительными и эффективными по сравнению с предшествующим периодом. Империя теперь была ограничена преимущественно территорией Германии, приобрела чисто светский характер. Несколько утратив присущий ей ранее блеск, она стала формой надгосударственного образования, создававшего конституционный фон жизни для германских земель и имперских городов [20, с. 9]. Немецкий историк Х.-Х. Нольте считает, что на исходе позднего Средневековья Германия превратилась в своеобразное союзное государство (конфедерацию) во главе с императором [21, с. 170–171].

С одной стороны, Германская империя не стала

государством в современном смысле этого слова, преодолев лишь первые этапы на пути к нему. По мнению историков, имперский трон фактически превратился в должность главы союза немецких территорий. Сложился так называемый дуализм «императора и империи», когда верховному правителю противостояли курфюрсты, князья и города. С другой стороны, империя не распалась и значение имперской короны не померкло. Связи и традиции, соотносимые с именем и положением императора, по-прежнему нередко выходили за пределы идей и возможностей других монархий [20, с. 9; 22, с. 51].

Проведенные в конце XV – начале XVI вв. реформы, в ходе которых сложились имперские органы управления и институты, определили специфику функционирования имперского государства в рассматриваемую эпоху. Реформы были предприняты в ходе целого ряда этапов и связаны прежде всего с именем Максимилиана I (1493–1519). Были предприняты попытки формирования общеимперского правительства, введения целостного административного деления (имперские округа), создания верховного придворного суда и некоторые другие шаги [23, с. 21–24, 26]. Место средневекового собрания знати заняло собрание членов империи – рейхстаг, в котором заседали территориальные князья и главы городских магистратов, обязавшихся применять имперские законы в отношении к собственным подданным. Разрабатывалась идея имперской войны под командованием короля, во главе с имперским военачальником и маршалами [19, с. 5, 9, 15].

Реформы не были реализованы в той форме, в которой задумывались, поэтому многие историки пишут об их неудаче [22, с. 51; 23, с. 26–27]. Монархический проект централизации, который, по мнению Т. Н. Десницкой, напоминал французскую государственную систему [24, с. 171], воплотить не удалось. Так, имперское правительство просуществовало недолго и было не исполнительным органом, а совещательной коллегией, в случае несогласия императора обращавшейся к окончательному решению курфюрстов и князей.

В отличие от Франции с ее достаточно разработанными основными законами первое общеимперское законодательство – «Каролина» – было принято только при Карле V (1519–1555) в 1532 г. Да и то, как показала Т. Е. Логинова, правовые нормы в этом сборнике носили, скорее, рекомендательный характер. Хотя они создавались с целью усиления центральной власти, но на практике в большей мере соответствовали потребностям князей. Это был не только правовой, но и политический документ, отразивший компромисс императора с территориальными правителями в уголовно-правовой

сфере; упрочение его способствовало княжескому абсолютизму [25, с. 9].

Политическая линия императорского дома Габсбургов, традиции которой были заложены еще во второй половине XV в.¹, придала роду Габсбургов европейский размах [22, с. 68–70; 26, S. 14–15]. В XVI столетии так называемый Австрийский дом стал межнациональной общеевропейской династией; одновременно Габсбурги превратились в богатейших территориальных правителей империи.

Правивший в первые десятилетия Максимилиан I проводил активную политику в Нидерландах, вел перманентную борьбу с итальянскими городами, участвовал в ожесточенной полемике с германскими князьями. Несмотря на его многочисленные политические неудачи, Максимилиану удалось оставить в истории романизированный, даже героический образ; именно с его фигурой связано становление универсальной империи Габсбургов [24, с. 158–174].

Особую роль в судьбе дома Габсбургов сыграла женитьба сына Максимилиана Филиппа на дочери испанских королей, благодаря которой они приобрели власть над Кастилией, Арагоном и Южной Италией. С правлением внука Максимилиана Карла V, владевшего в совокупности семнадцатью коронами и практически реконструировавшего в территориальном плане империю Карла Великого [14, p. 42], связан пик могущества Австрийского дома.

Н. И. Басовская считает, что присущая Германской империи установка на создание универсальной империи была столь же закономерной, как и переживаемые другими странами процессы политической централизации, и на разных этапах имела место в истории большинства европейских средневековых государств. В этой связи развитие самой Германии на рубеже раннего Нового времени, по ее мнению, представляет собой вариант единого процесса создания современного государства [27, с. 262–264, 267]. В то же время очевидно, что к началу XVI в. здесь сложилась в целом иная по сравнению с французскими землями политическая ситуация. Расцвет собственной территориальной власти и международного влияния Габсбургов сопровождался относительной слабостью внутренне-го управления.

Как уже отмечалось выше, своеобразие социально-политического развития Германии в эпоху Средневековья и раннего Нового времени состояло в наличии двух уровней развития государственности, общеимперского и территориального; «дуалистическом пути». Среди множества самостоятельных политических единиц встречались имперские

княжества, курфюршества, графства и прелатства, имперские города, которые в совокупности образовывали весьма сложную политическую систему [11, с. 24; 28, с. 15; 29, S. 204–205].

По мнению К. Лампрехта, в первые десятилетия XVI в. дуализм развития Германии достиг своего пика [23, с. 2]. Ю. Е. Ивонин считает, что Германская империя раннего Нового времени по-прежнему представляла собой феодальный союз; государство, базировавшееся на имперском ленном праве. Лены империи – крупные, средние и малые земли – отличались разной степенью суверенитета. К. Босль пишет, что в отдельных случаях территориальные властители могли оказаться едва ли не сильнее, чем верховный правитель страны [30, S. 119].

В. И. Васильев считает, что к рубежу Нового времени государство Германии сформировалось именно на уровне территорий, суверенитет которых реализовался как реальная государственная власть, хотя и подчиненная власти императора (поскольку действенность этого суверенитета была в определенной мере ограничена имперским законом, правами верховного правителя и вердиктами имперского суда) [31, с. 34–35]. К. С. Бадер показал диссонанс между собственными интересами территорий и их имперским участием [32, S. 14–15, 24, 26, 237, 289].

Во второй половине XV и на рубеже XVI в. наметился рост княжеского абсолютизма, вызвав более напряженные, чем прежде, междоусобицы между князьями. При этом князья отстаивали свои интересы не только порознь, но и через объединения, нередко непрочные и случайные [23, с. 14–15, 24, 26, 237, 289]. Относительной сплоченностью отличался включивший ряд княжеств и городов юго-западной Германии Швабский союз (1488–1534), создание которого было инициировано со стороны императорской власти. На время правления Максимилиана I пришлось так называемое федеральное движение князей, в рамках которого, напротив, шла речь об ограничении власти или даже низложении верховного правителя [24, с. 167; 33, с. 74]. Среди князей выделилось две партии: одни придерживались федеральных идей, а другие поддерживали сторону императора [23, с. 24, 26].

Во времена Реформации разделение князей на партии и группировки получило основание в религиозных разногласиях. Странники двух противоположных тенденций государственности разделились по конфессиональному признаку: идея имперского единства находила опору в католицизме, тогда как княжеский абсолютизм – в протестантизме.

¹ Основными ее направлениями стали обеспечившая родство с другими дворянскими и княжескими родами Европы брачная практика, внутренние захваты земель, военная и внешнеполитическая активность.

Привержены новой вере были, в частности, противостоящие Габсбургам князья Гессена и Саксонии, Верхний и Нижний Пфальц, с 1534 г. Вюртемберг. В протестантский лагерь вошли также северогерманские государства – Пруссия, Бранденбург, Брауншвейг [28, с. 60–61; 33, с. 82–83]. В 1530–1531 гг. протестантские князья объединились в Шмалькальденский союз, составивший блок с французским королем. В католический лагерь вошли Габсбурги, Бавария, Франкония, духовные княжества на Рейне, в Северо-Западной Германии и Эльзасе.

Таким образом, исходя из имеющегося в историографии материала, можно сделать вывод, что во Франции и Германии уже в первые десятилетия XVI в. развернулись процессы формирования абсолютистских структур и территориальной консолидации, изменилось соотношение власти верховных и региональных правителей. В то же время в области государственно-территориального развития рассматриваемых стран в начале раннего Нового времени наблюдается значительная специфика.

Французская монархия в начале XVI в. представляла собой наиболее сплоченное государство в Европе, здесь сложились наилучшие условия политической и территориальной консолидации. Хотя Франция оставалась «составной монархией», «мозаичным королевством», состоящим из различных частей, в то же время ее территория отличалась значительно большим единством по сравнению с империей. Важным этапом на пути объединения стал период правления Франциска I, с чьим именем некоторые историки даже склонны связывать превра-

щение Франции из конгломерата феодальных территорий в единое могущественное государство.

Германская империя на исходе позднего Средневековья превратилась в своеобразное союзное государство (конфедерацию). Империя не стала государством в современном смысле этого слова, преодолев лишь первые шаги на пути к нему. В правление императоров первой половины XVI в. Максимилиана I и Карла V на общегосударственном уровне восторжествовала установка на создание универсальной империи, что предопределило слабость внутреннего управления. В этих условиях сформировавшийся на протяжении многих столетий дуализм, традиция двухуровневого развития государственности, общеимперского и территориального, в первые десятилетия XVI в. достиг по сравнению с предшествующим периодом наибольшего развития.

Теоретическая значимость представленного в статье анализа историографического материала по политической истории Франции и Германии начала раннего Нового времени состоит в уточнении региональной специфики начального этапа формирования новоевропейской цивилизации. В практическом плане материалы статьи могут быть использованы в ходе преподавания курсов «История Средних веков», «Зарубежная историография», «Особенности формирования властных традиций в раннее Новое время»; в подготовке методических публикаций по данным дисциплинам, а также при написании квалификационных и научно-исследовательских работ по истории Средневековья и раннего Нового времени.

Список литературы

1. Зайцева Т. И. Специфика ранней европейской модернизации в контексте современного историко-социологического знания // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 11 (113). С. 35–40.
2. Люблинская А. Д. Государство эпохи Возрождения в Западной Европе // Типология и периодизация культуры Возрождения. М.: Наука, 1978. С. 7–15.
3. Шоню П. Цивилизация классической эпохи / пер. с фр. В. Бабинцева. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 608 с.
4. Ле Руа Ладюри Э. История Франции. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. 1460–1610 / пер. с фр. Е. Н. Корендясова и В. А. Павлова. М: Международные отношения, 2004. 416 с.
5. Сказкин С. Д. Франция первой половины XVI века // История Франции: в 3 т. / отв. ред. А. З. Манфред. М.: Наука, 1972. Т. 1. С. 151–180.
6. Cornette J. Un premier absolutisme? 1515–1559 // Cornette J. Histoire de la France: l'affirmation de l'Etat absolu: 1515–1652. P.: Hachette, 2003. P. 75–109.
7. Хеншелл Н. Миф абсолютизма: перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / пер. с англ. А. А. Паламарчук при участии Л. Л. Царук, Ю. А. Махалова; отв. ред. С. Е. Федоров. СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.
8. Bryant L. M. La cérémonie de l'entrée a Paris au Moyen Age // Annales. ESC. 1986. № 3. P. 513–542.
9. Boureau A. Jacques Krynen. L'empire du roi. Idées et croyances politiques en France, XIIIe – XVe siècle, Paris, Gallimard, 1993, 556 p. // Annales. HSS. 1995. № 3. P. 589–591.
10. Sée H., Rébillon A. Le XVIe siècle / Avant-propos de S. Charlety. P.: Les presses universitaires de France, 1934. 411 p.
11. Керов В. Л. Протестантизм и концепция Макса Вебера: к 500-летию со дня рождения Кальвина. М.: Экон-Информ, 2009. 183 с.
12. Демидова М. А. Идеальная резиденция ренессансного правителя: дворец Фонтенбло эпохи Франциска I. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 351 с.
13. Mousnier R. Les XVIe et XVIIe siècles: la grande mutation intellectuelle de l'humanité, l'avènement de la science moderne et l'expansion de l'Europe. P.: Presses universitaires de France, 1993. 688 p.
14. Mayer J. P. Pavie, 1525: L'Italie joué son destin pour deux siècles. Le Mans: Cenomane, 1998. 157 p.

15. Тьерри О. Опыт истории происхождения и успехов третьего сословия // Избранные сочинения / пер. с франц. под ред. и с пред. О. Л. Вайнштейна. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 1–204.
16. Пименова Л. А. Идея нации во Франции Старого порядка // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории / под ред. В. С. Бондарчук. М.: Зерцало-М; Вече, 2005. С. 125–158.
17. Эльфонд И. Я. Образ власти: pro et contra: политическая мифология, пропаганда и культура во Франции XVI в. Саратов : СГСЭУ, 2011. 243 с.
18. Ивонин Ю. Е. М. Шнеттер. Суверенный государь или имперский город? Республика Генуя и Старая империя в раннее Новое время (1556–1797). Майнц, 2006 // Новая и новейшая история. 2008. № 2.
19. Ивонин Ю. Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее Новое время. 1495–1806. Т. 2. Ч. 2. Рейхстаги. Универсальное и национальное. Бюрократия и придворное общество. Секуляризация 1803 г. и конец Священной Римской империи. Очерки. М.: Транс-Лит. 2009. 336 с.
20. Шиндлинг А., Циглер В. Германская империя Нового времени. Размышления о сущности и метаморфозах // Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия / пер. с нем. Е. С. Самойловича. Ростов-н/Д: Феникс, 1997. С. 8–32.
21. Нольте Х.-Х. Россия и Германия в Европе: исторический опыт и перспективы / пер. с нем. М. Б. Корчагиной // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 170–178.
22. Патрушев А. И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М.: ИД Международного университета в Москве, 2007. 704 с.
23. Лампрехт К. История германского народа: в 3 т. / пер. с нем. П. Николаева. М.: К. Солдатенков, 1895. Т. 3, ч. V. 545 с.
24. Десницкая Т. Н. Борьба за объединение Германии в немецкой публицистике и программных документах эпохи Реформации и крестьянской войны: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1951. 160 с.
25. Логинова Т. Е. Становление общегерманского уголовного судопроизводства в Германии в начале XVI в.: дис. ... канд. юр. наук. Свердловск, 1991. 160 с.
26. Weithmann M. Stichwort Habsburger. München: Wilhelm Heye Verlag, 1993. 95 S.
27. Басовская Н. И. Системный подход к изучению централизаторской и универсалистской тенденций в развитии феодального государства // Всеобщая история. Дискуссии, новые подходы / под ред. В. В. Согрина, А. О. Чубарьяна. Вып. 2. М.: Наука, 1989. С. 261–269.
28. Смирин М. М. Германия в преддверии Нового времени // Германская история в новое и новейшее время / под ред. С. Д. Сказкина и др.: в 2 т. М.: Наука, 1970. Т. 1. С. 9–64.
29. Press V. Ein Epochejahr der württembergischen Geschichte. Restitution und Reformation 1534 // Zeitschrift für Württembergische Landesgeschichte. № 47. 1988. S. 203–234.
30. Bosl K. Bayerische Geschichte. München: List, 1971. 310 S.
31. Васильев В. И. История германского федерализма // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 27–50.
32. Bader K. S. Der deutsche Südwesten in seiner territorialstaatlichen Entwicklung. Stuttgart: Koehler, 1950. 202 S.
33. Эпштейн А. Д. Германия в период позднего Средневековья // История Германии от позднего Средневековья до революции 1848 года. М.: Изд-во ИМО, 1961. С. 10–126.

Зайцева Т. И., кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: kvi_TSPU@mail.ru

Материал поступил в редакцию 06.12.2012.

T. I. Zaytseva

SPECIFIC FEATURES OF THE STATE-TERRITORIAL DEVELOPMENT OF FRANCE AND GERMANY AT THE BEGINNING OF EARLY NEW TIME (ON THE HISTORIOGRAPHICAL MATERIALS)

In this article we make an attempt to give assessment to the processes of the state-territorial development of two West-European countries, France and Germany, in the first decades of the 16th century on the basis of the generalization of the materials of the Russian and foreign historiography. The degree of formation of the absolutist structures, territorial consolidation of the countries, parity of authority of the Supreme and regional governors are compared. The theoretical importance of the analysis consists in the specification of the regional specificity of the initial stage of the modern European civilizations formation.

Key words: *France, German empire, beginning of the 16th century, state and territorial development.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: kvi_TSPU@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 371.026

А. Т. Алиева

ИННОВАЦИИ В ПОВЫШЕНИИ ПЛОТНОСТИ УРОКА

Статья посвящена вопросам развития профессиональной компетентности молодых учителей в курсах повышения квалификации через инновационный модуль по рациональному использованию учебного времени урока. На основании результатов анкетного опроса молодых учителей, впервые привлеченных на курсы повышения квалификации, предложена идея комплектования учебных групп слушателями с максимально однородными профессиональными затруднениями.

Ключевые слова: инновации в образовании, профессиональная компетентность учителя, повышение квалификации учителей, плотность урока, интерактивные методы обучения.

Статья посвящена вопросам развития профессиональной компетентности молодых учителей в курсах повышения квалификации (ПК) через инновационный модуль по рациональному использованию учебного времени урока.

Вначале необходимо раскрыть содержание основных понятий, ибо, как говорил Рене Декарт, «Верно определите слова, и вы освободите мир от половины недоразумений». Что значит «молодой учитель»? В широком смысле слова это прежде всего выпускник педагогического вуза (колледжа), получивший диплом. Но получение диплома – это еще не признак его профессионализма. В советские годы выпускника вуза называли «молодым специалистом», определяя таким образом его статус. Считалось, что ему еще требуется определенное время, чтобы приобрести профессиональный опыт, а также соответствующая профессиональная среда, предоставляющая ему возможность сформироваться как профессионалу. По мнению авторов, современные молодые учителя также должны иметь подобный статус.

Таким образом, наличие у человека диплома учителя – это необходимое (но не достаточное) условие для последующего становления профессионализма. Человек может приобрести это свойство в результате специальной подготовки и долгого опыта работы, но может и не приобрести его вообще.

Необходимой составляющей профессионализма учителя является профессиональная компетентность. Вопросы профессиональной компетентности учителя рассматриваются в работах как отечественных, так и зарубежных ученых. Современные подходы и трактовки профессиональной компетентности весьма различны.

Профессиональная компетентность учителя представляет собой качественную характеристику его личности, которая включает систему научно-

теоретических знаний как в предметной области, так и в области педагогики и психологии. Профессиональная компетентность учителя – это многофакторное явление, включающее в себя систему теоретических знаний учителя и способов их применения в конкретных педагогических ситуациях, ценностные ориентации, а также интегративные показатели его культуры [1].

Традиционный анкетный опрос молодых учителей, впервые участвующих в курсах повышения квалификации, показывает, что лишь единицы выпускников педагогических вузов сразу после завершения учебы приступают к трудовой деятельности по специальности. Многие из них долгое время остаются безработными или работают в других сферах. Это приводит к значительному снижению уровня теоретических знаний по специальности, а также притуплению педагогических способностей и навыков. Несколько лет назад в системе ПК педагогических кадров Азербайджана практиковались восстановительные курсы для молодых и неопытных учителей. Однако со времени введения новых порядков приема учителей на работу восстановительные курсы были отменены. Сейчас учителей принимают на работу на основе результатов тестовых экзаменов и последующего собеседования. Вновь принятые на работу учителя направляются школами на курсы ПК на общих основаниях. Однако, как показывают результаты анкетного опроса, а также суммарной оценки знаний, способностей и навыков, приобретенных молодыми и неопытными учителями, прохождение курсов ПК на общих основаниях оказывается неэффективным.

Трудности молодых учителей – педагогическая проблема, которая была предметом многих серьезных систематических исследований. Несмотря на многочисленность таких библиографических источников в Азербайджане, а также в русскоязыч-

ной психолого-педагогической научной литературе, проблема остается актуальной.

В англоязычной психолого-педагогической научной литературе указано, что для данного контингента молодых учителей организуются так называемые кратковременные курсы *Microteaching*, предназначенные для приобретения самых элементарных профессиональных знаний, способностей и навыков. Согласно Оксфордскому словарю, *Microteaching* – *small skills in teaching*, т. е. самые элементарные учительские способности [2].

В этом отношении достойна внимания статья А. О. Козыревой [3], а также работа группы авторов [4], где предлагается новое решение педагогической задачи комплектования учебных групп слушателями с максимально однородными профессиональными затруднениями независимо от педагогического стажа. Ими также рассмотрены вопросы создания учебного модуля, содержащего материал, необходимый для формирования педагогом недостающей профессиональной компетенции.

Данная проблема всегда находилась в центре внимания учебно-методического отдела Бакинского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров. Для данного контингента учителей общеобразовательных школ предложено недельное модульное инновационное обучение по программе «Методология для молодых учителей» [5]. Предложенная методология нацелена на повышение уровня профессиональной компетентности молодых учителей в выборе типологии и структуры уроков, а также успешном применении интерактивных методов обучения.

Однако, как показывает анализ психолого-педагогической литературы, типология и структура урока не имеют определенного трафарета. По сути, каждый конкретный урок, проведенный учителем, имеет свою неповторимую методическую структуру. Методическая структура определяется учителем, он отбирает средства, приемы и способы преподавания.

Основные пути инновации в повышении плотности урока следующие: усиление целенаправленности деятельности учителя и учащихся на уроке; осуществление организационной четкости урока от первой до последней минуты; повышение познавательной самостоятельности и творческой активности учащихся; целенаправленный выбор наилучшего варианта построения учебно-воспитательного процесса; совершенствование типологии и структуры урока.

Основные психологические требования к плотному уроку: проектирование развития учащихся; особенности самоорганизации учителя; организация познавательной деятельности учащихся; организованность учащихся; учет возрастных особенностей учащихся.

Помимо мотивации учеников и учителя важными психодинамическими характеристиками плотного урока являются интенсивность воздействий, темп и ритм, однообразие или разнообразие этих воздействий, эмоциональный фон и эмоциональная окраска отдельных временных отрезков урока, обоснованность чередования напряженности и расслабленности, преднамеренная и непреднамеренная активизация тех или иных психических функций, дифференцированность нагрузки на учащихся с учетом индивидуально-психологических особенностей каждого из них, наличие психологической гармонии или дисгармонии (контрастов) во взаимодействии участников учебного процесса. Не следует забывать также обязательное выполнение гигиенических требований в классе.

На практических занятиях слушателям курсов ПК прививаются навыки эффективного использования учебного времени на уроке. В конце практических занятий ставится вопрос о хронометраже урока: рационально ли было распределено время, отведенное на все этапы урока?

Учитель, желающий что-нибудь прочно запечатлеть в памяти учащихся, должен организовать обратную связь на уроке и позаботиться о том, чтобы как можно больше органов чувств – глаз, ухо, голос, чувство мускульных движений и даже, если возможно, обоняние и вкус – приняли участие в акте запоминания.

Эффективность и результативность зависят не от абсолютизации его структуры, а от четкого определения целевых установок, от ответа учителя на вопрос о том, чему он должен научить учащихся, как использовать занятия для разумной организации их деятельности. Хороший урок – это такой урок, где царит деловая творческая обстановка, где желания школьников размышлять бьют ключом, где они охотно вступают в диалог с учителем, друг с другом, не боясь попасть впросак.

Хронометраж урока как способ педагогического анализа включает достаточно много вариантов. Содержанием каждого из них является фиксация затрат времени и анализ целесообразности этих затрат. Однако наиболее содержательным в обеспечении педагогического контроля является определение так называемой плотности урока.

Плотность урока – это относительная величина, которая определяется в процентах. Цель определения плотности урока – соотношение затрат времени на различные элементы учебно-воспитательной деятельности и выявление их целесообразности.

При решении поставленных задач в полном объеме многим молодым учителям трудно укладываться в рамки 45 минут. Если выразиться шахматной терминологией, им мешает «чувство цейтнота». К сожалению, многие учителя и некоторые

чиновники системы общего образования и поныне рассматривают структуру урока как нечто неизменное и догматическое. В действительности же педагоги имеют полную свободу в выборе структуры урока. Поэтому на курсах ПК мы прививаем навыки эффективного использования учебного времени.

Статистический анализ результатов анкетирования слушателей курсов ПК показал, что их основные трудности по степени влияния и частоте можно классифицировать следующим образом: методологические и дидактические трудности; трудности, связанные с низким уровнем теоретических знаний по специальности; психологические, в том числе личностно-психологические, трудности; социально-адаптационные трудности; трудности общения (коммуникативные).

Некоторые из этих трудностей встречаются даже у учителей с большим педагогическим стажем, однако часть свойственна только молодым учителям. Это прежде всего трудности, связанные с низким уровнем теоретических знаний, личностно-психологическими особенностями и профессиональными стереотипами. Среди методологических и дидактических трудностей молодых учителей наиболее типичными являются трудности выбора типа и структуры урока, а также интерактивных методов обучения для конкретных изучаемых тем. Все это подтверждает тезис о необходимости уделять повышенное внимание обучению структурированию урока и его времени на курсах ПК для молодых учителей.

Список литературы

1. Алиева А. Т. Базовые категории компетентного подхода в современной образовательной парадигме // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 8 (123). С. 157–159.
2. The Concise Oxford Dictionary of Current English (Edited by J. B. Sykes). London: Oxford University Press, 1987. P. 639.
3. Козырева О. А. Структурный анализ и моделирование профессиональной компетентности педагогов в процессе ПК // Образование и общество. 2007. № 5. С. 29–34.
4. Савинков Ю. А. и др. О модульной организации ПК работников образования // Человек и образование. 2011. № 1. С. 39–47.
5. Алиева А. Т. Методология для молодых учителей: программа курсов повышения квалификации по инновациям. Баку: Мутерджим, 2012. 21 с.

Алиева А. Т., кандидат педагогических наук.

Бакинский институт повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров.

Ул. Мир Джалал, 11, Баку, Азербайджан, AZ-1134.

E-mail: a_t_aliyeva@mail.ru

Материал поступил в редакцию 24.12.2012.

A. T. Aliyeva

INNOVATIONS IN INCREASING CONTENT OF THE LESSON

The article deals with the development of professional competence of young teachers in training courses through an innovative module for the rational use of time at lessons. Based on the results of a questionnaire survey of young teachers, participating for the first time in professional development courses, we offer the idea of completing training groups of students with the most homogeneous professional difficulties.

Key words: *innovations in education, professional competence of the teacher, improvement of professional skill of teachers, lesson density, interactive methods of training.*

Baku Institute of Teachers' Professional Development.

Ul. Mir Jalal, 11, Baku, Azerbaijan, AZ-1134.

E-mail: a_t_aliyeva@mail.ru

Н. А. Артеменко

О СПОСОБАХ ФОРМИРОВАНИЯ УМЕНИЙ РЕФЛЕКСИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ-ФИЛОЛОГОВ

Рассматривается вопрос необходимости формирования рефлексивного опыта будущих учителей русского языка и литературы. Рефлексивный опыт представлен как составляющая часть такой профессионально значимой компетентности, как проектно-комбинаторная.

Ключевые слова: *рефлексивный опыт, виды рефлексии, педагогическая технология, проектная компетентность, проектная деятельность, этапы проектной деятельности.*

Проблема подготовки компетентного учителя в последние годы оказалась в центре внимания многих специалистов в области педагогики, психологии, методик разных предметных дисциплин. Это объясняется потребностями современного образования в компетентном учителе.

Сегодня качество подготовки специалистов обеспечивается главным образом за счет педагогического воздействия и недостаточно учитывается психологический фактор, который оказывает значительное влияние на саморазвитие студента, развитие его профессионально важных качеств. Как правило, все существующие сейчас технологии, методы обучения направлены на передачу знаний и практически не обеспечивают активной самостоятельной познавательной деятельности студентов, развитие их профессиональных, творческих способностей [1]. Развитию последних способствуют педагогические технологии на основе активизации и интенсификации деятельности обучающихся (интерактивные технологии, проблемное и проектное обучение и др.).

Молодые специалисты должны быть готовы составлять лично ориентированную образовательную программу своих воспитанников, устанавливать внутри-, междисциплинарные и цикловые связи изучаемых дисциплин, проектировать модульную и мультипрофильную организацию учебного процесса, определять наиболее рациональные его формы, методы и технологии.

М. А. Холодная отмечает, что если раньше основная функция учителя заключалась в трансляции общественного опыта (в виде знаний и способов деятельности), то в современной школе учитель, скорее, должен реализовывать функцию проектирования индивидуального роста каждого ученика. На первый план выходят такие формы деятельности учителя, как разработка индивидуальных стратегий обучения, учебно-педагогическая диагностика, индивидуальное консультирование и т. д. [2].

В современной школе учитель выступает субъектом индивидуализации обучения. Это требует от педагога трансформирования своей педагогической позиции от информационно-контролирующей

в пользу лично ориентированной, поддерживающей.

В этом аспекте немаловажным фактором является изменение позиции педагога в трех основных направлениях: 1) отношение к детям как развивающимся субъектам; 2) изменение культуры человеческого взаимодействия; 3) отношение к себе как к развивающемуся субъекту. Таким образом, обучение в современных условиях невозможно без понимания учителя как активного субъекта, познающего и преобразующего себя в процессе педагогической деятельности, постоянно совершенствующего свое педагогическое мастерство, при этом субъектность учителя становится перспективой развития ученика [3, с. 11].

Все это обосновывает необходимость создания в процессе обучения будущих педагогов особых условий, способствующих эффективному развитию профессиональных компетентностей студентов, которые включают в себя способности понимать современные приоритеты образования, эффективно использовать современные образовательные технологии, а также способность к рефлексии. Для успешного осуществления профессиональной деятельности современному специалисту уже недостаточно наличия глубоких познаний в области психологии, педагогики и преподаваемого предмета. Все большую значимость приобретает формирование и совершенствование проектной деятельности, предполагающей готовность выпускника вуза внедрять в учебно-воспитательный процесс средней школы (а также самому разрабатывать) новые педагогические технологии с позиций принятия личности обучающегося как главной ценности образования; а также формирующей умение педагога адекватно оценивать в ходе аналитико-синтетической деятельности информацию, характеризующую конкретную проблемную педагогическую ситуацию.

Выполнение таких функций требует от будущего учителя умений обосновывать выбор педагогического действия и анализировать последствия этого действия, проникать в причины и мотивы поведения учащихся, выявлять ошибки участников

педагогического процесса и искать средства их устранения, осознавать перспективы своего профессионального роста и т. д. Современной школе нужен такой учитель, который способен не только делать осознанный и обоснованный выбор элементов содержания образования, методов и средств обучения при проектировании урока, но и адекватно изменять свою деятельность с учетом требований педагогической ситуации. Также педагог должен владеть умениями критически оценивать педагогические проблемы и находить пути их решения. Все это предполагает целенаправленное формирование у будущих педагогов педагогической рефлексии, т. е. актуальной становится задача формирования рефлексивного опыта учителя как одной из составляющих его профессиональной компетентности.

Мы понимаем рефлексивный опыт как опыт самоосознания и самоанализа своих педагогических действий. Будущий педагог должен уметь оценивать и контролировать ход собственной мыслительной деятельности при решении определенных методико-педагогических проблем, обосновывать выбор содержания филологического образования и методов его реализации при планировании своей педагогической деятельности.

Формированию рефлексивного опыта будущего учителя-словесника могут способствовать различные учебные дисциплины: психология, педагогика, философия, предметные дисциплины. Особую роль может сыграть курс теории и методики обучения русскому языку и литературе. Возникает вопрос, создает ли имеющаяся практика подготовки учителя русского языка и литературы условия для развития профессиональной рефлексии как одной из важнейших составляющих его профессиональной компетентности? Далее необходимо рассмотреть, как происходит становление профессиональной рефлексии педагога при формировании понятийной базы учащихся в процессе освоения курса русского языка.

К сожалению, в настоящее время учителя далеко не всегда учитывают особенности формирования понятия в соответствии с современными методическими и психолого-педагогическими требованиями. Следовательно, возникает потребность в такой подготовке учителя-филолога, которая создавала бы условия, позволяющие будущим учителям сознательно относиться к основам организации познавательной деятельности учащихся по изучению лингвистических понятий.

В связи с этим целесообразно обозначить возможности формирования рефлексивного опыта будущего учителя-филолога при освоении курса «Теория и методика обучения русскому языку».

Как уже было сказано, на современном этапе развития общества одной из важнейших задач вузов

является подготовка таких педагогических кадров, которые были бы способны быстро и самостоятельно приобретать новые знания, уметь принимать эффективные решения в различных ситуациях. В связи с этим актуальным становится вопрос о том, каким образом можно обеспечить развитие профессиональной компетентности будущего учителя.

Профессиональная компетентность учителя является системным образованием и предполагает интеграцию личностно-деятельностного, системно-структурного, знаниевого, культурологического, акмеологического и др. научных подходов к анализу педагогических процессов. Она включает в себя интеллектуальную компетентность как особый тип организации знаний (М. А. Холодная); общекультурную компетентность как способность к адекватному осмыслению, практическому и коммуникативному решению ситуаций (Н. С. Розов); компетентность как способность к самостоятельной познавательной деятельности (П. Я. Гальперин); «высшую компетентность», связанную с мотивами и ценностными установками личности и др.

Каждый из обозначенных видов компетентностей необходимо формировать у будущего учителя-словесника, отводя при этом особую роль его рефлексивному опыту.

Рефлексивные процессы в профессиональной деятельности учителя проявляются в ситуации непосредственного взаимодействия с учениками, в процессе проектирования и конструирования им учебной деятельности, а также на этапе самоанализа и самооценки собственной деятельности, самого себя как субъекта.

Анализ исследований, связанных с видами профессиональной рефлексии, позволяет выделить три вида рефлексии [2, 4], отражающих природу педагогической деятельности учителя-филолога.

Ситуативная рефлексия. Эта форма выступает в виде «мотивировок» и «самооценок» и обеспечивает непосредственную включенность субъекта в ситуацию, осмысление ее элементов, анализ происходящего. Это умение соотносить собственные действия с предметной ситуацией, координировать и контролировать элементы деятельности в соответствии с меняющимися условиями.

Ретроспективная рефлексия. Служит для анализа уже выполненной деятельности, уже случившихся событий. В данном случае рефлексия затрагивает предпосылки, мотивы, условия, этапы и результаты деятельности; эта форма рефлексии может служить для выявления возможных ошибок.

Перспективная рефлексия. Данный вид рефлексии включает в себя размышление о предстоящей деятельности, планирование, выбор наиболее эффективных способов выполнения, прогнозирование возможных результатов.

М. А. Холодная в качестве составляющей рефлексивного (метакогнитивного) опыта выделяет открытую познавательную позицию личности, связанную с осознанием возможности множества разнообразных «взглядов» на одно и то же явление, со способностью использовать разные виды анализа проблемы, готовностью учитывать точку зрения другого человека и т. д. [2].

Как должна быть организована деятельность будущих учителей русского языка и литературы, чтобы она создавала условия для формирования их рефлексивного опыта?

На формирование рефлексивного опыта будущего педагога-словесника может оказывать влияние содержание различных учебных дисциплин, определяемых ГОС ВПО, в том числе содержание курса теории и методики обучения русскому языку. В рамках данного курса студенты изучают тему «Формирование умений учебной деятельности школьников». Освоение данной темы позволит будущим специалистам овладеть методикой работы с лингвистическими понятиями.

По мнению Л. С. Выготского, благодаря понятиям учащиеся понимают связи, отношения, взаимозависимости, запоминание начинает опираться на смысловые связи, внимание приобретает произвольный характер, содержание мышления становится внутренним убеждением учащегося, его интересом и намерением, начинается самопознание [5]. Успешность учителя-словесника во многом зависит от его профессионализма в области формирования лингвистических понятий. Вопросам развития понятийного мышления посвящены работы педагогов, психологов, методистов (Л. С. Выготский, Э. Г. Гельфман, В. В. Давыдов, М. А. Холодная и др.). Их анализ может стать основой для формирования перспективной и ретроспективной рефлексий.

Знакомство с работами психологов, посвященных изучению мыслительной деятельности учащихся, направленной на изучение свойств понятий, полезно включать в программу подготовки будущих учителей. Это позволит будущим специалистам не только успешно работать с признаками понятий, но и разовьет у них умение классифицировать ошибки, выявлять их психолого-педагогические причины, что также будет способствовать формированию рефлексивного опыта будущего учителя-словесника.

Одним из ресурсов формирования различных видов рефлексивного опыта является знакомство студентов с психологически ориентированными моделями обучения, так как содержание образования в этих моделях может служить примером реализации требований к организации познавательной деятельности учащихся по усвоению понятий.

Так, на примере изучения «обогащающей модели» обучения (Э. Г. Гельфман, М. А. Холодная и др.) будущие учителя могут научиться опознавать и конструировать учебные тексты, которые способствуют активизации различных форм кодирования информации о содержании лингвистических и литературоведческих понятий (словесно-речевой, визуально-пространственный, предметно-практический, сенсорно-эмоциональный) и формированию способности переходить от одной формы кодирования информации к другой; формированию когнитивных схем; развитию семантических структур; соблюдению фаз движения мысли в процессе образования понятия, таких как мотивировка, категоризация, обогащение, перенос, свертывание.

В рамках изучения темы «Формирование умений учебной деятельности» при освоении курса «Теория и методика обучения русскому языку» у студентов-филологов формируются умения, которые способствуют развитию различных видов рефлексивного опыта (ситуативного, ретроспективного, перспективного). Для формирования рефлексивного опыта студентов большое значение имеют применяемые методы обучения. Именно методы обучения наряду с содержанием образования формируют профессиональный стиль будущих учителей, определяют их профессиональную позицию. Поэтому в практику вуза все больше входят эвристические, исследовательские, частично-поисковые и другие методы обучения.

Построение курса теории и методики обучения русскому языку, направленного на формирование рефлексивного опыта студентов, может быть связано с реализацией проектного метода обучения, так как рефлексия зарождается тогда, когда возникает необходимость в категориальном мышлении, методологических знаниях и умениях; когда требуется сформировать опыт ценностного отношения или творчества; когда требуется корректировка деятельности. Именно это и характеризует проектное мышление.

Важной особенностью использования метода проектов в вузе (Н. А. Артеменко, Е. Н. Ковалевская, Е. С. Полат, Г. Н. Прокументова) является то, что он позволяет использовать в учебном процессе время, отведенное студентам для самостоятельной работы. Активизируя самостоятельную работу студентов, метод проектов разрешает некоторые противоречия, связанные с наметившейся тенденцией уменьшения времени, отведенного на изучение курса теории и методики обучения предмету в педагогических вузах. Так, самостоятельное освоение ряда тем, работа над составлением проекта (как коллективного, так и индивидуального) позволяют углублять знания в области преподаваемого предмета и психолого-педагогических дисциплин; способствуют включенности студента в процесс

непрерывного профессионального образования и самосовершенствования.

Кроме того, проектная деятельность позволяет будущим специалистам, во-первых, осознать профессиональную значимость и личностную ценность наличия умений самообразовательной деятельности и умения самостоятельно определять цель, конкретизировать задачи своей самообразовательной, профессиональной и иных видов деятельности; во-вторых, осуществлять эффективный поиск и применение необходимых путей и средств достижения поставленной цели деятельности, наполняя ее конкретным содержанием; в-третьих, анализировать полученные результаты, корректировать при необходимости свою деятельность и творчески переносить приобретенные знания, умения и навыки в новые, нестандартные ситуации.

С целью организации деятельности студентов в форме учебного проекта выделяют следующие основные этапы проектной деятельности студентов в предмете: мотивационный, поисковый, обогащающий, конструктивный, диагностический, каждый из которых имеет свою цель, методы проведения, способы математической и методической поддержки, диагностику результатов [6].

Условием успешности организации познавательной деятельности студентов может служить такое содержание курса «Теория и методика обучения русскому языку», которое помогло бы студентам интегрировать психолого-педагогические, методические и предметные знания.

Одним из способов организации проектной деятельности будущих учителей-словесников является постановка системы заданий. Задания должны актуализировать психолого-педагогические знания студентов, содержать требования проанализировать образцы реализации поставленных целей в рамках психодидактики, стимулировать будущих учителей к конструированию собственных учебных текстов. Иными словами, их структура и система должны создавать условия для формирования всех трех видов рефлексивного опыта учителя.

Более чем десятилетний опыт преподавания дисциплины «Теория и методика обучения русскому языку» позволяет авторам утверждать, что подготовка будущих учителей русского языка и литературы на основе формирования их рефлексивного опыта (в том числе открытой познавательной позиции) за счет организации проектной деятельности с помощью специально сконструированных интегративных обучающих заданий формирует у будущих специалистов когнитивные, дидактико-методические, комбинаторно-проектные компетентности [7]. Данные компетентности могут быть отнесены к профессионально значимым в соответствии со Стратегией модернизации российского образования.

При освоении курса «Теория и методика обучения русскому языку» проектная деятельность студентов осуществляется в рамках коллективного и индивидуального проектов. Занятия на мотивационном этапе проектной деятельности ведутся с помощью развивающей диагностики, которая дает возможность студентам выявить свои дефициты в знаниях, способах определения причин допускаемых учащимися ошибок в разных темах школьного курса русского языка, установлении связей между знаниями из психологии, педагогики, русского языка, литературы, теории и методики обучения русскому языку и литературе, о теории формирования лингвистических понятий. Т. е. мотивируется необходимость опоры на разные виды рефлексивного опыта.

В итоге студенты составляют проект изучения темы «Формирование умений учебной деятельности школьников».

На поисковом этапе проектной деятельности происходит выяснение теоретических основ формирования понятийного мышления, выявление требований к познавательной деятельности учащихся по усвоению лингвистических понятий, установление соответствия между полученными требованиями и имеющейся практикой преподавания отдельных тем школьного курса русского языка. На этом этапе определяется конкретное участие студентов в коллективном проекте («Обобщающее повторение темы “Самостоятельные части речи”») и параллельно продолжается выбор индивидуальных проектов («Методика развития речи учащихся при изучении темы “Местоимение”», «Активизация познавательной деятельности школьников при изучении темы “Глагол”» и др.).

В итоге поискового этапа студентами формулируются проблема, цель, объект, предмет, задачи и выдвигается гипотеза исследования.

На обогащающем этапе проектной деятельности студентов обсуждаются критерии отбора текстов и заданий, которые способствуют реализации требований к формированию понятийного мышления в рамках выбранного ими проекта.

На конструктивном этапе проектной деятельности большое значение уделяется метакогнитивным сведениям об учебных текстах, способам их конструирования, методам работы с учебным текстом. На этом этапе студенты имеют возможность посмотреть фрагменты уроков, разработанных в рамках различных моделей обучения. Анализ, обобщение и осмысление опыта учителей-мастеров направлены на развитие у студентов ситуативного и ретроспективного видов рефлексии.

На последнем этапе проектной деятельности – диагностическом – проходит защита как индивидуальных, так и коллективных проектов.

В процессе этой деятельности большое внимание уделяется навыкам самоконтроля. Так, например, студентам может быть предложено следующее: составить различные варианты тестов, которые могли бы проверить их готовность к формированию метапредметных понятий у учащихся.

Таким образом, подобная организация деятельности студентов при освоении курса «Теория и методика обучения русскому языку» позволяет утверждать, что процесс профессиональной подготовки учителя русского языка и литературы, построенный на основе проектной деятельности, создает условия для формирования у будущих учи-

телей умений устанавливать связи между процессами, характеризующими психическое развитие учащихся, и дидактическими условиями (содержанием упражнений, их последовательностью, методами обучения и т. д.). При этом необходимо использовать специально сконструированные интегративные обучающие задания, актуализирующие и обогащающие психолого-педагогические, методические и предметные знания студентов. Все это в совокупности позволяет сформировать рефлексивный опыт будущего учителя-словесника как фактор его профессиональной компетентности.

Список литературы

1. Артеменко Н. А. Развитие креативных способностей специалистов как одно из необходимых условий подготовки современного педагога // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2006. Вып. 10. С. 123–124.
2. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002. 392 с.
3. Экспертиза образовательных инноваций / под ред. Г. Н. Прокументовой. Томск: Изд-во ТГУ, 2007. 127 с.
4. Давыдов В. В. Психологические проблемы воспитания и обучения подрастающего поколения. М.: Педагогика, 1999. 256 с.
5. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
6. Цымбал С. Н. Развитие открытой познавательной позиции учителя математики – важнейшее условие формирования его профессиональной компетентности // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2006. Вып. 3. С. 74–79.
7. Артеменко Н. А. Подготовка будущих учителей-словесников к реализации профильного обучения на основе компетентностного подхода: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Томск, 2007. 25 с.

Артеменко Н. А., кандидат педагогических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: pestnya@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 24.12.2012.

N. A. Artemenko

ABOUT WAYS OF SKILLS FORMATION OF REFLECTIVE ACTIVITY OF FUTURE SPECIALISTS PHILOLOGISTS

In the article the question of necessity of formation of reflective experience of future teachers of Russian and literature is considered. The reflective experience is presented as a making part of such professionally significant competence, as design and combinatory.

Key words: *reflective experience, types of a reflection, pedagogical technology, design competence, design activity, stages of design activity.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: pestnya@yandex.ru

В. Н. Гончаренко

УМБЕРТО ЭКО О ВОЗМОЖНОСТИ СКАЗАТЬ «ПОЧТИ ТО ЖЕ САМОЕ» В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Вопросы, возникшие с появлением гипотезы лингвистической относительности, до сих пор продолжают вызывать дискуссии. Противники и сторонники гипотезы среди представителей различных направлений гуманитарного знания отстаивают свои позиции в зависимости от избранного аспекта видения. Не рассматривая специально позитивные и негативные стороны гипотезы, У. Эко все же останавливается на некоторых ее положениях, исходя из принципов практики перевода.

Ключевые слова: теория и практика перевода, система языка, текст, возможный мир, семиотическая система, смысл, интерпретация, переговоры.

Работа Умберто Эко «Сказать почти то же самое» может восприниматься как руководство по практическому переводу, в частности художественных произведений, поскольку дает очень большой объем информации, касающейся именно проблем теории и практики перевода. Однако у данной работы легко обнаруживается и другой план, связанный с ее полемической направленностью, возможно, не совсем явно выраженный. «Сказать почти то же самое» У. Эко в значительной степени оппонирует взглядам современных сторонников гипотезы лингвистической относительности, более известной под названием гипотезы Сепира – Уорфа.

К проблеме возможности перевода У. Эко подходит, во-первых, как специалист по практическому переводу (также он обобщил работы своих современников и предшественников), во-вторых, как автор ряда всемирно известных бестселлеров, переведенных на многие языки мира, в-третьих, как крупный ученый в области семиотики.

У. Эко объясняет свое обращение к проблеме перевода рядом обстоятельств, среди которых важное место занимает следующее: «В первой половине XX века и позже были выработаны такие теории структуры языка (или динамики языков), которые делали упор на явление радикальной невозможности перевода. Это крепкий орешек и для самих теоретиков, которые, разрабатывая эти теории, отдавали себе отчет, что на деле люди переводят, причем уже в течение тысячелетий» [1, с. 18]. Таким образом, для У. Эко проблема – возможен ли перевод с языка на язык – решена однозначно. Свою задачу он видит в том, чтобы объяснить, почему в принципе возможен перевод. В основе этого убеждения о возможности перевода – признание известного со времен Фердинанда де Соссюра факта: существует не только система языка, но и порождаемая при ее участии речь. «Оппозицию система/текст можно было бы заменить на соссюрскую язык/речь, и все осталось бы по-прежнему» [1, с. 57], указывает У. Эко в комментариях по поводу трансформации

смысла исходного текста (т. е. текста на языке оригинала) в текст перевода.

Процесс перевода с одного языка на другой У. Эко воспринимает как акт «переговоров»: «Здесь можно было бы спросить, каковы же договаривающиеся стороны в этом процессе переговоров. <...> с одной стороны, есть текст-источник со своими автономными правами, а порой и фигура эмпирического автора <...> с его возможными притязаниями на контроль, а также вся та культура, в которой рождается данный текст; с другой стороны, есть текст пребывания и та культура, в которой он появляется» [1, с. 19]. Таким образом, исходным пунктом перевода будет именно текст, а не система языка. Во время перевода происходит взаимодействие переводчика и читателя с конкретным текстом, а не с лингвистической системой. Причем имеется в виду не просто изолированный текст, но учитываются также его жанровые и стилевые особенности, характер дискурса, иными словами, то, что он «расположен» в некой серии однотипных по ряду признаков текстов и внетекстовых ситуаций.

Указывая, что в процессе перевода речь идет не о взаимодействии двух лингвистических систем разных языков, У. Эко обращает внимание, что переводят собственно текст: «Если бы перевод касался только отношений между двумя лингвистическими системами, следовало бы согласиться с теми, кто считал, что естественный язык навязывает говорящему на нем свое видение мира, что эти видения мира взаимно несоизмеримы друг с другом, и потому перевод с одного языка на другой неизбежно потерпит крах. Это было бы равносильно тому, чтобы вместе с Гумбольдтом сказать, что у каждого языка есть свой собственный гений – или, еще того лучше, что каждый язык выражает особое видение мира (так называемая гипотеза Сепира – Уорфа)» [1, с. 42].

Итак, в какой бы форме текст не был бы представлен, но всегда имеется в виду модель «возможного мира», т. е. ситуации, когда читатель

(переводчик в том числе) воспринимает текст как определенную целостность, соотносящуюся, с одной стороны, в его воображении и представлении с определенным сегментом реальности, а с другой – с классом текстов, имеющих определенные признаки и традиции передачи вербальной информации. Задача переводчика всегда состоит в том, чтобы из другой системы отобрать эквивалентные элементы языкового материала (и жанровой традиции), которые бы отражали «возможный» мир первичного текста, наложенный на «возможный мир» перевода: «Всякий текст (даже самая простая фраза) описывает или предполагает некий Возможный Мир» [1, с. 54]. Опыт перевода даже близкородственных языков (с учетом близости грамматического строя и культуры) говорит, что получится не то же самое, но «почти то же самое».

По мнению У. Эко, важнейшим моментом в практической деятельности переводчика является понимание первичного (исходящего) текста, который подлежит дальнейшей трансформации: именно этот процесс – выдвигание гипотезы о возможном мире и выработка конъектур и обнаружение смысла текста и его отдельных сегментов.

В основании понимания лежит, с одной стороны, «энциклопедия» переводчика, а с другой – осознание того, что «благодаря возможностям, предоставляемым лингвистической системой, совершается какая-либо передача вовне (звуковая или графическая), мы имеем дело уже не с системой, а с процессом формирования текста» [1, с. 57].

Если возможен перевод в пределах одной культуры из одной системы в другую, имеется в виду интерсемиотический и интралингвистический перевод в классификации Р. Якобсона, на которую У. Эко опирается, то интерлингвистический перевод не представляется чем-то особенным. Во всех случаях речь идет «почти о том же самом», но, как показывает практика, возвращение в обратном направлении происходит гораздо более успешно только в последнем случае. Бесспорно, чем ближе культуры (в пространстве и во времени), тем проще произвести трансформацию в прямом и в обратном направлении, которая бы сохраняла признаки исходного оригинала. Рассматривая взгляды Р. Якобсона и Ч. Пирса на проблему перевода, У. Эко фактически указывает, что в основании перевода с языка на язык лежит общечеловеческое свойство понимания (как интерпретации). В частности, ссылаясь на Ч. Пирса, он отмечает: «В согласии с наибольшей прагматикой принцип интерпретируемости утверждает, что наличие всякой более или менее уловимой «эквивалентности» значения двух выражений может быть обеспечено только тождественностью следствий, которые эти выражения в себе содержат или подразумевают. Что-

бы объяснить, что он хочет сказать, в том же контексте Пирс утверждает, что значение (meaning) в своем смысле – это перевод знака в иную систему знаков» [1, с. 272].

В работе У. Эко поднимаются многие проблемы, связанные с теорией и практикой перевода, например, перевод поэзии и прозы, перевод из одной художественной формы в другую (трансмутация), взаимоотношения диалекта и литературного языка при переводе, проблема перевода и развития (эволюции) языка (почему всякий раз необходимо переводить, например, Гомера, на более современный и понятный вариант языка, поймет каждый, кто читал «Илиаду» в переводе Гнедича).

Сторонники гипотезы лингвистической относительности, более известной как гипотеза Сепира – Уорфа, настаивают на том, что структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира. При этом совершенно упускается из виду возможность «обратной связи»: ведь отсутствуют всякие препятствия, дающие возможность утверждать, что именно способ мышления и познания окружающего мира, являющийся продуктом деятельности во внешнем мире, влияет на грамматическую структуру языка (результаты этого влияния все могут наблюдать на протяжении последних столетий, когда, например, реагируя на внешние изменения, активно перестраивалась лексическая система, менялись предпочтения в словообразовании и синтаксисе). Очевидно, отношения между моделью мира и языком не являются ни однозначными, ни линейными, что доказывают, например, исследования исчезающих языков Сибири (см., например: [2]).

«Неэквивалентность» материала разных языков (всех возможных уровней языка) может преодолевать за счет соизмеримости в сфере деятельности: вспомним известное выражение о том, что с русского на английский можно адекватно перевести сообщение о том, что происходит на Марсе, если русские и американцы там побывают. А возможно ли осуществить перевод с русского или английского на язык народа, который находится на совершенно другом цивилизационном уровне развития, т. е. еще долго не сможет побывать на Марсе?

Иначе говоря, можно ли отрицать знаменитое утверждение У. В. О. Куайна о «невозможности перевода на язык какого-нибудь первобытного племени такую фразу, как «у нейтрино нет массы»» [1, с. 46]. В данном конкретном случае происходит простая подмена понятий: метаязык науки, в основе которого, например, современный английский, сравнивается с национальным языком, в котором отсутствует на данном этапе развития метаязык науки. Собственно, в процессе «перевода», как справедливо отмечают те, кто переводом занимается в силу практической необходимости, переводятся не

языки (с одной закрытой системы в другую закрытую систему), а переводятся тексты. Наверное, перевод с одного языка на любой другой теоретически все же возможен. Результат перевода связан как с гибкостью языкового материала и самой природой языкового знака, так и со свойством языка порождать метафору, символ и миф. Все же если попробовать осуществить перевод «масса нейтрино» на язык первобытного народа, занимающегося собирательством и охотой, то для начала будет необходимо трансформировать понятие о «нейтрино» в пределах английского языка до элементарного уровня восприятия некоего носителя английского, который по тем или иным причинам не смог пройти курс средней школы, а потом попробовать перевести этот элементарный уровень в представления первобытного племени. Возможно, что быстрая обратная трансформация понятий первобытного языка на английский оксфордский будет весьма затруднительна (если вообще возможна). Причиной трудностей обратного перевода будет неопределенность и размытость символических форм (однако же у первобытных народов мифология отражает и более сложные представления, чем «нейтрино», например космогонию). А с другой стороны, не следует забывать и фактор исторического развития языка, потому что объяснение свойств нейтрино было бы также крайне затруднено для современников Дунса Скотта.

В связи с этим интерес представляют взгляды Х. Патнема, названные В. А. Суровцевым и В. А. Ладовым «гипотезой об универсальном разделении лингвистического труда» [3, с. 8], относительно существования закрытых терминологических систем внутри отдельных языков, ведь именно в пределах нескольких таких терминологических систем и можно определяться с массой нейтрино.

Обращаясь к примеру У. В. О. Куайна по поводу массы нейтрино, У. Эко приводит и другие примеры «непроницаемости» и «несоизмеримости» элементов языковых систем даже тех языков, которые в определении Уорфа принадлежали к своеобразному общеевропейскому языковому экстракту (по

Уорфу, SAE): «Достаточно также напомнить, как трудно перевести понятие, выраженное немецким словом *Sehnsucht* (тоска): кажется, немецкая культура обладает точным понятием о таком чувстве, семантическое поле которого лишь частично может быть покрыто такими понятиями, как итальянское *nostalgia* или английское *yearning* (томление), *craving for* (тоска по чему-либо) или *wisfulness* (переполненность желанием) [1, с. 46].

Собственно историческому развитию и связанной с этим процессом проблеме перевода У. Эко тоже уделяет внимание. Он обращает внимание на факт, с которым столкнулись уже индийские грамматики, работавшие над ведийскими текстами на санскрите: невзирая на малую подвижность глубинного грамматического строя языка и базового слоя лексики, со временем накапливается столько отличий, что один и тот же язык делается недоступным для адекватного восприятия самих носителей. Требуется или дополнительный герменевтический акт – интерпретация с прояснением этимологии, или в прямом смысле «перевод» на современный вариант языка. В связи с этим возникает целый ряд конкретных вопросов, связанных с реальной практикой перевода. Среди них: как переводить тексты, имитирующие ранние периоды развития языка, как переводить архаичные тексты, почему возникает ситуация, когда переведенный ранее текст опять требует повторного перевода, потому что образовался языковой и культурный разрыв во времени (У. Эко – противник упрощенных модернизаций, которые лишают текст эстетической ценности и связи со смыслом).

Итак, вопреки всем существующим обстоятельствам, связанным с тем, что при переводе как процессе «истолкования и трансформации реальных и возможных миров в переводимых книгах» мы исходим «из заранее готовой семиотической системы, которую выстроили для нас общество, история, воспитание» [1, с. 422], перевод все же возможен. Возможен потому, что разные семиотические системы, по меткому выражению У. Эко, могут быть несоизмеримы, но сопоставимы.

Список литературы

1. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыт о переводе. Санкт-Петербург: Symposium, 2006. 574 с.
2. Фильченко А. Ю. Из опыта ареального анализа хантыйских, селькупских и чулымских диалектных данных // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 3 (105). С. 148–155.
3. Суровцев В. А., Ладов В. А. Витгенштейн и Крипке: следование правилу, скептический аргумент и точка зрения сообщества. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 134 с.

Гончаренко В. Н., кандидат филологических наук.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: markgon73@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 24.12.2012.

V. N. Goncharenko

**HUMBERTO EKO ABOUT THE POSSIBILITY TO TELL “ALMOST SAME” IN THE CONTEXT
OF THE LINGUISTIC RELATIVITY THEORY**

The questions, which have been raised with the linguistic relativity hypothesis, continue discussions. Opponents and supporters of the hypothesis defend the positions depending on the chosen aspect of vision. Without considering specially positive and negative sides of the hypothesis, Eko nevertheless stops on some provisions, proceeding from the principles of the translation's practice.

Key words: *theory and translation's practice, language system, text, possible world, semiotics system, sense, interpretation, negotiations.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: markgon73@rambler.ru

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена исследованию влияния современных средств коммуникации на развитие русского языка. Явления, наблюдаемые в речи пользователей Интернета, рассматриваются в контексте двух противоположных и взаимосвязанных тенденций – к формализации и деформализации общения.

Ключевые слова: русский язык, современные тенденции, Интернет, коммуникация.

Среди факторов, определяющих развитие языка, не последнее место занимает техника коммуникации. Когда-то появление письма привело к возникновению письменной формы речи, которая значительно отличалась от устной прежде всего тем, что позволяла освободить процесс восприятия от временных ограничений, а следовательно, давала возможность использовать более сложные синтаксические и семантические структуры. В настоящее время мы имеем возможность наблюдать изменения, вероятно, не менее революционные. Эти изменения связаны с появлением и широким распространением Интернета, роль которого в жизни общества постоянно растёт.

Одним из наиболее заметных последствий этой революции стало стирание границ между устной и письменной речью, что позволило многим исследователям (М. Кронгауз, В. М. Лейчик, О. В. Лутовинова и др.) говорить о новой форме коммуникации – устно-письменной, когда письменное высказывание создается и функционирует по законам, характерным, скорее, для разговорной речи.

Изменения в речевой практике происходят столь стремительно, что их фиксация и изучение неизбежно запаздывают (как было с описанными Г. Гасановым эрративами), поэтому представляется необходимым взглянуть на ситуацию в целом, наметив основные направления развития языка в новых коммуникативных условиях.

Специфика Интернета как канала коммуникации определяется прежде всего его техническими возможностями и ограничениями.

С технической точки зрения Интернет – это электронные средства хранения, обработки и передачи информации, объединенные в единую сеть. Электронный формат позволяет производить почти мгновенный обмен данными независимо от географического положения участников коммуникации. Сохранение информации в узлах сети с возможностью широкого доступа к ней обеспечивает единство и связность информационного пространства.

Не менее важно и то, что конечные пользователи Интернета имеют потенциально равную возможность действия в этом пространстве. Каждый участник коммуникации может создавать, использовать и оценивать новый контент, а также менять

роли в процессе общения. Демократичность и интерактивность как базовые принципы Интернета проявляются во всех его функциональных разновидностях.

Можно выделить три основные функции Интернета, различные по характеру коммуникативного взаимодействия.

Функция «банка информации» – накопление и хранение информации, а также обеспечение доступа к ней – выполняется сетевыми библиотеками, поисковыми системами, электронными словарями, информационными ресурсами энциклопедического характера и т. д. Коммуникация здесь проявляется в предоставлении информации, с одной стороны, и обращении к ней – с другой. Наблюдается некоторая градация по уровню интерактивности от «классических» библиотек, представляющих собой просто собрание текстов, аудио- и видеозаписей, до коллективных энциклопедий, позволяющих пользователям участвовать в создании и редактировании информационных статей («Википедия»).

Функция средства массовой информации – распространение новостей, аналитическое осмысление событий, социальное воздействие, реклама – осуществляется новостными сайтами, электронными вариантами печатных изданий, личными журналами (блогами) и т. д. Язык официальных электронных СМИ незначительно отличается от языка печатных изданий. Блоги более неформальны с точки зрения языка и более синтетичны по содержанию. Здесь информация о событии, анализ, субъективная реакция автора представлены нераздельно. Впрочем, функция СМИ для блога – только одна из возможных.

Функция коммуникативной площадки – предоставление возможности свободно разговаривать, высказывать частное мнение по любым вопросам, дискутировать, устанавливать отношения и т. д. Эту функцию выполняют социальные сети («Одноклассники», «В контакте», Facebook и др.), чаты, форумы, область комментариев в блогах и новостных сайтах.

Эти функции, разумеется, не исключают друг друга. Скорее, наоборот, развитие внутренней структуры Интернета идет от узкофункциональных к универсальным формам взаимодействия.

Традиционные формы коммуникации представляли довольно жесткий выбор из двух моделей общения: конкретный адресант и конкретный адресат (адресаты) (межличностная коммуникация) либо конкретный адресант и массовый анонимный адресат (массовая коммуникация). Но в Интернете разрушается и эта оппозиция. Комментарии в блоге или запись на форуме является одновременно и ответом на конкретное высказывание, и текстом, обращенным ко всем участникам коммуникации, причем второе зачастую оказывается важнее первого. В то же время физическая непредставленность участников интернет-коммуникации приводит к тому, что даже при общении в узком кругу сохраняется элемент анонимности.

По мере развития возможностей Интернета его коммуникативное пространство также развивается и усложняется, включая все более серьезные сферы общественной деятельности. Образование, политика, бизнес, творчество находят себе место в виртуальном мире, усложняя его структуру и языковой фон. Например, совершенно особую форму коммуникативного взаимодействия представляют литературные сайты и форумы («Самиздат», «Литостровок», «В вихрях времен» и др.), где художественные произведения обсуждаются читателями в процессе создания, а иногда и создаются коллективно.

Ограничения интернет-коммуникации связаны с преимущественно визуальным способом представления информации и с отсутствием непосредственного контакта между адресантом и адресатом.

Основной способ общения в Интернете – письменный текст, что объясняется не только особенностями канала коммуникации (современные мультимедийные технологии позволяют общаться и в голосовом режиме), но и большим удобством обработки и использования текстовых данных (поиск по тексту, индексация, цитирование). С развитием компьютерных технологий возрастает роль графики, аудио- и видеовставок, но они лишь усложняют текстовый формат, а не заменяют его. Как отмечает А. В. Курьянович: «Все составляющие поведения человека в Сети вольно или невольно приобретают вербальное измерение. Коммуникация в форме письменного текста получает в Интернете онтологический статус, становится основой существования» [1, с. 48].

Письменный текст требует больших временных затрат, чем устное высказывание, поэтому в тех случаях, когда темп общения имеет значение, появляются разного рода сокращения как на лексическом, так и на синтаксическом уровне. Интонационное выделение оказывается недоступным, как и невербальные средства общения, что приводит к появлению различных «заменителей».

Таким образом, на функционирование языка в Интернете влияет ряд факторов: демократизация общения, разнообразие целей и задач коммуникации, необходимость приспособить письменную форму речи к условиям интерактивного общения, необходимость в новых средствах выразительности, возможность использования гиперссылок и мультимедийных вставок.

Результат действия этих факторов тоже весьма различен. С одной стороны, отмечается сдвиг норм письменной речи, который многими воспринимается негативно, как свидетельство «порчи» и дегерации языка. Действительно, соблюдение правил орфографии и пунктуации в Интернете перестало быть обязательным требованием, хотя полный отказ от правил такая же редкость, как и педантичное их соблюдение. Широко употребляются синтаксические структуры, характерные для разговорной речи (неполные контекстуальные предложения, парцелляция и т. д.), разговорные (в том числе просторечные) слова и формы слов.

С другой стороны, исследователи отмечают и явления, связанные с усложнением языка, позволяющие говорить о наличии тенденции к интеллектуализации современной культуры. Н. К. Рябцева выделяет такие проявления этой культуры, как широкое использование терминов вне научного стиля речи, использование иноязычной лексики и лексико-грамматических моделей иноязычной речи, аллюзивность и прецедентность, словотворчество. «Все соответствующие “инновационные” явления усложняют восприятие информации, делают его многоступенчатым и опосредованным, требуют специальных интеллектуальных усилий и дополнительных знаний и т. п., т. е. в целом делают коммуникацию более содержательной, насыщенной и интеллектуальной, а также психологически более непринужденной, неформальной и многослойной» [2, с. 113].

Следовательно, размывание границ жанров и стилей, требование непринужденности и неформальности общения приводят не только к потере тех или иных возможностей языка, но и к появлению новых. Если же взглянуть на ситуацию в целом, то становится ясно, что это не две противоположные тенденции, но две стороны одного целого. Проникновение средств разговорной речи в язык публицистики и науки воспринимается как вульгаризация, тогда как использование средств, традиционно бывших привилегией высоких стилей, в разговорной речи создает впечатление интеллектуализации.

Не менее интересно взглянуть на трансформацию языка и речи в Интернете с точки зрения ее произвольности или непроизвольности. Так, с одной стороны, мы имеем обыкновенные ошибки и

опечатки, с другой стороны, сознательные игры с графическим обликом слова: эрративы, использование больших букв, «растягивание» слов и т. д. То же можно наблюдать и в области «усложненных» форм: многоступенчатый смысл сообщения может создаваться намеренно или возникать естественным путем за счет вложенного цитирования, возможность которого предоставляют многие сетевые площадки.

Непроизвольные нарушения орфографических и стилевых норм являются закономерным следствием развития в пространстве Интернета сферы неформального общения. В свободном общении строгое соблюдение норм языка не только не обязательно, но и почти столь же предосудительно, как их нарушение в общении формальном, официальном. Человек, произносящий в бытовой обстановке *здравствуйте* вместо *здрaсте*, *сегодня* вместо *сeдня*, использующий в разговорной речи фразы с полной структурой, будет воспринят как несвободно владеющий языком или как высокомерный, неприятный собеседник. При перенесении правил неформальной коммуникации в Интернет, где общаться приходится при помощи букв, а не звуков, это приводит к уже упоминавшемуся разрушению письменной нормы. Норма утрачивает социально-регулятивную функцию, перестает быть мерилем «хорошего» и «плохого» языка, но не исчезает совсем. Причина в том, что языковая норма выполняет не только социальную, но и коммуникативную функцию, обеспечивая взаимопонимание и, следовательно, успешность общения. И эта функция теперь снова становится главной. Вместо единого источника нормы – экспертного сообщества авторитетных пользователей языка (ученых, политиков, деятелей культуры) – возникает множество точечных источников, множество частных норм, устанавливаемых в рамках интернет-сообщества по желанию его организаторов или участников.

Сознательные трансформации языка можно разделить на индивидуальные, которые отражают творческое проявление языковой личности участника интернет-коммуникации (далеко не всегда оцениваемое положительно), и институциональные, которые представляют собой вариант частной нормы. При этом одно легко может переходить в другое, что можно наблюдать на примере блогов «Живого журнала». Как, например, оценить использование в журнале дореформенной орфографии (см.: [3])? Это, безусловно, способ самопрезентации, но в то же время и способ социального регулирования, призванный ограничить доступ к блогу для тех, кому эта норма покажется слишком сложной.

Частная норма может основываться не только на «высокой» традиции, но и на противопоставле-

нии ей. Так, например, на сайте udaff.com использование мата и эрративной лексики является не только допустимым, но и обязательным. Предупреждающая надпись гласит: «Этот ресурс создан для настоящих падонков» [4]. Таким образом отказ от общей нормы оказывается формализован и возведен в правило. Подобные явления достаточно редки, в основном частная норма апеллирует к всеобщей, поэтому опасения, что Интернет фатальным образом повлияет на грамотность школьников, вряд ли основательны. Напротив, за последние несколько лет можно наблюдать рост грамотности в Интернете. Однако появление подобных частных норм может свидетельствовать об активизации дифференциальных процессов в языке, что потенциально может привести к появлению новых «сетевых» диалектов.

Итак, если абстрагироваться от оценочного подхода к тем или иным явлениям в Интернете, можно увидеть, что развитие языка в этой новой для него среде происходит под влиянием двух противоположных тенденций – тенденции к деформализации, т. е. отказу от единых и обязательных норм письменной речи, и тенденции к формализации, т. е. появлению новых норм, которые предполагают добровольность, сознательность и альтернативность. Остановить действие этих тенденций можно только путем наложения строгих ограничений на саму интернет-коммуникацию.

Могут ли те или иные явления, наблюдаемые в языке Интернета, рассматриваться как доказательство появления новой формы национального языка и могут ли они оказать влияние на русский язык в целом?

Как указывает В. М. Лейчик, существует две точки зрения на эту проблему. «Многие зарубежные специалисты говорят о формировании нового – кибернетического языка (киберязыка), который является результатом широкой интеграции между «общепотребительным» языком и языком компьютерных технологий. <...> Согласно второй точке зрения, новый язык не создается, а имеет место специфическое функционирование языка в компьютере с использованием отдельных, пусть и многочисленных слов, морфем (суффиксов, приставок), аббревиатур, необычной графики, а также специально созданных знаков вроде “смайлов” (эмодиконов), условно комбинируемых знаков препинания и т. п.» [5, с. 169].

Если говорить о русском языке, то более обоснованной кажется вторая точка зрения. Хотя можно говорить о существовании профессионального языка сферы компьютерных технологий, но в целом Интернет развивается не столько за счет создания новых сфер коммуникации, сколько за счет переноса основных форм социальной активности

в виртуальную среду. Процессы глобализации, стирания языковых различий за счет общих условий общения и отсутствия границ тоже не заходят слишком далеко. Даже в области компьютерных терминов наблюдается стремление использовать перевод или создавать мотивированные неологизмы (неомотиваты): *userinfo* – личный профиль, *reader* – читалка, *архиватор (дезархиватор)* – распаковывающий, *френд* – друг, постоянный читатель. Подобные явления позволяют предполагать, что глобализация интернет-языка достигла своего логического предела и теперь происходит медленное, но явно выраженное движение в обратном направлении – к выделению и оформлению национальных сегментов Интернета.

Что касается влияния Интернета на развитие языковой системы, так сказать, на ядро языка, то оно, безусловно, имеется, хотя разные уровни языка оказываются затронуты в разной степени.

В области фонетики и графики (а в Интернете фонетика может быть представлена только через графику) это влияние может проявиться весьма ограниченно, например в «озвучивании» интернет-трансформ, таких как «креатифф», «аффттар», «щазз» с акцентуацией искажения. Языковой системой такие формы могут быть приняты в лексикализованном виде как стилистически маркированные средства (наряду с литературным просторечием). Воздействие ошибочного написания на орфографию и пунктуацию языка вряд ли окажется значительным, и в этом смысле большую опасность представляют опечатки, которые могут появиться при переводе печатных текстов в электронную форму, чем сознательные искажения (эрративы). Явная преднамеренность и экспрессивная нагруженность эрративных написаний не позволяет воспринимать их как образец «по умолчанию», и уже сейчас ясно, что опасения по поводу этой игры с правилами орфографии были, по большей части, беспочвенны.

Больше всего изменений происходит в лексике. Появление новых слов и новых значений, изменение частотности сочетаемости и ассоциативных связей. Так, слово «аватар», прежде имевшее очень узкий смысл применительно к философии индуизма, теперь прочно приобрело новое значение «изображение человека, представляющее его в Сети» и широко используется в новом качестве. Подверглись переосмыслению слова «профиль», «ком-

ментарий», «дневник» и др. Впрочем для лексики подобные изменения, вызванные экстралингвистическими факторами, обычны. Сейчас мы наблюдаем «интернетизацию» лексики, так же как, например, в период войны происходила ее милитаризация (благодаря чему в русском языке прочно закрепились такие идиомы, как «фронт работ» или «лечь на амбразуру»). Такие лексические и семантические неологизмы проходят испытание временем, и те из них, которые это испытание пройдут, становятся частью языковой традиции.

Наименьшее внимание привлекают изменения в области грамматики, в особенности синтаксиса. А между тем здесь есть повод для беспокойства. Синтаксис русского языка очень различен для устной и письменной его формы. Синтаксические обороты письменной речи рассчитаны на неторопливое чтение, позволяющее отследить все грамматические связи, особенно это касается научного и официально-делового стилей речи. Интернет развивает привычку к быстрому «диагональному» чтению, в результате которого улавливается общий смысл, а усвоения синтаксической конструкции не происходит. Отсюда возросшее число ошибок на согласование, в том числе и в печатных текстах. Возможность процитировать реплику собеседника или использовать гиперссылку приводит к утрате конструкций с косвенной речью. Между тем возникающие в Интернете формы компенсации (те же ссылки и цитаты, картинки и т. д.) невозможно перенести в традиционные формы письменной речи. В перспективе это может привести к упрощению синтаксической системы, вытеснению сложных конструкций в пассивный запас языка.

Происходят изменения в области стилевой дифференциации языка. В настоящее время явления стилевого синкретизма изучаются в основном с точки зрения теории дискурса. Но можно предполагать, что смешение стилей не ограничится рамками виртуального дискурса и может привести к трансформации функциональных стилей языка и появлению новых.

Таким образом, наблюдаемые тенденции развития языка заставляют задуматься, но не дают оснований для пессимизма. Русский язык в условиях интернет-коммуникации может приобрести новые формы и средства выражения или утратить часть старых, но он останется русским языком во всем богатстве его возможностей.

Список литературы

1. Курьянович А. В. Электронное письмо как функционально-стилевая разновидность эпистолярного жанра в пространстве современной коммуникации // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2008. Вып. 2 (76). С. 44–49.
2. Рябцева Н. К. Тенденция к интеллектуализации в современной культуре // Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. М.: Индрик, 2011. С. 110–123.
3. Платоник: Живой журнал. URL: <http://platonicus.livejournal.com>
4. Ресурс Удава. URL: <http://udaff.com>
5. Лейчик В. М. Люди и слова: как рождаются и живут слова в русском языке / отв. ред. Г. В. Степанов. 2-е изд-е, испр. и доп. М.: Либроком, 2009. 216 с.

Дубина Л. В., кандидат филологических наук.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: dubina.ludmila@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 24.12.2012.

L. V. Dubina

TRENDS OF DEVELOPMENTS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF INTERNET-COMMUNICATION

The author examines the effects of modern communication means in development of the Russian language. The phenomena, observed in the speech of Internet users, are considered in the context of two opposite and interrelated trends to formalization and deformatization.

Key words: *Russian language, modern trends, Internet, communication.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: dubina.ludmila@yandex.ru

УДК 378 (14.35.07)

Е. Н. Ковалевская, А. В. Гайворонская

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГА В НОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

Образовательный проект рассматривается как форма организации совместной деятельности, позволяющая решать актуальные проблемы высшего образования. Речь идет о формировании проектных компетенций у студентов-филологов. Для достижения обозначенных педагогических результатов в организации образовательного проекта используется диалог. С помощью диалога организуется деятельность на каждом этапе развития проекта.

Ключевые слова: *диалог, педагогическая мастерская, субъектность, смыслодеятельность.*

Проблемная ситуация становится сегодня центром педагогического процесса. Ее содержание обуславливается факторами внешнего и внутреннего порядка. К числу внешних факторов следует отнести изменение социальных требований к образованию в высшей школе. Время предполагает формирование, мобильность, подвижность образовательного ресурса специалиста как итог, результат обучения. Эта позиция нашла свое выражение в содержании Федерального государственного образовательного стандарта нового поколения, который внедряется сейчас в вузах. В качестве определяющей в стандарте выступает идея компетентностного подхода. Компетентность как показатель профессиональной состоятельности студента предполагает кроме знаний и умений еще способность и готовность реализовывать эти знания в деятельности [1, 2].

Немаловажную роль в синтезе составляющих в структуре компетенции играет ценностно-смысловой компонент. Студент, осуществляющий профессиональную деятельность, должен понимать, что ее содержание необходимо, востребовано ситуацией, теми, с кем он работает. В этом случае возникает осознание собственной значимости, профессиональной востребованности. Повышается самооценка, формируется потребность в самореализации.

Компетентностный ресурс, который должен быть сформирован у студентов, кроме ценностной компоненты включает в себя и характеристики другой, очень важной для них деятельности. Бакалавр должен научиться определению цели, выбору стратегии и тактики ее достижения. Он должен быть подготовлен к принятию управленческих решений, к оценке собственной деятельности, уметь находить в ней проблемы. Эти характеристики говорят о том, что будущим педагогам необходимо владеть основами проектной деятельности. «Владение навыками участия в разработке и реализации различного типа проектов в образовательных и культурно-просветительских учреждениях, в социально-педагогической, гуманитарно-организационной, книгоиздательской, массмедийной и коммуникативной

сферах», – так определяется содержание одной из профессиональных компетенций в Федеральном государственном образовательном стандарте.

Внутренние факторы, определяющие характер проблемной ситуации, – это требования к профессиональной компетентности педагогов высшей школы, призванных осуществлять новый стандарт. Эти требования предполагают способность, готовность реализовывать новое содержание педагогического образования в адекватных ему формах. И здесь следует зафиксировать дефицит педагогических средств, которые используются для формирования профессиональной культуры студентов в высшей школе. Речь идет о репродуктивных формах обучения, ограниченных в возможности обогащать профессиональный багаж будущих педагогов.

Возникает необходимость в иных формах работы, ориентированных на формирование компетентностного ресурса студентов. Совершенно очевидно, что в этих формах должны быть ассимилированы различные моменты работы учителя: планирование, осуществление деятельности, ее анализ.

В качестве такой формы, адекватной образовательным вызовам времени, активизирующей формирование компетентностного ресурса обучаемых, была выбрана педагогическая мастерская. Педагогическая мастерская как форма, метод и технология обучения предполагает создание условий для восхождения каждого участника к новому знанию и новому опыту путем самостоятельного или коллективного открытия. Основой открытия в мастерской является творческая деятельность каждого и осознание закономерностей этой деятельности.

В мастерской достигается максимальное приближение к реальному опыту постижения мира, потому что каждый ее участник движется от личного опыта к его осознанию и помещению в формат обычной, а затем профессиональной деятельности.

Другой особенностью мастерской является реализация идеи диалога во всех его аспектах. Происходит обмен мнениями, знаниями, творческими находками между участниками, чему содействует

чередование индивидуальной и групповой деятельности. Обмен происходит также между опытом каждого участника, с одной стороны, и ученым, художником, явлением культуры в целом – с другой. Наконец, идет внутренний диалог каждого с самим собой. На пути к истине ученик оценивает как свою точку зрения, так и все другие, начиная понимать, что истина есть целое, что чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, вещи – с ними можно общаться только в форме диалога.

Принципы и правила ведения мастерской следующие:

1. Ценностно-смысловое равенство всех участников.

2. Право каждого на ошибку: самостоятельное преодоление ошибки – путь к истине.

3. Безоценочная деятельность. Оценка заменяется самооценкой и самокоррекцией.

4. Предоставление свободы в рамках принятых правил реализуется, во-первых, в праве выбора на разных этапах мастерской (обеспечивается руководителем); во-вторых, в праве не участвовать в работе на этапе «предъявления продукта»; в-третьих, в праве действовать по своему усмотрению, без дополнительных разъяснений руководителя.

5. Значительный элемент неопределенности, неясности, даже загадочности в заданиях. Неопределенность рождает, с одной стороны, интерес, а с другой – психологический дискомфорт, желание выйти из него, и таким образом стимулирует творческий процесс, так же как право выбора обеспечивает ощущение внутренней свободы.

6. Диалогичность как главный принцип взаимодействия, сотрудничества, сотворчества. Не спор, даже не дискуссия, а диалог участников мастерской, отдельных групп, диалог с самим собой, диалог с научным или художественным авторитетом – необходимое условие личностного освоения элементов культуры, условие восхождения к новым истинам [3].

Таким образом, педагогическая мастерская позволяет концептуализировать образовательный ресурс аудитории, дает возможность совместно выбирать траекторию проектного движения.

В нашем случае прецедент образовательно-развивающих возможностей обозначенной формы представлен на материале проектной мастерской «Организация образовательного события».

Участники: учащиеся десятого класса школы № 14 г. Томска и студенты четвертого курса историко-филологического факультета Томского государственного педагогического университета должны были в совместной деятельности решать свои образовательные проблемы. Первые – самореализоваться в рамках природных возможностей, вто-

рые – формировать и обогащать имеющийся компетентный потенциал в проектной деятельности.

Предмет деятельности: образовательная технология «Дебаты», на базе которой разворачивается образовательный проект. Выбор данной технологии в качестве предмета проектирования в предстоящей деятельности определялся педагогическими возможностями этой формы организации деятельности. В основе дебатов лежит принцип фальсифицируемости истины. Он означает, что не существует критерия истины. Можно говорить о наборе приблизительных знаний, суждений, которые приближают нас к истине. В этом контексте дебаты выступают как равноправное сосуществование различных позиций, а значит, и их носителей. Важен способ движения и проявления каждого из участников обсуждения.

Усилия авторов как организаторов и координаторов проекта были направлены на развитие смысловости в диалоге. Эта содержательная установка определила выбор предметного материала для дебатов. Решено было обсуждать кинофильмы Д. Сигарева «Волчок» и И. Вырыпаева «Кислород». Выбор диктовался тем, что материал должен быть нейтральным для обеих аудиторий. Нейтральный, не связанный с учебными курсами, программами объект обсуждения позволял быть более свободными в самопроявлениях, стимулировал мотивацию участников.

Лабораторно-моделирующий этап работы в педмастерской осуществлялся в соответствии с внутренней учебной целью проекта – создания организационных условий для формирования и проявления субъектности учащихся в условиях инклюзивного образования и развития проектной компетентности студентов.

Первый этап проекта (подготовительный) представлял собой просмотр фильмов учащимися и студентами, оформление смысловых позиций; формирование смешанных рабочих групп, определение режима работы. Продолжительность этапа – две недели. Обратимся к тому, что происходило на этом этапе, приведем фрагмент, представляющий начало работы.

«Мать и дочь не слышат друг друга. Запараллеленность жизни, трагический финал. Наша тема – взаимоотношение отцов и детей». «Человек должен выбирать. Себя, судьбу, выстраивать различные сюжеты отношений с тем и другим. Судьба ...об этом мы хотим поговорить в своей группе». «Окружающий мир уродлив и страшен. Это мир, где человек не нужен никому, порой даже самому себе. Страшный мир – позиция, которую мы готовы рассмотреть после фильмов В. Сигарева «Волчок» и И. Вырыпаева «Кислород»».

Прокомментируем эти тексты. Перед нами фрагмент, представляющий этап работы в проекте. Студенты, посмотревшие фильм, прочитавшие сочинения детей о нем, проявляют свои смысловые позиции. Они приглашают десятиклассников определиться, выбрать свою группу для дальнейшего разговора. Первичные смыслы, возникшие у детей (сочинения по впечатлениям), были обдуманы студентами. В итоге произошло то, что называется выбором предметного содержания профессиональной деятельности. Будущие педагоги соотносили свои смыслы со смыслами десятиклассников, корректировали, сформировали тексты-версии.

Десятиклассники, ознакомившись с позициями студентов, осуществляли свой выбор для дальнейшей работы в проекте, также формулируя свои первичные смыслы. Результат – возникновение «поля дискурсивных событий». В этом поле мы попытались работать на первом этапе. Суть усилий – оформление возникшего дискурсивного события в смысловые топосы, первичные версии. Итогом стало формирование четырех рабочих групп. Студенты-филологи в этих условиях обучались образовательным действиям смыслопорождения и смыслопровождения; действиям, связанным с корректировкой, редактированием и оформлением текстов-версий обучаемых. Параллельно накапливался ресурс образовательных действий организационно-тьюторского сопровождения проекта: формирование групп, проявление и определение позиций участников в них.

Второй этап проекта (рабочий) подразумевал развитие и оформление смыслов. Оформились смысловые топосы, пока они были только номинальным обозначением мест случившейся организации смыслов. Предполагалось, что их нужно переформировать в статус свободного, осознаваемого дискурса. Необходима была работа, направленная на то, «как увидеть высказывание в узости и уникальности его употребления, как определить условия его существования, более или менее точно обозначить его границы, установить связи с другими высказываниями, которые могли быть с ними связаны» [4, с. 29]. На этом этапе развития проекта был предпринят еще один шаг в концептуализации его содержания. В этой ситуации актуальной оказалась совместная деятельность участников проекта,

в ходе которой осваивалось предметное содержание дебатов. Второй этап продлился четыре недели.

Третий этап (лабораторно-презентационный) представлял собой открытые дебаты по фильмам Д. Сигарева «Волчок» и И. Вырыпаева «Кислород».

«Мир», «судьба», «выбор», «ответственность». Эти смысловые топосы определили содержательную сторону происходящего. Присутствовали десятиклассники, студенты-филологи (они составляли рабочие группы), учителя школы, гости – педагоги, участники областной научно-практической конференции по проблемам интегрированного образования. Динамичный разговор, который строится по определенному сюжету: позиция группы, вопросы, ответы, комментарии ведущего, суждения присутствующих. Состоялась острая, напряженная полемика.

Прокомментируем случившееся в контексте развития диалога. Происходило предъявление оформленных смыслов-дискурсов. Маркерами уникальности стали способы, формы, приемы текстопредъявления. Использовались различные техники дискурса: тексты – игровые ситуации, тексты-видеоролики, тексты-перформансы, тексты-концепты, метаплан, графические тексты, тексты-ассоциаты.

В процессе дебатов позиции групп проблематизировались присутствующими, переоформлялись. В итоге открывались новые горизонты понимания и толкования предъявленных смыслов. Произошло оформление дискурсивного ландшафта «пространство проживания и понимания фильмов В. Сигарева “Волчок” и И. Вырыпаева “Кислород”». Свою лепту в создание этого ландшафта внесли все участники.

Последним этапом, завершающим работу участников образовательного проекта, стала исследовательская экспертиза содержания деятельности в рамках педмастерской. Она происходила в ходе работы XVI Международной конференции «Наука и образование», на которой студенты и учащиеся в докладах и презентациях представили свои исследовательские наработки. Своеобразным коллективным результатом стал проектный продукт, представляющий следующую модель проекта «Дебаты», которая была сформирована общими силами авторов статьи и отдельных студентов, участвовавших в проекте.

Список литературы

1. Байденко В. И. Компетенции: к освоению компетентного подхода: лекция в слайдах. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 30 с.
2. Зимняя И. А. Компетентный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования (теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20–26.
3. Ковалевская Е. Н. Организация диалога на уроке литературы (на материале изучения романа И. А. Гончарова «Обломов» в 10-м классе) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2001. Вып. 1 (26). С. 87–94.
4. Фуко М. Археология знания. К.: Ника-Центр, 1996. 208 с.

Ковалевская Е. Н., кандидат педагогических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

Гайворонская А. В., аспирант.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: andra@sibmail.com

Материал поступил в редакцию 24.12.2012.

E. N. Kovalevskaya, A. V. Gayvoronskaya

THE ACTIVITY ORGANIZATION IN THE PEDAGOGICAL WORKSHOP AS THE CONDITION OF DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL CULTURE OF THE TEACHER IN NEW EDUCATIONAL CONDITIONS

An educational project is regarded as a form of organizing joint activity making it possible to solve present-day problems of higher education. Within this form students manifest their individuality, realize the personal resources they possess. To achieve the specified educational goals, dialogue is used in the organization of the educational project. Dialogue helps to organise activity at each stage of project development.

Key words: *dialogue, educational workshop, subjectivity, activity with a meaning.*

Kovalevskaya E. N.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

Gayvoronskaya A. V.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: andra@sibmail.com

Д. Н. Никитина

КОНЦЕПТ «НЕФТЬ» В ДИСКУРСЕ ЖУРНАЛИСТА НЕФТЯНОГО МОНОГОРОДА

Статья посвящена анализу концепта «нефть» в дискурсе журналиста нефтяного моногорода. Доказывается, что гиперболизация и олицетворение нефти в текстах журналиста г. Стрежевого Томской области А. Шульбаевой приводят к трансформации ее образа в миф о своеобразной первородной субстанции.

Ключевые слова: медиаконцепт, миромоделирующий потенциал, дискурс журналиста, региональная картина мира.

Ася Шульбаева – известная не только в Томске и области, но и далеко за ее пределами, не раз становившаяся лауреатом разнообразных профессиональных конкурсов и премий журналистка издающейся в г. Стрежевом Томской области газеты «Томская нефть». Поскольку Стрежевой является моногородом, в котором фундаментальным градообразующим началом выступает нефтяной промысел, логично, что одним из ключевых концептов, формирующихся в стрежевской медиасфере, является концепт *нефть* (см. об этом: [1]). Воплощение этого социально маркированного концепта в отличие от эмоциональных концептов типа *любовь*, *ненависть* и т. п., требуют от журналиста мобилизации особых лингвокреативных усилий для вовлечения читателя в единое с автором смысловое и ассоциативное пространство.

Материалом настоящего исследования стала подборка статей Аси Шульбаевой за 2006–2009 гг.: «А за плечами – 40 лет и сотни новых скважин»; «А орешки не простые»; «Важно не подкачать»; «Глубин земных первопроходцы»; «Достань свою звезду»; «За разведкой следует наступление»; «На юге не отдыхают»; «Недра»; «От юга до севера»; «Коллектив»; «От юга до севера»; «Подо льдом»; «Полгода: курс верный»; «Разведка дает прирост»; «Сибирский уют»; «Собрать “кубик Рубика”»; «Это были красивые люди»; «И вместе им не сойтись?» и некоторые другие.

Даже поверхностный анализ материала показывает, что образ нефти будто пронизывает все остальные сферы жизни Стрежевого и является смысловым центром, вокруг которого концентрируются остальные темы стрежевского дискурса. Это обусловлено первостепенной ролью нефтепромысла в Стрежевом, объемом и глубиной содержания самой «нефтяной составляющей жизни» города. Добыча и обработка нефти не только образуют основу крупнейшего предприятия всего региона – Сибирской сервисной компании (ССК) и ее отделений, но так или иначе подчиняют себе все прочие организации, производства и компании, деятельность которых не связана напрямую с нефтью, но обеспечивает жизнедеятельность ССК и города.

Неслучайно количество композитов (сложных

слов) с основой, включающей корень *нефт-*, поражает: на 97 184 слова имеющегося у нас корпуса статей стрежевского журналиста Аси Шульбаевой лексемы с этим элементом встречаются 386 раз, сама лексема *нефть* 93 раза, *нефтяной* – 51, *нефтяник* – 26. Сумма всех интересующих нас единиц равна 556, что составляет примерно 0,57 % от общего количества слов в текстах.

Если обратиться к материалам Национального корпуса русского языка (URL: <http://ruscorpora.ru>) и созданного на его основе «Нового частотного словаря русской лексики», то можно увидеть, что «лексем *нефть* и *нефтяной* нет ни в частотном словаре художественной литературы, ни в частотном словаре живой устной речи (в список включены 5 000 самых частотных слов этих подкорпусов), что означает их низкую частотность в текстах данных стилей. Напротив, вполне репрезентативное представление данных лексем наблюдается в текстах публицистических. Так, *ipm* (instances per million words) – число употреблений на миллион слов корпуса – лексемы *нефть* в публицистике составляет 101,9; лексемы *нефтяной* – 62,1, следовательно, их совокупный *ipm* – 164,0. Для сравнения: совокупный *ipm* лексем *богатый* и *богатство* составляет 155,8; совокупный *ipm* лексем *православный* и *православие* – 125,4» [2, с. 209].

Таким образом, удельный вес искомым единиц в «Новом частотном словаре русской лексики» составляет 0,0164 %, а в текстах Аси Шульбаевой – 0,57 %, что примерно в 35 раз выше.

Одним из основных условий закрепления за концептом статуса ключевого в идиоконцептосфере автора является показатель частотности слов-репрезентантов концепта в его текстах. Следовательно, высокая частотность употребления лексем с корнем *нефт-* свидетельствует о значимости данной единицы для дискурса автора, о ее ключевой роли в формировании базовых концептов языковой картины мира журналиста.

Как показывает анализ, «нефтяной мир» не просто является полновесным и самодостаточным, он раздвигает границы месторождений и города Стрежевого, превращаясь в целую вселенную: «К своей звезде в ходе второго молодежного

турнира акционерного общества «Томскнефть» стремилась каждая из команд-участников». Огромные просторы первозданных сибирских земель известны во всем мире. Но в описании журналиста Аси Шульбаевой особенно отдаленные стрележские нефтяные промыслы разрастаются до глобальных размеров: месторождения изображаются как необъятные пространства, для описания которых используются названия сторон света: восток, запад, север и юг: «От крайней южной до крайней северной точки, находящихся в зоне ответственности восьмого цеха добычи, – 90 километров. Вотчина ЦДНГ-8 – самое большое среди месторождений «Томскнефти» Первомайское месторождение. Поэтому по утрам мастера и операторы добычи отправляются на один из трех участков, именуемых севером, центром и югом Первомайки, и до вечера уже не встречаются».

Интересную интерпретацию получает представление о юге. Как свидетельствует «Русский ассоциативный словарь» [3], в качестве основных реакций на лексему *юг* служат такие ассоциаты, как *север, тепло, море, страны, жара* и пр. В статье традиционное значение слова трансформируется: для нефтяников юг – это прежде всего месторождения, расположенные к югу от Стрележского, а также южная часть территории конкретных месторождений. В анализируемой статье актуализируется значение «юг Крапивинского месторождения». Уже в названии статьи «На юге не отдыхают» автор отталкивается от типичного контекста данной лексической единицы (отдых на юге), навязывая совершенно другое значение, не вполне понятное для читателей других городов и регионов, не погруженных в местный «нефтяной дискурс»:

«– Поехал на юг... Еду с юга. Услышав такой ответ на вопрос “Ты где?”, начинаешь чуть-чуть завидовать. Потому что невольно представляешь море, пальмы, пляж. Но на Крапивинском эти слова означают совсем иное. Здешний юг – место не для отпуска, а для тяжелой, напряженной работы».

И далее разворачиваются самые значимые для нефтяников смыслы, включающие положительную коннотацию, поскольку все единицы, описывающие сложный процесс добычи нефти, труд нефтяников, как правило, оцениваются стрележчанами безусловно одобрительно: «С юга пошла нефть». Поскольку развитие региона всецело зависит от объемов добываемой нефти, процветания нефтедобывающей отрасли, это новое значение лексемы *юг* легко вписывается в «нефтяной дискурс» Стрележского и становится вполне понятным для читателей без пояснений.

С другой стороны, автору свойственно изображение мира, окружающего буровую, как неизвестного – чужого и враждебного людям, где «шаг

вправо, шаг влево карается... падением в болотную жижу, гибелью». Буровая показана как маленькая точка – единственный оплот человеческого существования: «маленький островок среди тайги и болот». В этом контексте месторождение, на котором живут и работают буровики, изображается как средоточие жизни среди неживого и опасного и несущего смерть пространства непроходимых болот. В болотах есть так называемые *окна* – коварные глубокие озера, в которых бывают несчастные случаи, когда тонет техника, гибнут люди. Нужно отметить, что система оппозиций *живое – неживое* в целом характерна для дискурса А. Шульбаевой. Она актуализирует глубинные смыслы, заложенные в сознании сибиряков, окруженных огромными неосвоенными территориями и, таким образом, отделенных от остального цивилизованного мира: суверенность сибиряков, их самодостаточность и замкнутость для остального мира.

В оппозицию *живое – неживое* своеобразно вписывается и *нефть*. Благодаря обильному использованию разнообразных метафор *нефть* в дискурсивном пространстве статей А. Шульбаевой представляется в виде некоего живого организма. Модус эмпатии сопутствует описанию всего процесса бурения, жизни буровой, автор не скрывает своей заинтересованности и участия в нелегком деле добычи нефти, обнаруживая свое к ней отношение, словно к ребенку, только-только рождающемуся (речь идет о строительстве новых буровых), иногда беззащитному перед людьми, всецело зависящему от воли руководства «Томскнефти». Безусловно, такой взгляд передается автору от самих буровиков, проживающих целую жизнь на месторождении и поэтому сроднившихся с ним. Мастер, словно любящая мать, неусыпно следит за ходом бурения, по определенным признакам видит – что-то не так, слушает «шумное “дыхание” буровой». А. Шульбаева отмечает: желание быть «на месте» и непосредственно контролировать процесс долго служило препятствием между буровыми мастерами и новыми технологиями, предполагающими удаленное управление процессом бурения: «Ведь не так просто было переломить в сознании, что твое место в непростой момент – не там, где гремит железо и шумно стравливается пар, не рядом с бурильщиком, стоящим за рычагом-“палкой”, а в жилом городке перед компьютером».

Образ нефти в дискурсе А. Шульбаевой предстает в разных семантических измерениях: нефть – это детище человечества, порождение современной истории – изображается то как податливая, гибкая техника, машина для удовлетворения человеческих потребностей и желаний, то как усмиренная стихия, то как самостоятельная вселенная, абсолютно независимая, существующая по своим

законам. Но человек априори занимает ведущую позицию – позицию управляющего по отношению к нефти.

«Нефть ведь не кончится завтра», а значит, можно еще качать и качать и думать о нефти исключительно как о товаре, который нужно использовать с максимальной прибылью: «...выведенная из консервации скважина 196-Р вносит свою лепту в общий “котел”». От месторождений ждут только положенной отдачи – доходов. Так, о результатах разведки одной из новых скважин журналист пишет: «Десятая Макарьевская, к сожалению, не подтвердила ожидания». Добыча нефти превращается в гонку за успех: «В условиях сегодняшней неопределенности в будущем нефтегазового комплекса Томской области наша первоочередная задача – нарастить объемы эксплуатационного и разведочного бурения на родной земле». Кризис в нефтедобывающей отрасли рассматривается как общероссийская и мировая проблема. О наметившихся перспективах восстановления объемов добычи нефти, а значит, и восстановления рабочих мест и возвращения былых успешных позиций один из рабочих говорит: «Страшно не спугнуть это все. Перспектива вдохновляет, и в то же время страшновато. Пока все опять раскрутится». А времена очень высоких показателей суточной добычи нефти считаются эталонными, образцовыми для демонстрации способностей и мощностей техники в выкачке запасов этого ископаемого из недр земли, когда добыча достигает «потолка»: «Нельзя же добывать с месторождения больше, чем оно дает».

Показателен материал А. Шульбаевой, в котором очередная разработанная скважина рисуется как единица покоряющей природу армии: «Одна пробуренная скважина может стать решающей для поворота целой “армии” в новом направлении». А промышленное освоение нефтяных запасов Томского севера и строительство города в тяжелых условиях описываются как покорение сил дикой природы, привнесение цивилизации: «Вся грязь была наша. Но радость от того, что кругом все начинается, что город растет, была сильнее трудностей».

Статьи, посвященные нефтяникам, отличает героический пафос: «Это были герои нашего времени, люди высокого полета, замечательные хлопцы». Человек в очередной раз примеряет на себя роль творца: «Как из глины в руках гончара получается сосуд, так и здесь хочется посмотреть, что в итоге будет». Категория повседневного события часто нивелируется с целью показать профессию нефтяника как череду сложных ситуаций и бесконечных ЧП, о чем свидетельствует подзаголовок статьи «Хоть мы и не полярники» из рубрики «Испытание» о работе буровиков на отдаленном месторождении в лютые морозы: «Всё в рабочем режиме».

Олицетворение нефти происходит через сравнение одного из этапов ее жизненного цикла с этапом человеческой жизни посредством метафоры «месторождение стареет» или прямого сравнения с человеком: «месторождения стареют быстрее, чем люди». Следуя логике автора, месторождение, совсем как человек, проходит все фазы своего жизненного пути: детство, юность, зрелость, старость. А вид заброшенных, отработанных скважин – своеобразное кладбище месторождений – приводит автора в сожаление: они похожи на безжизненные памятники, запечатлевшие некогда бурную человеческую деятельность, теперь будто застывшую в ненужной технике: «На кустах... качалки теперь стоят просто как символы».

Особым образом названа стадия консервации скважины – время ее «молчания». Скважина представляется не просто живым существом, но существом со сложной организацией, существом, наделенным голосом. Фазы активной ее работы – ее жизни – прекращаются навсегда или временно молчанием, налагаемым человеком.

Но, несмотря на это, именно человек осознает нефть как живое существо: «ремонт “живых” скважин». Ему даже свойственно приписывать ей человеческие качества: герой очередной статьи будто рассказывает о своей близкой знакомой – скважине, он «знает, на что способна каждая из двухсот пятнадцати скважин Первомайского месторождения».

Антропоморфизм отражается и в том, например, что скважина может обладать характером: «есть сложная, капризная скважина». Эта прихотливая скважина, совсем как капризный ребенок, привлекает к себе все внимание мастера. Сейчас над ней «колдуют», как с любовью говорит мастер, – ремонтируют. Отеческое отношение бурового мастера проявляется в его вопросе относительно результатов ремонта: «Ну что, жить будет?», соответственно, специалисты ремонтной бригады похожи «на врачей, собравшихся на консилиум». Из приведенного контекста видно, с каким родственным чувством относятся нефтяники к скважинам, за которые отвечают. Месторождению приписываются те же качества, что и человеку: «Как полагается каждому “уважающему себя” месторождению, Южно-Черемшанское имеет весь положенный для промысла комплекс». Это способствует презентации нефти как личности, причем полноценной, находящейся в гармонии с окружающим миром, достойно себя представляющей. Кроме того, в сознании жителей нефтеграда существует и представление о нефти как о некой субстанции, позволяющей человеку достойно жить и процветать: «Кусты, пробуренные в последние годы... называют кормильцами».

Вместе с тем человек, бесспорно, выступает в роли правителя этих живых существ: только он определяет момент «пробуждения» и «усыпления» скважины, объем ее жизненных ресурсов. Подчеркивается утилитарно-прагматическое отношение к нефти: «Самый “жирный кусок” – это пласт Б-3...» Наибольшее удовлетворение и радость приносят лишь высокие показатели добычи нефти и относительно небольшие затраты, связанные с процессом бурения: «Проверяя утром свой фонд, Сергей с приятным чувством подъезжает к 25-му кусту: “Этот у меня самый хороший, «жирный»: двенадцать скважин, все нефть дают, и процент воды небольшой”. ...Освоение давно пробуренных “разведок” – дело стоящее: приложил минимум усилий – получил максимум удовольствия».

Таким образом, ключевой концепт локальной (в данном случае – стрежевской) картины мира в идиодискурсе талантливого журналиста Аси Шуль-

баевой приобретает объемность и стереоскопичность. Созданный ею образ нефти можно охарактеризовать как разноликий, но целостный, единый. Нефть в картине мира стрежевчан предстает в виде живого существа, часто уподобляется человеку, а пространство «живого» нефтяного мира, окруженного до вселенских размеров. Нефть представляется неким источником жизни: она явилась первопричиной построения нефтеграда, она же гарантирует ему развитие и стабильность. Гиперболизация и олицетворение нефти приводят к трансформации ее образа в миф о своеобразной первородной субстанции. В результате в дискурсе стрежевского журналиста происходит гипостазирование [4] нефти – возведение ее в ранг самостоятельно существующего объекта (субстанции) того, что в действительности является лишь свойством, отношением чего-либо).

Список литературы

1. Орлова О. В. Специфика реализации медиаконцепта нефть в дискурсе малой прессы Томской области (на примере газеты «Нарымский вестник») // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 1. С. 232–236.
2. Орлова О. В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал: монография. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2012. 254 с.
3. Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. и др. Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть I. М., 1994. 224 с.
4. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 4-е изд. М.: Политиздат, 1981. 445 с.

Никитина Д. Н., магистрант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: niki_dasha_11@sibmail.com

Материал поступил в редакцию 24.12.2012.

D. N. Nikitina

THE CONCEPT “OIL” IN THE DISCOURSE OF AN OIL MONOTOWN JOURNALIST

In the article the author presented an analysis of the concept oil in the discourse of the oil mono-town journalist. The hyperbolization and an oil embodiment in texts by A. Shulbayeva, journalist of Strezhevoy (town in Tomsk region), lead to transformation of an oil image to the first-born substance myth.

Key words: *media concept, world modelling potential, discourses of the journalist, regional picture of the world.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: niki_dasha_11@sibmail.com

И. И. Бабенко, О. В. Орлова

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ КОНЦЕПТА «НЕФТЬ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ Г. БАКУ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)¹

На материале анализа результатов лингвистического эксперимента анализируется аксиологический профиль концепта нефть в языковом сознании жителей г. Баку. Доказывается, что, по сравнению с присущим менталитету жителей г. Стрежевого Томской области «нефтецентризм», бакинцы не столь категоричны и воспринимают нефть как основу прогрессивных гуманистических преобразований.

Ключевые слова: аксиологический профиль концепта, региональная картина мира, медиаконцепт нефть, лингвистический эксперимент.

Данная статья продолжает серию публикаций, посвященных анализу локальной специфики концепта «нефть» в медиaproстранстве разных регионов [1–4].

Аксиологический профиль концепта понимается авторами как отраженная в коллективном языковом сознании конфигурация его аксиологических значимостей. Анализ медиадискурса г. Стрежевого – типичного нефтяного моногорода, расположенного на севере Томской области, подвел авторов к тезису-гипотезе о «нефтецентризме» концептосферы жителей Томского севера и специфичном в связи с этим – вынужденно комплиментарном – аксиологическом профиле концепта «нефть», сложившегося в языковом сознании стржежевчан.

Данную гипотезу полностью подтвердили результаты лингвистического эксперимента, нацеленного на выявление показаний языкового сознания жителей Стрежевого относительно рецепции ими концепта «нефть» (описание эксперимента и анализ его результатов см. в: [3]).

В качестве ведущей методики проведения эксперимента была избрана модифицированная в соответствии с целями и задачами исследования методика семантического дифференциала Ч. Осгуда. Во-первых, был модифицирован реестр предлагаемых автором методики признаков включением в него тех признаков пар, которые оказались актуальными для изучаемого концепта при его развертывании в медиадискурсе. Во-вторых, было отдано предпочтение пятибалльной шкале, в которой первый и последний баллы характеризовали яркую ассоциативную соотнесенность в сознании респондентов этого признака с одним из противоположных понятий, а срединная тройка обозначала невыраженность ассоциативной связи концепта с данной понятийной категорией. Опрос проводился осенью 2010 г., в нем приняли участие 90 жителей г. Стрежевого разного возраста, пола и социально-

го статуса (от старших школьников до пенсионеров).

Чтобы ответить на вопрос о том, всегда ли нефтяная основа экономики однозначно ведет к формированию «нефтецентристской» концептосферы региона, был проведен аналогичный эксперимент в столице Азербайджана г. Баку, который с начала XX столетия называют нефтяной столицей мира (по данным электронной энциклопедии «Википедия», углеводороды составляют около 88,2 % всего экспорта Азербайджана²). Опрос проводился осенью 2012 г., в нем приняли участие 90 студентов разных курсов и факультетов Бакинского славянского университета.

Полученные результаты представлены в виде сопоставительной сводной таблицы (табл. 1): в первом столбце указаны признаки медиаконцепта «нефть» в алфавитном порядке по первому члену антонимической пары, далее – количество респондентов в процентах, выставивших ту или иную оценку признакам, в последнем столбце – средние баллы по всем признакам, выставленным двумя группами респондентов (стржежевчанами и бакинцами).

В табл. 2 представлены все признаки в алфавитном порядке первого компонента антонимической пары, средние баллы оценок, выставленных информантами, и оценка, выставленная каждой паре признаков большинством респондентов из Баку и Стрежевого.

В чем совпадают и различаются представления о нефти жителей двух нефтяных регионов?

Очевидно полное совпадение (при разнице оценок не более чем в одну десятую балла) по признакам: «бедный – богатый» (при общем доминировании признака «богатый»), «неактуальный – актуальный» (доминирует признак «актуальный»). Почти полное совпадение (при расхождении оценок в две десятых балла) отмечено по признакам: «мрачный –

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 12-14-70002 «Лингвокультурное своеобразие региональной инфосферы: миноритарные дискурсивные практики».

² URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Экономика_Азербайджана.

Таблица 1

Характеристики концепта «нефть» в языковом сознании стрележечан и бакинцев

Признаки концепта «нефть»	Количество респондентов, выставивших оценку, %										Средний балл	
	Баку	Стр	Баку	Стр	Баку	Стр	Баку	Стр	Баку	Стр	Баку	Стр
Бедный – богатый	0	2,1	0	0	4,4	4,2	20	17	75,6	76,5	4,7	4,6
Безнравственный – нравственный	0	8,5	0	6,4	23,3	63,8	42,2	14,8	34,4	6,4	4,1	3,04
Безответственный – ответственный	0	2,1	0	4,2	12,2	40,4	32,2	31,9	55,6	21,2	4,43	3,59
Больной – здоровый	5,5	19,1	3,3	14,8	42,2	53,2	22,2	8,5	26,6	4,2	3,27	2,63
Вредный – полезный	3,3	4,2	1,1	0	24,4	10,6	20	25,5	51,1	59,5	4,14	4,36
Временный – вечный	1,1	23,4	14,4	17	21,1	31,9	28,9	12,7	34,4	14,8	3,8	2,78
Грязный – чистый	17,8	25,5	18,9	31,9	20	25,5	22,2	8,5	21,1	8,5	3,08	2,42
Естественный – искусственный	5,5	42,5	8,8	19,1	24,4	31,9	25,5	2,1	35,5	4,2	2,67	2,06
Зависимый – независимый	0	46,8	3,3	21,2	16,6	17	31,1	8,5	48,8	6,4	4,25	2,06
Злой – добрый	0	2,1	0	8,5	25,5	61,7	25,5	14,8	49	12,7	4,23	3,27
Мирный – агрессивный	17,8	2,1	13,3	10,6	32,2	53,2	23,3	19,1	13,3	14,8	3	3,34
Мрачный – светлый	10	19,1	14,4	6,4	21,1	57,4	17,7	14,8	36,6	17	3,56	3,48
Навязчивый – деликатный	0	19,1	2,2	10,6	37,8	68,1	31,1	2,1	28,9	0	3,86	2,53
Неактуальный – актуальный	0	2,1	1,1	0	10	6,4	32,2	31,9	56,6	59,5	4,4	4,44
Неважный – важный	0	2,1	1,1	0	16,6	4,2	31,1	14,8	48,8	78,7	4,5	4,68
Ненавистный – любимый	1,1	4,2	1,1	4,2	26,6	76,5	12,2	8,5	58,9	6,4	4,26	3,08
Ненужный – нужный	15,5	0	2,2	4,2	6,6	2,1	28,8	17	61,1	76,5	4,45	4,65
Непопулярный – популярный	0	0	3,3	0	10	21,2	22,2	25,5	64,4	53,2	3,67	4,31
Непрестижный – престижный	0	2,1	0	0	7,7	10,6	35,5	34	56,6	53,2	4,48	4,36
Несвободный – свободный	3,3	19,1	1,1	4,2	24,4	51	20	21,2	50	4,2	4,1	2,78
Неэффективный – эффективный	0	2,1	3,3	4,2	7,7	10,6	34,4	27,6	54,4	57,4	4,4	4,17
Опасный – безопасный	0	34	5,6	29,8	34,4	23,4	31	10,6	31,1	2,1	3,8	2,08
Отсталый – прогрессивный	0	6,4	0	6,4	10	12,7	31,1	23,4	59	51	4,5	4,08
Пассивный – активный	1,1	0	1,1	2,1	20	38,3	34,4	29,8	43,3	29,8	4,17	3,87
Плохой – хороший	0	2,1	4,4	6,4	10	34	27,8	34	57,8	23,4	4,4	3,7
Простой – сложный	3,3	8,5	7,8	2,1	18,9	31,9	34,4	34	35,5	23,4	3,9	3,61
Противный – приятный	5,5	8,5	8,8	8,5	24,4	59,5	25,5	14,8	35,5	8,5	3,56	3,06
Пустой – наполненный	1,1	2,1	2,2	4,2	24,4	48,9	40	29,8	32,2	14,8	4	3,51
Традиционный – новаторский	5,5	6,4	2,2	21,2	33,3	38,3	33,4	19,1	24,4	14,8	3,7	3,14
Чужой – свой	0	10,6	1,1	2,1	13,3	53,2	14,4	17	71,1	17	4,55	3,27

Примечание. Стр – Стрележечан.

Таблица 2

Характеристики концепта нефть в языковом сознании стрележечан и бакинцев:
средний балл по каждой паре признаков и оценка,
выставленная по каждой паре признаков большинством респондентов

Признак 1	Признак 2	Средний балл по паре признаков		Оценка, выставленная паре признаков большинством респондентов	
		Баку	Стрележечан	Баку	Стрележечан
Бедный	Богатый	4,7	4,6	5	5
Безнравственный	Нравственный	4,1	3,04	4	3
Безответственный	Ответственный	4,43	3,59	5	3
Больной	Здоровый	3,27	2,63	3	3
Вредный	Полезный	4,14	4,36	5	5
Временный	Вечный	3,8	2,78	5	3
Грязный	Чистый	3,08	2,42	4	2
Естественный	Искусственный	2,67	2,06	5	1
Зависимый	Независимый	4,25	2,06	5	1
Злой	Добрый	4,23	3,27	5	3
Мирный	Агрессивный	3	3,34	3	3
Мрачный	Светлый	3,56	3,48	5	3
Навязчивый	Деликатный	3,86	2,53	3	3
Неактуальный	Актуальный	4,4	4,44	5	5
Неважный	Важный	4,5	4,68	5	5
Ненавистный	Любимый	4,26	3,08	5	3
Ненужный	Нужный	4,45	4,65	5	5
Непопулярный	Популярный	3,67	4,31	5	5
Непрестижный	Престижный	4,48	4,36	5	5
Несвободный	Свободный	4,1	2,78	5	3
Неэффективный	Эффективный	4,4	4,17	5	5
Опасный	Безопасный	3,8	2,08	3	2
Отсталый	Прогрессивный	4,5	4,08	5	5
Пассивный	Активный	4,17	3,87	5	3
Плохой	Хороший	4,4	3,7	5	3 или 4
Простой	Сложный	3,9	3,61	5	4
Противный	Приятный	3,56	3,06	5	3
Пустой	Наполненный	4	3,51	5	3
Традиционный	Новаторский	3,7	3,14	3 или 4	3
Чужой	Свой	4,55	3,27	5	3

светлый» (при средней оценке 3,5 балла, что означает отказ информантов от оценивания понятия по данным признакам), «неважный – важный» (преобладает признак «важный»), «непрестижный – престижный» (доминирует признак «престижный»).

Полярные оценки (при расхождении оценок более чем в 2 единицы) были выставлены признакам: «зависимый – независимый» (признак независимости актуален для информантов из Баку, а признак зависимости – для жителей Стрежевого). Несколько меньшие, но статистически существенные колебания оценок (примерно в 2 единицы) продемонстрировали признаки: «навязчивый – деликатный» (признак деликатности оказался актуален для респондентов из Азербайджана, а признак навязчивости – из Стрежевого), «несвободный – свободный» («несвободный» – Стрежевой, а «свободный» – Баку), «опасный – безопасный» («опасный» – для Стрежевого, «скорее безопасный, чем опасный» – для Баку).

Весьма показательны результаты, фиксирующие процент опрошенных, отметивших тот или иной признак медиаконцепта «нефть» как максимально проявленный. Жители Стрежевого были категоричны в своих оценках и значительно чаще выставляли в ответах оценку «1». Например, признаки «зависимый», «естественный» и «опасный» оказались максимально значимыми для 35–47 % опрошенных. Чуть менее существенными (от 25 до 19 % опрошенных) стали признаки «грязный», «временный», «несвободный», «навязчивый», «больной», «мрачный». Неактуальными для стрежевчан (0 %) стали признаки «ненужный», «непопулярный», «пассивный».

Для жителей Баку первые, как правило негативно оцениваемые, признаки в парах-противопоставлениях оказались незначимыми: 13 из 30 признаков не выбрал ни один из 90 информантов, 11 первых в паре признаков отметили как существенные от 1 до 5 % информантов (1,1–5,5 %), а признаки «грязный», «ненужный» стали существенными лишь для 15,5–17,8 % опрошенных.

По целому ряду признаков очевидно существенное расхождение в оценках двух групп респондентов из разных регионов. Например, жители Стрежевого сочли значимыми следующие признаки медиаконцепта: «естественный», «зависимый», «опасный» (от 34 до 47 %), тогда как для жителей Баку именно эти признаки оказались неактуальными (от 0 до 5,5 %). Несколько меньшее, но статистически значимое расхождение в оценках получили некоторые другие признаки: «временный», «навязчивый», «несвободный» значимы для стрежевчан, а «ненужный» и «мирный» – для бакинцев. В одинаковой степени незначимыми оказались для обеих групп респондентов признаки, дающие негативную эмоциональную характеристику медиакон-

цепту: «бедный», «безответственный», «злой», «неактуальный», «неважный», «непопулярный», «непрестижный», «неэффективный», «пассивный», «плохой», «пустой».

Далее были сопоставлены максимальные оценки информантов по вторым компонентам дихотомий. Любопытно, что практически полное совпадение высоких оценок продемонстрировал признак богатства, высокую степень корреляции – признаки престижности и эффективности, несколько менее соотносимы оценки по признакам прогрессивности, популярности, нужности, актуальности и полезности, т. е. высокую оценку у всех информантов получили признаки с положительной коннотацией. Существенные расхождения оценок (от 50 % и более) в двух группах опрошенных также очень показательны: подавляющее большинство респондентов из Баку дали высокую оценку медиаконцепту по признакам «свой» и «любимый», соответственно, лишь для единичных информантов из Стрежевого именно эти признаки оказались актуальными.

Для более 60 % респондентов из Баку признак «любимый» оказался максимально значимым. Тогда как именно этот компонент дихотомии «нелюбимый – любимый» получил высокую оценку лишь у 6 % стрежевчан. Поляризация оценок (расхождение оценок в 30–40 %) очевидна по признакам: «опасный – безопасный», «свободный – несвободный», «зависимый – независимый», «злой – добрый» и «естественный – искусственный». Эти различия были отмечены при рассмотрении средних баллов по признакам, но не все нюансы оценок респондентов были учтены, так как некоторые особенности при вычислении среднего балла оценки нивелируются и упрощаются. Необходимо отметить, что признак безопасности получил максимальную оценку лишь у 2 из 90 опрошенных стрежевчан, признаки «свободный» и «здоровый» – у 4, признаки «любимый», «нравственный» и «независимый» – у 6, а признак «деликатный» не получил ни одной высокой оценки. В целом респонденты из Баку более охотно выставляли высокие баллы вторым членам дихотомий.

Не менее информативны данные по проценту опрошенных, выставивших 3 балла по различным признакам. Оценка 3 означает, как уже было сказано выше, фактический отказ от оценивания данных признаков, их аксиологическую ничтожность для респондента. Для большинства (более 50 %) опрошенных стрежевчан неактуальными оказались следующие пары этически обусловленных признаков медиаконцепта «нефть»: «безнравственный – нравственный» (63,8 %), «больной – здоровый» (53,2 %), «злой – добрый» (61 %), «мирный – агрессивный» (53,2 %), «навязчивый – деликатный» (68,1 %), «ненавистный – любимый» (76,5 %),

«противный – приятный» (59,5 %), «чужой – свой» (53,2 %), «несвободный – свободный» (51 %). Самый высокий процент отказов от оценивания получили признаки любви и навязчивости. И, наоборот, самыми важными признаками, оцененными на 3 балла лишь единичными информантами, стали прагматически окрашенные признаки: «бедный – богатый» (4,2 %), «неактуальный – актуальный» (6,4 %), «неважный – важный» (4,2 %) и «ненужный – нужный» (2,1 %). Очевидно, что стрележчане крайне прагматично относятся к рассматриваемому феномену, отказываясь оценивать его с этической точки зрения.

В оценках респондентов из Баку прослеживается иная тенденция аксиологического восприятия концепта «нефть». Выраженного большинством респондентов отказа от оценивания тех или иных признаков не зафиксировано, но от 30 до 40 % информантов поставили 3 балла признакам, получившим такую оценку и у стрележчан: «больной – здоровый» (42,2 %), «мирный – агрессивный» (32,2 %), «навязчивый – деликатный» (37,8). Кроме того, признаки «опасный – безопасный» (34,4 %) и «традиционный – новаторский» (33,3 %) также получили относительно высокий процент отказа от оценивания. Прагматически окрашенные признаки «бедный – богатый» (4,4 %), «ненужный – нужный» (6,6 %), «непрестижный – престижный» (7,7 %), «неэффективный – эффективный» (7,7 %), наоборот, легко оцениваются бакинцами, лишь единицы бакинцев выставили этим признакам оценку 3.

Итак, эксперимент показал, что бакинцы воспринимают нефть как положительно окрашенный феномен, поскольку в их ответах было очевидно тяготение к правым компонентам антонимических пар, об этом свидетельствует явное преобладание оценки 5 у бакинцев в отличие от стрележчан, чаще выставлявших оценку 3, т. е. отказывавшихся от этической характеристики данного феномена.

Глубокое исследование аксиологического профиля медиаконцепта «нефть» в СМИ Азербайджана – в перспективе. Однако на данном этапе выскажем гипотезу о целенаправленно формируемой медиасредствами этого государства политике восприятия нефтяного фактора как основы интеллектуального и культурного развития общества, оцениваемого безусловно позитивно. Ср.: «Развитие в

Азербайджане образования, обеспечение детей и молодежи образованием, соответствующим мировым стандартам, а также подготовка высококвалифицированных кадров составляют главную часть стратегии президента страны по преобразованию нефтяного капитала в развитие интеллектуального общества, кадровой политики и профессионализма»¹; «Азербайджан превращает нефтяные доходы в интеллектуальный капитал и продолжит усилия в данном направлении»²; «Поэтому мы в Азербайджане составили программы по преобразованию наших природных ресурсов, прежде всего в интеллектуальный потенциал, и провозглашенный нами в свое время принцип – “превратить черное золото в человеческий капитал” – сегодня уже работает»³.

Вследствие многократно актуализированного в медиасфере Азербайджана тренда преобразования нефти в прогрессивные духовно-нравственные блага (интеллект, образование, культуру, профессионализм) языковое сознание бакинцев не обнаруживает подчеркнутого нефтецентризма, а сам фактор нефти оценивается положительно не только с утилитарно-прагматической точки зрения, но и с этической.

Эксперимент подтвердил гипотезу о «нефтецентризме» концептосферы жителей Томского севера и специфичном в связи с этим вынужденно комплиментарном, гипертрофированно позитивном, смещенном аксиологическом профиле изучаемого медиаконцепта, сложившемся в языковом сознании стрележчан. Однако проведенный опрос выявил и признаки нравственно-этической фрустрации по поводу нефти, а именно категорическое признание собственной тотальной зависимости от нефти, обреченности на нефть и практически полный отказ оценивать нефть в категориях этики, эстетики и чувственного восприятия, что говорит о безусловном признании утилитарной и социально-экономической ценности нефти при далеко не очевидной ее значимости в человеческой духовности и культуре. В то же время, вероятно, вследствие сознательно формируемой медиаполитики Азербайджана, где нефть выступает основой прогрессивных гуманистических преобразований, коллективное сознание бакинцев отражает восприятие нефти как в том числе и этически положительно оцениваемого фактора.

¹ Образовательные реформы в Азербайджане. URL: http://www.azerbaijans.com/content_1729_ru.html

² АМИ Trend, 2010, 02 дек. URL: <http://www.trend.az/news/politics/1791087.html>

³ Информационное агентство «The First News», 2012, 05 окт. URL: <http://www.1news.az/chronicle/20121005011323381.html>

Список литературы

1. Орлова О. В. Специфика реализации медиаконцепта нефть в дискурсе малой прессы Томской области (на примере газеты «Нарымский вестник») // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 1 (116). С. 232–236.
2. Орлова О. В. Аксиологический профиль концепта нефть в СМИ «нефтеграда» (на материале прессы о г. Стрежевом Томской области) // Диалог культур в местных сообществах в условиях трансформации российской государственности: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Улан-Удэ, 11–13 сентября 2012 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2012. С. 120–123.
3. Бабенко И. И., Орлова О. В. Аксиологический профиль концепта нефть в языковом сознании жителей города нефтяников (на материале лингвистического эксперимента) // Коммуникативно-управленческие стратегии в развитии социальных систем: тенденции, ресурсы, технологии: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15–16 ноября 2012 г.): в 3 ч. Екатеринбург: ИГУП, 2012. Ч. 1. Интегрированные маркетинговые коммуникации как фактор динамики развития социальных систем: сб. статей. С. 157–165.
4. Орлова О. В., Никитина Д. Н. «Не нефтью единой»: модус успешности в медиапрезентации города нефтяников (на материале статей журналиста газеты «Томская нефть» Аси Шулбаевой) // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания в условиях межъязыковых контактов народов Алтая: тезисы докладов V Международной научной конференции (г. Бийск, 8–10 октября 2012 г.). Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2012. С. 33.

Бабенко И. И., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

Орлова О. В., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: orlova13@sibmail.com

Материал поступил в редакцию 24.12.2012.

I. I. Babenko, O. V. Orlova

AXIOLOGICAL PROFILE OF THE CONCEPT “OIL” IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF INHABITANTS OF BAKU (DATA OF A LINGUISTIC EXPERIMENT)

In the article the authors analysed the axiological profile of the concept oil in language consciousness of inhabitants of Baku based on the material of the analysis of the linguistic experiment results. In comparison with “oil centrism”, inherent in mentality of inhabitants of Strezhevoy (Tomsk region), the Bakiners are not so categorical and perceive oil as a basis of progressive humanistic transformations.

Key words: *axiological profile of a concept, regional picture of the world, media concept oil, linguistic experiment.*

Babenko I. I.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

Orlova O. V.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: orlova13@sibmail.com

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 069.8

Т. В. Галкина

АДАПТАЦИЯ И АПРОБАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ МУЗЕЙНОЙ АУДИТОРИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОМ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ «КИЖИ» (КАРЕЛИЯ)

Разработка методики, приспособленной для изучения музейной аудитории, является весьма актуальной для развития музейного дела в современной России. Статья посвящена адаптации и апробации социологических и психологических методов изучения музейной аудитории (на примере музея-заповедника «Кижский»). Обобщены результаты опроса, полученные в ходе музейной практики студентами Томского государственного педагогического университета в августе 2012 г. на острове Кижский в Карелии. Приводятся образцы анкет.

Ключевые слова: музейная культура, психологические методы, музейная аудитория, модель музейного посетителя, музейная анкета.

Государственный историко-архитектурный и этнографический музей «Кижский», включенный в Список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО (1990 г.), в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации (1993 г.) и удостоенный в 2011 г. звания «Лучший музей России» [1, с. 3], является новатором современных музейно-образовательных и проектных технологий, направленных на работу с разновозрастной аудиторией. В основе деятельности музея-заповедника лежит новое понимание культуры как носительницы фундаментальных ценностей и ресурса общественного развития в XXI в., способных оказывать направленное и прогнозируемое влияние на человека и его деятельность [2, с. 2].

В силу своего островного положения и возможности работать на острове только в ограниченный период времени (с мая по октябрь) музей-заповедник активно использует как кратковременные (экскурсии от 1,5 до 3 часов), так долговременные (5–6 дней на острове) формы работы с посетителями. К долговременным формам относятся летняя детская музейно-этнографическая школа на о. Кижский (с 1993 г.), летняя музейно-педагогическая школа на о. Кижский для музейных педагогов (с 1999 г.) и летний университет на о. Кижский для студентов (с 2003 г.). С 2007 по 2012 г. во всероссийских конкурсах летнего университета на о. Кижский участвовали 60 проектов из вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Калининграда, Воронежа, Ставрополя, Минска (Республика Беларусь) и др. [3, с. 70; 4, с. 62].

В 2012 г. победителем Всероссийского конкурса музейных проектов летнего университета на о. Кижский впервые стал сибирский вуз – Томский го-

сударственный педагогический университет. Его команде – группе студентов историко-филологического факультета ТГПУ в составе И. И. Абсалямова, А. А. Канаевой, Н. В. Романовой, В. И. Слепневой, Ю. С. Сувориной и В. В. Юмашева под руководством декана факультета, доцента Т. В. Галкиной была предоставлена 45 %-я скидка для проживания на заповедной территории музея-заповедника «Кижский» с 10 по 15 августа 2012 г.

Опыт музейного проектирования, накопленный в музейном комплексе ТГПУ, позволил разработать актуальный для музея-заповедника музейный проект [5, 6].

Этот проект осуществлялся в рамках социокультурного музейно-образовательного проекта «Летний университет на о. Кижский», в основе учебного процесса которого лежит методика среднего погружения в историко-культурную и природную среду о. Кижский, направленная на формирование музейной культуры посредством переживания нового познавательного, ценностного и эмоционального опыта. Эффект применения этой методики обусловлен воздействием на участников проекта в течение шести дней (с 8.00 до 23.00) нескольких составляющих: музейной (традиционных, театрализованных и специальных экскурсий, мастер-классов и встреч с мастерами), творческой (творческих конкурсов, ежедневной рефлексии) и бытовой (проживанием в старинном крестьянском деревянном доме на берегу Онежского озера, знакомством с заонежской баней и традиционными кулинарными блюдами). Набор этих составляющих проекта позволил студентам не только вжиться в ритм жизнедеятельности музея-заповедника, но и научиться любоваться лемеховыми куполами Преображенской церкви, крутыми взвозами крестьянских

домов, маленькими уютными часовенками и зеленым островом посреди голубого озера. Гармония архитектуры и природы о. Кижь, безоговорочно всеми воспринимаемая, становится мощным фундаментом музейной культуры личности.

Опыт пребывания в музее-заповеднике «Кижь» позволил группе студентов-историков ТГПУ побыть в интересной деятельностной ситуации: быть музейными посетителями и одновременно работать с другими музейными посетителями по принципу «посетитель с посетителем». Т. е. «прожить сразу две жизни», освоив две социальные роли – экскурсантов и одновременно выступать в качестве представителей музея-заповедника и «старожилов» острова, проводящих опрос приезжих музейных посетителей. Это обстоятельство наложило неизгладимый отпечаток на аксиологическое восприятие окружающего пространства – «здесь и сейчас», усиливая потребность освоения новых музейных впечатлений.

В проекте «Социокультурный портрет современного кижского посетителя» указывалось, что изучение музейной культуры особенно интересно было бы провести в музее мирового значения, каким является музей-заповедник «Кижь». Столь значимые для русской культуры уникальные памятники деревянного зодчества заставляют посетителей по-новому оценить грандиозный вклад России в мировую культуру, почувствовать необычайную гордость и глубокое уважение к людям, сотворившим это чудо. Несомненно, Кижь – это место, где зарождается и укрепляется любовь к прекрасному, к вдохновенному человеческому труду и таланту. Каждый прибывший на остров и впитавший все это должен почувствовать благотворное воздействие на свои мысли и чувства, добавив к своим сокровенным ценностям еще одну – ценность соприкосновения с музеем как носителем вневременной сущности красоты.

Заявленная цель проекта «Социокультурный портрет современного кижского посетителя» состояла в выявлении влияния российского памятника мирового значения – музея-заповедника «Кижь» – на трансформацию музейного ценностного багажа современного кижского посетителя и продуцирование новых личностных ценностей, определение приоритетного характера этого влияния (образовательный, познавательный, рекреационный, досуговый) и степени эмоционального воздействия. Этот проект являлся одним из прикладных научных исследований, роль которых в музейном деле в последнее время непрерывно возрастает. Так, первое комплексное психолого-педагогическое и социологическое исследование на о. Кижь было проведено в 2004 г., а в 2005 г. впервые изучались проблемы восприятия памятников му-

зея-заповедника туристами [7, с. 132–133]. Хотя такие исследования аудитории необходимы музею для формирования музейной политики, в силу ряда причин они не получили дальнейшего развития и оставили открытой проблему изучения кижской аудитории.

В ходе реализации проекта «Социокультурный портрет современного кижского посетителя» одной из важных проблем являлось не только освоение методов социологического и психологического опроса в форме анкетирования, но и работа с понятием «музейная культура», которое необходимо сделать определяющим при характеристике музейного посетителя. От каких факторов зависит музейная культура посетителя? Сколько степеней музейной культуры существует и как их освоить? Получение ответов на эти вопросы позволит выявить ролевые модели современного музейного посетителя, а это, в свою очередь, позволит определить стратегию и тактику коммуникативного воздействия на разные категории музейных посетителей. Результатом музейного воздействия станет формирование музейной культуры, выражающейся в освоении материального и культурно-символического ресурсов музея.

Разрабатывая проект, участники пришли к выводу о необходимости привлечения комплекса социологических и психологических методов для оценки состояния музейного посетителя как главного объекта коммуникативного воздействия. Для реализации этого проекта были решены следующие задачи научно-теоретического блока: а) разработаны традиционные анкеты социолого-психологического характера; б) разработаны инновационные анкеты, нацеленные на выявление степени музейной культуры современного кижского посетителя. По мнению автора, музейная культура характеризуется наличием следующих признаков: 1) музейной насмотренности; 2) развитого музейного восприятия; 3) умения выявлять ценности каждого музея; 4) освоения ценностей музея как собственных; 5) насущной потребности в постоянном музейном обогащении; 6) деятельностного участия в каких-либо формах музейной деятельности; 7) наличия собственных коллекций, домашнего музея. Выявление признаков музейной культуры у посетителей производилось с помощью социологических методов (позволяющих выявить возраст, место жительства, образовательный уровень, профессию и др.) и психологических методов.

Использование психологических методик в музейном деле имеет свою специфику: 1) направленность на изучение психологических процессов в конкретном отношении к музейному предмету или объекту; 2) изучение всей системы психических процессов человека (ощущений, памяти, мышле-

ния, эмоций, чувств, воображения) в их совокупности как целостного объекта; 3) рассмотрение музея как коммуникационной системы с присущими ей внутренними и внешними связями. В соответствии с этим возникает новая проблемная область для исследования – психология музея, предметом которой является изучение психических процессов посетителей и музейщиков при коммуникативном взаимодействии. Как проявляется та или иная психологическая составляющая в конкретных условиях по отношению к конкретному музейному объекту (предмету), каковы специфические проявления психического процесса с учетом содержания и художественного экспозиционного решения – такие задачи стоят перед исследователями.

Для музейщика важно опираться в своей профессиональной деятельности на знание комплекса психических особенностей человека, к простейшим из которых относятся ощущения вкуса, цвета, запаха, звука и т. д. Существуют разные классификации ощущений, так, в зависимости от способа взаимодействия органов чувств с объектами различают контактную чувствительность (вкусовую, тактильную) и дистантную (зрительную, слуховую, обонятельную) [8, с. 163].

Исследования показывают наличие различных предпочтений в ощущениях у разных групп людей и отдельных индивидов. Это может определяться возрастными особенностями человека, его половой принадлежностью, национальностью, особенностями физиологии или воспитания, привычками, культурными традициями и многими другими факторами. Однако большинство этих различий (даже вкусовые предпочтения) поддаются корректировке и даже изменению под воздействием рекламы, создающей явление социальной моды, в том числе и по отношению к музею или выставке. Важным является анализ ощущений, которые испытывают посетители музеев по поводу температуры в помещении (холодно или жарко), наличия запаха, освещения.

Важным психическим процессом для восприятия музейных предметов и объектов является память, играющая решающую роль в сохранении целостности и индивидуальности человека. В зависимости от содержания материала выделяют следующие виды памяти: образную, словесно-логическую, двигательную, эмоциональную и пр. [8, с. 200].

Авторами статьи разработаны методы работы с образной и словесно-логической памятью в музее. Метод оценки образной памяти на основе категории «запоминаемости» или метод оценки образа музейной экспозиции (пространства) позволяет определить не только вид образной памяти (зрительную, слуховую, тактильную, обонятельную), но и степень воздействия музея-заповедника

«Кижы» на посетителя, что крайне важно для достижения высокого психологического эффекта. Опрос в форме анкетирования позволяет определить, возникает ли у посетителей в процессе первого посещения музея некий образ музейной экспозиции (пространства) музея-заповедника «Кижы». Наличие такого образа позволяет говорить об эффективности или неэффективности музейного воздействия. Под образом музейной экспозиции понимается некая в той или иной мере структурированная информация, которая остается в памяти посетителя и влияет на его дальнейшие действия (в том числе повторный приход в музей или передачу информации другим людям, которую можно рассматривать как способствование созданию разветвленной системы рекламных коммуникаций).

Цель данного метода – выявление степени запоминаемости структуры музейного пространства. Для решения этой проблемы была применена следующая методика: после первой экскурсии посетителям выдается контурный план музея-заповедника, на котором должны быть отмечены те объекты, которые посетитель запомнил. Полученные данные суммируются, а результаты наносятся на контурный план музея-заповедника в виде цвета разной интенсивности. Те объекты, которые запомнились максимальному количеству посетителей, окрашиваются в более темные тона, а те, которые запомнились меньшему количеству, – в более светлые. Объекты, которые не запомнил никто, остаются незакрашенными. В результате получается план музейного пространства (музейных объектов) острова, который отражает его коллективный музейный образ, основанный на процессах привлечения внимания и памяти. На стадии анализа решается вопрос, почему музейные объекты привлекают разное внимание, чем это объясняется и как повысить запоминаемость «незамеченных» объектов.

Для оценки словесно-логической памяти музейного посетителя разработана анкета «Архитектура музея-заповедника Кижы», состоящая из 20 вопросов, входящих как в обзорную экскурсию по Кижскому погосту, так и в тематические экскурсии по музею-заповеднику. Анкета включает вопросы на обобщение (например, о формах жилой, хозяйственной и церковной архитектуры), конкретные вопросы об архитектурных деталях и датах сооружения, а также вопросы, затрагивающие функциональные особенности кижской архитектуры.

Анкета «Архитектура музея-заповедника Кижы»

1. Формы жилой архитектуры:
2. Формы хозяйственной архитектуры:
3. Формы церковной архитектуры:
4. Какие церкви возведены на о. Кижы?
5. Какие часовни построены на о. Кижы?

6. Какой архитектурный принцип положен в основу создания Кижского архитектурного ансамбля?
7. На протяжении какого времени создавался Кижский архитектурный ансамбль?
8. Какая церковь на о. Кижы относится к XIV в.?
9. В каком году была построена Преображенская церковь?
10. Кем был начерчен план Преображенской церкви?
11. Из пород каких деревьев построена Преображенская церковь?
12. Архитектурный тип Преображенской церкви?
13. Сколько глав имеет Преображенская церковь?
14. Какова форма глав Преображенской церкви?
15. Как называется архитектурная деталь, покрывающая главы (купола) Преображенской церкви?
16. Сколько рядов (ярусов) имеет иконостас Преображенской церкви?
17. Как расписаны тябла в иконостасе Покровской церкви?
18. В каком веке была построена часовня Михаила Архангела?
19. Каковы особенности заонежского крестьянского дома?
20. Чем отличается рига от амбара?
13. Сколько глав имеет Преображенская церковь? (22.)
14. Какова форма глав Преображенской церкви? (Криволинейная форма типа бочки.)
15. Как называется архитектурная деталь, покрывающая главы (купола) Преображенской церкви? (Лемех.)
16. Сколько рядов (ярусов) имеет иконостас Преображенской церкви? (Четырехрядный иконостас.)
17. Как расписаны тябла в иконостасе Покровской церкви? (Травным орнаментом по белому полю.)
18. В каком веке была построена часовня Михаила Архангела? (В конце XVIII – начале XIX в.)
19. Каковы особенности заонежского крестьянского дома? (Дом «брус», в котором изба, сени, хозяйственная часть идут друг за другом; двухэтажный дом с чердаком.)
20. Чем отличается рига от амбара? (Рига – крытый сарай для сушки снопов и обмолота, а амбар – для хранения зерна, муки и др. продуктов и даже одежды (на втором этаже).)

*Ключ для обработки результатов по анкете
«Архитектура музея-заповедника Кижы»*

1. Формы жилой архитектуры: дом, баня.
 2. Формы хозяйственной архитектуры: амбар, рига, кузница, мельница, ограда.
 3. Формы церковной архитектуры: церковь, часовня, колокольня, поклонный крест.
 4. Какие церкви возведены на о. Кижы? (Преображенская, Покровская, Воскрешения Лазаря.)
 5. Какие часовни построены на о. Кижы? (Михаила Архангела, Успения Богородицы, Петра и Павла, Спаса Нерукотворного, Трех Святителей.)
 6. Какой архитектурный принцип положен в основу создания Кижского архитектурного ансамбля? («Многоглавие рядом с многоглавием».)
 7. На протяжении какого времени создавался Кижский архитектурный ансамбль? (На протяжении 150 лет.)
 8. Какая церковь на о. Кижы относится к XIV в. (Воскрешения Лазаря.)
 9. В каком году была построена Преображенская церковь? (1714 г.)
 10. Кем был начерчен план Преображенской церкви? (Петром I.)
 11. Из пород каких деревьев построена Преображенская церковь? (Сосна, ель, осина.)
 12. Архитектурный тип Преображенской церкви? (Восьмериковая ярусная.)
- Большое значение в восприятии музейного объекта и музейного предмета отводится различным видам мышления: наглядно-действенному, наглядно-образному, словесно-логическому, а также абстрактному. Для реализации музейного проекта автором статьи предложен апробированный в психологии метод «Исключение понятий» для работы с вербально-логическим (словесно-логическим) мышлением в музее. Этот метод позволяет изучать словесно-логическое мышление и выявлять уровень процессов обобщения у посетителей. Для учащихся младшего и среднего школьного возраста предлагается 16 рядов понятий, сгруппированных по пять слов. Необходимо выбрать и исключить одно понятие, не обладающее общими (родовыми) признаками для данной группы понятий (например, музей, витрина, школа, раритет, диарама; картина, скульптура, чучело, инсталляция, ваза; шапка Мономаха, карета, трон, автомат Калашникова, Оружейная палата). Для старшеклассников предложены более трудные задания: Третьяковская галерея, Лувр, Люксембург, Эрмитаж, Британский музей; пастель, гуашь, акварель, пастораль, темпера; Преображенская церковь, Ямка, Псково-Печерская лавра, часовня Михаила Архангела, Кижы.

Анкета для реализации метода «Исключение понятий» для школьников младшего и среднего школьного возраста

(Испытуемым предлагается 16 рядов понятий, сгруппированных по пять слов. Необходимо

выбрать и исключить одно понятие, не обладающее общими (родовыми) признаками для данной группы понятий.)

1. Древний, забытый, старинный, вековой, старый.
2. Музей, витрина, школа, раритет, диарама.
3. Фонды, учет, хранение, музейный предмет, город.
4. Экспозиция, выставка, весы, экспозиционный комплекс, экспонат.
5. Фрагмент, деталь, кусок, часть, чашка.
6. Самовар, прялка, икона, печь, чайник.
7. Храм, церковь, часовня, монастырь, приют.
8. Картина, скульптура, чучело, инсталляция, ваза.
9. Беркут, бабочка, черепаха, зоологический музей, комбайн.
10. Трактор, сенокосилка, грабли, лопата, удочка.
11. Иванов, Шишкин, Мусоргский, Репин, Перов.
12. Эрмитаж, Лувр, Прадо, Голливуд, Метрополитен.
13. Кварц, нефрит, минералогический музей, бетонит, малахит.
14. Самолет, ракета, космос, музей космонавтики, скафандр.
15. Шапка Мономаха, карета, трон, автомат Калашникова, Оружейная палата.
16. Картинная галерея, музей-дворец, музей-усадьба, заповедная зона, музей-заповедник.

Ключ для обработки результатов по методу «Исключение понятий» (словесно-логическое (вербально-логическое) мышление)

16 правильных ответов – высокий уровень процессов обобщения на базе музейного содержания.

10–15 правильных ответов – средний уровень процессов обобщения на базе музейного содержания.

9 и меньше – низкий уровень процессов обобщения на базе музейного содержания.

Анкета для реализации метода «Исключение понятий» для старшеклассников

(Испытуемым предлагается 16 рядов понятий, сгруппированных по пять слов. Необходимо выбрать и исключить одно понятие, не обладающее общими (родовыми) признаками для данной группы понятий.)

1. Третьяковская галерея, Лувр, Люксембург, Эрмитаж, Британский музей.
2. Пастель, гуашь, акварель, пастораль, темпера.
3. Реализм, романтизм, импрессионизм, модернизм, классицизм.
4. Клод Перро, Лувр, Леонардо да Винчи, Сан-Сузи, Тициан.
5. Ника Самофракийская, Ф. Б. Растрелли, Эрмитаж, Екатерина II, Поль Гоген.
6. Ясная Поляна, музей-усадьба, Л. Н. Толстой, Ярославская область, Тула.

7. Флоренция, Эскориал, Медичи, Уффици, Боттичелли.
8. Лоджии Рафаэля, Микеланджело, Италия, Эрмитаж, Ватикан.
9. Кунсткамера, Маттарнови, Петр I, коллекция Рюйша, Москва.
10. Розетский камень, Шампольон, Британский музей, скульптуры Фидия, Парфенон.
11. Смитсоновский музей, Германия, луноход, коллекция метеоритов, синий бриллиант «Хоуп».
12. Пирамида Хеопса, пирамида Хефрена, Сахара, комплекс Гизы, сфинкс.
13. Преображенская церковь, Ямка, Псково-Печерская лавра, часовня Михаила Архангела, Кижы.
14. Прадо, Босх, Дюрер, Веласкес, Метрополитен-музей.
15. Куликовское поле, музей оружия, Тульская область, Рязанский кремль, музей самоваров.
16. Государственный исторический музей, Государственный биологический музей, Музей хлеба, Мемориальный музей космонавтики, Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

Ключ для обработки результатов по методу «Исключение понятий» (словесно-логическое (вербально-логическое) мышление)

16 правильных ответов – высокий уровень процессов обобщения на базе музейного содержания.

10–15 правильных ответов – средний уровень процессов обобщения на базе музейного содержания.

9 и меньше – низкий уровень процессов обобщения на базе музейного содержания.

Особенный интерес в музее вызывает обращение к таким психическим процессам, как эмоции и чувства музейных посетителей. Как известно, собственно эмоции, осуществляя сигнальную, регуляторную и побудительную функции, обнаруживаются как у людей, так и у животных, а чувства – сугубо человеческие переживания, характеризующиеся отношением к потребностям и их удовлетворению (душевное равновесие, эйфория, убежденность, отчужденность, бодрость, апатия, усталость и др.). К основным эмоциям относят радость, удивление, страдание, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, гордость. Некоторые психологи считают гордость и стыд высшими эмоциями, присутствующими только человеку [8, с. 208].

Знание и использование особенностей чувственно-эмоциональной сферы человека, которая может даже доминировать над мышлением, имеют основополагающее значение для работы в музее, так как эмоции и чувства полифоничны и могут вызывать психокомфорт и психоуспокоенность или

напряженность и возбужденность. При этом эмоциональная направленность музейных экспозиций и экскурсий должна носить стенический характер при условии создания психоконфортного пребывания в музее. Для этого необходимо учитывать ве-

душные органы чувств у посетительской аудитории. Предложенный метод определения ведущего органа чувств в музее позволяет, получив ответы на 49 вопросов анкеты, выявить его направленность – визуальную, аудиальную или кинестетическую.

Анкета для определения ведущего органа чувств у музейного посетителя

1. Люблю наблюдать за людьми в музее	26. Интересуюсь старинным оружием в музее
2. Люблю рассматривать старинные музейные предметы	27. Люблю наблюдать за действующими макетами в музее
3. У меня есть книги о музеях	28. Люблю фотографировать в музее и показывать друзьям
4. Люблю почитать о великих художниках	29. В музее хочу успеть увидеть каждый зал, чтобы составить себе общее впечатление
5. Мне нравится смотреть фильмы о художниках, писателях, поэтах	30. Люблю приходить в музей на недолгое время
6. Когда я знаю биографию художника, мне интереснее смотреть его картины	31. Когда слышу в музее знакомую музыку, то мне становится интереснее
7. Мне нравится ходить по музейным залам	32. Особенно мне нравятся птичьи голоса в музее
8. При осмотре музея для меня важен тембр голоса экскурсовода	33. Мне интересно мнение друзей о выставке (музее)
9. Мне нравится осматривать экспонаты со всех сторон	34. Я хочу иметь собственное мнение о выставке в музее
10. Всегда хочется потрогать экспонат в музее	35. В наушниках всегда со мной моя любимая музыка
11. Люблю посещать музеи-усадьбы великих людей	36. Интересно слушать, как иностранцы говорят на русском языке
12. Особенно хорошо себя чувствую в музеях под открытым небом, где можно много двигаться	37. Долго помню увлекательный рассказ экскурсовода
13. Мне нравится определять функции незнакомого предмета	38. Люблю пользоваться электронным киоском в музее
14. Придаю значение одежде экскурсовода	39. Мне нравятся музеи, где можно что-то делать руками
15. Всегда рассказываю друзьям о самом интересном	40. Хотел бы попробовать себя в роли экскурсовода
16. Видел интересные музейные сайты в интернете	41. Мне нравятся концерты в музеях
17. Предпочитаю сам осматривать музей, а не слушать экскурсовода	42. Люблю подискутировать с экскурсоводом
19. Предпочитаю слушать экскурсовода и задавать ему вопросы	43. Не стесняюсь выражать эмоции в музее
20. Люблю изучать этикетки под экспонатами	44. Шум в музее мешает мне осматривать экспозицию
21. Редко читаю этикетки под экспонатами	45. Люблю наблюдать за детьми в музее
22. Нравится пользоваться аудиогидом	46. Вожу в музей своих родственников (друзей)
23. Люблю ходить вместе с группой посетителей	47. Мне нравится участвовать в научных экспериментах в музее
24. Люблю ходить один по музею	48. Мне нравятся театрализованные экскурсии
25. Люблю осматривать со всех сторон скульптуру	49. Мне нравится участвовать в музейных праздниках

Ключ для обработки результатов по методу определения ведущего органа чувств в музее

Визуальный: 1, 2, 4, 5, 6, 9, 11, 14, 16, 17, 20, 26, 27, 28, 29, 38, 45, 48.

Аудиальный: 3, 8, 15, 19, 22, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 40, 41, 42, 43, 44.

Кинестетический: 7, 10, 12, 13, 21, 23, 24, 25, 30, 39, 46, 47, 49.

Для оценки чувственно-эмоциональной сферы музейного посетителя был предложен модифицированный метод семантического дифференциала Ч. Остуда для оценки ценностного потенциала музея. Метод основан на оценках определенных психологических характеристик по специальной полярной шкале изучаемого объекта, представленных парами (уникальный – типичный, привлекательный – отталкивающий и т. п.). Специальные бланки заполняются два раза: перед экскурсией (оценка ожиданий, эталонный объект) и после экскурсии (реальная оценка). Метод семантического дифференциала Ч. Остуда помогает выявить влияние российского памятника мирового значения музея-заповедника «Кижи» на трансформацию ценностного багажа современного кижского посетителя и продуцирование новых личностных ценностей.

Метод семантического дифференциала Ч. Остуда для оценки ценностного потенциала музея

1	Типичный	-3	-2	-1	0	1	2	3	Уникальный
2	Ожидаемый	-3	-2	-1	0	1	2	3	Неожиданный
3	Грустный	-3	-2	-1	0	1	2	3	Радостный
4	Некрасивый	-3	-2	-1	0	1	2	3	Красивый
5	Скучный	-3	-2	-1	0	1	2	3	Интересный
6	Непонятный	-3	-2	-1	0	1	2	3	Понятный
7	Неинформативный	-3	-2	-1	0	1	2	3	Информативный
8	Банальный	-3	-2	-1	0	1	2	3	Оригинальный
9	Отталкивающий	-3	-2	-1	0	1	2	3	Привлекательный
10	Простой	-3	-2	-1	0	1	2	3	Сложный
11	Неудивительный	-3	-2	-1	0	1	2	3	Удивительный
12	Незнакомый	-3	-2	-1	0	1	2	3	Знакомый
13	Невпечатляющий	-3	-2	-1	0	1	2	3	Впечатляющий

Примечание. Опрашиваемым нужно выбрать значение в интервале от -3 до +3 (когда затрудняются дать оценку, то ставят 0). Суммируя полученные результаты по всем шкалам и усредняя их по всем участникам опроса, исследователь строит некий эталонный график

для идеального объекта (порядковые номера психологических характеристик откладываются на оси абсцисс, а усредненные эмпирические данные – на оси ординат). После этого на эталонный график накладывается кривая, выстроенная на основе эмпирических данных. В результате сравнения графиков можно определить, какой объект ближе к идеальному по всем характеристикам, т. е. имеет более высокие положительные эмоциональные оценки.

При этом отмечается существенная связь между эмоциями и воображением: как правило, более эмоциональные и разносторонние люди обладают лучшим воображением, позволяющим фантазировать, мечтать и творить. Одним из эффективных методов, направленных на развитие творческого воображения в музее, представляется метод группового (коллективного) творчества. Целью этого метода является создание нового образного представления (воплощения) музея-заповедника «Кижы» в любых жанрах (фантастика, сказка, миф) и техниках (устных, письменных, изобразительных, музыкальных и т. д.). В реализации этого метода могут быть использованы приемы перевоплощения (в какой-то музейный объект – церковь, колокольню) или создания групповой картины (первый участник устно описывает воображаемую картину, а другие пытаются ее увидеть и дополнить) [9, с. 379].

Наряду с научно-теоретическим блоком проекта «Социокультурный портрет современного кижского посетителя», который включал разработку методов психологического исследования музейной аудитории, была проведена практическая работа по их апробации в музее-заповеднике «Кижы» с 11 по 16 августа 2012 г. В процессе работы над проектом студентами были использованы социологические и психологические методы для сбора первичных данных – опрос в форме анкетирования и интервьюирования, наблюдение, а также проведена обработка полученных данных и презентация результатов проекта.

Всего было опрошено 158 посетителей, из которых 124 русских и 34 иностранца (из восьми стран: Китая, Германии, Испании, Греции, Японии, Финляндии, Украины и Турции). Что касается русских посетителей, то они представляли 26 российских городов: Москву, Санкт-Петербург, Петрозаводск, Ставрополь, Иркутск, Череповец, Рязань, Набережные Челны, Ярославль, Астрахань, Волгоград, Апатиты, Челябинск, Краснодар, Самару, Псков, Казань, Владимир, Киров, Нижний Новгород, Павлово, Смоленск, Королев, Эссентуки, Томск, Белгород, т. е. в основном туристы приехали из столиц и центральной части России и единичные посетители с юга России, Урала и Сибири.

По половому признаку среди русских и иностранных посетителей преобладали женщины (63 и 61 % соответственно) мужчин – 37 и 39 %.

Возрастной состав российских посетителей музея-заповедника «Кижы» представлен следующим образом: на 1-м месте – посетители в возрасте от 40 лет (26 %), на 2-м – от 60 лет (23 %), на 3-м – от 30 лет (20 %), на 4-м – от 50 лет (16 %), на 5-м – от 20 лет (11 %), на 6-м – от 70 лет (3 %), на 7-м месте – от 80 лет (1 %). Как видим, выявленный возрастной диапазон отличается достаточной представленностью всех самостоятельных мобильных групп населения. Основными потребителями музейной культуры в России являются 40-летние и 60-летние люди. Это связано для 40-летних людей с наступлением определенной степени зрелости, когда подводятся первые жизненные итоги и переосматриваются дальнейшие приоритеты и перспективы, а люди от 60 – люди пенсионного возраста, свободные от работы и могущие позволить себе путешествия по стране и, как правило, уже побывавшие ранее в музее. Вслед за этими основными следует перспективная группа 30-летних туристов, отличающаяся высокой мобильностью. Одной из проблемных является группа людей от 20 лет, слабо представленная в возрастной стратификации и требующая специальных усилий музея-заповедника по привлечению этой категории на о. Кижы.

Возрастной состав иностранных посетителей музея-заповедника «Кижы» следующий: на 1-м месте – посетители в возрасте от 20 лет (21 %), на 2-м – от 40 и 60 лет (по 17 %), на 3-м – от 50 лет (15 %), на 4-м – от 70 и 80 лет (по 12 %) и на 5-м месте – от 30 лет (6 %). Судя по приведенным данным, среди иностранцев лидируют молодые посетители от 20 лет, демонстрируя более высокую мобильность, чем их русские сверстники. Большой интерес для российских музеев представляют иностранные посетители в возрасте от 70 и 80 лет, которые и в музее-заповеднике «Кижы» также показали значительный процент по сравнению с аналогичным контингентом россиян.

Образовательный уровень посетителей музея-заповедника «Кижы» выглядит следующим образом: посетителей с высшим образованием – 59 %, со средним специальным – 11 % и со средним образованием – 30 %. Как видим, востребованность в музейной культуре значительно выше у людей с высшим образованием, что объясняется не только насущной потребностью в постоянном музейном обогащении, но и в более устойчивым материальным положением и наличием свободного времени.

В профессиональном плане среди музейных посетителей, хотя не все посетители пожелали ответить на этот вопрос, были выявлены 22 профессии. Среди них – педагоги (21 %), экономисты (15 %),

архитекторы (8 %), менеджеры (6 %), врачи, инженеры, юристы, программисты, водители (по 4 %), а также священники, психологи, физики, инвестиционные аналитики, технологи, портные, фотографы, полиграфисты, экскурсоводы, повара, продавцы и полицейские. Такая профессиональная представленность характеризует наличие заинтересованности людей разных профессий в освоении выездных форм рекреации и музейного досуга.

Одной из важных музейных задач является формирование категории постоянных посетителей путем их многократного привлечения в музей [10]. Так, анализ анкет посетителей музея-заповедника «Кижский» выявил, что в этом музее имеется небольшая, но постоянная аудитория (8 %), которая уже несколько раз была на острове и планирует вновь посетить его в будущем, 15 % посетителей приехали на остров во второй раз, а 77 % посетителей увидели остров и Кижский погост впервые. Кстати, из тех, кто впервые побывал на острове, многие хотели бы еще раз посетить удивительный остров и его деревянные архитектурные памятники.

В связи с этим необходимо выявление источников информации, которой воспользовались приехавшие туристы: многие узнали из СМИ и Интернета, а также от родственников и знакомых, когда-то побывавших на острове и рассказавших о своих впечатлениях.

Некоторые представления о распространенности информации о музее-заповеднике «Кижский» среди населения (в основном из сибирских городов) дал опрос попутчиков в поезде Томск – Москва, проведенный 8–9 августа 2012 г., который показал, что 10 % уже побывали в Кижях, 57 % слушали о нем в телевизионных и радиопрограммах, а 25 % вообще не знают об этом музее. В связи с этим возрастает необходимость разработки новых форм привлечения внимания к музею-заповеднику по различным информационным каналам в разных регионах страны.

Интерес представляют результаты реализации метода оценки словесно-логической памяти музейного посетителя с использованием анкеты «Архитектура музея-заповедника Кижский». На 20 вопросов анкеты посетители ответили (в среднем) на восемь вопросов. При этом на вопросы, требовавшие обобщения полученной на экскурсии информации о формах жилой, хозяйственной и церковной архитектуры, ответили 55 % опрошенных, причем большая часть из них (60 %) правильно ответили на эти вопросы. Что касается запоминания конкретных фактов, то из 15 вопросов анкеты посетители смогли ответить (в среднем) только на четыре вопроса. В памяти большинства опрошенных остались лишь некоторые сведения: о 22 куполах Преображенской церкви, времени ее создания (1714 г.),

о самой древней церкви XIV в. – Воскрешения Лазаря, о сосне как основном строительном материале. Анализ анкет об архитектуре музея-заповедника «Кижский» позволил сделать выводы о том, что музейные посетители приезжают на остров отдохнуть, полюбоваться красотой памятников в гармонии с природой и не придают особого значения запоминанию каких-то исторических дат и имен, реальных фактов строительства и перестройки церкви и др.

В связи с этим обратимся к оценке эмоционального состояния музейных посетителей музея-заповедника «Кижский» методом семантического дифференциала Ч. Остуда, который в процессе проведения опроса пришлось модернизировать, оставив только анкетирование после прохождения экскурсии. Этот метод позволяет с помощью предлагаемых характеристик оценить воздействие Кижского архитектурного ансамбля на чувственно-эмоциональную природу музейного посетителя. С определением Кижского архитектурного ансамбля как уникального памятника деревянного зодчества высказали свое согласие 89 % посетителей, причем 76 % дали ему высший балл (3), а 13 % – 2 балла. Такая высокая оценка уникальности позволяет говорить о развитом восприятии прекрасного большинством музейных посетителей. При этом необходимо подчеркнуть, что только 56 % посетителей назвали этот памятник знакомым (по иллюстрациям в альбомах, Интернете и СМИ), а для 29 % он был незнакомым.

Используя метод семантического дифференциала для опроса посетителей, поневоле приходится заставлять их анализировать свое эмоциональное состояние, определять его, сравнивать с характерным признаком, предлагаемым в той или иной графе анкеты. В связи с этим происходит некое культивирование чувств, когда, глядя на памятник, человек определяет свое состояние как радостное или грустное, неожиданное или привычное.

Для 82 % музейных посетителей эффект воздействия памятника был неожиданным, а для 18 % – ожидаемым; 92 % оценили свое состояние вместе с впечатлением от архитектуры и природы острова как радостное, а 8 % – как грустное, которое объясняли тем, что хотели бы видеть Преображенскую церковь уже отреставрированной и помолиться в ней. 98 % посетителей признали Кижский ансамбль красивым, символом «Чистоты и Красоты», как написал один из туристов; 90 % посетителей нашли этот памятник интересным, остальные затруднились с ответом, но никто не назвал его скучным. Для 93 % посетителей этот памятник зодчества понятен и для 90 % – информативен. Нашли Кижский погост оригинальным 82 % посетителей, 86 % признали его привлекательным, 89 % –

удивительным, а 88 % – впечатляющим памятником русского деревянного зодчества.

Две характеристики – сложный и простой – вызвали, видимо, некоторые раздумья посетителей: 61 % высказались за то, что это сложный для восприятия объект, 9 % – за то, что это простой объект, а 30 % затруднились дать ответ. При этом почти в каждой анкете содержались благодарности экскурсоводам, умело вводившим экскурсантов в заповедное архитектурно-природное пространство острова.

При выстраивании рейтинга чувственно-эмоциональных характеристик определения Кижского архитектурного ансамбля музейными посетителями выделены такие характеристики, как красивый (98 %), радостный (92 %), интересный (90 %), уникальный (89 %), удивительный (89 %), впечатляющий (88 %), привлекательный (86 %), оригинальный (82 %), неожиданный (82 %), а такие характеристики, как понятный (93 %), информативный (90 %) и сложный (61 %) более относятся к категориям мышления и памяти. Следовательно, значительное преобладание чувственно-эмоциональных характеристик в определении отношения к музейному объекту свидетельствует об усилении рекреационной и досуговой мотивации музейных посетителей. Этот вывод подтверждается и другими исследованиями автора, посвященными анализу досуговых музейных форм [11].

Этому вторят многочисленные устные восторженные отзывы о Кижях, как об «удивительном острове, где можно молиться Богу, жить и любить».

Именно в таких местах происходит процесс формирования музейной культуры личности, а самоидентификация личности как культурной является показателем значимости музейных ценностей для человека.

Таким образом, адаптация психологических методов для использования в музейной сфере и апробация некоторых из них в ходе реализации проекта «Социокультурный портрет современного кижского посетителя» студентами историко-филологического факультета ТГПУ в музее-заповеднике «Кижь» в августе 2012 г. позволяют сделать следующие выводы. В настоящее время самой распро-

страненной группой российских посетителей музея-заповедника «Кижь» (кстати, необходимо отметить, что количество иностранных туристов значительно превосходит количество россиян) являются женщины в возрасте от 40 лет (зачастую с детьми), приехавшие из российских столиц или крупных городов центральной части России. Как правило, это люди с высшим образованием, имеющие профессии педагогов, экономистов и др. Они специально в первый раз приехали на остров Кижь, чтобы своими глазами увидеть архитектурные северные шедевры. Несмотря на мотивированный приезд в музей-заповедник «Кижь», встреча с Кижским ансамблем стала для этих женщин неожиданной радостью, впечатляющим знакомством с прекрасным оригиналом, уникальным памятником человеческого понимания гармонии и красоты. На примере этой группы музейной аудитории можно говорить о преобладании в современных музеях рекреационно-досуговой модели музейного посетителя, отодвинувшей на второй план образовательную модель. Это, в свою очередь, ставит перед музейным сообществом новые задачи формирования в музее инновационной среды для обеспечения рекреационно-досуговых запросов потенциальной аудитории, тесно связанных с творчеством и общением.

Что касается других групп музейной аудитории, то необходимо обратить внимание на активизацию рекламной кампании в отношении молодежи (от 20 лет) и взрослого населения (от 50 лет). При этом особое внимание уделить рекламе в Сибири и на Дальнем Востоке. В этом отношении перспективными являются межмузейные проекты, например «Музеи-заповедники России», «Музей-заповедник «Кижь» (Карелия) – музей-заповедник «Дружба» (Якутия)» и др.

Реализованный проект «Социокультурный портрет современного кижского посетителя» отражает современную ситуацию, а дальнейшие социологические и психологические исследования позволят провести более репрезентативную выборку результатов для определения стратегии и тактики коммуникативного воздействия на различные группы музейной аудитории в музее-заповеднике «Кижь».

Список литературы

1. Добрынина Е. Гран-при – наш // Дайджест материалов газеты «Кижь». 2011. Февраль – декабрь. 24 с.
2. Кижь – мастерская детства. 10 лет Республиканскому детскому музейному центру / сост. Л. В. Шилова, Д. Н. Москин. Петрозаводск: Острова, 2004. 72 с.
3. Отчет о деятельности Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижь». 2006–2010 гг. Петрозаводск: Издат. центр музея-заповедника «Кижь», 2011. 112 с.
4. Отчет о деятельности Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижь» в 2011 году. Петрозаводск: ПИН, 2012. 96 с.

5. Галкина Т. В. Опыт создания студенческих музееведческих проектов «Третьяковка» и «Эрмитаж» в Томском государственном педагогическом университете // Музеология-музееведение в начале XXI века: проблемы изучения и преподавания: материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 14–16 мая 2008 г. СПб., 2009. С. 462–469.
6. Галкина Т. В. Музейная педагогика: опыт инновационной деятельности в детском музее Томского государственного педагогического университета // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 10 (112). С. 89–93.
7. Казанцева Е. А. Социологические и психологические исследования аудитории в музее-заповеднике «Кижы». Первые итоги // Музей и его аудитория. Маркетинговая стратегия: сборник трудов творческой лаборатории «Музейная педагогика» кафедры музейного дела Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма / сост. И. М. Коссова. М.: Изд-во ИКАР, 2006. Вып. 7. С. 131–135.
8. Лебедев-Любимов А. Н. Психология рекламы. 2-е изд. СПб.: Питер, 2007. 384 с.
9. Рогов Е. И. Настольная книга практического психолога: в 2 кн. М.: Владос-Пресс, 2003. Кн. 2. 480 с.
10. Музейный посетитель: как сделать так, чтобы он возвращался // Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции / Государственный биологический музей им. К. А. Тимирязева. М.: Акварель, 2012. 220 с.
11. Галкина Т. В. О развитии досуговых форм музейно-педагогической деятельности в современных российских музеях // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 3 (118). С. 221–226.

Галкина Т. В., кандидат исторических наук, доцент, декан.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

Материал поступил в редакцию 20.12.2012.

T. V. Galkina

ADAPTATION AND TESTING OF THE RESEARCH METHODS OF MUSEUM AUDIENCE IN THE KIZHI STATE HISTORICO-ARCHITECTURAL AND ETHNOGRAPHIC RESERVE MUSEUM (THE REPUBLIC OF KARELIA)

Developing the methodology adapted for studying museum audience is quite a vital issue for the progress of museology in modern Russia. The article covers adaptation and testing of sociological and psychological research methods of studying the museum audience (upon example of the Kizhi Reserve Museum). The students of Tomsk State Pedagogical University received the results of interrogation in August of 2012 on the Kizhi Island in the Republic of Karelia. The examples of questionnaire can be found in the article appendix materials.

Key words: *museum culture, psychological methods, museum audience, visitor to the museum model, museum questionnaire.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

Н. А. Тучкова

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТЕКСТЫ С ГЕРОЕМ ИТЯ В СОБРАНИИ А. И. КУЗЬМИНОЙ

Статья написана на основе архивных материалов по селькупскому языку, собранных лингвистом А. И. Кузьминой в 1960-е гг. Ее сборам принадлежит запись 17 текстов, которые можно уверенно отнести к фольклорному циклу Итя-сказок, бытовавшему у селькупов. Выявлено распространение этих сюжетов у всех групп селькупов. Тексты с участием этого героя, записанные А. И. Кузьминой, являются в значительной степени новыми текстами, что существенно расширяет источниковую базу для проведения фольклороведческих и этноисторических исследований. Данная коллекция существенно дополняет прежде всего набор сюжетов среднеобского диалектного ареала (Иванкино, Тибинок, Конерово).

Ключевые слова: селькупы, фольклорные сборы, тексты с героем Итя, сюжеты и мотивы.

Ангелина Ивановна Кузьмина (1924–2002) – лингвист-селькуповед, посетившая с исследовательскими целями фактически все диалектно-локальные группы селькупов [1]. Обширный архив материалов по селькупскому языку, собранных ею в этих поездках, хранится ныне в Институте финноугроведения Гамбургского университета (Германия). Целью данной статьи является введение в научный оборот информации о текстах с героем Итя, хранящихся в данном архивном собрании, их диалектно-локальной принадлежности и сюжетно-мотивном своеобразии.

Наибольшую долю из всей совокупности записей А. И. Кузьминой в данном архиве полевых материалов составляют именно тексты, которые можно разделить на три категории: фольклорные тексты, бытовые рассказы и переводы. Общее количество записанных фольклорных текстов 79 единиц (71 сказочный текст и восемь песен). Среди этого корпуса текстов 17 единиц – это тексты с участием героя Итя (It'a) и его антипода Людоеда Пёнеге(ссе) (см. ниже).

Обзор всех текстов с героем Итя, выявленных ранее лингвистами и этнографами у северных и южных селькупов, а также обзор основных мотивов, выявленных в Итя-текстах у южных и центральных групп селькупов, был произведен ранее [2, 3]. Тексты с участием этого героя, записанные А. И. Кузьминой, являются новыми текстами, что существенно расширяет источниковую базу для проведения фольклороведческих и этноисторических исследований. Введение их в научный оборот позволит более точно обрисовать ареал функционирования этих сюжетов и сделать некоторые выводы относительно этнокультурных связей различных локальных групп селькупов.

Тексты в собрании А. И. Кузьминой были записаны ею от 10 рассказчиков: Тобольжиной Фионы Фёдоровны (1911 г. р.) (пять текстов), Тобольжиной Марии Романовны (1911 г. р.) (один текст), Пидогинной Марины Павловны (1890 г. р.) (один текст), Сутарева Василия Григорьевича (1903 г. р.) (три текста), Кондакова Николая Измайловича (до 1920 г. р.)

(один текст), Белозёровой Акулины Григорьевны (?) (один текст), Киликейкина Фёдора Николаевича (1891 г. р.) (один текст), Кусамина Максима Ивановича (1919 г. р.) (два текста), Кусаминой Полины Михайловны (1927 г. р.) (один текст), Нериной Светланы Трофимовны (1957 г. р.) (один текст). Из данного перечня следует, что все информанты (кроме С. Т. Нериной) – представители поколения, рожденного на рубеже XIX – начала XX в., выросшие в традиционной культуре и являющиеся как носителями селькупского языка, так и селькупской фольклорной традиции.

О диалектной принадлежности записанных текстов можно сказать следующее: в основном они представляют южноселькупский диалектный ареал (12 текстов) (семь – среднеобской диалект; пять – верхнекетский говор кетского диалекта). Североселькупский диалектный ареал представляют четыре текста и центральноселькупский (чумылькупский) диалектный ареал – один лаконичный текст.

Анализ сюжетов этих текстов позволяет выявить следующий набор характерных мотивов, которые можно сравнить с уже установленными ранее у селькупов мотивами Итя-сказок – Итя-чаптэ:

– прологовые эпизоды: «косоглазые караси и утки» (тетка (бабушка), вырастившая Итю, не разрешает ему плавать в нижний край озера, пугая его косоглазыми карасями и утками (чирками))(текст 1.4) / вариант: «след матери» (мать говорит сыну: «Куда я шагаю, туда и ты наступай») (1.6, 1.7);

– завязка сюжета: «ловушка-дразнилка» (1.4, 1.10, 1.5, 1.6); вариант: ловушка – расщелина дерева (1.15);

– «сюжет о проглатывании людоедом Ити»: варианты: Итя-маленький (Калабокка), шумел, оставшись один дома» (1.8, 1.9); Пенегуссе – сильный шаман, шаманские духи приносят Итю и бросают в отверстие чума (1.12); Итя освобождается с помощью ножа из брюха людоеда (1.8, 1.12);

– «людоед идет в дом Ити с намерением съесть его с матерью» (людоед поскальзывается на умышленно разлитой перед домом рыбьей чешуе) (1.5);

– «людоед посадил Итю в свой кузов и понес домой, но Итя убежал из кузова» (1.4);

– «Итя нашел в амбаре у Пенегессе девушку (она стала его невестой)» (1.7);

– «Итя превратился в птицу (ястреба-мышелова) и поймал Лоса в ловушку-петлю (Лос ехал на лодке с двумя дочерьми)» (1.15);

– «Ите добывает Отца-Рыбу-Мать-Рыбу» (ему помогают его необычные братья (массу) и сестры (патшиянгне)) (1.11);

– «охота Ити на Лося и уход с ним на небо» (1.1, 1.2, 1.3);

– «Итя посещает Старика – хозяина рыб и зверей (получает комок творящей шерсти)» (1.13);

– «мнимое убийство Итей своей бабушки и её чудесное “оживление” с помощью ножа» (1.16, 1.17);

– «Итю пытаются утопить в мешке в море» (1.16, 1.17);

– «Итя во время сватовства смешит отца невесты (рассказывает смешную историю о том, как его укусила щука)» (1.14);

– финальный эпизод: «Родственники Ити сжигают Людоеда (его тело становится комарами)» (1.8).

Ряд этих мотивов, такие как, например, «след матери», «поскальзывание Людоеда на рыбьей чешуе», «ловушка – расщелина дерева» и др., отмечены у селькупов впервые. Мотивы североселькупских текстов, записанных А. И. Кузьминой, напротив, стабильно повторяются в материалах различных исследователей – собирателей селькупского фольклора (Е. Д. Прокофьевой, А. И. Кузнецовой, О. А. Казакевич, Е. А. Хелимского). Для сравнения: обзор известных мотивов с героем Итя и Людоедом – южноселькупские тексты [3, с. 98–99]; североселькупские тексты с героем Итя [4, с. 13–26, 52–67]. Принципы классификации сюжетов и мотивов, а также результаты анализа сюжетного состава фольклорного фонда хантов, близкого селькупам ареально и генетически, представлены в публикациях А. А. Ким [5–7].

Таким образом, данная коллекция Итя-сказок представляет собой действительно редкое и ценное собрание как своими количественными характеристиками (17 текстов, большинство из которых являются образцами полноценно развернутого сюжетного действия), так и качественными показателями (эти тексты записаны на разных диалектах селькупского языка от носителей, хорошо владеющих своим языком; как правило, почти все тексты имеют построчный перевод и комментарии собирателя).

В наибольшей степени эти тексты характеризуют южноселькупскую фольклорную традицию, и прежде всего среднеобской и кетский (верхнекет-

ский) диалектные ареалы. И если все исследователи, работавшие со сбором селькупского фольклора, традиционно отмечали район Верхней Кети как «Карелию самоедов» [8, с. 148], то среднеобской ареал впервые оказался представлен столь оригинальным набором мотивов для Итя-сказок (практически все сюжеты Ф. Ф. Тобольжиной и М. П. Пидогиной не имеют буквального повторения в записях иных собирателей и рассказчиков), при этом ряд текстов из этой коллекции весьма существенного объема (50–70 предложений и более (см. тексты 1.4, 1.7)) и качественного воспроизведения.

Таким образом, все тексты с героем Итя и его антиподом-людоедом существенно дополняют уже имеющиеся в распоряжении исследователей сюжеты и позволяют более аргументированно говорить как о локальной специфике в функционировании данной фольклорной традиции, так и о сюжетном ядре этого фольклорного цикла, характерном для всех диалектных групп селькупского этноса.

*Перечень текстов с героем Итя в собрании
А.И. Кузьминой*

1. Итя гонит лося

Band 9 Heft 10: 6–8¹.

Информант: Ф. Ф. Тобольжина, г. р. 1911, м. р. – Тибинак (Обь).

2. Итя гонит лося

Band 18 Heft 8: 174–176.

Информант: В. Г. Сутарев (61 г.), м. р. – Лосиноборск (Верхняя Кеть).

3. Итя гонит лося / [Лосиная полка]

Band 6 Heft 1: 20–24.

Информант: Ф. Н. Киликейкин [1903 г. р.], м. р. – Горелый Яр (р. Чузик).

4. Про Идю

Band 25 Heft 6: 121–143, 7: 144–146.

Информант: М. П. Пидогина, м. р. – Конерово (Обь)

5. Итя и Альдига

Band 9 Heft 1: 263–274.

Информант: Ф. Ф. Тобольжина, 1911 г. р., м. р. – Тибинак (Обь).

6. Итя и Альдига

Band 9 Heft 9: 1–5.

Информант: Ф. Ф. Тобольжина, 1911 г. р., м. р. – Тибинак (Обь).

¹ Нумерация «томов» и тетрадей из архива А. И. Кузьминой см.: Inhaltsverzeichnis der selkupischen Materialien von Angelina Kuzmina // Tučkova N., Helimski E. Ueber die selkupischen Sprachmaterialien von Angelina I. Kuz'mina. HFSM. Band 5. Hamburg, 2010. S. 35–77.

7. Итя и Альдига (Итя нашел себе невесту)
Band 9 Heft 18 : 655–657; 19: 658–669; 20: 670–674.

Информант: Ф. Ф. Тобольжина, 1911 г. р., м. р. – Тибинач (Обь).

8. Калабокка и Пёнегесса

Band 9 Heft 20: 674–682.

Информант: Ф. Ф. Тобольжина, 1911 г. р., м. р. – Тибинач (Обь).

9. Пёнеге [Нельзя шуметь, а то Пёнеге съест!]

Band 10 Heft 3: 56–62.

Информант: М. Р. Тобольжина, 1911 г. р., м. р. – Иванкино (Обь).

10. Ит'е [Липкая ловушка]

Band 18 Heft 6: 128–129 (текст из четырех предложений; два предложения не переведены).

Информант: А. Г. Белозерова.

11. Ит'е [добывает Отца-Рыбу-Мать-Рыбу]

Band 18 Heft 8: 177–187, 9: 188–205.

Информант: В. Г. Сутарев (61 г.), м. р. – Лосиноборск (Верхняя Кеть).

12. Ит'ека [Итека, Пинэвельдю]

Band 18 Heft 10: 206–227.

Информант: В. Г. Сутарев (61 г.), м. р. – Лосиноборск (Верхняя Кеть).

13. Итя живёт на червяном мысу [Итя и Старик]

Band 26 Heft 5: 105–121, 6: 122–125.

Информант: Н. И. Кондаков, м. р. – Кеть-Енисейский Водораздел (по Каналу).

14. Тырша-ко-ира и Ичик-ичика

Band 1, Heft 17: 345–354.

Информант: С. Т. Нерина (8 лет), м. р. Красноселькупск (Таз).

15. Ичекичика в шкуре ястреба-мышелова

Band 31 Heft 9: 176–185, 204.

Информант: М. И. Кусамин, 1919 г. р., м. р. – Фарково.

16. [Ичекычека обманывает Кол'цак Ира с помощью ножа и собаки]

(Текст записан только по-русски.)

Band 31 Heft 9: 186–204.

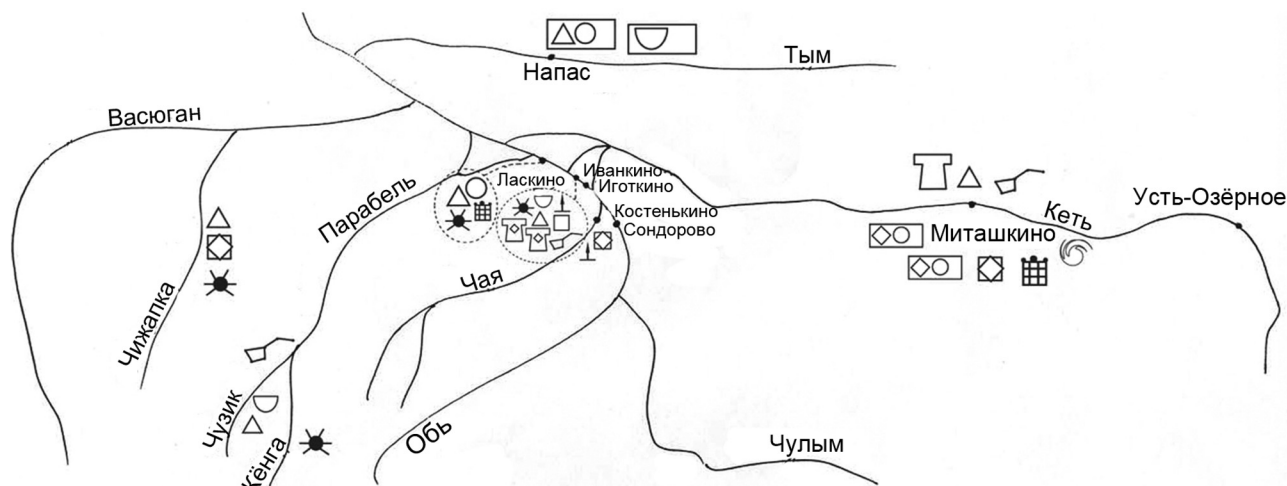
Информант: М. И. Кусамин, 1919 г. р., м. р. – Фарково.

17. Ичакечика обманывает Кол'сако Ира

Band 32 Heft 4: 80–99.

Информант: П. М. Кусамин, м. р. – Вангутиха (около Туруханска).

Наиболее распространенные мотивы Итя-сказок у селькупов Среднего Приобья

Бабушка учит Итте храбрости Grandmother Teaches Itte to be Brave	△	Итте приклеил Людоеда смолой Itte glued the Man-Eater with tar	∩	Итте-паук (Итте ест комаров и мух) Itte-spider (Itte eats flies and mosquitos)	☸
Ловушка-дразнилка Echo-trap	○	Итте путешествует на Небо Itte travels on the Sky	⌈	Итте преследует лося Itte pursues Elk	⌋
Косоглазые караси и утки Cross-eyed crucians and ducks	◇	Людоед съедает своих дочерей вместо Итте Pnegusse eats his daughters instead of Itte	□	Сеть Итте с тремя поплавками Itte's net with three floats	▣
Великан снимает шубу Man-Eater (the Giant) takes off the fur-coat	⌈	Итте попадает в живот Людоеда Itte Falls into Pnegusse's Stomach	□	Итте получает творящую шерсть Itte receives creating wool	☸

Список литературы

1. Tučkova N., Helimski E. Ueber die selkupischen Sprachmaterialien von Angelina I. Kuz'mina. HFSM. Band 5. Hamburg, 2010. 136 S.
2. Тучкова Н. А. История изучения южноселькупского фольклора // Тучкова Н. А., Кузнецова А. И., Казакевич О. А. и др. Мифология селькупов / научн. ред. В. В. Напольских. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 51–57.
3. Тучкова Н. А. «Эпос об Итте» у южных (и центральных групп) селькупов // Mikola-konferencia 2004. Szeged, 2005. S. 95–111.
4. Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М., 1993. Т. 2. Тексты. Словарь. 198 с.
5. Ким А. А. О некоторых способах классификации сюжетов и героев народных сказок // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2006. Вып. 1 (52). С. 117–120.
6. Ким А. А. Классификация сюжетного состава нескольких хантыйских прозаических текстов, записанных В. Штейницом // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2008. Вып. 2 (76). С. 81–84.
7. Арутюнян (Ким) А. А. Сравнительный анализ некоторых текстов Штейница на межэтническом уровне // Археология и этнография Приобья: материалы и исследования. Сборник трудов кафедры археологии и этнологии ТГПУ. Томск, 2011. Вып. 4. С. 178–186.
8. Доннер К. Самоедский эпос // Земля верхнекетская. Томск, 1997. С. 145–162.

Тучкова Н. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: natatutschkova@yandex.ru, tuchka_ru@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 20.12.2012.

N. A. Tuckova

FOLKLORE STORIES OF ITYA IN THE ARCHIVE OF A. I. KUZMINA

The analysis is based upon the archive of the folklore data collected by a linguist A. I. Kuzmina in the 1960s. The database includes 17 texts, which present the folklore stories of Itya widespread among the Selkups. The majority of these narratives with participation of this hero recorded by A. I. Kuzmina are previously unpublished. Their publication will dramatically extend the empirical base for the folklore and ethnohistorical studies. The plot of the stories is common to all Selkup groups. The data of A. I. Kuzmina supplement the folklore plots of the Middle Ob dialectal area (Ivankino, Tibinak, Konerovo).

Key words: *selkup, folklore data, stories of Itya, folklore plots and motifs.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: natatutschkova@yandex.ru, tuchka_ru@rambler.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ОБЪЕКТНО-ПРЕДМЕТНЫХ КОНСТЕЛЛЯЦИЙ В ИССЛЕДОВАНИИ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ

Обосновывается возможность избрания «местного сообщества» объектом исследования в социальной философии, а обусловленные его пространством социальные взаимоотношения проживающих там людей представляют предметную направленность исследования, детерминированного методами социальной топологии. Пространство местного сообщества описывается новыми категориальными пространственными концепциями. Местное сообщество показывается как совокупный субъект общественного действия со своей собственной логикой образования, со сходствами и различиями в формах устройства, подверженностью глоболизирующему воздействию. Исследование выявляет формы собственной логики, топологии местных сообществ в понятиях докса и габитуса.

Ключевые слова: *местное сообщество, топология, топологика, социальное пространство, собственная логика образования, глобализация, гомогенизация, гетерогенизация, докса, габитус, «пространственный поворот».*

Может ли местное сообщество вообще стать объектом научных исследований в социальной философии и почему ни один исследовательский интерес до сих пор не был направлен на местное сообщество как на специфический объект исследования? Существует позиция, что местные сообщества слишком сложно устроены, чтобы стать объектом научного обсуждения для социальной философии. Как отмечено ранее в исследованиях, «Местное сообщество – это организованное, обретшее социальную структуру население. Местное сообщество возникает, когда люди организуются, связываются друг с другом, чтобы совместно решать те или иные проблемы своей жизни» [1, с. 78]. Местное сообщество может быть и объектом, и предметом исследования в социальной философии, а также действительным субъектом местного самоуправления. Это также делает правомерной постановку вопроса о сходстве и различии понятий «сообщество» и «общество». Оба понятия призваны охарактеризовать население, проживающее в конкретной местности и обладающее социальной структурой. Но употребление понятия «сообщество» кажется наиболее уместным, чтобы передать неформальные связи между людьми, не просто их сходство, а общность. Иначе говоря, сообщество возникает там, где люди начинают объединяться, чтобы осуществить одинаковые интересы, либо там, где у людей возникают потребности, которые могут существовать только как общие интересы. При этом для реализации интересов подобного рода индивиды должны осуществлять совместную деятельность и создавать те или иные формы организации. Тогда местное сообщество (историческая, культурная, соседская общность людей) – это не просто люди, проживающие на одной территории в пределах определенных границ и обладающие соответствующими социальными ин-

ститутами, но и субъект активности, в том числе управленческой, способный на основе совместных ценностей (сопричастности к малой родине, совместного воспитания подрастающего поколения и т. д.) и ответственности вести местное хозяйство, повышать качество услуг, осуществлять благоустройство территории в соответствии со своими интересами, постоянно улучшая качество жизни. На таком уровне идея местного сообщества – это не только представление о существовании общего коммунального хозяйства, это прежде всего философия личной ответственности граждан за устройство своей жизни, ибо реальный механизм общественной самореализации человека складывается в самоорганизующихся институтах местного сообщества. Именно здесь возникает фундамент гражданской самоорганизации. Управляющее воздействие в такой системе будет эффективным в той мере, в какой оно соответствует внутренним тенденциям ее саморазвития.

Использование понятия «сообщество» призвано подчеркнуть еще один аспект. По сути, сообщество выступает совокупным субъектом общественного действия, скорее, в плане теоретическом. Фактически оно подразумевает не столько целостность и единство, сколько совокупность объединений самого различного масштаба и уровня, и потому воплощает собой не столько единство интересов, сколько разнообразие взглядов, позиций, ценностных установок. Это значит, что если в отдельных общностях доминируют отношения солидарности, то в сообществе в целом возможна нестыковка, несовпадение, противоречивость интересов различных объединений. Поэтому местное сообщество – это также арена для коммуникации и выработки форм такой коммуникации, которая позволила бы находить компромиссы среди различных социальных групп, составляющих такое сообщество. При этом важно,

чтобы взаимодействие функционирующих в таком сообществе субъектов стало соединительной тканью конкретного сообщества [2, с. 193].

Приступая к дальнейшему исследованию местных сообществ, авторы пришли к выводу, что объектом такого исследования должно быть не конкретное село или город, а поселение на любом общем пространстве, так как обусловленные этим пространством социальные взаимоотношения проживающих там людей предоставляют широкий выбор предметной направленности исследования. Поскольку социальная философия до сих пор довольствовалась только изучением образа жизни, житейских форм в местном сообществе, многие ученые констатируют невозможность местного сообщества быть объектом изучения. Логика собственного устройства местного сообщества можно характеризовать, однако исследования подобностей между формами такого устройства или подобные принципы пока еще никем не определялись.

В российском социально-философском дискурсе в конце 1970-х гг. появилась традиция рассматривать местные сообщества как лабораторию для анализа общественных практик вообще. Местное сообщество в таких случаях представляется как зеркало или сцена самого общества. Отказ рассматривать местное сообщество как объект обусловлен именно боязнью их огромного разнообразия. Местные сообщества рассматриваются, как правило, как микрокосмос в макроструктуре. Однако авторы считают, что у понятия «местное сообщество» как у объекта научного исследования имеется огромная познавательная перспектива.

Приступая к социально-философскому анализу местных сообществ, определили, что объектом исследования является местное сообщество, которое рассматривается как самостоятельный объект, а не как уменьшенная копия всего общества, и выбор предмета исследования следует детерминировать методами социальной топологии.

В связи с урбанизацией общества, с гомогенизацией общественной реальности в последние годы создается впечатление бессмысленности дифференцированных социальных исследований местного, локального. Изучение местных сообществ концентрировалось, как правило, на описаниях местных стилей, специфических талантов, дарований региона, анализе местной культуры. В социально-философском дискурсе изучение местных сообществ до сегодняшнего времени остается только дополнением, изучение местных сообществ не проявляется в архитектонике тезисообразования, не становится центром общественного структурообразования в социальной философии. Местные сообщества подвержены процессам гомогенизации, однако различия по ряду признаков позволя-

ют говорить и о процессах гетерогенизации в них. Однако часто то, что легко постигается, таит в себе феноменальную сложность. Разнообразие жизненных проявлений в местных сообществах довольно часто интерпретируется как реакция на требования глобализации. При этом на заднем плане остаются картины своеобразия местного сообщества, его единственности, особенности пространства самого места сообщества. В настоящее время мировое сетевое пространство постоянно усиливает производство особых унифицирующих стратегий, но глобализация не объясняет наличие дифференциальных различий в местных сообществах.

Встает вопрос, какие местные сообщества и на основе каких структурных условий получили тенденции к той или иной стратегии локального преобразования глобальной сети. Локальные исследования показывают потенциал сопротивления местных сообществ глобальной гомогенизации и демонстрируют таким образом, что местные сообщества следуют при этом различными путями, однако эти исследования ведущую роль приписывают только политическим акторам или организованным институтам и продумывают дифференциацию между сообществами в первую очередь как рефлексию на требования глобализации. В исторических науках местные сообщества часто различают по типу управления или основания, из которых в современный момент невозможно точно узнать, насколько они до сих пор важны, какой уровень влияния оказывают на современное местное сообщество.

В процессе постановки вопроса об объекте исследования авторы натолкнулись на ряд аргументов, которые не поддерживают наш объектный выбор: 1) урбанизация общества нивелирует различия между городскими и сельскими местными сообществами и тем самым исключает их собственную объектную конституцию; 2) местные сообщества слишком различны, чтобы определяться одной объектной принадлежностью; 3) административно установленное пространство не является социально-философской объектной категорией.

В связи с возрастающими процессами урбанизации всего общества часто утверждается, что влияние общества, процессы социализации в местных сообществах происходят по идентичным, гомогенным правилам. Из того факта, что нет больше основательно различных продуктивных, репродуктивных социализирующих форм, делается вывод, что диспаратеты между местными сообществами более не существенны для конституции объекта исследования.

Однако и современные исследования, и опытные познания показывают, что предпочтения различных социальных, экономических, культурных

форм значительно варьируются в разных сообществах, в том числе и в современной России. Попытки представлять местное сообщество только общественно-теоретически приводят к гомогенизации позиций, нивелированию различий. При анализе абстрактной картины местных сообществ сливаются вместе дифференции между местными сообществами одного масштаба, выравниваются различия между городом и деревней. Если представить, что дифференциациям в перспективе дать больше пространства, не обыгрывать их общность и подобность, то можно видеть определение города из бинарной оппозиции к деревне как теоретически стратегическую операцию, которая игнорирует многообразие пространственных конфигураций (деревня, село, регион, поселок). Вспомним, что для Карла Маркса разделение города и деревни стало основой разделения труда на базе товарного обмена. Объект «город» конституировался в началах социологии через идеально-типическое различие от своей немодернизированной, неиндустриализированной противоположности (села). Из этого различия идет и разделение природы и культуры, урбанизации и дезурбанизации. Урбанизация здесь понимается как возможное место политической активности и эмансипации, как социальное пространство интеграции в местных сообществах [3, с. 33]. Понятие «местное сообщество» дает возможность взять в качестве объекта конструкцию, которая характеризуется внутренним единством, имеет одинаковые структурные свойства и может стать центром социально-философских исследований. Если местное сообщество – объект исследования, то всем понятно, что местное сообщество в Южной Африке отличается от аналогичного в Америке. Административно ограниченное пространство, которое обозначается как местное сообщество, муниципальное образование, включая все их вариации, не может быть объектом исследования. Аргумент удивительный, на первый взгляд, поскольку он приводится обычно в поле социологии. А как быть с семьей? Тогда надо прекратить изучать, исследовать семью, поскольку понятие «семья» в Азии, Африке и Китае имеет разное значение. Тогда и региональная социология должна перестать существовать. Биография, культура, пол, знание обозначают совершенно различные предметы. Города, местные сообщества могут быть объектами научного исследования, локальные контексты познания местных сообществ систематически повышаются и рефлектируются. Местное сообщество получает в процессах дефиниции научной и культурной смысловой продукции новую субстанцию. Местные сообщества есть места, на которых возникает общество, и этот факт не может быть исключен из внимания исследователя.

«Пространственный поворот» и исследование местных сообществ

«Пространственный поворот» (spatial turn) начинает раскручиваться в социальной философии с огромной скоростью, и на сегодня любое теоретическое или эмпирическое исследование человека или общества так или иначе упирается в вопросы пространства. Снова начинают предприниматься попытки непредвзято размышлять о пространстве и времени. После того как пространство и время стали рассматриваться как единовесные понятия, можно стратегически привилегировать пространственные измерения. Однако еще одним приводным ремнем «пространственного поворота» является то, что пространство выступает на первое место в обозначаемых перспективах исследования местных сообществ, социальных систем, мест, где происходит коммуникация человека и общества.

«Пространственный поворот» опирается на знание о том, что изменение общественного развития невозможно объяснить без новых категориальных пространственных концепций, территориальных компонентов социальной жизни. Однако в российском социально-философском дискурсе пространственно-теоретические аргументы после spatial turn не находят дальнейшего продолжения. Это означает преодоление историзма, доминирования временного в общественном развитии и философском дискурсе. Только через понятия «время» и «бытие» невозможно измерение всей человеческой экзистенции. Пространство местного сообщества – не просто сосуд или априорная данность природы, оно должно продумываться и исследоваться как условие и результат социального процесса.

Первые попытки описать научные особенности местных сообществ предпринял Генри Лефевр. Он предлагал рассматривать их как социальное произведение совместного действия. Он нашел простое материальное определение местного сообщества как социального продукта. Местное сообщество по Г. Лефевру – это собрание объектов с историей. Именно Г. Лефевр возражал ученым-обществоведам, его современникам, которые утверждали, что местное сообщество не может быть объектом исследования. «Город был и остается объектом, не в смысле добавляемого, партикулярного инструментального объекта, как карандаш или лист бумаги. Его вещьность, объектность скорее такие, как у языка, который индивиды и группы осваивают, прежде чем они начнут его менять». Г. Лефевр не видит смысла лишать местное сообщество статуса объекта только потому, что он сложен. Он сравнивает местное сообщество с книгой. Книга может быть понята только тогда, когда содержание соотносится с ментальными и социальными формами читающего [4, с. 335]. Местные сообщества – результаты

предпринимаемых действий проживающих в них людей. Чтобы показать специфику местных сообществ, многие исследователи обращались к понятию габитуса. В частности, Мартин Ли предлагает концепцию габитуса Пьера Бурдьё перенести на местные сообщества: «Я хочу понятие габитуса Бурдьё развить далее, что все сообщества имеют свой габитус: имеется в виду сравнимая стабильная диспозиция, через которую специфическим образом реагируется на актуальные социальные, экономические, политические или даже материальные обстоятельства, на которые другие сообщества, с другим габитусом, отвечают совсем по-разному» [5, с. 127]. М. Ли приводит аргумент: местные сообщества имеют дистинктный, различаемый, культурный характер, который не может быть описан независимо от групп жителей, исторического пункта времени, пространственного местоположения сообщества. Структура длительной культурной диспозиции одного местного сообщества продуцирует одноформатные ответы на общественные требования, которые отличаются от стратегий, найденных в других местных сообществах. Институализированные пространства развивают свою собственную культурную динамику. И это не грубый пространственный детерминизм, ведь ситуативное бытие в исторически конфигурированной зоне местного сообщества изображается именно через собственную логику и динамику.

Недопустимо историю места, местного сообщества рассматривать как структуру части социального процесса, окрашенную комплексными, условно когерентными специфическими культурными ориентациями. В известности, в узнаваемости местных сообществ лежат представления, позиционирования, восприятия, благодаря которым они отличаются друг от друга. В них кристаллизуется их культурный характер. Говоря о габитусе того или иного сообщества, обычно утверждают, что некоторым из них благодаря пространственному расположению, топологической структуре их институций свойственен именно этот тип габитуса, и поэтому они более предрасположены к тем или иным линиям развития. С понятием габитуса Пьера Бурдьё появилась возможность выявлять сингулярные свойства местных сообществ, их специфический характер, самый эффективный воспроизводящий принцип жизненных стилей и их репрезентации в отношениях к другим сообществам. В связи с этим Ульф Матизен предлагает познавательный поворот с использованием габитуса в сфере местного, локального, регионального [6].

Местные сообщества имеют различную интеграцию знаний в сфере экономики, политики, местной культуры и в социальном знании, и само различное знание берется отправным пунктом дейст-

вия. Такая дифференциация может быть аналитически обозначена габитусом местного сообщества. Формы познания, способы их прохождения интегрируются в специфический образ, через который мы идентифицируем определенные сообщества и можем назвать различия между ними. Это содержит, само собой, также имидж, бренд, медиакомпоненты и также случайные различия в цепи образования ценностей.

В социальной философии еще в 1950-е гг. значение локального, важность местного тематизировалось через изучение сообществ по чикагской традиции [7].

Ричард Воль, Ансельм Штраусс указывали, что часто сообществам приписываются черты, которые нацелены на показ особого характера отдельного сообщества. Все последующие исследования местных сообществ пытались в каждом отдельном случае, в отдельном сообществе исследовать только общественные процессы [8, с. 527]. Теодор Адорно еще тогда критиковал такой подход, сомневаясь, как может быть репрезентативным исследование отдельного сообщества для всего общества [9, с. 147].

Цель исследования – квалифицировать местные сообщества через изучение их содержаний, которые главным образом зависят от специфических местных условий, особенно от локальных констелляций акторов, от способности их образовывать консенсусные или конфликтные формы, от их интерактивных стилей, а также от их специфических локальных культурных рамок. Определяя объектом исследования местное сообщество, мы неизбежно приходим к выводу о пространственно-обусловленном поведении в нем.

Топология местных сообществ

Казуальное значение пространственных факторов при анализе местных сообществ становится одним из главных предметных направлений данного исследования. Топологическая рефлексия дает возможность многомерности в реализации философского дискурса о местных сообществах через категориально-системную методологию, через работу с топологическими сетями. Топологический концепт, по мнению авторов, является одним из перспективных механизмов описания феномена местных сообществ, он не требует теоретичности и воплощает в себе стратегический ресурс организации местных сообществ и их осмысления, охватывает механизм организации и практики конкретных местных сообществ, традиционного опыта формирования их на определенной территории. Местные сообщества представляют новое проблемное поле для топологии, возможность приложения концептуального аппарата пространственного дискурса в их описании. Обращение к топологии описания местных сообществ перспективно

постольку, поскольку начальный период возникновения каждого сообщества как социальной единицы заключал в себе огромное разнообразие сценариев развития. Но исходя из каких-то причин действительностью стали далеко не все, и сейчас в их реалиях реализуются только некоторые из таких сценариев. Определяющаяся ранее стратегия развития местных сообществ «отличалась последовательно детерминистическим восприятием-интерпретацией событий, однослойной, пошаговой организацией жизнедеятельности. Эти черты доминируют и в современном дискурсе, который еще только начинает осмысливаться топологически, однако последнее открывает совершенно новый горизонт его перестройки» [10, с. 1]. Категория «пространства» употребляется в соотношении величин (маленькие сообщества, большие сообщества). На переднем плане стоит местное сообщество как социальная действительность, и это, без сомнения, нечто совсем другое, нежели управляемое единство (муниципальное образование). Местное сообщество – не только место, где оно расположено, но и объект исследования, и они, несмотря на различные философские категории, представляют собой практически познаваемые смысловые зависимости. В экономических, исторических науках, в политических локальных исследованиях и прежде всего в ненаучном дискурсе существует многоплановое знание о дифференциациях между местными сообществами, такими как Новосибирск, Томск, Москва и т. д. Топология как раз предоставляет теоретическое место для учета этих дифференциаций.

Данное исследование имеет цель показать, через какие формы проявляется собственная логика, топология местных сообществ, выявить поля напряжения, через которые топология раскрывает все свое теоретическое преимущество, богатство. Авторы хотят представить праксеологически инспирированное обоснование для топологии местных сообществ, основывающееся на понятиях собственной ценностной логики, доксе (общепринятом мнении) и габитусе. Существуют скрытые структуры местных сообществ, они обуславливаются самим местом, пространством сообщества, образуют основу собственной логики местного сообщества и при выявлении и описании становятся главными процессами смысловой конституции местного сообщества. Наблюдаемые феномены собственной логики в местных сообществах не всегда связаны с процессами глобализации и не могут быть просто реакцией на требования гомогенизации. Гетерогенизация и гомогенизация могут быть рассмотрены как динамики, которые не состоят в систематической зависимости от глобализации, а являются процессами, которые надо исследовать в местных сообществах в сравнении.

Поскольку местные сообщества становятся ареной борьбы за идентичность, своеобразие и конкурентоспособность, особое внимание авторы уделяют изобразительным, топологическим стратегиям. Свообразие и глобальная сеть для раскрытия характеристик местных сообществ представляют собой дополнительные вопросы. Чтобы иметь ни с чем не сравнимый образ местного сообщества, совсем необязательно содействовать гетерогенитету, различности. Практика описания местных сообществ часто в высокой степени гомогенизирована, лежит в сфере одинаковости. Специфика топологического описания местных сообществ может сочетать в себе гомогенность и глобальное унифицирование. Местное сообщество может быть унифицировано, чтобы выразительнее показать дифференциацию с другими сообществами. Стремление отыскать больше образных качеств местных сообществ направлено против одинаковых образов, на поиск особенного. Такая политика исследования является следствием собственной логики сообщества, а не его формальной основой.

На основе конкурирования некоторых местных сообществ возможно обсуждение вопросов брендинга, образов местных сообществ и каждодневной практики, чтобы прийти к историческим корням, образованию контактов и структур собственной топологии, сформировать взгляд на номиналы, размещения и типы образности местных сообществ.

В связи с этим необходимо:

- концептуально обосновать такие понятия, как «характер местного сообщества», «габитус», «собственная логика», «локальная структура чувствований и восприятий в местных сообществах»;
- разработать качественную парадигму исследования, позволяющую характеризовать, типологизировать и сопоставлять структуры местных сообществ, разработать праксеологически и топологически обоснованную типологию местных сообществ;
- представить местные сообщества в системе сравнительности и отношений, не вдаваясь в субстанционально логическое мышление и рассмотрение местных сообществ только из исторических предпосылок.

Как известно, начатый Максом Вебером проект типологии городских сообществ (город потребления, город производства) не был продолжен [11]. Когда мы сегодня начинаем продумывать местные сообщества как объект исследования (в том смысле, что они будут представлены как собственно логичные образования в их репродуктивной законности, как объект шкалированной различности, а не только как интересующие в них самих отношения), то исторически сформированные нити социальной философии собственно продуктивны, но недостаточно многообразны. Такое впечатление,

что социология местных сообществ опирается на одну ногу: она может много сказать о местном обществе как о лаборатории общества, но меньше о местном сообществе как об объекте с различными познавательными признаками.

Контекст локальных исследований с оглядкой на централизованный институционализм акторов неизбежно показывает возможности противостояний действующих в местных сообществах групп и лиц всеобщим общественным трендам развития. Исследования локального могут хорошо показать собственную логику местечковых процессов в связке со стратегическими деятельными возможностями локальных контекстов. Объект исследования «местное сообщество» неизбежно поставит вопрос о соотношении общих процессов развития с реагирующим местным контекстом сообщества. Имеется теоретическая традиция привязки анализа локального к этому вопросу. У местного самоуправления всегда были достаточные местные шансы потенциала сопротивления структурно-экономическому принуждению, они кроются именно в поле локального. Местное рассматривается как ресурс общественного действия. Примечательно выражение Мануэля Кастельса: «Капитал глобален. А рабочая сила, как правило, локальна» [12, с. 47]. Локальное рассматривается как соизмерение социальной действительности, которое может критично соотноситься с гомогенизацией и глобализацией. В местных сообществах прежде всего можно анализировать конкретные жизненные условия, вывести конструкцию реагирующего местного потенциала, местное сообщество относится к обществу как микрополе исследования к макроструктуре. Если местные сообщества рассматриваются как микроизмерения действительности, надо рассматривать их потенциал сопротивления тенденциям национальной глобализации и гомогенности. Тогда местное сообщество сразу получает статус чего-то более слабого, безвластного и потенциально сопротивляющегося, и это говорит о том, что не все индивидуальные феномены могут быть перенесены на анализ местных сообществ. Общество, как еще Дюркгейм сказал, «не простая сумма индивидов» [13, с. 187]. Из взаимоотношений индивидов возникает нечто собственное, особое. Так как местное сообщество может рассматриваться как макромедиум по отношению к индивиду и как микромедиум по отношению к обществу, изображать местное сообщество как простую лабораторию нельзя. Местное сообщество не имеет своего определенного места между макро- и микроуровнем. Изображение местного сообщества как лаборатории не совсем отвечает теоретическим требованиям, так как это односторонне приближает его только к макроуровню. Когда местное сообщество будет рассматриваться через пространство, топологиче-

ски, это даст новую перспективу для его определения, которая соединит в себе все проблемно-направленные вопросы.

Исследовать местные сообщества – значит еще и предметно описать процессы, возможности возникновения и репродукции собственных логик местных сообществ прежде всего в контексте урбанизации. Мультидисциплинарное картирование логических собственных качеств местных сообществ во взаимосвязи всех замечаний и проявлений и типологии образования до сих пор не стояли в центре исследований, возможно, как раз потому, что местные сообщества не являлись объектом исследования социальной философии. Местные сообщества должны рассматриваться не как части общества (противодействующие порой), а как место собственной топологически выстроенной социализации. «Формирование структуры местного сообщества и социальных отношений происходит на основе общественной самоорганизации и институционализации различных инициатив местного сообщества» [14, с. 12].

Само собой разумеется, что сравнение местных сообществ осуществляется под различной постановкой вопросов, и топология постановки объясняет определенные дифференциальные различия (исторические, геологические, политико-экономические).

Исследования некоторых современных немецких ученых (Мартины Лёв, Гельмута Беркинга) показывают, что в эпоху постмодерна с расширением глобализационных процессов в социальных исследованиях все затмевали концепты, претендующие на универсальность культурных познавательных проектов, и вся глобализационная риторика не обращала внимания на локальную специфику. Однако спектральность социального и экономического развития, признание плюральности в мышлении и познании не могли не замечать и не фокусировать дифференциальные различия между местными сообществами [15].

Таким образом, местное сообщество может быть объектом исследования в социальной философии, а обусловленные этим пространством социальные взаимоотношения проживающих там людей, представляют широкий спектр предметной направленности исследования. Детерминация объекта исследования методами социальной топологии выдвигает пространство на первое место в перспективах изучения, представляет новые категориальные пространственные концепции территориальных компонентов социальной жизни.

Сообщество выступает совокупным субъектом общественного действия и подразумевает не столько целостность и единство, сколько совокупность объединений самого различного масштаба и уровня, воплощает в себе разнообразие взглядов, позиций, ценностных установок. Исследование выявляет логику образования местных сообществ, сходст-

ва и различия между формами их устройства, подверженность местных сообществ глоболизирующему воздействию, потенциал сопротивления процессам гомогенизации и гетерогенизации. Местные сообщества дефинируются как места, на которых возникает общество.

Топологическая исследовательская перспектива, выявление сравнимых проектов местных сообществ,

систематическая интеграция локальных, местных различий, пространственных дифференциаций и территориальных потенциалов в социальные стратегии развития местных сообществ показывает, что на развитие местных сообществ можно только тогда эффективно влиять, когда будет понята собственная логика каждого местного сообщества.

Список литературы

1. Макогон Т. И. Местные (муниципальные) сообщества в социально-философском дискурсе о системе местного самоуправления в современной России: дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2009. 161 с.
2. Макогон Т. И. Местные сообщества и гражданские инициативы // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 11 (113). С. 192–198.
3. Mitscherlich Alexander. Die Unwirtlichkeit unserer Städte: Anstiftung zum Unfrieden. (Неуютность наших городов. Подстрекательство к раздору). Suhrkamp: Frankfurt am Main, 1969. 160 S.
4. Lefebvre H. Die Produktion des Raums // Raumtheorie. Grundlagentexte aus Philosophie und Kulturwissenschaften. Frankfurt am Main: Hrsg. J. Dünne, S. Günzel, 2006. S. 330–340.
5. Lee Martin. Relocating Location: Cultural Geography, the Specificity of Place and the City Habitus // Jim McGuigan (Hrsg.): Cultural Methodologies. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage, 1997. S. 126–141.
6. Matthiesen Ulf. Knowledge Scapes: Pleading for a knowledge turn in socio-spatial research. 2005. URL: <http://www.irs-net.de/download/KnowledgeScapes.pdf>
7. Smith D. The Chicago school: a liberal critique of capitalism. New York: St. Marvin's Press, 1988.
8. Wohl Richard, Strauss Anselm. Symbolic Representation in the Urban Milieu // American Journal of Sociologie. 1958. 63. P. 523–532.
9. Adorno Theodor. Gemeindestudien // Institut für Sozialforschung: Soziologische Exkurse. Frankfurt am Main: Europäische Verlaganstalt, 1983, orig. 1956, S. 133–150.
10. Савчук В. С. Топология дискурса: возможность выбора логических констант в организации пространства мира. (Работа выполнена в рамках концепции гранта Президента РФ МК-581.2007.6). 12 с. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-193886.html>
11. Вебер Макс. Город. Избранные произведения / пер. с нем. и общ. ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 309–446.
12. Castells Manueel. The Riese of the Network Society // Cambridge; Oxford: Blackwell, 1996. 304 p.
13. Durkheim Emile. Die Regeln der soziologischen Methode // Frankfurt am Main: Surkamp, 1984/1895, 247 S.
14. Гордиенко А. А. Территориальное общественное самоуправление в местном сообществе. Новосибирск: Административное издание, 2005. 230 с.
15. Berking Helmut, Löw Martina. Die Wirklichkeit der Städte // Frankfurt am Main; New York: Campus, 2008. 25 S.

Макогон Т. И., кандидат философских наук, докторант.

Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050.

E-mail: makogon@admin.tomsk.ru

Материал поступил в редакцию 24.12.2012.

T. I. Makogon

CAPABILITIES OF THE OBJECT-SUBJECT CONSTELLATIONS IN THE STUDY OF LOCAL COMMUNITIES

To substantiate the possibility of election of the “local community” as a object of research in social philosophy, and due to its space of the social relationships of people living there is action-oriented research, deterministic methods of social topology. The space of the local community is described with new categorical spatial concepts. The local community is shown as a cumulative subject of public actions with their own logic of formation, with similarities and differences in the forms of the device, the exposure to globalization effects. The study reveals forms of their own logic, topologic of local communities in terms of doxa and habitus.

Key words: *local community, topology, topologic, social space, its own logic of formation, globalization, homogenization, heterogenization, doxa, habitus, “spatial turn”.*

National Research Tomsk State University.

Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: makogon@admin.tomsk.ru

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОРФЕМНОГО ПОВТОРА И СИНТАКСИЧЕСКОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА В АНГЛИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Рассматривается совместное функционирование морфемного повтора и синтаксического параллелизма в художественном тексте. Взаимодействие данных явлений характеризуется многообразием форм лингвистического выражения, обусловленных неоднородностью как морфемного повтора, так и синтаксического параллелизма. Особого внимания заслуживает эстетический аспект взаимодействия указанных явлений, реализующийся на уровне художественной формы в соотнесении двух противоположных тенденций – аполлонической упорядоченности и дионисийского отступления от нее.

Ключевые слова: морфемный повтор, синтаксический параллелизм, взаимодействие морфемного и синтаксического повтора, эстетический аспект, аполлоническая упорядоченность, дионисийское нарушение упорядоченности.

Объект рассмотрения статьи составили разновидности повтора, осуществляемые на разных уровнях – морфемном и синтаксическом. Первый получил в лингвистике название морфемного (частичного) повтора, второй традиционно именуется синтаксическим параллелизмом.

Как показывает анализ англоязычной художественной прозы, эти разноуровневые виды повтора нередко встречаются в рамках общего контекста, что позволяет говорить об их совместном функционировании. Незнание данного феномена диктует необходимость его предметного рассмотрения, в частности, с точки зрения его специфики как явления художественной, а значит, эстетически организованной речи.

Под морфемным повтором в данной работе понимается итерация лексической морфемы, как корневой, так и аффиксальной [1]. Грамматические (флективные, формообразующие) морфемы из рассмотрения исключались. Исходя из широкой трактовки морфемы как части слова, выделяемой на основании ее рекуррентности в других словах [2] и членности слова – живой, условной, дефектной [3], в слове вычлениют как истинную морфему (свободную или связанную), так и псевдоморфему (квазиморфему). В качестве иллюстрации повтора разного типа морфем можно привести примеры текстовых цепочек слов, извлеченных из одного или двух контактно расположенных предложений, в которых встречается общая морфема – свободная, связанная или псевдоморфема. Корневой повтор обнаруживается в следующих цепочках: *denied – denial* (D. H. Lawrence, 1977, p. 89); *captured – captive* (J. Fowles, p. 19), *assent – dissent* (J. London, 1950, p. 336). Аффиксальный повтор наблюдается в цепочках: *velocity – capacity* (G. Swift, p. 11); *unshaven – untidy* (O. Henry, p. 74); *disaster – disgrace* (V. Woolf, p. 203).

Под синтаксическим параллелизмом в работе понимается повторение в однотипных синтаксиче-

ских позициях однотипных синтаксических единиц с разным или сходным наполнением, допускающим такой повтор слов (знаменательных и служебных), который не разрушает параллелизм абсолютным лексическим тождеством. Параллельные конструкции могут встречаться в рамках одного предложения или разных предложений, расположенных на достаточно близком друг от друга расстоянии, чтобы читатель мог заметить параллелизм конструкций.

Будучи разными видами повтора, и морфемная итерация, и синтаксический параллелизм подчиняются общему для них правилу кругового зрительного восприятия, охватывающего предмет в рефлексивное кольцо двунаправленным, поступательным-возвратным движением [4, с. 84]. Заметить повтор можно только при возвращении к ранее пройденному участку текста, а обеспечивает эту возможность проспективно-ретроспективное развертывание текста [5, с. 107].

Ниже приведены примеры совместного функционирования морфемного повтора (корневого и аффиксального) и синтаксического параллелизма в художественном тексте:

In this book he copied out rude stories in the perky hand which was so like his voice and so unlike his figure (M. Dickens, p. 26).

There it was all spiritual. Here it was all material, and meanly material (J. London, 1980, p. 42).

“You’ll not untie him in here”, cried the woman. <...> “We must carry him outside and undo him there,” said the soldiers (D. H. Lawrence, 1977, p. 156).

Нетрудно заметить неслучайный характер совместного употребления морфемного и синтаксического повтора на одном участке текста. Автор намеренно привлекает внимание к языковой форме выражения, настраивая читателя не на перцепцию, а на апперцепцию, т. е. на осознанное, активное восприятие [6, с. 26]. Это предполагает анализ,

разделение слова на компоненты, а текста – на одинаковые синтаксические конструкции. Установка же на форму знака, приобретающую в этом случае такие свойства, как «внутренняя автономность», «замкнутость на самой себе», «самозначимость», «самоценность», «повышенная апперцептивность», есть не что иное, как эстетизация восприятия [7, с. 55, 59–60].

Следует напомнить, что речь идет не о слове и тексте в их обыденном употреблении, а о слове, функционирующем в художественном тексте, принадлежащем сфере искусства: «Слово в искусстве и слово в жизни глубоко различны; в жизни оно играет роль костяшки на счетах, в искусстве оно фактурно» [8, с. 99]. Это слово сделано, построено, создано. Искусство – это область эстетических отношений, сфера эстетического, функционирующего «в виде художественного, художественности, художественной формы» [9, с. 159]. Художественное же восприятие – «это такое восприятие, при котором переживается форма (может быть, и не только форма, но форма непременно)» [8, с. 37]. О переживании говорится в этом утверждении отнюдь не случайно, ведь эстетическое по определению относится к чувственному восприятию (греч. *aisthētikos* – чувствующий) [10, с. 416]. «Искусство остается преимущественно чувственным и обращается главным образом к одному чувству» [11, с. 173].

Форма языкового знака, сосредоточивающая на себе внимание читателя как некая самодовлеющая, художественно значимая ценность, становится эстетическим феноменом, постигаемым – на какой-то миг – вне его связи с практической целесообразностью. При этом привлечение внимания к художественной форме, ее анализ не означает отвлечения от смысла, от содержания вообще. Во-первых, «эстетическое восприятие вряд ли возможно в полной мере без анализа» [12, с. 210]. Во-вторых, «никогда еще анализ явления не устранял самого явления» [13, с. 215]. И, наконец, значимый элемент в художественном тексте, стремясь в эстетическом плане выступить «в качестве знака, имеющего самостоятельное значение», тем не менее, оставаясь лишь частью знака, не препятствует восприятию целого «как единого знака, имеющего общее и нерасчлененное значение» [14, с. 97]. Более того, эстетический знак «может выступать как элемент структуры художественного образа», и в этом качестве он «помогает исследовать закономерности создания художественной выразительности» [10, с. 94–95]. Сказанное в полной мере относится и к морфемному повтору, и к синтаксическому параллелизму, встроенным в текст, в художественную речь, во внутренней конструкции которой «все единичное определяется целым; невозможна ни одна форма или отдельный элемент речи, кото-

рый не предполагал бы целого» [15, с. 216].

Обращение к форме никоим образом не означает пренебрежения содержанием, поскольку «все без различия элементы художественного произведения являются носителями смысла и внеэстетических ценностей и, следовательно, составными частями содержания» [16, с. 114].

Так, например, если в самом общем плане охарактеризовать содержание приведенных выше примеров, то в них можно явственно увидеть определенный диссонанс, конфликт между противоречивыми характеристиками, устремлениями, действиями человека. Немаловажную роль в выражении этого контраста осуществляет взаимодействие морфемного повтора и синтаксического параллелизма.

Анализ материала выявляет не просто одновременное присутствие рассматриваемых видов повтора (морфемного и синтаксического), их сосуществование, но их взаимную связь, взаимозависимость. Все вместе они производят впечатление общего единства, так что, по выражению В. Шкловского, «слова держатся друг за друга мертвой хваткой» [8, с. 43].

Это взаимное соотнесение, взаимодействие морфемного повтора и синтаксического параллелизма находит разные формы проявления. Их невозможно свести к некоей единой схеме. Объяснение можно найти прежде всего в неоднородности самой морфемной итерации, позволяющей соотнести в тексте разные виды морфем.

Так, в нижеприведенном предложении содержатся контекстуально-синонимические прилагательные с общим суффиксом, характеризующиеся одинаковым типом членности, осуществляемом на словообразовательном уровне (свободные корни *villain*, *vice*).

And she's not wearing the looks of a villainous child-thief, she's not wearing the looks of a vicious criminal (G. Swift, p. 265).

Нетрудно заметить высокую степень упорядоченности указанного взаимодействия, усиленного в значительной мере и лексическим повтором.

Иная картина в следующем предложении, где в параллельных конструкциях сопоставляются слова с разной членностью: словообразовательной (свободный корень *nerve*) и морфематической (не существующие в свободном виде корни **ludicr* и **fatu*):

He saw himself as a ludicrous figure, <...> a nervous well-meaning sentimentalist <...>, the pitiable fatuous fellow he had caught a glimpse of in the mirror (J. Joyce, p. 251).

Наряду с тенденцией к взаимному согласованию и упорядоченности, о чем свидетельствует параллелизм структуры и повтор морфемы, здесь

явственно просматривается и противоположная тенденция – к рассогласованию и расподоблению.

В приведенных двух предложениях похожие структуры, состоящие из подчинительно-атрибутивных словосочетаний (*vicious criminal; ludicrous figure*), разделены не только разностатусными корнями, сочетающимися с суффиксальной морфемой *-ous*, но и самим характером параллелизма. Во втором предложении он не столь равновесен и симметричен, что вызвано внедрением в параллельную структуру иных слов, занявших во втором сочетании срединную позицию (*well-meaning*), в третьем – начальную (*pitiable*).

Таким образом, если трактовать приведенные предложения в рамках оппозиции аполлонического/дионисийского, введенной в эстетический обиход Ф. Ницше [17], рассматривая их с точки зрения соответствия/несоответствия эстетическим принципам гармонии, порядка, соразмерности, симметрии, подобия, равновесия и др. [9, с. 192], то ясно видна их противопоставленность в этом плане.

Во взаимодействии морфемного повтора и синтаксического параллелизма проявляется неоднородность не только морфемного повтора, о чем говорилось выше. Разнородными оказываются и параллельные конструкции. Это касается как качественных, так и количественных параметров.

Первый относится к степени полноты параллелизма. Традиционно различают неполный и полный параллелизм в зависимости от того, охватывает ли он «только часть синтаксической структуры каждого из сопоставленных отрезков речи» или «распространяется на все эти отрезки целиком» [18, с. 269].

Легче всего достичь полного параллелизма в коротких конструкциях:

They were brutes, but he was the arch-brute, a thing of terror that towered over them and dominated them (J. London, 1980, p. 129).

Параллелизм может быть такой степени полноты, что он практически охватывает все предложение целиком:

He didn't seem to think that was very funny. And neither did I. But I didn't seem to think it was especially unfunny, either (R. P. Warren, p. 93).

Приведенные примеры демонстрируют высокую степень уподобления конструкций как в синтаксическом, так и лексическом плане. Содействует упорядоченности и морфемный, в данном случае корневой (*brute, fun*) и аффиксальный (*-y*), повтор. Концентрация повторов приводит к тому, что на этом фоне внимание приковывается не только к тождественным, но и прежде всего к различающимся морфемам, а именно к префиксам *arch-* и *un-*, обозначающим соответственно превышение и отрицание некоего качества.

Оставив за рамками статьи случаи полного параллелизма предложений или предикативных структур, необходимо отметить следующее.

Подобная высокая степень упорядоченности, которая приближается к тождественности, наблюдается, однако, достаточно редко. Как показывает анализ, тенденция к уподоблению обычно уравновешивается тенденцией к расподоблению. Можно увидеть явное стремление авторов избежать абсолютизации как аполлонического, космически-конструктивного принципа, так и дионисийского, хаосоморфного деструктивного начала.

Что касается количественного параметра, характеризующего состав параллельных структур, то он значительно варьируется.

В зачаточной, эмбриональной форме параллелизм присутствует в двухсловной структуре, с повтором служебного слова, например предлога или частицы:

There came over him a look of meanness and of paltriness (D. H. Lawrence, 1993, p. 100).

It is still raining on the morning of the funeral. Not heavily, not torrentially, but with a steadiness, a determination that Fenlanders have come to know cannot be ignored (G. Swift, p. 97).

Эта простейшая схема показывает значимость строевых, служебных элементов, не являющихся просто «упаковочным материалом» (выражение Л. В. Щербы). Не будучи самостоятельными частями речи, служебные слова «играют важную смыслообразующую роль в контексте высказывания» [19, с. 57]. Ведь если бы было иначе, не возникло бы необходимости усиливать предлог *of* и частно-отрицательную частицу *not* повтором и создавать с их помощью пусть зачаточный, но все же параллелизм. Это важно, поскольку «при параллелизме происходит проекция смысла одной конструкции на другую в силу присущих им структурных “переключек”» [20, с. 238]. Именно такую переключку контекстуальных синонимов видим в данном случае. Параллелизм не только привлек к ним внимание, но и отдельно выделил благодаря повтору служебного слова их градуированный характер и, в частности, обозначил большую экспрессивность второго синонима (*paltriness* и *torrentially* соответственно).

От простых структур, содержащих служебное слово, недалеко отстоят сочетания слов с местоимениями и наречиями. Примерами могут служить параллельные конструкции со словами, в которых повторяются варианты суффикса *-ation/-ition* и квазипрефикс *ge-* в первом случае и префикс *un-* во втором:

It was her restoration and her recognition (D. H. Lawrence, 1993, p. 295).

<...> this was a new experience for her, and it all seemed so undignified, so unlike anything she was accustomed to doing (Th. Dreiser, p. 422).

Двухсловные параллельные структуры с морфемным повтором могут состоять из языковых единиц, более содержательных в семантическом плане, чем предлоги, местоимения и пр. Ниже приведены в качестве примера сочетания знаменательных слов:

Again something of the same sensation as before – involuntary chill – momentary feeling akin to fear – but vanishing directly and leaving no choice behind (Ch. Dickens, p. 449).

Двухсловные параллельные конструкции, как правило, по-аполлонически упорядочены и симметричны. Сказанное не распространяется, однако, на все параллельные структуры. Так, в следующем предложении дионисийское, деструктивное влияние на симметричность оказывает вставка слова *utterly* – по типу тмезиса – в параллельное сочетание:

She was perfectly happy to do just nothing, only to sit with a curious languid dignity, so careless as to be almost regal, so utterly indifferent, so confident (D. H. Lawrence, 1993, p. 180).

Интересно, что двухсловное сочетание обычно охватывается двукратным же параллелизмом. Но так бывает не всегда. Приведем примеры трехчленного параллелизма с двухсловными сочетаниями, в которых повторяется общая морфема:

But he knew life, its foulness as well as its fairness, its greatness in spite of the slime that infested it <...> (J. London, 1980, p. 118).

В приведенном примере четко просматривается стремление к аполлонической, строго симметричной упорядоченности, усиленной к тому же частичной инициальной аллитерацией – повтором звука [f].

Другая картина в следующем трехчленном параллелизме с двухсловными сочетаниями, демонстрирующими явное отступление от абсолютной регулярности:

He loved her so much, so terribly, so hopelessly (J. London, 1980, p. 97).

I could go back and be his comforter – his pride; his redeemer from misery; perhaps from ruin (Ch. Bronte, p. 408).

All the time he was away from her she had summed him up, seen his littleness, his meanness and his folly (D. H. Lawrence, 1993, p. 260).

Как видно из приведенных примеров, в трехчленный синтаксический параллелизм встраиваются не только слова с повторяющейся морфемой. Морфемную общность разбивает чуждое слово, по-разному подключаясь к единству параллельных конструкций, занимая все возможные позиции – начальную (*much*), срединную (*pride*), конечную (*folly*). Так аполлоническая упорядоченность синтаксиса несколько умеряется дионисийским отступлением от нее в лексическом плане.

До сих пор, рассматривая взаимодействие морфемного повтора и синтаксического параллелизма, обращалось внимание на двухсловные сочетания слов. Достаточно распространены в англоязычном художественном тексте и трехсловные параллельные сочетания, имеющие разнообразную структуру.

Ниже приведены сочетания существительного с прилагательным, которые построены по подчинительной беспредложной и предложной моделям:

Well, he – he lived in a more credulous age – a more religious age (F. S. Fitzgerald, 1998, p. 64).

<...> she was no longer herself but a strange buzzing creature, wilful over judgment and scornful of self-analysis, refusing to peer into the future <...> (J. London, 1980, p. 162).

В данных трехсловных конструкциях взаимодействие морфемного повтора и синтаксического параллелизма таково, что они взаимно, по-аполлонически согласованы и упорядочены. Еще большая упорядоченность наблюдается в следующем примере, где повторяются две морфемы: истинная (-ness) и псевдоморфема (-ture):

But for her plainness of features and smallness of stature, there was a sedate dignity about her movements that was oddly touching and far older than her seventeen years (M. Mitchell, p. 102).

Взаимодействие морфемного повтора и синтаксического параллелизма можно обыгрывать, по-дионисийски отступая от строгой регулярности и упорядоченности. Чаще всего это наблюдается в том случае, когда параллелизм выходит за рамки бинома и охватывает большее число структур.

С одной стороны, это усиливает синтаксическую упорядоченность, с другой стороны, влечет за собой обратную реакцию – стремление уменьшить степень этой упорядоченности, что может достигаться, в частности, ослаблением морфемной корреляции. Так, морфемный повтор не используется в последней из трех параллельных структур:

Hadrian was just an ordinary boy: from a Charity House with ordinary brownish hair and ordinary bluish eyes and of ordinary rather cockney speech (D. H. Lawrence, 1977, p. 184).

Авторы используют все возможные ресурсы языка и способы речи, чтобы по-творчески подойти к проблеме упорядоченности и ее нарушения во взаимодействии морфемного и синтаксического повтора. Они учитывают то обстоятельство, что повторяемость единиц способствует выработке определенных ожиданий [21, с. 30]. Происходит это тогда, когда повышается частотность употребления того или иного элемента. Его «нарочитое сгущение» не только делает его заметным, структурно активным», но и задает определенную «инерцию»; отсутствие же ожидаемого элемента создает «эффект разрушенности», когда «имитируется

мнимая неорганизованность, простота, естественность текста» [14, с. 71]. Это, по сути дела, есть не что иное, как обыгрывание антиномии предсказуемого и непредсказуемого, которая, по утверждению И. Р. Гальперина, имеется во всяком стилистическом приеме, каковым является в том числе и повтор: «Предсказуемое – содержание формы, структура приема; непредсказуемое – конкретное наполнение этой формы» [21, с. 161]. Если же игнорировать эту антиномию, забыв о том, что и в окружающем нас мире связи «одновременностей и совместимостей тоже не представляют абсолютно-постоянства» [11, с. 273], если стремиться к максимальной упорядоченности и предсказуемости, то можно достичь лишь «прилизанности», «приглаженности», «чистоты отделки», составляющих не достоинство произведения искусства, отражающего реальность, не стиль произведения, а «манерность», которая обнаруживается в «нарочитости», «в неспособности преодолеть известные особенности формы» [15, с. 206].

Ниже приведена еще одна трехсловная конструкция, где обыгрывание оппозиции аполлонического/дионисийского, регулярного/нерегулярного, предсказуемого/непредсказуемого происходит несколько иначе, чем в ранее приведенном примере:

Nothing seemed to be going on, but the clocks, and they had such drowsy faces, such heavy lazy hands, and such cracked voices, that they surely must have been too slow (Ch. Dickens, p. 246).

Рассогласование ведется здесь по двум направлениям: во-первых, последняя структура, будучи параллельной предыдущим, не содержит морфемного повтора (*such cracked voices*), во-вторых, в срединной конструкции добавлено еще одно слово с псевдоморфемой -у (*heavy*). Это, с одной стороны, усиливает квазиморфемную общность всех соотносительных прилагательных (*drowsy, heavy, lazy*), с другой стороны, нарушает их симметричность, неожиданно внедряя четырехсловное сочетание в предложение, где остальные параллельные конструкции состоят из трех слов. Важно также, что прилагательное *heavy* не объединено консонантной аллитерацией со словами *drowsy* и *lazy*, связанными повтором заударного согласного [z], что также вносит непредсказуемый диссонанс в частичную итерацию и в общую симметричность структуры.

Невозможно не отметить в этой связи игру «избытка сил» (по Г. Спенсеру) языкового организма, предоставляющего автору самый разнообразный арсенал языковых средств, чтобы эта игра состоялась.

Памятуя мысль Ф. Шеллинга о том, что «в истинном произведении искусства отдельных красот нет – прекрасно лишь целое» [15, с. 53], заметим, что он имел в виду единичные «красивости», стоящие особняком, отдельно друг от друга,

не образуя при этом единого целого. В приведенном примере, задействовавшем самые разные языковые средства, создается яркий цельный образ спящего города с его полусонными городскими часами. И немалую лепту в формирование зрительного и слухового образа персонифицированных башенных часов вносят параллелизм и морфемный повтор, передавая медлительный, но регулярно-постоянный ход часов и издаваемые старыми часами надтреснутые звуки, то вдруг легкие и звонкие [l, z], то как бы произносимые со старческой одышкой, невнятно тяжелые [h, v].

Выше приводились примеры наиболее частотных параллельных конструкций, состоящих из двух или трех слов. Интересно то, что по мере усиления параллелизма за счет увеличения числа параллельных конструкций заметно проявляет себя тенденция к меньшей упорядоченности и симметричности. Так, в следующей цепочке из четырех параллельных структур только первые две объединены морфемной общностью, а именно адвербиальным суффиксом -ly. В третьей структуре омонимичная морфема образует прилагательное (*lovely*). Все параллельные структуры не совпадают и в другом – количественном – отношении: они состоят из разного числа языковых единиц:

When he was alone in the railway-carriage, he found himself tumultuously happy and the people exceedingly nice, and the night lovely, and everything good (D. H. Lawrence, 1993, p. 273).

По всей вероятности, это связано с законами человеческого восприятия, согласно которым выше периода 5–10 с восприятие периодичности быстро исчезает. Об этом пишет А. Моль: «Мозг не фиксирует своего внимания на возврате явлений, он больше не ждет их» [22, с. 125].

Весьма интересным представляется и то, как в приведенной четырехчленной параллельной конструкции проявляет себя «закон третьей четверти». Он утверждает следующее: «Если взять текст, который на синтагматической оси членится на четыре сегмента, то почти универсальным будет построение, при котором первые две четверти устанавливают некоторую структурную инерцию, третья ее нарушает, а четвертая восстанавливает исходное построение, сохраняя, однако, память и об его деформациях» [14, с. 61]. С одной стороны, приведенная цепочка соответствует этому закону, поскольку именно на третьем звене происходит сбой, нарушение построения. С другой стороны, четвертое звено не восстанавливает сложившейся упорядоченности. Но это лишь на первый взгляд, если брать во внимание только формальные отношения между параллельными структурами. Если же обратиться к содержательному аспекту, то становится ясным, что последнее звено (*everything*

good), подытоживая отношение героя к происходящему, представляет его эмоциональное восприятие как в наивысшей степени позитивное. Оно возвращает нас к первоначальному исходному пункту, вбирает его в себя, но уже на другом уровне. Так восходящая градационная шкала становится спиралью. При этом на каждом ее витке, т. е. при переходе от одной параллельной структуры к другой, внимание каждый раз задерживается, потому что нет абсолютно точного повторения, а есть несходное в сходном, что производит совсем иное впечатление. Получается, по В. Шкловскому: «Механизм внимания построен так, что ярче всего принимается сигнал смены впечатления. Старые системы берутся как бы в скобки и воспринимаются целиком» [23, с. 609].

При всем разнообразии взаимодействия морфемного повтора и синтаксического параллелизма следует подчеркнуть все же преобладание в тексте в основном параллельного бинорма – двукратного повтора параллельных структур. Это характерно для всех разновидностей сочетаний, состоящих из разного числа языковых единиц. Достаточно привести несколько примеров, чтобы в этом убедиться:

Remembering the letter in his sister's trunk, he had worn his *fleshless grin* and *soundless chuckle* (R. P. Warren, p. 321).

Such was the gigantic teashop into which Turgis marched in search not of mere *refreshment* but of all the *enchantment* of unfamiliar luxury (J. B. Priestley, p. 141).

She was thinking of him and the *smartness of his habit* and the *exquisiteness of this moment* (Th. Dreiser, p. 165).

Приводя примеры параллельных конструкций, состоящих из большого числа языковых единиц, следует еще раз подчеркнуть, что таковые представляют собой скорее исключение, чем правило. Обычно действует та тенденция, о которой говорилось ранее, а именно преобладание двух-, трехсловных сочетаний, объединяемых морфемным повтором и синтаксическим параллелизмом.

Стремление избежать жесткой схемы и зарегулированности во взаимодействии этих разноуровневых видов повтора подвигает авторов на поиски оптимального, сбалансированного их сочетания в художественном тексте. Используя разнообразный потенциал, заложенный во взаимодействии морфемного повтора и синтаксического параллелизма, писатели опираются на две противоположные тенденции – к упорядоченности и отступлению от нее, в чем проявляется состязание двух эстетически значимых принципов в художественном творчестве: аполлонического и дионисийского, конструктивного и деструктивного, упорядоченности и нарушения упорядоченности, согласования и рассогласования, предсказуемости и непредсказуемости. Отмечая разные конструкции, создаваемые взаимодействием морфемного и синтаксического повторов, обыгрывающим указанные эстетические принципы, следует все же подчеркнуть ведущую роль упорядоченности, взаимной соотнесенности и взаимообусловленности, что составляет суть совместного функционирования этих двух видов разноуровневого повтора – морфемного и синтаксического.

Список литературы

1. Карпухина Т. П. Отношения антонимии между словами, связанными морфемным повтором в английской художественной прозе // Вестник Томского государственного педагогического университета. (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2006. Вып. 4 (55). С. 110–118.
2. Hockett Ch. A Course in Modern Linguistics. N.-Y., 1960.
3. Кубрякова Е. С. О типах морфологической членимости, квазиморфах и маркерах // Вопросы языкознания. 1970. № 2.
4. Карпухина Т. П. Морфемный повтор в художественном тексте в свете общезстетической теории игры. Хабаровск: ДВГУ, 2006. 392 с.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
6. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА. М., 2001. 576 с.
7. Энгельгардт Б. М. Избранные труды. СПб.: СПбГУ, 1995. 328 с.
8. Шкловский В. Гамбургский счет. М.: Сов. писатель, 1990. 544 с.
9. Бычков В. В. Эстетика. М.: Гардарики, 2004. 556 с.
10. Эстетика. Словарь. М.: Политиздат, 1989. 447 с.
11. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2009. 456 с.
12. Новиков Л. А. Избранные труды. М.: РУДН, 2001. Т. II. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. 842 с.
13. Саямон Л. О физиологии эмоционально-эстетических процессов // Психология художественного творчества: хрестоматия. Минск: Харвест, 2003. С. 214–253.
14. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство – СПб, 2001. С. 18–252.
15. Шеллинг Ф. В. Философия искусства. М.: Мысль, 1999. 607 с.
16. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М.: Искусство, 1994. 606 с.
17. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. СПб.: Азбука, 2002. 232 с.

18. Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С. Общая риторика: курс лекций. Словарь риторических приемов. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 320 с.
19. Фоменко И. В. Практическая поэтика. М.: Академия, 2006. 192 с.
20. Ключев Е. В. Риторика. Инвенция. Диспозиция. Элокуция: учебное пособие для вузов. М.: Приор, 2001. 272 с.
21. Гальперин И. Р. Избранные труды. М.: Высшая школа, 2005. 255 с.
22. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М., 1966.
23. Шкловский В. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Худ. лит., 1974. Т. 3. 813 с.

Карпухина Т. П., доктор филологических наук, профессор кафедры.
Дальневосточный государственный гуманитарный университет.
Ул. Карла Маркса, 68, Хабаровск, Россия, 680000.
E-mail: artemij1@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 01.08.2012.

T. P. Karpukhina

AESTHETIC ASPECTS OF THE INTERRELATION OF MORPHEMIC REPETITION AND SYNTACTICAL PARALLELISM IN ENGLISH ARTISTIC PROSE

The article considers morphemically related words used in syntactically parallel structures observed in English works of fiction. The interrelation of morphemic repetition and syntactical parallelism manifests itself in different ways predetermined by the variety of morphemes and the diversity of parallel structures. The most important issue is the aesthetic aspect of the interrelation of the phenomena. It is realized in the interplay of the two mutually opposed basic principles, those of Apollonic order and Dionysian disorder, accordance and discordance, regulation and its violation.

Key words: *morphemic repetition, syntactical parallelism, interrelation of morphemic and syntactical repetition, aesthetic aspect, Apollonic principle, Dionysian principle.*

Far Eastern State University of the Humanities.
Ul. Karla Marksa, 68, Khabarovsk, Russia, 680000.
E-mail: artemij1@rambler.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНЦЕПЦИИ СЕМЬИ В ПАРАДИГМАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И АВТОРСКИХ МОДЕЛЯХ: ИТОГИ VI ВСЕРОССИЙСКОЙ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ» (ТГПУ, 13–14 СЕНТЯБРЯ 2012 ГОДА)

В русской культуре особый интерес к национальным корням и вопросам самоидентификации, в том числе к представлениям о месте человека в семейно-родовой цепи, наблюдается в наиболее судьбоносные для страны исторические периоды. Сейчас, когда разрушительный кризис семьи и брака, нарастающий в западном мире, болезненно затронул и Россию, этот интерес как никогда оправдан. Литература, всегда откликающаяся на актуальные проблемы современности, в разные времена по-своему отражала семейную проблематику. Различные исторические формы и авторские модели семьи в литературе рассматривались на очередной конференции «Русская литература в современном культурном пространстве», которая в этот раз была посвящена теме «Концепции семьи в парадигмах художественного сознания» и приурочена к 110-летию Томского государственного педагогического университета.

В качестве магистральных направлений конференции были заявлены следующие: семья в ракурсе национально-культурной идентичности; трансформации представлений о семье в русской литературе; гендерный аспект семейных отношений и проблема «отцов» и «детей» в литературе.

Широкий диапазон текстов, охваченный участниками конференции (от древнерусской до новейшей литературы XXI в.), позволил проследить исторически обусловленную смену представлений о семье, отразившуюся в литературном процессе, и в то же время выделить вечные, непреходящие ценности, осмысляемые писателями в рамках «тем семейной». Участники конференции говорили о богатстве поэтических приемов и форм изображения семьи в литературе. Типологически доклады выстраивались в разных логиках: одни были посвящены семейной проблематике в границах целого историко-литературного периода, другие сосредоточились на индивидуальных авторских концепциях, в третьих подробно анализировались отдельные произведения.

Докладчиками были рассмотрены аксиологические аспекты семейных отношений; сюжеты распада семьи и девиации внутрисемейных отношений в контексте разных исторических эпох; детст-

во/бездетность, наличие/отсутствие интенций к созданию семьи как сквозные темы в русской литературе; коллизии самоопределения персонажей в семейных отношениях; проблема сохранения/обретения родственных связей, особенно в условиях слома культурных эпох; взаимодействие семьи с государством, внешней социальной средой, социокультурные причины возникновения семейных проблем; поиск и воплощение «позитивной» модели семьи в литературе и др.

Значимость и актуальность заявленной проблематики подтверждается количеством поданных для участия в конференции заявок. Их поступило 125 более чем из 20 городов России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья. «География» конференции представлена городами от Ставрополя до Владивостока. Очное и заочное участие в ее работе приняли исследователи из Казахстана и Польши.

Заседания проходили в формате круглого стола, что позволило участникам обсуждать каждое выступление и обнаруживать, выходя за рамки «своего» периода в более широкий контекст, творческие связи, трансформации образов, мотивов, проблем, жанровых форм. Впервые в истории проведения конференции «Русская литература в современном культурном пространстве» была организована секция заочного участия, объединившая доклады тех, кто не смог присутствовать на заседаниях.

В первом пленарном выступлении на тему «Семья земная и «семья небесная» в русской агиографии (на примере житий святых женщин, «подвизавшихся в мужском образе»)» М. Н. Климова (Томск) обозначила стратегии преодоления конфликта религиозного и семейного долга в сюжетах агиографических текстов. Тему продолжила (уже в рамках работы секции «Аксиология семейных отношений в русской классической литературе XVIII–XIX вв.» – руководитель доцент А. Н. Кошечко) Е. К. Макаренко (Томск), подтвердив, что в русской агиографии феномен семьи занимает важное место, однако в аксиологической иерархии житийного дискурса супружество представлено не как самоценность, а как поприще, которое подчинено сотериологической цели – спасению человека.

Анализ гендерного дискурса в смеховой словесной культуре западноевропейского Средневековья представила кандидат исторических наук Т. И. Зайцева (Томск).

Русской литературе XIX в. были посвящены несколько докладов. В. В. Трубицына (Новокузнецк) исследовала аксиологический аспект трактовки семьи в народных и литературных песнях XIX в. А. В. Ляпина (Омск) проанализировала концепции «благочестивого семейства» и индивидуальных «родительских практик» в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». В докладе «Семейные ценности на Кавказе в изображении М. Ю. Лермонтова» И. Л. Багратион-Мухранели (Москва) рассмотрела отношения в традиционной семье, сложившиеся у народов Кавказа, как один из способов воспроизведения местного колорита, характерного для поэтики романтизма. О. В. Черкезова (Екатеринбург) дала анализ кинорецепции А. Смирновой романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». Т. С. Соколова (Санкт-Петербург) интерпретировала концепт «странное семейство» в повести Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова».

В пленарном докладе А. Н. Кошечко (Томск) обозначился оригинальный подход к изучению творчества Ф. М. Достоевского на основе анализа не только его художественного наследия, но и эго-текстов (в частности, в «Дневнике писателя»). Представленный материал позволил увидеть, что кризисное ощущение семьи в отечественной литературе XX–XXI вв. берет начало в классической словесной культуре. Тем не менее, как показала А. Н. Кошечко, основные писательские интенции Ф. М. Достоевского были направлены на преодоление кризиса, на созидание семьи посредством обращения к религиозным основам.

Отметим, что духовное понимание целей и смысла семейной жизни Ф. М. Достоевским, обнаруженное докладчиком, указывает на сближения (в аксиологическом плане) писательской концепции семьи с агиографической (религиозной) трактовкой.

Если классическая русская литература XIX в. выходит в общем к позитивным моделям семейных отношений, осуществимым при опоре на духовно-нравственные национальные и религиозные традиции, то литература рубежа XIX–XX вв. дает более пессимистический взгляд на проблемы семьи. Так, на роковую предопределенность распада семьи в «новой драме» обратила внимание О. К. Страшкова (Ставрополь): и в реалистической, и в модернистской драматургии Европы и России семейный очаг становится символом одиночества, душевного несовпадения. В частности, в поэтике пьесы С. Пшибышевского «Снег» воплощены мистические разрушительные силы, «втирающиеся» в семейный дом.

Работа секции «Концепции семьи в литературе серебряного века и русского зарубежья» (руководитель – профессор М. А. Хатямова) началась с доклада О. А. Ефремовой (Новосибирск) «Семья и топос в повести А. М. Ремизова “Крестовые сестры” (семантика и пространственные модели)». Л. Г. Тютелова (Самара) показала в сопоставительном анализе своеобразие сюжетных решений, образа дома, проблемы взаимоотношения «отцов и детей» в драматургии М. Горького и С. Найденова. А. Е. Параева (Томск), анализируя творчество А. Ахматовой, обнаружила трансформацию образа семьи от лирики 1910-х гг. к 1960-м, выделила архетипические образы и мотивы, связанные с проблемами супружеской неверности, личностного самоопределения в любовных и семейных отношениях. В докладе «Образ английской семьи в повести Е. Замятина “Островитяне”» Н. В. Аксенова (Томск) обозначила приемы пародии на викторианскую семью в повести Е. Замятина.

М. А. Хатямова (Томск) в пленарном докладе проследила эволюцию творчества Е. Замятина в аспекте темы семьи от ранних повестей к роману «Мы» и психоаналитическим произведениям конца 1920-х гг. («Ёла», «Наводнение»). А. С. Сваровская (Томск), также выступившая на пленарном заседании, в докладе «Мотивы семьи и рода в русской поэзии первой волны эмиграции» акцентировала актуальный для эмигрантов вопрос самоидентификации, связанный с проблемой родового и индивидуального сознания, коллизиями распада семьи, поколенческих взаимоотношений. Докладчица выделила комплекс мотивов и житнетворческих установок поэтов-эмигрантов, убедительно показала многогранность и глубину проблемы семьи в культуре русского зарубежья.

Специфику образов жены, любимой женщины в лирике поэта первой волны русской эмиграции Н. Оцупа анализировала Е. А. Сафонова (Томск). Ею были рассмотрены ранние стихотворения, написанные с 1918 по 1926 г. и входящие в первые сборники поэта «Град» и «В дыму». Д. И. Колотова (Новосибирск) обратила внимание на типологию женских образов в лирике Б. Поплавского, уточнила существующую классификацию, созданную Е. Менегальдо, выделив и охарактеризовав типы «утопленница» и «муза».

Н. В. Летаева (Одинцово) обратилась к анализу прозы младшего поколения писателей первой волны эмиграции (Ю. Фельзена, Е. Бакуниной, М. Агеева) и выявила авторские концепции семейно-родовых отношений, поставленные писателями проблемы аксиологии семейных связей и их сюжетные решения. С. К. Пестерев (Томск) исследовал сюжеты частной жизни исторических персонажей в малой прозе М. Алданова; Д. А. Павлова (Томск) рассмо-

трела проблему «отцов и детей» в малоизученном романе Н. Берберовой «Последние и первые».

Завершили работу секции два доклада по творчеству В. Набокова. А. А. Накарякова (Екатеринбург) в докладе «Семейное неблагополучие как тема творчества В. Набокова» назвала сюжет распада семьи одним из частотных и значимых в творчестве писателя. Дискуссионной показалась участникам конференции представленная интерпретация женских образов в романах писателя. Доклад Е. А. Полевой (Томск) «Образ отца в романах В. Набокова 1920–1930-х годов» подтвердил, что предметом рефлексии Набоков чаще всего делал проблемы непонимания, распада отношений, разрыва связей, в том числе поколенческих. Оба набоковеда отметили различия осмысления темы семьи писателем в романах об эмиграции и немецкой действительности.

Доклады участников продемонстрировали, с одной стороны, связь литературы зарубежья с культурой серебряного века, с другой – то, что оторванность от Родины, от сложившихся социальных отношений в эмиграции по-новому высветила и актуализировала проблемы разрыва с предками, родственниками и сохранения семьи, национально-родовых традиций, ценностей в чуждой социокультурной ситуации. Кроме того, литература русского зарубежья первой волны (младшее поколение эмигрантов) поставила проблемы утраты ценности семейной жизни и поиска альтернативы кровнородственной связи людей для передачи духовной эстафеты или хотя бы просто памяти о прошлом.

Секция «Авторские концепции семьи в русской литературе XX–XXI веков» (руководитель – профессор В. Е. Головчинер) работала на протяжении второго дня конференции. Прозвучавшие сообщения о советской и постсоветской литературе поразили прежде всего разнообразием материала, избранного для анализа, и ракурсов в осмыслении проблемы семьи. Доклады отразили разные периоды истории советской литературы (от 1920-х гг. до конца 1980-х). Это позволило увидеть сквозь призму авторских сознаний, воплощенных в произведениях, развитие в литературном процессе темы семейной, обусловленное изменениями в историко-культурной жизни страны.

Г. А. Островатикова (Томск) в сообщении «Старая и новая семья в “Республике ШКИД” Г. Белых и Л. Пантелеева» показала, как в поэтике произведения, написанного в становящейся советской действительности 1920-х гг., модифицируются традиционные для русской культуры образы семьи и дома.

В докладе «Три семьи в пьесе Л. Леонова “Нашествие”», прозвучавшем на пленарном заседании, В. Е. Головчинер (Томск) показала, как трансформированный, но отчетливо проявляющийся

мотив блудного сына позволяет обнаружить в пьесе 1941–1942 гг. (первая редакция) не только тему иноземного врага и всенародного отпора ему, но и сложный комплекс проблем народного сознания, искаженного в условиях сталинского режима до степени забвения вечных, утвердившихся с архаических времен ценностей, – проблем народа, доведенного до поисков врага в собственной семье.

О. Н. Русанова (Томск) обратилась к анализу ранее не исследованного произведения Е. Л. Шварца «Повесть о молодых супругах» (1955). В качестве основной сюжетной линии в пьесе представлена история молодых супругов, ставших центром притяжения остальных персонажей, советом и делом участвующих в их судьбе. По версии докладчицы, создание и сохранение семьи осмысливается драматургом как онтологическая проблема.

Интерес современных литературоведов к эго-текстам продемонстрировал доклад Д. В. Марьина (Барнаул) «“...Папа и вся сибирская семья” (концепция семьи в эпистолярной В. М. Шукшина)». На основе анализа писем писателя докладчик выделил две модели семьи (патриархальной и нуклеарной), нашедшие отражение в эпистолярной и художественном творчестве В. М. Шукшина.

О. В. Скорикова (Белгород) материалом исследования избрала творчество «последнего» «писателя-деревенщика» Б. Екимова 1970–2000-х гг. и определила, что семейное счастье в его прозе даровано только определенному типу персонажей – хозяину и обладателю «живой души»; в семьях «душ проходящих» наблюдается постоянный разлад, источником которого служат безответственность и эгоизм.

В докладе «Семья и государство в романе В. Н. Войновича “Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина”» В. В. Авдонин (Казахстан, Шымкент) подчеркнул, что институт новой советской семьи, как и другие государственные идеологемы, дается В. Войновичем в сатирическом изображении. Писатель, по версии исследователя, показал трансформацию семьи, изобразил драматические процессы ее разрушения.

Т. Л. Рыбальченко (Томск) рассмотрела эволюцию художественного осмысления центральной в прозе Ю. Трифонова семейной проблематики и вместе с тем отметила неизменный аспект авторского изображения семьи – экзистенциальный. Семья в прозе Ю. Трифонова, с одной стороны, пространство индивидуального существования; создание своей семьи – акт свободного выбора; с другой стороны, семейные отношения ограничивают свободу личности, влекут за собой вынужденное отчуждение индивида от своего я.

Сообщение А. С. Афанасьевой (Томск) «Коммунальная квартира как пространственный контину-

ум семьи» содержало анализ художественного пространства в произведениях русских писателей XX в., обращавшихся к изображению коммунального быта советской эпохи. Дискретное пространство коммуналки в романах и повестях Ю. Трифонова, В. Маканина, В. Пьецуха обнаруживает стремление к континуальности как целостности локальной, исторической, культурной.

К. В. Измestьева (Томск) выявила в пьесе Л. Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца» (1988) две стратегии существования семьи: сказочно-идеальную, опирающуюся на цементирующие семью традиционные ценности, и другую – с преобладанием разрушительных тенденций, определяемых эгоистической сосредоточенностью каждого члена семьи на себе и своих желаниях.

Доклады о русской литературе XXI в. позволили увидеть особенности осмысления современными писателями традиционных проблем семьи и введение в художественную словесную культуру новых аспектов изучаемой темы. И. В. Ащеулова (Кемерово) анализировала творчество В. Шарова, для которого проблема семейно-родовых связей – центральная, сквозная. В романе «След в след» писатель исследует механизмы движения и повторы истории, создавая хронику четырех поколений рода Крейцвальдов и вписывая его судьбу в течение русской истории XX в. В докладе «Тема семьи в современной женской прозе (на примере малой прозы Л. Улицкой)» В. А. Алексютина (Кемерово) говорила об авторском поиске нравственных идеалов в семейных отношениях. Ю. О. Чернявская (Томск) выступила с сообщением «Кризис “патриархальной” семьи в повести В. Пелевина “S.N.U.F.F.”»: автор-постмодернист только на первый взгляд противопоставляет два типа семьи: высокотехнологичную и патриархальную. Оба варианта семейных отношений обнаруживают глубинное сходство: отсутствие психологической и моральной поддержки, установку на материальные ценности, зависимость от государственной системы.

Драматургии XXI в. было посвящено несколько докладов. Т. А. Рытова (Томск) на примере анализа пьес К. Драгунской («Пить, пить, плакать») и Е. Исаевой («Первый мужчина»), написанных в начале 2000-х гг., выявила изменение семейных отношений и поэтики конфликта в сюжетах вербатим-драмы, обнаружила в содержании пьес трагедию разобщенности, абсурд, вызванный девиацией семейных отношений, в котором современный человек учится существовать. И. В. Дубровина (Ставрополь) в докладе «Спецификация камерной драмы Н. Коляды: ценностный аспект», признав сложную эстетическую природу драматургии писателя, выделила неосентименталистские тенденции в его творчестве, сказавшиеся и на трактовке проблемы се-

мьи. Н. А. Прохоренко (Томск) исследовала трансформацию шекспировских коллизий и концепции семьи в пьесе В. Коркия «Гамлет.ru».

В рамках работы конференции хотелось бы отметить два сообщения, выделяющиеся спецификой материала. Это, во-первых, доклад А. Н. Губайдуллиной (Томск) «Функции героев и семейные роли в книге С. Седова “Сказки про мам”», содержащий анализ современного произведения, адресованного детям. Второй доклад был сделан в русле литературного краеведения и посвящен творчеству нашего земляка, томича Б. Климычева. Примечательно то, что с докладом «Концепции семьи в авантюрно-историческом романе Б. Климычева “Маркиз де Томск”» выступил иностранный гость конференции А. Карпиньски (Лодзинский университет, Польша).

Конференция позволила выявить устойчивый интерес в аспекте семейной проблематики к творчеству Л. С. Петрушевской. Так, Н. В. Барковская (Екатеринбург) в исследовании «Судьба семьи и судьба нации в сборнике рассказов Л. С. Петрушевской “Детский праздник”» пришла к выводу: писательница показывает, что семейное неблагополучие свидетельствует о проблемах всего общества и обусловлено не только конкретно-историческими обстоятельствами или дефектами психики, но и порочными коммуникативными стратегиями, приводящими либо к подавлению личности ребенка, либо к воспитанию в нем эгоизма и инфантильности. Т. Н. Маркова (Челябинск) обратилась к анализу коммуникативных стратегий презентации семейной проблематики в докладе «Физиология и метафизика семейной жизни в рассказах Л. Петрушевской». Она показала, как работают в поэтике рассказов аллюзии, архаичные формы повествования, фразеологизмы, семантика имени и прочие приемы для воссоздания авторской концепции семьи.

На основе не раз полемично обсуждавшейся в Томске авторской «концепции методологии и методики комплексного изучения четырехуровневой системы содержания и формы художественного текста» А. Е. Кулумбетова (Казахстан, Шымкент) представила анализ пьесы Л. Петрушевской «Дом и дерево».

И. И. Плеханова (Иркутск) сосредоточила внимание на социальной прозе 2007 г. («Предполагаем жить» Б. Екимова, «Санья» З. Прилепина, «Блуда и МУДО» А. Иванова) и прозе Л. Петрушевской и выявила разнообразие авторских концепций и моделей семьи, в том числе социальных новообразований, создаваемых по типу семейной группы, обозначила фиксируемые в современной литературе трансформации традиционных семейных ролей, отношений, ценностей.

Ставропольский филолог И. Н. Иванова обратилась к творчеству А. Старобинец – писательницы,

работающей в жанре «хоррора» («ужастика»). По версии исследовательницы, А. Старобинец в специфической художественной форме раскрывает глубокие проблемы современного общества, связанные с отчуждением близких людей друг от друга, нарушением естественных семейных связей, и утверждает, идя от обратного, положительный образ семьи, основанной на любви, уважении и доверии.

А. С. Климутина (Томск) исследовала проблему «кризиса отцовства» в романе М. Шишкина «Письмовник»: в основе коллизий «отцы – дети» в произведении – ситуации отказа ребенка от родителя, открытие им неспособности отца быть авторитетом, наставником. И. В. Попадейкина (Польша, Вроцлав) представила интерпретацию проблемы эдипова комплекса в произведениях Д. Липскерова. Т. А. Дикун (Иркутск) обратила внимание на использование А. И. Слаповским в романе «Синдром Феникса» сказочного сюжета и сюжетных ходов голливудских мелодрам для утверждения положительного образа семьи. Писатель, считает докладчица, верит в духовное возрождение человека через обретение семейного счастья.

О своеобразии книги современной поэтессы В. Полозковой «Фотосинтез» шла речь в докладе Л. Д. Гутриной (Екатеринбург): в книге выражена идея ценности «своего круга», дружества, а семья и любовь воспринимаются как сферы, в которых невозможно достичь счастья, гармонии и ощущения полноты бытия.

З. Н. Поляк (Казахстан, Шымкент) исследовала жанр «родословной в семейных мифах» в документальной книге Е. Н. Черновой «Когда зацветает шиповник...», выделив и систематизировав в анализируемом произведении фольклорные и литературные жанры, обозначив их смысловые доминанты и функции в восстановлении родословной.

И. Б. Аванесян (Ставрополь) на примере повести А. Варламова «Рождение», причисляемой к «духовному реализму», говорила об особенностях воплощения христианского (православного) идеала семьи в современной русской литературе.

Доклады о творчестве писателей XX в. позволили увидеть, что, с одной стороны, советская действительность актуализировала проблему «государство и частная, в том числе семейная, жизнь»: психология семейных отношений искажается под влиянием государственной идеологии. Вместе с тем в советской литературе понятие семейности расширяется: по типу семьи пытаются обустроить свое существование другие социальные группы, а семья оказывается более разомкнутой, готовой принять в свои члены идеологически или духовно близкого; кровное же родство может восприни-

маться как менее ценное. Характерно, что подобные аспекты осмысления семьи отмечали участники конференции, исследовавшие произведения литературы второй половины XX и начала XXI в. (В. Войновича, Л. Петрушевской, З. Прилепина, А. Иванова и др.). Это позволяет утверждать, что отношения семьи с государством и попытки выстроить социальные связи по типу семейных – сквозные темы в русской литературе.

Судя по представленным докладом, начиная с эпохи оттепели в литературе актуализируется экзистенциальный аспект существования человека в семейных отношениях.

Современная русская литература изображает персональные стремления персонажей обрести свое место в родовой цепи, приобщиться к национально-культурным и семейным традициям вопреки исторически и культурно обусловленным процессам распада родовых связей, нарушения этики внутрисемейных отношений, трансформации традиционных моделей семьи, искажения семейных отношений, ролей, функций. Несмотря на то что в отечественной литературе XXI в. преобладает пессимистический взгляд на семью, она не лишена интенций к поиску позитивных сюжетов, образов, моделей семьи.

Подводя итоги, необходимо отметить, что данная конференция имела большое значение для развития научных направлений кафедры литературы ТГПУ и доказала актуальность изучения таких аспектов современного литературоведения, как русско-европейские культурные связи и проблемы национального менталитета в русской литературе, трансформация и функционирование культурных моделей в литературе, поэтика литературы серебряного века и русского зарубежья, нравственный и религиозно-философский потенциал русской литературы, формы выражения авторского сознания в художественных и эготекстах.

Научное значение конференции связано с уточнением основных тенденций в осмыслении проблемы семьи русской литературой, с углублением представлений об авторских концепциях семьи, воплощенных в художественном произведении. В силу того что большая часть докладов была посвящена анализу заявленной темы в произведениях XX–XXI вв., результаты работы конференции вносят весомый вклад в изучение современной русской литературы, ее художественных особенностей и направлений развития.

Организаторы и гости выразили взаимную благодарность, признали работу конференции плодотворной; результаты научных изысканий участников опубликованы в тематическом сборнике научных статей и в выпуске «Вестника ТГПУ».

Е. А. Полева, О. Н. Русанова

Полева Е. А., кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: polevaea@sibmail.com

Русанова О. Н., кандидат филологических наук, доцент кафедры.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: oksanikol@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 20.12.2013.

**THE CONCEPT OF FAMILY IN THE PARADIGM OF ARTISTIC CONSCIOUSNESS AND THE AUTHOR'S MODEL:
RESULTS OF THE 6TH NATIONAL WITH INTERNATIONAL PARTICIPANTS CONFERENCE
«RUSSIAN LITERATURE IN THE CONTEMPORARY CULTURAL CONTEXT»
(TSPU, 13–14TH SEPTEMBER 2012)**

Poleva Y. A.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: polevaea@sibmail.com

Rusanova O. N.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

National Research Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: oksanikol@yandex.ru

ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «IV ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

8–9 ноября 2012 г. на историко-филологическом факультете прошла Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «IV Исторические чтения Томского государственного педагогического университета». В ней приняли участие ученые из Германии (г. Тюбинген), Украины (г. Харьков), России.

Российские ученые на данном научном форуме были представлены как сотрудниками академических институтов: Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (г. Владивосток), Института экологии человека СО РАН (г. Кемерово), Института проблем освоения Севера СО РАН (г. Тюмень), Института развития образовательных систем Российской академии образования, так и университетов: Кемеровского государственного университета, Государственного академического университета гуманитарных наук (г. Москва), Музея Московского Кремля, Тюменского государственного университета, Национального исследовательского Томского государственного университета, Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета, Томского государственного педагогического университета, Национального исследовательского Томского политехнического университета, Уральского государственного педагогического университета, Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск), Томского сельскохозяйственного института (филиал Новосибирского государственного аграрного университета). Отрадно, что на конференции с докладами выступили учителя школ г. Томска. Кроме того, в работе конференции участвовали сотрудники Департамента по культуре Томской области, Центра по охране памятников.

Кроме того, в конференции принимали участие аспиранты, магистранты (выступления с докладами) и студенты всех курсов.

На пленарном заседании было заслушано четыре доклада. Доклад д. ф. н. профессора кафедры истории России Н. И. Сазоновой «Раскол Русской православной церкви в XVII в. и проблема изменений литургического текста» привлек внимание аудитории к слабо изученному историческому источнику – богослужебному тексту. Автор доклада на примере анализа литургической реформы патриарха Никона показала актуальность и высокий потенциал литургического текста как исторического источника. В ходе обсуждения доклада был поднят ряд дискуссионных вопросов истории литургиче-

ской реформы патриарха Никона (1654–1666 гг.) и возникновения старообрядчества.

И. Ю. Николаева в докладе «Литература как исторический источник» рассмотрела методологические проблемы использования литературных текстов в историческом исследовании.

В докладе О. Н. Мухина «К вопросу о неорганической модернизации: специфика перехода в западных обществах» отражено авторское понимание типологии модернизационных процессов на разных исторических этапах в регионах мира.

А. М. Малолетко в докладе «Структура иранского населения Южной Сибири (по данным топонимики)» обратил внимание слушателей на возможное пребывание иранского населения в разные эпохи, начиная с эпохи бронзы, на разной территории степного пояса Евразии.

На секцию «Археология и этнология» было заявлено 34 доклада, часть докладчиков принимали участие заочно в виде присланных статей. Заслушано и обсуждено 20 докладов.

Работу секции открыл доклад И. В. Рудковского «Принцип каталогизации андроновских орнаментов». Составленный им каталог является результатом многолетних работ. Издание этого труда в виде монографии актуально и необходимо для исследовательской работы всех ученых, занимающихся эпохой бронзы Урала, Казахстана и Сибири. В докладе О. В. Дьяковой «Периодизация курганов Приморья» впервые разработана периодизация курганов, дана привязка к определенным культурам и все данные о курганах (такой вид захоронений не характерен для Приморья) сведены воедино.

Доклад М. П. Черной «К дискурсу о первоначальном местонахождении русского города Томска» является продолжением дискуссии после защиты докторской диссертации и публикации монографии «Томский кремль середины XVII в.». М. П. Черная, проводившая раскопки Томского города в течение 25 лет и исследовавшая этот материал, пришла к заключению, что первоначально Томск был построен в другом месте. Автор в докладе еще раз привела аргументы в пользу своей точки зрения. Но пока не будут проведены исследования на северном мысе Воскресенской горы, где предположительно, по версии М. П. Черной, был расположен г. Томск, построенный в 1604 г., сомнения у некоторой части историков будут оставаться.

Большой интерес вызвал доклад культуролога О. Н. Куслий «О религиозных верованиях саков в контексте индоиранской мифологической традиции». Реконструкция мировоззрения древних об-

ществ, в частности эпохи раннего железа, дело очень сложное. Автором рассмотрены письменные источники, проведено сопоставление с материалами саков. Мироззрение саков является частью мироззрения всего скифо-сибирского мира. Приведенные тексты в докладе О. Н. Куслий дают возможность обратиться к археологическим материалам скифо-сакского мира и найти объяснение этому материалу. Автором высказана гипотеза о зарождении буддизма в сакской среде.

Интересен доклад Л. В. Панкратовой «Обезглавленные боги (по материалам кулайской металлопластики)», в котором были рассмотрены бронзовые антропоморфные изображения кулайской культуры, не имеющие голов, и предложены версии объяснения этого феномена.

Доклад С. И. Рудковского «Региональные особенности атлымской керамики (к вопросу о миграциях в период поздней бронзы на севере Западной Сибири)» вызвал интерес у слушателей точкой зрения автора о влиянии или переселении населения алтымской культуры на формирование последующих культур.

Генетические исследования сибирских народов привлекают все большее внимание археологов, этнографов, лингвистов, историков. Такие исследования с применением генетических методов ведет в г. Томске В. Г. Волков. В докладе им было рассмотрено наличие кыпчакского компонента у разных тюркских народов на основе данных генетических исследований.

Два доклада: «Городки чатских татар XVII века: проблемы локализации» (Е. В. Барсуков) и «К проблеме изучения археологических памятников Притомья II половины II тысячелетия» (Н. В. Торощина) – основаны на применении междисциплинарных методов исследований (геофизических, ландшафтной географии, исторических источников, картографирования и др.), являются результатом многолетней работы авторов и вызвали большой интерес у слушателей.

Доклад Д. Ю. Рыбакова «Керамический комплекс городища Тимирязево III» показал результат обработки наиболее массового материала – керамики, на основе которой была определена хронология памятника и выделены культурные особенности.

Заседание этнологов началось с серии докладов по селькупологии, первым из которых был доклад «История селькупской семьи Сычиных» аспирантки кафедры археологии и этнологии ТГПУ Н. В. Пушкаревой. В данном выступлении автор доложила о своих архивных поисках исторических упоминаний и материалов к родословной семьи Сычиных, от представителей которой были записаны самые объемные языковые данные по шешкупскому диалекту селькупского языка, и продемон-

стрировала результаты своих усилий по составлению линий родословных для различных ветвей этой фамилии, потомки которой до настоящего времени проживают в Колпашевском районе Томской области.

Далее селькуповедческая тематика была продолжена докладом магистрантки кафедры археологии и этнологии ТГПУ Я. Е. Трубниковой – «Корпус фольклорных текстов, выявленных у шешкупов р. Оби, и его предварительная жанровая классификация». В своем докладе автор обобщила все собранные ею данные относительно опубликованных и неопубликованных текстов шешкупского фольклора, а также привела классификацию выявленных текстов в соответствии с их жанровой принадлежностью.

Фамильному составу селькупов в прошлом и настоящем был посвящен доклад к. и. н. С. М. Малиновской «Исторические контакты нарымских селькупов по данным фонда фамилий». Особая ценность данного выступления состояла в представлении докладчиком сведений относительно имен и прозвищ коренного населения среднего Приобья в первой половине XVII в., полученных исследователем во время сбора материала в московских архивах.

Доклад М. В. Филимонова «Лексика енисейского происхождения в селькупских материалах Г. И. Пелих» был посвящен анализу лексики, представленной в публикациях исследователя-селькуповеда Г. И. Пелих. Автор доклада выявил в составе языкового материала, собранного Г. И. Пелих, наличие лексем, соотносимых с различными языками енисейской группы.

В докладе А. Малони «Ученик – учитель» по собственному материалу автора во время проживания в Канаде и привлеченным материалам других исследователей убедительно показан основной постулат в обучении детей, а именно: необучаемых детей нет. В зависимости от способностей детей в их обучении применяются разные методики и подходы, и не только учитель учит детей, но ученик в чем-то обучает учителя.

В рамках секции «Археология и этнология» было проведено заседание студенческого семинара «Мироззрение древних и традиционных обществ (Мифология. Религия. Фольклор.)», ставшего уже традиционным для историко-филологического факультета ТГПУ с 2004 г.

Работу семинара своими выступлениями открыли студенты ИМОЯК ТПУ До Тхи Хань с сообщением «Символы Ханоя: священная черепаха и озеро возвращенного меча» и Доан Тхи Кам Чьеу «Вьетнамцы – дети дракона, внуки богов». Научный руководитель выступавших – к. и. н. Е. Ю. Коселева.

Тему специфики религиозного мировоззрения и этнической идентичности представителей народов Юго-Восточной Азии продолжил доклад аспиранта кафедры истории России К. К. Клипка «К вопросу о религии китайцев Томской губернии».

Доклад аспирантки А. Б. Тадыровой «Освящение сакрального места в современной культуре теленгитов» был посвящен религиозным церемониям, проводимым на Алтае в наши дни. Автор доложила о молениях и ритуальных действиях по возвращению статуса сакрального места для плато Укок, оскверненного (по мнению местных жителей) раскопками многочисленных археологических экспедиций.

Студентка IV курса ИФФ А. А. Кожина выступила с докладом «Локализация антропоморфных идолов в пределах культовых мест хантов». Автор выявила на хантыйском материале общие черты в локализации таких культовых предметов, как антропоморфные фигуры, и провела их первичную классификацию.

Доклад студентки V курса ИФФ С. С. Сандык «Традиции чаепития у тувинцев» был посвящен весьма важному аспекту традиционной тувинской культуры – ритуальному чаепитию. На собранном по литературе и в ходе полевых сборов материале автором доклада были представлены характерные черты чаепития, бытовавшего в обрядовой практике тувинцев, рассмотрены основные рецепты и способы приготовления чая, а также сделан вывод о сохранности основных черт традиционного ритуального чаепития в современной культуре тувинцев.

На секцию «Всеобщая история и историография» было подано 26 заявок, реальное участие в работе секции с учетом заочных участников принял 21 исследователь. Непосредственное участие в работе секции приняли 14 человек.

Хронология докладов, заслушанных на секции, охватывает историю античности, западноевропейского и восточного Средневековья, историю Европы и Востока в Новое время, новейшую историю зарубежных стран. Научная тематика была представлена историографией всеобщей истории, периодизацией мировой истории; гендерной историей, историей семьи, властными отношениями, историей религиозных воззрений, социальной историей; методикой преподавания новейшей истории Востока.

В докладе Н. М. Морозова «Идея манихейской цивилизации в современной отечественной историографии» была дана оценка разработанной российскими философами бинарной концепции социокультурной специфики российской цивилизации.

О. А. Серкова в сообщении на тему «Формирование образа средневекового правителя в эпоху пе-

рехода от архаического общества к классическому в сравнительно-историческом формате» дала сравнительный анализ властно-политических институтов в германском и японском обществах классического Средневековья в контексте сопоставления западной и восточной цивилизаций.

В выступлении А. С. Котова на тему «Культы патронесс XIV–XV вв. как маркер трансформации психосоциальной идентичности» была представлена эволюция религиозности братии Тевтонского ордена в условиях кризиса времени позднего Средневековья в ее гендерном измерении.

К. Г. Тебенев в сообщении «Современные методологические ресурсы анализа гендерного дискурса на примере творчества Дж. Чосера», используя инструментарий томской методологической школы, проанализировал специфику отношения к женщине, характерную для английского городского общества позднего Средневековья.

В докладе Т. И. Зайцевой «Правящая элита Франции и Германии в начале раннего Нового времени: сравнительный аспект» была дана характеристика правящей элиты как особой социальной группы, а также показана специфика средневековой высшей знати и ее эволюция в первые десятилетия XVI в.

А. В. Соболевский в докладе «Брак и семья в русской и итальянской публицистике XV – первой половины XVI в.: традиции и новации» рассмотрел традиции и новации в восприятии брака и семьи на материалах русской и итальянской публицистики XV – первой половины XVI в.

В докладе Н. В. Карначук «Нормы “добродетельной жизни” в английском общественном сознании конца XVI – начала XVII в. и социально-психологический кризис» был представлен анализ массовых фольклорных источников с точки зрения выявления изменений в ценностных установках переходной эпохи.

С. А. Васютин в докладе «Социальные трансформации в урбанистической среде Запада в XVII в.» на основании анализа исторических источников, а также современных российских и западных историко-теоретических исследований выделил циклические закономерности существования кочевых государств и их зависимость от взаимоотношений с Китайской империей.

О. В. Ким в докладе «Периодизация всемирной истории в XVI–XIX вв. Эволюция дискурсов от Макиавелли до Маркса»: представил варианты периодизации всемирной истории, разработанные авторами XVI–XIX вв., проанализировав дискурсы эпохи Возрождения, Просвещения, романтизма и пр.

В докладе И. Е. Рудковской «Диалоги с читателями в англо-шотландской историографической традиции позднего Просвещения» были охарактер-

ризованы особенности научных текстов, принадлежащих перу историков XVIII в., как опыт профессиональной коммуникации исследователя с потенциальной аудиторией.

В сообщении Р. С. Селезнева на тему «“Что ты! Мы же девки” – положение сербской женщины в условиях вестернизации (вторая половина XIX в.)» в рамках традиций «женских исследований» на восточноевропейском материале было рассмотрено положение женщины в родительской семье и браке и институт посестринства (побратимства).

С. А. Алтухова в докладе «Современные иммиграционные процессы в Западной Европе в контексте глобализационного подхода в отечественной историографии» выделила существующие в современной российской науке подходы к изучению взаимосвязи массовых переселений в Европу и феномена глобализации.

Г. Вурцер в докладе «Российский ориентализм? Образ Афганистана и моджахедов в современных российских романах об афганистанской войне» реконструировал образ Афганистана и моджахедов в современных российских романах об афганской войне 1979–1985 г., их идеологические истоки и социальную природу.

В выступлении Т. А. Гончаровой на тему «Модернизация на Востоке: социокультурный аспект (к вопросу о содержании курса)» была представлена общая концепция указанной учебной дисциплины, а также инновационные формы и методы работы с обучающимися в рамках практических занятий.

Вне программы конференции на секции «Всеобщая история и историография» выступил с докладом на тему «Моральная деградация империи глазами Тацита: к вопросу о гражданской идентичности римского историка» студент 2-го курса ИФФ ТГПУ В. В. Гурин (научный руководитель – д. и. н. профессор кафедры всеобщей истории И. Ю. Николаева).

Заочное участие в конференции приняли пять человек (не выступавших с докладами, но сдавших в печать статьи): С. А. Кариков, Е. В. Когут, Н. Д. Фирер, Н. В. Трубникова, Д. Р. Садикова.

В материалах, представленных к печати заочными участниками конференции, освещена следующая проблематика. С. А. Кариков в своей статье обратился к политике лютеранской конфессионализации в Саксонии во второй половине XVI в. В статье Е. В. Когут рассмотрены социальные и семейные роли женщины в палеологовской Византии. Н. Д. Фирер остановилась на истории развития гендерных исследований в России. Работа Н. В. Трубниковой посвящена социальной истории интеллектуалов и «ремеслу» историка в так называемую эпоху риска идентичности. Д. Р. Садикова выделила поднимаемые в современной отечествен-

ной историографии ключевые проблемы, связанные с рецепцией идей французского Просвещения в России.

Секция «История России» IV Исторических чтений включала 11 докладов, тематика которых охватывала широкий круг вопросов отечественной истории. Участниками секции стали как студенты, аспиранты, сотрудники ТГПУ, учителя томских школ, так и ученые из других городов. Впервые в практике в них приняли участие и два преподавателя Томской духовной семинарии – священники Евгений Маслич и Вадим Эмирханов (аспирант ИФФ ТГПУ). Разнообразием отличался не только состав участников, но и тематика докладов на секции: дискуссионные вопросы истории России, истории музейного дела в России, вопросы роли и места краеведческих дисциплин в образовательном процессе.

Ряд докладов были посвящены истории духовной жизни России, изучение которой становится актуальным в последние десятилетия в связи с общим ростом интереса к духовной культуре. Так, доклад Т. Ю. Фоминой поставил проблему анализа епископской власти в домонгольской Руси. Живой интерес участников секции вызвал доклад Вадима Эмирханова, посвященный так называемой справе богослужебных текстов Русской православной церкви, которая осуществлялась в первой половине XVII в. Актуальность темы доклада определяется слабой изученностью данной темы, а также тем, что именно справа богослужебных текстов в первой половине XVII в. подготовила почву для самой масштабной в истории РПЦ литургической реформы патриарха Никона. История Алтайской духовной миссии и ее проекты в области образования были рассмотрены в выступлении Евгения Маслича, посвященном становлению Бийского катехизаторского училища.

Не были обойдены вниманием участников секции и вопросы краеведения, тесно связанные с культурно-образовательным потенциалом этой отрасли знания. Один из аспектов истории китайской диаспоры в Томской губернии второй половины XIX в. – деятельность на территории губернии китайских разведывательных служб – проанализирован в докладе К. К. Клипки. Опора на неопубликованные источники, большой фактический материал сделали доклад одним из наиболее интересных на секции. Становлению музейного дела в России было посвящено выступление Е. А. Нестерова, в котором рассмотрено формирование археологических коллекций в музеях России в XIX – начале XX в., его особенности и специфика. Заинтересовал аудиторию и культурно-образовательный потенциал археологических коллекций, поскольку именно в рассмотренный автором период идет ин-

тенсивное формирование музеев не только как научных, но и как образовательных центров. Тематически связан с докладом Е. А. Нестерова оказалось выступление учителя Е. А. Качусовой, рассмотревшей современные проблемы преподавания краеведения в школе на примере использования на уроках такого источника, как известия западно-европейских путешественников о г. Томске XVIII в.

Завершили работу секции два доклада, посвященные истории России XX в. В. В. Носырев проанализировал пути формирования профессиональной идентичности советского маршала К. К. Рокоссовского с опорой на достижения молодой научной дисциплины – исторической психологии. Нетрадиционность продемонстрированного автором методологического подхода вызвала интерес аудитории и большое количество вопросов. Последний в работе секции доклад явился дебютным выступлением студента 3-го курса ИФФ Д. Попцова. На основе анализа российской прессы в докладе был рассмотрен образ первого президента России Б. Н. Ельцина в общественном сознании (научный руководитель – д. и. н. профессор кафедры всеобщей истории И. Ю. Николаева).

В конце работы конференции были подведены итоги и высказаны рекомендации. Участники отметили высокий научный уровень докладов, плодотворное их обсуждение, а также высокий уровень организации самой конференции.

В каждой секции участники обсудили актуальные проблемы исторической науки, в том числе археологии и этнологии, высказали свое видение ряда проблем, был определен комплекс вопросов, совместное обсуждение которых хотелось бы провести на следующей конференции.

Рекомендации от секции «Всеобщая история и историография»: было предложено организовать отдельную межкафедральную секцию под названием «Школа молодого ученого», в работе которой смогут принять участие студенты ТГПУ и других

вузов. Доклады таких студентов должны допускаться решением соответствующих кафедр, а публикации войдут либо в сборник ежегодно проходящей в ТГПУ конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование», либо при условии соавторства с научными руководителями отдельным разделом в сборник материалов «Чтений». Гости конференции, участвовавшие в работе секции, подчеркнули научную значимость проводимых Исторических чтений ТГПУ, а также необходимость и желательность продолжения сложившейся традиции данной формы сотрудничества.

На секции «Археология и этнология» после информации Е. В. Решетникова «Об итогах раскопок на территории Алексеевского монастыря в 2012 г.» было высказано несколько претензий к Центру по охране памятников:

1. Алексеевский монастырь является памятником вместе со всеми объектами на его территории, в том числе кладбищем прихожан и священнослужителей. Современного строительства на месте кладбища в пределах территории Алексеевского монастыря не должно быть, и Центр по охране памятников не должен был разрешать это строительство.

2. Кладбище позднее – XIX в. – с хорошей сохранностью захоронений, и их вскрытие небезопасно для здоровья участников раскопок. Необходимы средства защиты, чего заказчиком представлено не было.

3. Участие студентов, делающих первые шаги в археологии, в таких раскопках неуместно. В дальнейшем необходимо обращать особое внимание на решение этой проблемы.

Материалы конференции публикуются в двух изданиях: в «Вестнике ТГПУ» (№ 1 за 2013 г.) и в сборнике «IV Исторические чтения Томского государственного педагогического университета».

*Г. В. Грошева, Т. И. Зайцева, Л. М. Плетнёва,
Н. И. Сазонова, Н. А. Тучкова*

Грошева Г. В., кандидат исторических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: groshevagv@tspu.edu.ru

Зайцева Т. И., кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: kvi_TSPU@mail.ru

Плетнёва Л. М., доктор исторических наук.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: Tspu_kae@mail.ru

Сазонова Н. И., доктор философских наук, профессор.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

Тучкова Н. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: natatutschkova@yandex.ru, tuchka_ru@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 20.12.2013.

**RESULTS OF THE NATIONAL AND PRACTICAL WITH INTERNATIONAL PARTICIPANTS CONFERENCE
“FOURTH HISTOTY READINGS OF TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY”**

Grosheva G. V.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: groshevagv@tspu.edu.ru

Zaytseva T. I.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: kvi_TSPU@mail.ru

Pletneva L. M.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: Tspu_kae@mail.ru

Sazonova N. I.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

Tuchkova N. A.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: natatutschkova@yandex.ru, tuchka_ru@rambler.ru

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

СЛОВО ПРОЩАНИЯ ЕЛЕНЕ КОНСТАНТИНОВНЕ РОМОДАНОВСКОЙ

15 января после тяжелой и продолжительной болезни ушла из жизни Елена Константиновна Ромодановская (1937–2013) – видный российский филолог, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, директор Института филологии СО РАН.

Выпускница Ленинградского университета, защитившая кандидатскую и докторскую диссертации в знаменитом секторе (отделе) древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом), она привнесла традиции ленинградской филологической школы в молодую гуманитарную науку только что созданного новосибирского Академгородка. В системе СО РАН она проработала полвека, пройдя все ступени служебной лестницы от лаборанта до директора института. Елена Константиновна была выдающимся славистом-медиевистом, знатоком русской словесности «бунташного» XVII в., специалистом по истории и теории древнерусской литературы и исторической поэтике, текстологом, археографом и источниковедом. Объектами ее исследования были начальный этап русской литературы в Сибири, сибирские летописание и агиография, жанровая система русской литературы переходного периода и древний жанр притчи, формирование и становление отечественной беллетристики, отношения литературы и документа. Масштабность ее мышления как ученого всегда определяло умение разглядеть в частной проблеме общерусскую и мировую проблематику, в каждом явлении литературы – его исторический контекст. Фундаментальный труд Е. К. Ромодановской «Римские деяния на Руси (вопросы текстологии и русификации)» (М., 2009) был отмечен премией имени Д. С. Лихачева.

Свой давний интерес к вечным сюжетам и мотивам мировой литературы Елена Константиновна реализовала в беспрецедентном проекте по созданию словаря-указателя сюжетов и мотивов русской литературы (в настоящее время вышло три выпуска). Проводимые под ее руководством с 1993 г. на базе Института филологии конференции по сюжетам и мотивам русской литературы и проблемам нарратологии стали мощным фактором в консолидации сил ученых, занимающихся разными периодами истории литературы. Совместная работа реализовалась в объединении филологов ряда крупнейших университетов Сибири вокруг «Сибирского филологического журнала».

Давние связи сложились у Е. К. Ромодановской с Томском. Еще до аспирантуры полтора года проработала она библиотекарем в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Томского государственного университета. Сюда приезжала уже зрелым ученым для участия в томских научных конференциях. Важную роль в создании и издании «Сибирского филологического журнала» сыграли встречи Е. К. Ромодановской с заинтересованными в нем томскими учеными и ректорами Томского государственного педагогического университета В. В. Обуховым и Томского государственного университета Г. В. Майером.

Не только глубокие знания, смелость мысли, научная добросовестность, мудрость организатора отличали Елену Константиновну. Это был человек со светлой и щедрой душой, глубоко порядочный и исполненный личного мужества, Интеллигент с большой буквы.

К общему хору соболезнований в скорбные дни присоединились и голоса томских ученых.

М. Н. Климова, В. Е. Головчинер

НАШИ АВТОРЫ

- Аблогина Е. В. – кандидат филологических наук, ассистент
Национальный исследовательский Томский государственный университет
Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050
E-mail: e.ablogina@gmail.com
- Аксёнова Н. В. – аспирант
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050
E-mail: polozova15@rambler.ru
- Алиева А. Т. – кандидат педагогических наук
Бакинский институт повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров
Ул. Мир Джалал, 11, Баку, Азербайджан, AZ-1134
E-mail: a_t_aliyeva@mail.ru
- Артемченко Н. А. – кандидат педагогических наук, доцент
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: pestnya@yandex.ru
- Ащеулова И. В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры
Кемеровский государственный университет
Ул. Красная, 6, Кемерово, Россия, 650043
E-mail: asheulova@mail.ru
- Бабенко И. И. – кандидат филологических наук, доцент
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
- Волжанина Е. А. – кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник
Институт проблем освоения Севера СО РАН
Ул. Мальгина, 86, а/я 2774, Тюмень, Россия, 625003
E-mail: nyabako@mail.ru
- Гайворонская А. В. – аспирант
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: andra@sibmail.com
- Галкина Т. В. – кандидат исторических наук, доцент, декан
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
- Головчинер В. Е. – доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
- Гончаренко В. Н. – кандидат филологических наук
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: markon73@rambler.ru
- Грошева Г. В. – кандидат исторических наук, доцент
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: groshevagv@tspu.edu.ru

- Губайдуллина А. Н. – доцент кафедры
Национальный исследовательский Томский государственный университет
Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050
- Джола Е. Д. – ст. преподаватель
Дальневосточный федеральный университет
Ул. Алеутская, 65 а, Владивосток, Россия, 690090
E-mail: dzhola@mail.ru
- Дубина Л. В. – кандидат филологических наук
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: dubina.ludmila@yandex.ru
- Зайцева Т. И. – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: kvi_TSPU@mail.ru
- Капустина Е. А. – кандидат филологических наук, доцент
Алтайская государственная педагогическая академия
Ул. Молодежная, 55, Барнаул, Россия, 656031
E-mail: evkapustina@yandex.ru
- Кариков С. А. – кандидат исторических наук, доцент кафедры, доцент
Национальный университет гражданской защиты Украины
Ул. Чернышевская, 94, Харьков, Украина, 61099
E-mail: karsan2002@mail.ru
- Карпущина Т. П. – доктор филологических наук, профессор кафедры
Дальневосточный государственный гуманитарный университет
Ул. Карла Маркса, 68, Хабаровск, Россия, 680000
E-mail: artemij1@rambler.ru
- Кашафутдинова З. М. – преподаватель, аспирант
Пермский государственный национальный исследовательский университет
Ул. Букирева, 15, Пермь, Россия, 614068
E-mail: kashafutdinova_z@mail.ru
- Климова М. Н. – кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник научной библиотеки
Национальный исследовательский Томский государственный университет
Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050
E-mail: klimova@lib.tsu.ru
- Ковалевская Е. Н. – кандидат педагогических наук, доцент
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
- Лисовская Г. К. – научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, ГСП-2, Россия, 167982
E-mail: olgazijav@mail.ru
- Макогон Т. И. – кандидат философских наук, докторант
Национальный исследовательский Томский государственный университет
Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050
E-mail: makogon@admin.tomsk.ru
- Морозов Н. М. – кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт экологии человека СО РАН
Пр. Ленинградский, 10, Кемерово, Россия, 650065
E-mail: oven.777@mail.ru

- Мухин О. Н. – кандидат исторических наук, доцент
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: himan1@rambler.ru
- Никитина Д. Н. – магистрант
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: niki_dasha_11@sibmail.com
- Орлова О. В. – кандидат филологических наук, доцент
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: orlova13@sibmail.com
- Павлова Д. А. – аспирант
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050
E-mail: tri@tpu.ru
- Пестерев С. К. – аспирант
Национальный исследовательский Томский государственный университет
Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 643050
E-mail angmar@sibmail.com
- Плетнёва Л. М. – доктор исторических наук
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: Tspu_kae@mail.ru
- Полева Е. А. – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: polevaea@sibmail.com
- Разумова Н. Е. – доктор филологических наук, профессор
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: razum@list.ru
- Русанова О. Н. – кандидат филологических наук, доцент кафедры
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050
E-mail: oksanikol@yandex.ru
- Рытова Т. А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры
Национальный исследовательский Томский государственный университет
Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 643050
E-mail: rytova1967@mail.ru
- Сазонова Н. И. – доктор философских наук, профессор
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
- Санникова И. Р. – аспирант
Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет
Ул. Кирова, 17/2, Комсомольск-на-Амуре, Хабаровский край, Россия, 681000
E-mail: euphoria1982@mail.ru

- Сарсенова И. Ж. – аспирант
Астраханский государственный университет
Ул. Татищева, 20 а, Астрахань, Россия, 414056
E-mail: 79_inna@mail.ru
- Сафонова Е. А. – аспирант
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: Safonova_k@mail.ru
- Трубицына В. В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры, докторант
Кузбасская государственная педагогическая академия
Пр. Пионерский, 13, Новокузнецк, Кемеровская область, Россия, 654027
E-mail: vik-tru@yandex.ru
- Тучкова Н. А. – кандидат исторических наук, доцент кафедры
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: natatutschkova@yandex.ru, tuchka_ru@rambler.ru
- Тютелова Л. Г. – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры
Самарский государственный университет
Ул. Академика Павлова, 1, Самара, Россия, 443011
E-mail: largenn@mail.ru
- Фефелова О. А. – кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: feofil@sibmail.com
- Фомина Т. Ю. – кандидат исторических наук, доцент кафедры
Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов
Ул. Низаметдинова, 28, Набережные Челны, Россия, 423812
E-mail: stal73@yandex.ru
- Чернявская Ю. О. – кандидат филологических наук, доцент
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: ucher@sibmail.ru

OUR AUTHORS

- Ablogina E. V. – National Research Tomsk State University
Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050
E-mail: e.ablogina@gmail.com
- Aksenova N. V. – National Research Tomsk Polytechnic University
Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050
E-mail: polozova15@rambler.ru
- Aliyeva A. T. – Baku Institute of Teachers' Professional Development
Ul. Mir Jalal, 11, Baku, Azerbaijan, AZ-1134
E-mail: a_t_aliyeva@mail.ru
- Artemenko N. A. – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: pestnya@yandex.ru
- Asheulova I. V. – Kemerovo State University
Ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, Russia, 650043
E-mail: asheulova@mail.ru
- Babenko I. I. – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
- Dubina L. V. – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: dubina.ludmila@yandex.ru
- Dzhola E. D. – Far East Federal University
Ul. Aleutskaya, 65 a, Vladivostok, Russia, 690090
E-mail: dzhola@mail.ru
- Fefelova O. A. – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: feofil@sibmail.com
- Fomina T. Y. – Naberezhnye Chelny Institute of Social and Educational Technology and Resources
Ul. Nizametdinova, 28, Naberezhnye Chelny, Russia, 423812
E-mail: stal73@yandex.ru
- Galkina T. V. – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
- Gayvoronskaya A. V. – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: andra@sibmail.com
- Golovchiner V. E. – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
- Goncharenko V. N. – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: markgon73@rambler.ru
- Grosheva G. V. – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: groshevagv@tspu.edu.ru

- Gubaidullina A. N. – National Research Tomsk State University
Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050
- Kapustina E. V. – Altai State Pedagogical Academy
Ul. Molodezhnaya, 55, Barnaul, Russia, 656038
E-mail: evkapustina@yandex.ru
- Karikov S. A. – National University of Civil Defence of Ukraine
Ul. Chernyshevskaya, 94, Kharkiv, Ukraine, 61099
E-mail: karsan2002@mail.ru
- Karpukhina T. P. – Far Eastern State University of the Humanities
Ul. Karla Marksa, 68, Khabarovsk, Russia, 680000
E-mail: artemij1@rambler.ru
- Kashafutdinova Z. M. – Perm State National Research University
Ul. Bukireva, 15, Perm, Russia, 614600
E-mail: kashafutdinova_z@mail.ru
- Klimova M. N. – National Research Tomsk State University
Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050
E-mail: klimova@lib.tsu.ru
- Kovalevskaya E. N. – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
- Lisovskaya G. K. – Institute of Language, Literature and History Komi Sciences of the Russian Academy
Ul. Kommunisticheskaya, 26, Syktyvkar, Russia, 167982
E-mail: olgazijav@mail.ru
- Makogon T. I. – National Research Tomsk State University
Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050
E-mail: makogon@admin.tomsk.ru
- Morozov N. M. – Institute of Ecology of the Person of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences
Pr. Leningradskiy, 10, Kemerovo, Russia, 650065
E-mail: oven.777@mail.ru
- Mukhin O. N. – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: himan1@rambler.ru
- Nikitina D. N. – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: niki_dasha_11@sibmail.com
- Orlova O. V. – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: orlova13@sibmail.com
- Pavlova D. A. – National Research Tomsk Polytechnic University
Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050
E-mail: tpu@tpu.ru
- Pesterev S. K. – National Research Tomsk State University
Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050
E-mail: angmar@sibmail.com
- Pletneva L. M. – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: Tspu_kae@mail.ru

- Poleva Y. A. – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: polevaea@sibmail.com
- Razumova N. E. – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: razum@list.ru
- Rusanova O. N. – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: oksanikol@yandex.ru
- Rusanova O. N. – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
National Research Tomsk Polytechnic University
Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050
E-mail: oksanikol@yandex.ru
- Rytova T. A. – National Research Tomsk State University
Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050
E-mail: rytova1967@mail.ru
- Safonova E. A. – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: Safonova_k@mail.ru
- Sannikova I. R. – Amur State University of the Humanities and Pedagogy
Ul. Kirova, 17/2, Komsomolsk-na-Amure, Khabarovsk kray, Russia, 681000
E-mail: euphoria1982@mail.ru
- Sarsenova I. Z. – Astrakhan State University
Ul. Tatischeva, 20 a, Astrakhan, Russia, 414056
E-mail: 79_inna@mail.ru
- Sazonova N. I. – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
- Tchernyavskaya Y. O. – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: ucher@sibmail.com
- Trubitsyna V. V. – Kuzbass State Pedagogical Academy
Pr. Pionerskiy, 13, Novokuznetsk, Kemerovo region, Russia, 654027
E-mail: vik-tru@yandex.ru
- Tuchkova N. A. – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: natatutschkova@yandex.ru, tuchka_ru@rambler.ru
- Tyutelova L. G. – Samara State University
Ul. Akademika Pavlova, 1, Samara, Russia, 443011
E-mail: largenn@mail.ru
- Volzhanina E. A. – Institute Development of the North Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Ul. Malygina, 86, post box 2774, Tyumen, Russia, 625003
E-mail: nyabako@mail.ru
- Zaytseva T. I. – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: kvi_TSPU@mail.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

в научный журнал

«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

(TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY BULLETIN)

Журнал публикует научные материалы по следующим направлениям:

- естественные науки;
- гуманитарные науки;
- социально-экономические и общественные науки.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ.

Периодичность издания: 12 номеров в год (возможны дополнительные спецвыпуски).

Статьи аспирантов публикуются бесплатно.

Требования к материалам, представляемым к публикации:

Материалы представляются на электронных носителях (дискета, диск). На дискете (диске) должно быть два обязательных файла.

1. УДК, Ф.И.О. автора(ов), название статьи, аннотация статьи (объемом не более 10 печатных строк), ключевые слова, текст статьи, приставный список литературы (оформляется по ГОСТ Р 7.05-2008), место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, должность, почтовый адрес, телефон, факс, e-mail. Пример оформления приведен на сайте журнала.

2. На английском языке: Ф.И.О. автора(ов), название статьи, аннотация статьи, ключевые слова, место работы (учебы), почтовый адрес организации.

Для опубликования статьи авторам нужно заполнить, подписать и выслать почтой договор в двух экземплярах, который размещен на сайте журнала. Рекомендуем договор распечатывать на одной странице А4 – с двусторонним заполнением.

К электронному варианту должен прилагаться подписанный авторами печатный экземпляр статьи (с рисунками и диаграммами в тексте). Печатный экземпляр должен соответствовать электронному варианту.

Текст статьи объемом не более 16 страниц формата А4 (включая список литературы, графики, таблицы и др.) должен быть набран в текстовом редакторе (гарнитура Times, кегль 14, межстрочный интервал 1.5) и сохранен в формате RTF. Рисунки в форматах JPEG или TIFF и диаграммы, сохраненные в формате MS Excel, представляются в отдельных файлах. Поля страницы – по 2 см с каждого края.

Ссылки даются в тексте в квадратных скобках. Цитируемая литература и источники приводятся в конце статьи согласно нумерации ссылок, не по алфавиту (оформляются по ГОСТ Р 7.05-2008). Каждая публикация или неопубликованный источник (архивное дело) приводится в списке только один раз и имеет свой номер; в последующих ссылках в тексте указывается этот номер. При ссылке на несколько работ указываются все их номера.

Рукописи отправляются редакцией на независимую экспертизу и принимаются к печати при получении положительной рецензии. Порядок рецензирования статей, поступивших для публикации в «Вестник ТГПУ», размещен на сайте журнала.

Материалы, не соответствующие данным требованиям, к рассмотрению не принимаются. Присланные материалы не возвращаются. В случае отрицательного решения о публикации статьи автору направляется мотивированный отказ.

Редакция принимает предварительные заявки на приобретение последующих номеров журнала.

Присланные статьи регистрируются на официальном сайте журнала «Вестник ТГПУ» <http://vestnik.tspu.ru>

Издание включено в объединенный каталог «Пресса России». Индекс: 54235

Tomsk State Pedagogical University Bulletin

GUIDELINES FOR AUTHORS

The journal publishes scientific papers in the following areas:

- Humanities
- Social Science
- Science

Submission Requirements:

The manuscripts should be presented on electronic media (floppy / CD). On a floppy disk (CD) 2 files are required.

1. Text of the manuscript, which includes: full name of the author(s), article title, abstract (no more than 10 printed lines), keywords, main text, references.

2. Author(s) affiliation, academic degree, academic title, postal address, phone, fax, e-mail.

For publication of the article authors ought to fill out, sign and send by mail the contract in two copies, which is posted on the website of the journal. We recommend to print out the contract on one page A4 format — a two-way coverage.

The electronic version must be accompanied by a signed hard copy of the manuscript with pictures and diagrams in the text. The hard copy must match the electronic version.

The text of the article should not exceed 16 A4 pages (including references, figures, tables, etc.) should be typed in a text editor (font size is 14 pt in Times New Roman style, line spacing 1.5) and saved in RTF format. Page margins should be 2 cm from each edge. Images in JPEG or TIFF files and diagrams in MS Excel should be presented in separate files.

References are given in the text in square brackets. Each reference should be numbered in the order it first appears in the text. Lists of references should be given at the end of the article numbered according to references in the text, not in alphabetical order. Every publication or unpublished source (archive source) should be listed only once and it should have its own number. When referring to several sources indicate all of them.

Manuscripts are sent to an independent review and accepted for publication after approval. The order of review of articles, which have been received for publication in the Tomsk State Pedagogical University Bulletin, is posted on the website of the journal.

The materials that do not meet these requirements will not be accepted. Submitted materials will not be returned. In case of a negative decision about the publication of the article the author will be notified with explanations.

The editor accepts preliminary purchase orders for subsequent issues of the journal.

Records about submission can be found on the official website of the journal «Tomsk State Pedagogical University Bulletin» <http://vestnik.tspu.ru>

The journal is included into the “List of the leading reviewed scientific journals and publications, which publish basic scientific results of theses for the degree of Doctor and Candidate of Sciences” of the Highest Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.